

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

**HARVARD
COLLEGE
LIBRARY**

ТРУДЫ
КИЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ

АКАДЕМІИ.

„ KIEV. DUKH. AKAD.

„TRUDY„
~~~~~

1899.

Томъ первый.

116

К І Е В Ъ.

Типографія Императорскаго Университета св. Владимира.
Н. Т. Борчакъ-Новицкаго, Михайловская улица д. № 4.

1899.

CP 373.10

HARVARD COLLEGE LIBRARY
TREAT FUND

2061925

Печатать дозволяется 13 декабря 1890 г.

Ректоръ Киевской Духовной Академіи,

Епископъ Дмитрій.

8080
60

ОГЛАВЛЕНИЕ

перваго тома журнала „Труды Кіевской духовной Академіи“
за 1899 годъ. №№ 1—4.

Январь (№ 1-й).

1. Блаженнаго Іеронима, епископа Стридонскаго (въ русскомъ переводѣ). Двѣ книги толкованій на пророка Захарію къ Екзуперію, епископу Тулузскому. 1
2. Слово въ день памяти св. ап. Андрея Первозваннаго. Произнесено 30 ноября 1898 года въ Кіево-Андреевской церкви. Священ. *Θ. И. Титова*. 3
3. Алексѣй Степановичъ Хомяковъ. (*Продолженіе*).
В. З. Завитневича 8
4. Незабвенной памяти профессоровъ А. С. Павлова
и Н. Θ. Красносельцева. *А. А. Дмитріевскаго* . 59
5. Къ исторіи Кіевской Трехсвятительской церкви за
вторую половину XVII столѣтія *С. Т. Голубева* . 105
6. Пятидесятилѣтній юбилей преосвященнаго Силь-
вестра, епископа Каневскаго перваго викарія Кіев-
ской епархіи, почетнаго члена Кіевской духовной
Академіи 143

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

7. Извлеченіе изъ протоколовъ Совѣта Кіевской дух.
Академіи. 9 іюня 1898 года 209
8. Объявленія.

Февраль (№ 2-й).

9. Блаженнаго Іеронима, епископа Стридонскаго (въ рускомъ переводѣ). Двѣ книги толкованій на пророка Захарію въ Експедицію, епископу Тулузскому. 17
10. Слово, говоренное въ церкви Кіево-Братскаго монастыря 31 декабря 1898 года въ день годишнаго поминовенія учившихъ и учившихся въ академіи.
В. Н. Малинина 213
11. Слово въ день новаго года. Произнесено въ Кіево-Софійскомъ соборѣ. Священ. *Θ. И. Титова* . . . 220
12. Изъ исторіи гомилетики. Теорія духовнаго краснорѣчія Юнгманна *В. Θ. Пшоничкаго* 226
13. Преосвященный Кириллъ Наумовъ, епископъ мелитопольскій. (*Продолженіе*). Свящ. *Θ. И. Титова* . 248
14. Арсеній, Архіепископъ еласонскій и его вновь открытыя историческія мемуары. (*Продолженіе*). *А. А. Дмитріевскаго* 268
15. Незвѣстное полемическое сочиненіе противъ папскихъ притязаній въ юго-западной Россіи (1633 г.).
С. Т. Голубева 300
16. Рѣчь о философіи, произнесенная профессоромъ философіи А. Н. Гиляровымъ на торжественномъ ѣктѣ университета св. Владиміра, 16 января 1899 года.
П. И. Диницаго 342

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

17. Древній Востокъ при свѣтѣ Божественнаго Откровенія. Іеромон. *Платона* 449
18. Объявленіе.

Мартъ (№ 3 ѱ).

19. Блаженнаго Геронима, епископа Стридонскаго (въ русскомъ переводѣ). Двѣ книги толкованій на пророка Захарію къ Експедиціи, епископу Тулузскому. 33
20. Алексѣй Степановичъ Хомяковъ. (*Продолженіе*).
В. З. Завитневича 357
21. Большой Катихизисъ Лаврентія Зизанія. (*Окончаніе*).
Ө. М. Ильинскаго 393
22. Преосвященный Кириллъ Наумовъ, епископъ мелитопольскій. (*Продолженіе*). Свящ. *Ө. И. Титова* . 415
23. Англійская школа. По поводу изданія К. П. Побѣдоносцева: „Новая школа М. 1898“. *Н. К. Макавейскаго* 440
24. Дача Кіево-Братскаго монастыря, Церковщина. II.
А. Лашкарева 473
25. Отчетъ Церковно-Археологическаго Общества при Кіевской духовной Академіи за 1898 годъ. *Н. И. Петрова* 482

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

26. Отчетъ о состояніи Богоявленскаго Братства при Кіевской дух. Академіи для вспомошествованія нуждающимся студентамъ ея за 1898 годъ . . . 1
27. Древній Востокъ при свѣтѣ Божественнаго Откровенія. Иеромон. *Платона* 529
28. Извлеченіе изъ протоколовъ Совѣта Кіевской дух. Академіи. 9 іюня 1898 года. 225
29. Объявленія.

Апрѣль (№ 4-ѱ).

30. Блаженнаго Геронима, епископа Стридонскаго (въ русскомъ переводѣ). Двѣ книги толкованій на пророка Захарію къ Експедиціи, епископу Тулузскому. 49

31. Грѣхъ Іудинъ. Слово, сказанное въ церкви Кіево-Братскаго монастыря, въ пятокъ первой недѣли великаго поста, 5 марта 1899 года, на вечернемъ богослуженіи, извѣстномъ подъ именемъ пассіи. *В. Ѡ. Пшеницкаго* 519
32. Слово о Псалтири. Произнесено въ Кіево-Братскомъ храмѣ, въ пятокъ второй недѣли великаго поста, на пассіи. *А. А. Олесницкаго* 5 31
33. Виленское Св.-Духовское братство въ XVII и XVIII столѣтіяхъ. (*Продолженіе*). *В. Завитневича*. 578
34. Слово въ пятокъ третьей недѣли великаго поста. Дѣло жизни. Произнесено въ Кіево-Братскомъ храмѣ 19 марта 1899 г. на пассіи. *Н. К. Маккавейскаго*. 604
35. Арсеній, Архіепископъ елассонскій и его вновь открытыя историческія мемуары. (*Окончаніе*). *А. А. Дмитріевскаго* 616
36. Слово въ пятокъ четвертой недѣли великаго поста при воспоминаніи Страстей Христовыхъ. Произнесено въ церкви Кіево-Братскаго монастыря 26 марта 1899 г. *В. П. Рыбинскаго*. 639
37. Исторія дѣтской души. *М.* 648
38. Подлогъ. (Библиографич. замѣтка). Свящ. *К. Ѡоменко*. 655

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

39. Древній Востокъ при свѣтѣ Божественнаго Откровенія. Иером. *Платона*. 577
40. Извлеченіе изъ протоколовъ Совѣта Кіевской духовной Академіи 1899 г. 241

СЛОВО

въ день памяти св. ап. Андрея Первозванного ¹⁾).

„Тѣмже убо, братіе, стойте и держите преданія, и мже научистеся или словомъ, или посланіемъ нашимъ“ (2 Солун. II, 15).

Великое собраніе молящихся нынѣ въ святомъ храмѣ семъ неволью приводитъ на умъ еще большія собранія благочестивыхъ богомольцевъ, приходящихъ въ сей храмъ въ теченіе лѣтнаго времени. Буквально со всѣхъ концовъ нашего обширнаго отечества, съ сѣвера и юга, съ востока и запада стекается сюда русскій православный народъ... для чего? для того, чтобы видѣть это святое мѣсто и чтобы вознести здѣсь свою усердную молитву ко Господу.

Но что же собственно влечетъ сюда нашъ русскій благочестивый народъ? Храмъ сей необилень святынями, столь любезными для русскаго благочестія, необилень ими въ такой степени, какъ окружающіе его кіевскія обители и храмы. Не славится сей храмъ и глубокою древностію, ибо онъ есть юнѣйшій посреди древнихъ святынь Іерусалима русской земли. Не можетъ привлекать русскій православный народъ въ сему святилищу и чудная оригинальная красота его, ибо эта красота не есть произведеніе нашего русскаго благочестиваго творчества.

---

¹⁾ Произнесено 30 ноября 1898 года въ Кіево-Андреевской церкви.

Но что же, въ такомъ случаѣ, влечетъ сюда, въ сей храмъ русскихъ поклонниковъ со всѣхъ концовъ нашего отечества? Ихъ влечетъ сюда преданіе, идущее изъ глубины древнихъ временъ, преданіе, гласящее, что здѣсь, на этомъ самомъ мѣстѣ нѣкогда стоялъ св. ап. Андрей Первозванный и проповѣдывалъ евангеліе нашимъ отдаленнымъ предкамъ. Вотъ это-то преданіе, начало котораго скрывается въ глубинѣ временъ и которое съ неизмѣнною непрерывностію хранится въ сознаниі русскаго народа, и дѣлаетъ сей храмъ особенно дорогимъ, особенно любезнымъ и особенно привлекательнымъ для русскаго народа: оно-то и собираетъ сюда молящихся всегда въ великомъ множествѣ и со всѣхъ концовъ Россіи.

Но что такое, спросимъ себя, преданіе, почему оно имѣетъ такое важное значеніе въ глазахъ вѣрующаго русскаго народа?

Преданіе бываетъ различное: есть Преданіе Священное, есть преданіе церковное, хранимое и почитаемое всею христіанскою, вселенскою православною церковію, и есть, наконецъ, преданіе, хранимое нашею православною русскою церковью. Каждое изъ сихъ преданій имѣетъ свою особенную важность и каждое изъ нихъ заслуживаетъ почитанія со стороны православныхъ христіанъ.

Священное Преданіе есть Божественное Откровеніе, незаписанное въ книгахъ Св. Писанія. Спаситель нашъ, Господь Іисусъ Христосъ училъ всегда устно и не оставилъ писаннаго евангелія. Ученіе Его записали апостолы и евангелисты только уже по вознесеніи Его на небо. Но апостолами записано далеко не все то, чему училъ и что творилъ Спаситель во время земной Своей жизни. „Суть же и ина многа, яже сотвори Іисусъ, яже аще бы по единому писана быша, ни самому мноу всему міру вмѣстити пишемыхъ книгъ“, говоритъ св. евангелистъ Іоаннъ Богословъ (XXI, 25). Слѣдовательно, многое изъ ученія Спасителя не записано въ

евангеліяхъ и посланіяхъ апостольскихъ. Все то, что изъ Божественнаго ученія Спасителя не записано, и составляетъ Св. Преданіе. Все это незаписанное ученіе Спасителя сначала сохранили апостолы, которые затѣмъ передали его своимъ ученикамъ. Все это преданіе постоянно хранилось и доселѣ неизмѣнно хранится въ жизни вселенской церкви Христовой. Все то, во что вѣровали и вѣруютъ, что дѣлали и дѣлаютъ всѣ христіане, вездѣ и во всѣ времена,—все это и есть Священное, Божественное Преданіе. Вотъ, напр., мы полагаемъ на себя крестное знаменіе. Почему мы это дѣлаемъ? Въ Св. Писаніи нѣтъ прямого повелѣнія креститься, совершать крестное знаменіе. Откуда же взялся этотъ благочестивый обычай? Изъ Св. Преданія, ибо всѣ христіане, жившіе всегда и вездѣ, совершали и совершаютъ крестное знаменіе. „Какое писаніе научило насъ“,—говоритъ объ этомъ преданіи св. Василій Великій,—„къ востоку обращаться въ молитвѣ? Откуда и троекратное погруженіе человѣка и прочее, относящееся къ крещенію: отрицаться сатаны и аггеловъ его, изъ какаго взято Писаніи? Не изъ сего ли не обнародываемаго и неизречемаго ученія, которое отцы наши сохранили въ недоступномъ любопытству и вѣвѣдыванію молчаніи, бывъ основательно научены молчаніемъ охранять святую тайнствъ“? Это же Св. Преданіе разумѣть и ап. Навелъ, когда говоритъ: *„Тѣмъ же убо, братіе, стойте и держите преданія, имже научистесь или словомъ, или посланіемъ нашимъ“*.

Есть, далѣе, церковное, отеческое преданіе, хранимое вселенскою православною церковью Христовою. Когда церковь Христова начала устроиться, то явилась нужда въ правилахъ, по которымъ бы совершалось это устройство. Такія правила составлялись, вырабатывались въ собраніяхъ всѣхъ вѣрующіихъ, подъ руководствомъ ихъ пастырей—сначала апостоловъ, а потомъ ихъ преемниковъ—епископовъ. Правила эти частію были записаны потомъ, по большею частію хра-

нятся въ самой жизни и дѣятельности церкви, составляя общецерковное преданіе. Преданіе это, по самой древности своей, равно какъ и потому, что оно есть выраженіе церковнаго сознанія, заслуживаетъ глубокаго уваженія съ нашей стороны. Въ своемъ непрерывномъ преемствѣ, сохраняя неизмѣнныя основанія вѣры и всего церковнаго управленія, оно способствуетъ сохраненію единства вселенской православной церкви. Его непрерывность и неизмѣнность дѣлаетъ то, что православная церковь во всѣ времена и во всѣхъ мѣстахъ сохраняетъ то же чистое исповѣданіе вѣры, тѣ же основные законы своего благоустройства, то же священноначаліе, какое получила въ самомъ началѣ своего устроенія на землѣ. Это единство, образующее всегда единый духъ православно-вселенской церкви, составляетъ важнѣйшую основу ея цѣлости и внутренней чистоты, и главный характеръ, или признакъ единой, истинной церкви Христовой. Посему, стойте и держите, братіе, преданія, имже научитесь или словомъ, или посланіями святыхъ соборовъ, отцовъ и учителей церкви Христовой!

Наша русская православная церковь есть одна изъ самыхъ юныхъ среди православныхъ христіанскихъ церквей. Но и она имѣетъ уже свои древнія священныя преданія, которыя должны быть дороги для насъ. Вся первоначальная исторія нашей церкви, исторія распространенія и утвержденія христіанства у насъ основывается преимущественно на преданіи. Кто записывалъ, какъ очевидецъ, дѣянія св. княгини Ольги русской? Кто былъ свидѣтелемъ и записывалъ дѣянія св. равноапостольнаго князя Владиміра? Нѣтъ такихъ записей, а все это мы знаемъ по преданію, какъ и тотъ, кто первый записывалъ все это, записывалъ по преданію.

Къ числу этихъ древнихъ преданій относится и то, которое влечетъ неудержимо русскій православный народъ къ сему святому мѣсту, которое гласитъ, что здѣсь, на этомъ самомъ мѣстѣ стоялъ нѣкогда и проповѣдывалъ евангеліе св.

ап. Андрей Первозванный. Великое значеніе и дорогую цѣну имѣеть это преданіе для русскаго народа. О чемъ оно говорить? О томъ, что мы, русскіе, приняли вѣру христіанскую отъ самого Апостола, самовидца Господа Іисуса Христа, что, слѣдовательно, наша вѣра есть вѣра апостольская, Христова, вѣра истинная. Оно говорить о томъ, что и мы, русскіе, взысканы великою милостію Господа Бога. Оно говорить о томъ, что и мы ничѣмъ не меньше другихъ христіанскихъ народовъ.

Да будетъ свято и неизмѣнно хранимо преданіе сіе въ народѣ русскомъ! *„Тѣмже убо, братіе, стойте и держите преданія, имже научистесь или словомъ, или посланіемъ нашимъ“.* Аминь.

Священникъ *Θ. Титовъ.*

АЛЕКСѢЙ СТЕПАНОВИЧЪ ХОМЯКОВЪ.

(Продолженіе¹).

Оканчивая свое первое письмо объ общинѣ, Кошелевъ писалъ Хомякову: „Сдѣлай милость, не полѣнись отвѣчать мнѣ на это письмо. Наша переписка можетъ сдѣлаться очень интересною и полевною не для насъ однихъ. Я съ своей стороны обещаю тебѣ быть аккуратнымъ и добросовѣстнымъ. Если ты убѣдишь меня въ ложности моего мнѣнія, то тотчасъ въ томъ сознаюсь“. Кошелевъ исполнилъ свое обѣщаніе и на письмо Хомякова отвѣтилъ новымъ письмомъ, изъ котораго видно, что Хомяковъ не убѣдилъ его, а поэтому онъ и не нашелъ нужнымъ сознаться „въ ложности“ своего мнѣнія, хотя и призналъ, что предметъ изслѣдованія Хомяковъ обнялъ *полно*. Большая часть возраженій Кошелева уже намъ знакома. Онъ по прежнему доказываетъ, что передѣлы, даже и при 20-ти и 30-ти лѣтнемъ владѣніи, должны вредно отзываться на сельскомъ хозяйствѣ, что общинное начало не есть чисто славянская принадлежность, если же оно у насъ сохранилось лучше, то это потому, что у насъ почва дѣвственнѣе и что при дальнѣйшемъ культурномъ развитіи оно у насъ такъ же исчезнетъ, какъ исчезло оно на Западѣ, что общины въ томъ идеальномъ видѣ, въ какомъ ее представляютъ ея защитники, нигдѣ нѣтъ, а сохранившіеся остатки ея быстро идутъ къ разложенію, что западно-европейскій пролетаріатъ не есть слѣдствіе отсутствія тамъ общины,

¹) См. Труды Кіевск. дух. Академіи, за н. ноябрь 1898 г.

и отсутствіе его у насъ не есть плодъ ея существованія и т. д. Но сущность, самая, такъ сказать, соль письма Кошелева заключается не въ этомъ; она содержится въ слѣдующихъ послѣднихъ строкахъ его письма. „Для тебя общество есть высшее проявленіе человѣка,—въ совершенномъ обществѣ человѣкъ долженъ уничтожиться. Для меня общество есть зло, но зло необходимое,—какъ человѣкъ вышелъ изъ состоянія безобщественности, такъ онъ долженъ въ это состояніе и возвратиться. Чѣмъ общество совершеннѣе, тѣмъ оно въ требованіяхъ своихъ ограниченнѣе, тѣмъ личность пользуется большею свободою для развитія своихъ силъ и способностей“¹⁾. Въ этихъ немногихъ словахъ намѣчена цѣлая система мировоззрѣнія, сущность которой можно выразить такъ. Истинный смыслъ историческаго процесса заключается въ свободномъ, широкомъ, всестороннемъ развитіи личности. Но при данныхъ условіяхъ личность внѣ общества развиваться не можетъ, не можетъ потому, что ее заѣдятъ другія такія же личности. Вотъ почему люди по необходимости соединяются въ общества; это значитъ, что они отказываются отъ части своей свободы для того, чтобы, подъ прикрытіемъ законовъ общежитія, безпрепятственно пользоваться остальною частию свободы; но понятно, что гораздо лучше было бы, чтобы личность могла пользоваться всею полнотою своей свободы; а такъ какъ въ условіяхъ общежитія это невозможно, то отсюда и вытекаетъ выводъ: „общество есть зло, но зло необходимое“. Отсюда понятно, почему Кошелевъ такъ вооружается противъ древне-русской общины. Община, въ представленіи Кошелева, есть самая первобытная, самая примитивная форма человѣческаго общежитія, въ которой свобода личности доведена до минимума. Вотъ почему поддерживать общину, это значитъ стѣснять свободу развитія личности, а вмѣстѣ съ тѣмъ задерживать

¹⁾ Биограф. А. И. Кошелева. Т. II, прилож. № 22.

и процессъ историческаго развитія. Послѣ этого понятно и то, почему община сохранилась въ мало-культурной Россіи, и почему она исчезла у высоко-культурной Европы.— Иная точка зрѣнія у Хомякова. Развѣтіемъ личности Хомяковъ дорожитъ не меньше Кошелева; но въ процессъ развитія онъ не представляетъ ее ея полному произволу, а требуетъ подчиненія ея нравственному закону любви. Личность по своей природѣ эгоистична. Любовь же есть начало альтруистическое, и, какъ таковая, для своего проявленія нуждается въ общеніи: законъ любви, внѣ общенія личности съ другими личностями, проявиться не можетъ ни съ отрицательной стороны—въ смыслѣ обузданія эгоизма, ни съ положительной—въ смыслѣ развитія альтруизма. Вотъ почему общество, по представленію Хомякова, не есть зло, а есть необходимое условіе нормальнаго развитія личности. Сообразно съ этимъ измѣняется взглядъ и на самое общество: общество—это не есть случайное сдѣяніе людей, соединившихся въ силу печальной необходимости; это есть духовный организмъ, подчиняющійся въ своемъ развитіи общимъ законамъ всякой органической жизни: „лица, связанные между собою живою органическою цѣпью, говоритъ Хомяковъ, невольно и постоянно дѣйствуютъ другъ на друга; но для этого нужно, чтобы между ними была *органическая связь*. Разрушите ее, и живое цѣлое обратится въ прахъ, и люди-пылишки стали чужды другъ другу, и все ихъ стремленіе въ дѣйствію на другихъ людей остается безъ плода, покуда, по законамъ неисповѣдимаго Промысла, не осадутъ снова разрозненные стихіи, не окрѣпнутъ, не смочатся дождями и росами небесными и не дадутъ начала новой органической жизни¹⁾“. Вотъ почему, въ то время какъ по представленію Кошелева разложеніе личностью общества есть необходимое условіе историческаго процесса, по представленію Хомякова

¹⁾ Сочин., т. 1, стр. 189.

такое разложене есть условіе смерти и для общества и для личности; истинный же прогрессъ заключается въ развитіи началъ, лежащихъ въ основаніи даннаго общества. Теперь понятно также и то, почему Кошелевъ не могъ понять того, на что съ особою силою упиралъ въ своемъ письмѣ Хомяковъ. „Не постигаю также, пишетъ Кошелевъ, какую связь особенную общинное начало имѣетъ съ православіемъ, т. е. съ греко-россійскимъ ученіемъ христіанской церкви..., какъ Кремль, Кіевъ и Саровская пустынь могутъ быть основою и корнемъ нашей жизни; съ трудомъ догадываюсь, что мы можемъ почерпнуть существеннаго и живительнаго для общественной жизни въ нашихъ пѣсняхъ и обрядахъ...“¹⁾ То, что Кошелеву казалось ненужной, отжившей и потому достойной забвенія стариной, въ томъ Хомяковъ видѣлъ залогъ нашей будущей жизни, основу нашего дальнѣйшаго развитія. Такъ и съ нашей общиной: Кошелевъ ждетъ и не дождется, скоро-ли она разложится и исчезнетъ съ лица русской земли, какъ исчезла она на Западѣ; Хомяковъ же, напротивъ, хотѣлъ бы спасти ее, потому что онъ вѣритъ, что изъ русской общины, какъ изъ основной ячейки, „можетъ развиться цѣлый гражданскій міръ“.—Такая точна зрѣнія могла подать Кошелеву основаніе думать, что Хомяковъ и его единомышленники являются врагами прогресса, старающіеся возвратити нашу жизнь къ старымъ, къ отжившимъ ея формамъ. Хомяковъ спѣшитъ разсвѣять это недоразумѣніе. „Сдѣлай одолженіе, пишетъ онъ, отстрани всякую мысль о томъ, будто возвращеніе къ старинѣ сдѣлалось нашею мечтою. Одно дѣло: совѣтовать, чтобы корней не отрубать отъ дерева и чтобы заличить неосторожно сдѣланные нарубь, и другое дѣло: совѣтовать оставить только корни и, такъ сказать, снова вколотать дерево въ землю. Исторія свѣтитъ назадъ, а не впередъ, говоришь ты; но путь пройденный долженъ опредѣлять

¹⁾ Биограф. Кошелева, *ibid.* стр. 107.

и будущее направление. Если съ дороги сблизься, первая задача—воротиться на дорогу“¹⁾).

Хомяковъ надѣялся, что изъ нашей общины „можетъ развиться цѣлый гражданскій міръ“. Въ то время, когда писались эти строки, у Хомякова были особыя побужденія мечтать объ этомъ. Письмо объ общинѣ писалось въ 1849 г., т. е. тогда, когда ближайшіе итоги *февральской* революціи для Франціи, а за нею и для всей Европы, уже были подведены. Революція эта была явленіемъ столько же политическимъ, сколько и соціально-экономическимъ. Она вызвана была столько же анти-правительственной реакціей, сколько и экономическимъ положеніемъ рабочаго класса и идеями Сень-Симона, Фурье и др. Не забудемъ, что въ рядахъ ея дѣятелей видное мѣсто занимали Люи Бланъ и Марксъ. За февральскими днями послѣдовали іюньскіе, когда поднятый рабочими пожаръ пришлось потушить потоками крови. Напрасно изобрѣтательныя головы старались помочь горю при помощи такихъ попытокъ и проектовъ, какъ „національныя мастерскія“, „общественныя мастерскія“, „рабочія ассоціаціи“ и др. Посторонній наблюдатель изъ всей этой суетни выносилъ то впечатлѣніе, что Европа безсильна въ рѣшеніи вопросовъ, выдвинутыхъ ея собственною жизнію. Особенно характерно сознание этого безсилія Европы отразилось у нашего Герцена. „Когда многіе надѣялись, писалъ онъ въ декабрѣ (21-го) 1849 г., мы говорили имъ, это не выздоровленіе, это румянецъ чахотки. Смѣлше мыслію, дерзкіе на языкъ, мы не побоялись ни изслѣдовать зло, ни высказать его, а теперь выступаетъ холодный потъ на лбу. Я первый блѣднѣю, трушу передъ темной ночью, которая наступаетъ; дрожь пробѣгаетъ по кожѣ при мысли, что наши предсказанія сбываются—такъ скоро, что ихъ совершеніе—такъ неотразимо... Прощай отходящій міръ, прощай Европа!—Среди этого хаоса, среди этого предсмертнаго томленія и му-

¹⁾ Русск. Арх. *ibid* стр. 263—264.

чительнаго возрожденія, среди этого міра, распадающагося въ прахъ вокругъ колыбели, взоры невольно обращаются къ *Востоку*. Чѣмъ же именно этотъ Востокъ можетъ освѣтить охваченный ночью Западъ? Оказывается, что представитель этого Востока, „русскій человѣкъ, равнодушный, неспособный ко всѣмъ политическимъ вопросамъ — *бытомъ своимъ ближе всѣхъ европейскихъ народовъ подходитъ къ новому соціальному устройству*“, а сущность этого быта заключается въ общинѣ. Вотъ почему, думаетъ Герценъ, „сохранить общину и дать свободу лицу, распространить сельское и волостное self—government по городамъ и всему государству, сохраняя народное единство,—вотъ въ чемъ состоитъ вопросъ о будущемъ Россіи, т. е. вопросъ той же соціальной антиноміи, которой рѣшеніе занимаетъ и волнуетъ умы Запада“¹⁾.

Если одинъ изъ самыхъ рьяныхъ западниковъ могъ возлагать на нашу общину такія надежды, то тѣмъ естественнѣе это было для Хомякова, всегда вѣрившаго въ міровое призваніе Русскаго народа. „Всеобщее стремленіе во всей Европѣ, пишетъ онъ въ томъ же письмѣ къ Кошелеву, свидѣтельствуетъ объ одномъ, о борьбѣ *капитала и труда* и о необходимости помирить этихъ двухъ соперниковъ или слить ихъ выгоды. Стремленіе всеобщее и разумное встрѣчаетъ вездѣ неудачу; неудача же происходитъ не отъ какой нибудь теоретической невозможности, но отъ невозможности практической, именно отъ нравовъ рабочаго класса. Эти нравы—плодъ жизни, *убившей всю старину съ ея обычаями* (т. е. плодъ развитія въ смыслѣ вигизма), не допускаютъ ничего истинно общаго, ибо не хотятъ уступить ничего изъ правъ личнаго произвола. Для нихъ недоступно убѣжденіе, что эта уступка есть уже сама по себѣ выгода для лица: ибо, уступая часть своего произвола, оно *становится выше, какъ лицо нравственное*, прямо дѣйствующее на всю массу

¹⁾ Сочинен. т. V, стр. 135, 178, 280, 283.

общественную посредствомъ живого, а не отвлеченнаго или словеснаго общенія. Это убѣжденіе будетъ доступно или, лучше сказать, необходимо присуще человѣку, *выросшему на общинной почвѣ*. Община промышленная есть или будетъ развитіемъ общины земледѣльческой¹⁾. Послѣдняя мысль казалась Кошелеву особенно сомнительною. „Крестьяне могутъ имѣть общину въ твоёмъ смыслѣ, пишетъ онъ въ своемъ первомъ письмѣ, потому что они будутъ имѣть землю въ общемъ, нераздѣльномъ владѣніи и потому, что они почти всегда дома и всѣ вмѣстѣ, но ремесленники, торговцы—какъ могутъ они составлять общину въ твоёмъ смыслѣ? Вѣрно ты не потребуешь, чтобы они всѣ свои заработки слагали въ одну общую кассу?“²⁾. На это Хомяковъ отвѣчаетъ: „Учрежденіе артелей въ Россіи довольно извѣстно; оно оцѣнено иностранцами; оно имѣетъ кругъ дѣйствія шире всѣхъ подобныхъ учрежденій въ другихъ земляхъ. Отчего? Оттого, что въ артели собираются люди, которые съ малыхъ лѣтъ уже жили по своимъ деревнямъ живнію общинною. Въ артеляхъ мало, почти нѣтъ, мѣщанъ, мало дворовыхъ. Вся основа—крестьяне или вышедшіе изъ крестьянства. Это не случайность, а слѣдствіе нравственнаго закона и жизненныхъ привычекъ. Конечно, я не знаю ни одного примѣра совершенно промышленной общины въ Россіи, такъ сказать фаланстера³⁾, но много есть похожаго; на примѣръ, есть мельницы, эксплуатируемыя на паяхъ, есть общія деревенскія ремесла и что еще ближе, есть деревни, которыя у купцовъ снимаютъ работу и раздаютъ ее у себя по домамъ. Все это не развито; да у насъ вся промышленность не развита. Народъ не познакомился съ машинами;

¹⁾ Русск. Арх., *ibid.*, стр. 265.

²⁾ Биограф. Кошелева, *ibid.*, стр. 105.

³⁾ Терминъ изъ доктринъ Фурье, въ которой онъ означаетъ группу аданій для коммуніи „Фаланги“, т. е. группы лицъ (изъ 1500—1800 душъ), соединенныхъ между собою интересами общаго труда.

естественная жизнь торговли нарушена. Когда простѣе устроится нашъ общій бытъ, всѣ начала разовьются и торговая или лучше сказать промышленная община образуется сама собою¹⁾.

Кто хоть сколько нибудь знакомъ съ исторіей промышленности, кто знаетъ, какую роль въ процессѣ ея развитія на Западѣ сыграла личность съ ея предприимчивостью и легкою подвижностью, съ ея жаждою наживы, словомъ, съ ея хорошими и дурными сторонами, тому надежды Хомякова на торжество общиннаго начала могутъ показаться несбыточною мечтою, какъ несбыточными оказались надежды многихъ не менѣе благородныхъ мечтателей въ томъ же родѣ. Но не забудемъ, что „община“ Хомякова есть созданный дѣйствительною жизнью уже готовый реальный фактъ, а не плодъ воображенія досужей фантазій, въ родѣ искусственно придуманной „фаланги“ Фурье. Хомяковъ надѣется лишь на дальнѣйшее развитіе того, что уже создала сама жизнь, а не того, что кому-нибудь угодно будетъ произвольно навязать этой жизни. А затѣмъ, если исторія промышленности процессомъ своего развитія говоритъ въ пользу торжества начала личнаго, то многими сторонами своихъ конечныхъ результатовъ она говоритъ противъ этого начала. Торжество въ Европѣ личнаго начала въ промышленности повело къ скопленію богатствъ въ рукахъ немногихъ и вызвало недовольство неимущаго большинства, раздѣлившаго общество на два враждебныхъ лагеря—представителей труда и представителей капитала. Вражда эта не симпатична не потому только, что она говоритъ о существованіи въ обществѣ обидчиковъ и обижаемыхъ и, слѣдовательно, о существованіи неправды: но и потому, что эта, какъ и всякая вообще вражда, составляетъ дурное условіе для нравственнаго воспитанія общества: вражда сопровождается борьбою, а борьба

¹⁾ Русск. Арх. 1884 г., кн. 2, стр., 268.

развивает дурные инстинкты и тѣмъ уродуетъ нравственную личность человѣка. Самымъ существеннымъ возраженіемъ противъ общиннаго начала всегда считалось то, что будто бы „всякая нераздѣльная общинная собственность есть каменья, которыми люди тянутся не впередъ, а назадъ“. Пусть такъ (хотя въ дѣйствительности это не вполне вѣрно); но что, скажите пожалуйста, съ того движенія впередъ, которое приводитъ въ концѣ концовъ къ тому состоянію, въ которомъ находится современная Европа? Полагаемъ, что кто интересъ жизни полагаетъ въ достиженіи не одного только внѣшняго комфорта, кто считаетъ себя христіаниномъ не по имени только, для кого слова: любовь, состраданіе, гуманность, человѣчность, — не одни пустые звуки, тотъ, послѣ всего сказаннаго, легко пойметъ, почему Хомяковъ такъ горячо отстаивалъ общинное начало, выдвигая на первый планъ его нравственно воспитательное значеніе; а намъ это только и нужно. Входить въ обстоятельное обсужденіе этого вопроса мы не можемъ, такъ какъ для этого потребовалось бы поднять значительную литературу предмета, что ужъ никоимъ образомъ не можетъ входить въ нашу задачу. Мы позволимъ себѣ только напомнить слѣдующія слова издателя разсмотрѣннаго трактата Хомякова. „Все, что потомъ писалось у насъ про общину (т. е. многіе томы), есть только сравнительно-слабое изложеніе и развитіе сказаннаго Хомяковымъ. Слишкомъ тридцать лѣтъ тому назадъ (написано въ 1884 г.) написанная статья его и теперь еще сохраняетъ всю свою цѣнность, свѣжесть и, такъ сказать, нескучаемость. Не говоримъ уже про широту и всеобщность взглядовъ, про стальную логику доводовъ“...¹⁾.

Если имѣть въ виду не фактическую разработку вопроса, а его принципиальную постановку, то съ этимъ отзывомъ вполне можно согласиться. Дѣйствительно, вопросы,

¹⁾ Русск. Арх. *ibid.*, стр. 269,

выдвинутые въ перепискѣ Хомякова съ Кошелевымъ, доводы, приведенные за и противъ, въ своихъ основныхъ положеніяхъ и по сіе время остаются одни и тѣ же. Но фактическая разработка предмета, конечно, много подвинулась впередъ и результаты ея говорятъ въ пользу Хомякова. Теперь, напримѣръ, достаточно доказано, что исчезновеніе общиннаго землевладѣнія, гдѣ оно произошло, не было слѣдствіемъ его внутренняго саморазложенія, а въ большинствѣ случаевъ было результатомъ насильственнаго дѣйствія извнѣ. Въ Европѣ, напримѣръ, общинное землевладѣніе исчезало почти вездѣ вслѣдствіе насильственнаго расхищенія общинныхъ земель привилегированными классами, бороться съ которыми земельныя общины были не въ состояніи. У насъ въ Россіи стремленіе къ разложенію общиннаго землевладѣнія путемъ развитія мелкой собственности въ общемъ крайне незначительно, а гдѣ оно замѣчается, то вызывается часто мелкими корыстными цѣлями (желаніемъ, напримѣръ, продать землю по выгодной цѣнѣ) и обыкновенно сопровождается скупкой земли кулаками, и слѣдовательно ведетъ къ обезземеленію крестьянъ и развитію пролетаріата, зла, которое, послѣ даннаго исторіей урока, не можетъ быть терпимо въ благоустроенномъ обществѣ. Для борьбы съ этимъ зломъ, какъ извѣстно, у насъ потребовался особый законъ, запрещающій переходъ крестьянскихъ земель въ руки другихъ сословій. Въ Европѣ расхищеніе общинныхъ земель привилегированными классами нерѣдко поддерживалось правительствами, которыя въ свою очередь находили опору въ литературѣ, выдвигавшей все то же соображеніе, что общинное земледѣліе съ краткосрочными передѣлами пренятствуетъ-де успѣшному развитію земледѣлія. Но фактъ блестящаго успѣха земледѣлія въ Англіи при системѣ фермерства, отмѣченный въ свое время Хомяковымъ, и въ настоящее время считается лучшимъ опроверженіемъ этого мнѣнія, а разныя усовершенствованія, вводимыя въ позднѣйшее время нашими крестьянами общин-

никами, служить новымъ подтвержденіемъ того, что общинное землевладѣніе, взятое само по себѣ, не мѣшаетъ развитію земледѣльческой культуры. Что же касается неудобствъ, вытекающихъ изъ дробленія земли на мелкіе участки при передѣлахъ, то оказывается, что они существуютъ и при системѣ мелкой собственности, съ тою только разницею, что при общинномъ землевладѣніи они гораздо легче устранимы. Впрочемъ, при имѣющейся литературѣ, особенно послѣ работы проф. А. С. Постникова (Общинное землевладѣніе), много распространяться на эту тему не приходится.

Мы позволимъ себѣ только воспользоваться заключительными строками изъ статьи по этому вопросу Кавелина, небольшой по объему, но замѣчательной по широтѣ и всесторонности анализа. Разобравъ все, что только можно сказать за и противъ общиннаго землевладѣнія, авторъ дѣлаетъ такой выводъ. Благодѣянія, вносимыя общиннымъ землевладѣніемъ въ жизнь крестьянскихъ сельскихъ массъ „такъ существенны и важны, послѣдствія, вытекающія изъ общиннаго владѣнія для цѣлаго строя народной жизни, такъ многозначительны и плодотворны, что нельзя разсматривать этотъ видъ поземельныхъ отношеній какъ предметъ только частнаго права и частнаго интереса; наравнѣ съ желѣзными дорогами, кредитными учрежденіями, отправленіемъ правосудія, способами корреспонденціи, укрѣпленіемъ имуществъ, общинное землевладѣніе есть предметъ публичнаго или общественнаго права, и касаясь одною стороною частныхъ пользъ и выгодъ, оно другою тѣсно связано съ вопросами общаго интереса и общаго благосостоянія. Если мы не хотимъ, рано или поздно, видѣть у себя зарожденіе рабочаго вопроса, со всѣми его экономическими и нравственными послѣдствіями, съ его ученіями, страстями и борьбами, мы не должны расшатывать народнаго обычая, который носитъ въ себѣ всѣ зачатки правильной экономической и поземельной организаціи, но безъ тѣхъ фантазій и миражей, въ которыхъ заблу-

дизась европейская мысль, ища выхода изъ ненормальнаго экономического положенія, созданнаго исключительнымъ и безусловнымъ господствомъ начала поземельной собственности... Теперь мы видимъ у насъ разложеніе непосредственной крестьянской семьи на ея составныя единицы. Начало индивидуальности предъявляетъ свои права весьма замѣтно. Въ такую минуту особенно важно, чтобы это начало не разнесло и не разрушило того, что составляетъ прочное основаніе благосостоянія, сѣдлости, обеспеченности и спокойствія многочисленнаго сельскаго населенія. Періодъ развитія, который оно теперь переживаетъ, очень многозначителенъ, и если мы пойдемъ по пути исключительной и безусловной индивидуализаціи поземельной собственности, то попадемъ безвозвратно на тотъ опасный путь, благодаря которому казнится теперь Европа и съ котораго сойти не будетъ уже потомъ никакой возможности, безъ глубокихъ соціальныхъ потрясеній. Поэтому то мы и должны не упразднить, а бережно охранять общинное владѣніе и пронести его неприкосновеннымъ до того времени, когда большая степень культуры, лучшее пониманіе частныхъ и общественныхъ интересовъ, сдѣлаетъ огражденіе его ненужнымъ. Возведенное въ общественное учрежденіе, укрѣпленное закономъ, выработанное и опредѣленное юридически, освобожденное отъ постороннихъ наплывовъ и примѣсей, оно дастъ намъ возможность спокойно и благополучно пережить трудный въ жизни каждаго народа періодъ индивидуализаціи; но и послѣ, когда пройдетъ этотъ періодъ, общинное землевладѣніе будетъ приносить нашей общественности, правильному ходу нашихъ внутреннихъ дѣлъ, существенную пользу, оказывать нашему развитію безчисленныя, неоцѣнимыя услуги. Общинное землевладѣніе, какъ можно видѣть уже и теперь, не предназначено двигать сельское хозяйство, толкать впередъ промышленность: оно можетъ только обезпечивать существованіе народныхъ сельскихъ массъ съ ихъ подростками. Оно не есть поприще для кипучей и

широкой промышленной дѣятельности, но есть почва, на которой может спокойно вырасти и приготовиться къ промышленной дѣятельности многочисленная народная масса, и въ то же время мѣсто прибѣжища для тѣхъ, которые изнемогаютъ и падаютъ въ непрерывной борьбѣ экономическихъ и промышленныхъ интересовъ. Для сильныхъ, предприимчивыхъ, способныхъ, даровитыхъ людей общинное владѣніе слишкомъ тѣсно и узко, и они будутъ изъ него выходить; но для слабыхъ, посредственныхъ, непредприимчивыхъ, довольствующихся немногимъ, и для неудачниковъ—а такихъ огромное большинство—общинное владѣніе есть якорь спасенія, тотъ челнокъ, или та спасительная доска, на которыхъ они могутъ держаться около берега, посреди экономическихъ тревожныхъ и бурь, поодаль отъ ожесточенной борьбы за наживу.— Эти замѣчательныя строки составляютъ прекрасное дополненіе къ тому, что сказано по этому вопросу Хомяковымъ; онѣ тѣмъ цѣннѣе, что относятся къ зрѣлому періоду (1877 г.) учено-литературной дѣятельности Кавелина¹⁾.

По убѣжденію Хомякова наша община покоится на „исконномъ обычаѣ, основанномъ на коренныхъ началахъ жизни и чувства“, встрѣчающихся „безпрестанно въ древней исторіи нашей“. Положенія этого онъ недоказываетъ, а выдвигаетъ его какъ готовую истину. А между тѣмъ въ то время, когда шла эта переписка между Кошелевымъ и Хомяковымъ, вопросъ объ исконности нашей общины и характерѣ, лежавшаго въ основаніи ея быта, далеко не былъ уясненъ въ наукѣ. Въ виду того серьезнаго значенія, какое занимаетъ теорія общиннаго быта въ системѣ историческаго міровоззрѣнія Хомякова, намъ необходимо остано­виться на ней нѣсколько подробнѣе.

Когда наши историки, во второй половинѣ сороковыхъ годовъ, занялись изученіемъ внутренняго быта нашей древ-

¹⁾ Собр. Сочин. т. 2, стр. 279—281.

ней исторіи, то мнѣнія ихъ по этому вопросу раздѣлились. Одни изъ нихъ: Соловьевъ, Кавелинъ, Чичеринъ, повдѣе Забѣлинъ и др., выступили горячими защитниками теоріи *родового быта*, впервые примененной къ объясненію нашей древне-исторической жизни проф. дерптскаго университета Эверсомъ († 1830 г.); другая же категорія ученыхъ: К. Аксаковъ, Самаринъ, Лешковъ, Бѣляевъ и др., выдвинули теорію *семейно-общиннаго быта*. На страницахъ тогдашнихъ журналовъ (Русскаго Вѣстника, Современника, Русской Бесѣды, Москвитянина, Журн. Министр. Народн. Просвѣщ.) завязалась горячая полемика, способствовавшая уясненію многихъ спорныхъ вопросовъ. Между прочимъ выяснилось, что различіе мнѣній противниковъ по центральному вопросу не такъ велико, какъ это могло казаться на первыхъ порахъ. Оказалось, напр., что сторонники теоріи родового быта подъ словомъ „родъ“ понимаютъ не настоящій *патриархальный* родъ съ деспотическою властью родоначальника, порабощеніемъ личности, полнымъ безправіемъ женщины и т. д., а родъ уже, такъ сказать, растворенный и смягченный началомъ *семейнымъ*. Они собственно настаивали на той мысли, что основная единица, изъ которой образовалось тогдашнее общество, состояло изъ лицъ, связанныхъ между собою узами крови; славяно-русскій родъ—это была разросшаяся семья. „Выражаясь какъ можно проще, говоритъ Кавелинъ, мы скажемъ, что у русскихъ славянъ былъ первоначально одинъ чисто семейственный, родственныи бытъ, безъ всякой правѣси; что русско-славянское племя образовалось въ древнѣйшія времена исключительно однимъ путемъ *нарожденія*“. Характеризуя внутреннее устройство родовой единицы, Кавелинъ говоритъ: „Внутри поселеній царствуетъ чисто *семейный* бытъ подъ управленіемъ *старшаго* рожденіемъ и лѣтами. Его власть была семейная, родительская; подвластные ему были какъ будто его дѣти и между собою соединены родственными узами и отношеніями... Люди жили сообща, не врозь, не отчужденные, какъ

потомъ; не было еще гибельнаго различія между *момъ* и *тѣмъ*—источника послѣдующихъ бѣдствій и пороковъ: всѣ, какъ члены одной семьи, поддерживали, защищали другъ друга, и обида, нанесенная одному, касалась всѣхъ. Такой быть долженъ былъ воспитать въ русскихъ славянахъ семейныя добродѣтели: кроткіе, тихіе нравы, довѣрчивость, необыкновенное добродушіе и простосердечіе¹⁾ и т. д. Подъ такой характеристикой охотно подписались бы и представители теоріи семейно-общиннаго быта, тѣмъ болѣе, что объемъ семьи они не ограничивали непременно только отцомъ и дѣтьми, а расширяли ее включеніемъ братьевъ старшаго члена семьи и ихъ дѣтей, т. е. дядей и племянниковъ²⁾. Въ свою очередь и представители теоріи родового быта соглашались съ характеристикой семьи своихъ противниковъ, но только называли эту семью родомъ. „Они (защитники семейно-общиннаго быта), замѣчаетъ И. Е. Забѣлинъ, говорятъ, что рода не было, а была *семья*, что было *семейное чувство*, *семейное начало* (жизни), какъ начало чисто нравственное, что *семейная община* любовно исполняла волю отца и т. д. Со всѣми этими утвержденіями мы *согласны вполне*. Семейное чувство, семейное начало жизни мы почитаемъ нравственною стихіею древнерусскаго быта, основою всѣхъ его жизненныхъ движеній. Мы только, желая вѣрнѣе и точнѣе обозначить свойства этого быта, именуемъ его не семейнымъ, а родовымъ, и въ той семьѣ, которую изобразила намъ общинная теорія, видимъ родъ, въ семейномъ—именно родовое чувство; въ семейной общинѣ—родовую общину или общую родню. Семьею мы именуемъ семью въ тѣсномъ, т. е. въ ея собственномъ смыслѣ, не почитая умѣстнымъ переносить этотъ смыслъ на новый своеобразный порядокъ жизни, для обозначенія котораго существуетъ свое, ему именно приличествующее слово. Родъ

¹⁾ Собраніе Сочин. Т. I, 1897 г., стр. 11 и 19.

²⁾ К. С. Аксаковъ. Полное Собр. Сочин., т. I, стр. 104.

есть семья семей, что, конечно, не одно и то же съ семьею въ обыкновенномъ смыслѣ". Вотъ почему авторъ находитъ, что споръ между представителями этихъ двухъ теорій есть въ сущности „споръ о словахъ" ¹⁾).

Семейно-общинная теорія признаетъ, что древнерусскія семьи соединялись въ общины. И представители родовой теоріи признаютъ то же. „Но была же, однако, община въ древней Руси?" спрашиваетъ тотъ же И. Е. Забѣлинъ и отвѣчаетъ: „Дѣйствительно была, и дворъ, этотъ необходимый сосудъ родового быта, своею внѣшнею стороною, тою стороною, что онъ есть собственность или часть общей земской собственности, является единицею общиннаго быта. Дворъ былъ жилищемъ семьи—рода, онъ же былъ земскимъ имуществомъ, частью земли, на которой сѣдѣло племя"... Выраженіемъ двора былъ „хозяинъ, большой. Большимъ же былъ отецъ или родоначальникъ и нѣкто другой, т. е. въ собственномъ смыслѣ старшій, большой по крови". Изъ дворовъ—хозяйствъ, владѣвшихъ участками общей земли, выростала земская община. „На особомъ хозяйствѣ могла жить одна семья, могло жить нѣсколько семей, цѣлый родъ, со многими домохозяцами; но для земской общины всѣ лица, жившія при хозяйствѣ, т. е. жившія на особомъ земскомъ хозяйствѣ, не имѣли значенія и никакого смысла. Для нея смыслъ заключался въ одномъ лишь хозяйствѣ этого хозяйства или въ тѣсномъ и непосредственномъ смыслѣ въ самомъ хозяйствѣ съ его представителемъ" ²⁾).

Нужно, впрочемъ, замѣтить, что не всѣ сторонники теоріи родового быта признавали нашу земельную общину исконнымъ явленіемъ древне-русской жизни. Б. Н. Чичеринъ, напримеръ, признавая въ ней явленіе позднѣйшее, происхождение ея объяснялъ финансовой политикою государственной власти. Но и тѣ изъ представителей родовой теоріи, кото-

¹⁾ Домашній бытъ Русскихъ Царствъ, стр. 21—22.

²⁾ Ibid., стр. 22—23.

рые признавали исконную древность общины, въ пониманіи ея внутренняго характера существенно расходились съ сторонниками семейно-общинной теоріи. Пунктомъ разногласія служилъ неодинаковый взглядъ на значеніе личности въ общинѣ. Уже изъ приведеннаго отрывка видно, что, по мнѣнію И. Е. Забѣлина, имущественные интересы въ общинѣ отодвигали чело́вѣка-домовладыку, какъ нравственную личность, на второй планъ. „Земская община, говоритъ онъ, было-ли то въ деревнѣ, въ городѣ, въ цѣлой области, являлась въ существennomъ своемъ смыслѣ общиною *хозяйствъ*, а не людей, именно, общиною дворовъ, совокупностью домохозяевъ, домовладыкъ, какъ представителей частныхъ, отдѣльныхъ хозяйствъ. Въ ней лицо разсматривалось лишь съ имущественной земской точки зрѣнія, съ точки зрѣнія владѣнія землею, сидѣнья на общей землѣ. Ясно, что здѣсь не было мѣста для *нравственныхъ опредѣленій личности, для личности самой по себѣ, для свободной личности въ нравственномъ ея значеніи и смыслѣ*, а слѣдовательно не было и нравственнаго равенства лицъ... Здѣсь наиболѣе независимое положеніе; собственно не свободное, а *своевольное*, личность могла пріобрѣсть лишь посредствомъ богатства...“¹⁾ Словомъ, „родъ“, какъ сила, всюду господствовалъ и пригнеталъ личность. Свобода личности не была вовсе мыслима“ и т. д.²⁾ Эту же мысль Кавелинъ равниваетъ путемъ сопоставленія русско-славянскихъ племенъ съ племенами германскими. Въ своемъ сужденіи по этому вопросу онъ выходитъ изъ слѣдующаго положенія: „для всѣхъ народовъ новаго, христіанскаго міра—одна цѣль: *безусловное признаніе достоинства чело́вѣка, лица и всестороннее его развитіе*“. Опѣнивая съ этой точки зрѣнія народный характеръ германцевъ и славянъ, Кавелинъ находитъ между ними существенную разницу, которая говорить не въ пользу славянъ. „Германскія племена, передовыя

¹⁾ Ibid., стр. 23—24.

²⁾ Ibid., 25.

дружины неваго міра, выступили первыя. Ихъ частія, войсковыя, непріязненныя столкновенія съ Римомъ, ихъ безпре- ставныя войны и далекіе переходы, какое-то внутреннее безпокойство и метаніе,—признаки силы, ищущей пищи и выраженія,—рано развили въ нихъ глубокое чувство личности; но подъ грубыми, дикими формами. Германцы жили разрозненно. Ихъ жестокость къ рабамъ и побѣжденнымъ была неумолима; ихъ семейныя отношенія были юридическія. Издавна появились у нихъ дружины—добровольные союзы, заключаемые для военной цѣли между храбримъ, славнымъ вождемъ и людьми, жаждавшими завоеваній и добычи. *Начало личности* положено въ основаніе этихъ союзовъ. Предводитель не былъ полномочнымъ господиномъ дружины. Она обязана была вѣрно служить ему, но и онъ обязанъ былъ дѣлиться съ ней добычей. Нарушеніе условій разрушало союзъ. Съ самаго начала всѣ отношенія германцевъ запечатлѣны этимъ началомъ личности и выражаются въ строгихъ юридическихъ формахъ. Вліяніе христіанства и римской образованности повело къ смягченію нравовъ германцевъ. „Но и смѣшавшись съ туземцами почвы, ими завоеванной, принявши христіанство, усвоивши себѣ многое изъ римской жизни и быта, они сохранили глубокую печать своей національности. Государства, ими основанныя,—явленіе совершенно новое въ исторіи. Они проникнуты личнымъ началомъ, которое принесли съ собою германцы“. Личное начало въ новозданныхъ государствахъ сначала „проникнуто эгоизмомъ и потому выражается въ условіяхъ, рѣзко обозначенныхъ, часто суровыхъ и жестокихъ формахъ. Оно создаетъ множество союзовъ въ одномъ и томъ же государствѣ“, которые „живутъ другъ возлѣ друга разобщенные или въ открытой борьбѣ“. Это несимпатичныя стороны личнаго начала; но оно имѣло и обратную сторону; изъ него, подъ разнообразными формами воспитывался человекъ, какъ нравственная личность. „Изъ области религіи мысль о безусловномъ его

достоинствѣ постепенно переходить въ міръ гражданскій и начинаетъ въ немъ осуществляться. Тогда чисто историческія опредѣленія, въ которыхъ сознавала себя личность, какъ излишнія и ненужныя, падаютъ и разрушаются, въ различныхъ государствахъ различно. Безчисленные частные союзы замѣняются въ нихъ однимъ общимъ союзомъ; котораго цѣль — всестороннее развитіе человѣка, воспитаніе и поддержаніе въ немъ нравственнаго достоинства. Эта цѣль еще недавно обозначалась. Достиженіе ея въ будущемъ¹⁾.

Въ этомъ взглядѣ Кавелина, повидимому, все просто, ясно, естественно. Основу внутреннего строя германскаго народа составляетъ начало личности. Начало это, развившійся надъ воздѣйствіемъ историческихъ условій, по преимуществу въ борьбѣ съ сосѣдами, даетъ о себѣ знать во всѣхъ формахъ быта, на всѣхъ ступеняхъ историческаго развитія; оно, такъ сказать, красною нитью проходитъ чрезъ всю исторію германскаго племени, составляя основную стихію его жизни. Но личность въ германскомъ мірѣ не остается одинокою: лица соединяются въ союзы на началахъ договорныхъ, началахъ чисто юридическихъ. Эти два элемента — личный и юридическій и легли въ основу позднѣйшей государственной жизни, быть которой, такимъ образомъ, совершенно естественно, безъ всякой ломки, выросъ изъ болѣе раннихъ формъ быта. Переходя изъ одной формы быта въ другую, личность, подъ воздѣйствіемъ римской образованности и христіанства, постепенно, такъ сказать, шлифовалась, смягчалась, культивировалась, словомъ — совершенствовалась въ одномъ главномъ направленіи, именно: въ направленіи безусловнаго признанія своего нравственнаго достоинства. А такъ какъ въ развитіи нравственнаго достоинства личности и заключается конечная цѣль всякаго историческаго развитія, то понятнo, какой блестящій историческій матеріалъ представляетъ собою германская народность. Зная эту точку зрѣнія

¹⁾ Собран. Сочин. Т. 1; 1897 г., стр. 16—17.

Кавелина, мы уже напередъ можемъ догадываться, что онъ поставитъ ее критеріемъ при оцѣнкѣ исторической правоспособности и славяно-русскаго племени. Кавелинъ такъ дѣйствительно и дѣлаетъ.

Русско-славянскія племена, говоритъ онъ, представляютъ совершенно иное явленіе. Спокойныя, миролюбивыя, они жили постоянно на своихъ мѣстахъ. *Начало личности у нихъ не существовало.* Семейственный бытъ и отношенія не могли воспитать въ русскомъ славянинѣ чувство osobности, сосредоточенности, которое ваставляетъ человѣка проводить рѣзкую черту между собою и другими и всегда и во всемъ отличать себя отъ другихъ. Такое чувство рождаетъ въ неразвитомъ человѣкѣ безпрестанная война, частныя столкновенія съ чужеземцами, одиночество между ними, опасности странствованія. Онъ привыкаетъ надѣяться и опираться только на самого себя, быть вѣчно на чеку, вѣчно на сторожѣ. Отсюда возникаетъ въ немъ глубокое сознаніе своихъ силъ и своей личности. Семейный бытъ дѣйствуетъ противоположно. Здѣсь человѣкъ какъ-то расплывается; его силы, ничѣмъ не сосредоточенныя, лишены упругости, энергіи, и распускаются въ морѣ близкихъ, мирныхъ, отношеній. Здѣсь человѣкъ убаюкивается, предается покою и нравственно дремлетъ. Онъ доврчивъ, слабъ и безпеченъ, какъ дитя. О грубомъ чувствѣ личности не можетъ быть и рѣчи. Для народовъ, призванныхъ къ всемірно-историческому дѣйствованію въ новомъ мірѣ, такое существованіе безъ начала личности невозможно. Иначе они должны бы навсегда оставаться подъ гнетомъ вѣшнихъ, природныхъ опредѣленій, жить, не живя умственно и нравственно. Ибо когда мы говоримъ, что народъ дѣйствуетъ, мыслитъ, чувствуетъ, мы выражаемся отвлеченно: собственно дѣйствуютъ, чувствуютъ, мыслятъ единицы, лица, его составляющія. Такимъ образомъ личность, сознающая сама по себѣ свое безконечное, безусловное достоинство,—есть необходимое условіе всякаго духовнаго раз-

вѣтія народа. Этими мы совсѣмъ не хотимъ сказать, что она непремѣнно должна ставить себя въ противоположность съ другими личностями, враждовать съ ними. Мы, напротивъ, думаемъ, что послѣдняя цѣль развитія—ихъ глубокое, внутреннее примиреніе“...

Этимъ опредѣляется законъ развитія нашего внутреннего быта. Оно должно было состоять въ *постепенномъ образованіи, появленіи начала личности*, и слѣд., въ постепенномъ *отрицаніи исключительно кровнаго быта*, въ которомъ личность не могла существовать. Степени развитія начала личности и совпадающія съ ними степени упадка исключительно родственнаго быта опредѣляютъ періоды и эпохи русской исторіи“.

Такъ, задача исторіи русско-славянскаго племени и германскихъ племенъ была различна. Послѣднимъ предстояло *развить историческую личность*, которую они принесли съ собою, въ личность человѣческую; *намъ предстояло создать личность*. У насъ и у нихъ вопросъ поставленъ такъ неодинаково, что и сравненіе невозможно“, хотя потомъ „и мы и они должны были выйти, и въ самомъ дѣлѣ вышли, на одну дорогу“¹⁾.

Зная эту исходную точку зрѣнія, уже напередъ можно догадаться, какъ авторъ дальше поведетъ развитіе своей мысли. Разъ признано, что первая наша задача состояла въ томъ, чтобы *развить личность*, то въ осуществленіи этой задачи и долженъ заключаться истинный смыслъ нашей древней исторіи. У Кавелина такъ дѣйствительно и выходитъ: путемъ тонкой діалектической игры онъ довольно остроумно разсуждаетъ на тему о томъ, какъ родовое начало, совершенно отвергающее личность, разлагалось началомъ семейнымъ, какъ это послѣднее въ свою очередь разложено было началомъ личнымъ, и какъ потомъ на основѣ освободившейся изъ

¹⁾ Ibid., стр. 17 - 18.

подъ родового гнета личности, при помощи юридическаго элемента, возникло уже государство и то подъ вліяніемъ идеи, принесенной варягами. Въ окончательномъ выводѣ, такимъ образомъ, получилось какъ разъ то, что въ началѣ поставлено было какъ необходимый постулатъ: „все назначеніе, конечная задача“ древней Русской исторіи „въ томъ и состояли, чтобы выработать начало личности, высвободить ее изъ подъ ига природы и кровнаго быта“. Итакъ, вся наша древняя историческая жизнь, вплоть до Петра В., имѣла лишь отрицательное значеніе; весь нашъ многовѣковой трудъ пошелъ лишь на разрушеніе стараго порядка вещей. Правда, въ результатѣ получилась личность,—это необходимое данное для будущей положительной, истинно строительной дѣятельности. Но эта личность оказалась пустою, безсодержательною: „Лицо было приготовлено древней русской исторіей, но только какъ форма, лишленная содержанія“. Такого содержанія мы, предоставленные сами себѣ, и не нашли бы, если бы не помогли намъ иноземцы: „оно (содержаніе) должно было быть принято извнѣ; лицо должно было пачать мыслить и дѣйствовать подъ чужимъ вліяніемъ“. Отсюда понятнымъ становится значеніе Петра В. и его преобразованій. „Въ Петрѣ Великомъ личность на русской почвѣ вступила въ свои безусловныя права, отрѣшилась отъ непосредственныхъ, природныхъ, исключительно-національныхъ опредѣленій, побѣдила ихъ и подчинила себѣ. Вся частная жизнь Петра, вся его государственная дѣятельность *есть первая фаза осуществленія начала личности въ русской исторіи*“¹⁾.

Итакъ, съ момента возникновенія на Руси государства, славяно-русское племя тратило свои силы на одну разрушительную работу и послѣ восьми съ половиною-вѣковаго труда достигло лишь того, что германцы вынесли уже готовымъ изъ своей колыбели. Тутъ невольно вспоминаешь остроумное за-

¹⁾ Ibid., стр. 57—58.

мѣчаніе по этому поводу Самарина: въ исторіи „Германцу оставалось выработать себя въ человѣка; Русскій долженъ былъ сперва *сдѣлать изъ себя Германца, чтобы потомъ научиться отъ него быть человѣкомъ*“¹⁾. Такая странная до панвности точка зрѣнія не была плодомъ простаго легкомыслія молодого ученаго. Кавелинъ, подобно другимъ тогдашнимъ нашимъ историкамъ, сдѣлался жертвою фальшивой системы. Сущность этой системы состоитъ въ слѣдующемъ. Сравниваются два народа: германскій и славяно-русскій; процессъ историческаго развитія перваго признается идеаломъ, нормой всякаго вообще общественнаго развитія и поэтому ставится критеріемъ для оцѣнки хода историческаго развитія втораго. Измѣряя русскую историческую жизнь нѣмецкимъ аршиномъ, историкъ естественно долженъ былъ обрывать на сломку, выбрасывать за бортъ, все то, что не подходило подъ этотъ аршинъ; а такъ какъ такимъ, неподходящимъ подъ иноземный, аршиномъ оказалось почти все положительное содержаніе нашей своеобразной исторической жизни, то оно и оказалось выброшеннымъ за бортъ. И не одинъ Кавелинъ пришелъ къ такому результату. Къ такому же результату, въ той или другой формѣ, въ той или другой степени, приходили и другіе наши представители теоріи родового быта, державшіеся той же системы изслѣдованія. Для краткости, приведемъ мѣткую характеристику, сдѣланную Самаринимъ, выводовъ другаго нашего ученаго юриста, Б. Н. Чичерина, насколько они обозначились въ раннихъ его изслѣдованіяхъ. „Въ концѣ своей книги о Русской администраціи, говоритъ Самаринъ, г. Чичеринъ сводитъ итогъ своихъ разысканій, и передъ читателемъ является длинный перечень всего не оказавшагося въ наличности. Отсутствіе союзнаго духа, отсутствіе систематическаго законодательства, отсутствіе общихъ разрядовъ и категорій, отсутствіе юридическихъ началъ и юридическаго со-

¹⁾ Сочин. т. I, стр. 43.

знанія въ народѣ, отсутствіе общихъ соображеній, отсутствіе теоретическаго образованія, и еще нѣсколько другихъ отсутствій удалось отмѣтить г. Чичерину на перечислѣннѣхъ учрежденій до-Петровской Руси.—Такъ что же въ ней присутствовало? естественно спрашиваетъ критикъ. Вѣдь жизнь народа не можетъ наполняться тѣмъ, чего въ ней нѣтъ или чего мы въ ней не нашли. Должны же мы допустить въ ней и положительное содержаніе, да и самое множество дѣйствительно или мнимо отсутствующихъ началъ можетъ быть понято только какъ признакъ рѣшительнаго преобладанія какихъ либо другихъ творческихъ силъ. Къ сожалѣнію, ихъ-то мы и не видимъ^{*)} 1).

Огисканіе этихъ другихъ творческихъ силъ, составляющихъ положительную сторону нашей исторической жизни, и ставили себѣ задачею представители теоріи семейно общиннаго быта. Въ этомъ отношеніи особеннаго вниманія заслуживаютъ воззрѣнія Самарина, во-первыхъ, потому, что они больше всего подходятъ къ мнѣніямъ Хомякова, во-вторыхъ, потому, что они въ значительной степени выяснились уже въ статьѣ: „О мнѣніяхъ Современника“, писанной за два года (1847 г.) до выше проанализированнаго письма Хомякова и прямо направленной противъ только что изложеннаго мнѣнія Кавелина. Воззрѣнія Самарина мы, конечно, воснемся настолько, насколько это необходимо для уясненія мѣста, занимаемаго письмомъ Хомякова въ однородной ему современной литературѣ.

Теоріи родового быта Самаринъ не отказывалъ въ пѣкоторыхъ заслугахъ; но онъ считалъ ее безпочвенною въ основаніи и потому недолговѣчною. „Въ ученіи о родовомъ бытѣ, говоритъ онъ, существенное заключается въ слѣдующемъ, вѣрно подмѣченномъ признакѣ: личность не играла у насъ той первостепенной роли, не представляла у насъ

*) Ibid., стр. 200—201.

тѣхъ требованій, не выдвигала такъ смѣло своего знамени, какъ на Западѣ; да и союзы не представляли того, строго-условнаго характера, тѣхъ рѣзкихъ, юридическихъ формулъ, которыя известны намъ изъ другихъ исторій; что же касается до положительныхъ свойствъ родового быта, то всѣ попытки опредѣлить ихъ *сбивались постоянно на черты семейнаго или общиннаго быта*, и, по мѣрѣ того, какъ выяснялось представленіе о нашей старинѣ, безплотный призракъ родового быта уходилъ все дальше и дальше, такъ что, наконецъ, теперь (писано въ 1857 г.) онъ уже отодвинуть въ историческую и чуть-чуть не допотопную эпоху¹⁾. Что всѣ попытки опредѣлить положительныя свойства родового быта дѣйствительно „сбивались постоянно на черты семейнаго или общиннаго быта“, это мы видѣли въ характеристикѣ этого быта Кавелинымъ и Забѣлинымъ. Такого же мнѣнія держался и Соловьевъ, находившій, что старшій въ родѣ былъ „въ отца мѣсто для младшихъ“, что „власть, сила старшаго основывалась на согласіи младшихъ; это согласіе было для старшаго *единственнымъ средствомъ къ дѣятельности, къ обнаруженію своей власти, вслѣдствіе чего младшіе были совершенно обезпечены отъ насилій старшаго, могущаго дѣйствовать только чрезъ нихъ*“²⁾. Если бы представители теоріи родового быта крѣпче держались основъ этого быта, какъ онъ выступаетъ въ патриархальномъ бытѣ римлянъ, евреевъ и др., то они характеризовали бы его иными словами и никоимъ образомъ не пришли бы къ сознанию, что ихъ споръ со сторонниками теоріи семейно-общиннаго быта есть „споръ о словахъ“. Эти двѣ формы быта имѣютъ свои характерныя, рѣзко очерченныя особенности, и смѣшивать ихъ можно только по недомыслию. Древне-римская формула, которою опредѣлялись права родоначальника въ родѣ, гласила: „*Qui ex te et uxore tua nascitur, in tua potestate est. Item qui ex fi-*

¹⁾ Сочин., *ibid.*, стр. 201—202.

²⁾ Изгор. Россіи, т. 1, изд. 6, стр. 57.

lio tuo et uxore ejus nascitur, id est nepos tuus et neptis, atque in tua sunt *potestate* et pronepos et deinceps caeteri". А въ чемъ заключалась эта „*potestas*“ родоначальника, это видно изъ словъ благословенія библейскимъ Исаакомъ своихъ сыновей. Благословляя Иакова, принятого ошибочно за первенца Исава, Исаакъ, между прочимъ, говоритъ: „Да послужать тебѣ народы, и да поклонятся тебѣ племена; будь *господиномъ* надъ братьями твоими, и да поклонятся тебѣ сыны матери твоей“. Когда обманъ обнаружился и возвратившійся съ охоты Исаавъ сталъ просить и себѣ благословенія, Исаакъ отвѣтилъ ему: „вотъ, я поставилъ его (Иакова) *господиномъ* надъ тобою, и всѣхъ братьевъ его отдалъ ему въ рабы“, и, въ утѣшеніе на горькія жалобы обманутаго младшимъ братомъ первенца, отецъ могъ только сказать: „будетъ же время, когда воспротивишься, и свергнешь *мю ею съ оми твоей*“. Таково было право родоначальника въ истинно-родовомъ быту. А чѣмъ это право было на дѣлѣ, это видно изъ факта принесенія Авраамомъ въ жертву Исаака: кто, кромѣ Бога, могъ бы воспрепятствовать Аврааму умертвить своего сына?—Вотъ бытъ, къ которому въ точномъ, строго научномъ, смыслѣ можетъ быть приложимо названіе *родового*. Что же общаго этотъ бытъ имѣетъ съ бытомъ, охарактеризованнымъ только что приведенными словами Соловьева, гдѣ старшій въ родѣ былъ „въ отца мѣсто для младшихъ“, гдѣ „власть, сила старшаго основывалась на согласіи младшихъ“, гдѣ „младшіе были совершенно обезпечены отъ насилій старшаго“ и т. д. Называть этотъ послѣдній бытъ *родовымъ*, это значитъ вводить смуту представленій и въ терминологию и въ соединяемыя съ нею понятія. Эта смута представленій и замѣтна дѣйствительно у сторонниковъ теоріи родового быта, которые, характеризуя якобы родовой бытъ, по мѣткому замѣчанію Самарина, „сбивались постоянно на черты семейнаго или общинаго быта“.

Признавая за теоріей родового быта заслугу въ томъ,
Труды Кіев. дух. Академіи. Т. I. 1899 г.

что она выдвинула вопросъ о сравнительномъ значеніи личности въ древнемъ бытѣ народовъ германскихъ и славяно-русскихъ, Самаринъ возражаетъ противъ дѣйствительнаго рѣшенія этого вопроса. Онъ, напр., не думаетъ, чтобы личность играла ужъ такое исключительное значеніе въ исторіи Запада, какъ это доказывалъ Кавелинъ. „Неужели, спрашиваетъ онъ, всѣ явленія ея (исторіи Запада) представляютъ только моменты развитія одного начала—личности? Вѣдь это противно самымъ простымъ, элементарнымъ понятіямъ, почерпаемымъ изъ всей исторической литературы французской и нѣмецкой“. И затѣмъ, ссылаясь на авторитетъ Гизо, онъ видитъ въ западной исторіи „встрѣчу, борьбу и какое-то отрицательное примиреніе въ равновѣсіи трехъ началъ: личности, выражаемой германскимъ племенемъ, отвлеченнаго авторитета, перешедшаго по наслѣдству отъ древняго Рима и христіанства. Последнее начало, само по себѣ дѣльное, въ Западной Европѣ распалось на два историческія явленія, подъ тѣми же категоріями авторитета и личности. Римскій міръ понялъ христіанство подъ формою католицизма, германскій міръ—подъ формою протестантизма“. Въ Европѣ дѣйствительно возлагались большія надежды на развитіе начала личности; но это начало уже успѣло заявить себя съ такой стороны, что теперь нельзя не замѣтить разочарованія въ этихъ надеждахъ. „На разныхъ тонахъ цвѣтается одна тема: скорбное признаніе несостоятельности человѣческой личности и безсиліе такъ называемаго индивидуализма. Что значать эти упреки современному обществу въ эгоизмъ и личной корысти? Они обратились теперь въ общія мѣста; но въ искренности основнаго чувства нельзя сомнѣваться“. Положительная сторона этого чувства свидѣтельствуетъ о потребности *крѣпкаго, самостоятельнаго начала, собирающаго личности*. Эта потребность сильно высказалась въ соціальныхъ школахъ, вышедшихъ изъ революціи и ей обязанныхъ своимъ существованіемъ. Старая терминологія революціи: свобода, личность, равенство, въ новѣйшихъ школахъ замѣ-

няется словами: *общеніе, братство* и другими, заимствованными изъ семейнаго или общиннаго быта. Въ этихъ и подобныхъ имъ явленіяхъ новѣйшей эпохи уже можно замѣтить „признаки направленія, заключающаго въ себѣ если не зародышъ, то переходъ къ будущему; постарайтесь по нимъ вдуматься въ этотъ ожидаемый, новый порядокъ, и рѣшите по совѣсти: которое племя къ нему ближе и способнѣе осуществитъ его, способнѣе не по степени относительной развитости, но по существу своему, опредѣленному самимъ авторомъ (Кавелинымъ)? Германцы-ли, въ „которыхъ частыя, вѣковыя, непрязненные столкновения съ Римомъ, непрерывныя войны развили глубокое чувство личности, которые жили разрозненно, которыхъ жестокость къ рабамъ и побѣжденнымъ была неумолима, у которыхъ семейныя отношенія опредѣлены были юридически“; или славяне, „спокойные, миролюбивые, жившіе въ своихъ мѣстахъ, не знавшіе гибельнаго различія между моимъ и твоимъ, жившіе какъ члены одной семьи, сознававшіе свои отношенія подъ формою родства, смотрѣвшіе на рабовъ и чужеземцевъ не съ юридической, а съ семейной, кровной точки зрѣнія“? Не слѣдуетъ-ли изъ всего этого, что германское племя, или, точнѣе, романо-германскій міръ дошелъ до отвлоченной формулы, до требованія такого начала, которое составляетъ *природу племени славянскаго*, что послѣднее дастъ живой, въ самомъ бытіи его заключающійся, отвѣтъ на послѣдній вопросъ западнаго міра?“.

„Если такъ, то какая была нужда славянскому племени искусственно прививать къ себѣ односторонность германскаго начала?“ Да и къ тому же нельзя „понять того логическаго процесса, посредствомъ котораго изъ германскаго начала (личности), предоставленнаго самому себѣ, изъ одной идеи личности, можетъ возникать иное общество, кромѣ искусственной, условной ассоціаціи? Какимъ образомъ—начало разобщающее обратится въ противоположное начало примиренія и единенія? Какимъ образомъ, говоря словами автора (Кавелипа), понятіе о личности перейдетъ въ понятіе о чело-

вѣкъ? Само собою разумѣется, что послѣднее принимается въ смыслѣ абсолютной нормы, обязательнаго закона, а не отвлеченнаго родового понятія, заключающаго въ своей широкой и равнодушной средѣ всѣ возможныя проявленія личности¹⁾.

Затѣмъ, самое то положеніе Кавелина, что „начало личности у славянъ не существовало“, едва ли можетъ быть доказано. Прежде всего, говоря о личности, „должно различать личность съ характеромъ исключительности, ставящую себя мѣриломъ всего, изъ себя самой создающую свои опредѣленія, и личность, какъ органъ сознанія“. Можно ли доказать, что у славянъ не было личности въ этомъ послѣднемъ смыслѣ? „Что бы такое, говоритъ Самаринъ, могло дать намъ право заключать, что тамъ, гдѣ господствуетъ бытъ семейный, нѣтъ личности въ смыслѣ сознанія, или что тотъ, кто живетъ подъ опредѣленіемъ семейнаго родства, не сознаетъ въ себѣ возможности отрѣшиться отъ него, или что человѣкъ, который никогда не билъ другого и не бьетъ его, не сознаетъ своей силы, или, наконецъ, что человѣкъ, еще не лишившій себя жизни, не знаетъ, что онъ живетъ?“²⁾.

Кавелинъ, говоря объ условіяхъ, способствовавшихъ развитію личности на Западѣ и о причинахъ отсутствія ея у насъ, противопоставляетъ воинственный бытъ германцевъ мирному быту славяно-русовъ. Нѣтъ сомнѣнія, что борьба, какъ и всякая вообще дѣятельность, способствуетъ болѣе быстрому развитію борющихся и вообще дѣйствующихъ силъ. Отъ того-то русскій богатырь, родившійся въ семьѣ мирнаго крестьянина, долженъ тридцать три года сиднемъ просидѣть прежде, чѣмъ почувствуетъ притокъ своихъ богатырскихъ силъ. Но за то, смотрите, какія силы воспитываетъ эта мирная среда; говоримъ не о физическихъ, а о нравственныхъ силахъ. Сравните

1) Сочинен., *ibid.*, стр. 37—40.

2) *Ibid.*, стр. 44.

нравственный типъ Ильи Муромца, этого гуманнѣйшаго, благороднѣйшаго изъ богатырей, съ героями хотя бы знаменитой *Пѣсни о Нибелунгахъ*. Что представляютъ изъ себя эти Гунтеры, Зигфриды, Кримгильды, Брунгильды, какъ не воплощеніе мести, злобы, коварства, вѣроломства и другихъ отрицательныхъ сторонъ нравственной личности человѣка, воспитываемыхъ обыкновенно долгою ожесточенною борьбою. Не ясно ли, что борьба хотя и закаляетъ личность, но за то она и нравственно уродуетъ ее, развивая въ ней начало эгоизма. Начальныя страницы нашей исторіи не знаютъ типовъ аналогичныхъ вышеуказаннымъ. Нѣчто подходящее, пожалуй, представляетъ виновница мести древлянамъ за смерть Игоря, но и та была жена варяжская, вышедшая, слѣдовательно, изъ той же среды, изъ которой вышли и Кримгильда и Брунгильда. Тогдашней женщины славяно-русскаго происхожденія, въ родѣ, напримѣръ, Ярославны изъ Слова о Полку Игоревѣ, мы и представить себѣ не можемъ въ роли героинь *Пѣсни о Нибелунгахъ*. Наконецъ, положеніе, что для развитія личности непремѣнно будто бы нужна борьба, въ самой основѣ невѣрно. Въ основѣ человѣческой индивидуальности лежитъ начало сознающее и волящее, которое, какъ таковое, по природѣ своей есть начало личное, развивающееся изъ себя, по своимъ внутреннимъ законамъ. Борьба, вызывая въ личности самодѣятельность, можетъ способствовать ускоренію ея развитія, но отсутствіе ея, однимъ своимъ фактомъ, не можетъ умертвить стремленія къ развитію, точно такъ же, какъ неупражненіе ребенкомъ мускуловъ не можетъ остановить развитіе у него мускульной системы.

На ряду съ развитіемъ индивидуализма на Западѣ долженъ былъ, по Кавелину, развиваться и взглядъ на человѣка, какъ на нравственную личность. У славяно-руссовъ же, жившихъ въ родовомъ быту, не было перваго, не могло быть слѣдовательно и втораго. Тутъ Самаринъ уличаетъ его въ противорѣчія самому себѣ. Кавелинъ говоритъ о славяно-рус-

сахъ: „Всѣ, какъ члены одной семьи, поддерживали и защищали другъ друга; обида, нанесенная одному, касалась всѣхъ... На рабовъ и чужеземцевъ они смотрѣли не съ юридической, а съ семейной, кровной точки зрѣнія“. По поводу этихъ словъ Самаринъ замѣчаетъ. „Если могла быть нанесена, почувствована и отомщена обида, значить существовало понятіе о правѣ и о возмездіи за его нарушеніе: но всего труднѣе понять, какимъ образомъ въ быту, *созданномъ природою, кровью*, могло быть такъ хорошо заѣвшимъ иностранцамъ? У дикарей, не признающихъ никакихъ другихъ отношеній кромѣ природнаго родства, заѣзжающаго чужеземца чуждаются или убиваютъ; тамъ же, гдѣ его принимаютъ какъ родного, очевидно фактъ естественнаго родства обобщился въ народномъ сознаніи до понятія о нравственномъ, человѣческомъ родствѣ и, слѣдовательно, авторъ приводитъ фактъ, который прямо противорѣчитъ его общему опредѣленію. Кажется, авторъ сознавалъ это и думалъ отдѣлаться фразою: „и на нихъ, то-есть на чужеземцевъ, простирался покровъ и благословеніе семейной жизни“; если *и на нихъ*, не родныхъ по крови съ туземцами, то значить быть послѣднихъ создала *не одна природа и кровь*“¹⁾).

Итакъ, въ противоположность Западу, гдѣ личность развилась до крайностей индивидуализма, допускающаго возможность соединенія людей или подъ условіемъ невольнаго подчиненія авторитету внѣшней власти, или подъ условіемъ формальнаго договора, слѣдовательно, на основѣ формально-юридической,—въ славяно-русскомъ мирѣ личность развилась въ такомъ направленіи и въ такой степени, что могла сознать свое нравственное достоинство, не исключющее, но побуждающее, въ интересахъ, конечно, взаимной выгоды, соединяться людей въ общины на основѣ взаимнаго довѣрія, основѣ чисто нравственной, не нуждающейся въ формаль-

¹⁾ Ibid., стр. 48.

номъ договорѣ. Такая связь людей въ славяно-русской общинѣ не исключала непременно связи родственной, основанной на узахъ крови, а равно и связи практической, основанной на пользованіи общимъ достоинствомъ, на примѣръ, землю. Нѣтъ; но не въ этомъ сущность и духъ нашей общины, а въ томъ, что здѣсь люди всякія другія основы взаимной связи одухотворили началомъ нравственнымъ, проявляющимся во взаимной любви и довѣріи. Это, конечно, не значитъ, что любовь и довѣріе практически вполнѣ осуществлялись въ славяно-русской общинѣ: здѣсь идетъ рѣчь о началѣ, которое ставилось нормой, своего рода идеаломъ жизни, — началѣ, при которомъ согласіе людей должно было достигаться не путемъ невольнаго подчиненія предписаніямъ вѣншей власти, и не путемъ формальнаго договора, а путемъ взаимнаго соглашенія, основаннаго на добровольномъ признаніи лицомъ чужихъ правъ. Словомъ, славяно-русская община покоилась на основѣ не естественно родственной, кровной, и не на юридической, а на основѣ нравственной. Вотъ этотъ-то общинный духъ, по мнѣнію представителей теоріи общинно-семейнаго быта, и составлялъ положительное начало нашей исторической жизни, которое не только не разлагалось личностью, но, напротивъ, освященное христіанствомъ въ духъ восточнаго православія, покаяющагося на началѣ соборности, росло и развивалось, мѣняя въ этомъ своемъ историческомъ движеніи лишь форму, а не содержаніе. „Семейство и родъ, говоритъ Самаринъ, представляютъ видъ общежитія, основанный на единствѣ кровномъ; городъ съ его областью—другой видъ, основанный на единствѣ областномъ и повдѣе епархіальномъ; наконецъ, единая, обнимающая всю Россію государственная община,—послѣдній видъ, выраженіе земскаго и церковнаго единства. Всѣ эти формы различны между собою, но онѣ суть только формы, моменты постепеннаго расширенія одного общиннаго начала, одной потребности жить вмѣстѣ въ согласіи и любви, потребности, сознаваемой каждымъ членомъ об-

щины, какъ верховный законъ, обязательный для всѣхъ и носящій свое оправданіе въ самомъ себѣ, а не въ личномъ произволеніи каждаго. Таковъ общинный бытъ въ существѣ его; онъ основанъ не на личности и не можетъ быть на ней основанъ, но онъ предполагаетъ высшій актъ личной свободы и сознанія—самоотреченіе“. „Въ каждомъ моментѣ его развитія онъ выражается въ двухъ явленіяхъ, идущихъ параллельно и необходимыхъ одно для другого. Вѣче родовое (напр., княжескіе сеймы) и родоначальникъ. Вѣче городское и князь. Вѣче земское или Дума и царь“.

„Первая служитъ выраженіемъ общаго связующаго начала; второе личности“¹⁾.

Этого краткаго изложенія мнѣній Кавелина и Самарина, высказанныхъ печатно еще въ 1847 году, совершенно достаточно для того, чтобы понять точки отправления, изъ которыхъ выходили въ своей перепискѣ Кошелевъ и Хомяковъ²⁾.

¹⁾ Ibid., стр. 52.

²⁾ Болѣе обстоятельное изложеніе взглядовъ, высказанныхъ по данному вопросу въ тогдашней литературѣ, не входя въ прямую нашу задачу, отдалено бы наше вниманіе далеко въ сторону. Въ этомъ вопросѣ, какъ онъ выяснился въ современной литературѣ, выступаютъ двѣ стороны: историческая и политико-экономическая. Историческая сторона этого вопроса, затронутая, какъ мы видѣли, еще во второй половинѣ сороковыхъ годовъ, сдѣлалась предметомъ горячаго обсужденія въ пятидесятые годы. Въ это время первымъ защитникомъ теоріи семейно-общиннаго быта и возражателемъ противъ теоріи родового быта выступилъ К. С. Аксаковъ въ двухъ статьяхъ: 1) „Родовое или общинное явленіе былъ изгой?“ (Московск. Вѣдом. 1850 г., № 97) и 2) „О древнемъ бытѣ у славянъ вообще и у русскихъ въ особенности“ (Московск. Сборн. 1852 г., т. 1). Толчкомъ къ новому обсужденію этого вопроса послужила статья В. Н. Чичерина: „Обзоръ историческаго развитія Сельской общины въ Россіи“ (Русск. Вѣсти. 1856 г., кн. 3 и 4). Статья эта вызвала обстоятельный критическій разборъ со стороны И. Д. Бѣлаева (Русск. Бес. 1856 г., кн. 1), на которую г. Чичеринъ отвѣтилъ анти-критической статьей: „Еще о сельской общинѣ“ (Р. Вѣсти. 1856 г., т. III и IV). Въ этотъ споръ вмѣшался С. М. Соловьевъ, напечатавшій статью: „Споръ о сельской общинѣ“ (Р. Вѣсти. 1856 г., ноябрь), на которую Бѣлаевъ отвѣтилъ антикритикой (Р. Бес. 1856 г., IV). Споръ окончился съ выходомъ въ свѣтъ извѣстнаго послѣдованія г. Чичерина: „Областная

Не трудно видѣть, что Кошелевъ стоитъ на точкѣ зрѣнія Кавелина, Хомяковъ—на точкѣ зрѣнія Самарина. Для Кошелева, такъ же, какъ и для Кавелина, конечная цѣль всякаго историческаго процесса—есть развитіе личности; вотъ почему общество, ограничивающее свободу личности, для него зло; для Хомякова же, такъ же, какъ и для Самарина, общество есть самостоятельный организмъ, который развивается по своимъ внутреннимъ законамъ, переходя изъ одной формы въ другую. Сообразно съ этимъ Кошелевъ, вслѣдъ за Кавелинымъ, и на русскую общину смотритъ какъ на остатокъ стараго патріархальнаго (родового) быта, который со временемъ долженъ исчезнуть подъ напоромъ развивающейся личности; Хомяковъ, вслѣдъ за Самаринимъ, доказываетъ, что изъ нашей общины „можетъ развиваться цѣлый гражданскій міръ“. Послѣднія слова представляютъ, очевидно, лишь болѣе сжатое воспроизведеніе мысли, выраженной Самаринимъ въ слѣдующей тирадѣ: „Нѣтъ, общинное начало составляетъ основу, грунтъ всей Русской исторіи прошедшей, настоящей и будущей; сѣмена и корни всего великаго, возносящагося на поверхности, глубоко зарыты въ его плодотворной глубинѣ, и никакое дѣло, никакая теорія, отвергающая эту основу, не достигнетъ своей цѣли, не будетъ жить“¹⁾.

учрежденіи въ Россіи въ XVII в“. 1856 г. Сочиненіе это вызвало обстоятельную рецензію Кавелина: „О книгѣ г. Чичерина“ (Отечеств. Записки 1856 г., кн. 12), по поводу которой появилась небольшая замѣтка Соловьева: „Нѣсколько дополнительныхъ словъ къ статьѣ: Споръ о сельской общинѣ“ (Р. Вѣсти. 1856. Современная Лѣтопись, т. VI, 192). Диспутъ г. Чичерина вызвалъ „Критическія Замѣчанія“ одного изъ оппонентовъ, проф. Крылова (Р. Бесѣда 1857 г., кн. 1 и 2). Тогда же появилось „Нѣсколько словъ по поводу историческихъ трудовъ г. Чичерина“ Самарина (напеч. тамъ же), и обстоятельная работа Лешкова: „Общинный бытъ древней Руси“ (Журн. Мин. Народн. Просвѣщ. 1856 г., ч. XCI, отд. II, стр. 89 и 207).—Обсужденіе политико-экономическаго и социальнаго сторонъ общиннаго вопроса вызвало еще болѣе обширную литературу, внимательный обзоръ которой см. во II т. Біограф. А. И. Кошелева, стр. 309—411.

¹⁾ Сочин., *ibid.*, стр. 51.

Послѣ этихъ разъясненій, мы можемъ опять обратиться въ крѣпостному вопросу и слѣдить за дальнѣйшимъ отношеніемъ къ нему Хомякова.

Указъ 1842 года ни на шагъ не подвинулъ крестьянскаго вопроса впередъ и вся мыслящая часть нашего общества продолжала интересоваться имъ, выдвигая его впередъ при каждомъ удобномъ случаѣ. Движеніе польскаго дворянства въ Галиціи въ 1846 году, вызвавшее возстаніе крестьянъ, не могло пройти у насъ незамѣченнымъ. Для Хомякова этотъ иноземный вопросъ былъ нашимъ собственнымъ вопросомъ, чего многіе не понимали. Характеризуя состояніе московскаго общества, онъ по этому поводу писалъ къ Самарину отъ 6 апрѣля того же 1846 года: „Неужели это не совершенная пустыня въ нравственномъ и даже умственномъ отношеніи? Понимаете ли ту глупость, которая поздравляетъ васъ (какъ это недавно случилось со мною) при пятидесяти свидѣтеляхъ, на вечерѣ и съ самою наивною благонамѣренностью, съ глупымъ движеніемъ галицкихъ дворянъ? Что же здѣсь могутъ понять, когда не понимаютъ, что между всѣми мыслями общественными или политическими Запада и моими убѣжденіями столько же симпатіи, сколько между чортомъ и ладомъ? Это меня взбѣсило потому, что тутъ открылась передо мною цѣлая бездна несповѣдимой глупости. Впрочемъ, разумѣется, я отвѣчалъ очень умѣренно и только спросилъ (зная уже про реакцію крестьянъ): „А въ всѣ что по этому случаю намѣрены дѣлать?“ Отвѣтъ: „Какъ мы? Да намъ то какое дѣло!“ На это я возразилъ: „Есть пословица: громъ не грянетъ, мужикъ не перекрестится, а я прибавлю: громъ грянетъ, а дворянинъ все таки не перекрестится!“ На это послѣдовали помахиванія головами и взгляды, полные необыкновенно глубокомысленной тупости“ ¹⁾. У обычно сдержаннаго и благодушнаго Хомякова здѣсь

¹⁾ Русск. Арх. 1879, кн. 3, 323.

слышится нѣкоторое раздраженіе, впрочемъ, совершенно естественное въ данномъ случаѣ, а поэтому и понятное.

Не встрѣчая въ обществѣ сочувствія своимъ взглядамъ на крѣпостной вопросъ, Хомяковъ естественно долженъ былъ замкнуться съ нимъ въ тѣсномъ кругу своихъ друзей, общиваясь съ ними мыслями и совмѣстно выработывая программу будущаго рѣшенія его. „Помня обѣщаніе, данное вамъ въ деревнѣ, писалъ онъ Самарину въ письмѣ отъ 1-го марта 1849 г., я записалъ кое что въ *программѣ* у Александра Николаева (Попова). Чувствую, что этого мало и слишкомъ мало, и что изъ этого малаго еще менѣе можетъ пойти въ дѣло; но что же дѣлать? Мы не привыкли думать, и отъ того и придумать не умѣемъ. Польза по крайней мѣрѣ та, что все таки мы можемъ быть не бесполезны другъ другу и наводить другъ друга на иную незамѣченную стезю. Что одинъ замыслить, то другой домыслить. Главное дѣло у насъ: не вводить и не предлагать прямо и практически полезное, но пробуждать, уяснять или вводить нормы, согласныя съ правдою и истиннымъ христіанствомъ“¹⁾. При установившемся взглядѣ на крестьянина, какъ на цѣнную вещь, помѣщики привыкли смотрѣть на разные таланты своихъ крестьянъ, какъ на цѣнный капиталъ, увеличивающій цѣнность самой вещи. При такихъ условіяхъ, въ случаѣ выкупа какогонибудь талантливаго крестьянина, на примѣръ, художника, помѣщики заламывали такую цѣну, уплатить которую иногда затруднялось даже само правительство. Въ томъ же письмѣ къ Самарину Хомяковъ даетъ такую постановку этому вопросу. „Вотъ вамъ еще маленькій намекъ. Въ программѣ упомянулъ я о *expropriation forcée* въ отношеніи къ крѣпостнымъ художникамъ. Нормою, кажется, надобно бы поставить слѣдующее: правительство не можетъ давать того, чего само не имѣетъ. Разумѣется этотъ *considerant* остается при

¹⁾ Ibid. 334.

насть; но такъ какъ умственные и нравственные силы лица не принадлежать праву принудительному (правительство можетъ отъ меня требовать, чтобы я былъ солдатомъ, но не полководцемъ), очевидно помѣщикъ можетъ получать отъ правительства только физическую нормальную силу крѣпостнаго человѣка; а представленіе ея предъ закономъ есть изъ своемъ максимумъ рекрутъ. Итакъ свыше рекрутской квотанціи (кромя случая особыхъ издержекъ со стороны помѣщика) никакого требованія быть не можетъ¹⁾.

Во время польскаго возстанія 1830—1831 года, наше правительство, желая удержать въ вѣрности себѣ крестьянъ юго-западнаго края, увѣряло ихъ, что они „никогда уже не будутъ принадлежать тѣмъ помѣщикамъ, которые возстанутъ противъ законной власти“. Обѣщаніе это не было исполнено и положеніе крестьянъ, въ виду мести помѣщиковъ и арендаторовъ поляковъ, еще ухудшилось. Последнее обстоятельство вызвало цѣлый рядъ официальныхъ заявленій правительству о необходимости ограничить крѣпостное право въ областяхъ, присоединенныхъ во время раздѣловъ Польши, а Д. Г. Бибииковъ, назначенный въ 1838 году генераль-губернаторомъ юго-западнаго края, нашелъ неисполненіе правительствомъ своихъ обѣщаній важною политическою ошибкою. Слѣдствіемъ этихъ заявленій было высочайшее утвержденіе, 15 апрѣля 1844 г., положенія комитета по дѣламъ западныхъ губерній, которымъ предписывалось въ губерніяхъ: виленьской, гродненской, ковенской, минской, кievской, волынской, подольской, витебской и моголевской учредить комитеты для разсмотрѣнія и составленія инвентарей помѣщичьимъ имѣніямъ въ западныхъ губерніяхъ,—съ цѣлью ограничить произволъ помѣщиковъ и точно опредѣлить норму крестьянскихъ повинностей. Результатомъ дѣятельности этихъ комитетовъ было составленіе извѣстныхъ инвентарныхъ правилъ,

¹⁾ Ibid. 334—335.

которыя стали вводиться по мѣстамъ съ 1845 г., и, послѣ нѣкоторыхъ измѣненій и дополненій, высочайшимъ повелѣніемъ отъ 22 декабря 1852 г., подведены были подъ одну общую форму для всего края ¹⁾. Инвентарныя правила не остались совершенно бесполезными, но они не оправдали вполне возлагавшихся на нихъ надежды. Хомяковъ, находившій, что настало время положить прочное основаніе для рѣшенія крѣпостнаго вопроса, конечно, не могъ помириться съ такою полумѣрою. „Главный недостатокъ инвентарнаго положенія, писалъ онъ Ю. Ѡ. Самарину, заключается въ томъ, что оно, повидимому, опредѣляетъ окончательныя отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ и не содержитъ въ себѣ никакого указанія на дальнѣйшее ихъ развитіе. Дѣятельность крестьянина заключена въ безвыходно-тѣсномъ кругѣ; ему даже не дано права требовать замѣны барщины оброкомъ; пусть бы лучше наложили высокій оброкъ, лишь бы крестьянинъ видѣлъ, что когда нибудь да прекратится барщина. У насъ, на Руси, барщина, усовершенствованная и подведенная подъ строгія правила, не долго продержится съ упраздненіемъ помѣщичьяго полновластія. Германія, въ этомъ случаѣ, намъ не указъ. Нашъ крестьянинъ терпѣливѣе нѣмца вынесетъ грубый произволъ; но ему нужно болѣе простора, и онъ не пойметъ свободы въ кандалахъ, хотя бы кандалы были законнаго вѣса и образцовой мѣры“ ²⁾. Видя, что въ обществѣ и правительствѣ господствуютъ два мнѣнія по крѣпостному вопросу: мнѣніе защитниковъ стараго порядка вещей и мнѣніе сторонниковъ полумѣръ, Хомяковъ требовалъ отъ лучшихъ людей протеста и „противъ прошедшаго и противъ новаго“. „Вопросъ Бибикивскій (крѣпостной), писалъ онъ А. М. Языкову, больше и важнѣе вопроса Царьградскаго. Двѣ партіи: одна хочетъ воснѣтъ въ прошлой мерзо-

¹⁾ Сочиненій. Крестьянскій вопросъ. Т. II, гл. XVI.

²⁾ Русск. Вѣст. *ibid.* 57—59. Переведено въ Сочиненіяхъ, т. I 247—248.

сти: другая хочет ее поправить новою глупостью. Гбюса добрыхъ и разумныхъ людей не слышать. Кому стыдно? Добрыхъ и разумныхъ. Отзовитесь! Надобно куда слѣдуетъ направить отовсюду настоящую мятель протестовъ и противъ прошедшаго, и противъ поваго. Кто лучше васъ можетъ это сдѣлать изъ Симбирска? Вы желаете свободы для крестьянъ, но вы человекъ практической, а не утопистъ. Разберите инвентарь въ его нелѣпности и предложите хоть проектъ мѣстнаго разрѣшенія...“¹⁾).

Въ 1854 году Самаринъ написалъ записку по крестьянскому дѣлу, которую успѣшилъ сообщить Хомякову. Познакомившись съ запиской, Алексѣй Степановичъ писалъ ея автору: „Вы подробно изслѣдовали хозяйственную сторону вопроса, но вы мало обратили вниманія на его нравственную сторону. У насъ подъ рукою неисчерпаемый запасъ матеріаловъ для развитія темы, заброшенной кѣмъ-то изъ французскихъ писателей: „L'esclavage dégrave le maître plus que l'esclave“. Обращеніе съ людьми, которыхъ нравственный судъ до насъ не доходитъ, пріучаетъ насъ жить спустя рукава; а внутреннее, хотя и затаенное, сознаніе нашей неправды передъ вами лишаетъ насъ всякой свободы суда надъ равными. Есть какая-то всеобщая стачка не проговариваться о томъ, что у всѣхъ на умѣ и на сердцѣ. Отсюда—застой мысли, дряблость воли, бесплодность нашего негодованія, и это расчетливое равнодушіе къ добру и злу, которое выносить все, кромѣ искренняго слова, затрогивающаго совѣсть“²⁾).

20 ноября 1857 года послѣдовалъ первый Высочайшій Рескриптъ объ открытіи въ губерніяхъ сѣверо-западнаго края комитетовъ для составленія проектовъ объ устройствѣ

¹⁾ Русск. Стар. 1883 г. т. XXXIX, 636.

²⁾ Русск. Бес. *ibid* 58; Сочин. Ю. О. Самарина, т. 1, 248; т. II, стр. 1, см. примѣчаніе. Самаринъ воспользовался этимъ указаніемъ Хомякова и при дальнѣйшей переработкѣ своей записки онъ внесъ въ нее особую главу: „вліяніе крѣпостнаго права на общественную нравственность“. См. Сочиненія Самарина, т. II, стр. 21.

и улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ. Съ впечатлѣніемъ, произведеннымъ на Хомякова какъ этимъ рескриптомъ, такъ и отношеніемъ къ нему современнаго общества, знакомая намъ слѣдующія характерныя строки изъ письма самаго Хомякова къ Л. М. Муромцову. „Мы брошены единымъ словомъ Царя въ самую глубь и кипѣніе жизни общественной, гражданской, политической и всякихъ жизней, кромѣ жизни покойной. Впрочемъ, зная меня, вы легко угадаете, что это никакъ не ропотъ съ моей стороны. Дадется ми Царь по сердцу моему. Великій ловецъ предъ Господомъ, какъ Немродъ, и великій освободитель людей, какъ Макавей. Вы знаете, что я все это умѣю цѣнить. Батюшка вашъ очень сочувствуетъ этому послѣднему качеству, но увѣ! грѣхъ сказать, чтобы такое сочувствіе было общимъ. Н. П. Шишковъ нисколько не приходитъ въ восторгъ, и это настроеніе довольно общее. Какъ это понять? Стоитъ ли дворянство за рабство? Нисколько, или по крайней мѣрѣ слабо; а просто оно растерялось, не знаетъ какъ за дѣло взяться; нужно подумать, а мы отъ всякой думы серьезной такъ отвыкли, что съ перваго приступа голова болитъ, и мы вымѣщаемъ свою досаду фрондерствомъ. Народъ очень хорошъ: никогда не былъ такъ послушенъ и тихъ, вовсе не отъ равнодушія, ибо онъ сильно заинтересованъ и безпрестанно объ этомъ говоритъ, но по какому то чувству, которое я иначе не могу опредѣлить какъ словомъ историческаго чувства. Таковъ долженъ быть характеръ народовъ великихъ и, не смотря на это и на важность минуты, дворяне не очнутся. Кто вянуетъ, кто засѣкаетъ по прежнему: просто гадко! Дворъ старается парализовать добрыя намѣренія Государя; мнимые аристократы хотятъ выбарыщничать невозможные барыши, надувая народъ и Царя; а за всѣмъ тѣмъ, я увѣренъ, что переломъ будетъ не къ болѣзни, а къ здорью“¹⁾.

¹⁾ Русск. Арх. 1897 г., кн. 1 стр. 318.

Вообще, „первый Высочайшій рескриптъ обрадовалъ Хомякова, какъ ранній благовѣсть, возвѣщающій паступленіе дня, послѣ долгой, томительной ночи. Вы помните, писалъ Самаринъ Погодину, какое множество оттѣнковъ обозначилось въ общественномъ мнѣніи, когда въ нестройномъ говорѣ, поднявшемся на всемъ пространствѣ Русскаго царства, мало по малу начали выясняться понятія о характерѣ и объемѣ возвѣщенной реформы. Въ то время какъ большинство видѣло въ ней не болѣе какъ смягченіе и ограпиченіе крѣпостныхъ отношеній, Хомяковъ, изъ первыхъ, понялъ необходимость полнаго освобожденія крестьянъ и предоставленія имъ земли въ собственность посредствомъ выкупа. Теперь (1860 г.) эта мысль никого не пугаетъ и ежедневно приобрѣтаетъ болѣе и болѣе поборниковъ; но на первыхъ порахъ многіе видѣли въ ней дерзкую мечту и посягательство на право собственности. Подъ вліяніемъ этихъ толковъ, составлена была А. С. Хомяковымъ записка, которой главная задача заключалась въ раскрытіи несостоятельности безвыходно-обязательныхъ отношеній, въ оправданіи выкупа, какъ необходимой, окончательной развязки предпринятой реформы, и въ опроверженіи тѣхъ доводовъ, которые заявлялись противниками выкупа, безоговорочно принимавшими начала, изложенныя въ Высочайшемъ рескриптѣ¹⁾).

Записка, о которой здѣсь упоминаетъ Самаринъ, это извѣстное письмо Хомякова Я. И. Ростовцову, первому предсѣдателю Редакціонныхъ Коммиссій, писанное въ 1858 году²⁾. Извипившись заблаговременно въ ошибкахъ, возможныхъ при отсутствіи достовѣрныхъ извѣстій относительно истинныхъ намѣреній правительства, Хомяковъ сначала указываетъ мотивы, побудившіе его въ данномъ случаѣ взяться

¹⁾ Р. Вес., *ibid.* 58—59. Сочин. Самарина, т. 1, 248.

²⁾ Письмо это издано было два раза: въ Русск. Арх. 1876 г., кн. 1 и въ I т. Полнаго Собр. Сочиненій Хомякова, изд. второе.

за перо. „Я думаю, пишетъ онъ, что при всякомъ имѣненіи внутренняго устройства государственнаго, будь оно въ области администраціи или въ области правосудія, частный человѣкъ имѣетъ право и, скажу болѣе, нѣкоторую обязанность способствовать успѣшному и разумному ходу дѣла сообщеніемъ своихъ мыслей объ немъ или обществу (если такое сообщеніе дозволяется) или тѣмъ лицамъ, которымъ дѣло по преимуществу поручено. Но эта обязанность особенно сильна и, такъ сказать, повелительна при теперешнемъ вѣпросѣ“. Ошибки въ области суда и администраціи, хотя и сопровождаются вредомъ, но онѣ легко поправимы. „При теперешнемъ дѣлѣ не то: дѣлая будущность Россіи ставится на ставку. Разумное рѣшеніе обезпечиваетъ навсегда счастье народа, ошибка же можетъ быть неисправимою: всѣ основы общества могутъ быть ею потрясены; всѣ вещественныя и нравственныя отношенія сельскихъ сословій другъ къ другу и къ государству могутъ быть искажены навсегда, и длинный рядъ неотвратимыхъ волненій и революцій можетъ быть послѣдствіемъ мѣры, задуманной для самой благой и челоуѣколюбивой цѣли. Вотъ что мнѣ даетъ смѣлость и налагаетъ обязанность писать къ вамъ“. Эта смѣлость увеличивалась въ виду ходившихъ толковъ о томъ духѣ, въ которомъ Ростовцевъ собирался приступить къ дѣлу освобожденія крестьянъ. Хомяковъ резюмируетъ содержаніе этихъ толковъ, составлявшихъ, очевидно, *ria desideria* его самого. „Говорили, пишетъ онъ, что вы намѣрены отстранить всякое переходное состояніе, всегда сопровождаемое шаткостью и, такъ сказать, неувѣренностью закона въ самомъ себѣ, слѣдовательно и нѣкоторымъ недоуѣріемъ и неуваженіемъ народа къ нему. Говорили, что вы намѣрены прямо, при объявленіи свободы народу, объявить его полноправство и прямыя отношенія къ государству, безъ всякой утѣснительной подчиненности другому сословію, и отдать ему въ неотъемлемую собственность, на правѣ общинномъ, часть той полевой земли, на которую въ продолженіе

вѣковъ лился его кровавый потъ. За эту часть земли, отходящей отъ дворянскихъ вотчинъ, дворянство (какъ говорили) должно было получить умѣренное вознагражденіе отъ казны, а казна должна была, по срокамъ, въ теченіе извѣстнаго числа годовъ, получить уплату отъ собственниковъ—крестьянскихъ міровъ“. Такое рѣшеніе даннаго вопроса Хомяковъ признаетъ простымъ, справедливымъ и вообще-прекраснымъ, а поэтому въ русскомъ обществѣ люди всѣхъ направленій нашли въ немъ тѣ или другія симпатичныя стороны. Отмѣчая далѣе тѣ именно стороны, благодаря которымъ люди различныхъ направленій встрѣтили этотъ проектъ съ сочувствіемъ, авторъ письма въ сущности указываетъ свое личное отношеніе къ нему. Люди благонамѣренные, говоритъ онъ, любящіе Отечество и уважающіе нравственный законъ христіанства, радовались прекрасной будущности Русской земли; радовались закону, удовлетворяющему всѣмъ требованіямъ правды и человѣколюбія, восколько такое удовлетвореніе возможно для общества, возросшихъ на случайностяхъ исторической жизни; радовались тому, что государство получало твердое и, можно сказать, святое основаніе въ истинно человѣческомъ устроеніи сельскаго сословія, свободнаго собственника и облеченнаго въ полноту гражданскихъ правъ по дѣламъ внутренняго суда и внутренней администраціи. Такое нравственное и христіанское основаніе общества, возможное только въ Русской землѣ, становило ее сразу выше всѣхъ другихъ народовъ, предметомъ ихъ зависти и посильнаго подражанія. Такъ думали лучшіе; но и менѣе просвѣщенные, болѣе себялюбивые или закованые въ старую привычку не отказывали въ своемъ искреннемъ одобреніи. Правда, роптали отчасти на излишнюю умѣренность вознагражденія (желая, разумѣется, неумѣреннаго), но все таки понимая, что вопросъ, поднятый такъ сильно, не можетъ уже оставаться безъ разрѣшенія; радовались скорости и простотѣ разрѣшенія; радовались тому, что собственность отходила не безъ вѣрнаго вознаграж-

деня и особенно радовались тому, что полная свобода крестьянъ, единожды надѣленныхъ землею, давала полную свободу самому помѣщику въ распоряженіи всею остальною землею, всѣмъ своимъ досугомъ, всѣми своими способностями, всѣми своими заботами. Онъ лишался господства и его злыхъ радостей; но оно замѣнялось свободой, а не горькимъ рабствомъ вещественныхъ узъ и вещественной зависимости, скрытыхъ подъ именемъ права на обязанности, трудовыя или денежныя. По совѣсти я утверждаю, что радость была общая и во всѣхъ сословіяхъ“.

Конечно, мы не повѣримъ, чтобы такъ рассуждали не лучшіе изъ тогдашнихъ дворянъ, т. е. „менѣ просвѣщенные, болѣе себялюбивые или закованные въ старую привычку“; радости крѣпостничества для истиннаго крѣпостника не могли казаться *лыми радостями*, и мысль о замѣнѣ ихъ правомъ свободнаго пользованія „всѣмъ своимъ досугомъ, всѣми своими способностями, всѣми своими заботами“ не могла соблазнить его. Такъ рассуждали немногіе лучшіе люди того времени и прежде всего самъ Хомяковъ; въ этомъ смыслѣ указанная имъ точка зрѣнія имѣютъ для біографа особенно цѣнное значеніе.

„Теперь, продолжаетъ авторъ письма, говорятъ, что этотъ (выше изложенный) прекрасный и разумный планъ брошенъ по слѣдующимъ причинамъ: а) потому что у правительства нѣтъ ни денегъ, чтобы совершить выкупъ единовременный будущей крестьянской собственности, ни кредита, чтобы пополнить денежный недостатокъ; б) потому что выкупъ полевыхъ земель у помѣщиковъ по цѣнѣ, не ими самими назначенной, есть нарушеніе права собственности; а требованія отъ крестьянъ уплаты за покупку, которой они, можетъ быть, не желали, есть нарушеніе свободы; в) потому, наконецъ, что такой крутой переходъ отъ рабства къ полной свободѣ невозможенъ и долженъ подать поводъ къ безконечнымъ волненіямъ“.

*

Оставляя пока въ сторонѣ эти возраженія, Хомяковъ считаетъ ихъ однакожъ достаточными для того, чтобы повѣрить слуху объ оставленіи правительствомъ перваго плана, и поэтому прямо переходитъ къ вопросу о томъ, чѣмъ же этотъ оставляемый планъ можетъ быть замѣненъ? „Форма рѣшенія, говоритъ онъ, неизвѣстна никому, и по всей вѣроятности еще не опредѣлена, но смыслъ ея несомнѣненъ: свобода крестьянъ, а затѣмъ или 1) устраненіе всѣхъ ихъ правъ или притязаній на полевою землю (объ усадьбахъ отдѣльно и говорить нечего) и допущеніе вольныхъ договоровъ съ помѣщиками, или 2) признаніе ихъ права на полевою землю, права, отягченнаго обязанностями въ отношеніи къ тѣмъ же помѣщикамъ“. Допуская, что оба эти проекта впереди предполагаютъ полный выкупъ земли крестьянами, авторъ письма сначала дѣлаетъ нѣсколько замѣчаній относительно юридическаго достоинства такого переходнаго состоянія.

„Первое предположеніе, говоритъ онъ, сблизило бы положеніе русскаго селянина съ положеніемъ заграничнаго и не представляло бы ничего противнаго здравому смыслу. За всѣмъ тѣмъ его вовсе допустить нельзя“. Оставляя въ сторонѣ общія соображенія, которыя можно было бы привести въ пользу такого рѣшенія этого вопроса, Хомяковъ прямо переходитъ къ указанію положительныхъ данныхъ. „У насъ, говоритъ онъ, въ теперешнемъ случаѣ есть данныя положительныя, именно: глубокое и ничѣмъ неотразимое убѣжденіе всѣхъ крестьянъ въ своихъ правахъ на нѣкоторую часть земли тѣхъ дачъ, на которыхъ они живутъ. Это вѣковое, исполненное убѣжденіе; подтвержденное всѣми законами правительства (старавшагося, въ продолженіе многихъ вѣковъ, только опредѣлить взаимныя права помѣщиковъ и крестьянъ), не можетъ быть искоренено. Уничтоженіе этихъ крестьянскихъ правъ на землю будетъ въ глазахъ крестьянъ похищеніемъ со стороны помѣщиковъ и измѣною со стороны правитель-

ства, отъ котораго они всегда ждали и теперь ждутъ защиты и обороны. Усиленная ненависть къ дворянскому сословію, съ которымъ они только съ прошлаго года начали мириться, ненависть къ правительству, которому они всегда служили и служатъ самою твердою опорою, наконецъ, рѣзня въ близкомъ или по крайней мѣрѣ недалекомъ будущемъ,—вотъ несомнѣнный исходъ обращенія крестьянъ въ безземельныхъ работниковъ! Я, упоминая о такомъ разрѣшеніи крестьянскаго вопроса потому, что есть на Святой Руси не мало людей, ослѣпленныхъ себялюбіемъ и завознымъ просвѣщеніемъ, которые вѣрятъ въ него и желаютъ его: съ своей стороны, я убѣжденъ, что правительство никогда не допуститъ такого разрѣшенія, не ради страха, но ради чувства правды и стремленія къ добру и счастью народному“.

Вторая половина разсматриваемой дилеммы состоитъ въ признаніи права крестьянъ на владѣніе частью полевой земли, права, отягченнаго какою-нибудь обязанностью трудовой или денежною въ отношеніи къ помѣщику. „Какая бы ни была форма этихъ обязанностей, общій юридическій характеръ ихъ будетъ слѣдующій: договоръ между двумя свободными лицами (помѣщикомъ и крестьянскимъ міромъ), заключенный безъ ихъ согласія третьимъ лицомъ (правительствомъ). Одного этого опредѣленія достаточно, чтобы оцѣнить всю нравственную несообразность закона, основаннаго на такихъ началахъ, а между тѣмъ это опредѣленіе есть единственно возможное. Имъ уже была осуждена инвентарная система Юго-западныхъ губерній въ самое время ея учрежденія, и мы знаемъ, что практика доказала справедливость осужденія: и крестьяне, и помѣщики только объ одномъ и думаютъ, какъ бы изъ договора выскочить, а покуда это еще невозможно, какъ его не исполнить. Распространеніе такого начала на всю Россію служило бы къ великой славѣ юриста Димитрія Гавриловича Бибикова, но никогда не перешло бы въ общее убѣжденіе тѣхъ сословій, которыхъ права слѣдовало бы опредѣлить“.

Но допустимъ, что „законъ состоялся, престъплене свободны, помѣщикъ обязанъ удѣлить имъ часть земли, а они обязаны на него работать или платить ему известную ренту. Очень хорошо. Работать? Что значитъ работать? Кѣмъ и какъ? Долженъ ли тягелецъ непременно самъ работать? Вы свободу обращаете въ самое тяжелое рабство, ибо крестьянинъ лишенъ возможности распоряжаться своими способностями и своимъ временемъ. Или можетъ онъ замѣнить себя плохимъ батракомъ или плугавымъ мальчишкой? Вы допускаете крайнюю несправедливость въ отношеніи къ помѣщику. Или можетъ крестьянинъ замѣнить себя другимъ только съ согласія помѣщика? Вы допускаете непременно надбавочный и произвольный налогъ. Но вопросъ „кѣмъ?“ можетъ быть устраненъ опредѣленіемъ „какъ?“ Ибо при достоинствѣ работы, однажды опредѣленномъ, не нужно знать, кѣмъ она будетъ совершаться. Можно ли опредѣлить самую работу? По времени? Прохаживаться по папѣ не значитъ пахать. По рабочему уроку? Опредѣлить эти уроки не только для всей Россіи, но даже для одной губерніи невозможно. И кто же будетъ судить о достоинствѣ исполненнаго урока? Какъ глубоко вспахано? Есть ли огрѣхи? Какъ обмолочено? и т. д. На каждую деревушку придется назначить по эксперту, или экспертомъ придется назначить помѣщика съ правомъ суда и казни, т. е. съ вѣрнопостными правами, или экспертство надобно предоставить міру, который, не участвовавъ въ сдѣланномъ положеніи, не приметъ и по совѣсти не можетъ принять на себя судъ надъ отдѣльными работами и отвѣтственность за нихъ. *Обязательная работа окажется сейчасъ невозможною при вольномъ работникѣ. Она осуждается собственнымъ, неизбѣжнымъ своимъ названіемъ: вольно - принудительный трудъ.*

„Вмѣсто работы положимъ деньги. Сколько? *Непременно гораздо болѣе, чѣмъ слѣдовало бы платить процентовъ съ погашеніемъ при выкупѣ; иначе помѣщикъ будетъ разоренъ.*

Итакъ, плата обязательная за землю непременно будетъ отягонительна крестьянину и все таки неудовлетворительна для помѣщика, потому что у него, на первый разъ, не будетъ капитала для заведенія новыхъ вольно наемныхъ работъ. Но чѣмъ же обезпечена уплата этой ренты? Совѣстью крестьянъ? Они не участвовали въ сдѣлѣ и, слѣдовательно, совѣстью не связаны. Властью помѣщика? Надъ людьми свободными ея нѣтъ, или самая свобода обращается въ слово безъ смысла, раздражающее и неудовлетворяющее надежды. Властью правительственною? По мнѣнію многихъ, недоимки съ казенныхъ крестьянъ не внушаютъ большого довѣрія къ такому выску; но я такого мнѣнія не раздѣляю и твердо убѣжденъ, что всѣ эти недоимки происходятъ отъ дурного распредѣленія взаимной отвѣтственности и дурного управленія. Изъ этого вовсе не слѣдуетъ однако, чтобы сборъ былъ также легокъ съ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ: тутъ со-всѣмъ иное дѣло. Казенные крестьяне смотрятъ на свою подать, какъ на повинность государственную, и понимаютъ, что законы, обезпечивающіе ее, во-первыхъ, могутъ быть строже, и, во-вторыхъ, всегда будутъ строже исполнены, потому что недоимка отзывается въ карманѣ того самаго правительства, которое имѣетъ власть взыскивать. Имущественныя средства къ взысканію съ міра или съ отдѣльныхъ крестьянъ всегда очень ограничены и легко могутъ быть утаены. Уголовныя же средства могутъ быть употребляемы только въ отношеніи къ обязанностямъ государственнымъ; приложеніе ихъ къ взысканъ въ пользу частныхъ лицъ почти невозможно и носить на себѣ характеръ безнравственности. Очевидно приходится самую поземельную ренту обратить въ налогъ, котораго выручка поступаетъ въ пользу помѣщика, чтобы скольконибудь обезпечить помѣщика; но тогда это тотъ же выкупъ, безъ капитализаціи, слѣдовательно болѣе тяжелый для крестьянина и болѣе невыгодный для помѣщика, и помѣщикъ никакъ не можетъ быть обремененъ за-

ботою о его сборѣ. Здравый смыслъ не допускаетъ такого неразумнаго соединенія юридическихъ понятій противоположныхъ другъ другу.

„Къ этимъ соображеніямъ слѣдуетъ прибавить: 1) вражду сословій, изъ которыхъ одно обложено податью въ пользу другого; 2) непріязненное отношеніе сословій къ правительству: ибо помѣщикъ, всегда не вполне удовлетворенный, будетъ считать себя обманутымъ, а крестьянинъ, обложенный налогомъ въ пользу дворянства, будетъ считать себя постоянно ограбленнымъ; 3) безнравственный характеръ налога, соединеннаго съ общинною отвѣтственностью, падающею не на собственность (что было бы разумно), но на невольное пользованіе.

„Всѣ эти формы разрѣшенія крестьянскаго вопроса очевидно дурны, отяготительны для крестьянъ, разорительны для помѣщиковъ, сопряжены съ самыми вредными нравственными послѣдствіями, какъ въ смыслѣ отношенія сословій другъ къ другу, такъ и въ смыслѣ отношенія сословій къ самому правительству“.

Противники единовременнаго полнаго выкупа вооружались противъ него во имя сохраненія правъ собственности. Хомяковъ утверждаетъ, что и при единовременномъ выкупѣ и при переходномъ состояніи отношеніе къ праву собственности одинаково; это онъ доказываетъ между прочимъ слѣдующимъ аналогичнымъ примѣромъ: „1) берется домъ безъ моего согласія въ казну, и выплачивается мнѣ за него произвольная капитальная сумма, или 2) домъ остается за мною съ тѣмъ, что наемщики опредѣляются правительствомъ, и высшая цыфра найма опять таки опредѣляется правительствомъ и все это разъ навсегда... Очевидно, во всѣхъ этихъ случаяхъ нарушеніе правъ собственности одинаково, и обвиненія, падающія на одну изъ двухъ предполагаемыхъ формъ, падаютъ точно также на другую“. Что же касается того,

что такъ называемое переходное состояніе представляетъ будто бы больше удобствъ для перехода отъ крѣпостнаго права къ свободѣ, то доказывать это, это тоже, что признавать аксіомами слѣдующія два положенія: 1) шаткость, неопредѣленность, запутанность всѣхъ отношеній и затрудненіе во всѣхъ оборотахъ составляетъ, въ вещественномъ смыслѣ, хорошій переходъ отъ одного общественнаго порядка, утвержденнаго временемъ и привычкою, къ другому, который опредѣляется закономъ; и 2) вражда, ссоры, неурядицы и безпрестанное неисполненіе обязанности, такъ легко входящія въ привычку, составляютъ, въ нравственномъ смыслѣ, хорошее приготовленіе къ мирному и строгому исполненію законовъ.

Между врагами немедленнаго освобожденія крестьянъ съ землею Хомяковъ различаетъ два типа: 1) типъ себялюбцевъ, рассчитывающихъ, что переходное время создастъ условія, при которыхъ правительство, оказавшись въ затруднительномъ положеніи, разрѣшитъ вопросъ простой передачей земель въ безусловное распоряженіе помѣщиковъ, и 2) типъ людей искренно желающихъ выкупа, но предпочитающихъ выкупъ, основанный на добровольныхъ соглашеніяхъ, выкупу одновременному и основанному на однообразной нормѣ. Последніе отстаиваютъ свою систему въ виду двухъ выгодъ: большей справедливости въ оцѣнѣхъ и большаго удобства въ добывкѣ необходимыхъ для выкупа суммъ. Возможно, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ, при добровольномъ соглашеніи, интересы справедливости будутъ соблюдены, но въ большинствѣ случаевъ получится противное. Дѣло въ томъ, что при торгѣ между помѣщикомъ и крестьянами, связанными одинаково тяжелою для обѣихъ сторонъ цѣпью наложенныхъ извнѣ обязанностей, рѣшать вопросъ о цѣнѣ будетъ не разумная и справедливая оцѣнка самой земли, а большая или меньшая твердость торгующихся, хорошее или дурное отношеніе къ власти, взыскивающей крестьянскія повинности, примѣръ сосѣдей, страхъ и т. д.

При такихъ условіяхъ вольное соглашеніе будетъ все въ выгоду сильнѣйшихъ, которые и безъ того всегда въ барышахъ; напротивъ, установленная правительствомъ опредѣленная норма будетъ спасеніемъ для слабыхъ, которые особенно и нуждаются въ покровительствѣ.

В. Завитневичъ.

(Продолженіе будетъ).

НЕЗАВВЕННОЙ ПАМЯТИ ПРОФЕССОРОВЪ

А. С. ПАВЛОВА и Н. Θ. КРАСНОСЕЛЬЦЕВА.

Русская богословская наука въ только-что истекшемъ году (1898) понесла двѣ тяжкія и, можно сказать, долго не вознаградимыя потери въ лицѣ двухъ своихъ замѣчательныхъ и плодовитыхъ представителей: заслуженнаго ординарнаго профессора Московскаго Университета *А. С. Павлова* и ординарнаго профессора Новороссійскаго Университета *Н. Θ. Красносельцева*. Оба названные ученые, завершившіе свое земное поприще на педагогической службѣ въ свѣтскихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, по своему происхожденію принадлежали духовному сословію, высшее свое образованіе и воспитаніе получили въ Казанской духовной Академіи, въ которой оба были въ началѣ своей служебной дѣятельности и профессорами одного и того же предмета—литургики, съ тою, впрочемъ, разницею, что первый изъ нихъ служилъ въ періодъ до-реформенный, соединяя съ литургіею или еkkлѣзіастикою и каноническое право, а второй, послѣ введенія устава 1869 года, преподавалъ съ литургіею уже и новую науку—церковную археологію.

I. Алексѣй С. Павловъ сынъ причетника томской епархіи (родился въ 1832 г.). По окончаніи воспитанія въ Тобольской Семинаріи, какъ даровитый питомецъ ея, онъ поступилъ въ 1854 г. для довершенія образованія въ Казанскую духовную Академію. Съ умомъ острымъ, при темпераментѣ живомъ и увлекающемся, талантливый А. С. Павловъ хотя и выдвинулся

изъ среды своихъ сотоварищей по Академіи ¹⁾ и занялъ въ спискѣ VII курса первое мѣсто, но не былъ оставленъ при Академіи бакалавромъ. Причины этого обстоятельства кроются, во-первыхъ, въ нерасположеніи новаго ректора Академіи арх. Іоанна ко всему VII курсу, доставшемуся ему въ наслѣдіе отъ предшественника арх. Агафангела ²⁾, вообще, и лично къ А. С. Павлову, въ частности, за его студенческія увлеченія и живой темпераментъ ³⁾ и, во-вторыхъ, въ желаніи ректора видѣть въ академической корпораціи молодыхъ людей съ наклонностями къ монашеству, на что Алексѣй Степановичъ не подавалъ никакихъ надеждъ. Назначенный, по окончаніи курса въ Академіи, преподавателемъ общей и русской церковной исторіи въ Казанскую духовную Семинарію, Алексѣй Степановичъ, однако же, не оставался въ Семинаріи и одного года и былъ перемѣщенъ въ Академію 11 марта 1859 года бакалавромъ по кафедрѣ каноническаго права и литургикѣ, такъ какъ желательныхъ кандидатовъ не было на лицо. Но „литургика, по замѣчанію П. В. Знаменскаго, бывшаго однимъ изъ первыхъ слушателей А. С. Павлова, не смотря на множество совершенныхъ имъ работъ по ея предмету ⁴⁾, была у него менѣ любимой наукой, и разрабатывалась имъ менѣ самостоятельно, чѣмъ каноника“ ⁵⁾. Главнымъ толчкомъ къ самостоятельнымъ изысканіямъ въ области каноническаго

¹⁾ Въ Академіи на А. С. Павлова оказалъ весьма сильное вліяніе извѣстный писатель А. П. Щаповъ, состоявшій въ это время профессоромъ русской исторіи (П. В. Знаменскій, *Исторія Казан. дух. Акад. Каз.* 1892, т. II стр. 135).

²⁾ П. В. Знаменскій. *Исторія Казан. дух. Акад., Казань.* 1891, т. I, стр. 160—161.

³⁾ Тамъ же, стр. 170.

⁴⁾ О проф. Павловѣ едва ли можно говорить, какъ плодовитомъ литургистѣ. Изъ его статей по этой специальности намъ извѣстны немногія, какъ, напр., *Страстная недѣля* (*Дух. Вѣст.* 1860, № 14), *Древніе христіанскіе праздники въ честь мучениковъ* (*Странн.* 1860, т. III) и *праздникъ Пятидесятницы* (*Дух. Вѣст.* 1861, № 23).

⁵⁾ *Исторія Казан. дух. Акад. Каз.* 1892, в. II, стр. 320.

права вообще и русско-византійскаго права въ частности послужило богатое собраніе каноническихъ сборниковъ въ рукописяхъ Соловецкой бібліотеки, переданной въ вѣдѣніе Казанской Академіи¹⁾. Съ увлеченіемъ отдавшись ихъ всестороннему изученію на первыхъ порахъ своей службы въ Академіи, Алексѣй Степановичъ заложилъ здѣсь прочныя основанія тому научному и богатому запасу свѣдѣній по излюбленной спеціальности, которымъ онъ мастерски пользовался всю свою не кратковременную жизнь, и который онъ не успѣлъ исчерпать и до самаго конца, не смотря на свою необыкновенно плодовитую дѣятельность. Доказательствомъ для сего можетъ послужить рядъ статей, напечатанныхъ въ „Византійскомъ Временникѣ“ за 1896 и 1896 годы, и множество матеріаловъ для предположенной, но не осуществившейся II части „Памятниковъ древне-русскаго каноническаго права“. Что же касается прямыхъ и очевидныхъ результатовъ его увлеченія и серьезнаго занятія каноническими памятниками на первыхъ порахъ его службы, то они сказались въ цѣломъ рядѣ изданій новыхъ и неизвѣстныхъ памятниковъ, какъ, напр., „Церковно-судебныя опредѣленія Кипріяна, митрополита новгородскаго“ (Прав. Соб. 1861, т. III), „Посланіе старца Елеазарова монастыря къ великому князю Василю Іоанновичу“ (тамъ же, 1863, т. I), „Посланіе Геннадія новгородскаго къ Московскому собору 1490 г.“ (тамъ же), „Три, доселѣ неизданныхъ, посланія князя Андрея Курбскаго“ (тамъ же, т. III), „Полемическія сочиненія инока-князя Вассіана Патрикѣева“ (тамъ же) и „Апокрифическое слово о судіяхъ и властителяхъ“ (тамъ же, 1864 г., т. I).

Съ переходомъ въ 1864 году на службу въ Казанскій Университетъ²⁾ съ званіемъ экстраординарнаго профессора по

¹⁾ На работы по каноническому праву направлялъ А. С. Павлова и ректоръ Академіи арх. Іоаннъ, пользовавшійся нерѣдко услугами трудолюбиваго молодого бакалавра для своихъ ученыхъ работъ по каноническому праву (И. В. Шаменскій. Истор. Каз. дух. Акад., в. I, стр. 212; в. II, стр. 224).

²⁾ Изъ Казани А. С. Павловъ въ 1865—66 учебн. году ѣздилъ на годъ

каедрѣ каноническаго права, которая открыта была въ нашихъ университетахъ уставомъ 1863 года, Алексѣй Степановичъ продолжалъ свою прежнюю учено-издательскую дѣятельность въ области русско-византійскаго права. Въ это время, кромѣ актовъ рѣчи „Объ участіи мірянъ въ дѣлахъ церкви съ точки зрѣнія православнаго каноническаго права“ (Учен. Записк. Казан. Унив. 1866 г.) и статьи „Личныя отношенія супруговъ по греко-римскому праву“ (тамъ же, 1865), имъ напечатаны были въ томъ же родѣ слѣдующія статьи: „О кормчей инока-внѣзя Вассіана Патрикѣева“ (тамъ же, 1864 г.) и „Два посланія великому князю Михаилу Ярославичу тверскому константинопольскаго патріарха Нифонта и русскаго инока Акиндина о поставленіи на мздѣ“ (Прав. Соб. 1867, т. II).

Блестящимъ завершеніемъ этого, можно сказать, перваго и подготовительнаго періода учено-литературной дѣятельности А. С. Павлова въ области церковной каноники и изученія памятниковъ русско-византійскаго права нужно признать его небольшое сравнительно по объему, но выдающееся по научнымъ достоинствамъ сочиненіе: „Первоначальный славяно-русскій Номоканонъ“ (Учен. Зап. Казан. Унив. 1869 г.). Ученые выводы покойнаго профессора, основанные на всестороннемъ знакомствѣ съ первоисточниками и пособіями по данному вопросу, пролили яркій свѣтъ на судьбу нашей Кормчей и сдѣлались въ настоящее время не только достояніемъ науки, но вошли дѣликомъ въ учебные курсы по церковному праву. Научный авторитетъ съ этихъ поръ прочно установился за именемъ проф. А. С. Павлова, и его ученая карьера пошла быстрыми шагами впередъ. Удостоенный за это сочиненіе преміи Академіи Наукъ, Алексѣй Степановичъ вскорѣ же, по выходѣ его въ свѣтъ, въ 1870 году былъ

въ заграничную командировку—слушать курсъ лекцій по юридическимъ наукамъ. Большую часть этого времени онъ провелъ въ Гейдельбергѣ у проф. Вагнера, о которомъ онъ хранитъ благодарныя воспоминанія до конца своей жизни.

приглашенъ на ту же кафедру, но съ званіемъ ординарнаго профессора въ Новороссійскій Университетъ.

Учено-литературная дѣятельность за шестидѣлетнее пребываніе Алексѣя Степановича въ Новороссійскомъ Университетѣ выразилась ярко главнымъ образомъ въ двухъ его капитальныхъ произведеніяхъ: 1) „Историческій очеркъ секуляризаціи церковныхъ земель въ Россіи“ (Одесс. ч. 1, 1871) и 2) „Номоканонъ при Большомъ Требникѣ, изданный вмѣстѣ съ греческимъ текстомъ, до сихъ поръ неизвѣстнымъ и съ примѣчаніями“ (Одесс. 1872 г.). Оба эти ученые изслѣдованія были премированы Академією Наукъ, а послѣднее въ частности дало юридическому факультету Новороссійскаго Университета нравственное право присудить, въ 1873 году, автору его *honoris causa* высшую ученую степень *доктора церковнаго права*. Матеріалы для перваго изъ этихъ сочиненій были собраны еще во время его службы въ Казани, въ рукописяхъ Соловецкой библіотеки, а на изслѣдованіе Номоканона при Большомъ Требникѣ онъ натолкнулся, благодаря случайному приобрѣтенію на книжномъ рынкѣ плохенькой рукописи XVI в. греческаго Номоканона, дотогѣ ему совершенно неизвѣстнаго. Это его изслѣдованіе о Номоканонѣ имѣло громаднѣйшій успѣхъ и среди спеціалистовъ ученыхъ, и въ сферахъ духовно-административныхъ, и даже въ средѣ читателей и почитателей памятниковъ древней письменности, а поэтому въ продажѣ послѣдняго времени оно совершенно не встрѣчалось. Желаніе придти на помощь жаждавшимъ имѣть это его изслѣдованіе, съ одной стороны, а съ другой, сознаніе нѣкоторой неполноты и несовершенствъ въ примѣчаніяхъ и въ текстѣ, который ему сдѣлался въ послѣдствіи извѣстенъ и по другимъ лучшимъ спискамъ, были всегда присущи отзывчивому и любившему свой предметъ до самозабвенія профессору, и онъ постоянно подготавливалъ матеріалы для втораго изданія этой книги, но успѣлъ выполнить, его едва лишь, наканунѣ своей смерти. Новое (второе)

изданіе „Номоканона при Большомъ Трѣбникѣ“ явилось лишь въ концѣ прошлаго 1897 года, но за то въ видѣ „отъ начала до конца переработанномъ“ и встрѣчено со стороны критики восторженными похвалами.

Здѣсь же, во время пребыванія на кафедрѣ въ Одесскомъ Университетѣ, Алексѣй Степановичъ, быть можетъ даже подъ вплиніемъ своихъ занятій „Номоканonomъ“, ясно созналъ необходимость болѣе близкаго знакомства съ рукописными источниками византійскаго права, а повтому неоднократно предпринималъ поѣздки изъ Одессы въ Москву для занятій въ тамошнихъ богатыхъ библіотекахъ греческихъ и славянскихъ рукописей. Плодомъ этого знакомства являются его прекрасныя статьи: „Отрывки греческаго текста каноническихъ отвѣтовъ митрополита Іоанна II“ (Зап. Импер. Акад. Наук. 1873, т. XXII, прил. № 5), „Замѣчательнѣйшія греческія рукописи каноническаго содержанія въ Московскои Синодальной библіотекѣ“ (Зап. Новор. Унив., т. XIII), „Замѣчанія на программу изданія въ русскомъ переводѣ церковныхъ правилъ съ толкованіемъ“ (тамъ же, т. XVI) и „Замѣчанія о грузинскомъ Номоканонѣ“ (Зап. Акад. Наукъ 1874, т. XXV). Болѣе близкое знакомство съ книжными богатствами первопрестольной столицы имѣло несомнѣнно рѣшающее значеніе и въ дѣлѣ перемѣны мѣста его постоянного жительства и служебнаго положенія, такъ какъ жизненныхъ выгодъ Московскій Университетъ въ 1875 году, когда совершился переходъ Алексѣя Степановича изъ Одессы въ Москву, не представлялъ никакихъ.

На кафедрѣ старѣйшаго изъ русскихъ университетовъ Московскаго Алексѣй Степановичъ явился во всеоружіи своихъ научныхъ познаній и съ прочно установившеюся за нимъ репутаціею „знаменитаго канониста“ не только въ Россіи, но даже за границею среди канонистовъ, пользующихся громадною извѣстностію и популярностію (какъ, напр., недавно скончавшійся ученый Цакаріе-фонъ-Лингенталь и др.).

Но не смотря на свою прочно установившуюся ученую репутацию и уже почтенный возраст, покойный Алексѣй Степановичъ, въ теченіи всѣхъ двадцати трехъ лѣтъ пребыванія на московской кафедрѣ, ни на минуту, можно сказать, не выпускалъ своего талантливаго пера изъ своихъ рукъ до самой смерти. Окруживъ себя, подобранною съ тонкимъ вкусомъ знатока-любителя и специалиста, библіотекою по своей наукѣ¹⁾, составленною на собственные средства, которыхъ онъ на этотъ предметъ никогда не жалѣлъ, и находясь вблизи богатыхъ рукописныхъ библіотекъ Москвы, Алексѣй Степановичъ поработалъ такъ усердно и много въ дѣлѣ разработки источниковъ русско-византійскаго права, что его московскій періодъ учено-литературной дѣятельности можетъ быть по справедливости названъ самымъ плодотворнымъ. Капитальнѣйшими его трудами за этотъ періодъ дѣятельности считаются: „Критическіе опыты по исторіи древнѣйшей греко-русской полемики противъ латинянъ“ (СПБ. 1878), „Памятники древне-русскаго каноническаго права до XV в.“ (Русск. Истор. библіот. т. VI, 1880. СПБ.), „Книги законы, содержащія въ себѣ, въ древне-русскомъ переводѣ, византійскіе законы земледѣльческіе, уголовныя, брачныя и судебныя“ (СПБ. 1885), „50 глава Кормчей книги, какъ историческій источникъ русскаго брачнаго права“ (М. 1887 г.) и

---

¹⁾ Библіотека Алексѣя Степановича богата изданіями XVII—XVIII вѣковъ, составляющими въ большинствѣ случаевъ нынѣ библиографическую рѣдкость, но видное мѣсто въ ней занимаютъ изданія библиографическаго характера: въ его библіотекѣ можно находить всѣ почти извѣстнѣйшія описанія рукописей и старопечатныхъ книгъ библіотекъ заграничныхъ и русскихъ. Покойный гордился своею библіотекою и всегда мечталъ, какъ имъ слышали изъ его устъ неоднократно, послѣ своей смерти, *безмездно* передать въ собственность родною Томскаго Университета (Алексѣй Степановичъ сибирякъ, уроженецъ Томской губерніи). Пожертвованіе, нужно правду сказать, вполне благовременное и въ высшей степени цѣнное для только-что открытаго юридическаго факультета этого университета, если, конечно, покойный профессоръ свои мечты оформилъ на бумагѣ

„Мнимые слѣды католическаго вліянія въ древнѣйшихъ памятникахъ юго-славянскаго и русскаго церковнаго права“ (М. 1892). Кромѣ этихъ обширныхъ и капитальныхъ изслѣдованій, изъ коихъ нѣкоторыя удостоились премій и золотыхъ медалей со стороны Академіи Наукъ, покойный напечаталъ нѣсколько мелкихъ, но весьма цѣнныхъ въ научномъ отношеніи, статей, относящихся также къ изученію источниковъ русско-византійскаго права, каковы напр., „О сочиненіяхъ, приписываемыхъ русскому митрополиту Георгію“ (Прав. Обзор. 1881, т. I), „Неизданный памятникъ церковнаго права XII в.“ (Журн. Мин. Нар. Просв. 1890, № 10), „Кому принадлежатъ каноническіе отвѣты, авторомъ которыхъ считался Іоаннъ, еп. китрскій“ (Визант. Временн. 1894, в. 3—4), „Синодальное постановленіе патріарха Сисинія о невѣнчаніи второбрачныхъ“ (тамъ же 1895, в. 1—2), „Каноническіе отвѣты Никиты, митрополита ираклійскаго (XI—XII в.), въ ихъ первоначальномъ видѣ и въ позднѣйшей переработкѣ Матвѣя Властаря“ (тамъ же), „Каноническіе отвѣты Никиты, митрополита солунскаго“ (тамъ же т. II, в. 3), „Синодальный актъ константинопольскаго патріарха Михаила Анхіала 1171 г. о приводѣ архіереевъ къ присягѣ на вѣрность императору Михаилу Комнину и его новорожденному сыну Алексѣю, съ формою самой присяги“ (тамъ же), „Синодальное постановленіе константинопольскаго патріарха Харитона (1177—1178) о третьемъ бракѣ, редактированное Феодоромъ Вальсамономъ“ (тамъ же в. 4), „Подложная дарственная грамота Константина Великаго папѣ Сильвестру въ полномъ греческомъ и славянскомъ переводѣ“ (тамъ же 1896, т. III, в. 1) и др.

Живой по темпераменту и весьма отзывчивый сердцемъ, Алексѣй Степановичъ не могъ оставаться равнодушнымъ и къ вопросамъ, которые ставила на очередь текущая жизнь или злоба дня, и разрѣшенія которыхъ искало современное ему общество у людей компетентныхъ, стоящихъ во всеоружіи научныхъ знаній. Вотъ почему нерѣдко талантливый и

многосвѣдущій Алексѣй Степановичъ или самъ, по личной инициативѣ, выступалъ съ отвѣтомъ на эти злобы дня, какъ напр., въ статьяхъ: „Каковъ долженъ быть каноническій судъ о причетникахъ двоенцахъ“ (Рук. для сельск. пастырей 1862 т. III), „Объ участіи мірянъ въ дѣлахъ церкви съ точки зрѣнія православно-каноническаго права“ (Учен. Зап. Каз. унив. 1866 г.), „Могутъ ли незаконнорожденные быть поставлены на священнослужительскія степени“ (Церк. вѣд. 1889, № 9), „Дополнительная историческая справка по вопросу о существованіи инквизиціи на Востокахъ“ (Моск. вѣд. 1891, № 341), „Quousque tandem? Отвѣтъ В. С. Соловьеву“ (тамъ же 1892, № 8), или же вызывался къ тому представителями высшей правительственной власти. Напр., его статья: „Есть ли твердое каноническое основаніе для содержащагося въ 253 статьѣ устава Духовныхъ консисторій правила объ осужденіи на всегдашнее безбрачіе лица, бракъ котораго расторгнуть по нарушенію имъ супружеской вѣрности?“ напечатана въ книгѣ, изданной по распоряженію Оберъ-прокурора Св. Синода: „Мнѣнія и отзывы по вопросу о правѣ лицъ, бракъ которыхъ расторгнуть по причинѣ нарушенія ими супружеской вѣрности, на вступленіе въ другой бракъ“ (СПБ. 1893 г.).

Еще болѣе отзывчивъ и чутокъ былъ покойный Алексѣй Степановичъ къ вопросамъ литературнаго характера въ излюбленной имъ спеціальности. Здѣсь, можно сказать, не осталось ни одного болѣе или менѣе выдающагося вопроса, на который бы не отозвался съ своимъ посильнымъ и иногда, по свойству своего холерическаго темперамента, рѣзко обличительнымъ и горячимъ словомъ нашъ талантливый канонистъ. Статьи: „Замѣчанія на программу изданія въ русскомъ переводѣ церковныхъ правилъ съ толкованіемъ“ (Зап. Новор. универс. т. XVI), „Новый переводъ толкованій на церковныя правила“ (Правосл. Обзор. 1876 г. т. 1), „Теорія *восточнаго* *напизма* въ новѣйшей русской литературѣ каноническаго пра-

ва“ (Прав. Обзор. 1879, т. III), „О внигѣ Заверскаго церковный судъ“ (Критич. Обзор. 1879, кн. IV), „Вопросъ о ереси жидовствующихъ на VI археологическомъ съѣздѣ—отвѣтъ Иловайскому“ (Совр. Изв. 1884, № 266), „По поводу нѣкоторыхъ недоразумѣній въ наукѣ православнаго церковнаго права“ (Чтен. въ общ. люб. дух. просв. 1891, т. 1), „*Мнимыя слѣды* католическаго вліянія въ древнѣйшихъ памятникахъ юго-славянскаго и русскаго церковнаго права“ (тамъ же 1891, т. II, 1892 т. I), „*Продолжающіяся недоумѣнія* по вопросу о воспріимчивостѣ и духовномъ родствѣ, какъ препятствіи къ браку“ (тамъ же 1893, т. I), „*По поводу полемики* противъ сенатскаго толкованія о давности въ примѣненіи къ церковнымъ землямъ“ (Русск. Обзор. 1894, № 5)—отчасти уже и своими заглавіями достаточно ясно говорятъ сами за себя. Въ свое время онѣ послужили поводомъ къ живому обмѣну мыслей между покойнымъ канонистомъ и его коллегами по специальности и не остались незамѣченными со стороны русской интеллигентной публики.

Справедливость требуетъ отмѣтить, что Алексѣй Степановичъ всегда и всюду оставался вѣренъ самому себѣ, и присущія ему качества, какъ образцоваго ученаго, вынаруживалъ въ одинаковой степени и въ большихъ капитальныхъ изслѣдованіяхъ и въ мелкой библиографической статьѣ. Обладая громадною эрудиціею, благодаря превосходному знанію языковъ классическихъ и новѣйшихъ, съ запасомъ всегда новыхъ и въ большинствѣ случаевъ неизвѣстныхъ въ наукѣ давныхъ, извлеченныхъ изъ манускриптовъ не только нашихъ русскихъ библіотекъ, но-и важнѣйшихъ заграничныхъ¹⁾,

¹⁾ Въ своихъ ученыхъ роисканіяхъ А. С. Павловъ нерѣдко пользовался незаданными матеріалами заграничныхъ библіотекъ, которые ему доставляли ученые профессора Лондона, Оксфорда, Парижа, Мюнхена, Вѣршиа, Лейпцига и другихъ городовъ Европы, получая отъ него за любезность, въ свою очередь, справки и копіи для себя въ московскихъ книгохранилищахъ. Иногда Алексѣй Степановичъ вынуждался дѣлать копіи съ рукописей заграничныхъ библіотекъ

онъ принимался за работу или изслѣдованіе того или иного вопроса не прежде, какъ выносить его хорошо въ душѣ своей и почувствуетъ себя въ силѣ дать надлежащій отвѣтъ. Отсюда, при чтеніи его диссертаций и статей, невольно поражается и изумляется не столько глубинѣ мысли, строгой и ясной послѣдовательности ея и эрудиціи по главному вопросу, сколько тѣмъ детальнымъ примѣчаніямъ, которыми обыкновенно испещрялись всѣ его ученыя работы. Проф. Павловъ не только всесторонне изслѣдовалъ извѣстный вопросъ, но, можно сказать, не оставлялъ иногда и мѣста другому поработать по тому же вопросу, а повтому къ его авторитетному мнѣнію прислушивались съ уваженіемъ даже и его литературные недруги. Вотъ почему, между прочимъ, мы, раздѣляя, высказанное почтеннымъ доцентомъ М. духовной Академіи И. М. Громогласовымъ въ его прочувствованной и содержательной поминкѣ по проф. Павлову, сожалѣніе о томъ, что покойный авторитетный профессоръ не успѣлъ выпустить въ свѣтъ II тома „Памятниковъ древне-русскаго каноническаго права“ XVI—XVII вв., не раздѣляемъ въ тоже время его увѣренности, „что найдется лицо *способное и готовое* принять на себя разборку и приведеніе въ извѣстность оставшихся матеріаловъ“ (Богослов. Вѣстн. 1898, № 9, стр. 335 прим., 1). Сколько намъ лично извѣстно, матеріаловъ для этого тома собрано сравнительно немного, и состоятъ они лишь изъ неизданныхъ въ свѣтъ митрополичьихъ и епископскихъ грамотъ,—это во первыхъ, а во вторыхъ, главное содержаніе этого тома, по предположенію ученаго издателя, долженъ былъ составить, такъ называемый, „Стоглавъ“, списки котораго Алексѣй Степановичъ началъ изучать сравнительно недавно и имѣлъ ихъ у себя ограниченное количество. А мѣжду тѣмъ для II тома „древне-рус-

---

и за весьма почтенную плату копістамъ, прося когонибудь изъ своихъ заграничныхъ друзей лишь о свѣрѣхъ копіи съ оригиналовъ.

скаго каноническаго права“ важное дѣло избрать *основной текстъ* „Стоглава“, такъ какъ Алексѣй Степановичъ не удовлетворялся спискомъ „Стоглава“ въ изданіи Казанской духовной Академіи, подыскать лучшіе и древнѣйшіе списки для вариантовъ, однимъ словомъ, произвести тщательную учено-критическую работу надъ текстомъ этого важнаго памятника XVI в., что, по нашему мнѣнію, далеко не по силамъ лицу, только „способному и готовому принять на себя разборку оставшихся матеріаловъ“. Здѣсь необходимъ самъ покойный А. С. Павловъ, его многолѣтняя опытность и рѣдкая добросовѣстность при изданіи памятниковъ, доходившая иногда до щепетильности. Только одинъ А. С. Павловъ могъ сказать свое авторитетное слово о каноническомъ значеніи „Стоглава“, и, конечно, такое слово было бы выслушано всѣми съ уваженіемъ, но, увы, этого ждать теперь напрасно, и чувство горечи по поводу утраты столь выдающагося и талантливаго ученаго для насъ теперь еще острѣе, глубже и больше... Потеря А. С. Павлова, какъ ученаго канониста, потеря трудно вознаграждаемая.

Являя въ себѣ образецъ истаго жреца науки, служенію которой онъ отдался всецѣло, до самозабвенія, до полнаго, можно сказать, равнодушія къ другимъ своимъ не менѣе священнымъ обязанностямъ, каковы, напр., обязанности главы семейства, члена общества и т. д., требовательный къ себѣ самому въ высшей степени, обстоятельный, точный и даже изысканный съ внѣшней стороны (онъ не выносилъ корректурныхъ опечатокъ, заботился и не мало о бумагахъ для своихъ изданій, форматъ, шрифтъ и тому подобныхъ мелочахъ), Алексѣй Степановичъ былъ строгъ и требователенъ къ трудамъ другихъ русскихъ и иностранныхъ ученыхъ. Его горячія, правдивыя и рѣзко обличительныя критическія статьи стяжали покойному А. С. имя суроваго судіи и человека желчнаго, тяжелого по характеру, но кто близко зналъ покойнаго и имѣлъ возможность видѣть и бесѣдовать съ нимъ

или въѣ его ученого кабинета, или даже и здѣсь, но въ минуты, когда онъ, хотя и изрѣдка, тушилъ, такъ сказать, огонь на своемъ жертвенникѣ, тотъ несомнѣнно выносилъ о немъ другое мнѣніе. Въ обществѣ людей ему симпатичныхъ—это былъ живой остроумный собесѣдникъ, пересыпавшій свою ма-стерскую, увлекательную рѣчь и латинскими поговорками, и стихами, и анекдотами юмористическаго содержанія, способный одинъ въ теченіи цѣлаго вечера приковывать къ себѣ вниманіе всего общества, изъ кого бы оно ни состояло: дамы, дѣвицы и мужчины въ одинаковой мѣрѣ увлекались бесѣдою этого живого, остроумнаго и благообразнаго старца. Въ бесѣдѣ съ ученымъ—спеціалистомъ Алексѣй Степановичъ былъ находчивъ и неистощимъ и въ короткое время успѣвалъ обнаруживать свое энциклопедическое знаніе, которому положительно дивились весьма многіе. Очаровательно любезнымъ, предупредительно вѣжливымъ и деликатнымъ до высшей степени являлся Алексѣй Степановичъ предъ молодыми людьми, начинающими тернѣистый путь служенія наукѣ. Онъ встрѣчалъ ихъ съ распростертыми объятіями, какъ своихъ старыхъ добрыхъ друзей, бесѣдовалъ съ ними самымъ интимнымъ образомъ, вызывая на откровенность, и приводилъ всякаго молодого человѣка, съ робостію и даже не безъ страха переступившаго въ первый разъ кабинетъ извѣстнаго ученого, въ такое спокойное и благодушное состояніе, что ему казалось, что онъ бесѣдуетъ съ добрымъ пріятнымъ товарищемъ, человекомъ ему давнымъ-давно знакомымъ. Для такихъ юношей Алексѣй Степановичъ былъ заботливымъ отцемъ, нѣжнымъ другомъ и самымъ опытнымъ руководителемъ: рекомендаціи къ извѣстнымъ лицамъ въ архивы и библіотеки, учебники и пособія изъ собственной библіотеки, нерѣдко даже выписки и копіи изъ рукописей, бывшія въ рукахъ его ¹⁾, давались Алексѣемъ

¹⁾ Въ послѣднемъ письмѣ ко мнѣ отъ 28 дек. 1897 г. А. С. Павловъ писалъ мнѣ по поводу моей рецензіи на книгу проф. А. И. Алмазова „Тайная исповѣдь“, что рецензентомъ на это сочиненіе, представленное на мажарьев-

Степановичемъ охотно. За такими молодыми людьми онъ потому зорко слѣдилъ въ жизни, если могъ, руководилъ ими въ ихъ первыхъ опытахъ самостоятельной ученой работы, дѣлилъ съ ними всѣ радости и постигавшія ихъ неудачи... Превосходную и вполне вѣрную характеристику этой стороны личности покойнаго профессора сдѣлалъ названный уже мною доцентъ Московской духовной Академіи И. М. Громогласовъ, бывший нѣкоторое время его слушателемъ въ Московскомъ Университетѣ. Мы, съ своей стороны, охотно и съ полною готовностію подписываемся подъ этою правдивою характеристикой, такъ какъ на себѣ испытали обаяніе этой свѣтлой личности въ пору своего студенчества и имѣли счастье сохранить личное и даже семейное знакомство до послѣдняго времени.

Юношей двадцати пяти лѣтъ, студентомъ III курса Казанской духовной Академіи, я прибылъ въ 1881 году лѣтомъ въ *первый разъ* для занятій въ бібліотекахъ нашей первопрестольной столицы. Не имѣя въ Москвѣ ниединой души изъ знакомыхъ, не зная хорошо условій столичной жизни, я явился въ Москву съ *сотнею* рублей денегъ и съ желаніемъ поработать въ столичныхъ бібліотекахъ четыре лѣтнихъ мѣсяца. Рекомендательныя письма, данныя мнѣ въ Казани бывшими сослуживцами и учениками почившаго профессора, открыли мнѣ доступъ въ семью проф. Павлова, проживавшую въ то время на дачѣ по вурско-московской дорогѣ въ селеніи Воскресенскомъ. Алексѣй Степановичъ принималъ меня радушно, какъ „земляка“ и „сокашника“ — эпитеты, которыми онъ награждалъ меня до самой своей смерти. Снабдивъ, въ свою очередь, рекомендаціями въ разныя московскія бібліотеки и узнавъ скудость моихъ финансовъ, онъ предложилъ перебраться на его пустовавшую, за выѣздомъ на дачу его

скую премію въ Синодъ, назначенъ проф. Моск. Акад. Заверскій, и что „копія съ вѣстнаго Мюнхенскаго списка X в. Ноноканона Іоанна Постыника доставлена была Заверскому мною“, т. е. мнѣ, Алексѣемъ Степановичемъ.

семьи, квартиру (домъ Комлева на новинскомъ бульварѣ) и быть въ ней полнымъ хозяиномъ. Я съ глубокою благодарностію принялъ это предложеніе и тѣмъ съ большою радостію, что ключи отъ своей богатой библіотеки онъ отдалъ въ полное мое распоряженіе. Двѣмъ я работалъ надъ греческими рукописями Синодальной библіотеки и мучился надъ хитросплетеніями греческихъ тахиграфовъ, съ искусствомъ которыхъ въ то время я былъ весьма мало знакомъ, а по вечерамъ я искалъ разрѣшенія своихъ недоумѣній и затрудненій въ книгахъ по греческой палеографіи Монфакона, Гардгаузена, Саввы арх. и др., составлявшихъ достоиніе ученого кабинета А. Степановича. Преисполненный глубокой признательности къ памяти почившаго профессора, я не могу не заявить теперь, что самымъ надежнымъ и опытнымъ руководителемъ въ моихъ урокахъ по греческой палеографіи былъ мой незабвенный добрый хозяинъ, А. С. Павловъ, который въ теченіи лѣтъ довольно часто покидалъ деревню и пріѣзжалъ въ свою городскую квартиру. Эти пріѣзды были для меня настоящимъ праздникомъ, такъ какъ въ это время я искалъ разрѣшенія всѣхъ своихъ недоумѣній, а отзывчивый Алексѣй Степановичъ охотно дѣлился со мною и своими обширными свѣдѣніями по интересующимъ меня вопросамъ, и посвящалъ меня въ тайны своихъ ученыхъ розысканій, которыя его занимали въ ту пору (О 50 главѣ книги „Кормчей“), и нерѣдко сообщалъ мнѣ свои живыя воспоминанія о сибирской школѣ, о старой Казанской Академіи и др. Въ этихъ бесѣдахъ проходили цѣлые вечера, и часто онѣ затягивались до зари, когда были уже потушены свѣчи, и мы расходились по постелямъ... Во вѣки незабвенны останутся для меня эти глубоко поучительныя и въ высшей степени интересныя бесѣды съ покойнымъ А. С. Павловымъ: много полезнаго я почерпнулъ изъ нихъ для жизни и берегу это, какъ дорогой даръ, въ своемъ благодарномъ сердцѣ... Съ этой моей первой встрѣчи установились у меня съ А. С. Павловымъ

самыя добрыя дружескія отношенія, которыя выражались и въ томъ доброжелательномъ и лестномъ для меня отзывѣ о моей маленькой брошюрѣ: „Евхологіонъ IV в. Сарациона, епископа тмутскаго“, который сдѣланъ А. С. Павловымъ въ „Византійскомъ временникѣ“ (1894 г. I, в. 1), и въ томъ общеніи, которое между нами не порывалось до самой его кончины. Вѣчная память тебѣ, великій подвижникъ русской науки! Да будетъ твой высокій примѣръ доблестнаго служенія ей путеводною звѣздою для насъ, твоихъ молодыхъ почитателей и учениковъ!

А. С. Павловъ представлялъ изъ себя строго кабинетнаго ученого, уединенію котораго ничто не должно было мѣшать въ домѣ, а поэтому его семейная внутренняя жизнь была мало доступна для наблюденій постороннихъ людей, изъ коихъ весьма немногимъ удавалось бывать далѣе кабинета ученаго хозяина. Не удивительно по этому, что надъ свѣжею могилою почившаго профессора — труженника раздались со стороны его хотя и добрыхъ знакомыхъ, но мало посвященныхъ во внутреннюю интимную жизнь покойнаго, горькія сѣтованія о его „злостраданіяхъ“ при жизни и о полной необеспеченности или „недостаточности матеріальныхъ средствъ для безбѣднаго существованія его довольно многочисленной семьи“.

Эти жалобныя сѣтованія, излившіяся на страницахъ „Московскихъ Вѣдомостей“¹⁾, проникли и отразились и въ духовной періодической печати (Церковн. Вѣсти. 1898, № 39). Но, по нашему мнѣнію, они прежде всего не дѣлаютъ чести имени покойнаго профессора, да къ тому же и совершенно

¹⁾ Эта статья перепечатана была и въ журналъ мнѣ. Народн. просв. 1898 г. кн. X, отд. 3, стр. 184—186.

напрасны, такъ какъ не соотвѣтствуютъ, сколько мы знаемъ, дѣйствительному положенію вещей. Кто хотя немного зналъ семейную жизнь покойнаго профессора, въ высшей степени акуратную въ экономическомъ отношеніи, тотъ никогда не можетъ примириться съ мыслию, чтобы покойный профессоръ, получавшій уже давно съ жалованьемъ и пенсію, а въ послѣднее время весьма солидный гонораръ за лекціи свои для студентовъ нѣзшихъ курсовъ Московскаго многолюднаго Университета, при „побочныхъ заработкахъ“—въ лицѣ Цесаревича, гдѣ онъ былъ преподавателемъ, отъ печатанія статей въ разныхъ изданіяхъ, при ежегодныхъ командировкахъ для предсѣдательства въ экзаменаціонныхъ коммиссіяхъ,—чтобы такой работающій и бережливый профессоръ „во всю многолѣтнюю труженническую жизнь почти ничего не скопилъ“, и, „вслѣдствіе скудости получаемаго содержанія, терпѣлъ *всякаго рода лишенія*, отъ коихъ преждевременно и умеръ“. Эти напрасныя сѣтованія, въ виду указанной сейчасъ „скудости получаемаго содержанія“, о которой многіе изъ русскихъ профессоровъ и мечтаютъ даже не могутъ, для лицъ мало знакомыхъ съ привычками почившаго и съ его повседневною домашнею жизнію дадутъ несомнѣнно основанія ко многимъ заключеніямъ, оскорбительнымъ для памяти почившаго профессора, не знавшаго другихъ гибельныхъ въ жизни страстей, кромѣ одной страсти—въ наукѣ, которая и была причиною его сравнительно еще преждевременной кончины. А между тѣмъ картина кабинетной жизни почившаго А. С. Павлова, нарисованная мастерскимъ перомъ Ив. Ив. Шаховскаго, вѣрна дѣйствительности, вполне натуральна и можетъ быть воспроизведена талантливою кистью даже на полотнѣ съ подписью: „мученики науки“. Но причина этихъ „влостраданій“ не скудость средствъ въ жизни, а нѣчто другое, надъ уясненіемъ чего не потрудился г. Шаховской.

Алексѣй Степановичъ Павловъ, проведя всю свою жизнь

въ своемъ кабинетѣ за книгами, мало очень удѣлялъ времени семьѣ, а поэтому, когда подросли дѣти и потребовали къ себѣ вниманія и со стороны отца, какъ бы незамѣчавшаго дотолѣ ихъ существованія, такъ какъ воспитаніе ихъ всею своею тяжестью ложилось обыкновенно на добрую мать, то онъ въ послѣднее время сталъ все чаще и чаще задумываться надъ ихъ судьбою въ отдаленномъ будущемъ. Подъ вліаніемъ этихъ думъ, у него и у его супруги явилось желаніе скопить путемъ „сбереженій“ трудовой грошъ „на черный день“ въ обезпеченіе будущности семьи. И по воспитанію и по привычкамъ оба, весьма скромные и нетребовательные отъ жизни, супруги Павловы стали систему „сбереженій“ проводить иногда уже чрезмѣрно сурово, съ ограниченіемъ себя въ потребностяхъ самыхъ насущныхъ. „Квартирный вопросъ“, и для каждаго московскаго обывателя не легко поддающійся рѣшенію, особенно доѣдалъ покойнаго Алексѣя Степановича, для котораго онъ былъ „злобою“ всякаго почти лѣтняго каникула. Ассигнуя на квартиру скромныя помосковски суммы и требуя отъ нея въ тоже время удобствъ, Алексѣй Степановичъ нанималъ квартиру всегда въ предѣлахъ вторыхъ бульваровъ, дабы сообщеніе съ центромъ города не было затруднительно ни ему, ни его семьѣ. Квартиръ за скромную сумму и вполнѣ удобныхъ не отыскивалось. Къ тому же Алексѣй Степановичъ, какъ человѣкъ житейски непрктичный, весьма оригинально понималъ и квартирныя удобства. Во время жаркихъ лѣтнихъ мѣсяцевъ, онъ свитался по Москвѣ цѣлые дни, разыскивая подходящія квартиры, каковыми онъ считалъ помѣщеніе въ 6—7 комнатъ не выше бель-этажа, съ кабинетомъ обширнымъ и высокимъ, въ которомъ свободно и безъ ломки могли бы установиться его вязанные шкафы съ книгами, а равно и съ другими нѣкоторыми приспособленіями, весьма необходимыми для немощнаго, старчески-болѣзненнаго организма. Поэтому въ рукахъ Алексѣя Степановича сантиметръ былъ

всегдашнимъ спутникомъ, и квартирныя удобства отыскивались при его помощи: прежде всего обыкновенно вымѣривались стѣны и простѣнки кабинета, и разъ онѣ пригодны были для его шкафовъ, объ остальныхъ удобствахъ въ квартирѣ онъ весьма мало беспокоился. Восторгамъ отъ новой квартиры не было конца, если онъ находилъ домикъ съ окнами и съ балкономъ изъ зала въ садъ, такъ какъ идеальнымъ его мечтамъ давался здѣсь самый широкій просторъ, по его любви къ сельской простотѣ, и онъ предъ такимъ соблазномъ уже рѣшительно не былъ въ силахъ устоять. Въ этихъ случаяхъ въ жертву приносились и шкафы съ книгами, которые въ подобныхъ случаяхъ (разумѣемъ его квартиру на смоленскомъ бульварѣ въ домѣ Смольянинова) размѣщались по темнымъ коридорамъ... Но ликованія и восторги смѣнялись быстро жалобами и сѣтованіями самаго безотраднaго свойства, когда наступали сорока-градусныя московскіе морозы, когда въ комнатахъ появлялась сырость, а прелестный балконъ въ садъ служилъ предательскимъ проводникомъ ужаснаго холода на весь домъ... Въ такихъ случаяхъ посѣтитель ученаго кабинета Алексѣя Степановича наблюдалъ описанную г. Шаховскимъ картину: „печь плохо согрѣвала его кабинетъ; онъ защищалъ свои ноги валенками, а тѣло фуфайками и теплымъ пальто. Грустно было смотрѣть, какъ зимой заслуженный профессоръ старѣйшаго университета, краса русской науки, съ трудомъ пишетъ и отъ холода согрѣваетъ руки дыханіемъ своимъ“. Да, дѣйствительно тяжело было видѣть такую картину, но вина въ этомъ, конечно, ни „въ старѣйшемъ Университетѣ“, ни „въ скудости получаемаго содержанія“, а въ излишней экономіи, въ житейской непрактичности и въ чрезмѣрной заботливости о шкафахъ и книгахъ, при полвой забывчивости о немолодыхъ своихъ годахъ и о своемъ здоровьѣ, которое никогда не было блестящимъ. Нѣтъ,—мы говоримъ съ увѣренностію, и на это имѣемъ несомнѣнныя данныя,—Алексѣй Степано-

вичъ Павловъ, строгій въ исполненіи другихъ своихъ обязанностей, остался вѣренъ себѣ и въ исполненіи своего родительскаго долга, конечно, какъ его понималъ онъ самъ, и оставилъ семью, къ тому же, за исключеніемъ двухъ сыновей, уже болѣе или менѣе устроенную, не безъ средствъ, и дѣти въ этомъ отношеніи не могутъ упрекнуть отца въ равнодушій къ ихъ матеріальному обезпеченію. Вѣчную память о рачительномъ дѣдушкѣ сохранять, быть можетъ, даже и его благодарные внуки.

II. Покойный Николай Ѳомичъ—сынъ бѣднаго много-семейнаго священника Уфимской губерніи. Годы своего ранняго дѣтства и школьнаго образованія онъ провелъ подъ гнетомъ суровой бѣдности и всякаго рода лишеній въ самыхъ насущныхъ потребностяхъ. Не удивительно, поэтому, нисколько, что эти тяжелыя жизненныя обстоятельства, обружившія его дѣтскую колыбель и сопутствовавшія ему и въ годы воспримчивой юности, глубоко и навсегда запечатлѣлись въ его отъ природы нѣжной и доброй душѣ и неизгладимо отразились на складѣ его характера. Николай Ѳомичъ до самой смерти, не смотря на высокое свое служебное положеніе, былъ скромнѣе до застѣнчивости, самоуглубленъ въ себя до скрытности, не довѣряя тайнъ своего сердца даже людямъ, всецѣло ему преданнымъ и глубоко его любившимъ;—въ своей обычной повседневной жизни простъ и не притязателенъ, сводя свои потребности до минимума и отказывая себѣ нерѣдко въ необходимомъ, особенно если того требовало, высоко развитое въ немъ, чувство нравственнаго долга.

Надѣленный отъ природы выдающимися умственными способностями, съ которыми счастливо сочеталось и замѣчательное трудолюбіе, Николай Ѳомичъ, не смотря на тяжелыя матеріальныя условія своей школьной жизни, занявъ среди сверстниковъ по Семинаріи одно изъ первыхъ мѣстъ и былъ отправленъ, по окончаніи курса въ ней въ 1866 году, для довершенія образо-

ванія въ Казанскую духовную Академію. Даровитый юноша Красносельцевъ и адѣсь, среди товарищей по Академіи, составившихъ XIII ея курсъ (1866—1870 г.), который далъ потомъ Академіи многихъ прекрасныхъ профессоровъ, а науцѣ талантливыхъ работниковъ¹⁾, не затерялся, но занялъ въ ихъ спискѣ высокое мѣсто. За свою кандидатскую диссертацию: „Западныя миссіи противъ татаръ²⁾—язычниковъ и особенно противъ татаръ-мусульманъ“ (Каз. 1872 г.), Николай Ѳомиичъ Совѣтомъ Академіи былъ удостоенъ ученой степени магистра богословія и назначенъ въ лучшую по тому времени Самарскую Семинарію преподавателемъ Священнаго Писанія.

1870 годъ, годъ окончанія курса въ Академіи Николая Ѳомиича, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и годомъ преобразованій въ Казанской духовной Академіи и введенія въ ней новаго устава 1869 г. По примѣру университетскихъ факультетовъ, наши Академіи, по этому уставу, были подѣлены на три отдѣленія: богословское, историческое и церковно-практическое; въ курсы преподаванія введены многіе новые предметы, до того времени или не читавшіеся совершенно въ Академіи, или же не имѣвшіе самостоятельнаго значенія. Естественнo,

---

¹⁾ Товарищами по курсу покойнаго Николая Ѳомиича были: профессоръ Казанской духовной Академіи и Казанскаго Университета по церковной исторіи *Ѳ. А. Кургановъ*, покойный профессоръ той же Академіи *Д. В. Гусевъ*, бывшій профессоръ Академіи *А. В. Вадковскій*, нинѣ архіепископъ финляндскій *Антоній*, профессоръ той же Академіи *М. И. Богословскій* и бывшій профессоръ Академіи по обличенію мусульманства *Н. П. Остроумовъ*, нинѣ директоръ Ташкентской гимназіи. Не мало было въ курсѣ XIII студентовъ Казанской Академіи и другихъ даровитыхъ юношей, занявшихъ о себѣ или практической дѣятельностію на пользу церкви и отечественному просвѣщенію, или литературными трудами (См. П. В. Знаменскаго. Исторія Казанск. духов. Академіи. в. III, Каз. 1892, стр. 484—444).

²⁾ Н. Ѳомиичъ принадлежалъ по воспитанію Уфимской губерніи, населенной весьма многими инородцами, а поэтому въ Академіи изучалъ инородческіе языки и съ особеннымъ усердіемъ языкъ татарскій, на которомъ онъ даже и говорилъ. Очевидно, онъ не прочь былъ посвятить свои силы миссіонерскому служенію въ родной епархіи.

по этому, сразу же потребовалось въ Академію нѣсколько профессоръ для новыхъ кафедръ, и Николай Ѳомичъ, вызванный изъ Самарской Семинаріи въ мартѣ мѣсяцѣ 1871 года, т. е. всего черезъ восемь мѣсяцевъ, по окончаніи академическаго курса, въ числѣ другихъ своихъ даровитыхъ товарищей, по указанію высоко-просвѣщеннаго ректора Академіи, архимандрита Никанора ¹⁾, скончавшагося на кафедрѣ архіепископа херсонскаго и одесскаго, занялъ въ Академіи вновь созданную кафедру литургіи и церковной археологіи.

Если и въ настоящее время, при существованіи, по новому уставу 1885 года, института, такъ называемыхъ, профессорскихъ стипендіатовъ, оставляемыхъ при Академіи на одинъ годъ для приготовленія ихъ, подъ руководствомъ профессора-спеціалиста, къ занятію свободныхъ профессорскихъ кафедръ въ Академіи, наши молодые профессора въ большинствѣ случаевъ являются на кафедре неопытными и мало подготовленными, то что же нужно сказать о молодыхъ доцентахъ академическаго устава 1869 года, прямо съ студенческой скамьи посаженныхъ на профессорскую кафедру. Положеніе этихъ доцентовъ было несомнѣнно въ высшей степени тяжелое. Трудность эта усугублялась еще болѣе для нѣкоторыхъ изъ нихъ, такъ какъ на долю ихъ выпадала обязанность читать курсы, ими самими даже не выслушанные въ Академіи, и, слѣдовательно, этимъ молодымъ профессорамъ приходилось начинать дѣло съ самаго начала.. Въ такомъ именно положеніи очутился покойный Николай Ѳомичъ, какъ доцентъ церковной археологіи и литургіи ²⁾.

---

¹⁾ Покойный Николай Ѳомичъ всегда относился къ, бывшему своему ректору, высокопреосвященному Никанору съ чувствомъ глубокой признательности, и, во время своей совмѣстной службы въ Одессѣ съ принопамятнымъ архіепастыремъ, поддерживалъ съ нимъ самую сердечную и живую отношенія.

²⁾ Уставомъ 1869 года былъ призванъ на кафедру церковной археологіи и литургіи и извѣстный археологъ, проф. Петербургской Академіи и дирек-

Церковная археология, какъ наука, была создана Уставомъ Академій 1869 года, и долговѣ не имѣла мѣста въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, а литургика хотя и существовала въ Академіяхъ, по старому уставу 1814 года, съ скромнымъ названіемъ „обряды“, но не имѣла самостоятельнаго значенія и юдилась, въ качествѣ придатка, при кафедрѣ каноническаго права. Молодымъ доцентамъ нашихъ Академій, на долю которыхъ выпадала тяжелая обязанность—занимать кафедру литургіи и церковной археологіи, предстояло, такимъ образомъ, начинать дѣло новое: необходимо было выработать программы чтеній, изучать литературу предмета, готовить аккуратно лекціи и при томъ сразу по двумъ предметамъ, руководить студентамъ, при написаніи ими курсовыхъ сочиненій, и т. д. и т. д. Однимъ словомъ, отъ преподавателей названныхъ предметовъ, помимо талантливости, требовались и напряженная усидчивость, и упорный трудъ, и самая добросовѣстная методичность въ занятіяхъ, чтобы счастливо выйти изъ тѣхъ колдуній, въ какія они были поставлены своимъ новымъ, хотя и высокимъ, но для многихъ изъ нихъ совершенно неожиданнымъ положеніемъ. Но здѣсь-то и оправдалась со всею ясностію и убѣдительностію та лестная для питомца нашей духовной, а особенно старой, школы репутація, что для него нѣтъ трудностей, какія бы онъ не могъ превозмочь. Блестящій литургистъ Московской духовной Академіи, покойный И. Д. Мансветовъ и незабвенный Николай Омичъ Красносельцевъ не только съ честью вынесли на своихъ могучихъ плечахъ всѣ предстоявшія имъ трудности въ это, можно сказать, критическое

торъ Археологическаго Института Н. В. Покровский, но выступилъ онъ на кафедре сравнительно съ прочими коллегами при болѣе благоприятныхъ условіяхъ. Ему удалось среди начавшейся профессорской дѣятельности получить профессорскую заграничную командировку, во время которой онъ слушалъ курсы по избранной имъ спеціальности въ аудиторіяхъ германскихъ университетовъ, а съ самыми замѣчательными христіанскими древностями онъ хорошо ознакомился въ музеяхъ Берлина и Италіи, куда досрочно предпринималъ вступительныя путешествіе на полгода съ тою же дѣлю.

время, но и цѣлѣнъ рядомъ талантливыхъ работъ. по избранной специальности оставили по себѣ столь замѣтный слѣдъ, что присвопаметныя имена ихъ будутъ, мы увѣрены, долго и часто съ благодарностію повторяться ихъ премниками.

Николай Ѳомичъ, какъ и его талантливый коллега по каедрѣ въ Московской академіи, И. Д. Мансветовъ, при знаніи новыхъ языковъ, отдался прежде всего изученію памятниковъ христіанской древности или церковной археологіи, какъ науки новой, до нѣкоторой степени модной, интересной въ одинаковой мѣрѣ и для слушателей и для молодого профессора, имѣвшей къ тому же на западѣ уже и богатую литературу. Плодомъ этихъ первыхъ увлеченій Николая Ѳомича новою своею спеціальностію и данью времени были самостоятельный курсъ чтеній по церковной архитектурѣ, вышедшій въ свѣтъ отдѣльною книгою подъ заглавіемъ: „Очерки изъ исторіи христіанскаго храма“ (Каз. 1880) и критическая брошюра „О происхожденіи христіанскаго храма“ (Каз. 1880 г.).

Но недостаточность спеціальной подготовки къ научнымъ занятіямъ памятниками христіанской древности чувствовалась молодымъ даровитымъ профессоромъ на каждомъ шагѣ и ясно имъ сознавалась, а поэтому онъ рѣшился просить ученую командировку за границу. „При исполненіи обязанностей преподавателя церковной археологіи, равно какъ при ближайшемъ изученіи литературы этой науки и ея письменныхъ источниковъ, я, писалъ въ своемъ заявленіи церковно-практическому отдѣленію въ 1881 году Николай Ѳомичъ, не разъ имѣлъ случай убѣдиться въ совершенной необходимости нагляднаго и личнаго ознакомленія съ памятниками христіанской древности. Въ виду этого я рѣшаюсь заявить отдѣленію о своемъ желаніи заняться нѣкоторое время нагляднымъ изученіемъ памятниковъ христіанской древности на мѣстахъ ихъ нахожденія и для этого посѣтить тѣ города Европы, гдѣ можно найти наиболѣе обильный и цѣнный мате-

риаль для такого изучения" (Протоки. Акад. 1881 г. стр. 8—9). Получивъ годичную командировку (съ 1 сентября 1881 по 1 сентября 1882 г.), Николай Ѳомичъ посѣтилъ города Римъ, Флоренцію, Миланъ, Венецію, Равенну, Парижъ, Берлинъ и др. и изучалъ въ нихъ памятники классическихъ древностей, христіанскія катакомбы, древніе христіанскіе храмы и замѣчательнѣйшіе музеи, по преимуществу съ христіанскими древностями. Научные результаты этого путешествія Николай Ѳомичъ представилъ Совѣту Академіи въ двухъ полугодичныхъ высоко-научныхъ отчетахъ, напечатанныхъ въ протоколахъ Академіи (1882 г. стр. 64—87, 269—293). Несомнѣнно, подъ впечатлѣніемъ тойже заграничной поѣздки, имъ была написана и актовая академическая рѣчь подъ заглавіемъ: „Древне-христіанскія усыпальницы въ Римѣ и значеніе сдѣланныхъ въ нихъ открытій для богословской науки“ (Прав. Собесѣдн. 1883, 111), послужившая какъ бы эпилогомъ¹⁾ къ его ученымъ работамъ по церковной археологіи. Какъ это ни удивительно, но это положительный фактъ, Николай Ѳомичъ, послѣ поѣздки за границу, прекратилъ свои занятія по археологіи и круто повернулъ въ сторону другой своей специальности—литургіи²⁾, капитальные труды по которой и стяжали ему главнымъ образомъ почетное и авторитетное имя среди русскихъ ученыхъ. Поворотъ этотъ совершился, однакоже, не безъ серьезныхъ причинъ.

Время вступленія Николая Ѳомича въ среду братски-единодушной корпораціи Казанской Академіи совпало съ вре-

¹⁾ Послѣ этой рѣчи Николай Ѳомичъ писалъ по археологіи очень мало и случайно. Намъ извѣстны въ печати его статьи: „Церковная археологія на русскихъ археологическихъ съѣздахъ“ (Правосл. Соб. 1887, III), „Церковь св. Климента въ Римѣ и соединенныя съ нею воспоминанія о славянскихъ апостолахъ“ (Тамъ же 1885, I) и „О значеніи археологическихъ открытій для обработки древней церковной исторіи“ (Учен. Зап. Новорос. ун-верс. 1891 г.).

²⁾ До поѣздки за границу Николай Ѳомичъ напечаталъ лишь одну литургическую статью: „Толковая служба“ и другія сочиненія, относящіеся къ обрядамъ богослуженія въ древней Руси до XVII вѣка³⁾ (Прав. Соб. 1878, II).

железъ необыкновенно оживленной учено-литературной деятельности въ средѣ ея вообще и глубокаго интереса къ изученію наглядныхъ древней письменности, благодаря богатому собранію Соловецкихъ рукописей, находившихся въ академической библіотекѣ, въ частности. Въ главѣ, любителей древней письменности и ученыхъ исследователей ея, изъ среды академической корпораціи стали два такіе корифея и знатока ея, какъ, воспоминаемый въ рукописяхъ Казанской Академіи, И. Я. Порфирьевъ и, по нынѣ благополучно здравствующій, талантливѣйшій историкъ П. В. Знаменскій. Николай Ѳомиичъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими молодыми товарищами-доцентами применилъ къ этому кружку и съ 1875 года занялся описаніемъ рукописей Соловецкой библіотеки сначала каноническаго характера (напечатано 9 печатныхъ листовъ во II томѣ „Описанія рукописей Соловецкой библіотеки“), а потомъ литургическихъ (болѣе 20 печатныхъ листовъ, вошедшихъ въ составъ III тома этого „Описанія“, вышедшаго въ свѣтъ только въ истекшемъ году). Приблизительно все описаніе литургическихъ рукописей вчера было приготовлено покойнымъ Николаемъ Ѳомиичемъ еще до поѣздки за границу въ 1881 году, и несомнѣнно уже въ то время оно въ значительной степени поспособствовало пробужденію въ немъ интереса ко второй его специальности—литургикѣ, которой онъ не былъ въ состояніи удѣлять много вниманія, на первыхъ порахъ своей службы. Находясь въ Римѣ близъ знаменитой Ватиканской библіотеки, богатой, между прочимъ, и литургическими рукописями, Николай Ѳомиичъ не могъ оставаться равнодушнымъ къ ея драгоценнымъ памятникамъ антагонистаго богослуженія, искалъ разъясненія въ нихъ многихъ любопытныхъ фидуальныхъ особенностей нашего древняго богослуженія, съ

*) Подъ влияніемъ этого кружка создалъ себѣ научную репутацію и другой молодой доцентъ казанской Академіи А. И. Вадковский, ливъ архіепископскій фивадскій, потрудившійся весьма усердно надъ описаніемъ рукописныхъ собраній въ Соловецкой библіотекѣ.

вторыми ему удалось познакомиться дома, при описаніи рукописей Соловецкой библіотеки. Николай Фомичъ перѣдую сообщалъ съ упомянутою цѣлью названную библіотеку, и у него, такимъ образомъ, накопилось немало извлеченій, замѣтокъ, даже цѣльныхъ списковъ или копій, выбранныхъ изъ ватиканскихъ рукописей греческихъ и славянскихъ. Повидимому, въ началѣ своихъ ученыхъ занятій въ Ватиканской библіотекѣ, онъ не придавалъ имъ особеннаго серьезнаго значенія и работалъ по рукописямъ безъ опредѣленной цѣли, знакомясь съ книжными сокровищами этой библіотеки въ интересѣ самообразованія и практики, такъ какъ доселѣ онъ не имѣлъ еще случая читать греческія рукописи, чѣмъ мы и объясняемъ безпорядочный видъ его матеріаловъ, въ какомъ они были привезены въ Казань и попали въ наши руки, при написаніи магистерской диссертациі 1), и тѣ досадливые пропуски, недомолвки и другіе недочеты, нежелательныя въ капитальныхъ изданіяхъ, какіе мы видимъ, при обработкѣ этихъ матеріаловъ, уже въ печати. Но какъ бы тамъ ни было, по возвращеніи изъ ученой командировки въ Казань, Николай Фомичъ, не смотря на свои усердныя занятія за границею главнымъ образомъ вещественными памятниками христіанской древности, о чемъ краснорѣчиво свидѣтельствуютъ и два его полугодовые отчета, неожиданно для всѣхъ, а можетъ быть даже и для себя самого, при составленіи полнаго отчета объ ученыхъ занятіяхъ, останавливается исключительно на упомянутыхъ выше матеріалахъ, извлеченныхъ изъ литургическихъ рукописей Ватиканской библіотеки, которые, нужно правду сказать, подъ его талантливымъ перомъ превратились въ нѣчто неузнаваемое. Ясно до очевидности, что Николай Фомичъ, послѣ всесторонняго знакомства съ памятниками христіанской древности на мѣстѣ ихъ обнаруженія, „дозналъ горькимъ опы-

1) Въ своей диссертациі „Богослуженіе въ русской церкви въ XVI вѣкѣ“ ч. I, Каз. 1884 г. введен. стр. VII, прим. 3, мы выразили покойному Николаю Фомичу глубокую благодарность за эту любезность.

томъ, что русскому археологу нѣтъ никакой возможности, стоя вдали отъ этихъ памятниковъ, работать самостоятельно, а приходится всегда идти по слѣдамъ своихъ заграничныхъ коллегъ, болѣе счастливо поставленныхъ въ отношеніи къ этимъ памятникамъ, усваивать и перерабатывать ихъ научные результаты, съ чѣмъ никакъ не могъ примириться его пылкій умъ, стремившійся къ работѣ самостоятельной, творческой. Переходъ отъ церковной археологіи къ литургическѣ по этому былъ естественный и вполнѣ резонный.

Принявшись за выполнение поставленной себѣ задачи и имѣя въ рукахъ только вывезенные имъ матеріалы изъ ватиканскихъ рукописей, Николай Омичъ скоро же понялъ, что съ полнымъ успѣхомъ окончить свою задачу онъ не можетъ, а по этому рѣшился привлечь къ дѣлу важнѣйшія литургическія рукописи изъ нашихъ русскихъ библиотекъ Московской Синодальной, Румянцевскаго музея и С.-Петербургской Императорской публичной, съ коими ему удалось мелькомъ ознакомиться, при возвращеніи изъ заграничнаго путешествія,—благо, при существованіи тогда прекраснаго обычая—высылать рукописи въ другіе города даже и изъ Московской Синодальной библиотеки, онъ могъ работать надъ упомянутыми рукописями въ Казани въ своемъ кабинетѣ. Подробный отчетъ объ ученыхъ занятіяхъ за границей въ 1882 г., вышедшій въ свѣтъ въ видѣ объемистой книги съ заглавіемъ: „Свѣдѣнія о нѣкоторыхъ литургическихъ рукописяхъ Ватиканской библиотеки съ замѣчаніями о составѣ и особенностяхъ богослужбныхъ чинослѣдованій, въ нихъ содержащихся, и съ приложеніями“ (Каз. 1885 г.), такимъ образомъ, не есть только описаніе литургическихъ рукописей Ватиканской библиотеки, какъ гласитъ заглавіе отчета, но вмѣстѣ съ тѣмъ и описаніе литургическихъ важнѣйшихъ рукописей русскихъ библиотекъ (стр. 207—375). Для науки, однако же, дѣло безразличное, рукописями какихъ библиотекъ пользовался тотъ или иной ученый, при своей работѣ,—важны не-

сомнѣнно тѣ научные приемы, которые имъ приложены были при своей работѣ, и къ какимъ научнымъ выводамъ онъ пришелъ въ концѣ концовъ, послѣ изученія бывшихъ у него подъ руками матеріаловъ. Разсматривая названный отчетъ Николая Омича съ этихъ именно сторонъ, мы, надѣюсь, не преувеличимъ, если скажемъ, что онъ и въ томъ и другомъ отношеніяхъ представляетъ явленіе замѣчательное и долженъ быть признанъ дѣльнымъ вкладомъ въ нашу сравнительно небогатую литургическую литературу. Особенно важенъ настоящій трудъ для начинающихъ работать по литургикѣ. Проф. Н. Ф. Красносельцевъ, представляя въ этомъ отчетѣ, на судъ ученыхъ специалистовъ результаты своихъ наблюденій надъ греческими и славянскими рукописями, съ которыми ему лично пришлось имѣть дѣло, всякій разъ, по каждому отдѣльному вопросу, по чему нибудь его интересовавшему, старается прежде всего представить хотя и сжатый, но довольно рельефный очеркъ литературы его у насъ въ Россіи и на Западѣ, и, такимъ образомъ, вводитъ своего читателя въ самую суть вопроса и даетъ ясно понять ему, что новаго онъ привноситъ изъ своего опыта и наблюденія надъ манускриптами. Многочисленныя обстоятельныя и иногда довольно объемистыя его „примѣчанія“, снабженныя основательными критическими замѣчаніями и тонкими, доходящими иногда до виртуозности, соображеніями и гаданіями, при изысканномъ литературномъ изложеніи, увлекательны и поучительны не для однихъ только специалистовъ, но и для всѣхъ, кто интересуется древне-русскою и византійскою письменностію вообще и религіознымъ бытомъ нашихъ предковъ по вѣрѣ въ частности. Само собою разумѣется, какъ и слѣдовало ожидать, не всѣ, затронутые въ отчетѣ, вопросы, разрѣшены авторомъ съ одинаковою обстоятельностью и основательностію: лучшими страницами его нужно признать тѣ, которыя посвящены излюбленному покойнымъ профессоромъ вопросу объ исторической судьбѣ вашего полнаго чина ли-

тургии и о значеніи древнихъ толковательныхъ трудовъ для исторіи этого чина. Покойный Николай Омичъ одне время серьезно думалъ этому вопросу посвятить и спеціальную монографію; но почему-то не осуществилъ своего благого намеренія, ограничившись изданіемъ въ свѣтъ лишь „Материаловъ для исторіи чинопоследованія литургіи св. Іоанна Златоуста“ (в. 1 Каз. 1889, а продолженіе этого труда, II выпускъ лишь начать былъ печатаніемъ въ Прав. Собесѣдн. (1896; 1), но остался не оконченнымъ ¹⁾).—Вотъ почему книга „Свидѣнія о нѣкоторыхъ литургическихъ рукописяхъ Ватиканской бібліотеки“ несомнѣнно надолго останется въ литургической литературѣ руководящимъ пособіемъ для всякаго, кто возьметъ на себя трудъ разработки исторической судьбы нашего чина литургіи. Выдающіяся научныя достоинства этой книги обратили на себя вниманіе специалистовъ и Совѣта Казанской духовной Академіи, который постановилъ сначала напечатать трудъ проф. Красносельцева на казенный счетъ (Прот. Акад.

¹⁾ Очевидно, покойный Николай Омичъ, отправляясь въ свое последнее заграничное путешествіе, привезшее его, какъ уже извѣстно, въ еще болѣе отдаленному путешествію въ обиходъ Отца Небеснаго, мечталъ пополнить свои матеріалы новыми находками... „На дняхъ я получилъ изъ министерства разрѣшеніе командировки за границу на годъ, съ 1 іюня 1898 по 1 іюня 1899 года, конечно, безъ всякаго пособія, писалъ мнѣ Николай Омичъ отъ 30 марта 1898 года. Теперь вопросъ: какъ распорядиться временемъ? Куда двинуться и гдѣ провести зиму? Серьезно задуматься я, конечно, не могу, не содѣлать оставаться безъ занятій въ теченіи цѣлаго года также ужасно. Желалось бы основаться гдѣ нибудь поблизости бібліотеки, чтобы имѣть по крайней мѣрѣ сознаніе, что вотъ-де, если захочу, то и заняться можно, хоть переиздѣвательнѣ; а ось что нибудь и найдется Читереснее. Главнѣе, что необходимо—это прѣзять зиму въ тепломъ краѣ. Указываютъ нѣкоторыя на Капръ, въ окрестностяхъ котораго есть будто бы санаторная станція для больныхъ въ родѣ меня. Не знаю еще, какъ это будетъ, но времени много; можетъ быть можно будетъ побывать и въ Иерусалимѣ. Въ Иеру, конечно, подробно ознакомите съ содѣланными намереніями, куда именно вы будете въ Иерусалимѣ и прал. Нельзя ли, можетъ быть, встрѣтиться. Хотелось бы поблизать замалъ въ Римѣ, Венеціи и Парижѣ, а пожалуй и съ Лондонъ, но...“ На этомъ планѣ неосуществившагося путешествія оборвался и не безъ причинъ...

1884; стр. 208), а потомъ въ 1886 году присудилъ ему премию Митрополита Макарія въ 600 р. (Тамъ же 1886 стр. 9, 280—292). Нѣсколько времени спустя, въ 1899 году, когда въ Обществѣ той же Академіи были подняты вопросы о присужденіи Николаю Омичу honoris causa ученой степени доктора церковной исторіи; то официальные рецензенты, подтвердившіе обстоятельному разсмотрѣнію всю совокупность его учено-литературныхъ трудовъ, съ цѣлью мотивировать справедливость признанія за авторомъ права на это высшее ученое званіе, съ особенною выразительностію и обстоятельностью останавливались на научныхъ достоинствахъ именно этого труда. (Тамъ же 1899, стр. 35—46).

Трудъ Николая Омича „Свидѣнія о нѣкоторыхъ литургическихъ рукописяхъ Ватиканской бібліотеки“ направилъ его ученую любознательность въ сторону литургіи, хотя, къ глубокому сожалѣнію, какъ увидимъ ниже, не надолго и не всецѣло ¹⁾. Вслѣдъ за окончаніемъ отчета о заграничной командировкѣ, проф. Красносельцевъ на страницахъ „Прав. Собесѣдн.“ началъ печатать цѣлый рядъ весьма любознательныхъ „ислѣдованій“ подъ заглавіемъ: „О нѣкоторыхъ церковныхъ службахъ и обрядахъ, нынѣ не употребляющихся“ (1887 и 1889 гг.), составившихъ потомъ самостоятельную книгу: „Къ исторіи православнаго богослуженія“ (Баз. 1889). Матеріалъ для этой цѣнной въ научномъ отношеніи книги дали, съ одной стороны, рукописи Соловецкой бібліотеки, а съ другой греческія рукописи восточныхъ книгохранилищъ, съ которыми Николай Омичъ, успѣлъ познакомиться, во время перваго своего ученаго путешествія на православный

¹⁾ Къ этому періоду литературной дѣятельности Николая Омича относятся слѣдующія литургическія статьи: „Памятникъ древне-русской письменности, относящійся къ исторіи нашего богослуженія въ XVI в.“ (Прав. Соб. 1884, 1), „Объясненіе литургіи, составленное Θεодоромъ, епископомъ андрусскимъ“ (Памятникъ византійской духовной литературы ЖП в.) (Тамъ же) и „Богослуженіе іерусалимской церкви въ концѣ IV вѣка“ (Тамъ же 1888, III).

Востокъ въ 1888 году¹⁾. Названная сейчасъ книга несомнѣнно могла бы разростись въ объемъ до размѣровъ весьма почтенныхъ, но въ 1889 году состоялся переходъ Николая Омича въ Императорскій Новороссійскій Университетъ на церковную исторію, и онъ принужденъ былъ превратить свои въ высшей степени интересныя „изслѣдованія“.

Съ переходомъ на службу въ Одесскій Университетъ, Николай Омичъ еще разъ измѣнилъ свои симпатіи въ литературно-ученыхъ изысканіяхъ. Принятый весьма дружески и сочувственно новыми своими сослуживцами по Новороссійскому Университету, Николай Омичъ скоро же сблизился до интимной дружбы, продолжавшейся до смерти, съ симпатичнѣйшимъ и извѣстнѣйшимъ византологомъ, Теодоромъ Ивановичемъ Успенскимъ, который въ ту пору былъ деканомъ историко-филологическаго факультета этого Университета (нынѣ директоръ нашего археологическаго Института въ Константинополь). Около Теодора Ивановича Успенскаго, съ энтузіазмомъ преданнаго изученію византійской исторіи и всевозможнаго рода памятниковъ византійскихъ древностей, какъ разъ въ это самое время сгруппировался небольшой кружокъ филологовъ подъ именемъ „историко-филологическаго общества при Императорскомъ Новороссійскомъ Университетѣ“ съ „византійскимъ отдѣленіемъ“. Всегда отзывчивый на все благое, Николай Омичъ примкнулъ къ этому кружку и сдѣлался въ немъ дѣятельнѣйшимъ членомъ. Не выходило съ 1891 г., можно сказать, почти ни одной книжки „Лѣтописи“ этого общества безъ нѣсколькихъ статей покойнаго Николая Омича по разнымъ ея отдѣламъ.

Первыя его ученныя работы на мѣстѣ новаго служенія стоятъ еще въ связи съ предыдущею литературною дѣятельностію въ Казани и, въ частности, съ его излюбленною спе-

¹⁾ Принимъ плодомъ его этой поѣдки я была брошюра: „Славянскія рукописи патріаршей бібліотеки въ Іерусалимѣ“ (Каз. 1889).

ціальностію, какъ напр., его статьи: „О значеніи археологическихъ открытій для обработки древней церковной исторіи“ (Записки Импер. Новор. Универс. 1891 г.), „Патріархъ Фотій и византійское богослуженіе его времени“ (Тамъ же 1892), „Новый списокъ русскихъ богослужебныхъ „дѣйствъ““ (Труды VIII археолог. съѣзда 1890, т. II, М. 1895), „О пещномъ дѣйствѣ“ (Русск. Филолог. вѣстн. 1891 г. т. XXVI), но, со времени появленія въ свѣтъ его капитальной статьи, сдѣлавшей имя покойнаго извѣстнымъ даже и за границу, подъ заглавіемъ: „Типикъ церкви св. Софіи въ Константинополѣ“ (Лѣт. Истор.-филол. общ. в. II, 1892 г. и отдѣльно), въ которой почти двѣ трети текста посвящены вопросамъ о константинопольской топографіи и мѣстно-историческому элементу, Николай Фомичъ увлекается изученіемъ топографіи Константинополя, памятниковъ византійскихъ древностей вообще и древне-византійской письменности въ частности. Къ этому періоду его дѣятельности относятся слѣдующія его статьи: „Замѣтка о мѣстоположеніи Халкопратійскаго храма въ Константинополѣ“ (Тамъ же в. IV. 1894 г.), „Къ изученію „Типика великой церкви““ (Тамъ же в. VI. 1896 г.), „Къ вопросу о греческихъ источникахъ „Бесѣды трехъ святителей““ (Зап. Импер. Новор. Унив. 1889), „Еще къ вопросу объ источникахъ „Бесѣды трехъ святителей““ (Тамъ же 1890), „Преніе Панагіота съ Азимитомъ“ по новымъ греческимъ спискамъ“ (Лѣт. истор.-филол. общ. VI в. 1896) и послѣдняя его работа „Addenda къ изданію А. Васильева „Anecdota graeco—byzantina“ (Одесс. 1898), оконченная почти на канунѣ отъѣзда (2 сентября), къ мѣсту вѣчнаго упокоенія, въ Константинополь. Оставшіяся послѣ покойнаго бумаги содержатъ въ себѣ начала новыхъ работъ въ этой области византиновѣдѣнія¹⁾ и свидѣтельствуютъ о томъ, что, отправляясь

¹⁾ Результатомъ изучения византиновѣдѣніемъ ни считаемъ и его многочисленныя критическія статьи, начатыя имъ въ „Византійскомъ вѣстникѣ“: на

въ свое неосуществившееся путешествіе, онъ мечталъ продолжать начатія работы, къ которымъ интересъ у него зародился несомнѣнно еще въ Казани подъ вліяніемъ извѣстныхъ трудовъ его учителя профессора И. Я. Порфирьева.

Что касается его симпатій къ прежней излюбленной имъ специальности—къ литургикѣ, то онѣ не дремали въ покойномъ профессорѣ, хотя и вынаруживались въ послѣдніе годы его жизни сравнительно слабо. Плодомъ его этого интереса нужно считать спеціальную статью: „О древнихъ литургическихъ толкованіяхъ“ (Лѣтоп. истор.-филолог. общ. в. VI, 1894) и двѣ обстоятельныя рецензіи на мои книги: „Богослуженіе страстной и пасхальной седмиць въ Іерусалимѣ въ X—XI в. и „Описаніе литургическихъ рукописей, хранящихся въ бібліотекахъ православнаго Востока“ т. I. в. I Толпа“, напечатанныя въ „Византійскомъ временникѣ“ (т. II, в. VI и т. IV, в. III—IV), дѣятельнымъ сотрудникомъ котораго онъ сдѣлался, съ самаго появленія въ свѣтъ этого почтеннаго журнала, несомнѣнно, по сочувствію къ его задачамъ и направленію, и, наконецъ, частые запросы его ко мнѣ о судьбѣ печатающагося второго тома „Описанія литургическихъ рукописей, хранящихся въ бібліотекахъ православнаго Востока“, посвященнаго греческому евологію.

Вотъ краткій очеркъ учено-литературной дѣятельности Н. Ѳ. Красносельцева за всю его сравнительно надлинную, двадцати-восьми-лѣтнюю, профессорскую службу. Изъ него,

---

мою книгу „Патмоскіе очерки“ (т. I в. III—IV), на книгу Соколова „О византійскомъ монашествѣ“ (т. II, в. I—II) и Андреева „О константинопольскихъ патріархахъ“ (т. IV, в. I—II) и др. и въ „Лѣтописи историко-филологическаго общества при Импер. Нов. Унив.“—на „задачіи Прав. Палеографическаго общества“, на книгу Ф. Мейера „Главные источники для исторіи восточныхъ монастырей“ (в. IV, 1894 г.) и др. Причины пробужденія въ Николаѣ Ѳомичѣ интереса къ занятіямъ по научной палеографіи древне-русской и византійской письменности кроются несомнѣнно въ обширной разработкѣ этихъ вопросовъ среди молодыхъ его соотечественниковъ на Новороссійскомъ Университетѣ.

однакоже, со всюю очевидностію становится яснымъ, что почившій профессоръ былъ весьма плодотворнымъ работникомъ на нивѣ русской науки и работалъ, не покладая рукъ, до послѣдняго дня своей жизни,—это во первыхъ, а во вторыхъ, что онъ не былъ узкимъ, одностороннимъ специалистомъ, но работалъ своимъ мастерскимъ перомъ въ разныхъ областяхъ человѣческаго вѣдѣнія, интересовался многими живыми вопросами русской науки и поработалъ усердно надъ рѣшеніемъ ихъ съ выдающимся успѣхомъ. Какъ литургистъ, покойный Николай Ѳомищъ, послѣ смерти проф. И. Д. Мансветова, не имѣлъ себѣ равнаго во многихъ отношеніяхъ, и въ его голосу въ данной области знанія прислушались съ глубокимъ интересомъ завзятые специалисты, а для неспециалистовъ онъ былъ непререкаемый авторитетъ. Какъ церковный археологъ и какъ добросовѣстный исследователь византійскихъ древностей, у лицъ весьма компетентныхъ въ этой отрасли человѣческаго вѣдѣнія онъ пользовался уваженіемъ, и его работы этого рода встрѣчались ими съ живымъ интересомъ и цѣнились высоко. Внесъ также не малоцѣнную лепту Николай Ѳомищъ и въ исторію русско-византійской литературы.

Не мѣсто и не время теперь входить въ серьезную критическую оцѣнку немалодясленныхъ трудовъ покойнаго Николая Ѳомища, но небезинтересно, однакоже, для всякаго уяснить причину ихъ разнообразія и несомнѣнный успѣхъ въ наукѣ среди специалистовъ. Выше, въ обзорѣ учебно-литературной дѣятельности покойнаго профессора, мы уже указали на ввѣщія причины этого разнообразія, т. е. на переѣзды его до службъ изъ одного города въ другой, на встрѣчи съ новыми людьми, оказывавшими на него большое вліяніе и т. п., но такое объясненіе все же нужно признать одностороннимъ. Причины вышеуказанныхъ любопытныхъ явленій кроются, по нашему мнѣнію, глубже, а именно въ темпераментѣ покойнаго ученаго, въ основныхъ чертахъ его характера, въ складѣ ума и въ особенныхъ, ему присущихъ, свойствахъ его литературныхъ дарованій.

Надѣленный отъ природы темпераментомъ нѣсколько флегматическимъ, съ комплекціею сыроу и болѣзненною, по характеру скромный и застычивый, Николай Ѳомичъ представлялъ изъ себя типъ строго кабинетнаго ученаго. Живая кипучая дѣятельность, удобоподвижность и энергическая настойчивость въ достиженіи намѣченныхъ цѣлей, цѣнимыя покойнымъ высоко въ другихъ, не были никогда его личнымъ достояніемъ. Совершая въ послѣдніе годы своей жизни довольно частыя путешествія на Востокъ для отдыха и научныхъ розысканій въ памятникахъ древней письменности, Николай Ѳомичъ избиралъ мѣстомъ своего пребыванія тамъ въ большинствѣ случаевъ русскій Пантелеимоновскій монастырь и Андреевскій русскій свѣтъ на Аѳонѣ, Пантелеимоновское русское подворье въ Константинополѣ и русскія постройки Палестинскаго общества въ Іерусалимѣ, т. е. такіе „мирные“ и гостепріимные пункты, въ которыхъ онъ находилъ и личную для непривычнаго въ роскоши обстановку, и удовлетвореніе самымъ первымъ насущнымъ потребностямъ небалованнаго жизнiю челоуѣка, благодаря чему и самыя научныя занятія здѣсь были для него пріятнымъ развлеченіемъ, отдыхомъ отъ житейскихъ тревоженій. Пунктовъ, такъ сказать, „боевыхъ“, гдѣ русскому ученому приходится добывать интересующее его и необходимое для науки путемъ всевозможнаго рода лишеній, даже иногда въ кускѣ насущнаго хлѣба¹⁾, но съ громаднымъ запасомъ, не отступающей ни передъ чѣмъ, настойчивости, большого *терпѣнія*, о коемъ приходится слышать на Востокѣ постоянно, какъ о *conditio sine qua* поп, покойный Николай Ѳомичъ или нарочито избѣгалъ, или посѣщалъ ихъ на самое короткое время. Съ библіотеками Ватопедскаго монастыря, Кутлумуша и Ксенофа,

¹⁾ См. мой отчетъ „Путешествіе по Востоку и его научные результаты“ Кіев. 1890 г. стр. 11—12; отчетъ проф. В. Истринна, напечатанный въ Журналѣ Министерства Народнаго просвѣщенія 1896 г. ч. СССVIII, № 11, отд. 3 стр. 37 и д.

въ которыя доступъ сравнительно легокъ, онъ ознакомился лишь въ самое послѣднее время, а во многихъ афонскихъ монастыряхъ, имѣющихъ не малочисленныя книжныя сокровища, никогда и не былъ.

Проживая, такимъ образомъ, цѣлые мѣсяцы подъ гостеприимнымъ кровомъ русскихъ афонскихъ обитателей, Николай Омичъ естественно имѣлъ полную возможность хорошо и всесторонне ознакомиться съ рукописными библиотекъ Пантелеимоновскаго монастыря и русскаго Андреевскаго скита (Хорошо также извѣстны ему были рукописи библиотеки іерусалимскаго подворья въ Константинополѣ). Не имѣя передъ собою какой либо строго опредѣленной цѣли или задачи, онъ исподволь, не торопясь, занимался сначала литургическими рукописями, потомъ переходилъ къ каноническимъ, а когда и тѣ и другія не представляли интереса, онъ перелистывалъ и читалъ разнаго рода литературныя сборники. Въ его записныхъ и памятныхъ книжкахъ, такимъ образомъ, накопляясь за каждую побѣдку самый разнообразный матеріалъ, хотя нерѣдко весьма цѣнный по своей новизнѣ, но не всегда удовлетворительный, что справедливость требуетъ тоже замѣтить, въ текстуральномъ отношеніи, потому что на розысканіе лучшихъ списковъ открытыхъ имъ текстовъ, въ силу вышеуказанныхъ свойствъ темперамента, не хватало у покойнаго ни силъ, ни энергіи. Кто внимательно читалъ труды покойнаго Николая Омича и даже изучалъ ихъ, тотъ не могъ не видѣть, что въ нихъ нерѣдко чувствуется недостатокъ всесторонняго знакомства съ источниками, и главное, первоисточниками затронутыхъ имъ вопросовъ, — это во первыхъ, а во вторыхъ, свои труды, за отсутствіемъ цѣннаго наличнаго матеріала, онъ старался иногда наполнять матеріаломъ неглубокой древности и, не всегда имѣющимъ прямое отношеніе къ заглавію книги (напр., „Свѣдѣнія о некоторыхъ литургическихъ рукописяхъ Ватиканской библиотеки“), нерѣдко получая его изъ вторыхъ рукъ,

т. е. или отъ своихъ учениковъ, или отъ многочисленныхъ добрыхъ своихъ знакомыхъ (Часть составленоъ имъ i в. „Матеріаловъ для исторіи иноходствования литургіи св. Іоанна Златоуста“ и такимъ же образомъ написана капитальнѣйшая его работа подъ заглавіемъ: „Типшевъ ?) церкви св. Софїи въ Константинополѣ“). Здѣсь же кроется истинная причина, и того любезнаго явленія, присущаго произведеніямъ пера Николая Омича, что онъ, за недостаткомъ положительныхъ фактовъ, не любилъ откладывать въ долгій ящикъ рѣшеніе нѣкоторыхъ важныхъ вопросовъ, его сильно интересовавшихъ, съ надеждою и упованіемъ на счастливый случай и удачную находку гдѣ нибудь въ рукописяхъ, а пытался давать на нихъ отвѣты путемъ своихъ остроумныхъ соображеній, которыя онъ называлъ предположеніями, гаданіями, и которымъ онъ придавалъ важное научное значеніе. „Конечно, это *предположеніе*, писалъ мнѣ въ своемъ предсмертномъ письмѣ Николай Омичъ (отъ 30 мая 1898 г.) въ отвѣтъ на возраженіе мое др доводу недостаточно убѣдительныхъ основаній, высказанныхъ имъ въ рецензіи на мою книгу „Богослуженіе страстной и пасхальной седмицы въ Іерусалимѣ“, что Синайскій канонарь можно признать памятникомъ богослуженія іерусалимскаго,—если угодно, даже *мечтаніе*, но *такое-то мечтаніе весьма полезно въ науку*, ибо направляютъ вниманіе исследователя въ разные темные закоулки и иногда приводятъ къ неожиданнымъ и поразительнымъ находкамъ“. Конечно, мечтанія и оставались въ большинствѣ случаевъ

*) Трудъ этотъ написалъ Николаемъ Омичемъ главнымъ образомъ на основаніи рукописнаго Динисова IX—X в. № 266 Петербургской библиотеки, но подлиннѣйшій самъ лично никогда не былъ на Палестинѣ, и рукописи эту лично никогда не видѣлъ. Всѣ свѣдѣнія объ этой рукописи онъ получалъ отчасти изъ „выдержекъ и вывлеченій“ изъ нея, сдѣланныхъ, по заказу о. бібліотекаря русскаго Палестинскаго монастыря на Афонѣ, митрополитомъ полудіокопскимъ Анфиміемъ, проживающимъ на Палестинѣ, а главнымъ образомъ изъ моего доклада съ этой рукописи. (Н. Красновскій. Тягачъ церкви св. Софїи стр. 6—8).

мечтаниями, не переходили въ область дѣйствительности, напротивъ, нерѣдко, при первомъ соприкосновеніи съ фактами разлетались, какъ дымъ по вѣтру, но иногда и дѣйствительно поразительно оправдывались. Такъ, напр., немало его предположеній по вопросамъ константинопольской топографіи, высказанныхъ въ статьѣ „Типикъ св. Софіи въ Константинополь“, подтвердилъ новыми соображеніями и положительными данными компетентный въ работахъ подобнаго рода извѣстный русскій ученый Д. О. Бѣляевъ, бывшій проф. Казанскаго Университета. Я лично, слѣдша на условленное нами свиданіе въ Константинополь изъ Іерусалима, послѣ сличенія рукописнаго Типикона св. Гроба, 1122 года, патріаршей іерусалимской бібліотеки съ изданіемъ во II томѣ „*Avalexta*“ извѣстнаго Пападопуло-Керамевса, везъ, въ качествѣ пріятной для покойнаго новости, извѣстіе, что предложенныя имъ въ упомянутой выше рецензіи на мою книгу чтенія въ некоторыхъ мѣстахъ¹⁾ этого замѣчательнаго Типикона, во многихъ случаяхъ неправильно прочитаннаго издателемъ, *оправдались подлинникомъ вполнѣ*. Я увѣренъ, что Николай Ѳомичъ съ величайшимъ удовольствіемъ принялъ бы эту весьма пріятную для него вѣсть. Такого рода моменты онъ переживалъ съ чувствомъ полного самоудовлетворенія, и они были торжествомъ его доброй души и свѣтлымъ теплымъ лучемъ въ его полное страданій и мученій сердце.

Гдѣ же, послѣ всего сказаннаго, кроется причина успѣха его разнообразныхъ литературныхъ трудовъ въ наукѣ, среди специалистовъ, о чемъ мы замѣтили выше? Прежде всего и главнымъ образомъ въ *свѣжести* и *интересѣ* того матеріала, который давалъ въ своихъ работахъ покойный Николай Ѳомичъ почти всякій разъ. Это во-первыхъ. Во-вторыхъ, въ чуткости и въ отзывчивости на живые запросы даннаго времени, которыми

¹⁾ Визант. времени. 1896 г. II, в. 4, стр. 644, прим. I.

интересовалось общество или которые волновали и занимали умы людей науки. Въ-третьихъ, въ счастливой манерѣ объективно, съ академическимъ спокойствіемъ и полнымъ безпристрастіемъ обсуждать затрогиваемые имъ вопросы. Безъ всякой напыщенности, чуждый самоувѣрія, чѣмъ грѣшитъ въ большинствѣ случаевъ ограниченная посредственность, съ полнымъ уваженіемъ къ чужимъ мнѣніямъ, хотя бы они и не согласовались съ его личными воззрѣніями, покойный Николай Омичъ принимался за работу съ искреннею благожелательностію и дышалъ одною страстію придти съ своимъ посильнымъ рѣшеніемъ на помощь ученымъ специалистамъ и вмѣстѣ съ ними, путемъ трезваго обсуждения, отыскать дорогую въ наукѣ истину. Въ-четвертыхъ, наконецъ, въ безукоризненной литературной обработкѣ его трудовъ, благодаря мастерству излагать свои мысли ясно, отчетливо и въ то же время простымъ, но въ высшей степени изящнымъ языкомъ. И, нужно сознаться, что съ такими солидными достоинствами пишутся въ наше время ученыя работы далеко не весьма многими изъ русскихъ ученыхъ.

Скромный и застѣнчивый по характеру, Николай Омичъ не могъ передѣлать себя и являясь таковымъ же въ аудиторію на профессорскую кафедру. Не владѣя даромъ устнаго свободнаго изложенія своихъ мыслей и многостороннихъ свѣдѣній, онъ почти всегда въ наше время читалъ свои лекціи по тетрадкамъ, отрываясь отъ нихъ лишь на короткое время, чтобы сдѣлать чертежъ на доскѣ или показать важный рисунокъ въ книгѣ. За популярностію у молодежи онъ никогда не гонялся и былъ чуждъ желаній срывать у нея дешевые аплодисменты, но оставался на кафедрѣ всегда серьезнымъ и дѣловитымъ профессоромъ, стараясь по возможности стоять на высотѣ своего высокаго служенія и строго выполнять свою прямую обязанность—*научить своихъ слушателей* и сдѣлать изъ нихъ людей науки и долга. Какъ профессоръ

руководитель студентовъ, Николай Ѳомичъ, въ средѣ своихъ коллегъ по Казанской Академіи считался въ наше время образцовымъ, что можно подтвердить и официальными данными, неоднократно заявленными его бывшимъ начальствомъ (См. С. Терновскаго. Историческую Записку о состояніи Казанской дух. Акад. послѣ преобраз. Каз., 1892, стр. 408; Прав. Собесѣд. 1895. IX). Любя всею душою свою специальность, Николай Ѳомичъ любилъ своимъ добрымъ сердцемъ и своихъ учениковъ, особенно тѣхъ изъ нихъ, которые желали работать у него по церковной археологіи или литургикѣ. Съ полною благожелательностію онъ шелъ на встрѣчу молодымъ труженикамъ и отдавался имъ всею своею нѣжною душою: онъ уяснялъ имъ предметъ избранной темы, ясно и опредѣленно очерчивалъ рамки сочиненія и высказывалъ безъ обвинковъ свои требованія и желанія, тратя на это много времени въ промежуткахъ между лекціями и у себя на дому по вечерамъ, охотно снабжалъ ихъ источниками и пособіями и нерѣдко изъ своей собственной библіотеки, щедро и великодушно отдавалъ въ руки ихъ неизданные матеріалы, почерпнутые имъ изъ рукописей, и собранныя имъ самимъ разнаго рода замѣтки. Однимъ словомъ, всячески онъ старался облегчить работу своихъ учениковъ и поддержать въ нихъ „духъ бодръ“ надеждою на благіе плоды въ результатѣ. Я лично, напр., будучи еще студентомъ Академіи IV курса и занимаясь магистерскою диссертациею, обращался къ Николаю Ѳомичу, въ бытность его за границею, нерѣдко съ просьбами навести въ греческихъ рукописяхъ ту или иную справку, и всегда въ самомъ непродолжительномъ времени получалъ, къ своему удовольствію, полное удовлетвореніе на эти просьбы. Не порывалъ сердечныхъ истинно отеческихъ отношеній къ своимъ любимымъ ученикамъ Николай Ѳомичъ и послѣ, когда эти ученики оставляли заведеніе и вступали въ жизнь: онъ, если могъ и былъ въ состояніи, устраивалъ ихъ карьеру, всячески промовировалъ, велъ съ ними оживленную

*

переписку, настойчиво рекомендовалъ имъ не превращать научныхъ занятій и для сего старался ставить ихъ въ благопріятныя условія, отечески журилъ за уклоненія въ сторону и т. д. Въ чувствѣ глубокой признательности я не могу умолчать о томъ, что вся моя шестнадцатилѣтняя педагогическая и учено-литературная дѣятельность прошла подъ сильнымъ вліяніемъ незабвеннаго для меня учителя Николая Ѳомича, который охотно и съ полнымъ сердечнымъ участіемъ дѣлилъ со мною и горе и радости, выпадавшія на мою долю за это время, былъ единственнымъ для меня авторитетнымъ совѣтникомъ во всѣхъ моихъ научныхъ предпріятіяхъ и планахъ, и самымъ строгимъ судіею всѣхъ уклоненій въ сторону съ правой стези, имъ указанной... Памятникомъ этихъ живыхъ и сердечныхъ отношеній можетъ служить та громадная переписка (въ посмертныхъ бумагахъ покойнаго найдено мое къ нему письмо въ 22 листика малаго почтоваго размѣра съ возраженіями на одну изъ критикъ Николая Ѳомича на мою книгу), которая велась между нами и которую, какъ сообщалъ покойный Николай Ѳомичъ, онъ хранилъ „въ цѣлости“. Эта переписка любопытна и для меня самого въ томъ отношеніи, что въ ней содержатся самые интимные и подробные отчеты о моихъ путешествіяхъ и находкахъ съ греческими текстами изъ самыхъ памятниковъ и такія наблюденія и впечатлѣнія, которыя никакъ не укладываются въ рамки обычныхъ официальныхъ отчетовъ, это съ одной стороны, а съ другой въ нихъ откровенно высказывались мои сужденія и возраженія по поводу тѣхъ или иныхъ вопросовъ, которые подвергалъ покойный научному разсмотрѣнію въ своихъ многочисленныхъ работахъ. Чтобы иллюстрировать свою мысль и ярче обрисовать отеческія отношенія Николая Ѳомича къ своему питомцу, я позволю себѣ привести здѣсь выдержку изъ послѣдняго его ко мнѣ письма, писаннаго подъ впечатлѣніемъ скорбнаго¹⁾ для него извѣстія моего, что я,

¹⁾ „Весьма удрученъ я, писалъ Николай Ѳомичъ мнѣ отъ 25 мая 1898 г.,

увлекшись разработкою исторических мемуаров Арсенія¹⁾, архієпископа елассонскаго и архангельскаго, открытых мною въ прошлогоднюю поѣздку въ Трапезунтъ, прекратилъ на время печатаніе греческаго евхологія, имѣющаго составить II томъ моего „Описанія литургическихъ рукописей, хранящихся въ бібліотекахъ православнаго Востока“, или, какъ я выразился, „пересталъ думать“ о немъ. „Объ евхологіяхъ вы говорите, писалъ Николай Ѳомичъ ко мнѣ, что „перестали о нихъ думать“. Ждать, слѣдовательно, придется долго, а я не долмайтениз и едвали доживу до этого времени... Мнѣ подобаетъ малиться, но вы растете ли? Растете, конечно, но только ростъ вашъ, кажется, все болѣе и болѣе уклоняется въ сторону отъ литургики. Очень вы обязали бы меня, если бы сообщили мнѣ экземпляры бѣловыхъ, напечатанныхъ уже, листовъ Евхологіона: я занялся бы ими во время путешествія (увы, неосуществившагося!), и это, можетъ быть, было бы не безполезно для васъ“... Великій предсмертный урокъ незабвеннаго учителя! Вотъ, какъ любилъ покойный Николай Ѳомичъ свое дѣло, какъ дорожилъ успѣхами излюбленной спеціальности, принося въ жертву ей и всѣхъ и вся. И сколько самыхъ вѣжныхъ и попечительныхъ заботъ проявилъ онъ объ одномъ изъ своихъ учениковъ, стоя уже одною ногою у края своей преждевременной могилы, но дерзновенно утверждаю, что я лично не былъ единственнымъ его пѣстуномъ; находилъ онъ и досугъ и время интересоваться не менѣе живо и горячо и другими своими учениками...

ожиданіемъ вамию *Кехологіа* и вообще сильно интересуюсь его скорѣйшимъ выходомъ. Какъ хорошо было бы заняться имъ на свободѣ, во время леченія. Но вы, очевидно, не торопитесь“.

¹⁾ Николай Ѳомичъ не любилъ въ ученикахъ уклоненій въ сторону и порицалъ ихъ за это откровенно. Такъ, напр., онъ не одобрялъ моего намѣренія писать очеркъ „Русскіе на Аевонѣ“, а когда я избралъ предметомъ аэтовой академической рѣчи—свои впечатлѣнія, внесенныя изъ поѣздки на Патмосъ, то онъ положительно упрекалъ меня въ намѣнѣ своей спеціальности и сурово осуждалъ меня за это.

Какъ товарищъ-сослуживецъ, покойный Николай Ѳомичъ со стороны своихъ коллегъ повсюду пользовался полнымъ уваженіемъ и искреннею любовью. Ровный, спокойный и въ одинаковой мѣрѣ ко всѣмъ благожелательный, Николай Ѳомичъ къ старшимъ своимъ сослуживцамъ всегда былъ почтительно вѣжливъ, а съ своими сверстниками и младшими членами профессорской корпораціи товарищески задушевенъ и всегда милъ, а поэтому былъ общимъ любимцемъ. Искреннія товарищескія отношенія къ нему съ особенною интенсивностію обнаружилась въ средѣ профессоровъ Одесскаго Университета, когда неожиданно для всѣхъ пришла печальная вѣсть о кончинѣ его въ Константинополь. Въ глубокопрочувствованной прекрасной характеристикѣ высокоуважаемаго Алексѣя Николаевича Деревицкаго, декана историко-филологическаго факультета, мы съ чувствомъ полного удовлетворенія и удовольствія, прочли слѣдующія строки, посвященные обрисовкѣ этой черты покойнаго Николая Ѳомича: „Щедро одаренный многими качествами талантливаго ученаго, добросовѣстнаго изслѣдователя и преданнаго своему дѣлу профессора, Николай Ѳомичъ былъ больше, чѣмъ ученый и профессоръ: онъ былъ *человѣкъ* въ лучшемъ благороднѣйшемъ смыслѣ этого слова. Чуткій и отзывчивый, чуждый всякой мелочности и тщеславія, справедливый и великодушный, онъ *покорялъ* *вспѣхъ* *своею* *безграничною* *добротою* *и* *невозмутимую* *ясностью* *нрава*. Всѣ, узнавшіе его близко, становились его друзьями. А были ли у него враги,—могли ли у него быть?.. (Одесск. Лист. 1898 № 211, стр. 5).

Отвѣчаемъ на поставленный вопросъ: да, къ глубокому сожалѣнію, были. „*И врази* *человѣку*, скажемъ словами Св. Писанія, *домашній* *его* (Матѳ. X, 36; Сн. Мих. VII, 6). Но *рго* *допо* *сua* покойный не любилъ говорить даже и съ интимными друзьями. И если я дерзаю воснуться этой стороны жизни почившаго, то единственно для того лишь, чтобы указать на новую черту его характера—его рыцарски велико-

душное отношеніе къ своимъ домашнимъ, которыхъ онъ любилъ горячо и беззаветно, и для которыхъ онъ жертвовалъ рѣшительно всѣмъ, отказывая часто себѣ въ самыхъ насущныхъ потребностяхъ. Онъ великодушно *все прощалъ* милымъ и близкимъ его сердцу, испытывая самъ лично глубокія душевныя страданія. Силу своихъ душевныхъ страданій и нравственный гнетъ „испорченной жизни“ онъ немногословно, но, по нашему мнѣнію, краснорѣчиво высказалъ незадолго до своей кончины въ слѣдующемъ четверостишіи, написанномъ имъ въ записной книжкѣ, найденной нами въ посмертномъ его пакетѣ, и датированномъ „21 іюля 1898 года. Кисловодскъ“:

„Вотъ тополей стройныхъ аллея
 Радуетъ мой очарованный взоръ,
*Но жизнь отъ того для меня не милье,
 И ей посылаю я горькій укоръ“.*

Съ этимъ „горькимъ укоромъ“ своей „разбитой жизни“ Николай Фомичъ сошелъ и въ могилу, закрывъ свои глаза на чужбинѣ одинокимъ, вдали отъ родины, отъ родныхъ, отъ друзей, подъ гостепріимнымъ кровомъ обителя великомученика Пантелеимона, гдѣ онъ любилъ проводить время своихъ одинокихъ каникулъ. Но, нѣтъ, Николай Фомичъ и въ часъ смертный не былъ одинокъ и всѣми покинутъ. Русская наука, которой онъ служилъ вѣрою и правдою въ теченіе всей своей жизни, въ лицѣ своего достойнѣйшаго представителя, Ф. И. Успенскаго, директора нашего археологическаго Института въ Константинополѣ, встала у изголовья умирающаго, приняла его послѣдній скорбный вздохъ, своею дружескою рукою на вѣки закрыла его ясныя очи, а его бренныя останки окружила такою нѣжною заботливостію и товарищескимъ участіемъ ¹⁾ въ послѣдніе дни ихъ надземнаго

¹⁾ Константинопольскія газеты — французскія и греческія почтили память усопшаго профессора добрымъ словомъ, а о похоронахъ его отзывались съ рѣшительною похвалою.

пребыванія, какія не всегда выпадаютъ у насъ на долю людей науки у себя дома на родинѣ, подъ роднымъ кровомъ... Честь, хвала и многая лѣта тебѣ, великій труженникъ русской науки, никогда, конечно, не мечтавшій, что къ многосложнымъ прямымъ обязанностямъ на чужбинѣ по долгу своего официальнаго положенія присоединится еще и забота о членахъ-мертвецахъ, а незабвенному Николаю Оомичу единими усты и единымъ сердцемъ скажемъ вси: „Вѣчная память“!

А. Дмитриевскій.

Бъ исторіи Кіевской Трехсвятительской церкви за вторую половину XVII столѣтія.

Въ недавно вышедшемъ въ свѣтъ II томѣ нашего сочиненія: *Кіевскій митрополитъ Петръ Могила и ея сподвижники*, говоря о возобновленіи П. Могилою Трехсвятительской церкви въ Кіевѣ, мы, на основаніи документальныхъ данныхъ, утверждали, что означенная церковь должна быть отнесена къ *наибольше сохранившимся храмамъ до-могилянскому періода*, — имѣя при этомъ въ виду время, о которомъ у насъ шла рѣчь, т. е. первую половину XVII столѣтія. „Правда,—писали мы—въ настоящее время отъ первоначальнаго зданія *древней Васильевской (Трехсвятительской) церкви* наиболѣе компетентные церковные археологи считаютъ уцѣлѣвшими только: а) алтарные абсиды (до сводовъ включительно) и б) стѣны теперешней средней части церкви (до охватывающаго ихъ вверху карниза); но извѣстно, что *около 1660 года* эта церковь сгорѣла, находилась затѣмъ въ запустѣніи и начала вторично обновляться съ 1693 года. Очевидно, во времени послѣ означеннаго пожара, а не ко времени до-могилянскому, какъ нѣкоторые думаютъ, должно быть относительно документальное извѣстіе, что „на Трехсвятительской церкви *мавы и сводовъ нѣтъ, обвалились, и во многихъ мѣстахъ разсылись*“.

Означенныя краткія свѣдѣнія о судьбѣ Трехсвятительской церкви во второй половинѣ XVII столѣтія были заимствованы нами изъ извѣстныхъ трудовъ преосв. Евгенія (*Описание Кіево-Софійскаго собора*, Кіевъ 1825 г.), Н. В. Закревскаго

(*Описание Кіева*, изд. 1868 г.), М. А. Максимовича (*Объяснительные параграфы о Кіевѣ*) и друг., послѣ взаимнаго ихъ сличенія и критическаго къ нимъ отношенія. Въ настоящее время мы имѣемъ возможность означенныя свѣдѣнія провѣрить и подкрѣпить, а отчасти и восполнить на основаніи документальныхъ данныхъ, извлеченныхъ нами изъ Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ въ Москвѣ¹⁾.

1) *О пожарѣ Трехсвятительской церкви во второй по ловинѣ XVII стол.*—Преосв. Евгеній въ „Описанія Кіево-Ссфійскаго собора (стр. 210) пишетъ относительно этого слѣдующее: „Васильевская (Трехсвятительская) церковь митрополитомъ Петромъ Могилою приписана была къ Братскому монастырю, отъ котораго тамъ опредѣленъ былъ строитель съ братією для служенія. Но по спорѣмъ около 1660 года опять запусѣла и приписана была къ Золотоверхомихайловскому монастырю“. Это показаніе преосв. Евгенія о времени „сгорѣнія“ Трехсвятительской церкви принимаемо было послѣдующими изслѣдователями кіевской старины: М. А. Максимовичемъ („Обозрѣніе Стараго Кіева“, 1894 г.), Фундуклеемъ („Обозрѣніе Кіева“, 1848 г.) и другими. Но Закревскій въ своемъ „Описанія Кіева“ (изд. 1868) г.) означенное „показаніе“ преосв. Евгенія или, какъ онъ выражается, *показаніе Максимовича* счелъ ошибочнымъ, заявивъ, что *по свидѣтельству украинскихъ лѣтописей* Трехсвятительская церковь сгорѣла 17 августа 1651 года. Это новое мнѣніе Закревскаго вызвало сильное возраженіе со стороны Максимовича. „По какимъ это украинскимъ лѣтописямъ—говоритъ онъ—Трех-

¹⁾ *Нѣкоторыми* неизданными документами Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, относящимися къ трагическому предмету, пользовался авторъ „Историческихъ замѣтокъ о Кіевѣ“ (протоіерей П. Г. Лебеднцевъ), помѣщенныхъ въ октабрьской книжкѣ *Літ. Старина* за 1884 г. Но, очевидно, онъ бѣгло просмотрѣвалъ означенные документы и потому крайне былъ скупъ на выдержки изъ нихъ, что (помимо нѣкоторыхъ неточностей, допущенныхъ самимъ авторомъ) давало иногда поводъ и другимъ, занимающимся изученіемъ кіевской старины, дѣлать на о нованіи сихъ выдержекъ ошибочныя предположенія.

святительская церковь сгорѣла 17 августа 1651 года?... Въ старинныхъ украинскихъ лѣтописяхъ о томъ не упоминается; изъ нихъ видно, что пожаръ былъ тогда не на старомъ или верхнемъ городѣ, а на *Подоль*, и погорѣли церкви Кіево-подольскія. Я очень люблю точное и вѣрное означеніе *тогда*, но поправляю и отмѣняю прежде принятые годы не иначе, какъ на основаніи достовѣрномъ. Въ настоящемъ же случаѣ, я остаюсь по прежнему при Евгеніевомъ *показаніи 1660 года*, зная, что онъ свои свѣдѣнія о Трехсвятительской церкви заимствовалъ изъ старинныхъ *городовыхъ книгъ* и разныхъ грамотъ, видя въ то же время, что показаніе Закревскаго о 1651 годѣ ошибочно и напрасно⁴⁾.

Отрицательное отношеніе М. А. Максимовича къ мнѣнію г. Закревскаго объ истребленіи пожаромъ Трехсвятительской церкви *17 августа 1651 года*, какъ основанное на документальныхъ данныхъ; упрочилось въ наукѣ, и изслѣдователи (точнѣе, большинство изслѣдователей) по данному вопросу по прежнему продолжали держаться показанія преосв. Евгенія, хотя оно имъ и не подкрѣплено было ссылкой на первоисточ-

⁴⁾ Собраніе сочиненій М. А. Максимовича, т. II стр. 54.—Максимовичъ въ подтвержденіе своего мнѣнія, что 17 авг. 1651 года пожаръ былъ на Подолѣ и въ это время сгорѣли нѣкоторыя Кіево-подольскія церкви приводитъ выдержки, во 1-хъ, изъ лѣтописи Юриича, гдѣ говорится: „17 августа (1651 г.) своевольники, для грабежа, зажгли Кіевъ (т. е. Подоль); здѣсь сгорѣло тогда болѣе двухъ сотъ дворовъ и нѣсколько церквей, а именно: 1) церковь святой *Пречистой* на рыноцѣ, въ которой спрятаны были городскія и земскія книги, и всѣ пропали; 2) дѣвичій монастырь *Флоровскій*; 3) церковь *Доброго Николая* и 4) клѣтзоръ *Бернардинскій*“; во-2-хъ, выдержку изъ тоговременнаго письма очевидца означеннаго пожара, которое напечатано въ *Старожитностямъ*, надъ въ Варшавѣ въ 1840 г. Амвросіемъ Грабовскимъ: „Опять (17 авг. 1651 г.) показался (на Подолѣ) огонь страшный и невиданный. Сперва сгорѣлъ костель о. Бернардиноу, съ клѣтзоромъ и школами; затѣмъ церковь армянская и двѣ каменныя стародавнія церкви лезунитовъ, одна пресвятой Троицы, другая еще Кіевскимъ княземъ Владиміромъ заложена... Къ вечеру поднялся такой ужасный вихорь, что намъ, младшимъ съ юры, представлялся адъ или Содомъ и Гоморъ“ (Ibid).

никъ. Въ настоящее время мы имѣемъ возможность указать на этотъ первоисточникъ, изъ коего можно видѣть и то, почему преосв. Евгеній, опредѣляя время поврежденія пожаромъ Трехсвятительской церкви, обозначилъ оное приблизительно: *около 1660 юда*. Первоисточникъ этотъ—прошеніе избраннаго на кievскую митрополию Варлаама Ясинскаго къ царямъ Іоанну и Петру Алексѣевичамъ, въ которомъ онъ, —какъ увидимъ,—ходатайствуя о возобновленіи Трехсвятительской церкви, указываетъ, что она сгорѣла „*при воеводствѣ боярина Василя Борисовича Шереметева*“.

Бояринъ Василій Борисовичъ Шереметевъ, пользовавшійся славою весьма искуснаго военачальника (царь Алексѣй Михайловичъ называлъ его „*благонадежнымъ архистратигомъ*“), назначенъ былъ воеводою въ Кіевъ, на смѣну окольничаго Андрея Васильевича Батурина, 6 апрѣля 1658 года ¹⁾; выѣхалъ изъ Москвы 5 мая ²⁾, прибылъ въ мѣсту своего назначенія въ Кіевъ 17 іюня того же юда ³⁾. На воеводствѣ въ Кіевѣ В. Б. Шереметевъ пробылъ съ небольшимъ два года. Въ 1660 году, вскорѣ послѣ 6 августа („по Святормъ Спасѣ“), онъ „по указу великаго государя“, отправился въ походъ противъ поляковъ ⁴⁾, окончившійся, какъ извѣстно, вслѣдствіе измѣнническаго образа дѣйствій малороссійскаго гетмана Юрія Хмѣльницкаго, полнымъ пораженіемъ Шереметева: послѣдній вынужденъ былъ сдаться на капитуляцію съ своимъ войскомъ и, вопреки заключенному при этомъ съ поляками договору, отданъ былъ, въ качествѣ заложника, въ Крымъ, гдѣ и томился въ неволѣ въ теченіе 20 лѣтъ ⁵⁾.

¹⁾ А. Ю. и З. Р. т. VII, № 75.

²⁾ Родъ Шереметевыхъ, Александра Барсукова, кн. 5, Сиб. 1889 г., стр. 50. Дополненія къ тому III Дворцовыхъ разрядовъ. Сиб. 1854. столб. 130.

³⁾ Родъ Шереметевыхъ, А. Барсукова, Дн. 5, стр. 74 (на основаніи письма Василя Борисовича къ государю).

⁴⁾ Ibid. кн. 5, стр. 297.

⁵⁾ Подробности см. въ упомянутомъ трудѣ А. Барсукова, кн. 6.

Очевидно, преев. Евгений, имѣя въ виду, съ одной стороны, указаніе упомянутого первоисточника о „сожженіи“ Трехсвятительской церкви во время воеводства Василя Борисовича Шереметева, а съ другой—зная, что это непродолжительное воеводство окончилось *въ 1660 году*, приблизительно къ тому послѣднему и приурочил означенное событіе. Возможно, что когда-либо въ неизданныхъ доселѣ памятникахъ, касающихся кіевской старины, найдется *точное* обозначеніе времени, когда сгорѣла Трехсвятительская церковь. Но пока такое указаніе неизвѣстно, соотвѣтственнѣе съ имѣющимися данными говорить, что означенная церковь повреждена пожаромъ „*во время воеводства въ Кіевъ боярина Василя Борисовича Шереметева, т. е. въ 1658—1660 годахъ*“¹⁾.

2) О возобновленіи Трехсвятительской церкви въ 90-хъ л. XVII ст. Авторъ „Историческихъ замѣтокъ о Кіевѣ“, на основаніи архивныхъ данныхъ, говоритъ, что кіевскій митрополитъ Гедеонъ *въ 1688 году* просилъ у царей (Юянна и Петра Алексѣевичей) пособія на возобновленіе храма св. Софіи и разрѣшенія разобратъ и употребить на починку его „*дѣтъ церкви каменные, гораздо худыя, что стоятъ пусты въ городѣ, св. Екатерины и св. Василя*“... „*Спустя три года послѣ сею игуменья Кіево-Михайловскаго монастыря* просила объ отдачѣ подѣ свой монастырь каменной Трехсвятительской

¹⁾ Возможно, что Трехсвятительская церковь была „сожжена“ во время двухдневной кіевской битвы Шереметева съ братомъ гетмана Даниломъ Выговскимъ и кіевскимъ полковникомъ Яненко, происшедшей 23 и 24 августа 1658 года. Въ донесеніи царю Алексѣю Михайловичу воеводи Шереметева объ означенной битвѣ, между прочимъ, говорится: „А какъ мы, *Школоня твои, Кіевского полковника Павла Яненка* обою звали и пушки на *Щекосинѣ* въ обоѣхъ всѣхъ помали, (между ними) в тѣхъ пушекъ (длинныхъ кіевскихъ ибѣднѣхъ и новѣхъ Куракинѣхъ и Волонскихъ) обѣщались у нихъ въ обоѣхъ ибѣднѣхъ и жолѣннѣхъ четыре пушки, и пушадъ, *зосударь, стрельба по насъ, жолоней твоихъ, была съ Щекосинѣ, изъ обою, изъ тѣхъ пушекъ*“. (Сборникъ Матер. для историч. топографіи Кіева. Кіевъ. 1874 г., отд. III, стр. 82—83). О сожженіи во время этой битвы нѣкоторыхъ церквей на Подолѣ есть прямыя документальныя указанія (А. Ю. в З Р. т. IV, № 93, стр. 186).

церкви.¹⁾—Эти краткія и не совсѣмъ точныя рѣчи дали поводъ проф. Н. И. Петрову сдѣлать предположеніе, что въ первомъ случаѣ дѣло касается *церкви св. Василія на Новомъ дворѣ*, созданной правнукомъ Владиміра Мономаха, великимъ княземъ Юрикомъ Ростиславичемъ (1195—1202 г.г.), а не церкви Трехсвятительской²⁾. Но такое предположеніе ошибочно. Въ данномъ случаѣ рѣчь была именно о Трехсвятительской церкви: о разобраніи ея для починокъ Кіево-Софійскаго собора,—и если Трехсвятительская церковь удѣляла, то случилось это вслѣдствіе нѣкоторыхъ благоприятныхъ для сего обстоятельствъ.

Приведемъ документальныя данныя, касающіяся затронутого нами вопроса.

„Въ 196 (1688) году, апрѣля въ 12 день, (читаемъ въ одномъ изъ тогочасныхъ документовъ) билъ челомъ великимъ государемъ, царемъ і великимъ княземъ Іоанну Алексѣевичу, Петру Алексѣевичу і великой государыне благовѣрной царевне и великой княжне Софіи Алексѣевнѣ и всея великія и малыя и бѣлыя Росіи самодержцемъ преосвященный Гедeonъ, митрополитъ кіевскій і галицкій і малыя Росіи, чтобъ великіе государи пожаловали его, *велѣли съ Кіевъ церкви каменные св. Великого Василія и святыя великомученицы Екатерины, которые стоятъ обветшавши і пусты, разобрать*, і разобравши перевести ихъ великихъ государей казною на починку соборныя церкви святыя Софіи Премудрости Слова Божія“.

Однако такое разрѣшеніе митрополиту Гедeonу дано не было. Въ Москвѣ *предварительно* рѣшено было (22 апрѣля) послать „великихъ государей грамоту въ Кіевъ къ боярину и воеводамъ, къ Ивану Васильевичу Батурлину съ товарищи“,

¹⁾ Кіев. Старина, октябрь 1884, стр. 235.

²⁾ Иогорико-тонографическіе очерки древняго Кіева. Н. И. Петрова. Кіевъ. 1897 г., стр. 126.

чтобы они „описали“ означенныя обветшавшія церкви св. Василя Великого и великомученицы Екатерины и, „описавъ, учинили смѣтную роспись, сколько старыхъ каменныхъ припасовъ на починку Софійской церкви будетъ, и что какихъ припасовъ на то церковное строеніе надобно изготовить вновь, и о томъ о всемъ къ великимъ государемъ писать въ приказъ малыя Россіи“¹⁾).

Когда дошло въ Кіевъ извѣстіе о состоявшемся рѣшеніи московскаго правительства произвести „опись означеннымъ „опустѣвшимъ“ церквамъ, монахини дѣвичьяго Кіево-Михайловскаго монастыря рѣшились обратиться къ государямъ съ просьбою о предоставленіи имъ Трехсвятительской церкви, такъ какъ своей собственной онѣ не имѣютъ. Съ этою дѣлю во второй половинѣ мая (1688 г.) отправилась въ Москву сама игуменья дѣвичьяго монастыря съ сестрами, куда онѣ и прибыли 16 іюня. Въ поданномъ ими государямъ прошеніи говорилось, что „живутъ онѣ въ томъ (Кіево-Михайловскомъ) монастырѣ изстари, 84 сестры, и приходятъ въ церковь къ Михаилу Архангелу. А въ томъ монастырѣ игумень Сильвестръ, да братья 15 человекъ; и на игумена и на братію въ огородахъ и въ поле около всякаго хлѣба работаютъ онѣ; а въ городѣ Кіевѣ старая церковь каменная во имя трехъ святителей Василя Великого, Григорія Божслова и Иоанна Златоустаго, и у ней только порушились одни главы, и строение великаго князя Владимира, а около той церкви близко дворовъ нѣтъ, только одѣ житницы ихъ великихъ государей, а государскаго жалованья имъ, руги, противъ иныхъ монастырей, нѣтъ, скитаются и кормятся Христовымъ имянемъ, и чтобы великіе государи пожаловали, велѣли ту церковь починить и огородить, и ихъ въ томъ монастырѣ построить“²⁾).

¹⁾ Архивъ Мин. Иностр. Дѣлъ. Дѣла Малорос. св. 76. (№ 69).

²⁾ Архивъ Мин. Иностр. Дѣлъ. Дѣла Малорос. св. 76 (№ 69) и 84 (№ 46).

Огправляясь въ Москву съ просьбою, не соотвѣтствовавшею видамъ митрополита, по крайней мѣрѣ, не согласовавшеюся съ ранѣе подавнымъ имъ прошеніемъ о разобраніи Трехсвятительской церкви, игуменья Кіево-михайловскаго дѣвичьяго монастыря исходатайствовала посланіе къ государямъ и отъ митрополита, въ которомъ опъ, извѣщая государей о цѣли путешествія въ Москву игуменья Агафьи съ сестрами, предоставляетъ то или иное рѣшеніе о Трехсвятительской церкви благоусмотрѣнію ихъ Царскихъ Величествъ. Указавъ въ началѣ сего посланія, что инокини дѣвичьяго Кіево-Михайловскаго монастыря, желаютъ „нѣкихъ ради винъ“ переселиться „на иное мѣсто“, митрополитъ продолжаетъ: „Извѣстно о семъ творю Вашему Царскому Пресвѣтлому Величеству. Будетъ ли воля предреченныхъ инокинь *благоугодною божественной і Вашей Царскаю Величества воли: да сподобитъ ихъ Вышній Обладатель государственную Вашего Царскаго Величества получить милость. Вашего Царскаго Величества отчина присущная, Вашего Царскаго Пресвѣтлаго Величества и богомолицы. Яко убо благоугодно Обладателской Вашего Царскаго Пресвѣтлаго Величества воли: тако да будетъ.* Азъ же подъ монаршескій Вашего Царскаго Пресвѣтлаго Величества престоль, выю до лица земли преклонивъ“... и проч. ¹⁾).

Въ то время, когда въ Москвѣ заслушивалось (2 іюля) прошеніе кіево-михайловскихъ инокинь, здѣсь не полученъ былъ еще отвѣтъ отъ воеводы по указанному запросу о состояніи церковей Трехсвятительской и великомученицы Евкатеринны, вызванному помянутымъ прошеніемъ митрополита Гедеона о разобраніи сихъ церковей. Поэтому, надо полагать, тогда же былъ посланъ въ Кіевъ вторичный запросъ къ воеводѣ по сему предмету, причемъ требовались свѣдѣнія и

¹⁾ Ibid. сяз. 76 (№ 69). Означенная грамота митрополита Гедеона датирована 16 мая 1688 года.

о томъ: *возможно ли возобновленіе Трехсвятительской церкви? По крайней мѣрѣ, въ концѣ августа кievскимъ воеводою означенныя свѣдѣнія сообщены. Они состояли въ слѣдующемъ: „Церковныя каменные стѣны святаго Великаго Василія во многихъ мѣстѣхъ разсѣлись, алазъ церкомъ и сводами мѣстъ, обвалились съ давныхъ годовъ; а мочно ль тое церковь, не разбирая, починить, і своды і главы тѣ стѣны удержатъ ли, і сколько на починку той церкви каменныхъ и всякихъ припасовъ надобно, того осмотрѣть и смѣтитъ нѣкому, каменныхъ дѣлъ подмастерья нѣтъ“¹⁾. Виѣсть съ этимъ отвѣтомъ кievскій воевода прислалъ (очевидно, тоже по требованію изъ Москвы) планъ той части города Кіева, гдѣ находились церкви Трехсвятительская и Михайловскій монастырь, съ изображеніями той и другаго.*

Въ виду неопредѣленнаго отвѣта изъ Кіева относительно возможности возобновить Трехсвятительскую церковь, вопросъ объ ея дальнѣйшей судьбѣ былъ на время отложенъ. Просьба же кievо-михайловскихъ инокинъ, сѣтовавшихъ на немѣнне собственности церкви, была удовлетворена рѣшеніемъ построить мѣстѣ прежняго ихъ пребыванія новую деревянную церковь, о чемъ митрополитъ навѣщенъ былъ особою грамотою отъ имени государей отъ 1 октября 1871

¹⁾ Арх. Мхи. Иностр. Дѣл. Дѣла Малорос. св. 76, № 69 и св. 84, № 47.—Что въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ именно о Трехсвятительской церкви, это видно изъ непосредственно слѣдующей за сими справки о церкви, которую желала получить инокиня Кіево-Михайловскаго монастыря: „А въ росписи каменую оную божру и водела прислали, написано: Церковь каменная Трехъ Святителей въ длину въ основаніи съ алтаремъ 7 сажени, внутри отъ западныхъ дверей до алтара полъ 4 сажени, алтарь въ длину 3 сажени съ аршиномъ, поперекъ той церкви и алтара 4 сажени съ аршиномъ; на той церкви главы и сводовъ нѣтъ, обвалились, і во многихъ мѣстахъ стѣны разошлись.“—Эта самая роспись, которую, *безъ сомнѣнія, ерменемъ въ распоряженіи, приводитъ прерывъ Катаній на словы „Описанія Кіево-Сѣв. собора, и которая, — какъ мы говорили, — безъ сомнѣнія, должна быть признана официальнымъ документомъ, составленнымъ самимъ присоединеніемъ Кіева къ Московскому государству (Кіевскій митрополитъ Петръ Могила, т. II, стр. 445).*

(т. е. 1688) года. „Въ именованномъ въ 197 году—говорится въ этой грамотѣ—мы великіе Государи, Наше Царское Величество, въ нашей отчизне въ Богоспасаемомъ граде Киевѣ, Михайловскаго Дѣвичья монастыря игуменъ Агафѣи съ сестрами велѣли построить *церковь новую деревянную съ трапезою теплою*, а отъ Михайловскаго мужскаго монастыря отгородить крѣпкою и не високою оградою, чтобъ проходу изъ того дѣвическаго монастыря въ мужской монастырь отнюдь никакова не было. А для совершенія Божественныхъ службы указали мы, Великіе Государи, Наше Царское Величество, тебѣ, богомольцу нашему, дать священника да діакона добрыхъ. Денежное и хлѣбное жалованье тому священнику съ причетники учинить и давать велѣли“... Царскій указъ о построеніи для кіево-михайловскихъ инокинь церкви былъ вскорѣ исполненъ ¹⁾).

Неизвѣстно, какъ-бы рѣшился вопросъ о судьбѣ Трехсвятительской церкви, еслибы продолжилось управленіе кіевою митрополіею Гедеона Святополка Четвертинскаго, очевидно, не особенно дорожившаго памятниками старины. Но митрополитъ Гедеонъ скоро скончался (6 апрѣля 1690 г.). На его мѣсто „по давнимъ правамъ и обыновеніямъ“ на соборѣ, происходившемъ 1 и 2 іюня „въ церкви престолной Софійской“, избранъ былъ кіево-печерскій архимандритъ Варлаамъ Ясинскій. Нововзбранный митрополитъ, по требованію московскаго правительства, прибылъ для посвященія въ Москву и, осыпанный здѣсь царскими милостями ²⁾, вошелъ съ прошеніемъ о многихъ нуждахъ, касающихся какъ его лично, такъ

¹⁾ Церковь св. Софій въ дѣвичьемъ Кіево-Мих. монастырѣ изображена уже на планѣ Кіева 1695 г., над. Кіев. Археогр. Комиссією.

²⁾ Что московское правительство, заботившееся о томъ, чтобы кіевскую митрополію кассиду занималъ человекъ, который бы „великимъ Государемъ, Ихъ Царскому Величеству, былъ открытъ и всякаго добра и милости желателенъ“, оказало самый хорошій приемъ Варлааму Ясинскому, — объ этомъ можно заключать изъ массы полученныхъ имъ подарковъ (Подробности объ этомъ см. въ прилож. къ „Описанію Кіево-Соф. собора, № 25, стр. 126—128).

и ввѣренныхъ его управленію церквей и монастырей. Къ числу такихъ нуждъ, настоятельно требовавшихъ удовлетворенія, отнесено было имъ и возстановленіе Трехсвятительской церкви, а если окажется возможнымъ то и Еватерининской. „Трехсвятительская церковь,—заявлялъ Варлаамъ Ясинскій,—стоитъ пуста, обетшала и попремногу разорена, сочтена же обрестъ амбарами житницъ и запасовъ отъ воеводъ киевскихъ, і священнодѣйствіе молитвенное за православную державу тамо не бываетъ *со оговоромъ многихъ, что при владѣніи православномъ таковое есть нерадѣніе о той церкви, і нестроение же и запустѣніе, каково не бѣ і при державѣ ляхой*, отъ нея же дана бѣ та церковь, за тѣчаніемъ блаженныя памяти митрополита Киевскаго Петра Могилы, въ доворѣ владѣніе приписное монастырю Брацкому Киевскому, отъ него же тамо живяше строитель іеромонахъ начальный съ своими помощниками, священнодѣйствуя по вся дни *даже до сожженія при воеводствѣ боярина Василья Борисовича Шереметева*, по немъ же обращена на житницы запасовъ“. По этому Варлаамъ Ясинскій „дерзаетъ воспоминати и челомъ бити Царскому Пресвѣтлomu Величеству *імянемъ всею православія*, чтобъ та церковь *только чесная, первоначальная Російская* была очищена и освобождена *отъ тѣхъ амбаровъ и житницъ, окружившихъ е*, и да будетъ въ досмотреніи митрополитанскомъ, таже і безъ отлаганія, во времена зимы, за милостивымъ Богоугоднымъ указомъ монарховъ вась православныхъ, наслѣдниковъ Владиміровыхъ, построена будетъ тѣчаніемъ воеводъ киевскихъ... *Недалече же отъ тоя* воспомененныя Трехсвятительскія каменныя церкви въ томъ же городѣ въ верхнемъ Києве і другая ветхая, *много паче развалившаяся*, каменная святыя великомученицы Екатерины церковь, *ея же токмо нѣкыя столпы і часть стѣны на основаніи стоить*“. Новонабранный митрополитъ „вспоминаетъ и о той: *аще возможно будетъ, воздвигнути и ю, по премилостивому разсмотрѣнію ихъ Царскихъ Величествъ*“; а до того

времени Варлаамъ Ясинскій проситъ, чтобы она была „въ досмотрѣннѣ власти духовныя митрополитанское, съ помощію воеводскою, да не до конца разорена будетъ отъ бегичнаго народа, взимающаго оттуда каменіе на мирскія ихъ потребности“¹⁾).

Въ то время, когда Варлаамъ Ясинскій обратился къ государямъ съ просьбой о возобновленіи церкви Трехсвятительской и св. великомученицы Екатерины, у московскаго правительства имѣлись уже свѣдѣнія о томъ, какое количество кирпича можетъ доставить разборка означенныхъ церквей. „А по досмотру и по смѣтѣ,—читаемъ въ одномъ тогочужбинномъ документѣ,—въ обетшавшихъ каменныхъ церквяхъ святаго Василия и святыя великомученицы Екатерины кирпичу цѣлаго и ломанаго выберетца 60 тысячъ“²⁾).

¹⁾ Архивъ Мин. Иностр. Дѣлъ. Дѣла Малор. связ. 81. № 46.

²⁾ Докладъ объ взвозѣ кievскаго воеводи съ товарищами доставленъ близъ московскому правительству (какъ видъ и требовалось) въ связи съ свѣдѣніями „о ветхостяхъ“ св. Софіи Кіевской и о количествахъ необходимыхъ для исправленія ихъ матеріаловъ. Приводитъ эту часть доклада, важную для интересующихся кievскою стариною, въ полномъ видѣ:

„А по мѣрѣ Софійскіе церкви доведетца починить і вновь здѣлать обвалившихся и развалившихся мѣсть противъ прежняго основанія двухъ сторонъ, въ предѣлахъ по два свода, на одной сторонѣ въ длину 80 сажень, а поперекъ одинъ сводъ 3 сажени, другой 4 сажени, а въ вышину до сводовъ двѣ стѣны починить вверхъ по 3 сажени съ полусаженью.

Въ другомъ предѣле свода въ длину 9 сажень съ полусаженью, поперекъ одинъ сводъ 3 сажени, въ другомъ 4 сажени, да на востокѣ надъ хорными дверями, да на предѣле святыхъ четырехдесять мучениковъ здѣлать 2 главы заново противъ прежняго основанія, и стѣны інутри и съ наружныхъ сторонъ во многихъ мѣстехъ обвалилися. Да у той же Святософійской церкви противъ предѣла прежняго основанія здѣлать башню въ бесѣдѣ, а на вѣсводи, и на главы, и на починку стѣнъ, и на башню въ бесѣдѣ, буде вышепомянутые церкви (Трехсвятительскую и св. великомученицы Екатерины) разобрать, къ старому кирпичу надобно вносить въ прибавку 250,000 кирпичу зженого, 800 бочекъ извести, да въ связи 500 пудъ жегіза, да 300 брусомъ дубовыхъ по 4 сажени, да въ дьяржъ на крышъ и на завѣсы и въ окнахъ на решеткы і на гвоздьяхъ въ крышу церковной іровни 100 пудъ жегіза, да на свода і въ окнамъ на закрѣпки аршинныхъ і 3 четвертинныхъ 1000 ваменей бѣлыхъ“ (Ibid. св. 94).

Если у московскаго правительства и была мысль, вызванная просьбою митрополита Гедеона, разобрать церкви Трехсвятительскую и св. великомученицы Евкатерины, то въ настоящее время, съ избраніемъ на кievскую митрополию Варлаама Ясинскаго, дорожившаго древними церковными памятниками и настойчиво просившаго государей о возобновеніи ихъ, мысль эта была оставлена, по крайней мѣрѣ относительно Трехсвятительской церкви, какъ сравнительно наиболѣе сохранившейся. Въ Кіевъ посланъ былъ приказъ снести амбары, ближайшіе къ означенной церкви, а митрополиту Варлааму Ясинскому было заявлено, что „о строеніи“ церкви св. Василя *„впредь изъ Царскаго Величества указъ будетъ, какъ съ неприятелми басурманы война кончится“*.

Отъ 1692 года (послѣ возобновленной въ 1691 году просьбы М. В. Ясинскаго о томъ же предметѣ) имѣются уже свѣдѣнія о снесеніи нѣкоторыхъ, наиболѣе „утѣснявшихъ“ Трехсвятительскую церковь, амбаровъ и перенесеніи ихъ на другое „удобное“ мѣсто. Надо полагать, что непосредственно послѣ этого начались подготовленія въ возобновенію и самаго храма на средства митрополита. Лѣтомъ 1693 года, когда прибылъ въ Москву посланный Варлаамомъ Ясинскимъ ректоръ Кіево-могилянской коллегии Іоасафъ Кроковскій, то чрезъ него доставлены были разнообразныя прошенія митрополита и государямъ. Между прочими прошеніями было и о Трехсвятительской церкви. Именно, митрополитъ заявлялъ, что „хотя уже нѣкоторые амбары по указу монаршескому (отъ Васильевской церкви) и снесены“, но желательно, чтобы „и прочіе отнесены были подале“; такъ какъ „церковь Святительская уже начинаетъ починиватися тщаниемъ ея, митрополита, того зѣло желающаго“. Объ этомъ возобновеніи, т. е. вспомоствованіи отъ правительства, митрополитъ опять и проситъ „милостиваго монаршего указа“¹⁾. По этой новой просьбѣ митрополита о Трехсвятительской церкви 11 января 202 (1694) года состоялось такое постановленіе (сохранившееся въ черновомъ спискѣ царскихъ

¹⁾ Арх. Минист. Иностр. Дѣл. Дѣла Малорос. св. № 94.

отвѣтовъ по прошеніямъ Варлаама Ясинскаго): „Великіе государи древнюю церковь Трехъ Святителей починивать ему, преосвященному митрополиту, *указали*. А о хлѣбныхъ амбарахъ указали послать свою великихъ государей грамоту въ Кіевъ боярину и воеводамъ, чтобы они въ Верхнемъ городѣ порозшихъ мѣсть, гдѣ бы мочно было тѣ хлѣбные амбары построить вновь, осмотрѣли, и описали, и учинили чертежъ съ мѣрою, и тотъ осмотръ и чертежъ прислали къ Москвѣ въ приказъ Малыя Россіи. И какъ бояринъ и воеводы о томъ отпишутъ, тогда и указъ ихъ Царскаго Величества учиненъ будетъ по рассмотрѣнію“ ¹⁾. Съ этого времени, безъ сомнѣнія, возобновленіе Трехсвятительской церкви пошло успѣшнѣе, хотя и не съ такою быстротою, какъ обыкновенно думаютъ. М. А. Максимовичъ считаетъ „наиболѣе вѣроятнымъ предполагать, что въ 1693 году приступлено было къ возобновленію Трехсвятительской церкви, 1694-го года произведена постройка, а въ 1695 году, въ храмовой день 30-го января, освящена церковь и тѣмъ довершено ея возобновленіе“ ²⁾. 1695 годъ, какъ время окончательнаго возобновленія Трехсвятительской церкви, указывается и другими изслѣдователями кіевской старины ³⁾. Но, какъ не подтверждаемое документальными данными, мнѣніе это не имѣетъ прочной основы. На изданномъ Кіевскою Комиссіею для разбора древнихъ актовъ „Планѣ Кіева, составленномъ въ 1695 году“, Трехсвятительская церковь изображена далеко не оконченною, *не доведенною даже до сводовъ* (обращаемъ на подчеркнутыя слова вниманіе нашихъ церковныхъ археологовъ, касающихся вопроса: „что удѣляло отъ древней Трехсвятительской церкви?“); слѣдовательно, быть освященною въ этомъ году (да еще 30-го января) она не

¹⁾ Архивъ Минист. Иностр. Дѣлъ Малор. св. 94.

²⁾ Собраніе сочиненій. II. 63.

³⁾ Н. И. Петровъ, Историко-топографическіе очерки древняго Кіева, изд. 1897 г. стр. 126.—Закревскій (Описаніе Кіева, изд. 1868 г., т. I, стр. 210) возобновленіе Трехсвятительской церкви относитъ даже къ 1693 году.

могла. Но мы имѣемъ въ виду еще одно, хотя косвенное, но не незначительное документальное основаніе отодвигать довершеніе возобновленія Трехсвятительской церкви при митрополитѣ Варлаамѣ Ясинскомъ во времени значительно позднѣйшему 1695 года. Въ Церковно-Археологическомъ Музеѣ при Киев. Духовной Академіи находится, между многими гравюрами XVIII вѣка, вышедшими изъ Киево-печерской типографіи, гравюра архиіакона кievской митрополіи *Иларіона Мигуры* (Мигуры), преподнесенная имъ 1-го января 1707-го года генеральному судіи Запорожскаго войска Василию Кочубею въ день его ангела. Въ верху гравюры изображенъ небольшихъ размѣровъ храмъ, съ тремя куполами; на самомъ верху храма помѣщено пылающее сердце такимъ образомъ, что крестъ на главѣ главнаго купола приходится въ самой серединѣ сего сердца. Вокругъ сердца находится треугольникъ, испускающій лучи на облака, окружающія весь храмъ. Справа и слѣва отъ храма изображены сидящими два святителя, въ полномъ архиерейскомъ облаченіи (очевидно, Григорій Богословъ и Іоаннъ Златоустъ). Въ лѣвыхъ рукахъ ихъ—посохи; въ правыхъ—перья, которыми они пишутъ на лежащихъ у нихъ на колѣнахъ книгахъ. Въ этой, верхней части гравюры находятся слѣдующія надписи: внизу храма: *Будетъ слава храму сему послѣдняя паче первыя* (Аггей, гл. 2); вверху храма, вокругъ пылающаго сердца: *Вознесетъ сердце твое доброты ради твоея* (Ек.); вокругъ облаковъ: *Облакъ великъ, и видѣніе огненно, и свѣтъ окрестъ* (Езек. I); на лентѣ, окружающей обоеихъ святителей: *понеже прииде на сердце твое, еже создати храмъ имени Моему, добръ сотворилъ си, яко быти на сердцу* (1 Цар. 8) ¹⁾. Въ средней части гравюры изображены: а) непосредственно подъ храмомъ молодой, безъ бороды, (въ полуростъ) святитель, въ архиерейскомъ облаченіи, причемъ головное украшеніе состав-

¹⁾ Вѣрная цѣтата должна быть: 3 Цар. гл. 8.

ялетъ тіара, напоминающая папскую, съ надписью вокругъ него: *приукрашенный, яко подобіе церкви* (Псал. 143); нѣсколько ниже, въ самой серединѣ гравюры, тоже въ полуростъ, изображенъ святитель въ полномъ архіерейскомъ облаченіи, очевидно св. Василій Великій, благословляющій обѣими руками; вокругъ головы его находится слѣдующая надпись: *миръ на обращающія сердца къ нему* (Псал. 84); на лентѣ, обвивающей вѣнокъ изъ цвѣтовъ, въ которомъ помѣщено изображение святителя, начертано: *Поученіе сердца моего предъ Тобою выну* (Псал. 18); а нѣсколько далѣе за симъ вѣнкомъ: *Да будутъ сердца наша совершенна ко Господу Богу нашему* (3 Цар. 8). Съ обѣихъ сторонъ святителя находятся изображенія: съ правой—женщины, въ сидячемъ положеніи, освѣщаемой Духомъ Святымъ, въ видѣ голубя, и держащей въ обѣихъ рукахъ архипастырскій жезлъ, оканчивающійся крестомъ, въ центрѣ котораго изображено сердце, тоже съ двумя крестами; на жезлѣ—лента съ надписью: *Духъ мой на племя твое, и благословія моя на юда твою*. Съ лѣвой стороны—тоже женщина въ сидячемъ положеніи; около головы ея звѣзда; правою рукою она поддерживаетъ сердце, изъ котораго истекають благоуханія, образующія облака около упомянутаго храма; лѣвою—держитъ якорь, оканчивающійся вверху пылающимъ сердцемъ съ двумя начертанными на немъ крестами; отъ якоря развѣвается окружающая звѣзду лента съ надписью: *возсіяетъ тебѣ рано свѣтъ твой* (Исаія 58). Въ нижней части изображенъ гербъ Кочубеевъ, помѣщенный среди цвѣтовъ, поддерживаемыхъ купидонами. Въ самомъ низу гравюры находится слѣдующая надпись, до извѣстной степени объясняющая ея содержаніе:

„Архіамъ сердечный Богоявленный іерирхъ Василій Великій, поученіемъ сердца своего облагодѣлающій торжественную церковь, Великому Его милости пану Василю Кочубею, Его Цар(скаго) Прсв(ѣтлаго) Величества) Войск(а) Запор(ожскаго) Судіи генералному, въ день памятенный патронскій 173

новаго мѣта іануаріа і за трудолюбнымъ поспышанемъ обфр-
рваннмъ чрезъ Архидіакона Метрополіа Кіевскіа) Іларіона
Микгуру.

Красно видѣніе, Возможный Милостивый Добродѣю. Онъ
возоръся въ сердцу гербовомъ, отъ него же облакъ рожденный
поднебесный, ослѣплющій алтарь, окриваетъ храмъ Святительскій,
яко исполнитіся оному Славы. Средствуетъ къ тому пламени
оттенному церквоносемъ Ангелъ Ваг. Вашой Василій Великій, во-
нею поученія своего благоухая церковь. Назирають добродѣтели
Богословскіе, болиа тѣхъ любовь сердца исправляетъ молитву,
выщаетъ приложеніе, імже преложилъ еси по благословител-
ному совѣту несоравненнаго хвали Божія ревнителя іерарха
первороссійскаго Варлаама; за коевиждь (?) коликаго ублаженія
и достоинства крестоносное сердце возносится горь, селеніе ео
Богъ, яко возлюбити ео вѣзмъ сердцемъ твоимъ и благоупіе
дому Господня и мѣсто селенія славы ео, въ честь святител-
скую обновленное. Не меншимъ обогащается свѣтомъ гербовая
денница за Дуною отъ умилія благодити Реиментара и перваго
Россіи кавалъра ко правленію жезла наданые. Та во явленіе
утренны свѣтлости Благородія Вашого, — ова во знаменіе бла-
юости точеніемъ добродѣтельнымъ красящаяся. Сіе Ви[дѣніе],
здѣ зримое, понеже твое есть, прими твоя отъ твоихъ Тебѣ
приносимое. За приложеніе благодѣтелское къ церковь Святи-
телской да приложитъ Господь дому Твоему святиню въ долмо-
ту дный. Сердце твое и плоть твоя да возрадуется о церкви
святыхъ, въ церкви же нерукотворенной вѣчной на нбесехъ да
удостоишися свѣта тонка царственныхъ словесъ: Се азъ за то-
бою, яко сердце твое, тако сердце мое“.

Какъ ни затѣйливъ и витѣвать объяснительный текстъ
къ означенной гравюрѣ, гармонирующій съ ея характеромъ, —
сущность дѣла ясна: архидіаконъ Микгура восхваляетъ Ва-
силія Кочубея за то, что онъ, послѣдудъ „благословительному
совѣту“ митрополита Варлаама Ясннскаго, оказавъ вспоможе-
ствованіе на возобновленіе Трехсвятительской церкви, послѣ
чего она явилась окончателъно реставрированной, „исполни-

дась славы". Это обстоятельство и было побужденіемъ для Мигуры соорудить въ честь Кочубея панегирикъ въ видѣ затѣливой гравюры (на что онъ былъ великій мастеръ) ¹⁾, поднесенной ему отъ имени составителя 1-го *memoir* 1707 года, въ день именинъ.

Равнуется, не невозможно, что вспомошествованіе на Трехсвятительскую церковь сдѣлано было Василиемъ Кочубеемъ лѣтъ 12—13 передъ тѣмъ, а Мигура, въ концѣ 1706 года, желая снискать благоволеніе вліятельнаго магната, припомнилъ эту давнюю его жертву на храмъ и восхвалялъ его за нее. Но предположеніе это имѣетъ вѣроятность *минимальную*. Естественноѣе предполагать, что панегирическая гравюра Мигуры вызвана была *современнымъ событіемъ*, т. е. окончательною реставраціею Трехсвятительскаго храма, въ чемъ оказана была матеріальная помощь Василиемъ Кочубеемъ, склоненнымъ къ сему митрополитомъ Варлаамомъ Ясинскимъ, безъ сомнѣнія, выставившимъ ему на видѣ, что одинъ изъ святителей, памяти которыхъ посвящена означенная церковь, есть его патронъ... ²⁾. Такимъ образомъ, окончательное возоб-

¹⁾ Братія свидѣнія о Мигурѣ находятся въ „Подробномъ словарѣ русскихъ гравировъ XVI—XIX в.в.“ Д. А. Ровинскаго, Сиб. 1895 г. т. I, столб. 409 (по роскошному изд.). Здѣсь же перечисляются и гравюры Мигуры, столб. 17.

²⁾ Василий Леонтьевичъ Кочубей, извѣстный своею трагическою судьбою (обезглавленъ 15 іюля 1708 г. за ложный якобы доносъ объ шатаніи государя гетмана Мазепы), извѣстенъ и своею благотворительностію духовенству и церкви. На допросѣ предъ судьями (во время процесса по упомянутому доносу на Мазепу) о своемъ имуществѣ, онъ, между прочимъ, говоритъ: „Три тысячи золотыхъ чеховой монеты отослаемъ до рукъ п. отца еще того (1708) року на замаченіе церковнымъ монастыря Полтавскаго майстромъ мурована дѣла. — 100 червонихъ золотыхъ п. Искрѣ позичилемъ на туужъ церковь на цаглу, сколько лѣтъ робленую, яко больше пошло на потерю, нежели въ дѣло; такоже на вапну, на желѣзо и на работниковъ вслѣхъ *ошло до десяти тысячъ золотыхъ, чли зоменьше, чли побольше, тое не раховано (не сосчитано), а можеть быти побольше 10,000*“... „А духовнымъ оробокъ, якъ чужеземникъ, такъ и тутешникъ, во прошенію и зможности, подлугъ моей мелкой особи, въ милостивую давалемъ больше твердох, нежели мелкою монетомъ“... „На будованіе

ковленіе Трехсвятительской церкви при митрополитѣ Варлаамѣ Ясинскомъ, въ виду приведенныхъ данныхъ и соображеній, всего вѣроятнѣе относить къ 1706 году.

Сравнительно медленное возобновленіе Трехсвятительской церкви зависѣло, кажется, отъ того, что московское правительство, почти ежегодно осаждаемое просьбами, притомъ многочисленными, о разнаго рода вспоможеніяхъ кievскимъ монастырямъ и церквамъ, не могло всецѣло и сразу удовлетворять ихъ, вслѣдствіе чего возобновленіе кievскихъ храмовъ (тѣхъ, которые въ семь нуждались), производившееся преимущественно на средства или при помощи правительства, велось довольно медленно. Едва-ли не единственное въ этомъ отношеніи исключеніе представляетъ быстрое сооруженіе новой церкви для инокинь Кіево-Михайловскаго монастыря (о чемъ мы упоминали); но въ данпомъ случаѣ (кромѣ того, что церковь проектировалась деревянная) побудительными причинами къ ускоренію сего могли быть, съ одной стороны, бросавшееся въ глаза и сознаваемое московскимъ правительствомъ *неудобство* имѣть инокинямъ совмѣстную церковь съ иноками, а съ другой—долговременное пребываніе въ Москвѣ, въ качествѣ просительницъ, игуменьи Агафіи съ сестрами, безъ сомнѣнія, усиленно, по-женски, домогавшимися милостей отъ правительства ¹⁾.—Во всякомъ случаѣ и въ 1694 году,—какъ мы видѣли,—*опредѣленнаго ответа* на просьбу Варлаама Ясинскаго относительно отпуска средствъ

киевскихъ церквей деревянныхъ что *вылажалося*, того зрѣть споминать, але по приказу докладаю для вѣдома, же *малемъ денгамъ расходы* (Источники Малорос. исторіи, собраніе Д. Н. Бактинъ-Каменскимъ и изданіе О. Водяницкимъ, т. II, стр. 141 и слѣд.; помѣщ. въ Чтеніяхъ Импер. Общ. Исторіи и Древн. при Москов. университетѣ, 1858 г., кн. I).—Для характеристикъ отношеній В. Кочубая къ митрополиту Варлааму Ясинскому см. его письмо къ послѣднему съ датой отъ 1692 г. въ Шт. Лѣтописи Самуила Величко, стр. 121 - 125).

¹⁾ Въ Москву игуменьи Кіево-Михайловскаго монастыря Агафіи съ сестрами прибыла 16 іюня 1688 года, а выѣхала обратно въ Кіевъ въ октябрѣ того года. (Архивъ Мин. Иностр. Дѣл. — Дѣла Малорос., связ. 76).

на возобновленіе Трехсвятительской церкви не воспослѣдовало отъ московскаго правительства, можетъ быть въ виду удовлетворенія другихъ неотложныхъ ходатайствъ его же, митрополита ¹⁾).

Ходатайствуя передъ московскимъ правительствомъ о предоставленіи въ свое вѣдѣніе полуразрушенной Трехсвятительской церкви, дотолѣ приписанной, вмѣстѣ съ Воздвижен-

¹⁾ Въ это время митрополитъ ходатайствовалъ, между прочимъ, о пособіи на окончаніе Петро-Павловской церкви, реставрировавшейся на опущенныя правительствомъ средства. Приводимъ докладъ государямъ объ этомъ ходатайствѣ, составленномъ съ достаточною обстоятельностью и представляющій въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ для занимающихся изслѣдованіями о кievской старинѣ не маловажный интересъ, въ подлиннѣ видѣ:

„Пожаловали ихъ царское величество: указали дать въ Кіевѣ изъ Кіевскихъ доходовъ триста рублей на строеніе изъ костела задкомаго каменного церкви во имя святыхъ верховныхъ апостолъ Петра і Павла и хрестьяна святаго і праведнаго Алексѣя человека Божіа, и то уже дѣло началось; ихъ цѣ Царскому величеству і о времени прирѣшанія бѣгъ (митрополитъ) челомъ, пожеже тр ихъ царского величества пожалованье на самое начало дѣла, на кирпичъ і на известь, істоцковаецца; кому жь царскому величеству бѣгъ челомъ о милостивомъ указе на землю близкаю костелу на чергожу і по описанію, в Москвѣ прежде сего лѣта посланному, на что ихъ царского величества указу к нему не пришло.

И въ приказе Малма Росіи выписано: Въ прошломъ во 198-мъ году по указу великихъ государей, а по челобитью ево митрополитъ велено ему домиканской костелъ, которинъ владѣли кievские мещане, отдать на строеніе церкви Божіа.

І о томъ ихъ великихъ государей грамота въ Кіевъ къ боярину і воеводамъ, ко князю Михайлу Григорьевичю Ромодановскому с товарищи, послана.

Да в томъ же во 199-мъ году великихъ государей бѣгъ челомъ онъ же митрополитъ чрезъ присланнаго своего іеромонаха Стевана Яворскаго, чтобъ великие государи пожаловали ево, велѣли въ данномъ ему костеле домиканскомъ построить церковь святыхъ верховныхъ апостолъ Петра і Павла да предѣлъ святаго Алексѣя человека Божіа.

И на то ево челобитье въ ихъ великихъ государей указе к нему писанъ:

Что великіе государи, ихъ царское величество, указали изъ того домиканскаго костела церкви во имя святыхъ верховныхъ апостолъ Петра і Павла да предѣлъ святаго Алексѣя человека Божіа построить і освятить ему, митрополиту, по правилонъ святыхъ апостолъ і святыхъ отецъ, а на строеніе той церкви пожелали ему изъ своей царскаго величества казни дать 300 рублей изъ Кіевскихъ доходовъ.

И о томъ ихъ великихъ государей грамота в Кіевъ послана.

скую церковію, въ Кіево-Братскому монастырю, Варлаамъ Ясинскій имѣлъ въ виду исключительно сохраненіе сего па-

Да в прошломъ же въ 200 году ноября въ 5 день великихъ государейъ былъ челомъ оныя жъ, митрополитъ Кіевскій, что по указу великихъ Государейъ велено ему в Нижнемъ городе Кіеве в Лядцкомъ костеле построить церковъ святыхъ апостоловъ Петра і Павла і предѣлъ святаго і праведнаго Алоѣя челоуѣка Вожиа, а на строеніе той церкви дано ему великихъ государейъ изъ Кіевскихъ доходовъ 300 рублей, а близь того костела жавуть на костелной землѣ киевскаго полку казаки і мечтале, и за тѣми дворами ему, митрополиту, той церкванъ стронуть невозможно.

І чтобы великіе государи пожаловали его, митрополита, велѣли свой великихъ государейъ указъ послать къ гетману, чтобы оны послалъ от себя в Кіевъ для розыску подле того костела земель, і тѣ казацкіе двори онесть і мѣста отчистить, также і о вынхъ костельныхъ лядцкихъ бывшихъ мѣстахъ розыскать.

І в томъ же 200 году, ноября въ 8 день, послала изъ великихъ государейъ грамота въ Кіевъ к столнику і воеводамъ, велено имъ по прежнему і по сему изъ великихъ государейъ указу в Кіеве розыскагы и досмотрѣть, близь того каменнаго костела доминиканскаго деревянныя прежде сего . . . били-ль (двори), и скольдалеко били, і много-ль изъ било, і двори шлю около того каменнаго костела чьи, і в сколахъ священнхъ отъ того староваго доминиканскаго костела, і учинить тому всему чертежъ, а розыскагы и дометри того всего, велено имъ к великимъ государейъ шестъ і чертежъ прислать.

І апрѣля въ 16 день того жъ 200 году въ великихъ государейъ высали изъ Кіева столникъ і воеводи князь Лука князь Федоровъ сынъ Долгоруковъ с товарищи, что по указу великихъ государейъ для розыску и дометру і чертежу доминиканскаго костела, і чьи около костела ныне двори, і въ сколахъ баженыхъ, послали они Кіевскіе приказные шуби подъячыхъ Матѣя Налетова да Давида Фатѣева, а пребывающій Варлаамъ митрополитъ для указыванія той костелной земли, на которой ныне построены двори, послалъ с ними игуменовъ Михайловака монастыря Силверста Головачича, Николаевскаго пустыньскаго иунастыря Іоасава Кроковского, і тѣ подячїе подали изъ столнику і воеводамъ розыску своего і дометру костелу и дворамъ описные шубы і чертежъ на своиа і вышепоманутыхъ игуменовъ рукави; і тѣ шубы і чертежъ за дѣлчьемъ приписью прислали они к великимъ государейъ в Москвѣ.

А в описныхъ книгахъ написано:

что вышепоманутые игумены указали имъ подячнхъ доминиканской каменной костелъ і тотъ костелъ землю, а росписъ того костела землнхъ по описи і в приказъ и дѣлу митрополита не присланы.

А во шѣре тотъ костелъ в длину 28 сажени, поперегъ 11 сажени.

И от того костела тѣ игумены указали с тѣвой стороны прямо дорогомъ к церкви Николая, что называется Притиснаго, во шѣре в длину 34 сажени с полусаженью.

мятника церковной старшины, а не стремился къ увеличенію доходныхъ статей митрополичьей кассы; ибо хотя къ церк-

От того мѣста, от Николаевской Притиского колоколни, направо по большой улицѣ до угла, гдѣ живетъ киевской немчанки Ісаакъ Ермоновъ, в длину 54 сажени.

От того двора вправо направо по переулку до двора шипового ратушного в длину 59 сажени.

А от того ратушного шипового двора, идучи к соборной колоколни направо черезъ дворы, к двору казака Івана Цыбурика к большой узкѣ до угла сажного двора по мѣре 72 сажени; отъ угла сажного двора до каменного костела в длину 39 сажени с полусаженью.

А сказали они ігумену, что та земля костелная, і бывалъ около костела на той земли римской монастырь, і в прошломъ во 167-мъ году, в бунтъ Ісаакія Винововаго, Киевъ ившеи городъ горѣлъ, і тотъ монастырь сгорѣлъ же. И после того на той костелной землѣ почали стрѣткѣ киевскіе казаки, і немчане живутъ дворами.

С лѣвой стороны возле костела:

Дворъ шиповой бывшаго киевского полковника Григорья Коровченка, на немъ хоромы деревянные, поць костеломъ погребъ каменной с выходомъ; і в томъ погребу ивше стоять пивъ, а живетъ на немъ і продаеть то пивъ Григорья Коровченка дворникъ Сенка Кривой.

Подле того двора дворъ киевского казака Михайла Казницкаго.

Церкви Николаи Притиского богодѣля—2 явни с сѣни; в нихъ живутъ ивше.

Николаевская колокодла.

Подле вышеномянутой богодѣли дворъ Киевского жителя Гастрала Луцка.

Дворъ вдовы Михайловской жены Шляхченя.

Мѣсто огорожено, а на немъ киевской воить Ісаакъ Винововаго владееть садомъ.

Дворъ киевского жителя Ісана Ермонова.

Дворъ киевского жителя Анашия Созонова.

Дворъ киевского жителя Ігната Іванова.

Дворъ киевского жителя Федора Волошанина.

Дворъ киевского жителя Васіля Водолянова.

Дворъ киевского жителя Григорья Серѣбена.

Дворъ киевского жителя Климъ Савельева.

Дворъ вдовы Івановской жены гречендла Бодеськица.

Дворъ шиповой ратушной.

Дворъ киевского казака Івана Цыбурика.

Дворъ киевского жителя Филіпа Зодъ арка.

Дворъ киевского жителя Ісана Ковала.

Дворъ киевского жителя Карла Прокопова.

вамъ Трехсвятительской и Воздвиженской приурочено было нѣсколько угодій (безъ точнаго обозначенія, что принадле-

Кухня киевского жителя Данила Иванова.

Дворъ вдовы Тарасовской жены Алексѣева.

Дворъ киевского жителя Івана Павлова.

Вблизи костела дворъ шиниковой казацкой, на земь строење деревянное да погребъ старой доминиканской каменной с выходомъ.

Колодезь доминиканской.

Дворъ столника і полковника Дмитріева полку Жукова стрелца десятника Іваски Безштинникова с товарищи, купленъ у казака у Константина Балдырева для торгового промыслу.

Дворъ киевского казака Григорья Григорьева.

Вблизи костела дворъ столника и полковника Ильина полку Дурова паті-десятника Оски Григорьева с товарищи, купленъ для торгового промыслу.

Дворъ киевского жителя Прокося Ринари.

Дворъ киевского жителя Омелья врасела.

Дворъ киевского жителя Іваски Белоуса.

Мѣсто порожее.

Дворъ вдовы Степановской жены Вахрамѣева Агаєвци.

Дворъ киевского казака Александра Сажева.

Всего 30 дворовъ.

По мѣре кругомъ тѣхъ всѣхъ дворовъ, кромѣ костела, 259 саженъ

И тѣ вышепомянутые жители в допросе сказали, что живутъ они на доминиканской костелной землѣ, а платятъ съ тѣхъ дворовъ оброкъ въ церковь Святителя Николая, что словеть Прятиски, по 10, и по 6, и по 3 алтина по 2 денги на годъ, а крестостей у нихъ ни у кого на тѣ костелные земли никакихъ нѣтъ.

Да и той скаске руки приложены:

Киевского неманина Прокося Ринари снѣ дьякомъ Іванъ мѣсто отца своего і Фидкиа плотника руку приложилъ.

Церкви святителя Николая Прятиского дьякомъ Ільинъ Суляна, той же церкви при протопопѣ при Іоаннѣ Уляничомъ і при новѣ Андрѣ мѣсто киевскихъ жителей, которые писали в описаннѣ книгачъ, а живутъ на костелной землѣ, по ихъ земелью руку приложили.

А церкви святителя Николая Прятиского протопопъ Іоаннъ Уляничъ сказалъ: с той костелной земли плататъ вышеписанные люди оброкъ в церковь Николая Прятиского по вышеписанному окладу по 10, і по 6, і по 3 алтина по 2 денги съ двора по чѣмъ годъ, тому нѣтъ с борокъ; а та земля, с которой они оброкъ платятъ, доминиканского неманиного костела.

Да и той скаске Іоаннъ Уляничъ протопопъ киевскій руку приложилъ.

жить той и другой), митрополитъ не только не заявлялъ притязаній на эти угодья или часть ихъ, но неоднократно ходатайствовалъ предъ правительствомъ о закрѣпленіи оныхъ за Кіево-Братскимъ монастыремъ. Подобное ходатайство, увѣнчавшееся успѣхомъ возобновлено было и въ 1693 году. Докладъ государямъ по поводу этого ходатайства имѣетъ большую важность въ томъ отношеніи, что заключаетъ въ себѣ одно, *досель неизвѣстное свидѣніе*, въ значительной степени распутывающее недоумѣніе: церкви *Воздвиженская* и, упоминаемая въ первый разъ въ сочиненіи священника Іоанна Лукьянова (въ 1701 г.), *Андреевская*—суть ли двѣ различныя церкви или одна и та же, и если одна, то при какихъ обстоятельствахъ упрочилось за ней послѣднее наименованіе?—Думаемъ, что не заслужимъ большого упрека, если нѣсколько отклонимся отъ прямой задачи настоящей статьи, оставившись на разъясненіи означеннаго недоумѣнія.

М. А. Максимовичъ полагалъ, что древняя Воздвиженская церковь существовала еще въ началѣ XVII столѣтія, но *вскорѣ потомъ была разобрана*. Затѣмъ, въ началѣ второй половины означеннаго столѣтія, „на завѣтной высотѣ“ (т. е. около или на мѣстѣ бывшей Воздвиженской церкви) построена была деревянная церковь Андрея Первозваннаго.

Да в прошломъ во 300-мъ жъ году августа въ 26 день к великимъ государемъ писалъ изъ Кіева stolnikъ і козводи князь Лука князь Феодоровъ сынъ Додворудова с товарищи і прислали врасъященнаго Варлаама, митрополита Киевскаго, чалобатную за рукою о тѣхъ же костельныхъ мѣстахъ, въ которой написано: *Чтобъ великіе государи пожаловали ево, велѣли противъ описныхъ книгъ и чертежа прислать к нему о всѣхъ костельныхъ мѣстахъ свою великіи государей грамоту: которне двори блиско костела по чертежу своєдъ і мѣсто очистити для строєніа даркан; а которне не блиско, чтобъ о тѣхъ дворахъ данши на ту церковь годовой оброкъ, чтобъ за тѣмъ дворами, которне блиско костела, той даркан в строєніи оставокъ і мотчаніа не било, і чтобъ в Києве постоянное имя некогда не поминалося, і чтобъ тѣ люди той церковной ролли не продавали.* (Арх. Мин. Им. сгр. Дѣл. Дѣла Малдрев. св. 94).

„Объ этой церкви—говорить М. А. Максимовичъ—совсѣмъ позабыто въ Кіевѣ и не вспомнано, кажется, еще ни въ одномъ описаніи Кіева и церкви Андреевской. Извѣстіе о ней сохранилось въ *Путешествіи въ святую землю* московскаго священника Іоанна Лукьянова 1701—1702 годовъ. При описаніи „преславнаго града Кіева“, путешественникъ говоритъ: а гдѣ святой Апостоль Андрей крестъ поставилъ, тотъ холмъ въ городской стѣнѣ зѣло красовить; на томъ мѣстѣ стоитъ церковь деревянная ветха, во имя святаго апостола Первозваннаго“. „Если—умозаключаетъ М. А. Максимовичъ—та церковь была или казалась ветхою въ началѣ 1701 года, то она стояла на томъ мѣстѣ, конечно, около полувѣка... Объ этой Андреевской церкви не упоминается въ Росписи Кіеву 1682 года; но тамъ же не упомянуто и объ *Георгиевской* деревянной церкви, построенной въ 1674 году, на развалинахъ древней. Строителемъ этой церкви былъ тогдашній воевода кіевскій, князь *Юрій Петровичъ Трубецкой*. Примѣчая, что онъ построилъ ее въ память своего патрона, можно примѣнить этотъ древне-русскій христіанскій обычай и къ *построенію Андреевской* деревянной церкви, и принять предположительно, что она построена была въ 1656 году тогдашнимъ воеводою кіевскимъ *Андреемъ Васильевичемъ Батурлинымъ*, въ память своего святаго патрона...“¹⁾

Обнаруженныя за послѣднее время данныя, которыхъ не имѣлъ подъ руками М. А. Максимовичъ, показали ошибочность его предположенія о несуществованіи Воздвиженской церкви съ начала XVII вѣка: на планѣ Кіева 1695 года означенная церковь *оказывается изображенною*. Это обстоятельство побудило одного изъ послѣднихъ изслѣдователей о древней топографіи Кіева, Н. И. Петрова, заняться пересмотромъ вопроса о церкви Воздвиженской, при чемъ онъ пришелъ къ слѣдующимъ выводамъ и предположеніямъ: „Не позже

¹⁾ Собраніе сочиненій М. А. Максимовича. II. стр. 128—130.

1571 года Воздвиженскимъ священникомъ является Филиппъ Аванасьевичъ Одоиѣ, который въ 1573 году выпросилъ въ свое завѣдываніе каменную опустѣвшую Трехсвятительскую церковь "... „Священникъ Филиппъ владѣлъ также Софійскимъ соборомъ и церквами Николаевскою Десятинною и *Никитскою*. Но Софійскій соборъ и Десятинная церковь у него были взяты въ 1605 году, а сама Воздвиженская церковь *обвалилась*, и священникъ ея перешелъ на жительство къ Трехсвятительской церкви, продолжая владѣть и развалившеюся Воздвиженскою и ея имѣніями. Послѣдняя восстановлена была, вѣроятно, послѣ 1626 года, на прежнемъ мѣстѣ, но съ переименованіемъ въ Симеоновскую, вѣроятно, по имени восстановителя, для уничтоженія преданія объ апостолѣ Андрѣѣ, противорѣчащаго притязаніямъ папы на подчиненіе ему Русской Церкви"... „Съ 1640 года на этой мѣстности опять является Воздвиженская церковь, переименованная изъ Симеоновской, и въ этомъ году отдана грамотою короля Владислава IV отъ 7 іюня 1640 года Кіево-Братскому училищному монастырю"... „На планѣ Кіева 1695 г.... обозначена деревянная *церковь Воздвиженія* на томъ мѣстѣ, на которомъ стоитъ нынѣ Андреевская церковь. Но въ 1701 году путешественникъ въ св. землю священникъ Іоаннъ, въ монашествѣ Леонтій Лукьяновъ, уже видѣлъ на мѣстѣ прежней Воздвиженской церкви ветхую деревянную Андреевскую церковь..."

„Спрашивается, откуда же взялась эта ветхая Андреевская церковь, нигдѣ дотолѣ не упоминавшаяся, и куда дѣлась Воздвиженская церковь, которая послѣ 1695 года тоже нигдѣ болѣе не упоминается? Мы думаемъ—говорить Н. И. Петровъ,—что это не двѣ различныя церкви, но одна и та же церковь, первоначально называвшаяся Воздвиженскою, но между 1695 и 1701 годами переименованная въ Андреевскую". Далѣе авторъ еще точнѣе (предположительно) указываетъ время, когда могло случиться означенное переименованіе: именно, что оно, „по всей вѣроятности, имѣло связь

съ учрежденіемъ въ Россіи Петромъ I, 10 марта 1699 года, ордена св. Андрея Первозваннаго, однимъ изъ первыхъ кавалеровъ котораго былъ тогдашній малороссійскій гетманъ Иванъ Мазепа, и слѣдовательно случилось между 1699 и 1701 годами¹⁾.

Хотя нѣкоторыя положенія иображенія Н. И. Петрова о Воздвиженской церкви и не могутъ быть приняты, какъ не согласныя съ историческими данными²⁾,—тѣмъ не менѣе

¹⁾ Историко-топографическіе очерки древняго Кіева. Н. И. Петрова. Кіевъ, 1897 г., стр. 112—116.

²⁾ Такъ Н. И. Петровъ ошибочно думаетъ, что Воздвиженская церковь (древняя) *обвалилась* въ началѣ XVII в. (послѣ 1605 г.). Это событіе случилось ранѣе 70-хъ годовъ XVI столѣтія. Въ „Люстраціи воеводства Кіевского 1616 г.“ (см. *Źródła dziejowe*, t. XX Warszawa, 1894 г., str. 50) читаемъ: „*Na teuzie slobodzie (т. е. Софійской митрополитчѣй) była cerkiew Wozdżizianie Szwednego Krestu, po polsku Podniesienie ś. Krzyża, ztamtąd, kiedy teś obaliła się ta ciekiew przeprowadził sie pop na Górze. Po tym popie drugi pop Filipiej mieszkał tamże na Gorze...*“ и проч. Отсюда ясно видно, что Воздвиженская церковь „обвалилась“ при *предмстникѣ* Воздвиженскаго священника Филиппа (Одони), а такъ какъ послѣдній являлся въ Воздвиженскомъ приходѣ съ самаго начала 70-хъ годовъ XVI столѣтія, то означенный обвалъ церкви произошелъ ранѣе 1571 года. Ошибочно также предположеніе Н. И. Петрова, что Воздвиженская церковь *возстановлена* послѣ 1626 года. Захарія Константинопольскій въ своей *Палимодинѣ*, писанной въ 1621 году, говоритъ о Воздвиженской церкви, какъ существовавшей въ это время („*и теперъ естъ*“; см. Рус. Историч. Библ., изд. Археогр. Коми., т. IV, столб. 970). Констатируется *существованіе* Воздвиженской церкви и въ королевскомъ декретѣ между кіевскими мѣщанами и уніатскимъ священникомъ Іоанномъ Юзефовичемъ,—декретѣ, датированномъ 1 марта 1616 года (см. наше сочиненіе: *Кіевскій митрополитъ П. Могила*, т. I, прилож. № XXXII, стр. 212). Съ болѣею вѣроятностію должно полагать, что Воздвиженская церковь *возстановлена* была еще въ концѣ XVI стол., до введенія въ западно-русскихъ областяхъ религіозной уніи; ибо сія унія не имѣла сколько-нибудь прочныхъ корней въ Кіевѣ, а потому относитъ возобновленіе Воздвиженской церкви (находившейся во владѣніи уніатовъ) къ началу XVII стол. не представляется возможнымъ (уніаты въ Кіевѣ не могли поддерживать и существующихъ то, ими захваченныхъ, церквей).—Ошибочно также думаетъ Н. И. Петровъ, что Симеоновская и Воздвиженская церкви—одна церковь. Не говоря уже объ искусственности толкованій, въ которыхъ прибѣгаетъ при этомъ авторъ (церковь переименована уніатами якобы въ досажденіе православнымъ для уничтоженія преданія объ апостолѣ Андрѣ), признавать его мнѣніе нельзя потому, что извѣстенъ фактъ существованія въ 1638 году

его мнѣніе, что Воздвиженская и Андреевская церкви—не двѣ различныя церкви, но одна и та же церковь,—совершенно справедливо. Объ этомъ свидѣтельствуесть тотъ докладъ государямъ въ 1693 году, о которомъ мы упомянули, какъ о заключающемъ чрезвычайно важное, доселѣ неизвѣстное свидѣніе о Воздвиженской церкви. Именно, въ докладѣ, между прочимъ, читается:

„Монастырь учительный братскій киевскій, церкви святой за учение православное зѣло благопотребный, да имѣеть на свободныи училища с печатаннемъ книжнымъ своихъ учений утверждающую себѣ ихъ царского величества грамоту; также же і на всякое имѣніе свое ихъ царского величества грамоту, въ которому по древнимъ крепостямъ належать и в верхнемъ городе Києве двѣ церкви с своими преджебывшими угодыями,—одна *деревянная Воздвижение честнаго і животворящаго креста Господня і святаго апостола Андрѣя первоозваннаго, иѣтъ Андрѣй крестъ водрузилъ*; другая каменная обещалаа первоозданъвая трехъ Святителей... при анбарехъ стоящая“.

Такимъ образомъ оказывается, что Воздвиженская церковь въ началѣ 90-хъ годовъ XVII столѣтія имѣла два престола (придѣла): одинъ въ честь Воздвиженія Честнаго Креста, другой—въ честь св. апостола Андрея Первоозваннаго. Сооруженіе въ Воздвиженской церкви новаго, именно, *Андреевскаго* придѣла весьма понятно: извѣстно, что къ мѣстоположенію этой церкви приурочивалось *водруженіе св. Андреемъ Первоозваннымъ креста на киевскихъ юрахъ*. Но ближай-

---

церквей и Симоновской и Воздвиженской (подробнѣе см. объ этомъ недавно напечатанную нами въ XII книгѣ „Чтеній въ Историч. Обществѣ Нестора Лѣтописца“ статью, подъ заглавіемъ: „О древнѣйшемъ планѣ города Києва 1638 г.“ См. въ отдѣл. оттискахъ стр. 20 и слѣд. Къ сказанному здѣсь присовокупимъ, что въ 1633 году П. Могила долженъ былъ Симоновскую церковь *отобрать отъ униатовъ*; между тѣмъ о Воздвиженской церкви извѣстно, что она въ это время принадлежала православнымъ).

шимъ поводомъ къ сооружеию сего столь умѣстнаго въ Воздвиженской церкви придѣла могли быть особыя благопріятныя обстоятельства. Хотя М. А. Максимовичъ—какъ мы видѣли—ошибался, предполагая, что къ началу второй половины XVII стол. Воздвиженской церкви не существовало и въ 1656 году на мѣстѣ ея или около нея выстроена была киевскимъ воеводою *Андреемъ* Васильевичемъ Батурлинымъ новая церковь, наименованная Андреевскою; но предположеніе почтеннаго изслѣдователя, ошибочное въ общемъ, въ частностяхъ можетъ быть признано правдоподобнымъ. Именно, весьма правдоподобно, что ко времени пребыванія въ Кіевѣ воеводы Батурлина и относится устройство въ Воздвиженской церкви Андреевскаго придѣла. Въ это время московское правительство имѣло особыя побужденія оказывать вспомошествованія къ поддержанію киевскихъ храмовъ, и дѣйствительно ихъ оказывало. Къ означенному же времени Воздвиженская церковь принадлежала уже къ числу не новыхъ, да и размѣры ея были весьма незначительны (она скорѣе была, по выраженію въ тогочасномъ документѣ, *каплицею*, чѣмъ церковію). Если воевода Батурлинъ рѣшился расширить или перестроить эту церковь, то—выразимся словами Максимовича—ему, *по древне-христіанскому обычаю*, естественно было увѣковѣчить свое доброе дѣло сооруженіемъ въ ней придѣла въ честь своего патрона. Такимъ образомъ, возможно, что устройству Андреевскаго придѣла содѣйствовало сочетаніе двухъ обстоятельствъ: имя храмоздателя (Андрея) и мѣстоположеніе самой церкви (преданіе о водруженіи св. апостоломъ *Андреемъ* Первозваннымъ креста около мѣстности, занимаемой Воздвиженскою церковію).

Всего вѣроятнѣе, что при перестройкѣ Воздвиженской церкви прежній придѣлъ (въ честь Воздвиженія Честнаго Креста) остался главнымъ; но если бы даже первенствующее мѣсто въ данное время занялъ новый придѣлъ—*Андреевскій*, то и въ такомъ случаѣ эта церковь въ *официальныхъ доку-*

ментахъ должна была сохранять свое прежнее наименованіе—*Воздвиженской*,—должна была сохранять потому, что въ ней, совмѣстно съ Трехсвятительскою, приурочено было нѣсколько угодій. Кіево-Братскій училищный монастырь, неоднократно ходатайствуя то передъ польскимъ (подтвердительная грамота польскаго короля Михаила Кіево-Братскому монастырю, отъ 25 апрѣля 1670 г.), то передъ московскимъ правительствомъ о подтвержденіи дарованныхъ ему и приписанныхъ къ нему церквамъ разныхъ земель и угодій и представляя при этомъ прежнія грамоты XVI и первой половины XVII столѣтія въ доказательство своихъ правъ на означенныя земли и угодья, — уже во избѣжаніе недоразумѣній, не могъ называть Воздвиженскую церковь *Андреевскою*, хотя бы, послѣ устройства въ ней Андреевскаго придѣла, въ народѣ, подѣ влияніемъ извѣстнаго намъ преданія о водруженіи на мѣстѣ сей церкви креста апостоломъ Андреемъ Первозваннымъ, послѣднее названіе и вытѣсняло первое. Іоаннъ Лукьяновъ, видѣвшій эту церковь въ 1701 году, видѣвшій въ ней придѣлъ въ честь первозваннаго Апостола и заинтересовавшійся симъ храмомъ, какъ мѣстомъ, по преданію, освященнымъ водруженіемъ здѣсь св. Андреемъ креста,—могъ называть и назвалъ ее *Андреевскою*; но это еще не значитъ, что такъ она называлась въ то время и въ официальныхъ документахъ. Вообще нѣтъ основаній предполагать, чтобы Воздвиженская церковь переименована была въ Андреевскую какимъ-либо распоряженіемъ свыше. Совершиться это могло и само собою, гласомъ народа, дорожившаго преданіемъ объ апостолѣ Андрѣе и потому облюбовавшаго наиболѣе соответствовавшее сему наименованіе церкви.

Закончимъ свою статью двумя замѣчаніями, имѣющими отношеніе къ затронутымъ въ ней вопросамъ.

I. Мы видѣли, что когда поднята была рѣчь митрополитомъ Гедеономъ Четвертинскимъ о разобраніи Трехсвати-

тельской церкви, а затѣмъ митрополитомъ Варлаамомъ Ясинскимъ объ ея возобновленіи, тѣмъ и другимъ упоминалось при этомъ и о церкви св. великомученицы Екатерины, находившейся еще въ болѣе разрушенномъ видѣ, чѣмъ церковь Трехсвятительская. Екатерининская церковь не была возобновлена, и въ настоящее время мѣсто, гдѣ она находилась, съ точностію неизвѣстно. Преосвященный Евгеній въ своемъ „Описаніи Кіево-Софійскаго собора“ (стр. 210) говоритъ, что означенная церковь была *близъ Трехсвятительской*. Но это указаніе уважаемаго ученаго (быть можетъ потому, что оно не было документально подкрѣплено) игнорируется новѣйшими изслѣдователями о кіевской старинѣ, которые предпочитаютъ оному свидѣтельство Эриха Ляссоты, въ 1594 году бывшаго въ Кіевѣ и въ оставленномъ имъ дневникѣ написавшаго: „Недалеко отъ церкви св. Софійи была церковь св. *Екатерины*; вынѣ она совершенно разрушена, *остался только кусокъ стѣны*“¹⁾. Такъ, проф. Н. И. Петровъ, имѣя въ виду, съ одной стороны, означенное свидѣтельство Эриха Ляссоты, а съ другой—заявленіе П. Г. Лебединцева, что „слѣды каменной церкви можно было примѣтить въ недавнее время при самомъ выходѣ изъ южныхъ воротъ Софійской ограды“, полагаетъ, „что здѣсь и могла быть церковь св. *Екатерины*“²⁾. Но онѣмеченный славянинъ Ляссота, случайно весьма короткое время (три дня) пробывшій въ Кіевѣ, легко могъ смѣшать развалины церкви Еватерининской и Ирнинской, подобно тому какъ Боплавъ смѣшалъ остатки Десятинной церкви съ (неразрушенной еще въ то время) Трехсвятительскою церковію³⁾. Между тѣмъ, указаніе преосв. Евгенія,

¹⁾ Сборникъ матер. для историч. топографіи Кіева. Кіевъ, 1874. отд. II, стр. 18.

²⁾ Историко-топографическіе очерки древняго Кіева. Кіевъ, 1897 г., стр. 150.

³⁾ См. объ этомъ Собраніе сочиненій М. А. Максимовича, т. II стр. 62, и наше изслѣдованіе: Кіевскій митрополитъ Петръ Могила и его сподожники, т. II, стр. 438 и слѣд.

какъ теперь оказывается, опирается на документальныхъ данныхъ: мы видѣли, что въ прошеніи м. Варлаама Ясинскаго къ государямъ о возобновленіи церкви Трехсвятительской и Екатерининской, мѣстоположеніе послѣдней опредѣляется, какъ весьма *близкое* къ первой („не далече отъ той Трехсвятительскія каменная церкви“). Разумѣется, если бы положеніе Екатерининской церкви было ближайшее къ Софійскому собору, то такъ - бы въ прошеніи Ясинскаго объ этомъ и было заявлено.

Екатерининская церковь, какъ мы сказали, не была восстановлена (остатки ея разобраны). Не въ связи ли съ этимъ обстоятельствомъ должно поставять устройство въ Кіево-Михайловскомъ монастырѣ новаго *Екатерининскаго придѣла*? Когда митрополитъ Варлаамъ Ясинскій вторично (въ 1691 г.) ходатайствовалъ о возобновленіи, *если это окажется возможнымъ*, Екатерининской церкви, то онъ заявлялъ, что желаетъ сіе учинить „въ тевоименитство благовѣрной государыни царицны и великой княжны *Екатерины Алексеевны*“¹⁾, т. е. сестры государей. И если возобновленіе Екатерининской церкви не состоялось, то намѣреніе митрополита отчасти могло быть исполнено чрезъ устройство означеннаго придѣла въ Кіево-Михайловскомъ монастырѣ, гдѣ около этого времени начались работы *по реставраціи древняго храма*²⁾. Независимо отъ упомянутаго намѣренія митрополита оказать любезность царицнѣ (разумѣется, получить отъ правительства и вспомошествованіе) устройство *Екатерининскаго придѣла* въ церкви Кіево-Михайловскаго монастыря могло быть вызвано также желаніемъ сохранить память о древнемъ храмѣ во имя св. великомученицы, — храмѣ, хлопоты о возобновленіи котораго не увѣщались успѣхомъ. Впрочемъ, вопросъ объ

¹⁾ Архивъ Минист. Иностр. Дѣлъ. Дѣла Малорос., связ. 86.

²⁾ Для подтвержденія сказаннаго срани. „Планъ Кіева 1695 г.“, издаанный Кіев. Археогр. Коммиссією, съ найденными нами планомъ части Кіева 1698 г., прилагаемымъ къ сей статьѣ.

этомъ мы оставляемъ пока открытымъ. Въ слѣдующую свою поѣздку въ Москву мы намѣрены тщательно поискать въ тамошнихъ архивахъ документовъ, касающихся кievскихъ церквей. Возможно, что нѣчто болѣе положительное (документальное) найдется и по данному вопросу ¹⁾.

II. Мы упомянули, что въ 1688 году кievскій воевода, въслѣдствіе правительственнаго указа, сообщая въ Москву свѣдѣнія о состояніи церквей Трехсвятительской и Екатерининской, прислалъ вмѣстѣ съ тѣмъ и часть плана города Кіева (Верхняго). Планъ этотъ до настоящаго времени не былъ извѣстенъ. Онъ найденъ [нами въ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, въ Дѣлахъ Малороссійскихъ, въ связкѣ документовъ подъ № 76. Планъ сохранился не вполне хорошо: на складахъ прогнилъ и раздробился на нѣсколько отдѣльныхъ клочковъ. Въ настоящее время завѣдующимъ архивными документами онъ тщательно подклеенъ и приобщенъ въ коллекціи плановъ, хранящихся въ Архивѣ.

Очевидно, этотъ планъ составленъ по распоряженію правительства, вызванному просьбою монахинь дѣвичьяго Кіево-Михайловскаго монастыря о переводѣ ихъ на другое мѣсто (къ Трехсвятительской церкви). Имѣя въ виду это распоряженіе, составитель плана и обратилъ исключительное вниманіе на мѣстность занимаемую означеннымъ монастыремъ, и церковь мужского Кіево-Михайловскаго монастыря, которую—какъ мы видѣли—дотолѣ иноки и инокини обѣихъ поименованныхъ обителей пользовались совмѣстно. Поэтому, намѣтивъ для плана восточную часть Верхняго города (приблизительно до нынѣшнихъ Большой Житомирской улицы, Присутственныхъ мѣстъ и т. п.), составитель его не считалъ нужнымъ подробно отмѣчать, а тѣмъ болѣе изображать все, находящееся въ означен-

¹⁾ Нѣкоторые изслѣдователи полагаютъ, что Екатерининскій приделъ въ Кіево-Михайловской церкви (на мѣстѣ прежняго Введенскаго) устроенъ въ началѣ XVIII столѣтія на средства императрицы Екатерины I, но безъ достаточныхъ на то основаній.

номъ районѣ (кромѣ, впрочемъ, валовъ, т. е. городскихъ укрѣпленій, имъ старательно изображенныхъ), ограничиваясь, и то далеко не всегда, простымъ указаніемъ, что въ извѣстныхъ пунктахъ стоятъ такія-то зданія. Но за то старательно отмѣчаетъ и рисуетъ амбары, окружающіе Трехсвятительскую церковь, остатки сей церкви¹⁾, а въ особенности, какъ мы сказали, дѣвичій Кіево-Михайловскій монастырь и церковь въ мужскомъ Кіево-Михайловскомъ монастырѣ (съ колокольнею). Эту часть плана 1688 г., какъ имѣющукъ *большой историко-археологическій интересъ*, мы помѣщаемъ, фототипически воспроизведенною, въ концѣ своей статьи.

Для лицъ, имѣющихъ заняться изученіемъ этого плана, первѣе всего указываемъ, что нѣкоторыя изъ линій, усматриваемыхъ на семъ планѣ, произошли отъ того, что планъ найденъ нами не совсѣмъ въ сохранномъ видѣ и затѣмъ—какъ мы сказали—подклеенъ. Мѣста этихъ подклеекъ и складовъ и замѣтны на фототипіи. Таковыхъ (болѣе замѣтныхъ) линій три: одна идетъ съ середины верха плана, упираясь въ Кіево-Михайловскую церковь; другая, начинаясь отъ конца первой линіи идетъ влѣво по направленію къ мѣстности, занимаемой дѣвичьимъ монастыремъ, и проходитъ черезъ оный; третья, по протяженію самая меньшая, идетъ отъ полей плана справа по направленію къ колокольнѣ, нѣсколько не доходя до послѣдней.—Возможное (точнѣе, *вполнѣ правдоподобное*) объясненіе другихъ линій или, правильнѣе сказать, чертежей въ видѣ линій, усматриваемыхъ въ мѣстности, занимаемой *дѣвичьимъ монастыремъ*, по нашему мнѣнію, такое: Планъ, какъ мы сказали, составленъ по приказанію правительства, вызванному просьбою кіево-михайловскихъ инокинъ о предоставленіи имъ (въ возобновленномъ видѣ) Трехсвятительской церкви.

¹⁾ Мы не издаемъ рисунка этихъ остатковъ (безъ крестола), съ одной стороны, потому, что они на планѣ изображены довольно небрежно, а съ другой—потому, что—какъ мы упоминали—ихъ можно видѣть съ болѣею пользою для дѣла на планѣ Кіева 1695 года, изд. Кіевс. Археогр. Комиссіею.

Эта просьба инокинь не была уважена; но правительство— какъ мы видѣли—рѣшило устроить для нихъ новую деревянную церковь въ мѣстѣ ихъ жительства, т. е. въ дѣвичьемъ ихъ монастырѣ. Вотъ для этой то цѣли московскому правительству, любившему во всемъ аккуратность и точность, и нуженъ былъ планъ монастыря и построекъ въ немъ. Когда планъ былъ доставленъ, то, въ виду состоявшагося рѣшенія о постройкѣ для инокинь церкви, *по этому плану въ Москву сдѣланы были указанія*, гдѣ произвести предположенную постройку церкви и какія, вслѣдствіе сего, учинить перемѣны въ размѣщеніи келлій. Первый чертежъ, находящійся почти тотчасъ при входѣ въ дѣвичій монастырь въ лѣвой сторонѣ, *есть обозначеніе мѣста, предназначеннаго для построенія церкви*. Такъ какъ на противоположной сторонѣ противъ этого мѣста находились келліи, то сохраненіе ихъ здѣсь, вблизи имѣющей быть церкви (дѣвичій монастырь имѣлъ въ ширину всего 22 сажени), найдено было неудобнымъ. Черта поперегъ монастыря, захватывающая шесть первыхъ отъ входа въ него келлій, *есть указаніе, что означенныя келліи должны быть отсюда удалены*. Шестъ чертежей, находящихся на противоположной (восточной и юрмыкающей къ ней северной) части монастыря, *есть указаніе, куда предназначенныя къ сломкѣ келліи должны быть перенесены*.—Разумѣется, заглазно, на основаніи только плана, сдѣланнаго московскими властями указанія по давному вопросу не всегда могли быть наилучше, и въ виду этого, по мѣстнымъ соображеніямъ, отъ нихъ могли быть дѣлаемы нѣкоторыя отступленія. Но *въ общемъ и существенномъ* означенныя указанія, при построеніи церкви въ дѣвичьемъ монастырѣ и вызванныхъ этимъ обстоятельствомъ перемѣнахъ въ распредѣленіи монастырскихъ келлій, были приняты строителями къ руководству. Это можно видѣть при разсмотрѣніи плана Кіева 1695 года. На немъ церковь св. Софіи, къ тому времени уже выстроенная для кіево-михайловскихъ инокинь, стоитъ (приблизитель-

но) на томъ мѣстѣ, гдѣ находится *первый* указанный нами чертежъ; келлій противъ церкви уже нѣтъ, но видны онѣ, даже въ ббльшемъ количествѣ, чѣмъ было проектировано въ Москвѣ, на сѣверной сторонѣ. (Кажется, проектированныя двѣ келліи на восточной сторонѣ не были построены съ цѣлію имѣть другой выходъ изъ монастыря; вслѣдствіе чего и увеличено количество келлій на сѣверной сторонѣ. Впрочемъ, въ этомъ мѣстѣ планъ 1695 г. такъ не отчетливъ, что положительно утверждать объ отсутствіи на восточной сторонѣ келлій нельзя).

Но, разумѣется, не изложенныя нами разъясненія имѣютъ существенное значеніе при изученіи плана 1688 года (это мелочь) и не ради ихъ мы фототипически издаемъ его. Планъ этотъ издается нами потому, что онъ заключаетъ въ себѣ *прекрасно* (въ смыслѣ подробностей) *сдѣланный рисунокъ Кіево-Михайловской церкви*, въ то время еще не подвергшейся значительной реставраціи и такимъ образомъ наиболѣе сохранившей особенности древней архитектуры. (Прекрасно сдѣланъ рисунокъ и Кіево-Михайловской колокольни, но построеніе ея относится къ XVII столѣтію и, слѣдовательно, выдающагося интереса это изображеніе не представляетъ). Правда, мы имѣемъ уже два изображенія Кіево-Михайловской церкви отъ XVII столѣтія. Одно изъ нихъ находится на планѣ Кіева 1638 года, приложенномъ къ Тератургимѣ А. Кальнофойскаго; другое—на планѣ Кіева 1695 года, изданномъ Кіевскою Археографическою Коммиссіею. Но Кальнофойскій при составленіи своего плана имѣлъ въ виду, главнымъ образомъ, изобразить Кіево-Печерскую обитель (о чемъ самъ прямо и заявляетъ); поэтому сей обители, а отчасти и ближайшимъ къ ней мѣстностямъ, онъ и отвелъ на планѣ первенствующее мѣсто; старому же Кіеву удѣлилъ самое незначительное пространство. Повятно, почему рисунки Кальнофойскаго въ этой части плана, а въ томъ числѣ и рисунокъ церкви Кіево-Михайловскаго монастыря (изображенной здѣсь

съ восточной стороны) не отличаются отчетливостію и даютъ весьма слабое представленіе объ архитектурныхъ особенностяхъ сооруженій (а иногда и вовсе не даютъ его). Что касается плана Кіева 1695 года, то здѣсь церковь Кіево-Михайловскаго монастыря изображена (тоже съ восточной стороны) *уже послѣ произведенныхъ въ ней значительныхъ перестроекъ* (изображена съ *тремя куполами*); при томъ самый рисунокъ тоже не отличается отчетливостію и не много помогаетъ къ уясненію архитектуры церкви.—

Такимъ образомъ, фототипически воспроизведенная нами часть ¹⁾ плана Кіева 1688 года, какъ заключающая въ себѣ прекрасный (и какъ таковой *единственный*) рисунокъ Кіево-Михайловской церкви (съ западной и сѣверной сторонъ),—рисунокъ того времени, когда она не подвергалась еще существеннымъ внѣшнимъ передѣлкамъ,—представляетъ большой церковно-археологическій интересъ ²⁾, и, безъ со-

¹⁾ Она воспроизведена почти въ натуральную величину подлинника (съ весьма незначительнымъ уменьшеніемъ противъ него).

²⁾ Считаю уместнымъ привести здѣсь описаніе церкви Кіево-Михайловскаго монастыря, составленное Павломъ Аленискимъ въ 1654 году и могущее служить хорошимъ комментариемъ къ издаваемому нами изображенію сей церкви въ 1688 году. „Михайловскій монастырь—пишеть П. Аленискій—весь деревянный, но *св. церковь, благолепная, высокая и красивая, изъ камня и известки; ея куполъ высокий и весь покрытъ позолотой. Церковь состоитъ изъ одного нефа; но окружности ея многочисленныя окна со стеклами... Архіерейское мѣсто великолѣпно и красиво. Передъ нимъ, налѣво, изображеніе Θεοφана, патріарха іерусалимскаго, въ мантии, клобуки и съ наперстнымъ крестомъ. Великій алтарь похожъ на алтарь св. Софійи монастыря Печерскаго, съ тремя большими окнами. На передней (восточной) его сторонѣ есть изображеніе Владичицы, стоящей, воздвигъ свои руки съ открытыми дланями,—въ позолоченой мѣдальнѣ; такъ же изображеніе Господа, который подаетъ своимъ ученикамъ, стоящимъ съ обѣихъ сторонъ, хлѣбъ и кровь божественныя. Подъ нимъ: другое изображеніе архіерея.—все изъ известки. Направо отъ этого алтаря, *второй алтарь съ евангелиемъ куполомъ, а налѣво—третій. Святая церковь имѣетъ три двери: одну, большую, съ запада, а другія двѣ ведутъ къ обоимъ хорамъ. Съ задней стороны сѣвернаго хора: позолоченный алтарь, подобенъ къ лѣвой сторонѣ иждиваго въ хорѣ. Онъ имѣетъ рѣшетку съ двумя отпорами, сверху до низу изъ желѣза, сшитенную со восточными илѣуботкой, разри-**

миѣнія, любители киевской старины и вообще лица, занимающіяся изученіемъ церковныхъ древностей, будутъ весьма благодарны редакціи „Трудовъ Киевской Духовной Академіи“ за ея готовность приложить къ нашей статьѣ упомянутую часть плана Кіева. Таковою благодарностію редакціи лично отъ себя мы и оканчиваемъ свою статью.

С. Голубевъ.

сованную цѣтвами и изображеніями ангеловъ и святыхъ. Внутри этого алтара красная рака съ мощами св. Варвара Васильевской (Ильинской). Направе отъ входящаго въ церковь другой алтарь въ западномъ углу, нѣтъ котораго еще шестой алтарь. Весь полъ церкви сдѣланъ изъ большихъ красныхъ плитъ⁴ (Путешествіе Антиохійскаго патріарха Макарія въ Россію въ половинѣ XVII вѣка, описанное его синодъ архидіакономъ Павломъ Альпскимъ. Переводъ отъ арабскаго Г. Муркоса. Москва, 1897 г. Выпускъ II, стр. 78. — Курскіе набравши мѣста въ приведенной выдержкѣ подчеркнуты нами).

Пятидесятилѣтній юбилей

преосвященнаго Сильвестра, епископа Каневского, перваго викарія Кіевской епархіи, почетнаго члена Кіевской духовной академіи.

7-го Декабря 1898 года исполнилось 50 лѣтъ со дня рукоположенія во священника преосвященнаго Сильвестра, епископа каневского, перваго викарія кіевской епархіи. День этотъ былъ праздничнымъ днемъ и для Кіевской духовной Академіи.

Читателямъ академическаго журнала хорошо извѣстны близкія, духовно-родственныя отношенія, въ какихъ находится преосвященный Сильвестръ въ Кіевской духовной Академіи. Не такъ давно (въ апрѣльской книжкѣ за 1898 годъ), по поводу прощанія преосвященнаго Сильвестра съ Академіей, нами были показаны эти отношенія, при чемъ тогда же были изложены краткія біографическія свѣдѣнія о юбилярѣ.

Къ сказанному тамъ въ настоящій разъ можно присоединить еще слѣдующее замѣчаніе. Преосвященный Сильвестръ, по увольненіи отъ должности ректора Академіи, не прервалъ своихъ ближайшихъ духовно-родственныхъ отношеній къ Кіевской Академіи. Въ первомъ же засѣданіи академическаго совѣта, подъ предсѣдательствомъ новаго ректора и по его предложенію, Академія избрала преосвященнаго Сильвестра своимъ почетнымъ членомъ. Свое предложеніе преосвященный Димитрій, епископъ Чагирійскій, мотивировалъ слѣдующею характеристикою заслугъ преосвященнаго Сильвестра для Кіевской духовной Академіи, „Преосвященный Сильвестръ“, — говорится въ этомъ предложеніи, — „выдѣляется изъ цѣлаго ряда нашихъ ректоровъ,

которых Академія наша воспитала сама для себя. Всѣ предшественники его только сравнительно немногіе годы своей дѣятельности могли непосредственно отдавать своей Матери-Кормилицѣ... Но преосвященный Сильвестръ всецѣло принадлежит нашей Академіи, родной ему, воспитавшей его. Въ ней онъ выступилъ на служеніе церкви, наукъ и высшей школь, непосредственно по окончаніи академическаго учебнаго курса, какъ бакалавръ, со всей молодой ученой энергіей, въ самомъ расцвѣтѣ своихъ силъ. Для нея онъ работалъ въ пору полной учено-богословской и вообще духовной зрѣлости, какъ профессоръ и инспекторъ. Ея благу онъ отдалъ свою опытность и мудрость при приближеніи старости, какъ ея ректоръ“. Таими „многими и крѣпкими нитями преосвященный Сильвестръ внутренне неразрывно связалъ и свою жизнь съ жизнью нашей Академіи.“

Совершенно понятно, поэтому, что Кіевская духовная Академія приняла живѣйшее участіе въ юбилейномъ празднествѣ своего дорогого почетнаго члена.

Преосвященный Сильвестръ не желалъ и настойчиво отклонялъ торжественное правднованіе своего юбилея. Но многочисленныя благодарныя ученики и усердные почитатели его упростили его измѣнить это свое рѣшеніе и принять чествованіе, на которое испрошено было благословеніе высокопреосвященнаго Іоаннікія, митрополита кіевскаго и галицкаго.

Въ день юбилея, въ 11 часовъ у. въ великой церкви Кіево-братскаго монастыря преосвященнымъ Дмитріемъ, епископомъ Чигиринскимъ, ректоромъ Кіевской духовной Академіи, въ сослуженіи инспектора іеромонаха Платона, профессоровъ и студентовъ, имѣющихъ духовный санъ, было совершено молебствіе съ провозглашеніемъ многолѣтня юбилару, въ присутствіи всѣхъ профессоровъ и студентовъ Академіи. Равнымъ образомъ, и въ семинаріи и во всѣхъ низшихъ кіевскихъ духовныхъ училищахъ мужскихъ и женскихъ было совершено молебствіе о здравіи юбиларя, въ теченіе многихъ лѣтъ не-

посредственно завѣдывавшаго духовно-учебными заведеніями кіевской епархіи.

Въ Кієво-софійскомъ соборѣ, въ 12 ч. д., былъ совершенъ торжественный молебень преосв. Сергіємъ, епископомъ уманскимъ, въ сослуженіи всего кіевского городского духовенства.

Самъ преосвященный юбиляръ совершалъ въ этотъ день божественную литургію въ Кієво-печерской лаврѣ.

Къ часу дня въ настоятельскіе покои Кієво-Никольскаго монастыря собрались преосвященные викаріи кіевской епархіи—Сергіи и Дмитрій, академическая корпорація, представители 4 курсовъ студѣнтовъ Академіи, представители семинарской корпораціи во главѣ съ ректоромъ своимъ, архим. Іоаннікіємъ, представители кіевского городского духовенства, мужскихъ и женскихъ духовныхъ училищъ во главѣ съ смотрителями и предсѣдателями совѣтовъ, намѣстникъ Кієво-печерской лавры о. архимандритъ Антоній, представители кіевскихъ монастырей—мужскихъ и женскихъ, депутація отъ волынской епархіи во главѣ съ каедральнымъ протоіереемъ Н. Трипольскимъ, представитель отъ Волынской духовной семинаріи о. ректоръ ея, архим. Михайлъ. Привѣтствовать юбиляра явились также начальникъ Кіевской губерніи, генералъ-маіоръ *Θ. Θ. Треповъ* съ супругою, кіевскій губернскій предводитель дворянства кн. *Н. В. Репнинъ*, кіевскій городской голова д. с. с. *С. М. Сольскій* съ гласными кіевской городской думы, ректоръ Университета св. Владимира д. с. с. *Θ. Я. Фортинскій*, предсѣдатель кіевского отдѣленія славянскаго благотворительнаго общества д. с. с. профессоръ *Т. Д. Флоринскій*. Къ концу принесенія привѣтствій юбиляру изволилъ пожаловать въ собраніе г. начальникъ юго-западнаго края, генералъ-адъютантъ *М. И. Драгомировъ* съ супругою.

Около 1¹/₂ часа д. прибылъ изъ Кієво-печерской лавры преосв. Сильвестръ и началось чествованіе маститаго юбиляра.

Первою привѣтствовала преосв. Сильвестра Кіевская духовная Академія слѣдующимъ адресомъ, который прочиталъ старѣйшій членъ академической корпораціи, заслуженный ординарный профессоръ В. О. Пѣвницкій.

Ваше Преосвященство,

Милостивый Архипастырѣ и Отецъ!

Кіевская духовная Академія, недавно разставшаяся съ Вами, послѣ Вашего долгаго и многоплоднаго служенія ей, и нынѣ неразрывно связанная съ Вами чувствами глубокаго уваженія, любви и признательности, поставляетъ для себя непремѣннымъ долгомъ отъ всей полноты преданнаго Вамъ сердца принести Вамъ почтительнѣйшее привѣтствіе въ день исполнившагося пятидесятилѣтія Вашего служенія церкви Божіей въ священномъ санѣ.

Вмѣстѣ съ Вами мы возносимъ благодареніе Всевышнему Распорядителю судебъ человѣческихъ, одарившему Васъ богатыми талантами, хранившему Васъ на длинномъ пути жизни, пройденномъ Вами, и вспомошествовавшему Вамъ Своею благодатною силою ознаменовать этотъ путь безупречнымъ исполненіемъ долга, на Васъ возлагавшагося, и великими заслугами для православной духовной науки и церкви, которыя никогда не забудутся не только нами, но и нашими потомками.

Молимъ Господа, да хранитъ Онъ Васъ еще многіе и многіе годы, и не престанемъ возносить моленія къ усердной Заступницѣ нашей предъ Богомъ, Матери Господа Вышняго, да осѣняетъ Она Васъ своимъ всемогущимъ покровомъ, и, въ ознаменованіе своего молитвеннаго обращенія къ Ней, приносимъ Вамъ изображеніе чудотворной иконы Братской Божіей Матери, предъ которою Вы возносили свои молитвы во время многолѣтняго пребыванія своего въ Братскомъ монастырѣ на служеніи Академіи.

Вашего Преосвященства покорнѣйшіе слуги:

Ректоръ Академіи Епископъ Дмитрій. И. д. Инспектора Академіи Гермомахъ Платонъ. Заслуженный ординарный профессоръ Дмитрій Посиѣховъ. Заслуженный ординарный профессоръ Василій Пѣвницкій. Заслуженный ординар-

ный профессоръ Николай Петровъ, Заслуженный ординарный профессоръ Петръ Линицкій. Заслуженный ординарный профессоръ Акимъ Олесницкій. Заслуженный ординарный профессоръ Алексій Розовъ. Экстраординарный профессоръ, Протоіерей І. Корольковъ. Экстраординарный профессоръ М. Ястребовъ. Экстраординарный профессоръ Маркелія Олесницкій. Экстраординарный профессоръ Николай Дродокъ. Экстраординарный профессоръ К. Поповъ. Экстраординарный профессоръ Василій Малининъ. Экстраординарный профессоръ Теодоръ Погровскій. Экстраординарный профессоръ Ф. Орнатскій. Доцентъ Академіи Владиміръ Завитневичъ. Доцентъ Академіи Аевнасіѣ Булгаковъ. Доцентъ Академіи Дмитрій Богданевскій. Доцентъ Академіи Николаѣ Маккавѣйскій. Доцентъ Владиміръ Рыбинскій. Священникъ Теодоръ Титовъ. Доцентъ Николай Мухинъ. И. д. доцента Петръ Кудрявцевъ. И. д. доцента Іосифъ Бродовичъ. Кульманъ. Помощникъ инспектора Герасимъ Ожибинъ. Помощникъ инспектора Академіи Николай Успенскій. Секретарь совѣта и Правленія Сергій Песоцкій. Помощникъ секретара Совѣта и Правленія Григорій Николаевичъ. Библіотекаръ Академіи Амвросій Крыловскій. Помощникъ библіотекаря Академіи Петръ Слесаревскій. Врачъ Академіи Докторъ медицины К. Лепленскій. Экономъ Академіи А. Устиновъ.

Въ отвѣтъ на этотъ адресъ преосв. Сильвестръ выразилъ академической корпораціи задушевную благодарность приблизительно въ слѣдующихъ словахъ:

„Кіевскою Академією оказано и оказывается нынѣ мнѣ столько вниманія и сочувствія, что я не нахожу словъ для выраженія живѣйшаго чувства благодарности за столь участливое ко мнѣ отношеніе. Могу сказать только одно, что я искренно любилъ и люблю Кіевскую Академію, что, послѣ недавней разлуки съ родною мнѣ Академією, я по преимуществу живу свѣтлыми и отрадными о ней воспоминаніями и этими воспоминаніями буду жить до недалекаго уже послѣдняго предѣла моей жизни. вмѣстѣ съ симъ молилъ и молю Господа, да почиваетъ выну благословеніе Божіе надъ Кіевскою Академією, да не престанетъ въ ней ярко горѣть и сіять свѣтъ истиннаго ученія Христова, никогда ничѣмъ не потемнявшійся въ ней, да не престанетъ она жить духомъ вѣры православной и церковности, который составлялъ всегда внутреннюю силу и крѣпость ея духовной жизни, и да не престанетъ она готовить такого рода самоотверженныхъ и доблестныхъ дѣятелей, какими украшается и сама Академія и

какіе съ великою пользою трудятся на многихъ и даже высшихъ поприщахъ церковнаго, духовно-учебнаго и общественнаго служенія. Принимая съ благоговѣніемъ подносимый образъ Братской Божіей Матери, предъ которымъ я столько лѣтъ молился купно съ Академіею, уповаю, что Господь Богъ, предстательствомъ пречистыя Своея Матери, совершитъ все сіе во благу Академіи“.

При послѣднихъ словахъ преосв. Сильвестръ приложился къ иконѣ Братской Божіей Матери, которую поднесла ему академическая корпорація.

Студенты Кіевской Академіи, въ лицѣ 4 представителей своихъ, привѣтствовали юбиляра адресомъ слѣдующаго содержания.

Ваше Преосвященство,

Милостивый Архипастырь и Отецъ!

Сегодня исполнилось полвѣка Вашего славнаго служенія на пользу церкви и отечества. Сегодня радуются всѣ, кому дороги интересы науки и церкви, и, особенно, мы, питомцы Кіевской духовной Академіи.

Богатство Вашихъ духовныхъ дарованій Вы всецѣло проявили въ дорогой нашей Академіи, воспитавъ въ ней многихъ полезныхъ дѣятелей, которые пронесли свѣтъ вѣры Христовой во всѣ концы обширной земли нашей. Мы были послѣдними изъ многочисленныхъ питомцевъ Вашихъ, мы пережили тяжелыя минуты разлуки съ Вами, но ни эта разлука, ни всѣ послѣдующія обстоятельства жизни нашей никогда не изгладятъ въ насъ Вашего свѣтлаго образа. Мы всегда будемъ помнить Васъ, какъ любвеобильнаго отца студенческой семьи, мудраго наставника вѣры и благочестія, великаго богослова и благоговѣйнаго служителя алтаря Господня. Мы постоянно будемъ видѣть въ Васъ живой „образъ вѣрнымъ словомъ, житіемъ, любовію, духомъ, вѣрою, чистотою“. И этотъ образъ будетъ вдохновлять насъ въ продолженіе всей

нашей жизни и дѣятельности, возбуждая въ насъ любовь къ добру и истинѣ.

Примите же, дорогой нашъ отецъ, вѣрный Святитель Божій, наше истинно-сыновнее привѣтствіе въ этотъ много-знаменательный для Васъ день; примите его, какъ выраженіе глубокой благодарности любящихъ сердець. Да охранить Васъ Господь на многіе годы!

Студенты Кіевской духовной Академіи. 1898 г. 7 декабря.

Затѣмъ слѣдовалъ адресъ отъ кіевского городского духовенства, прочитанный протоіереемъ Іоанномъ Корольковымъ, слѣдующаго содержанія:

Ваше Преосвященство,
 Преосвященнѣйшій Владыко,
 Милостивый Архипастырь и
 Отець!

Кіевское городское духовенство считаетъ своимъ священнымъ долгомъ привѣтствовать Ваше Преосвященство съ пятидесятилѣтіемъ Вашего служенія въ священномъ санѣ. Кіевское духовенство имѣетъ особыя основанія и побудительныя причины принести Вашему Преосвященству самыя сердечныя, искреннѣйшія пожеланія, такъ какъ Ваше епископское служеніе и вся Ваша учебно-воспитательная дѣятельность были посвящены Кіевской церкви и мѣстнымъ учебнымъ заведеніямъ.

Поступивъ въ число студентовъ здѣшней Академіи въ санѣ священника, Вы сразу стали въ самыя близкія, дружественныя отношенія къ мѣстному духовенству. По окончаніи академическаго курса, Вы, какъ щедро одаренный отъ Господа большими талантами и дарованіями, оставлены были бакалавромъ по каедрѣ богословскихъ наукъ при Кіевской духовной Академіи, гдѣ послѣдовательно проходили должности профессора, инспектора и ректора. Ваша свыше сорокалѣтняя служба при Академіи оказывала самое благотворное вліяніе на кіевское духовенство. Прежде всего, Вы, какъ наставникъ почти всего здѣшняго духовенства, поучали насъ своимъ силь-

нимъ словомъ. Ваши весьма содержательныя лекціи, основанныя на Св. Писаніи и Св. Преданіи и принаровленные къ новѣйшимъ ложнымъ ученіямъ и философскимъ теоріямъ, глубоко западали въ нашу душу и надлежаще приготавливали насъ къ будущей пастырской и церковно-учительской дѣятельности. Но Ваше вліяніе на своихъ питомцевъ не ограничилось только стѣнами аудиторіи. Ваши лекціи по догматическому богословію доселѣ служатъ для насъ постояннымъ руководствомъ при разрѣшеніи недоумѣнныхъ современныхъ вопросовъ въ области богословско-философской. Неоднократное изданіе Вашей многотомной догматики служитъ неопровержимымъ доказательствомъ благопотребности и удобопримѣнимости ея для всего духовенства, при томъ не только русскаго но и вообще славянскаго. Вы поучали насъ не только словомъ, но болѣе всего Вы назидали насъ примѣромъ своей благочестивой, подвижнической жизни. Ваше благоговѣнное служеніе въ кіевскихъ храмахъ, Ваше истинно-христіанское совершеніе божественныхъ службъ возвышало наши души и возносило ихъ отъ земного къ небесному и вѣчному. Ваше вліяніе на насъ въ этомъ отношеніи неотразимо и нашимъ слабымъ словомъ неизобразимо.

Въ заключеніе считаемъ своимъ нравственнымъ долгомъ выразить Вашему Преосвященству нашу глубочайшую благодарность и искреннѣйшую признательность за то, что Вы, при своемъ высокомъ положеніи, при своихъ неусыпныхъ, административныхъ и ученыхъ трудахъ, всегда относились къ духовенству въ высшей степени сердечно и участливо, вникая во всѣ его нужды и законныя желанія.

Да продлитъ же Господь Богъ годы Вашей примѣрно-труженической жизни на многія лѣта, для славы церкви русской! Смирнѣйше просимъ Васъ, Владыко Святый, благословите насъ, малыхъ и скромныхъ тружениковъ на пяѣ Христовой, на наши пастырскіе труды, помолитесь о насъ

предъ престоломъ Всевышняго и примите отъ насъ на молитвенную память икону Христа Спасителя.

Вашего Преосвященства низайшіе послушники:

Настоятель Выдубицкаго монастыря Архимандритъ Евлогій, Протоіерей Александръ Браиловскій, Протоіерей Петръ Орловскій, Протоіерей Алексій Колосовъ, Протоіерей Михаилъ Богдановъ, Протоіерей Павелъ Преображенскій, Протоіерей Павелъ Троицкій, Протоіерей Андрей Лебеднищевъ, Протоіерей Василій Ивановичій, Протоіерей Андрей Коровицкій, Протоіерей Аеанасій Гирдовскій, Кіево-Софійскаго Митрополитаваго дома экономя Ігуменъ Герасимъ, Протоіерей Михаилъ Златоверховищевъ, Протоіерей Климентъ Фоменко, Священникъ Романъ Барилевичъ, Священникъ Николай Рыбчакскій, Священникъ Николай Стелецкій, Секретарь Консисторіи Н. Соловьевъ, Священникъ Петръ Вельминъ, Благочинный священникъ магистръ Михаилъ Линчевскій, Священникъ Дмитрій Накитинъ, Священникъ Владиміръ Дашкевичъ, Священникъ Никаноръ Данкевичъ, Священникъ Василій Абрамовичъ, Священникъ Феодоръ Маняковский, Священникъ Феодоръ Савсаревъ, Священникъ Владиміръ Богородицкій, Священникъ Матвей Бутовскій, Священникъ Петръ Стелецкій, Священникъ Арсеній Дашкиевъ, Священникъ Симеонъ Трегубовъ, Священникъ Петръ Колосовскій, Священникъ Алексій Изотковскій, Священникъ Николай Марковскій, Священникъ Владиміръ Соколовъ, Священникъ Георгій Тихомировъ, Священникъ Антоній Молчанскій, Священникъ Давидъ Горянский, Священникъ Михаилъ Вишневецкій, Священникъ Митрофанъ Вышмирскій, Діаконъ Михаилъ Руткевичъ, Священникъ Іоаннъ Троицкій, Священникъ Іоаннъ Вышатинъ, Священникъ Николай Колотовскій, Священникъ Исаакій Тарасевичъ, Священникъ Порфирій Янковскій, Священникъ Александръ Песоцкій, Священникъ Василій Гомковскій, Протоіерей Іоаннъ Корольковъ, Священникъ Александръ Коржавковскій, Священникъ Евгеній Скрипчинскій, Протоіерей Николай Флоринскій, Священникъ Николай Клигичъ, Священникъ Константинъ Терлецкій, Священникъ Іоаннъ Мельниковскій, Священникъ Адрианъ Гукевичъ, Священникъ Николай Стасиновичъ, Священникъ Павелъ Левицкій, Священникъ Феодоръ Титовъ, Протоіерей Алексій Коискій, Священникъ Григорій Прозоровъ, Священникъ Феодоръ Зданевичъ, Діаконъ Виталий Рожалинъ, Діаконъ Петръ Рожалинъ, Протоіерей Феодоръ Хорошуневъ, Протоіерей Николай Браиловскій.

При этомъ кіевское городское духовенство поднесло юбилею образъ Спасителя, который держали во время чтенія адреса архим. Евлогій и кафедральный протоіерей А. Браиловскій.

Далѣ слѣдовали привѣтствія отъ мужескихъ и женскихъ обитателей г. Кіева:

Кіево-печерская лавра привѣтствовала юбиляра въ лицѣ о. намѣстника архим. Антонія, поднесшаго преосв. Силвестру образъ Печерской Божіей Матери.

Отъ Кіево-братскаго монастыря юбиляра привѣтствовалъ преосв. Дмитрій, епископъ Чигиринскій адресомъ слѣдующаго содержания:

Ваше Преосвященство

Милостивѣйшій Архипастыр!

Въ настоящій знаменательный день исполненія пятидесятилѣтія служенія Вашего церкви въ священномъ санѣ наша богоспасаемая обитель Братская, всегда хранящая неослабную молитвенную память о Васѣ, прилежнѣ помолилась о здравіи и благоденствіи Вашемъ.

Братія обители съ сыновнимъ благоговѣніемъ и искреннею благожелательностію привѣтствуютъ Васъ въ этотъ радостный день.

Ваше преосвященство! Въ теченіе почти всего, празднуемаго нынѣ, пятидесятилѣтія служенія Вашего церкви и наукъ Ваша жизнь—всецѣло принадлежитъ Кіевскому „Братству“.

Вашу учебную и ученую дѣятельность, которую всѣ восхваляютъ по достоянію, Вы отдали славному Кіево-Братскому Училищу—Академіи.

Ваше священническое и святительское служеніе церкви въ теченіе сорока пяти лѣтъ проходили Вы въ нашемъ Братскомъ училищномъ монастырѣ.

Внутренняя связь между Братскимъ училищнымъ монастыремъ и братскимъ училищемъ—Академіею, съ основанія ихъ и доселѣ, въ теченіе трехъ столѣтій, непрерывавшаяся, отмѣчаемая кіевлянами и въ настоящее время однимъ для обоихъ учрежденій именемъ „Братства“, находила себѣ въ теченіе послѣднихъ сорока пяти лѣтъ наглядное достойное выраженіе въ лицѣ Вашего Преосвященства—студента Академіи и въ то же время іерея, совершителя овященнослуженія въ храмахъ нашей обители, профессора Академіи и, со дня

своего иноческаго постриженія, — осмѣлимся похвалиться, — членомъ нашего скромнаго мовашескаго братства, Начальника Академіи и въ то же время Настоятеля нашей обители Братской.

Нынѣ братія нашей обители, переживая отраднымъ воспоминаніемъ весь, почти полувѣковой, періодъ Вашего пребыванія на служеніи церкви и школѣ-духовной въ стѣнахъ братства, съ чувствомъ особенной сердечной признательности и глубокой преданности останавливаются на невороткомъ времени настоятельства Вашего въ нашемъ монастырѣ. Потому что обители нашей навсегда будетъ памятно то многое доброе, что Вы совершили для нея за 14 лѣтъ, въ которыя она, по милости Божіей, имѣла Васъ своимъ Всечестнымъ Отцемъ.

При Вашемъ настоятельствѣ нашъ соборный храмъ приведенъ въ благолѣпный видъ. Навидательная живопись, украшающая стѣны его, дѣло Вашего Преосвященства: все пло по Вашимъ указаніямъ, подъ Вашимъ руководствомъ.

И въ этотъ благоукрашенный Вами храмъ Ваше благолѣпное и благоговѣйное служеніе привлекало множество молящихся!

Заботами Вашего Преосвященства значительно улучшилось матерьяльное благосостояніе нашей обители, средствами небогатыя.

Ваше Преосвященство установили надлежащій порядокъ въ монастырскомъ дѣлопроизводствѣ нашей обители, и этимъ не мало содѣйствовали улучшеніямъ во всѣхъ сторонахъ жизни монастырской.

Но никогда не забудеть братія монастырская Вашего отечески добраго отношенія къ ней, Вашей снисходительной терпѣливости въ руководствѣ братіей, Вашей мягкости и доброты даже и тогда, когда Вы были строги.

Ваше Преосвященство! Въ теченіе многихъ лѣтъ Вы умиленно молились предъ пречистымъ чудотворнымъ братскимъ образомъ Небесной Покровительницы и заступницы

нашей обители, подвигая и братію на молитву, возбуждая въ ней духъ умиленія.

Благоволите же нынѣ, въ ознаменованіе неослабѣвающей духовной связи обители съ Вами и въ молитвенную память, принять настоящей списокъ чудотворной Братской Иконы Божіей Матери.

Да хранитъ Васъ Пречистая въ Вашей маститой старости здоровымъ и бодрымъ еще долго-долго на пользу святой церкви нашей.

Вашего Преосвященства покорнѣйшіе слуги:

Управляющій кіево-братскимъ училищнымъ монастыремъ Дмитрій, епископъ чигиринскій. Намѣстникъ игуменъ Антоній. Казначей іеромонахъ Поликарпъ. Рязничій іеромонахъ Прохоръ. Іеромонахъ Владиміръ. Іеромонахъ Филаретъ. Іеромонахъ Антоній. Іеромонахъ Тихонъ. Іеромонахъ Сисой. Іеродіаконъ Иларіонъ. Іеродіаконъ Венедиктъ. Іеродіаконъ Дмитрій. Іеродіаконъ Никодимъ. Іеродіаконъ Артемій. Іеродіаконъ Іоанъ. Монахъ Емельянъ. Монахъ Іоанъ. Монахъ Симоонъ. Просфорникъ монахъ Серапіонъ. Монахъ Софроній.

При адресѣ была поднесена юбиляру намѣстникомъ монастыря игуменомъ Антоніемъ икона Братской Божіей Матери.

Отъ Кіево-Михайловскаго монастыря привѣтствовалъ юбиляра настоятель его, преосв. Сергій, епископъ Уманскій, поднесшій юбиляру образъ св. архистратига Михаила и св. великомученицы Варвары.

Отъ Кіево-Покровскаго женскаго монастыря привѣтствовала преосв. Сильвестра, по порученію Е. И. Высочества Великой Княгини, Александры Петровны, казначей обители, поднесшая юбиляру икону Покрова Пресв. Богородицы.

Отъ Кіево-Никольскаго мужскаго монастыря привѣтствовали юбиляра намѣстникъ и казначей, а отъ Кіево-Флоровскаго женскаго игуменія монастыря Елеазара (письменно).

Кіевская духовная Семинарія выразила привѣтствіе юбиляру въ адресѣ, прочитанномъ ректоромъ ея, архимандритомъ Іоанникіемъ, слѣдующаго содержанія:

„Ваше Преосвященство,
Преосвященнѣйшій Владыко,
Милостивѣйшій Архипастырѣ и Отецѣ!

Сегодня исполняется 50 лѣтъ Вашего служенія въ священномъ санѣ.

Многіе архипастыри православной церкви, цѣлыя поколѣнія пастырей ея, учителей и воспитателей юношества прошли свой заключительный учебный путь подъ Вашимъ руководствомъ, надзоромъ и управленіемъ, какъ профессора, инспектора и начальника старѣйшей духовной Кіевской Академіи. Учебно-административную дѣятельность въ Академіи Вы сопровождали учеными богословско-литературными трудами, которые, служа точнымъ выраженіемъ православнаго ученія и вѣры, составляютъ цѣнное сокровище для духовно-учебныхъ заведеній при изученіи догматическаго богословія. Пользуясь, на ряду со всѣми русскими семинаріями, Вашими богословскими трудами, Кіевская духовная Семинарія болѣе 10 лѣтъ состояла подъ Вашимъ ближайшимъ надзоромъ. Вы трогали наши сердца своимъ усерднымъ и полнымъ глубокаго благоговѣнія совершеніемъ богослуженія. Вы явили себя для насъ мудрымъ и твердымъ руководителемъ, гостеприимнымъ и милостивымъ попечителемъ, оказывавшимъ полное содѣйствіе начальству и наставникамъ въ ихъ трудѣ по укорененію добрыхъ нравовъ и усердія въ учащихъ, по насажденію среди нихъ всего, *елика суть истинна, елика честна, елика праведна, елика доброхвальна*. Вы были внимательны къ нашимъ воспитанникамъ при посѣщеніи семинаріи во время годовыхъ испытаній и отечески заботливы о тѣхъ изъ нихъ, которые терпѣли нужду въ средствахъ содержанія.

Въ сей день, весьма знаменательный въ Вашей многоплодной жизни, Кіевская духовная Семинарія почтительнѣйше привѣтствуетъ Васъ и приноситъ Вамъ святую икону Спасителя, Богочеловѣческой образъ Котораго Вы съ такимъ просвѣщеннымъ усердіемъ и любовію начертали въ своемъ

догматическомъ богословіи. Привзательная Вамъ, она усердно молить Господа, да сохранитъ Онъ Васъ долго сіять на свѣщницѣ православной церкви къ пользѣ ея и во славу Божию!

Вашего Преосвященства,
Милостивѣйшаго Архипастыря и Отца,
Нижайшіе послушники:

Ректоръ семинаріи архимандритъ Іоаннѣй. Инспекторъ семинаріи іеромонахъ Θεодосій. Преподаватель Платонъ Пашкевичъ. Преподаватель Павелъ Забѣлинъ. Преподаватель Сергій Кохомскій. Преподаватель Николай Щегловъ. Преподаватель семинаріи Петръ Калачинскій. Преподаватель семинаріи Павелъ Петрушевскій. Преподаватель семинаріи Михаилъ Гяѣвушевъ. Преподаватель семинаріи Ксенофонтъ Вѣлинскій. Преподаватель семинаріи Николай Гроссу. Преподаватель семинаріи Григорій Зѣтревъ. Преподаватель семинаріи Василій Петрушевскій. Преподаватель семинаріи Іларіонъ Балабушевичъ. Преподаватель семинаріи Петръ Смирновъ. Преподаватель семинаріи Георгій Булашевъ. Преподаватель семинаріи Алексій Городецкій. Преподаватель семинаріи священникъ Іоаннъ Богородицкій. Преподаватель семинаріи священникъ Михаилъ Едлинскій. Преподаватель семинаріи священникъ Дмитрій Дмитревъ. Преподаватель семинаріи Левъ Шаревичъ. Членъ Правленія Протоіерей Николай Брандовскій. Членъ Правленія священникъ Романъ Барилоничъ. Преподаватель Хр. Морчинскій. Помощникъ инспектора семинаріи Лаврентій Кошовскій. Помощникъ инспектора Антоній Шпаковскій. Помощникъ инспектора Николай Шарановъ. Духовникъ семинаріи священникъ Θεодоръ Дурдуковскій. Экономъ семинаріи священникъ Романъ Чеважевичъ. Врачъ при больницѣ семинаріи Θεодоръ Дашкевичъ.

При адресѣ преподавателями семинаріи священниками: І. Богородицкимъ и Д. Дмитревымъ была поднесена юбилейная икона Спасителя.

Кіевскія мужскія училища—Софійское и Подольское привѣтствовали юбиляра слѣдующимъ адресомъ, который былъ прочитанъ смотрителемъ кіево-софійскаго училища, священникомъ Д. Горянскимъ:

„Ваше Преосвященство,
Преосвященнѣйшій Владыко,
Милостивый Архипастырь и Отецъ!“

Кіево-подольское и Кіево-софійское духовныя училища, четырнадцать лѣтъ находившіяся подъ Вашимъ архипастыр-

скимъ управленіемъ, всегда были предметомъ неусыпной и мудрой попечительности Вашей.

Посвятивъ имъ много силъ и труда, Вы довели ихъ до высокой степени благосостоянія.

Но заботясь о юныхъ питомцахъ, Вы не оставляли своимъ отеческимъ вниманіемъ и ихъ воспитателей. Послѣдніе въ большей своей части Ваши ученики, всегда находили у Васъ и совѣтъ и ободреніе, и помощь и одобреніе.

Все это особенно живо сознается и чувствуется въ настоящій высокочаинаменательный день исполненія Вашего, благословеннаго Богомъ, пятидесятилѣтнаго служенія.

Пользуясь настоящимъ случаемъ, начальствующіе и учащіе этихъ учрежденій съ искреннею радостію и глубокою снновнею признательностію приносятъ Вамъ, маститый Архипастырь, въ знакъ сердечной благодарности, этотъ святой образъ Пастыреначальника. Ему, Господу и Спасителю, не престанутъ они и молиться о продленіи Вашей жизни и высшаго служенія Вашего церкви святой и отечеству православному.

Вашего Преосвященства,

Милостивѣйшаго Архипастыря и Отца,
нижайшіе послушники:

Смотритель Кіево-подольскаго духовнаго училища іеромонахъ Филаретъ. Помощникъ смотрителя того же училища Павелъ Козицкій. Учитель Григорій Апраксинъ. Учитель Павелъ Экземпларскій. Учитель священникъ Василій Тараненко. Учитель Михаилъ Радзівевскій. Учитель Теодоръ Радзівевскій. Учитель Валеріанъ Костецкій. Учитель Георгій Маслюкъ. Надзиратель Александръ Лаинскій.

Смотритель Кіево-софійскаго духовнаго училища, священникъ Данилъ Горяискій. Помощникъ смотрителя училища Александръ Розовъ. Учитель Иванъ Макаревичъ. Учитель Николай Хойнацкій. Учитель Евгенийъ Иванцкій, Учитель Месодій Соловьевъ. Учитель Евгенийъ Радзівевскій. Учитель Евгенийъ Богдановъ. Почетный блюститель Иванъ Дитятинъ. Члены правленія: священникъ Василій Гонимовскій. Священникъ Порфирій Янковскій. Надзиратель Теодоръ Букованинъ. Надзиратель Стефанъ Коломацкій. Надзиратель Евгенийъ Букулевскій. Надзиратель Евгенийъ Каминскій. Староста Н. Григороничъ-Барскій.

При адресѣ отъ кievскихъ мужскихъ училищъ юбилей-ру былъ поднесенъ смотрителемъ Кіево-подольскаго духовнаго училища іеромонахомъ Филаретомъ образъ Спасителя.

Женскія кievскія духовныя училища привѣтствовали преосв. Сильвестра адресомъ, который былъ прочитанъ прот. А. Коровицкимъ, слѣдующаго содержанія:

„Преосвященнѣйшій Владыко,

Милостивѣйшій Архипастыръ и Отецъ!“

Богословски просвѣщенный умъ и любвеобильное сердце Вашего Преосвященства полвѣка благотворно осѣняютъ предѣлы кievской церкви. Подъ этимъ благодѣтельнымъ осѣненіемъ протекли немалые годы жизни и кievскихъ женскихъ училищъ духовнаго вѣдомства. Послѣ преобразования же сихъ учебныхъ заведеній не было въ нихъ такого дѣла, которое бы началось, продолжалось и вершилось безъ Вашего указа-нія, руководства, а въ большинствѣ случаевъ и санкціи. И служащіе, и воспитанницы всегда видѣли въ лицѣ Вашемъ по истинѣ попечительнаго Архипастыря и милостиваго любвеобильнаго Отца.

Къ ежедневно возносимой утромъ и вечеромъ изъ чистыхъ дѣтскихъ устъ воспитанницъ молитвѣ Господу Богу о здравіи Вашего преосвященства, нынѣ въ знаменательный для Васъ день пятидесятилѣтняго служенія Вашего церкви, науѣ и духовному просвѣщенію, всѣ мы служащіе въ училищахъ присоединяемъ сугубое моленіе святителю Николаю, въ тихой обители котораго Вы въ настоящее время имѣете нѣвѣй отдыхъ отъ полувѣковыхъ усиленныхъ научныхъ и подвижническихъ трудовъ, да молитвами Своего великаго угодника Всемогущій Господь подкрѣпляетъ Ваши силы и по-даетъ Вамъ вождѣленное здравіе и благоденствіе на многія лѣта.

Преподносимый образъ св. угодника Николая поворотнѣе просятъ нижеподписавшіеся принять отъ нихъ, какъ видимый залогъ всегдашней ихъ молитвенной памяти о Вашемъ Преосвященствѣ.

Почетельница 1-го и 2-го училища Е. Шубина. Предсѣдатель Совѣта перваго училища, Протоіерей К. Омоенко. Начальница училища О. Каменская. Инспекторъ классовъ, священникъ А. Вѣляновскій. Протоіерей Петръ Орловскій. Протоіерей Василій Иванцкій. Преподаватель Павелъ Коледакій. Преподаватель Михаилъ Гнѣвушевъ. Преподаватель Георгій Булашевъ. Священникъ Петръ Степанцкій. Преподаватель П. Пашевичъ. Классная надзирательница М. Тралинская. А. Селецкая. Т. Вѣлевичъ. Учительница Т. Попова. Е. Тарнавичъ. Учительница В. Забродская. Учительница Н. Каганъ. Учительница С. Кальевичъ. Надежда Краковецкая. Екатерина Вобровицкая. Учительница Е. Ясольева. Дарія Пожарская. Почетный благодѣтель Дембицкій. Экономъ училища Георгій Лисскій.

Предсѣдатель Совѣта 2-го училища, прот. А. Коровицкій. Начальница училища А. Воскресенская. Инспекторъ священникъ В. Богородицкій. Членъ совѣта священникъ Н. Степанцкій. Членъ совѣта священникъ Е. Скрипчинскій. Священникъ Митрофанъ Вишнѣвскій. Преподаватель Левъ Шаревичъ. Преподаватель Василій Доманскій. Преподаватель Владиміръ Поспѣховъ. Преподаватель Петръ Кудравцовъ. Преподаватель Александръ Радзѣвскій. Врачъ училища Иванъ Солдатовъ. Почетный благодѣтель Л. Черняковъ. Преподавательница М. Носѣхова. Преподаватель діакоизъ А. Василевичъ. Преподаватель С. Вулгаковъ. Преподавательница Л. Вулгакова. Классная надзирательница Е. Коровицкая. Классная надзирательница М. Топачевская. Классная надзирательница О. Ковалинская. Классная надзирательница Е. Яновская. Классная надзирательница З. Вѣлевичъ. Учительница образцовой школы. А. Гуранда. Учитель исторіи А. Памовъ. Классная надзирательница Н. Козицкая. Классная надзирательница Екатерина Ницковичъ. Преподавательница А. Яновская. Экономъ училища Николай Левитскій. М. Здорова.

Далѣе юбиляра привѣтствовала родная ему волынская епархія въ лицѣ кафедральнаго протоіеря Н. Трипольскаго адресомъ слѣдующаго содержанія:

„Ваше Преосвященство,
Преосвященнѣйшій Владыко!

Въ настоящій день, и особенно въ эти священные минуты, когда сонмы почитателей Вашего Преосвященства привѣтствуютъ Васъ съ исполненнымъ пятидесятилѣтнемъ славнаго служенія Вашего Церкви и Отечеству, родная Вамъ епархія волынская считаетъ для себя высокою честью выразить предъ Вами и свои искреннія чувства и сердечныя благопожеланія.

Волыни судилъ Господь быть мѣстомъ рожденія Твоего,

Владыко святыи; въ расадникахъ ея духовнаго просвѣщенія подъ благодатнымъ освѣщеніемъ волинскихъ святынь, достаточно опредѣлились и развились Твои духовныя силы; благодать священства воспріялъ Ты отъ святительскихъ рукъ предстоятеля волинской церкви; Волни же, Тебя воспитавшей, были посвящены и первые пастырскіе труды Твои на нивѣ Господней... Скромное поприще дѣятельности сельскаго пастыря избралъ было для себя Ты; но Всевышнему угодно было открыть Тебѣ болѣе широкое поле духовнаго дѣланія... Скоро Ты вступилъ въ храмъ высшей богословской науки, гдѣ въ святомъ уединеніи и богомыслии окончательно омыслили и широко развились Твои духовныя дарованія... Твои богословскіе труды, въ которыхъ Ты разяснялъ тайны православнаго богословія, проливая въ то же время яркій свѣтъ на недомыслие инославное, стяжали Тебѣ славное имя великаго богослова даже за предѣлами Отечества нашего... Невзвѣяемо обильные токи богословія и воспитательныхъ высоко нравственныхъ началъ пролиты Тобою въ умы и сердца весьма многихъ истинныхъ сыновъ Россіи, съ честію потрудившихся и трудящихся на разныхъ поприщахъ общественной дѣятельности... И родная Тебѣ Волинь съ особеннымъ восторгомъ душевнымъ взираетъ на сыновъ ея, которые воспитались и развились подъ Твоимъ мудрымъ руководствомъ и нынѣ достойно служатъ Церкви Христовой и родной Академіи, при глубокомъ сознаніи того, что этимъ обязаны они Тебѣ, Владыко святыи...

Твердо памятуя и высоко цѣня все это, волинская епархія, въ знакъ глубокой любви и высокаго почитанія, приноситъ Вашему Преосвященству сей святыи образъ и отъ всей души молитъ Господа Бога, чтобы жизнь Ваша длилась многія и многія лѣта на пользу святой православной Церкви и для славы родной Вамъ Волини.

Павсій, епископъ владиміро-волинскій. Члены Консисторіи: Камеральный протоіерей Николай Трипольскій. Протоіерей Иполитъ Липскій. Священникъ Іоаннъ Флоровъ. Священникъ Константинъ Шепченко. Предсѣдатель ю-

ливскаго епархіальнаго училищнаго совѣта протоіерей Іоаннъ Тихоміровъ. Благочинный житомірскаго городскихъ церквей священникъ Александръ Сілецкій. Секретарь Консисторіи Евгеній Срѣтенскій.

При адресѣ волынская епархія поднесла преосв. Сильвестру икону Спасителя.

Волынская духовная Семинарія, въ лицѣ ректора ея, архим. Михаила, привѣтствовала юбиляра слѣдующимъ адресомъ:

„Ваше Преосвященство,
Милостивѣйшій Архипастырь и Отецъ!

Нынѣ исполнилась мѣра Вашего служенія Церкви и Отечеству, которую человѣческой опытъ признаетъ высшимъ предѣломъ общественной дѣятельности: немногимъ избранникамъ Промысла дано поль-вѣка съ честію, въ силѣ разума совершить неустанную работу на благо общее. По слову Божію, всякій дѣятель достоинъ награды и въ семъ мірѣ (Мѡ. X, 10), — и для дѣятелей на поприщѣ высшаго устроения человѣческаго такую наградою можетъ служить только ясное и вѣрное пониманіе значенія и должное признаніе плодовъ ихъ жизненнаго труда, соотвѣтствующее ихъ самоопредѣляющему духу. Въ нынѣшній торжественный въ Вашей жизни день со всѣхъ концовъ необъятнаго нашего отечества приходятъ искреннія выраженія признанія Вашихъ заслугъ и многопользныхъ трудовъ въ великомъ дѣлѣ христіанскаго наставленія и ученія. Впереди всѣхъ чествователей явились представители Церкви и гражданскаго синклита священнаго русскаго города, гдѣ подъ сѣнью древнѣйшей православной святыни протекала почти вся Ваша полувѣковая дѣятельность. Въ этомъ хорѣ заслуженной хвалы и чествованій всѣхъ громче, искреннѣе раздается голосъ Вашей родины—Волини. Неразрывныя узы соединяютъ Ваше Преосвященство съ тою страной, гдѣ началось Ваше земное бытіе и совершились первые шаги Вашего общественнаго служенія въ санѣ священномъ. Незримая связь сердца и помысловъ существуетъ между Вами и обитателями Волини, которая два поколѣнія привыкла чтить

Ваше имя и слѣдить съ сочувственнымъ вниманіемъ за Вашими дѣлами и учеными трудами. Здѣсь же, на Волыни, находится Ваша духовная родина; здѣсь вблизи другой великой православной святыни загорѣлся впервые свѣтильникъ Вашего разумія, которому суждено было впоследствии разростись въ яркое пламя богословскаго вѣдѣнія и стать свѣточемъ христіанской науки и православнаго богопознанія въ нашемъ отечествѣ и за его предѣлами. Этой родиной духа и разума Вашего явилась наша семинарія, давно вписавшая Ваше имя въ первый рядъ прославленныхъ дѣятелей, вышедшихъ изъ ея вѣдръ. Нынѣшній день представители этой Вашей духовной родины торжествуютъ какъ праздникъ своего учрежденія, въ радостномъ сознаніи, что скромная нива, которую они призваны воздѣлывать, можетъ давать такіе высокіе плоды. Немало дѣлателей этой нивы воспитывались подъ Вашимъ руководствомъ въ старѣйшемъ отечественномъ разсадникѣ науки, котораго Вы много лѣтъ были достойнымъ главою, всѣми признанною ученою силою и славю. Еще недавно, празднуя столѣтній юбилей своего историческаго служенія, Ваша духовная родина удостоилась Вашего отеческаго вниманія и дара.

Привѣтствуя Ваше Преосвященство въ настоящій великій день Вашей жизни и выражая глубокое нравственное удовлетвореніе въ созерцаніи подвига Вашей многоплодной дѣятельности, Волынская семинарія уповаетъ, что духовная связь, болѣе полувѣка соединявшая ее съ Вами, сохранится еще долгіе годы до границъ небеснаго отечества, а Вашъ примѣръ, благословеніе, святая молитва и предстательство предъ престоломъ Вышняго помогутъ ей съ честію и успѣхомъ вести дѣло просвѣщенія православнаго юношества и въ наступившемъ второмъ столѣтіи ея существованія.

Ректоръ семинаріи архимандритъ Михаилъ. Инспекторъ семинаріи статскій совѣтникъ Ив. Зеньковичъ. Преподаватель семинаріи статскій совѣтникъ П. Троицкій. М. Петрушевскій. Помощникъ инспектора Петръ Вѣллевъ. Преподаватель семинаріи Николай Добротворскій. Преподаватель семинаріи статскій совѣтникъ Николай Теодоровичъ. Преподаватель семинаріи Григорій Рафаль-

скій. Преподаватель семинаріи Николай Маньковский. Преподаватель семинаріи Боголюбовъ Давидовичъ. Преподаватель семинаріи Василій Ремезовъ. Преподаватель семинаріи Константинъ Тороповъ. Помощникъ инспектора Василій Орловъ. Преподаватель Алексій Меньшовъ. Преподаватель Николай Николинъ. Преподаватель Захарій Курдюковский. Преподаватель Павелъ Кибардинъ. Преподаватель Григорій Крижановскій. Преподаватель Ст. Недѣльскій. Экономъ семинаріи Флоръ Лапинскій. Преподаватель семинаріи Ф. Делекторскій.

При адресѣ Волынская духовная семинарія поднесла преосв. Сильвестру образъ трехъ святителей вселенскихъ—богослововъ: Василія Великаго, Григорія Богослова и Иоанна Златоустаго.

Далѣе привѣтствовалъ юбиляра городъ Кіевъ въ лицѣ господина городского головы д. с. с. С. М. Сольскаго, прочитавшаго слѣдующій адресъ:

Ваше Преосвященство,
Милостивый Архипастыр!

Сорозъ слишкомъ лѣтъ Ваше Преосвященство служили наукѣ и руководству юношества въ дѣлѣ высшаго религіознаго образованія въ г. Кіевѣ. Въ санѣ скромнаго іеромонаха Вы начали это достойное уваженія служеніе въ древнемъ русскомъ вертоградѣ въ чтимой киевлянами братской обители и братски соединенной съ нею духовной Академіи. Благоговѣнное Ваше служеніе въ Братской обители съ первыхъ дней привлекло вниманіе посѣтителей этой обители и они во множествѣ собирались въ эту обитель въ дни Вашего служенія.

Это-то благоговѣнное Ваше служеніе, проникнутое высокою христіанскою назидательностію и растворяемое дѣлами христіанскаго милосердія, побудило почитателей Братской обители ходатайствовать предъ оберъ-прокуроромъ Св. Синода К. П. Побѣдоносцевымъ, въ бытность его въ Кіевѣ, о возведеніи Васъ въ епископскій санъ и присвоеніи въ лицѣ Вашемъ настоятелямъ этой обители и ректорамъ Академіи епископскаго сана навсегда.

Ревнуетъ охрانی христіанскаго православнаго духа во вѣрренной Вашему попеченію духовной Академіи во вре-

ня ректорства, Вы въ то же время не оставляли безъ заботъ и меньшую братію, стоявшую внѣ стѣнъ этого просвѣтительнаго заведенія. За свой счетъ Вы печатали народныя поученія наставниковъ Академіи, проивносымыя ими въ дни великаго поста, во время воспоминанія страстей Господнихъ, и сотнями распространяли ихъ среди посѣтителей Братской обители посредствомъ даровой раздачи. Вы доблестно стояли на охранѣ той славы вѣреннаго Вамъ учрежденія, которому оно пользовалось среди кіевлянъ со временъ незабвенныхъ и достойныхъ памяти бывшихъ ректоровъ Академіи Иннокентія и Димитрія.

Не желая нарушить Вашу христіанскую скромность, не буду касаться Вашего сердобольнаго отношенія къ страдающей немощной братіи, всегда находившей въ Васъ сильнаго ея защитника и помощника.

Эти-то свѣтлыя стороны Вашего служенія внушили кіевлянамъ долгъ почтить пятидесятилѣтіе доблестнаго служенія Вашего привѣтствіемъ и сердечнымъ пожеланіемъ, чтобы христіанскій свѣтильникъ, возженный въ Вашемъ сердцѣ свѣтомъ Христова ученія, еще долго не угасалъ и свѣтилъ многіе годы для блага церкви и нашего города.

Кіевскій городской голова С. Сольскій.

Далѣе, приносили привѣтствіе юбиляру г. Начальникъ Кіевской губерніи генераль-маіоръ Ѳ. Ѳ. Треповъ съ супругою.

Затѣмъ слѣдовали привѣтствія, самыя искреннія и задушевыя отъ кіевского Университета св. Владимира въ лицѣ ректора его д. с. с. Ѳ. Я. Фортинскаго, отъ Кіевскаго Славянскаго благотворительнаго общества въ лицѣ предсѣдателя его д. с. с. Т. Д. Флоринскаго, отъ кіевского дворянства въ лицѣ губернскаго предводителя, кн. Н. В. Репнина, кіевскаго женскаго института въ лицѣ инспектора его В. Н. Малинина, отъ первой кіевской классической гимназіи въ лицѣ директора ея д. с. с. Посадскаго-Духовскаго.

Къ концу чествованія юбиляра изволялъ прибыть въ квартиру его г. Начальникъ края, генераль-адъютантъ, М.

И. Драгомировъ съ супругою, привѣтствовавшіе преосв. Сильвестра въ самыхъ теплыхъ и задушевныхъ выраженіяхъ.

На всѣ эти привѣтствія преосв. Сильвестръ отвѣчалъ благодарностію и благожеланіями всѣмъ поздравлявшимъ его и тѣмъ учрежденіямъ, отъ имени которыхъ приносились привѣтствія.

По окончаніи чествованія и чтенія присланныхъ адресовъ и телеграммъ преосв. Сильвестромъ была предложена собравшимся гостямъ скромная трапеза.

Въ концѣ трапезы было произнесено нѣсколько привѣтствій въ честь юбиляра и пожеланій поддержанія въ жизни присутствовавшихъ, или учениковъ его тѣхъ высокихъ принциповъ, какіе постоянно проводилъ и проводитъ въ своей дѣятельности юбиляръ и живые образцы которыхъ онъ являетъ всѣмъ въ своей жизни. Такъ, напр., ректоръ Кіевскаго университета св. Владиміра Ѡ. Я. Фортинскій провозгласилъ глубоко тронувшей и юбиляра и всѣхъ присутствовавшихъ тостъ за единеніе между Академіею и Университетомъ кіевскими,—единеніе, которое особенно развилось и утвердилось во время ректорства въ Академіи преосв. Сильвестра; директоръ первой гимназіи И. В. Посадскій-Духовскій за всѣхъ учащихся, за ихъ вѣдородный умственный ростъ, за ихъ могучее нравственное развитіе, за ихъ полное разумное единеніе на пользу дорогого нашего отечества,—за всѣхъ учащихся, для блага которыхъ и самъ лично и чрезъ своихъ достойныхъ учениковъ столько потрудился чтимый юбиляръ.

Законоучитель первой гимназіи прот. М. Златоверховниковъ привѣтствовалъ юбиляра слѣдующею застольною рѣчью:

„Дорогой отецъ! Если бы я на нѣсколько минутъ усвоилъ дѣтскій языкъ и заговорилъ съ тобою такъ, какъ обращается къ своему любимому отцу доброе, ласковое и благородное дитя, то и тогда я не выразилъ бы тебѣ всей моей любви, признательности и благодарности. Говорю это отъ себя; но такъ можетъ и долженъ говорить каждый изъ твоихъ многочисленныхъ учениковъ и почитателей. Въ тихій и ясный

вечеръ твоей многополезной и свѣтлой жизни (о, да будетъ онъ, по милости Божіей, продолжительнымъ!), я, обращаясь къ своей прошлой жизни, замѣчаю, что ты, дорогой отецъ мой, всегда стоялъ предъ моими очами, и твой чистый и свѣтлый образъ былъ не только желаннымъ и дорогимъ для меня, но и глубокопоучительнымъ. Почему? потому что ты—истинный учитель и добрый пастырь. Но зная тебя, зная твою кротость и смиреніе, я ограничиваюсь сказаннымъ. И явился-то я сюда не для того чтобы провнести искусно составленную рѣчь, а для того, чтобы съ смысловымъ чувствомъ приблизиться къ тебѣ, духовный отецъ мой, поцѣловать твою руку, обнять тебя и сказать: люблю тебя, благодарю тебя и молюсь за тебя“.

Священникъ А. Корсаковскій, обращаясь къ юбиляру, произнесъ за столомъ слѣдующую рѣчь:

„Ваше Преосвященство!

Отъ избытка сердца уста глаголятъ. И я не могу удерживать устъ своихъ, чтобы не высказать чувствъ, переполняющихъ сердце мое въ нынѣшній день. Да и неудивительно. Вѣдь полжизни своей—отъ юности моея даже до дне сего—я находился, развивался, жилъ и дѣйствовалъ подъ благотворнымъ воздѣйствіемъ благороднѣйшей личности Вашего Преосвященства. И не я только одинъ, а весьма многіе какъ изъ присутствующихъ здѣсь, такъ и изъ живущихъ въ разныхъ концахъ нашего отечества—подвизающихся на разныхъ поприщахъ,—начиная съ первосвятительской кathedры сердца Россіи Москвы и оканчивая скромными тружениками какого нибудь захолустнаго духовнаго училища—въ нынѣшній день съ чувствомъ глубочайшей благодарности и благоговѣйнаго уваженія вмѣстѣ со мною готовы привѣтствовать въ лицѣ Вашего Преосвященства незабвеннаго инспектора, который съ мудрою строгостію и отеческою любовію и снисходительностію удерживалъ насъ отъ поползновеній и соблазновъ на жизненномъ поприщѣ во дни нашей юности. Привѣтствуемъ въ лицѣ Вашего Преосвященства незабвеннаго про-

фессора—учителя нашего, великаго православнаго богослова настоящаго вѣка, извѣстнаго всему образованному христіанскому міру. Привѣтствуемъ въ лицѣ Вашего Преосвященства гуманнѣйшаго вачальника и администратора, руководившаго насъ въ трудномъ дѣлѣ управленія, образованія и воспитанія въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ. Привѣтствуемъ въ лицѣ Вашего Преосвященства Святителя Христова, являющагося стаду своему правиломъ вѣры и образомъ кротости. Изъ святительскихъ рукъ Вашего Преосвященства и я и многіе изъ насъ имѣли счастье воспріять благодать священства и получить дерзновеніе быть служителями алтаря Господня. Да подастъ Вамъ Милосердый Господь силы еще долго-долго быть для всѣхъ насъ путеводною звѣздою въ нашей жизни и дѣятельности. Да сохранитъ Онъ драгоцѣнную для церкви, отечества и богословской науки жизнь Вашу на многія лѣта.

Чествованіе юбиляра закончилось около 5 ч. вечера

Въ день пятидесятилѣтняго юбилея преосв. Сильвестромъ было получено множество привѣтствій со всѣхъ концовъ Россіи и даже изъ-за границы. Приводимъ эти привѣтствія.

1) Телеграмма отъ высокопреосв. Іоанникія, митрополита кіевскаго и галицкаго, изъ Петербурга.

И заурядное полустолѣтнее пастырское служеніе—явленіе не частое въ наше время. А такое служеніе, воспитавшее преимвственно сонмъ пастырей, явленіе исключительное. И съ сердечною радостію поздравляю Ваше Преосвященство въ настоящій знаменательный для Васъ день съ такимъ служеніемъ, и молю Господа продлить милость Свою къ Вамъ до крайнихъ предѣловъ жизни человѣческой.

Митрополитъ Іоанникій.

2) Телеграмма отъ высокопреосв. Владиміра, митрополита московскаго и коломенскаго, изъ С.-Петербурга.

Сердечно привѣтствую Васъ, Преосвященнѣйшій Владыко, съ полувѣковымъ юбилеемъ достославнаго Вашего служенія церкви и наукъ и всеусердно молю Всевышняго, да ото-

винеть Онъ предѣлы Вашей благоплодной жизни еще и еще на многія лѣта.

Безсрочно преданный и благодарный Вамъ питомецъ Вашъ Владимиръ митрополитъ московскій.

3) Телеграмма изъ Софіи (въ Болгаріи).

Въ день славнаго юбилея многолѣтней Вашей трудной, но въ высшей степени плодотворной и полезной для общей матери нашей православной церкви дѣятельности мы, воспитанники Ваши, съ гордостью и глубочайшею признательностью вспоминаемъ всѣ Вашу любовь къ намъ и все Ваше стараніе и труды служенія Вашего, столь любвеобильно для нашего образованія и воспитанія понесенные Вами. Позволяя себѣ поднести Вашему Преосвященству горячія свои привѣтствія съ столь славнымъ и дорогимъ особенно для насъ юбилеемъ, мы возносимъ во престолу Всевышняго сердечныя свои молитвы: да дастъ Всеблагій силу на долгое еще служеніе наукъ и православію. Вы были и останетесь для насъ гордостью и руководствомъ всей нашей дѣятельности. Не забывайте насъ въ Вашихъ родительскихъ молитвахъ.

Ваши глубокопризнательные воспитанники: митрополитъ Климентъ. Генчевъ. Станимировъ. Еневъ. Николовъ. Васильевъ. Петковъ.

4) Телеграмма отъ высокопреосв. Іеронима, архіепископа варшавскаго и холмскаго, изъ Варшавы.

Въ настоящій знаменательный день пятидесятилѣтія благотворнаго служенія Вашего Преосвященства въ кіевскомъ высшемъ разсадникѣ духовнаго просвѣщенія сердечно присоединяюсь къ сонму поздравителей Вашихъ и усердно молю, да хранитъ Васъ Господь на многія лѣта.

Архіепископъ Іеронимъ.

5) Телеграмма отъ высокопреосв. Модеста, архіепископа волынскаго и житомирскаго, изъ Житомира.

Помолившись о здравіи Вашемъ, привѣтствую Ваше Преосвященство съ пятидесятилѣтнимъ юбилеемъ славнаго и многополезнаго служенія Вашего святой церкви и отечеству.

Господь да узрѣннѣе оныи Ваши и сохранитъ Васъ на многіе годы.

Архіепископъ Модестъ.

6) Письменное привѣтствіе отъ него же.

Ваше Преосвященство,

Милостивый Архипастырь и Отецъ!

Прошу принять и отъ меня искреннѣйшее привѣтствіе съ совершившимся пятидесятилѣтіемъ Вашего служенія церкви и отечеству въ священномъ санѣ.

Торжество Вашего юбилея есть знакъ особаго благоволенія и благословенія Божія, явленныхъ Вамъ. Наслѣдовавъ благочестіе отъ Вашихъ предковъ, Вы во всю прошедшую жизнь хранили и умножали въ себѣ и въ подчиненныхъ Вашему водительство и управленію благочестіе, умножили данныя Вамъ отъ Господа таланты мудрости своими трудами въ приобрѣтеніи мудрости, и передавали эти таланты словомъ и писаніемъ всему православному міру и вселенской церкви. Поэтому, эти таланты будутъ умножаться болѣе и болѣе и возсіяютъ въ свое время небеснымъ свѣтомъ у Христа Господа, Который скажетъ: *„добръ, благодѣи и стѣпный рабе, о малъ былъ еси стѣпенъ, надъ многими ты поставлю: ениди въ радость Господа Твоего“*. Вы надъ многими поставлены еще въ сей жизни, какъ іерей и епископъ, имѣющій власть вязать и рѣшать, какъ глава и начальникъ надъ многими въ разныхъ отношеніяхъ, потому исполнится и сіе надъ Вами! *Побѣждающаго сотворю столпа въ церкви Бога моего* (Апок. III, 12).

Испрашиваю Вашихъ Архипастырскихъ молитвъ о себѣ и о Вашей родной Волинской странѣ, присно чтущей и дорожащей Вами и Вашимъ именемъ, какъ неувыдаемою своею славой и похвалою. Прошу ниспослать свое Архипастырское благословеніе волинской паствѣ, духовной семинаріи, училищамъ, духовенству и всѣмъ Вашимъ почитателямъ.

Съ глубочайшимъ почитаніемъ и истинною преданностію

честь имѣю быть Вашего Преосвященства, Милостиваго Архипастыря и Отца покорнѣйшимъ слугою

Модесть, архіепископъ волынскій и житомирскій.

7) Телеграмма отъ высокопреосв. Амвросія, архіепископа харьковскаго и ахтырскаго, изъ Харькова.

Великіе труды Ваши на пользу богословской науки и высшаго образованія духовнаго юношества преисполняютъ сердца наши величайшею къ Вамъ благодарностію. Не имѣя чести быть извѣстнымъ Вамъ лично, я долгомъ считаю привѣтствовать Ваше Преосвященство съ исполненнымъ пятидесятилѣтіемъ Вашего достославнаго служенія Церкви Божіей. Да хранитъ Васъ Господь еще на многіе годы.

Амвросій, архіепископъ харьковскій.

8) Телеграмма отъ высокопреосв. Арсенія, архіепископа казанскаго и свіаждскаго, изъ Казани.

Съ глубокимъ почтеніемъ и великою радостію привѣтствую Ваше Преосвященство съ пятидесятилѣтіемъ многоплоднаго служенія. Да хранитъ Васъ Господь много лѣтъ.

Арсеній, архіепископъ казанскій.

9) Телеграмма отъ высокопреосв. Дмитрія, архіепископа тверскаго и кашинскаго, изъ С. Петербурга.

Сердечно привѣтствую Васъ съ пятидесятилѣтіемъ славнаго Вашего служенія Церкви.

Архіепископъ Дмитрій.

10) Привѣтствіе отъ высокопреосв. Ювеналія, архіепископа литовскаго и виленскаго, изъ Вильны.

Ваше Преосвященство,
Милостивый Архипастырь!

Приношу Вамъ сердечное поздравленіе съ пятидесятилѣтіемъ пребыванія Вашего въ священномъ санѣ, при самыхъ искреннихъ желаніяхъ Вамъ крѣпости силъ и полнѣйшаго здоровья.

Поручаю себя молитвенной памяти Вашей и съ чувствомъ

искренняго почитанія и преданности имѣю честь быть Вашего Преосвященства

покорнѣйшій слуга и богомолецъ

Ювеналій, архіепископъ литовскій и вилевскій.

11) Привѣтствіе отъ преосв. Ириней, епископа подольскаго и брацлавскаго, и другихъ учениковъ изъ Каменецъ-Подольска.

Ваше Преосвященство,

Милостивый Архипастырь, Отецъ Нашъ и Учитель!

Въ настоящій благознаменательный день праздника Вашего, украшенный старостію маститою весь древне-первостольный Кіевъ и въ особенности ученое сословіе мужей богословской науки его старѣйшей между другими, такъ долго и такъ многоплодно бывшей руководимою Вами, Академіи имѣютъ счастье лично привѣтствовать Ваше Преосвященство съ свѣтлымъ торжествомъ исполнившася славнаго полуѣвковаго служенія Вашего въ священномъ санѣ, во славу Верховнаго Пастыреначальника нашего Господа Іисуса Христа, Церкви же Православной и Отечеству нашему на пользу.

Но, какъ истинный сынъ родной своей матери—Академіи, отдавшій дѣлу возвеличенія ея всю свою жизнь до преклонныхъ лѣтъ, Ваше преосвященство непрерывно и неизмѣнно имѣли и имѣете богословско-просвѣтительное воздѣйствіе на всѣхъ работающихъ на той же нивѣ Церкви Христовой и далеко за предѣлами Кіева и стѣнами его Академіи. Это воздѣйствіе совершается во славу Божию и ко благу отечественной церкви православной какъ чрезъ многочисленныхъ, получившихъ подъ мудрымъ руководствомъ Вашего Преосвященства свое высшее богословское образованіе, воспитавниковъ столь бдительно охранявшейся Вами въ своемъ строго-православномъ направленіи Академіи, такъ и наипаче посредствомъ учено-богословскихъ трудовъ, стяжавшихъ Вашему Преосвященству славу перваго авторитетнѣйшаго современнаго богослова русскаго, равнаго которому, по благо-

дательной силѣ его богословскаго слова иѣтъ между учеными нашего времени, ибо твердое православное слово Ваше укрѣпляло вѣру, окрыляло надежду и оживляло любовь не только во многихъ поколѣніяхъ Вашихъ учениковъ, нынѣ въ обиліи разсѣянныхъ по лицу земли русской-православной, но оно слышалось и слышится и за предѣлами нашего отечества: ему, какъ руководителю голосу богомудраго пастыря-богослова церкви русской, внималъ весь православный міръ.

Обращаясь Подоля, съ элементами въ ней иновѣрнаго и инославнаго населенія, въ особенности нуждающаяся въ такомъ, въ смиреніи обрѣтающемъ властность, руководителствѣ въ дѣлахъ вѣры и благочестія, нынѣ въ лицѣ нижеподписавшихся благодарныхъ и признательныхъ почитателей и учениковъ Вашего Преосвященства, пріемлетъ смѣлость присоединиться къ соуму торжествующихъ кіевлянъ и принести Вашему Преосвященству изъ глубины души льющееся благожеланіе: да свѣтитъ предъ всѣмъ міромъ живой свѣтъ Вашего богословствованія еще на многія и многія лѣта. Дерзновенно вѣруемъ и, вѣрующе, уповаемъ, что такъ доблестно исполнившій свое полувѣковое служеніе церкви Христовой, входя нынѣ въ радость Господа своего, въ немъ обрящетъ силу для продолженія славнаго служенія Церкви и отечеству и во второе пятидесятилѣтіе.

Вашего Преосвященства, Архидиаконъ и Отца, признательные и благодарные ученики:

Иринеѣ, епископъ подольскій и брацлавскій. Каедральный протоіерей Никола Буинъ. Протоіерей Ілія Лебедь. Редакторъ Подольскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей, и. д. ключаря собора, священникъ Елѣмій Сѣднискій. Соборный священникъ Павелъ Вилуцъ. Законоучитель гимназій священникъ Викторъ Язубовскій. Священникъ Кирилъ Сиграковичъ. Инспекторъ семинаріи Іванъ Олесницкій. Преподаватель Подольской духовной семинаріи статскій совѣтникъ Давидъ Корсуновскій. Преподаватель семинаріи, статскій совѣтникъ П. Корниевскій. Преподаватель семинаріи Аванасій Неселовскій. Преподаватель семинаріи С. Киржацкій. Преподаватель семинаріи Михаилъ Сазковичъ. Преподаватель семинаріи, священникъ В. Чеканъ. Преподаватель семинаріи, статскій совѣтникъ Михаилъ Вагинскій. Преподаватель семинаріи Матаѣй Соколовъ. Преподаватель семинаріи Владиміръ Скворцовъ. Почетный мировой судья Каменецкаго округа, статскій совѣтникъ А. Паловичъ. Смотритель училища

Николай Яворонскій. Учитель училища Николай Бичковскій. Учитель училища Стефанъ Говоровъ. Преподаватель семинаріи Дмитрій Федоровъ. Преподаватель семинаріи Іосифъ Федоровъ. Секретарь Консисторіи Н. Никитинъ. Преподаватель ж. гимназіи В. Емельяновъ. Учитель женскаго училища Сергій Ивановичій. Учитель училища Аркадій Троицкій.

12) Телеграмма изъ Воронежа, отъ преосв. Анастасія, епископа воронежскаго и задонскаго.

По принесеніи молитвы о здравіи и спасеніи Вашего Преосвященства, сердечно привѣтствую съ совершившимся Пятидесятилѣтіемъ Вашего служенія

Епископъ Анастасій.

13) Телеграмма изъ Могилева, отъ преосв. Мисаила, епископа могилевскаго и мстиславскаго.

Примите и мой сердечный привѣтъ съ юбилейнымъ торжествомъ Вашимъ. Здравствуйте и долгоденствуйте для общаго блага.

Могилевскій епископъ Мисаилъ.

14) Телеграмма изъ Витебска, отъ преосв. Александра, епископа полоцкаго и витебскаго, и другихъ учениковъ.

Движимые искреннимъ чувствомъ глубокаго уваженія къ Вашему Преосвященству, незабвенному нашему начальнику и профессору, мы, бывшіе питомцы Кіевской духовной Академіи, считаемъ священнымъ долгомъ почтительнѣйше поздравить Васъ, благосерднѣйшій Владыко, съ знаменательнымъ событіемъ Вашей жизни, днемъ исполненія пятидесятилѣтія достославнаго Вашего служенія въ священномъ санѣ, и молитвенно желаемъ, чтобы всеблагій Отецъ Небесный укрѣпилъ Васъ на многіе годѣ въ здравіи и благополучіи.

Александръ, епископъ полоцкій и витебскій. Каѳедраальный протоѳеръ Василій Терилловскій. Инспекторъ витебской семинаріи Василій Демидовскій. Законоучитель витебской мужской гимназіи Василій Серебрянинковъ.

15) Телеграмма изъ Курска, отъ преосв. Лаврентія, епископа курскаго и бѣлоградскаго.

Привѣтствую Ваше Преосвященство съ пятидесятилѣтнимъ юбилеемъ славнаго служенія Вашего Христовой Церкви отъ своего лица, какъ бывшаго Вашего воспитанника, отъ

всѣхъ духовно-учебныхъ заведеній курской епархіи; въ которыхъ начальники и наставники большею частію Ваши воспитанники, отъ духовенства всей епархіи, которое почти все получило образованіе подъ руководствомъ Вашихъ воспитанниковъ. Молимъ Господа о Вашемъ здравіи

Лаурентій, епископъ курскій и бѣлоградскій.

16) Телеграмма отъ преосв. Іакова, епископа кишиневскаго и хотинскаго, изъ Кишинева.

Сердечно повдворяю Васъ, Владыко, съ юбилеемъ Вашего доблестнаго служенія церкви. Дай Вамъ, Господи, силы продолжать оное долго, долго. Многая Вамъ лѣта.

Епископъ Іаковъ.

17) Телеграмма изъ Петрозаводска, отъ преосв. Назарія, епископа олонецкаго и петрозаводскаго.

Вѣстѣ съ многочисленными учениками Вашего Преосвященства приношу Вамъ, незабвенный, почтительнѣйшее поздравленіе съ исполненнымъ пятидесятилѣтіемъ многотруднаго и многополезнаго служенія Вашего церкви Божіей. Всѣмъ сердцемъ радуюсь о милости Божіей, нынѣ явленной Вамъ и молю Отца Небеснаго, да хранитъ Онъ Васъ многія лѣта въ мирѣ, здравіи и спасеніи.

Глубоко признательный ученикъ Вашъ Назарій, епископъ олонецкій и петрозаводскій.

18) Телеграмма изъ Архангельска, отъ преосв. Іоаннікія, епископа архангельскаго и холмогорскаго.

Привѣтствую Ваше Преосвященство съ исполненнымъ пятидесятилѣтіемъ Вашего служенія Престолу Божію. За все доброе, сдѣланное Вами въ жизни, да наградитъ Васъ Богъ долгоденствіемъ и вѣчнымъ спасеніемъ.

Искренно расположенный епископъ Іоанніскій.

19) Телеграмма изъ Тулы, отъ преосв. Птирима, епископа тульскаго и бѣлевскаго.

Почтительнѣйше привѣтствую съ исполненнымъ пятидесятилѣтіемъ плодотворнаго служенія Вашего Преосвященства на пользу св. церкви и духовнаго просвѣщенія, въ сей

торжественный и многознаменательный день особенно усердно молю Господа, да хранитъ Онъ Васъ на многія и многія лѣта.

Цятиркиъ, епископъ тульскій.

20) Привѣтствіе изъ Букареста, отъ преосв. Сильвестра (Баланеско), епископа кушскаго.

Милостивый Государь, Преосвященнѣйшій и ученѣйшій Владыко!

Извѣстіе о Вашемъ пятидесятилѣтнемъ юбилеѣ даетъ смиреннѣйшему Вашему ученику радостный случай изъяснить Вамъ признательность за всю Вашу благосклонность ко мнѣ и ко всѣмъ другимъ румынскаго происхожденія, учившимся въ Кіевской духовной Академіи при Васъ, и вообще за всѣ Ваши плодотворные труды на пользу всей Христовой церкви, и особенно православной.

Да соизволитъ же Великій и Высшій Архипастырь Исусъ Христосъ, Которому Вы послужили цѣлую жизнь, сохранить Васъ въ силѣ и блаженной старости много лѣтъ право правящимъ слово истины.

Призывая о Васъ святыя молитвы къ Вышнему Богу, остаюсь Вашему Преосвященству во всемъ преданный и смиреннѣйшій ученикъ, младшій во Христѣ братъ и покорнѣйшій слуга,

Сильвестръ епископъ кушскій.

21) Телеграмма изъ Новгорода, отъ преосв. Арсенія, епископа кирилловскаго.

Душевно привѣтствую Васъ съ пятидесятилѣтнемъ священства и молю Господа о продленіи Его милости къ Вамъ.

Арсеній, епископъ кирилловскій.

22) Телеграмма изъ Гродны, отъ преосв. Іоакима, епископа брестскаго.

Искренно привѣтствую Ваше Преосвященство съ юбилейнымъ празднествомъ полувѣковаго плодотворнаго служенія Вашего Церкви Христовой, богословской наукѣ, Академіи Кіевской. Усердно молю Господа о Вашемъ здравіи.

Признательный ученикъ Вашего Преосвященства

Іоакимъ, епископъ брестскій.

23) Телеграмма изъ Тифлиса, отъ преосвящ. Леонидъ, епископа горійскаго и другихъ учениковъ.

Служащіе въ Тифлисѣ питомцы Кіевской Академіи, вознесъ въ общемъ собраніи пламенные молитвы къ престолу Божественнаго Пастыреначальника, по поводу исполнившагося сегодня пятидесятилѣтія многополезнаго и славнаго пастырскаго служенія Вашего Преосвященства Церкви Христовой, почтительнѣйше привѣтствуютъ Васъ съ высокознаменательнымъ юбилеемъ и шлютъ Вамъ искреннѣйшія пожеланія здоровья и благоденствія во благо Церкви и духовно-богословской науки.

Леонидъ, епископъ горійскій. Инспекторъ семинаріи іеромонахъ Дмитрій. Смотритель духовнаго училища Симонъ Пашкевичъ. Священники: Маркъ Тсмамадзе и Каллистратъ Цицадзе. Преподаватели семинаріи: Николай Махтадзе, Стефанъ Мураховскій, Владиміръ Недѣльскій, Василій Доброгаевъ. Епархіальный миссіонеръ Александръ Левицкій. Учитель Степанъ Селиховъ.

24) Телеграмма изъ С.-Петербурга,
Отъ Петербургской духовной Академіи.

Санктпетербургская духовная Академія сердечно привѣтствуетъ Ваше Преосвященство въ день пятидесятилѣтняго юбилея служенія Вашего въ священномъ санѣ и выражаетъ наилучшія пожеланія,

И. д. ректора Академіи, профессоръ Погровскій.

25) Телеграмма изъ Сергіева Посада, отъ Московской духовной Академіи (присланная на имя преосв. Сергія, епископа уманскаго).

Благоволите, Владыко, привѣтствовать Преосвященнаго Сильвестра отъ Московской Академіи слѣдующею телеграммою.

Московская духовная Академія имѣетъ высокую честь и великую радость искреннѣйше привѣтствовать Ваше Преосвященство, своего дорогаго почетнаго члена, съ совершившимся пятидесятилѣтіемъ священнослуженія, и, видя въ Васъ славнаго не только въ Россіи, но и въ Европѣ ученаго богослова, много лѣтъ охранявшаго славу и честь Кіев-

ской Академіи въ званіи профессора, инспектора и ректора ея, до послѣдняго времени составляющаго истинное украшеніе ея и оставившаго всѣмъ представителямъ духовно-учебныхъ заведеній правило вѣры въ своемъ догматическомъ богословіи и образецъ честнаго, неуклоннаго и доблестнаго служенія долгу призванія и пользѣ истинной науки въ себѣ самомъ. Къ привѣтствію присоединяетъ она молитвенное благожеланіе, да сохранитъ Господь Силъ Ваши силы еще на многія лѣта во славу имени Его, во благо Церкви, отечества и науки и въ преспѣваніе духовнаго просвѣщенія.

Искренно признательный ученикъ Вашъ ректоръ Московской духовной Академіи, архимандритъ Арсеній.

26) Адресъ отъ Казанской духовной Академіи.

Ваше Преосвященство,

Милостивѣйшій Архипастырь!

Въ день пятидесятилѣтняго юбилея Вашего служенія Церкви къ числу многихъ поздравителей Вашихъ Казанская духовная Академія присоединяетъ и свой задушевный привѣтъ.

Мы, нижеподписавшіеся, представители юбилейной изъ четырехъ Академій, не будемъ перечислять Вашихъ заслугъ на поприщѣ богословской науки и воспитанія духовнаго юношества, а упомянемъ только о томъ, что Ваша свѣтлая личность никому такъ не дорога, какъ труженикамъ академическимъ, потому что среди сонма всѣхъ православныхъ архипастырей Вамъ преимущественно предъ всѣми приличествуетъ именованіе Архипастыря „академическаго“, какъ прежде давались имена—Богослова, Схоластика, Философа. Служеніе Академіи Вы, достоуважаемый Владыка, предпочитали болѣе почетному положенію епархіальнаго архіерея и всѣ мы знаемъ, что Вы любили свою Академію такъ, какъ хорошій отецъ свою семью, были вѣрны ей, какъ пчелиная матка своему улью. Это знаменательное явленіе безкорыстной преданности Академіи, длившееся на протяжении сорока лѣтъ, преданно-

сти сознательной и убѣжденной, окончательно покоряетъ наши сердца, преданія служенію академической науки, и вдохновляетъ ихъ тою живительною вѣрою въ свое дѣло, которая такъ необходима для процвѣтанія всякой Академіи и которая утверждается не столько на отвлеченныхъ началахъ, сколько живыми достоподрожательными примѣрами. Вашъ примѣръ, Владыко, навидателенъ сугубо. Вы—благочестивый инокъ, но въ то же время и мыслитель, не боящійся свѣта познанія; Вы—воспитанникъ старой строгой школы, но въ то же время и духовный отецъ новыхъ поколѣній, не съ недобѣриемъ и завистью, но съ ласкою и навиданіемъ благословляющій новые ростки богословскихъ изслѣдованій и обобщеній.

Годы и болѣзни побудили Васъ оставить бразды правленія Академіей, но Вашъ духовный взоръ и поныи свѣтится мыслию и любовію, какъ у боговдохновеннаго Давида во дни его старости, а мы труженики академической науки и академическаго воспитанія подобно приснымъ царя Давида, поклонявшимся до земли предъ уединявшимся старцемъ, посылаемъ Вашему Преосвященству земной поклонъ, поклонъ уваженія, любви и благодарности отъ лица богословской науки и Академіи.

Питомецъ Вашего Преосвященства, глубокоочитающій Васъ и предающій Вамъ смиренный послушникъ Вашъ Арсеній, архіепископъ казанскій. Ректоръ Антоній, епископъ чебоксарскій. Инспекторъ, протоіерей Николай Виноградовъ. Бывшій ректоръ Академіи, членъ духовно-учебнаго Комитета при Св. Синодѣ, протоіерей Александръ Владимірскій. Сверхштатный ординарный профессоръ Николай Ивановскій. Ординарный профессоръ Александръ Гусевъ. Ординарный профессоръ Павелъ Юнгеровъ. Исправляющій должность ординарнаго профессора Андрей Волковъ. Сверхштатный профессоръ Александръ Некрасовъ. Сверхштатный преподаватель Евлампій Буринъ. Профессоръ Я. Богородскій. Профессоръ Михаилъ Богословскій. Профессоръ Феодоръ Кургановъ. Профессоръ Ілія Бердяковъ. Э. о. профессоръ Ал. Гренковъ. Э. о. проф. А. Царевскій. И. д. ординарнаго профессора, протоіерей Евлампій Маловъ. Экстраординарный профессоръ С. Терновскій. Экстраординарный профессоръ Викторъ Несиловъ. Экстраординарный профессоръ Александръ Потѣхинъ. Практикантъ татарскаго языка священникъ Егоровъ. Почетный благодѣтель Академіи Павелъ Щегликинъ. Доцентъ Сергій Предтеченскій. Доцентъ Ф. Благовидовъ. И. д. доцента священникъ Іоаннъ Поповъ. Доцентъ Вл. Керемскій. Доцентъ Ілія Ястребовъ. Секретарь И. Спасскій.

27) Телеграмма изъ С.-Петербурга, отъ предсѣдателя духовно-учебнаго Комитета при Св. Синодѣ.

Приношу усерднѣйшее поздравленіе. Глубоко чту ученые труды. Желаю многихъ лѣтъ.

Протоіерей Петръ Смирновъ.

28) Телеграмма изъ Москвы отъ семинаріи и учениковъ.

Глубокопринзательные ученики сердечно привѣтствуютъ Архипастыря - учителя съ исполннвшимся пятидесятилѣтіемъ достославнаго служенія Церкви и богословской наукѣ.

Ректоръ московской семинаріи архимандритъ Паревскій, Иисекторъ Ястребцовъ. Преподаватель Вержоловичъ. Надиратель Поспѣловъ.

29) Телеграмма изъ Вильны отъ семинаріи литовской.

Литовская духовная семинаріа въ лицѣ всѣхъ членовъ корпораціи съ ректоромъ архимандритомъ Иннокентіемъ во главѣ считаетъ своимъ непремѣннымъ долгомъ принести поздравленіе съ исполннвшимся пятидесятилѣтіемъ служенія Вашего Преосвященства въ священномъ санѣ съ пожеланіемъ высокочтнмому славнѣйшему, глубокомысленному, отмѣнному богослову прожить много славныхъ лѣтъ для славы Церкви Россійской и для процвѣтанія богословской науки.

Архимандритъ Иннокентій и преподаватели.

30) Телеграмма изъ Курска отъ семинаріи и учениковъ.

Въ день исполннвшагося пятидесятилѣтняго святительскаго служенія Вашего Преосвященства, ознаменованнаго многими и высокоцѣнными трудами на пользу св. Церкви, богословской науки и родной Академіи бывшіе питомцы Академіи и Вашего Преосвященства, съ чувствами глубочайшей признательности вспоминая исполненные высокой мудрости уроки и искренней отеческой любви наставленія и отношенія Вашего Преосвященства, какъ бывшаго начальника и наставника, почтительнѣйше просятъ принять сердечныя привѣтствія и молитвенныя благожеланія ихъ. Да продлитъ Господь на многіе годы драгоцѣнную жизнь Вашего Преосвященства и да оваритъ вечеръ ея невечернимъ свѣтомъ благодати Своея.

Ректоръ Курской семинаріи протоіерей Іаковъ Ношкннй. Преподаватели: Василій Залуднй, Елифаній Нестеровскій, Николай Сенаторскій, Теодоръ Бул-

гаконъ, Павелъ Абаза, Владимиръ Старосельскій, Иванъ Омреотъ. Помощникъ инспектора: Николай Романовъ, Викторъ Сенаторскій.

31) Телеграмма изъ Чернигова, отъ семинаріи и учениковъ.

Черниговская семинарія во главѣ съ ректоромъ и бывшіе питомцы Кіевской Академіи почитаютъ себя особенно счастливыми сердечно привѣтствовать Ваше Преосвященство въ день достославнаго пятидесятилѣтія священнослуженія Вашего святой церкви и выражаютъ свое душевное пожеланіе Вашему Преосвященству еще многія лѣта служить украшеніемъ православной церкви и богословской науки.

Ректоръ семинаріи Протоіерей Б. Ефремовъ. Законоучитель гимназій Величковскій. Преподаватели: священникъ Ефимовъ. Дорошенко, Васютинскій. Громазовскій, Благовѣщенскій, Бывшій преподаватель Остроторскій.

32) Телеграмма изъ Екатеринославля, отъ семинаріи.

Почтительнѣйше поздравляемъ Васъ, Ваше Преосвященство, съ пятидесятилѣтіемъ священства. Молимъ Господа о многолѣтнемъ здравіи Вашего Преосвященства во благо и на славу святой церкви и богословской науки и на радость благодарнымъ питомцамъ Вашимъ.

Архимандритъ Агапитъ, Павловскій, Жезелеико, Соколовъ, Рождественскій, Врублевдеръ, Тарновскій.

33) Телеграмма изъ Симферополя, отъ семинаріи и учениковъ.

Храня живую и благодарную память о Вашемъ мудромъ отеческомъ руководствѣ, въ бытность нашу въ стѣнахъ Академіи, почтительнѣйше привѣтствуемъ Ваше Преосвященство съ исполненнымъ пятидесятилѣтіемъ достославнаго служенія Вашего отечеству, церкви и богословской наукѣ и усугубляемъ свои молитвы о Вашемъ здравіи и благоденствіи на многіе годы.

Ректоръ Таврической семинаріи Протоіерей Знаменскій. Инспекторъ Григорій Соколовъ, Протоіерей Іоаннъ Тяжеловъ, Протоіерей Александръ Сердобольскій. Самцевники: Василій Никольскій и Николай Шпаковский, Александръ Ивановъ, Иванъ Оболенскій, Михаилъ Теофиловъ, Крисскентъ Матушевскій, Павелъ Грушинскій, Григорій Ярошевскій.

34) Телеграмма изъ Кишинева, отъ служащихъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ учениковъ.

Служащіе въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ Кишинева почтительнѣйше привѣтствуютъ Ваше Преосвященство съ полувѣковымъ высокимъ и благотворнымъ служеніемъ святой православной церкви и богословской наукѣ.

Ректоръ семинаріи Протоіерей Александръ Ялоскій.

35) Телеграмма изъ Владиміра губ., отъ семинаріи и учениковъ.

Преосвященнѣйшій Владыко, сердечнотимый Архипастырѣ и Отецѣ!

Сегодня исполнилось пятидесятилѣтіе Вашего священнослуженія церкви и отечеству. Благоволите принять отъ насъ, Вашихъ бывшихъ питомцевъ, усерднѣйшее привѣтствіе съ достиженіемъ столь рѣдкаго знаменательнаго юбилея. Всецѣло преклоняемся предъ Вами, высоко цѣнимъ заслуги Ваши, какъ бывшаго начальника дорогой намъ Кіевской Академіи, съ чувствомъ глубочайшаго уваженія относимся къ учено-богословскимъ трудамъ Вашего Преосвященства, съ умиленіемъ вспоминаемъ благоговѣйное совершеніе Вами богослуженія. Испрашивая Вашего святительскаго благословенія и оставаясь въ числѣ всегдашнихъ почитателей Вашего Преосвященства, усердно молимъ Всевышняго, да ниспошлетъ Вамъ возделѣнное здравіе, миръ и спокойствіе на многія лѣта.

Ректоръ семинаріи архимандритъ Іона. Протоіерей Боголюбовъ. Священникъ Сперанскій. Преподаватели: Безелянъ. Крестовъ. Ушаковъ. Вулатовъ. Малиновскій. Введенскій. Преображенскій. Агрязковъ.

36) Телеграмма изъ Петрозаводска, отъ олонецкой семинаріи.

Ваше Преосвященство!

Въ день знаменательнаго пятидесятилѣтія Вашего служенія церкви и отечеству примите отъ учениковъ своихъ искреннее привѣтствіе, чистое сорадованіе и благожеланіе Вамъ отъ Господа Владодателя всѣхъ благъ на многія лѣта.

Ректоръ семинаріи архимандритъ Назарикъ. Преподаватели: Златворскій, Лосевъ.

37) Телеграмма изъ Минска отъ семинаріи.

Минская духовная семинарія съ сердечною радостью приноситъ Вашему Преосвященству свои почтительнѣйшія поздравленія съ завершеніемъ великаго подвига непрерывнаго и многополезнаго служенія Вашего церкви, наукѣ и обществу въ теченіе пятидесяти лѣтъ и молитвенно желаетъ Вашему Преосвященству, да сохранитъ Васъ Господь во здравіи и благоденствіи въ долготу дней на многая лѣта.

Ректоръ и наставники.

38) Телеграмма изъ Казани.

Почтительно привѣтствую Преосвященнаго юбиляра, достославнаго русскаго богослова, человека правды и добра. Да хранитъ Васъ Господь.

Александръ Гусевъ.

39) Телеграмма изъ Казани. Привѣтствую Васъ, Владыко, съ пятидесятилѣтіемъ Вашего достославнаго служенія.

Терновскій.

40) Телеграмма изъ С.-Петербурга отъ учениковъ.

Земной поклонъ, сердечный привѣтъ, задушевные пожеланія шлютъ служащіе въ центральномъ Управленіи Синода, усердные почитатели, признательные ученики, славному представителю отечественной богословской науки, глубиною мудрости своихъ твореній всѣхъ поучающему и утверждающему, свѣтилу дорогой Академіи, доблестному іерарху, свято совершившему днесь великій подвигъ полувѣковаго священноіерархическаго служенія родной православной Церкви.

Керскій. Мирнопольскій. Остроумовъ. Зинченко. Соловьевъ. Скворцовъ. Шемякинъ. Гавриловъ. Мирносошцкій. Веревскій. Вишневскій. Владовскій.

41) Письмо отъ ректора одесской духовной семинаріи.

Преосвященнѣйшій Владыко, Милостивѣйшій Архипастырь и Отець.

Въ виду истекающаго пятидесятилѣтія Вашего доблестнаго и многополезнаго служенія Церкви Божіей, позвольте и мнѣ недостойному присоединиться въ многочисленному сонму искреннихъ почитателей Вашего Преосвященства, и при-

имите отъ всей души приносимое мною привѣтствіе съ этимъ многознаменательнымъ событіемъ въ жизни Вашей. Съ глубочайшимъ благоговѣніемъ преклоняю грѣшныя и немощныя колѣна свои предъ судьбами Промысла Божія, изобильно налившаго на Васъ щедроты Своихъ благодатныхъ даровъ. Съ благодарною радостію преклоняюсь предъ Вашимъ Преосвященствомъ, усерднымъ носителемъ этихъ даровъ Божиихъ для блага ближнихъ. Во все время своей жизни Вы твердо, чисто, усердно, многоплодно и свято потрудились для богословской науки и для духовной школы, сдѣлавшись *образомъ* для всѣхъ *отрчытъ отроу, словомъ, житіемъ, любовію, духомъ, чистотою* (I. Тим. IV, 12). И преподаватели, и питомцы и высшей и средней школы духовной еще долгое время будутъ чтить въ лицѣ Вашемъ высшаго и надежнаго руководителя въ дѣлахъ истинной вѣры. И добрые служители алтаря Господня, поставленные на всемъ пространствѣ обширнаго отечества нашего, съ благоговѣніемъ сохранять добрую память о Васъ и, конечно, не забудутъ Васъ въ молитвахъ своихъ. Почитаю себя весьма счастливымъ, что Господь даровалъ и мнѣ возможность лично знать Васъ отъ дней юности, и потому тѣмъ съ большимъ дерзновеніемъ приношу Вамъ мое скудное, но вполне искреннее слово привѣтствія.

Испрашивая архипастырскихъ молитвъ и благословенія Вашего, съ глубочайшимъ почтеніемъ и искреннею преданностію имѣю честь быть Вашего Преосвященства усерднѣйшій послушникъ,

Протоіерей Мартиній Чижова, ректоръ Одесской духовной семинаріи.

42) Телеграмма изъ Симбирска.

Въ день исполненія пятидесятилѣтія Вашего служенія святой Христовой Церкви прошу Ваше Преосвященство милостиво принять и мое искреннѣйшее сыновнее привѣтствіе съ молитвеннымъ пожеланіемъ, да усладитъ Господь всѣ дни Вашей доблестной жизни.

Симбирскій ректоръ Стерновъ.

43) Телеграмма изъ Житомира.

Къ многочисленнымъ поздравленіямъ съ пятидесятилѣтнимъ юбилеемъ Вашего служенія Церкви и богословской наукѣ весьма пріятно ученику и искреннему почитателю Вашему присоединить и свое поздравленіе съ этимъ знаменательнымъ для Васъ торжествомъ, съ пожеланіемъ Вамъ многихъ лѣтъ на продолженіе Вашего плодотворнаго служенія церкви и богословской наукѣ.

Директоръ гимназій Гадяцкій.

44) Телеграмма изъ Бѣлы-Сѣдлецъ.

Благодарные ученики почтительнѣйше поздравляютъ Ваше Преосвященство съ пятидесятилѣтнимъ юбилеемъ Вашего священства.

Сольскій. Страшковичъ.

45) Письмо изъ Минска.

Ваше Преосвященство,
Преосвященнѣйшій Владыко!

Примите и отъ меня, Преосвященнѣйшій Владыко, товарищеское, самое сердечное и молитвенно-благожелательное привѣтствіе съ исполнившимся пятидесятилѣтіемъ Вашего доблестнаго служенія Церкви Божіей, царю и отечеству! Учасъ съ нами, хотя Вы были старше насъ, не только лѣтами, но и своимъ умомъ и познаніями, Вы всегда относились къ намъ, какъ добрый товарищъ, почему всѣ мы и уважали и любили Васъ. Занявъ потомъ высокой постъ ректора нашей дорогой Академіи, будучи возведены въ санъ святительскій, когда Ваше имя стало извѣстнымъ, какъ имя перваго богослова въ Россіи, Вы не измѣнили своихъ отношеній къ намъ, по старому Вы остались для насъ тѣмъ же простымъ, сердечнымъ товарищемъ и добрымъ совѣтникомъ. Отъ души благодаримъ Васъ и усердно молимъ Господа, да продлитъ Онъ дни благочестивой жизни Вашей, при возможномъ добромъ здорovьи, еще на многія и многія лѣта!

Испрашая Вашихъ святительскихъ молитвъ, имѣю честь быть Вашъ богомолецъ минскій кафедральный протоіерей Георгій Тарнопольскій.

46) Телеграмма изъ Чернигова.

Усердно поздравляю Васъ, незабвенный наставникъ, съ полулѣткомъ благоплоднаго служенія Вашего Церкви Божіей. Молитвами св. Θεодосія, коему нынѣ суугобо молюсь, да дастъ Вамъ Господь еще много лѣтъ подвизаться добрымъ подвигомъ.

Каедральный протоіерей черниговскаго собора Іоаннъ Платоновъ.

47) Телеграмма изъ Харькова.

Бью земной поклонъ великому святителю, дивному и знаменитому русскому богослову, для имени Божія много трудившемуся и неизнемогавшему (Апок. II, 23). Да хранитъ Васъ Господь.

Профессоръ Харьковскаго университета протоіерей Бузыкинъ.

48) Письмо изъ Кіева-города.

Преосвященнѣйшій Владыко,

Милостивѣйшій Архипастыр!

Смирнѣйше прошу, Ваше Преосвященство, благоволите милостиво принять отъ немощствующаго усерднѣйшее отъ души поздравленіе съ истеченіемъ пятидесятилѣтія доблестнаго служенія Вашего Преосвященства въ свѣтцѣнномъ санѣ и сердечное желаніе, да Господь Богъ благословитъ долгоденствіемъ и благоденствіемъ многоплодную жизнь Вашего Преосвященства на многія лѣта во благо и во славу святой православной Церкви и Отечества нашего.

Честь имѣю быть и пребыть Вашего Преосвященства искренно преданнымъ и усерднѣйшимъ послушникомъ.

Протоіерей Михаилъ Богдановъ

49) Телеграмма изъ Червоннаго.

Родина Вашего Преосвященства, мѣстечко Андрушовка въ лицѣ старожиловъ сердечно привѣтствуетъ Васъ съ совершившимся пятидесятилѣтіемъ Вашего служенія Церкви.

Старшина съ обществомъ крестьянъ Андрушовки.

50) Телеграмма изъ Крещенца.

Общество всемогуществованія воспитанницъ кременецкаго епархіальнаго женскаго училища почтительнѣйше при-

вѣтствуетъ Ваше Преосвященство, своего почетнаго члена, съ пятидесятилѣтіемъ священства, молитъ Господа даровать Вамъ здравіе, продлить Вашу жизнь многіе годы на пользу русской церкви, на славу отечества.

Члены Праллеліи: председатель священникъ Вагриковскій. Наталья Сладковичъ. Крижановскій. Спичкал. Маньковская. Новоселецкій.

51) Телеграмма изъ Харькова.

Ваше Преосвященство;

Милостивѣйшій Архипастыр!

Служащіе въ Харьковской семинаріи Ваши питомцы имѣютъ счастье привѣтствовать Ваше Преосвященство съ истекшимъ пятидесятилѣтіемъ Вашего ревностнаго, разносторонняго, плодотворнаго служенія на пользу родной намъ Академіи, науки и церкви. Мы лично, особенно цѣня Ваши заботы о воспитаніи нашемъ, согласно высокимъ требованіямъ христіанской нравственности и въ духѣ православной Церкви, молимъ Бога, да укрѣпитъ Онъ Ваши силы, да продлитъ Ваши дни на многія лѣта.

Леонтовичъ. Вертемовскій. Корсакино. Лонгиновъ.

52) Телеграмма изъ Новочеркасска.

Въ день исполнившагося пятидесятилѣтія славнаго служенія Вашего Церкви Христовой бывшіе питомцы Ваши, въ чувствѣ глубокаго благоговѣнія, почтительно приносятъ Вамъ поздравленія съ знаменательнымъ днемъ и молятъ Бога, да продлитъ Онъ Вашу жизнь еще на многія лѣта.

Преподаватели Донской семинаріи: Григорій Прокоповъ. Павелъ Стратилатовъ. Михаилъ Однораловъ. Платонъ Дударевъ. Александръ Щетковскій. Евграфъ Овсянниковъ.

53) Телеграмма изъ Тулы.

Отъ бывшихъ питомцевъ Кіевской Академіи изъ Тулы съ чувствомъ глубочайшаго уваженія и неизмѣнной преданности считаемъ своимъ долгомъ принести поздравленіе Вашему Преосвященству съ исполнившимся нынѣ пятидесятилѣтіемъ Вашего служенія православной Церкви въ священномъ санѣ. Примите Ваше Преосвященство увѣреніе, что

память о Васъ, какъ глубокомъ богословѣ, наставникѣ и добромъ руководителѣ-начальникѣ живѣ хранится въ нашихъ сердцахъ.

Преподаватели семинаріи: Павелъ Магидцій, Дмитрій Глагозовъ, Петръ Павлушковъ, помощникъ инспектора Викторъ Георгіевскій. Помощникъ смотрителя Михаилъ Валлеъ. Учитель Николай Млиннъ.

54) Телеграмма изъ Ставрополя, губ.

Въ день полулѣтняго священнаго служенія Вашего Преосвященства Престолу Божию, мы, бывшіе воспитанники кievской Академіи, имѣвшіе счастье внимать мудрымъ словамъ богопросвѣщеннаго ума Вашего и вѣряться твердому руководительству Вашему въ дѣлѣ воспитанія своего, при-вѣтствуемъ Васъ съ знаменательнымъ днемъ жизни Вашей и молимъ Бога, да умножитъ Онъ дни Вашей жизни въ непоколебимомъ здравіи, непремѣнномъ благополучіи.

Законоучители гимназій: священникъ Руткевичъ. Священникъ Каураловъ. Смотритель училища протоіерей Случевскій. Помощникъ смотрителя Романъ Глухаревъ. Учитель Василій Хомаковъ. Преподаватели епархіальнаго училища: Николай Вознесенскій. Мартирій Чижова. Петръ Глазуновъ. Степанковскій. Священникъ Ключаревъ. Преферансовъ.

55) Телеграмма изъ Полтавы отъ семинаріи.

Высокочтимаго Архипастыря, славу родной Академіи, любвеобильнаго начальника, незабвеннаго профессора почтительнѣйше поздравляемъ съ многоплоднымъ полулѣткомъ служенія Церкви и наукѣ, испрашивая святительскаго благословенія.

Протоіерей Пичета, Иванъ Случевскій. Алексій Раевскій. Александръ Стадницкій. Николай Вутринскій. Владиміръ Терлецкій. Семенъ Псаревъ. Иванъ Яновскій. Василій Селнянъ. Василій Ковалевскій. Петръ Поцогъ.

56) Телеграмма изъ Смоленска отъ семинаріи.

Въ полулѣтняго юбилей служенія Вашего Церкви и наукѣ питомцы Ваши смиреннѣйше просятъ Ваше Преосвященство принять ихъ искреннія благожеланія.

Преподаватели Смоленской семинаріи:

Родоновъ. Вишневъ. Сорокалѣтовъ. Смирновъ. Вишневскій. Козловитчъ. Чернявскій.

57) Телеграмма изъ Орла отъ семинаріи.

Сыновне радостно привѣтствуемъ Ваше Преосвященство съ исполненнымъ пятидесятилѣтіемъ Вашего славнаго и многополезнаго служенія православной церкви, богословской наукѣ и родной Академіи, и молитвенно желаемъ Вамъ многолѣтняго здравія.

Ваши благодарные ученики и всегдашніе почитатели служащіе Орловской семинаріи:

Пасецкій. Прохоровъ. Высодкій. Яницкій. Сухомалець. Георгіевскій. Покровский.

58) Телеграмма изъ Воронежа отъ семинаріи.

Преосвященнѣйшій Владыко! Въ знаменательный день пятидесятилѣтія Вашего служенія Церкви Возійте съ любовью, признательностію и благожелательностію привѣтствуемъ Ваши педагогическія заслуги, ученые труды и пастырскіе подвиги.

Ваши ученики: ректоръ Воронежской семинаріи Оваскій. Преподаватели: Орловъ. Василевичъ. Можаровъ. Палецкій. Тюменевъ. Ильинскій. Запольскій. Камылевскій. Милотинъ. Алферевъ. Лебедяевскій. Посляловскій. Горьковскій. Васильевъ.

59) Телеграмма изъ Саратова.

Глубоко благодарные ученики Вашего Преосвященства почтительнѣйше приносятъ искреннее поздравленіе со днемъ пятидесятилѣтія Вашего служенія Церкви съ пожеланіемъ многихъ лѣтъ.

Инспекторъ Саратовской семинаріи іеромонахъ Іоаннъ. Михаилъ Чупаевскій. Александръ Колтоновскій.

60) Телеграмма изъ Θεодосіи.

Прошу Ваше Преосвященство принять почтительнѣйшее мое поздравленіе съ исполненнымъ пятидесятилѣтіемъ славнаго служенія Вашего Церкви и богословской наукѣ.

Директоръ Маллосовскій.

61) Телеграмма изъ Варшавы.

Ваше Преосвященство!

Признательные и благодарные нитомцы Кіевской духовной Академіи, живущіе въ Варшавѣ, съ чувствомъ благоговѣйнаго уваженія къ Вашей высокополезной просвѣтительной полувѣковой дѣятельности всепочтительнѣйше привѣтствуютъ

Васъ, бывшаго своего добрѣйшаго наставника и руководителя, съ пятидесятилѣтнимъ юбилеемъ въ священномъ санѣ, моля Всевышняго, да хранитъ Онъ Васъ, Преосвященнѣйшій Владыко, на долгіе будущіе годы и да подастъ Вамъ силы и бодрости еще много лѣтъ служить своими просвѣтительными богословскими трудами на пользу и во славу церкви православной. Просимъ Вашего святительскаго благословенія.

Протоіерей Юрій Татаровъ. Протоіерей Аполліарій Ковальницкій. Священникъ Константинъ Голоскевичъ. Священникъ Андрей Божикъ. Статскій совѣтникъ Петръ Славницкій. Инспекторъ реальнаго училища Сергій Лебедевъ. Статскій совѣтникъ Иларіонъ Коровницкій. Смотритель духовнаго училища Василій Щегловъ. Секретарь Университета Николай Оланинъ. Контролеръ Контроля Государственнаго Банка Николай Лукасевичъ.

62) Телеграмма изъ Самакова (въ Болгаріи).

Съ благодарностію памятуя о своемъ незабвенномъ и добромъ наставникѣ, мы нижеподписавшіеся присоединяемся къ нашей alma mater въ чествованіи пятидесятилѣтія многопольной Вашей дѣятельности, и просимъ Вашихъ молитвъ и благословенія, чтобы и намъ стать достойными служителями православной вѣры и церкви въ нашемъ дорогомъ отечествѣ.

Доброродный. Вацаловъ. Кара-Стояновъ. Шивачевъ.

63) Телеграмма изъ Ливенъ.

Проникнутые глубокою благодарностію за Ваши труды и заботы по воспитанію насъ въ дорогой родной намъ Киевской Академіи, имѣемъ честь всепочтительнѣйше привѣтствовать Васъ, Ваше Преосвященство, съ знаменательнымъ днемъ пятидесятилѣтія славнаго служенія Вашего на пользу церкви и незабвенной намъ Академіи.

Помощникъ смотрителя ливенскаго духовнаго училища Петръ Виноградовъ.

64) Телеграмма изъ Клевани.

Въ знаменательный день славнаго полувѣковаго служенія Вашего церкви православной и богословской наукѣ, истиннымъ украшеніемъ которой Вы пребываете въ качествѣ перваго русскаго богослова—догматиста, корпорація начальствующихъ, учащихъ, служащихъ и членовъ общества вспоможенія недостаточнымъ ученикамъ клеванскаго духовнаго

училища, вознеся Господу Богу сердечное моленіе о здравіи Вашего Преосвященства, великаго питомца Волыни, близкаго имъ по духу и плоти, святымъ долгомъ поставляемъ почтительнѣйше привѣтствовать Васъ съ исполнившимся пятидесятилѣтнѣмъ достославнаго служенія Вашего съ пожеланіемъ здравія и долгоденствія и плодотворной дѣятельности на пользу Христовой Церкви и православнаго богословія столь высоко поднятаго капитальными твореніями Вашими. вмѣстѣ съ тѣмъ правленіе общества, принося глубокую благодарность за столь щедрую жертву, въ особую для себя честь поставляетъ въ настоящій знаменательный день единогласно избрать Ваше Преосвященство почетнымъ членомъ общества.

Вашего Преосвященства почитательнѣйшіе слуги: смотритель училища Чельцова. Помощникъ смотрителя Осипчикъ. Преподаватель Пекарской воскресной школы 1884 года. Преподаватель Доброхотовъ. Преподаватель Перхоровичъ. Преподаватель Клишковскій. Невадка. Барановичъ. Левицкій. Врачъ Римашевскій. Предсѣдатель правленія общества Квасниковъ. Надзиратели: Волерскій. Малицкій. Малишковицъ. Яржемскій. Овощеникъ Яроловичъ.

65) Телеграмма изъ Мещовска.

Желаю долгоденствія, благоденствія и спасенія.

Смотритель Тихонировъ.

66) Телеграмма изъ Гомеля.

Отъ благодарнаго преданнаго сердца приношу поздравленіе Вашему Преосвященству съ пятидесятилѣтнимъ юбилеемъ служенія въ священномъ санѣ для блага родной православной Церкви и духовнаго просвѣщенія. Да подастъ Господь Вамъ здравіе и долгоденствіе.

Смотритель Гомельскаго духовнаго училища Теряевскій.

67) Телеграмма изъ Богуслава.

Учащіе и учащіеся Богуславскаго духовнаго училища долгъ имѣютъ смиреннѣйше привѣтствовать Ваше Преосвященство въ сей знаменательный день, возсылая благодарственное къ Богу моленіе о Вашемъ Преосвященствѣ.

Смотритель училища.

68) Телеграмма изъ Умани.

Вся училищная корпорація и училище возносятъ мо-

литвы о зравіи и благоденствіи Вашего Преосвященства на многая лѣта.

Горачо привѣтствующіе Васъ съ знаменательнымъ для Васъ днемъ, всегда хранящіе въ сердцѣ благодарное памятованіе о Вашемъ мудромъ и отечески попечительномъ руководствѣ и управленіи нами начиная отъ дней студенчества въ особенно дорогой и родной намъ чрезъ Васъ Кіевской Академіи питомцы Ваши:

Померавцевъ, Сабатовскій, Петрушевскій, Велинскій, Стражковичъ, Пудилнѣвъ.

69) Адресъ отъ черкаскаго духовнаго училища.

Ваше Преосвященство, Преосвященнѣйшій Владыко,
Милостивѣйшій Архипастыръ и Отецъ!

Сегодня исполнилось пятьдесятъ лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ вы вступили на стезю церкви Христовой въ качествѣ духовнаго пастыря и „строителя таинъ Божіихъ“; пятьдесятъ лѣтъ Вы непрестанно подвизаетесь на этомъ многотрудномъ поприщѣ, начавъ съ скромной дѣятельности сельскаго священника и затѣмъ послѣдовательно проходя все болѣе высочія и болѣе отвѣтственныя должности до епископскаго сана и начальника высшаго духовно-учебнаго заведенія включительно. По истинѣ Самъ Господь, виспосылавшій Вамъ Свою благодатную помощь для несенія подъятаго Вами тяжкаго бремени во все время полувѣковаго служенія Вашего сподобилъ и нынѣ дать Вамъ видимое знаменіе благодати Своея въ томъ, что Онъ укрѣпилъ Ваши силы и судилъ Вамъ дожить до сего многознаменательнаго и радостнаго дня, чтобы воочию узрѣть благословенныя Богомъ плоды трудовъ Вашихъ и радоваться тому, что посѣянное [Вами на нивѣ Христовой доброе сѣмя дало плодъ сторицею.

Ваши заслуги, какъ выдающагося ученаго богослова русской церкви, стяжавшаго себѣ безсмертную славу своими догматическими трудами, какъ вѣрнаго стража православной вѣры, свято хранящаго въ чистотѣ и неповрежденности святое ученіе Спасителя нашего и Его Апостоловъ, и неутоми-

мага борца за истину Христову, побѣдоносно отражавшаго всё посягательство на нее со стороны ея враговъ, а равно также мудраго начальника и руководителя высшей духовной школы—Кіевской Академіи, для которой славное и безпримѣрно многолѣтнее управленіе Ваше должно составить цѣлую эпоху въ ея исторіи,—эти заслуги Ваши на глазахъ у всѣхъ, и всѣми признаны и изображены въ привѣтственныхъ рѣчахъ и телеграммахъ, присланныхъ со всѣхъ концовъ Россіи отъ лица многочисленнаго сонма почитателей Вашихъ.

Но всякій, кому дороги интересы духовнаго просвѣщенія и незабвенны всѣ выдающіеся дѣятели на этомъ высокомъ поприщѣ, долженъ съ благодарнымъ воспоминаніемъ остановиться также и на Вашей, Преосвященнѣйшій Владыко, плодотворной дѣятельности по отношенію къ среднимъ и низшимъ духовно-учебнымъ заведеніямъ кіевской епархіи, которыя также ввѣрены были Вашему просвѣщенному руководству и высшему управленію. Поэтому, да будетъ позволено и намъ—состоящимъ на службѣ при Черкасскомъ духовномъ училищѣ начальниками и наставниками—присоединиться нинѣ къ общему хору почитателей и благожелателей Вашихъ и воздать Вамъ должную дань уваженія, любви и признательности, такъ какъ Ваша многосторонняя дѣятельность неразрывно связана съ жизнію и преуспѣваніемъ Черкасскаго духовнаго училища. И оно въ теченіе почти 13 лѣтъ имѣло счастье состоять подъ Вашимъ управленіемъ, и оно было тѣмъ духовнымъ вертоградомъ, гдѣ Вы сѣяли свое доброе сѣмя, и оно озарялось и согрѣвалось лучами сердечной теплоты и глубокой мудрости, столь характеризующими Вашу плодотворную дѣятельность вообще, и оно поэтому носить теперь на себѣ неизгладимую печать того, что Вы энергично, руководительно и благостно трудились для правильной и прочной постановки въ немъ учебно-воспитательнаго дѣла.

Сколько высокихъ и рѣдкихъ качествъ Своей души проявили Вы на этомъ посту высшаго администратора духовно-учебныхъ заведеній! Кому не извѣстна Ваша начальственная

мудрость; Ваша неуклонная вѣрность своему долгу и глубокое уваженіе къ закону и справедливости; Ваше образцовое трудолюбіе и вниманіе ко всѣмъ даже, повидимому, мельчайшимъ нуждамъ и вопросамъ училищной жизни; Ваша постоянная заботливость не только о преуспѣваніи каждаго учебнаго заведенія, но и о нахожденіи мира и добраго согласія между служащими въ нихъ лицами; Ваша благожелательность и сердечное участіе ко всѣмъ подчиненнымъ Вамъ труженникамъ по воспитанію духовнаго юношества, которымъ Вы никогда не отказывали въ своей нравственной поддержкѣ, руководственныхъ совѣтахъ и указаніяхъ; наконецъ, Ваша все покрывающая истинно-отеческая любовь ко всѣмъ воспитателямъ и питомцамъ вѣрныхъ Вашему управленію расадниковъ духовнаго просвѣщенія!

Все это всегда побуждало насъ видѣть въ лицѣ Вашемъ, поставленный Богомъ высоко на свѣщникѣ, ярко горящій свѣтильникъ, такъ долго освѣщавшій умы и сердца наши и направлявшій нашу дѣятельность, во благо церкви и на пользу духовному просвѣщенію, а въ нынѣшній благознаменательный и торжественный день побуждаетъ насъ отъ полноты души сердечно привѣтствовать Васъ, повергнуть къ стопамъ Вашего Преосвященства чувства своего глубочайшаго уваженія и безпредѣльной благодарности за благотворные многолѣтніе труды Ваши по управленію и совершенствованію Черкаскаго духовнаго училища и вообще за все содѣянное Вами ему и намъ добро и, смиреннѣйше испрашивая Вашего Архипастырскаго благословенія и святительскихъ молитвъ, въ то же время и съ своей стороны усердно молимъ Всевышняго Господа о дарованіи Вамъ здравія, крѣпости силъ и долголѣтія для продолженія Вашего благоплоднаго служенія церкви и отечеству еще на многая и многая лѣта.

Вашею Преосвященства,
 Милостивѣйшаго Архипастыря и Любезнаго
 Отца, низайшіе послушники:

Смотритель Черкаскаго духовнаго училища Климентъ Чеченъ. Помощникъ
 Труды Киев. дух. Академіи. Т. I. 1869 г.

никъ смотрителя училища Владимиръ Мироничъ. Старшій учитель Михаилъ Булгаковъ. Учитель Иванъ Моссаковский. Учитель Иванъ Петровъ. Учитель священникъ Николай Шпачинскій. Учитель Тимофей Мироничъ. И. д. надирателя, Евгений Кислевичъ. Члены училищнаго Правленія отъ духовенства: священникъ Соборно-Николаевской церкви г. Черкассы Михаилъ Ковалевъ и Рождество-богородичной церкви г. Черкассы священникъ Иоаннъ Турбойскій Врачъ училища И. Якубовскій.

70) Телеграмма изъ Бугуруслана.

Привѣтствую Ваше Преосвященство съ пятидесятилѣтнѣмъ Вашего служенія Церкви. Да продлитъ Господь Ваши дни.

Смотритель училища Михаилъ Орлинъ. Помощникъ Мануилъ Тараповичъ.

71) Телеграмма изъ Купянска.

Имѣю честь почтительнѣйше и усерднѣйше поздравить Ваше Преосвященство съ исполненіемъ пятидесятилѣтія Вашего по истинѣ добраго и милостиваго пастырства и учительства. Пошли Господь силъ и здоровья Вашему Преосвященству еще на многія лѣта.

Искренне благодарный и недостойный ученикъ Вашего Преосвященства смотритель купянскаго духовнаго училища

Иванъ Григоровичъ.

72) Телеграмма изъ Бѣлева.

Съ чувствомъ живѣйшей и искренней радости присоединяюсь къ числу Вашихъ почитателей въ общемъ привѣтствіи съ знаменательнымъ днемъ Вашей жизни. Всесильный Богъ да сохранитъ Васъ на многія лѣта для блага церкви въ воздаяніе какъ бы за Ваши заслуги и труды по учено-административной должности въ дорогой Кіевской Академіи. Память о Васъ, какъ достойномъ профессорѣ и администраторѣ, да живетъ въ сердцахъ признательныхъ Вашихъ воспитанниковъ на долгіе годы въ назиданіе будущихъ воспитателей и воспитанниковъ Академіи.

Смотритель бѣлевскаго духовнаго училища Михаилъ Глаголевъ.

73) Телеграмма изъ Чернигова.

Преклоняюсь предъ заслугами Вашего Преосвященства въ области служенія Вашего церкви и богословской наукѣ. Корпорация черниговскаго духовнаго училища — преимуще-

ственно Ваши воспитанники—имѣетъ счастье привѣтствовать Ваше Преосвященство съ знаменательнымъ днемъ пятидесятилѣтняго служенія Вашего.

Смотритель училища Михаилъ Доброгаевъ.

74) Телеграмма изъ Единецъ.

Ваше Преосвященство!

Отъ всей души и отъ всего сердца въ сей многозначительный день поздравляемъ Васъ съ доблестнымъ и плодотворнымъ пятидесятилѣтнимъ служеніемъ церкви, отечеству, наукѣ и высшей школѣ.

Ваши благодарные питомцы и почитатели:

Рудянский. Федоровскій. Концевичъ. Герштанскій. Ивановъ.

75) Телеграмма изъ Кременца.

Кременецкое духовное училище, благодарное за великія жертвы, возносить усердныя молитвы къ Богу: да даруетъ Всевышній Вашему Преосвященству многая и многая лѣта, и шлетъ Высокопочтенному юбиляру сердечный привѣтъ отъ училища вообще и отъ благодарныхъ и присночтущихъ юбиляра учениковъ въ особенности.

Смотритель училища Протоіерей Суворовъ

76) Письмо изъ Торопца.

Ваше Преосвященство, Преосвященнѣйшій Владыко,
Милостивѣйшій Ахипастырь, Отецъ и Учитель!

Исполнившееся 50-лѣтіе священнослуженія Вашего даетъ намъ радостный поводъ выразить глубокое и почтительнѣйшее наше удивленіе предъ Вашею славною и свѣтлою личностью, сіяющею для насъ—въ ореолѣ добраго архипастыря, учителя—возвышенной науки, мужа—совѣта и разума, просвѣщеннаго свѣтомъ Христовой любви.

Полные сердечной благодарности за тѣ счастливыя академическіе годы, когда находились подъ Вашимъ святительскимъ начальствомъ и руководствомъ—когда въ насъ, подъ добрымъ вліяніемъ и отеческой заботой Вашего Преосвященства, росло и вѣпло то хорошее, чѣмъ теперь живы мы и что имѣ-

еть въ насъ цѣну, мы отъ всей души молимъ Господа—Бога—да сохранитъ Онъ, Милосердый, Васъ, свѣтлыица православної церкви, отца и учителя вѣрующихъ, благодѣйшаго руководителя ищущихъ свѣта Христова ученія,—въ совершенномъ здоровьи—Вашего возвышеннаго духа и тѣла—на много лѣтъ.

Ваше имя было и будетъ для насъ всегда славнымъ и чтимымъ, какъ оно славно и чтимо во всей православной церкви, какъ оно славно и чтимо въ родной Кіевской и другихъ Академіяхъ православныхъ; но нашему сердцу дороже всего—образъ благодѣйшаго долготерпѣливаго и милосердаго Отца—воспитателя, сѣявшаго добрыя сѣмена въ юныя сердца.

Да свѣтитса свѣтъ Вашъ предъ челоуѣки и да прославятъ Отца небеснаго, видя и преклоняясь предъ такимъ истиннымъ и бодрымъ пастыремъ, отцемъ и учителемъ церкви.

Εἰς πολλὰ ἔτη, δέσποτα!

Вашего Преосвященства,

Милостивѣйшаго Архипастыря, Отца и учителя, почтительнѣйшіе, всегда благодарные и совершенно преданные, испрашивающіе святительскихъ молитвъ и благословенія:

Кандидатъ Кіевской Академіи выпуска 1878 года, смотритель Торопецкаго духовнаго училища (Псковской губерніи)—*Николай Змиинъ*.

Кандидатъ Кіевской Академіи, учитель Торопецкаго духовнаго училища *Димитрій Серебренниковъ*.

77) Телеграмма изъ Канева.

Сегодня, 7 декабря священно-церковно-служители церкви города Канева, отслуживъ въ соборной церкви литургію и благодарственное Господу Богу молебствіе, поздравляютъ Ваше Преосвященство, своего милостивѣйшаго Архипастыря и Отца, по случаю пятидесятилѣтняго служенія въ священномъ санѣ, и, искреннѣйше радуясь столь важному событію въ жизни своего Владыки, поставляютъ священнымъ для себя долгомъ молить Подателя всѣхъ благъ о здравіи, благоденствіи и продленіи драгоцѣнной жизни Вашего Преосвященства, прося архипастырскихъ святыхъ молитвъ о себѣ.

Протоіерей *К. Мироничъ*. Священникъ *Іліа Машковичъ*. Священникъ

Карпъ Пачинскій, Діаконовъ Михаилъ Трещинскій, Діаконовъ Іустинъ Сохачи, Псаломщикъ Петръ Машинскій, Псаломщикъ Леонтій Блажевскій.

78) Телеграмма изъ Богуслава.

Смирненнѣйше привѣтствуемъ своего Владыку со днѣмъ юбилейнаго торжества. Молимся о здравіи и долголѣтствіи.

Настоятель богуславскаго монастыря
Іеромонахъ Іоасафъ съ братією.

79) Телеграмма изъ Полтавы.

Питомцы Кіевской Академіи и другіе, служащіе въ Полтавскомъ духовномъ училищѣ, сердечно привѣтствуютъ знаменитаго, точнаго и вдохновеннаго истолкователя догматическихъ истинъ христіанской вѣры, бывшаго инспектора и ректора Академіи, епископа Сильвестра, съ исполненіемъ полувѣкового его служенія въ священномъ санѣ. Да живетъ Онъ много лѣтъ на пользу православной русской церкви, на славу и честь Кіевской Академіи.

Протоіерей Лисовскій, Стефановскій, Грамогскій, Яновскій, Сагарда, Овлянъ, Лебедевъ, Подмарновъ, Иллешевичъ.

80) Телеграмма изъ Харькова.

Благодарные ученики привѣтствуютъ Ваше Преосвященство съ исполненнымъ пятидесятилѣтіемъ достославнаго служенія церкви, богословской наукѣ и родной Академіи.

Священники: Николай Любарскій и Андрей Балашовскій.

81) Телеграмма изъ Елизаветграда.

Незабвенному, любвеобильному Начальнику и богомудрому наставнику шлемъ сердечныя поздравленія.

Благодарные воспитанники: Константинъ Вречкевичъ, Данилъ Смирновъ, Михаилъ Ростовскій, Иннокентій Вобровицкій.

82) Телеграмма изъ Бѣлаго.

Горячо привѣтствуемъ Преосвященнаго Сильвестра съ полувѣковымъ юбилеемъ плодотворнаго пастырскаго служенія.

Воловскій, Горюновичъ.

83) Телеграмма изъ Москвы.

Считаемъ священнымъ долгомъ привѣтствовать Ваше Преосвященство съ исполненнымъ пятидесятилѣтіемъ Вашего высокаго и плодотворнаго служенія въ священномъ санѣ и

пожелать Вашему Преосвященству драгоценнаго здравія еще на многіе годы.

Вашего Преосвященства признательные ученики: Булатовъ. Никитинъ. Патинцій.

84) Телеграмма изъ Астрахани.

Признательные ученики имѣютъ честь привѣтствовать маститаго учителя вѣры съ исполненнымъ пятидесятилѣтіемъ его великаго и славнаго служенія православной церкви.

Протоіерей Пальмовъ. Николай Пальмовъ

85) Телеграмма изъ Ростова.

Привѣтствуемъ Ваше Преосвященство, по случаю исполнившаго пятидесятилѣтія Вашего служенія церкви. Да продлитъ Господь Ваши дни и укрѣпитъ Ваши силы къ дальнѣйшей плодотворной дѣятельности.

Прося Вашихъ молитвъ въ глубочайшемъ къ Вамъ уваженіи пребываемъ Ваши питомцы: Священникъ Василій Тимоѣевъ. Священникъ Александръ Лиховецкій.

86) Телеграмма изъ Пинска.

Почитаемъ за счастье присоединиться къ поздравителямъ Вашего Преосвященства въ сей знаменательный день и отъ души пожелать Вашему Преосвященству здоровья и счастья еще на многія лѣта.

Влагодарные ученики: Вѣдлевъ. Крикуновъ Черепечинъ.

87) Телеграмма изъ Житомира.

Въ знаменательный день полулѣтняго юбилея служенія Вашего Преосвященства въ священномъ санѣ приносимъ искреннія поздравленія Вашему Преосвященству, нашему доброму и глубокопросвѣщеннѣйшему воспитателю. Да укрѣпитъ Всевышній Ваши силы и продлитъ дни многополезнаго просвѣщеннаго Вашего служенія еще на многіе годы.

Глубокопризнательные воспитанники - почитатели Вашего Преосвященства: Священникъ Іаковъ Немоловскій, Священникъ Наркисъ Прокоповичъ. Священникъ Павелъ Старовойтенко. Священникъ Василій Бонаковский. Священникъ Константинъ Левитскій. Афанасій Викторовскій. Стефанъ Шафаревичъ. Анамія Валковскій. Григорій Моссаковский. Орестъ Фотинскій, Иванъ Радецкий.

88) Телеграмма изъ Могилева губ.

Признательные Ваши дученики въ знаменательный день Вашей жизни возсылаютъ горячія молитвы о Васъ къ престолу Всевышняго.

Жемчужинъ. Шеленикъ.

89) Телеграмма изъ Гомеля.

Въ настоящій знаменательный день юбилея Вашего Преосвященства, среди привѣтствій многочисленныхъ питомцевъ Академіи за долговременное и достославное служеніе Ваше, осмѣливаюсь просить принять и отъ меня—ветерана, бывшаго ея питомца, сердечное поздравленіе съ молитвеннымъ благопожеланіемъ, чтобы милосердный Господь подерѣпилъ Ваши силы и здоровье еще на многія лѣта.

Студентъ 13-го курса Протоіерей и законоучитель гимназіи Григорій Петранень.

90) Телеграмма изъ Константинограда.

Служеніе Вашего Преосвященства церкви и ея наукѣ въ духѣ истины, правды и любви Христовой видно всѣмъ. Вашу личную доброту и высоту знаютъ тѣ, кто имѣлъ счастье быть близко къ Вамъ. Въ нынѣшній знаменательный день Вашего пастырскаго полувѣковья примите, высовочтимый и дорогой Владыка, глубокой поклонъ отъ такового счастливецъ, всегда признательнаго Вамъ

Священника Іустина Ольшевскаго.

91) Письмо изъ Кіева.

Преосвященнѣйшій Владыко,

Милостивѣйшій Архипастырь и Отецъ!

Преисполняясь благоговѣніемъ къ Промыслу Божію, даровавшему Вамъ силы къ доблестному совершенію полувѣковаго подвига на поприщѣ священнослуженія и духовнаго просвѣщенія, и судившему мнѣ быть очевидцемъ его около 20 лѣтъ и при этомъ около 10 лѣтъ состоять подъ непосредственнымъ начальствомъ Вашимъ, а нынѣ, въ знаменательный день исполнившагося пятидесятилѣтія, долгомъ своимъ считаю принести Вашему Преосвященству почтительнѣй-

шее поздравленіе и выразить свое сердечное пожеланіе Вамъ крѣпости силъ на много лѣтъ для подъятія новыхъ трудовъ на поприщѣ архипастырскаго служенія церкви и отечеству.

Испрашивая Вашихъ святительскихъ молитвъ и благословенія, съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенною преданностію имѣю честь быть

Вашего Преосвященства покорнѣйшій слуга
Иванъ Исавъ.

92) Письмо изъ Москвы.

Ваше Преосвященство,

Преосвященнѣйшій Владыко,

Глубокопочитаемый Архипастыр!

Примите мое сердечное и почтительное привѣтствіе по случаю исполнившагося пятидесятилѣтія доблестнаго служенія Вашего Преосвященства св. церкви Божіей въ священномъ санѣ.

Усердно молю небеснаго Пастыреначальника, да ниспослетъ Онъ Вашему Преосвященству крѣпость сидѣ и да сподобитъ Васъ еще многіе годы служить нашей отечественной церкви и нашей богословской наукѣ.

Всегда возношу имя Вашего Преосвященства въ своихъ грѣшныхъ молитвахъ, когда предстою алтарю Господню. Въ день 50-лѣтія Вашего особенно буду молитвенно поминать Васъ, Владыко святой.

Вашего Преосвященства, Милостиваго Архипастыря и Отца, смиренный послушникъ и недостойный богомолецъ, законоучитель московскаго училища ордена св. Екатерины,

Священникъ Іоаннъ Арсеньевъ.

93) Письмо изъ Чернигова.

Ваше Преосвященство,

Преосвященнѣйшій Владыко,

Милостивѣйшій Архипастыр и Отец!

Приблизился день Вашего свѣтлаго торжества, Вашего доблестнаго и примѣрнаго священнослуженія святой Христовой православной церкви въ теченіе пятидесяти лѣтъ!

Поль-вѣка исполняется 7 декабря съ тѣхъ поръ, какъ Ваше Преосвященство, съ честью и славою пройдя многотрудное служебное поприще, вступите нынѣ въ новую половину вѣка своего достославнаго служенія на пользу святой церкви и на украшеніе богословской науки!

Мнѣ, какъ бывшему питомцу славной и дорогой всѣмъ намъ аламе matris—Кіевской духовной Академіи и Вашему недостойному ученику, особенно трогательно и пріятно привѣтствовать Ваше Преосвященство въ счастливый, день пятидесятилѣтія Вашего юбилея и выразить Вамъ, Преосвященнѣйшій Владыко, мою искреннюю радость и поздравленіе.

Позвольте отъ души пожелать Вашему Преосвященству еще многія лѣта послужить святой Христовой православной церкви и дорогому отечеству.

Прошу свягыхъ молитвъ Вашихъ и архипастырскаго благословенія.

Вашего Преосвященства, милостивѣйшаго Архипастыря и благовѣйшаго Отца, ревностный почитатель и навсегда признательный

ученикъ, священникъ Александръ Ефимовъ, преподаватель Черниговской семинаріи и настоятель церкви при Черниговскомъ дѣтскомъ пріютѣ.

94) Письмо изъ Чернигова.

Ваше Преосвященство,

Глубокочтимый Владыко!

Соблаговолите принять и отъ меня, бывшаго Вашего питомца и ученика по Академіи (окончившаго курсъ въ 1885 году), искреннія поздравленія съ знаменательнымъ днемъ исполнившагося пятидесятилѣтія Вашего священнослуженія и пожелать Вашему Преосвященству здорозья и укрѣпленія Вашихъ силъ для служенія церкви Божіей въ будущемъ пятидесятилѣтіи Вашего священнослуженія.

По молитвамъ свв. кіевскихъ угодниковъ и святителя и чудотворца черниговскаго Θεодосія, предъ многоцѣлебными мощами котораго завтра, въ день пятидесятилѣтія Вашего священнослуженія, сочту священнымъ долгомъ привести мои

грѣшныя молитвы о вашемъ здоровіи, да увѣрнитъ Господь Богъ Своею благодатію Ваши силы и да продлитъ на многія лѣта Вашу жизнь на пользу святой Его церкви и высшаго духовнаго просвѣщенія.

Глубоко и искренно уважающій Васъ и испрашивающій Вашего святительскаго благословенія

бывшій Вашъ питомецъ и ученикъ, а послѣ и бывшій преподаватель Черниговской духовной семинаріи Валеріанъ Острогорскій.

95) Письмо изъ Кіева.

Ваше Преосвященство,

Преосвященнѣйшій Владыко!

Съ чувствомъ глубокаго уваженія къ Вашему Преосвященству, имѣю честь припести мое сердечное поздравленіе съ знаменательнымъ для Васъ настоящимъ днемъ, въ который исполнилось полвѣка Вашего доблестнаго пастырскаго служенія.

Прошу Ваше Преосвященство принять увѣреніе въ моемъ искреннемъ уваженіи къ Вамъ и преданности.

Всегда Вашъ покорнѣйшій слуга

А. Леонардовъ.

96) Телеграмма изъ Ровно.

Ровенское Александрo-Николаевское братство, вознося молитвы о здоровіи Вашего Преосвященства, сердечно привѣтствуетъ съ пятидесятилѣтіемъ Вашей архипастырской дѣятельности съ пожеланіемъ многихъ лѣтъ.

Предсѣдатель совѣта братства графъ Толстой.

97) Телеграмма изъ Маціова.

Сердечно поздравляемъ съ пятидесятилѣтіемъ священства. Многая Вамъ лѣта, дорогой учитель и незабвенный начальникъ.

Луцьковичъ. Макаревичъ. Ключковскій. Яцковскій.

98) Телеграмма изъ Москвы.

Почтительнѣйше поздравляю высокочтимаго Владыку съ знаменательнымъ днемъ. Желаю здоровія на многія лѣта.

Карпежа.

99) Телеграмма изъ Одессы.

Сердечно привѣтствую Ваше Преосвященство съ полу-
вѣковымъ доблестнымъ служеніемъ церкви и наукѣ.

Священникъ Іоаннъ Стрѣльбицкій, преподаватель Одесской семинаріи.

100) Телеграмма изъ Новоградволынска.

Привѣтствую Ваше Преосвященство съ юбилейнымъ
днемъ. Молимся, да сохранитъ Господь жизнь Вашу на мно-
гія лѣта.

Новоградволынскаго собора священникъ Евгеній Литвиничъ.

101) Телеграмма изъ Канева.

Сегодня, въ день исполнившагося 50-лѣтія службы Ва-
шего Преосвященства въ священномъ санѣ, городъ Каневъ
искренно поздравляетъ своего святителя съ столь великимъ
для него и святымъ днемъ, желая ему еще долгихъ лѣтъ и
благоденствія и прося о себѣ архипастырскихъ молитвъ.

Городской голова Шелесть.

102) Телеграмма изъ Тулы.

Въ нынѣшній знаменательный день жизни Вашего Пре-
освященства усерднѣе прошу Васъ принять отъ меня ис-
креннее почтительное привѣтствіе съ особою милостію Бо-
жіею къ Вашему Преосвященству съ исполнившимся пяти-
десятилѣтнимъ юбилеемъ Вашего славнаго многоплоднаго и
самоотверженнаго служенія церкви Божіей и отечеству, наукѣ
православнаго богословія и дорогой нашей матери—Кіевской
Академіи, какъ слабое выраженіе и посильный даръ призна-
тельности отъ благодарнаго ученика своему незабвенному
ректору и бывшему начальнику по первоначальной службѣ
моей. Благодарно вспоминаю всегда всѣ милостивыя выраже-
нія Вашей архипастырской благосклонности ко мнѣ. Моли-
твенно желаю, чтобы Милосердный Господь укрѣпилъ и под-
держалъ Ваши душевныя и тѣлесныя силы еще на многіе
годы на радость и утѣшеніе Вашихъ бывшихъ питомцевъ.

Благодарный Вашъ ученикъ и всегдашній богомольецъ, законоучитель
классической гимназіи священникъ Александръ Моисеевъ.

103) Телеграмма изъ Харькова.

Приношу почтительнѣйшее поздравленіе незабвенному юбиляру. Молю Бога о продленіи драгоцѣнной жизни перваго русскаго православнаго богослова.

Законоучитель харьковскаго коммерческаго училища священникъ Іоаннъ Филевскій.

104) Телеграмма изъ Радомысля.

Въ глубокомъ чувствѣ благодарности и молитвенномъ памятованіи о Вашемъ Преосвященствѣ, какъ наставникѣ моемъ въ истинахъ православной вѣры и жительствованіи въ дому Божиемъ и своемъ благодномъ епископѣ, приемию смѣлость принести Вашему Преосвященству поздравленіе съ пятидесятилѣтіемъ священнаго служенія святой церкви. Молю небснаго Архіерея, да сохранитъ Онъ свѣтильникъ Вашего архіерейства на многія лѣта.

Воспитанникъ Академіи випуска 1891 года, настоятель Радомысльскаго собора, священникъ Алексѣй Яеловскій.

105) Телеграмма изъ Казатина.

Искреннѣйшее привѣтствіе мое благоднѣйшему и дорогому моему бывшему ректору во благознаменитый день праздника его служенія духовной науки и церкви.

Любимій ученикъ священникъ Несторъ Шараевскій.

106) Телеграмма изъ Глухова.

Высоко цѣня выдающіяся духовно-просвѣтительныя заслуги Вашего Преосвященства, душевно присоединяемся къ славному нынѣшнему торжеству пятидесятилѣтія Вашего священнослуженія.

Почтатели и ученики Ваши: протоіерей Россійскій, Законоучитель Рознатовскій, Благоуспѣшнѣйшій Смолячевъ.

107) Телеграмма изъ Калуги.

Почтительнѣйше прошу принять мое снѣвнее поздравленіе съ исполнившимся пятидесятилѣтіемъ служенія церкви и отечественной наукѣ духовной. Прошу и молю Господа о здравіи и долгоденствіи Вашего Преосвященства.

Студентъ випуска 1887 года, ключарь калужскаго собора, Михаилъ Печавъ.

108) Телеграмма изъ Кременца.

Имѣю честь привѣтствовать Ваше Преосвященство высокоуважаемаго моего инспектора и профессора богословія съ исполнившимся пятидесятилѣтіемъ славнаго служенія святой нашей церкви, дорогой Кіевской Академіи, отечественно-богословской наукѣ. Сегодня семинарія, мужское и женское училища совершили молебствіе о здравіи Вашего Преосвященства.

Инспекторъ возникской семинаріи, воспитанникъ 25 курса Кіевской Академіи Иванъ Зиньковичъ.

109) Телеграмма изъ Астрахани.

Преосвященнѣйшій Владыко!

Въ день Вашего юбилея не могу не вспомнить и не выразить своей признательности за добрый къ намъ отношенія въ пору академической жизни. Присоединяюсь къ многочисленному сонму почитателей Вашей долготѣней и полезной дѣятельности.

Преподаватель Астраханской семинаріи Лыбегородскій.

110) Телеграмма изъ Темиръ-Ханъ-Шуры.

Въ день радостнаго торжества позвольте присоединить теплую молитву о Вашемъ здравіи и благожеланіе долгихъ лѣтъ.

Благодарный воспитанникъ священникъ Морозевичъ.

111) Телеграмма изъ С.-Петербурга.

Привѣтствуемъ съ доблестнымъ пятидесятилѣтнимъ служеніемъ церкви и наукѣ. Многая лѣта!

Цензоръ архимандритъ Климентъ. Сергій Кутеповъ.

112) Телеграмма изъ С.-Петербурга.

Почтительнѣйше прошу Ваше Преосвященство принять мое поздравленіе съ пятидесятилѣтіемъ Вашей службы церкви Божіей.

Секретарь С.-Петербургской консисторіи Кутеповъ.

113) Телеграмма изъ Кременца.

Съ пятидесятилѣтнимъ юбилеемъ пріискренно поздравляю. Протоіерей Іеронимъ Турчанецъ.

114) Телеграмма изъ Москвы.

Сердечно привѣтствую Ваше Преосвященство съ испол-
нившимся пятидесятилѣтіемъ Вашего многоплоднаго служенія
православной церкви въ священномъ санѣ.

Иеромонахъ Аванасій.

115) Телеграмма изъ Острога.

Примите и отъ насъ, Ваше Преосвященство, сердечныя
поздравленія съ днемъ пятидесятилѣтняго служенія Вашего
въ пользу наукъ, и молимъ Всеблагаго Бога о ниспосланіи
Вамъ еще многихъ и многихъ лѣтъ.

С. Великій Святѣй. Корниловичъ.

116) Телеграмма изъ Глухова.

Съ благодарнымъ воспоминаніемъ сегодня молимся о
здравіи и долготѣи Вашемъ.

Протоіерей Россійскій.

117) Телеграмма изъ Каменца-Подольскаго.

Милостивѣйшій Архипастырь и Отецъ!

Въ день полувѣковаго служенія Вашего Преосвященства
святой церкви и духовному просвѣщенію примите признатель-
ное сердечное привѣтствіе и пожеланіе всего добраго отъ
скромнаго ученика-труженика, въ благословеніи и завѣтахъ
Вашихъ черпающаго нравственныя силы и ободреніе.

Учитель Николай Вычковскій.

118) Телеграмма изъ Витебска.

Сердечно поздравляю Ваше Преосвященство съ испол-
нившимся пятидесятилѣтіемъ Вашего славнаго служенія церкви,
отечеству и православной богословской наукѣ.

Молю Господа Бога, да продлитъ Онъ Вашу драгоцен-
ную жизнь на многая лѣта.

Вашъ признательный ученикъ, преподаватель Витебской духовной се-
минаріи Петръ Шаровъ

119) Телеграмма изъ Кіева-Печерска.

Въ торжественный день пятидесятилѣтія служенія Ва-
шего Преосвященства на пользу церкви и отечества покорно

прошу принять отъ меня и семьи искреннія поздравленія съ пожеланіемъ здравія и многихъ лѣтъ.

Василій Немоловскій.

120) Телеграмма изъ Червоннаго.

Примите, глубокочтимый Владыко, сердечныя привѣтствія съ исполненнымъ пятидесятилѣтіемъ Вашего служенія церкви и просвѣщенію.

Николай Вигура.

121) Телеграмма изъ Ильинецъ.

Духовенство второго округа Липовецкаго уѣзда повергаетъ къ стопамъ Вашимъ свои радостныя чувства, по случаю исполнившагося пятидесятилѣтія Вашего служенія на пользу святой церкви и отечества, моля Бога еще продлить Вашу жизнь на многія, многія лѣта.

Благочинный священникъ Іоаннъ Зеленскій.

122) Телеграмма изъ Червоннаго.

Почтительнѣйше привѣтствую Ваше Преосвященство съ пятидесятилѣтіемъ Вашего служенія церкви и богословской наукѣ и молю Бога о продленіи Вашей жизни.

Священникъ с. Андрушовки Равицкій.

123) Телеграмма изъ Бердичева.

Имѣю счастье, принимаю смѣлость поздравить Ваше Преосвященство съ юбилеемъ пятидесятилѣтняго славнаго многоплоднаго служенія въ священномъ санѣ. Молю Бога, да продлитъ Вашу жизнь на пользу церкви и честь православногаго російскаго духовенства.

Протоіерей Іоаннъ Андріевскій.

124) Телеграмма изъ Червоннаго.

Наше семейство и прихожане Червонскаго прихода, въ которомъ Ваше Преосвященство начали свое служеніе церкви, поздравляютъ Ваше Преосвященство съ знаменательнымъ днемъ Вашего служенія, молятся о Вашемъ здравіи, просятъ Вашихъ святительскихъ молитвъ и благословенія.

Священникъ Андріевскій.

125) Телеграмма изъ Острополя.

Ваше Преосвященство,

Милостивѣйшій Архипастырь и Отецъ!

Между множествомъ поздравленій съ днемъ пятидесятилѣтія Вашего служенія примите, Преосвященнѣйшій Юбиларъ, и отъ меня съ семействомъ скромное, но чистосердечное поздравленіе. Молимъ Всевышняго, да продлитъ дни Преосвященнѣйшаго Юбилара на многая лѣта.

Священникъ Тараховскій.

126) Телеграмма изъ Фастова.

Пожелавъ многолѣтняго здравія, поздравляю Ваше Преосвященство съ пятидесятилѣтіемъ въ священномъ санѣ.

Священникъ Елеазаръ Лузіановъ

127) Телеграмма изъ Симферополя.

Осмѣливаюсь принести Вашему Преосвященству свое низжайшее сердечное поздравленіе съ исполнившимся пятидесятилѣтіемъ служенія церкви и духовному просвѣщенію юношества.

Вывшій воспитаникъ Матушевскій.

128) Привѣтствіе изъ села Каленичей.

Ваше Преосвященство,

Милостивый Архипастырь и Отецъ!

Поздравляемъ Васъ съ настоящимъ днемъ пятидесятилѣтняго юбилея Вашего служенія на пользу матери-церкви и богословской науки. Искренно желаемъ Вамъ здоровья. Помолитесь о насъ.

Священникъ Сергій Летоцкій и секретъ Ковальскіе.

129) Привѣтствіе изъ Чернигова.

Ваше Преосвященство,

Дорогой и добрый мой наставникъ!

Храня въ душѣ моей добрую и благодарную память о Васѣ, Преосвященный, какъ о моемъ наставникѣ, я ставлю себѣ въ сыновній долгъ привѣтствовать Васъ съ днемъ радостнаго для Васъ торжества пятидесятилѣтняго служенія

Вашего царству преблагословеннаго Бога и обществу сыновъ Божіихъ, искупленныхъ драгоцѣнною кровію Сына Божія.

Молю Бога, чтобы Онъ благоволилъ послать силу Свою на дѣло возрастанія и плодумноженія тѣхъ сѣмянъ истины, правды, добра и любви, которыя Вы сѣяли на нивѣ Божіей, въ умахъ и сердцахъ Вашихъ питомцевъ и читателей Вашихъ печатныхъ трудовъ.

Думаю, что, обозрѣвая мысленно Вашу протекшую жизнь, Вы можете съ псалмопѣвцемъ молитвенно воззвать къ Богу: *„Свѣтъ Твой и истина Твоя та мя настависта и ведоста мя въ гору святую Твою, въ Сіонъ небесный“!*

Молю Бога и о томъ, чтобы Онъ, Всещедрый, когда наступитъ часъ отшествія Вашего отъ этого видимаго міра, принявъ Васъ въ живое общеніе съ Своею блаженною жизнью.

Прошу Ваше Преосвященство, молитесь обо мнѣ и благословите меня.

Преданный сынъ—питомецъ Вашего Преосвященства Андрей Вишневскій.

130) Привѣтствіе изъ Бѣлгорая.

Преосвященнѣйшій Владыко!

Узнавъ о празднуемомъ Вами и всѣми почитателями Вашими 50-лѣтнемъ юбилеѣ служенія Вашего святой православной церкви и государству, осмѣливаюсь и я, смиренный служитель алтара, выразить Вамъ, Владыко святыи, мои сердечныя пожеланія здравія и благоденствія еще на многія лѣта, на радость всѣхъ еще оставшихся въ живыхъ академическихъ товарищахъ Вашихъ.

Вашего Преосвященства покорнѣйшій слуга и товарищъ священникъ Антоій Земевичъ, настоятель бѣлгорайскаго прихода.

131) Привѣтствіе изъ м. Единецъ.

Первому викарію кievской митрополіи, первому русскому богослову-догматисту и безпримѣрному въ исторіи Кievской Академіи просвѣщенному ея служителю,—исторіа Академіи не zapomнить въ числѣ ректоровъ подобнаго Преосвященному Сильвестру; всѣ предшественники Его Преосвящен-

ства по ректурѣ только немногіе годы жизни отдали воспитавшей ихъ Академіи,—Преосвященному Сильвестру въ знаменательный день его жизни,—въ день исполнившагося полу-вѣка достославнаго служенія святой церкви, наукъ и высшей богословской школѣ, благодарный и признательный ея питомецъ отъ всей души приносить ему искреннее привѣтствіе съ горячей мольбой ко Господу—Подателю жизни и „Братской“ Божіей матери, особенно чтимой Его Преосвященствомъ, да умножить Онъ дни его жизни еще на многая-многая лѣта и да сохранить Она подъ покровомъ Своего честнаго омофора отъ всякаго зла на радость его присныхъ—родныхъ, почитателей—питомцевъ, на украшеніе русской церкви и на пользу богословской науки.

Признательный питомецъ преподаватель единецкаго духовнаго училища

Минь Полихронъ.

132) Привѣтствіе изъ с. Рогозной, волинской епархіи.

Ваше Преосвященство,

Милостивѣйшій Архипастырѣ и Отецъ!

Въ многознаменательный день Вашего славнаго пятидесятилѣтняго служенія Святой православной церкви и отечеству въ теченіе царствованія Благочестивѣйшихъ Государей Николая I-го, Александра II-го, Александра III-го и нынѣ благополучно царствующаго императора Николая II-го и въ особенности Вашего высокоцѣннаго служенія свѣточу нашему, родной Кіевской Академіи, а съ нею и всему православному духовенству, не только отечественному, но и родныхъ намъ славянскихъ народовъ, вспомянулъ я и то радостное, золотое время, когда я, будучи неустановившимся, мягущимся юношей, только что переступившій семинарскій порогъ, находился подъ Вашимъ заботливымъ руководствомъ, когда Вы въ должности старшаго квартіры вразумляли, наставляли и руководили мною. Отъ глубины души, отъ искренняго сердца приношу Вамъ, Милостивѣйшій нашъ Архипастырѣ и

Отецъ, мою всенижайшую благодарность за Ваше руководство и утверждение меня неопытнаго на правой стези, кою я прошелъ и семинарскую жизнь и теперешнюю 46-лѣтнюю жизнь въ священствѣ и непрестанно молю Пастыреначальника Господа Иисуса Христа, да укрѣпитъ старческія Ваши силы, да продлитъ свѣтлую и многополезную Вашу жизнь на многая и многая лѣта.

Вашего Преосвященства

Смиранный послушникъ, священникъ

Михаилъ Кошубскій.

133) Привѣтствіе изъ С.-Петербургa. (Переводъ съ греческаго) ¹⁾.

Ваше Преосвященство!

Сыновне привѣтствуя, какъ своего отца, глубокоуважаемый Преосвященнѣйшій Владыко, лобызаю Вашу священную десницу.

Уже цѣлое полустолѣтіе Вы безустанно трудитесь въ пользу воинствующей Христовой церкви и въ пользу священной богословской науки, болѣе, чѣмъ всякій другой мужъ во Всероссійской Церкви. Поэтому, Ваше Преосвященство, въ сей радостный день въ своей жизни по достоинству Вы принимаете изъ многихъ странъ поздравленія письмами и телеграммами, отъ весьма многихъ лицъ, которыя только узнали и оцѣнили добродѣтели Ваши и ученость, или какъ сослуживцы, въ томъ же самомъ духовномъ расадникѣ, или какъ слушатели богословскихъ Вашихъ лекцій. Ибо Ваше Преосвященство въ продолженіе своего пятидесятилѣтняго подвига излечили весьма многихъ людей, страдающихъ умственной слабостью, научая ихъ, просвѣщая учеными трудами и направляя умъ ихъ къ правильному разумѣнію догматовъ единой, святой, каѳолической и апостольской Церкви. Поэтому, всѣ сіи лица считаютъ сегодня своимъ священнымъ долгомъ и неотложною обязанностію поздравить Васъ по поводу пя-

¹⁾ Кромѣ приводимыхъ здѣсь привѣтствій, преосв. Сильвестромъ получено было еще много другихъ поздравленій послѣ 7 декабря 1898 года.

тюдесятилѣтняго Вашего юбилея. Но дабы Ваше Преосвященство не остались въ недоумѣніи и не удивлялись подобно Спасителю, по исцѣленіи Имъ десяти прокаженныхъ, говоря противоположно тому: гдѣ же иноплеменникъ сей? и почему онъ не возвратился, чтобы воздать долгъ благодарности исцѣлившему его? Потому-то я, инородный, но единовѣрный и благодарный духовный Вашъ сынъ, избѣгая неблагодарности, усердствую симъ смиреннымъ моимъ письмомъ изъ глубины сердца поздравить Васъ съ исполнившимся нынѣ юбилеемъ и этимъ воздать, хотя слабую, дань, постоянной благодарности Вамъ за отеческую любовь Вашу и благорасположеніе ко мнѣ, воспитаннику Киевской духовной Академіи. Молю Всевышняго Бога, да сохранитъ Онъ Ваше Преосвященство въ крѣпкомъ и безболѣзненномъ здравіи въ продолженіе еще многихъ лѣтъ для пользы святой Православной Христовой Церкви.

Испрашивая отеческихъ и богоугодныхъ Вашихъ молитвъ, остаюсь Вашего Глубокоуважаемаго Преосвященства покорнѣйшимъ духовнымъ сыномъ

Иеродіакоуъ Теофілѣ Пасхалидѣ, помощникъ инспектора Петербургской духовной семинаріи.

Кромѣ напечатанныхъ здѣсь привѣтствій, преосвящ. Сильвестромъ было получено еще много другихъ поздравленій, по поводу юбилея, послѣ 7 декабря 1898 года.

б) Экстраординарнаго профессора, протоіерея Іоанна Королькова:

„Въ предисловія настоящаго сочиненія авторъ такъ опредѣляетъ задачу и методъ своего изслѣдованія. „Задача предлагаемаго труда—представить историко-эзегетическое изслѣдованіе о второмъ и третьемъ посланіяхъ апостола Іоанна. Соотвѣтственно этой цѣли, сочиненіе представляетъ двѣ части: 1) историческое введеніе ко 2-му и 3-му посланіямъ Іоанна и 2) толкованіе посланій. Въ первой части дается рѣшеніе вопросовъ о подлинности посланій, первоначальномъ назначеніи ихъ и, на основаніи содержанія посланій, опредѣляются обстоятельства ихъ написанія. Во второй части, послѣ раздѣленія посланій, дается подробное объясненіе обоихъ посланій и въ заключеніи указывается значеніе посланій. Методъ нашего изслѣдованія (говоритъ авторъ)—вообще историко-критическій. Въ частности, въ виду того, что въ западной раціоналистически-критической литературѣ достовѣрность церковнаго преданія о подлинности и каноническомъ достоинствѣ писаній (посланій?) апостола Іоанна оспаривается и даже прямо отрицается, мы при рѣшеніи вопроса о подлинности разсматриваемыхъ посланій исходную точку полагаемъ во внутреннихъ признакахъ подлинности, заключающихся въ самихъ посланіяхъ... Установленное на основаніи внутреннихъ признаковъ рѣшеніе вопроса о подлинности данныхъ посланій подтверждается и доказывается у насъ внѣшними свидѣтельствами церковнаго преданія съ древнѣйшихъ временъ, расположенными въ хронологическомъ порядкѣ. Наконецъ, представляется судьба вопроса о подлинности данныхъ посланій въ новое время, причемъ критически разсматриваются 1) теорія о происхожденіи посланій отъ „пресвитера Іоанна“ и 2) взглядъ представителей тюрингенской школы на происхожденіе посланій; опроверженіе этихъ теорій служитъ отрицательнымъ аргументомъ въ пользу подлинности 2 и 3 посланій ап. Іоанна. Во второй части, при толкованіи посланій, авторъ обращаетъ вни-

жаніе на зб'їзную или лексическую сторону текста и, въ случаѣ разночтеній, устанавливаетъ возможно правильное чтеніе на основаніи древнѣйшихъ и авторитетныхъ кодексовъ,— и на внутреннюю или логическую сторону: установленіе связи объясняемаго мѣста съ предыдущимъ в уясненіе правильного смысла, съ критическимъ разборомъ иныхъ мѣстъ относительно пониманія даннаго мѣста“ (стр. III—VI).

Согласно выраженному намѣренію, авторъ и раздѣляетъ свое изслѣдованіе на двѣ части, изъ коихъ первая состоитъ изъ трехъ главъ и приложенія, а вторая изъ двухъ главъ и приложенія (вѣрнѣе заключенія). Въ 1-й части, 1-й главѣ авторъ опредѣляетъ подлинность 2 и 3 посланій апостола Іоанна, излагая внутренніе признаки подлинности этихъ посланій, историческія свидѣтельства церковнаго преданія относительно подлинности посланій и судьбу вопроса о подлинности посланій въ новое время, причемъ критически разбираетъ съ одной стороны мнѣніе о происхожденіи 2 и 3 посланій ап. Іоанна будто-бы отъ сомненнаго ему нѣкоего „пресвитера Іоанна“, а съ другой—возврѣнія представителей тюбингенской школы относительно 2 и 3 посланій ап. Іоанна.

Общій выводъ, къ которому авторъ приходитъ въ этой, весьма важной главѣ, таковъ: „результатомъ всего нашего изслѣдованія по вопросу о подлинности второго и третьего посланій апостола Іоанна является несомнѣнная увѣренность въ дѣйствительномъ происхожденіи этихъ посланій отъ ап. Іоанна. Это убѣжденіе, будучи установлено первоначально на внутреннихъ основаніяхъ, заключающихся въ стилѣ самихъ посланій, въ ихъ весьма значительномъ сходствѣ какъ между собою, такъ и съ Евангеліемъ и первымъ посланіемъ Іоанна, которыя въ древней церкви признавались несомнѣнно подлинными писаніями ап. Іоанна,—затѣмъ прочно обосновывается на историческихъ свидѣтельствахъ всей древней христіанской церкви, преимущественно въ первые четыре вѣка, какъ ближайшіе по времени къ источнику преданія христіанской церкви. Но, кромѣ этихъ положительныхъ данныхъ въ пользу

подлинности наших (?) посланий, убеждение въ подлинности ихъ уясняется и подкрѣпляется также и путемъ отрицательнымъ чрезъ разборъ возраженій отрицательной критики противъ происхожденія этихъ посланій отъ ап. Іоанна и опроверженіе теорій, приписывающихъ оба посланія другимъ современнымъ ли апостолу Іоанну, или позднѣйшимъ по времени авторамъ. Такимъ образомъ, заключаетъ авторъ, истинность церковнаго преданія объ авторѣ разсматриваемыхъ посланій, принятыхъ церковью въ составъ новозавѣтнаго канона священныхъ книгъ, покоится на весьма твердыхъ основаніяхъ“ (стр. 104—105).

Во второй главѣ авторъ говоритъ о первоначальномъ назначеніи 2 и 3 посланій св. апостола Іоанна, причѣмъ подробно разбираетъ мнѣнія о лицахъ, къ которымъ написаны эти посланія.

Въ третьей главѣ излагаются содержаніе и обстоятельства написанія 2 и 3 посланій апостола Іоанна.

Къ 1-й части своего изслѣдованія авторъ присоединяетъ особое приложеніе, въ которомъ трактуетъ о жизни и дѣятельности ап. Іоанна въ Ефесѣ, по свидѣтельству древняго церковнаго преданія и по суду научной критики новаго времени, а также о „пресвитерѣ Іоаннѣ“ и его отношеніи къ ап. Іоанну. Относительно „пресвитера Іоанна“, которому нѣкоторые ученые (Гильгенфельдъ, Штайцъ, Гольцманъ, Липсіусъ) приписываютъ написаніе 2 и 3 посланій ап. Іоанна, авторъ приходитъ къ такому выводу, что, „упоминаемый Напіемъ „пресвитеръ Іоаннъ“ есть не кто иной, какъ тотъ-же апостоль Іоаннъ Богословъ. Какого-либо другого Іоанна „пресвитера“, отличнаго отъ апостола Іоанна, въ Ефесѣ никогда и не существовало. Отсюда слѣдуетъ, что попытка отрицательной критики—на основаніи гипотезы о „пресвитерѣ Іоаннѣ“ доказать, что апостоль Іоаннъ никогда не жилъ въ Ефесѣ, теряетъ силу и своею несостоятельностью только подтверждаетъ древнее единогласное церковное преданіе о пребываніи ап. Іоанна въ Ефесѣ и его дѣятельности по управленію и устрое-

нію малоазійських церковей въ концѣ I и въ началѣ II вѣка“ (206—207 стр.).

Вторая часть сочиненія о. Божика состоитъ изъ двухъ главъ: въ первой содержится объясненіе текста 2-го посланія Іоанна, а во 2-й—изъясненіе текста 3-го посланія Іоанна. Авторъ стихъ за стихомъ, слово за словомъ представляетъ подробный и обстоятельный комментарий 2 и 3 посланій апостола Іоанна, основанный на внимательномъ и тщательномъ изученіи имъ древнихъ рукописныхъ кодексовъ, печатныхъ изданій текста апостольскихъ посланій и лучшихъ толкователей западно-европейскихъ и восточныхъ. Въ заключеніе авторъ показываетъ значеніе 2 и 3 посланій апостола Іоанна.

Настоящее сочиненіе представляемо было авторомъ въ 1894 году для полученія кандидатской степени и удостоилось похвальныхъ отзывовъ отъ специалистовъ, читавшихъ это изслѣдованіе (С. М. Сольскаго и Д. И. Богдашевскаго; см. Извлечение изъ протоколовъ Совѣта Кіевской дух. Академіи за 189³/₄ учебный годъ, стр. 187—190). Дополнивши и исправивши свой трудъ, авторъ нынѣ представляетъ его для полученія магистерской степени. Дополненіе представляетъ приложение къ первой части сочиненія, гдѣ авторъ подробно рассматриваетъ свидѣтельства древнихъ церковныхъ писателей, оспариваемыя новѣйшими учеными, о пребываніи апостола Іоанна въ Ефесѣ, а также о „пресвитерѣ Іоаннѣ“, которому нѣкоторые комментаторы приписываютъ составленіе 2 и 3 посланій апостола Іоанна. Немало дополненій сравнительно съ прежнимъ трудомъ разбѣяно въ разныхъ мѣстахъ настоящаго сочиненія (напр., на стр. 14—18, 26, 38—39, 52—57, 58—66, 77—78, 80—90, 249—250, 251, 255, 264—265, 266, 271, 274 и др.). Авторъ съ особымъ вниманіемъ отнесся къ замѣчаніямъ, сдѣланнымъ гг. рецензентами въ его кандидатской диссертациі; почти всѣ указанные недосмотры и ошибки онъ

тщательно исправилъ или вовсе опустилъ. Такъ что настоящій его трудъ можно считать во многихъ мѣстахъ исправленнымъ и усовершенствованнымъ.

Трудъ автора серьезный и добросовѣстный. Каждое слово, каждое изреченіе 2 и 3 посланій ап. Іоанна онъ со всѣхъ сторонъ обслѣдовалъ и обсудилъ. Можно даже поговѣвать, что авторъ нерѣдко вдается въ излишнія подробности и приводитъ въ доказательство извѣстнаго толкованія цѣлый рядъ западныхъ ученыхъ и притомъ въ такихъ мѣстахъ, которыя представляются сами по себѣ ясными и не нуждающимися въ особыхъ авторитетныхъ подтвержденіяхъ. Благодаря указанному методу изслѣдованія, настоящее сочиненіе, разъясняющее всего двѣ главы посланій ап. Іоанна (или 28 стиховъ), разрослось у автора до 480 страницъ. Языкъ сочиненія строго ученый, почти вездѣ ясный, неиспещренный иностранными словами и выраженіями. Поэтому авторъ настоящаго труда можетъ быть, по моему мнѣнію, удостоенъ степени магистра богословія“.

Справка: Священникъ А. Божикъ окончилъ полный курсъ наукъ Кіевской духовной Академіи въ іюнѣ 1894 года со степенью кандидата богословія и съ правомъ на полученіе степени магистра безъ новыхъ устныхъ испытаній, чрезъ представленіе удовлетворительной для сего печатной диссертациі и публичное защищеніе ея.

Постановили: Рукописное сочиненіе кандидата богословія, священника Андрея Божика подъ заглавіемъ: „Второе и третье посланіе св. апостола Іоанна“, согласно съ представленными о немъ отзывами, признать удовлетворительнымъ для степени магистра богословія и, на основаніи указа Св. Синода отъ 27 іюля 1884 года за № 2482, напечатать его на счетъ особо ассигнуемой 17 ст. штата дух. акад. суммы, а по напечатаніи означеннаго сочиненія и заслушаніи въ Совѣтѣ одобрительныхъ со стороны членовъ Совѣта отзывовъ,

допустить автора его къ защитѣ своего сочиненія на колоквіумѣ, послѣ чего имѣть окончательное сужденіе объ удостоеніи его магистерской степени, на основаніи 136 § Уст. дух. акад.

V. Заявленіе профессорскаго стипендіата Академіи Григорія Ярошевскаго на имя Ректора Академіи отъ 29 минувшаго мая: „Честь имѣю представить Вашему Высокопреподобию отчетъ о своихъ занятіяхъ по психологіи въ 1897/8 учеб. году“.

Постановили: Отчетъ профессорскаго стипендіата Григорія Ярошевскаго передать на разсмотрѣніе экстраординарному профессору М. Олесницкому.

VI. Прошеніе студента I курса Академіи Сергѣя Баженова на имя Ректора Академіи отъ 21 апрѣля сего года: „Будучи знакомъ нѣсколько съ нѣмецкимъ языкомъ въ семинаріи, я и въ Академіи продолжалъ свои домашнія занятія имъ, хотя оффиціально и не числился слушателемъ лекцій, читаемыхъ лекторомъ по этому предмету въ Академіи. Въ виду этого покорнѣйше прошу Васъ, Ваше Высокопреподобіе, разрѣшить мнѣ держать экзаменъ по нѣмецкому языку теперь, и въ будущемъ учебномъ году допустить меня къ слушанію дальнѣйшаго курса лекцій оффиціально“.

Справка: Сергѣй Баженовъ допущенъ былъ къ сдачѣ экзамена по нѣмецкому языку въ маѣ мѣсяцѣ сего года вмѣстѣ съ другими студентами I курса.

Постановили: Допустить студента Сергѣя Баженова къ слушанію на II курсѣ лекцій по нѣмецкому языку, о чемъ сдѣлать соответствующую отмѣтку въ студенческихъ спискахъ.

VII. Прошеніе учителя Владимірскаго епархіальнаго женскаго училища, дѣйствительнаго студента Академіи Василія Георгіевскаго на имя Ректора Академіи отъ 30 апрѣ-

ля сего года: „Выслушавъ трехлѣтній курсъ общеобязательныхъ и специальныхъ наукъ по церковно-историческому отдѣленію, сдать экзаменъ и представить курсовое сочиненіе, я въ іюнѣ 1884 года переведенъ былъ на IV курсъ, но по домашнимъ обстоятельствамъ долженъ былъ уволиться тогда же изъ Академіи и уволенъ въ іюнѣ 1884 г. по прошенію. Затѣмъ 2 сентября 1887 года сдалъ экзаменъ по наукамъ, которыя увагомъ Св. Синода отъ 29 апрѣля 1884 г., № 4, назначены для студентовъ IV курса 188¹/₂ учебнаго года, и удостоенъ былъ Совѣтомъ Кіевской духовной Академіи званія дѣйствительнаго студента Академіи. Нынѣ желая получить степень кандидата богословія, покорнѣйше прошу Ваше Высочайшее допустить меня къ соисканію вышеозначенной степени“.

Отписка: 1) Василій Георгіевскій принятъ былъ, по сдачѣ повѣрочныхъ испытаній, 31 августа 1881 года въ число студентовъ Кіевской духовной Академіи по церковно-историческому отдѣленію; на III курсъ (въ 188³/₄ учебномъ году) представилъ курсовое сочиненіе на тему: „Антицерковныя секты въ Византіи и на Руси и ихъ взглядъ на іерархію“, признанное Совѣтомъ Академіи 12 іюня 1884 года неудовлетворительнымъ для степени кандидата,—и того же 12 іюня 1884 года, согласно поданному имъ въ Совѣтъ Академіи прошенію, уволенъ былъ изъ III курса Академіи по домашнимъ обстоятельствамъ. 20 мая 1887 года Георгіевскій вошелъ въ Совѣтъ съ прошеніемъ о допущеніи его къ дополнительнымъ испытаніямъ для полученія аттестата объ образованіи въ Академіи. Совѣтъ Академіи, принявъ во вниманіе, а) что В. Георгіевскій, въ силу прежняго Устава дух. акад. 1869 г. (§ 136) и положенія объ испытаніяхъ на ученыя степени (§§ 13 и 14), какъ окончившій съ полнымъ успѣхомъ трехлѣтній курсъ по церковно-историческому отдѣленію, но представившій сочиненіе на ученую степень недо-

статочное, могъ быть удостоенъ званія дѣйствительнаго студента, къ чему и со стороны поведенія его препятствій не было,—и не былъ удостоенъ потому, что съ одной стороны послѣдовавшимъ 29 апрѣля 1884 г. за № 4 указомъ Св. Синода предписано съ того-же года прекратить выпускъ изъ Академіи воспитанниковъ по окончаніи III курса съ званіемъ дѣйствительнаго студента, удостовѣ перевода въ IV курсъ и такихъ студентовъ, кои не могли-бы быть удостоены сего по 136 § Уст. дух. акад. 1869 г., а съ другой стороны—самъ Георгіевскій подалъ прошеніе объ увольненіи изъ Академіи, почему согласно прошенію 12 іюня 1884 года и былъ уволенъ, и б) по бывшимъ уже ранѣе примѣрамъ,—постановилъ допустить Георгіевскаго къ дополнительному экзамену по предметамъ, назначеннымъ по указу Св. Синода отъ 29 апрѣля 1884 г. за № 4 для IV курса Академіи на 188⁴/₅ учеб. годъ. 2 сентября 1887 года Георгіевскій подвергался дополнительному испытанію, на которомъ получилъ по церковному праву, гомилетикѣ, церковной археологіи и литургикѣ удовлетворительные (3), а по патристикѣ, догматическому, нравственному и пастырскому богословію неудовлетворительные (2) баллы,—и на основаніи § 81. б. 10 и § 140 Уст. дух. акад. 1884 г. удостоенъ былъ званія дѣйствительнаго студента.

2) По 135 § Уст. дух. акад., степени кандидата и званія дѣйствительнаго студента—студенты Академіи удостоиваются при окончаніи *полнаго* академическаго курса. По объяснительной же запискѣ къ Уставу дух. акад. 1884 г. (стр. 33), постороннія лица вовсе не должны быть допускаемы въ Академіи къ испытанію на степень кандидата и магистра.

3) Въ 1890 году уволенный со II курса Академіи священникъ Арсеній Дашіевъ входилъ въ Совѣтъ Академіи съ прошеніемъ о допущеніи его къ дополнительному испытанію для полученія званія дѣйствительнаго студента, каковое прошеніе, какъ неотвѣчающее 135 и 138 §§ Уст. дух. акад. и

положеніямъ объ учебныхъ занятіяхъ студентовъ; выраженнымъ въ объяснительной запискѣ къ Уставу 1884 г. (стр. 33), Совѣтомъ Академіи не было удовлетворено. Дѣло это, какъ видно изъ вторичнаго прошенія Дашкѣева отъ 25 августа 1893 года, восходило въ 1891 году на благоусмотрѣніе Г. Оберъ-Прокурора Св. Синода, но въ томъ-же году Дашкѣевъ получалъ отвѣтъ, что его прошеніе, какъ несоотвѣтствующее §§ 135 и 138. Уст. дух. акад., не можетъ быть удовлетворено. И только указомъ Св. Синода отъ 20 октября 1893 г. за № 4923, въ виду вновь возбужденнаго Дашкѣевымъ ходатайства, разрѣшено было ему, для полученія правъ окончившаго курсъ академическаго образованія, поступить на III курсъ Академіи въ качествѣ сторонняго слушателя, съ правомъ наравнѣ со студентами представлять сочиненія, подвергаться репетиціямъ и экзаменамъ и при окончаніи курса получить соотвѣтствующую его успѣхамъ и поведенію степень или званіе.

4) Равнымъ образомъ, указомъ Св. Синода отъ 7 января текущаго года за № 70 предоставлено допущенному къ слушанію лекцій въ Кіевской духовной Академіи священнику Евгенію Запольскому просить, по выслушаніи имъ *четырёхлѣтняго* курса ученія въ Академіи, о предоставленіи ему права держать экзамены по всѣмъ предметамъ академическаго ученія и подать сочиненіе для полученія степени кандидата богословія или званія дѣйствительнаго студента Академіи.

Постановили: Не находя основаній къ допущенію дѣйствительнаго студента Академіи Василя Георгіевскаго, какъ неокончившаго полнаго четырёхлѣтняго курса Академіи, къ соисканію степени кандидата богословія, отказать ему въ удовлетвореніи прошенія его, о чемъ и увѣдомить его чрезъ Совѣтъ Владимірскаго епархіальнаго женскаго училища.

VIII. а) Заявленіе преосвященнаго Николая, епископа Ревельскаго, начальника Россійской духовной миссіи въ Япо-

нів, на имя бывшаго Ректора Академіи, преосвященнаго Сильвестра, отъ 16 сентабря 1896 года за № 37: „Я вѣль смѣлость препроводить въ бібліотеку Кіевской духовной Академіи книги, изданныя Русскою духовною миссією въ Японіи, поименованныя въ прилагаемомъ здѣсь каталогѣ. Для миссіи будетъ высокою честью, если ея изданія удостоится помѣщенія въ академическомъ книгохранилищѣ. И потому усерднѣйше прошу Ваше Преосвященство не отвергнуть этотъ посильный даръ ея, а принять его, какъ каплю въ море умственныхъ сокровищъ Академіи. Ящакъ съ книгами отправленъ изъ Іокохамы на французскомъ почтовомъ пароходѣ, отбывшемъ 8 сентабря, порученный попеченію отправлявшагося на томъ-же пароходѣ одного изъ членовъ посольства, который, по прибытіи въ Одессу, озаботится отправкою ящика по желѣзной дорогѣ въ Кіевъ. Беру смѣлость также выразить слѣдующее. Миссія здѣсь уже имѣетъ бібліотеку и даже, на специально для того пожертвованную сумму, построила несгораемое зданіе для нея; но, по юности самой миссіи, бібліотека ея и не можетъ не быть весьма скудною. Итакъ, если въ академической бібліотекѣ найдутся вторые и третьи экземпляры книгъ;—на разныхъ явкахъ, классическихъ и новыхъ, и по разнымъ отраслямъ знаній,—излишніе для нея, то не соблаговолите ли, Ваше Преосвященство, пожертвовать по экземпляру смѣхъ книгъ въ миссію? Убѣдительноѣйше прошу, если найдете возможнымъ, исполнить эту усерднѣйшую просьбу миссіи и съ нею всей японской православной церкви. Переправка книгъ сюда не составила-бы особеннаго затрудненія; книги, по упаковкѣ въ прочные ящики, съ адресомъ: „Japan, Tokio, Surugadai, Russian Ecclesiastical Mission, Books“, слѣдовало-бы лишь направить въ Одессу, для пересылки въ Японію, и затѣмъ увѣдомить о сдѣланныхъ, на упаковку и пересылку, расходахъ сотрудника миссіи въ С.-Петербургѣ, протоіерея Михайловскаго Инженернаго замка Θεодора Никол. Вистрова, котораго, на слу-

чай сего, я нынѣ же прошу, по первому извѣщенію, возмѣстить съ благодарностію сіи расходы*.

б) Отношеніе Департамента Министерства Народнаго Просвѣщенія отъ 19 минувшаго мая за № 12157: „Департаментъ Народнаго Просвѣщенія имѣетъ честь препроводить при семъ, для храненія въ бібліотекѣ Кіевской духовной Академіи, экземпляръ факсимиле стариннаго Евангелія князя Мирослава, принесенный въ даръ для означенной цѣли Его Величествомъ, Сербскимъ Королемъ Александромъ“.

в) Докладъ секретаря Совѣта: „Имѣю честь доложить Совѣту Академіи, что для академической бібліотеки присланы въ даръ Совѣтомъ Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества „Сообщенія Общества“ за февраль 1898 г. и Совѣтомъ Императорскаго Томскаго Университета „Извѣстія Университета“, книга 13“.

Постановили: Присланныя книги сдать въ академическую бібліотеку и о полученіи ихъ увѣдомить жертвователей съ выраженіемъ благодарности. Вмѣстѣ съ тѣмъ предложить наставникамъ Академіи и редакціи „Трудовъ К. д. Академіи“, еслибы они нашли возможнымъ, пожертвовать для Россійской духовной миссіи въ Японіи какія-либо изданія.

На семъ журналѣ Его Преосвященствомъ, Преосвященнѣйшимъ Сильвестромъ, Епископомъ Каневскимъ, положена резолюція: „22 Іюня 1898 г. Смотрѣно“.

1898 года 9 іюня.

Въ собраніи Совѣта Кіевской духовной Академіи, подъ предсѣдательствомъ Ректора ея, Архимандрита Дмитрія, присутствовали исправляющій должность инспектора, іеромонахъ Платонъ и всѣ ординарные и экстраординарные профессоры.

Слушали: Прошенія:

а) и. д. инспектора Московской духовной Академіи, кандидата богословія, іеромонаха Иннокентія (Пустынского) отъ 20 минувшаго мая: „Во исполненіе указа Св. Синода отъ 5 іюня 1895 г. за № 2567, сямъ честь имѣю покорнѣйше просить Совѣтъ Киевской Академіи разрѣшить мнѣ переработку моего курсоваго сочиненія (за 1892—1893 уч. г.) подъ заглавіемъ: „Критическій обзоръ русской духовной литературы по предмету пастырскаго богословія за XIX вѣкъ“, для представленія его въ качествѣ диссертациі на соисканіе степени магистра богословія. При семъ долгомъ почитаю изяснить, что вышеозначенную тему я желалъ-бы формулировать такъ: „Пастырское богословіе въ Россіи за XIX вѣкъ“.

б) кандидата богословія, священника Николая Шпачинскаго на имя Ректора Академіи отъ 9 сего іюня: „Честь имѣю покорнѣйше просить Ваше Высокопреподобіе исходатайствовать мнѣ предъ Совѣтомъ Академіи разрѣшеніе на разработку въ видахъ соисканія степени магистра богословія слѣдующей темы: „Киевскій митрополитъ Арсеній Могилянскій и состояніе Киевской митрополіи въ его правленіе (1757—1770 г.)“.

Справка: 1) Указомъ Св. Синода отъ 5 іюня 1895 г. за № 2567 предписано, чтобы академическіе Совѣты дозволяли удостоеннымъ степени кандидата передѣлывать ихъ кандидатскія сочиненія въ магистерскія диссертациі съ большою осторожностью и не иначе, какъ съ особаго разрѣшенія епархіальнаго архіерея.

2) При обсужденіи прошеній іеромонаха Иннокентія и священника Шпачинскаго, тема перваго большинствомъ, а тема втораго всѣми членами Совѣта признаны пригодными для магистерскихъ диссертациій.

Постановили: Просить Его Высокопреосвященство, Митрополита Киевскаго Іоаннія, о разрѣшеніи кандидатамъ іе-

ромонаху Иннокентію и священнику Николаю Шпачинскому переработки ихъ кандидатскихъ курсовыхъ сочиненій въ магистерскія диссертациі примѣнительно къ указаннымъ въ ихъ прошеніяхъ темамъ.

На семъ журналѣ Его Высокопреосвященствомъ, Высокопреосвященнѣйшимъ Митрополитомъ Кіевскимъ Іоанникіемъ, положена резолюція: „1898 г. Іюн. 23. Утверждается“.

1898 года 9 іюня.

Въ собраніи Совѣта Кіевской духовной Академіи, подъ предсѣдательствомъ Ректора ея, Архимандрита Димитрія, присутствовали исправляющій должность инспектора, іеромонахъ Платонъ и всѣ ординарные и экстраординарные профессора.

Слушали: I. Составленные секретаремъ Совѣта, по порученію Совѣта Академіи отъ 4 минуваго мая,

а) проеѣтъ положенія о стипендіи имени преосвященнаго Сильвестра, епископа Каневского, при Кіевской духовной Академіи:

§ 1.

На проценты съ пожертвованнаго преосвященнымъ Сильвестромъ, епископомъ Каневскимъ, капитала въ государственнхъ процентныхъ бумагахъ на сумму *пять тысячъ девяти пятьдесятъ* (5250) рублей учреждается при Кіевской духовной Академіи стипендія имени епископа Сильвестра.

§ 2.

Капиталъ этотъ составляетъ неотъемлемую собственность Академіи и хранится непривосновеннымъ въ числѣ спеціальныхъ суммъ ея.

§ 3.

Ежегодная стипендія полагается въ 210 руб., соотвѣтственно существующему обладу содержанія казеннокоштныхъ студентовъ, и обязываетъ стипендіата служить въ духовно-учебномъ вѣдомствѣ по 160 и 161 §§ Уст. дух. акад.

§ 4.

Право выбора и принятія студента на стипендію принадлежит Правленію Академіи, съ утвержденія епархіальнаго преосвященнаго.

§ 5.

Пользованіе стипендіей за время академическаго курса опредѣляется общими правилами, существующими относительно казенныхъ стипендій.

§ 6.

Ежегодные остатки отъ стипендіи, если они будутъ, причисляются къ основному капиталу для увеличенія размѣра стипендіи на случай увеличенія оклада содержанія казеннокоштныхъ студентовъ. Равнымъ образомъ, въ случаѣ сокращенія процентовъ по капиталу до количества меньшаго противъ размѣра казенной стипендіи, Правленіе Академіи приостанавливаетъ на время выдачу стипендіи до надлежащаго увеличенія основнаго капитала присоединеніемъ къ нему процентовъ. Последнее правило остается въ силѣ и въ настоящее время въ виду количества причитающихся процентовъ, недоходящаго до размѣра казенной стипендіи.

б) проектъ положенія о преміи имени преосвященнаго Сильвестра, епископа Каневскаго, при Кіевской духовной Академіи:

§ 1.

На проценты съ пожертвованнаго преосвященнымъ Сильвестромъ, епископомъ Каневскимъ, капитала въ государственныхъ процентныхъ бумагахъ на сумму *три тысячи* (3000) рублей учреждается при Кіевской духовной Академіи премія имени епископа Сильвестра.

§ 2.

Капиталь этотъ составляетъ неотъемлемую собственность Академіи и хранится неприкосновеннымъ въ числѣ специальныхъ суммъ ея.

§ 3.

Согласно волѣ жертвователя, премія его имени выдается ежегодно за помѣщаемыя наставниками Кіевской духовной Академіи въ академическомъ журналѣ статьи.

Примѣчаніе. Статья, неоконченная печатаніемъ въ истекшемъ году, можетъ быть премируема, если напечатана большая часть ея, могущая притомъ служить твердымъ основаніемъ для сужденія о достоинствѣ статьи.

§ 4.

Размѣръ ежегодной преміи опредѣляется количествомъ ежегодно получаемыхъ съ капитала процентовъ. Остатокъ отъ процентовъ по капиталу, еслибы таковой оказался вслѣдствіе неприсужденія преміи въ какомъ-либо году, можетъ быть, по усмотрѣнію Совѣта, или обращаемъ на увеличеніе размѣра преміи, или присоединяемъ къ основному капиталу.

§ 5.

Наставники Академіи, получившіе за свои сочиненія какую-либо изъ другихъ учрежденныхъ при Кіевской Академіи и внѣ ея премій, не могутъ за эти же сочиненія получить преміи, опредѣляемой настоящимъ положеніемъ; не могутъ получить этой преміи и за другія свои сочиненія въ томъ-же году, въ которомъ получили какую-либо изъ учрежденныхъ при Академіи премій.

§ 6.

Выборъ изъ годовой учено-литературной наличности академическаго журнала статей, заслуживающихъ преміи, производится комиссіей изъ наставниковъ Академіи, назначаемую въ январскомъ собраніи Совѣта Кіевской Академіи.

§ 7.

Комиссія изготавляетъ письменное представленіе о выбранныхъ ею для присужденія преміи статьяхъ (помѣщенныхъ въ академическомъ журналѣ за истекшій годъ), съ краткимъ отчетливымъ указаніемъ ученыхъ достоинствъ ихъ, и

вносить такое представлєніе въ Совѣтъ Академіи къ 1-му марта.

§ 8.

Присужденіе преміи происходитъ въ собраніи Совѣта Академіи и рѣшается большинствомъ голосовъ.

§ 9.

Постановленіе Совѣта о присужденіи преміи представляется на утвержденіе Преосвященнаго Митрополита Кіевскаго.

Постановили: Провѣкъ положеній о стипендіи и преміи имени преосвященнаго Сильвестра, епископа Каневскаго, представить чрезъ Его Высокопреосвященство на утвержденіе Святѣйшаго Синода, вмѣстѣ съ ходатайствомъ объ учрежденіи стипендіи и преміи.

II. Докладъ секретаря Совѣта: „Имѣю честь доложить Совѣту Академіи, что экстраординарные профессеры протоіерей І. Корольковъ, опредѣленный на должность доцента Академіи по занимаемой имъ кафедрѣ 6 іюня 1873 года, и М. Ястребовъ, опредѣленный на штатную преподавательскую кафедру въ Академіи въ званіи приватъ-доцента 25 февраля 1873 года, выслужили 25 лѣтъ въ должности преподавателя Академіи и, на основаніи § 57 Уст. дух. акад., имѣютъ быть удостоены званія заслуженнаго экстраординарнаго профессора“.

Постановили: Ходатайствовать установленнымъ порядкомъ предъ Святѣйшимъ Синодомъ объ утвержденіи экстраординарныхъ профессоровъ протоіеря Іоанна Королькова и Митрофана Ястребова въ званіи заслуженнаго экстраординарнаго профессора.

На семь журналѣ Его Высокопреосвященствомъ, Митрополитомъ Кіевскимъ Іоанникіемъ, положена резолюція: „1898 г. Іюн. 23. Утверждается“.

С Л О В О,

говоренное въ церкви Кіево-Братскаго монастыря 31 декабря 1898 года въ день годичнаго поминовенія учившихъ и учившихся въ академіи.

Поминайте наставники ваша, иже глаголаша вамъ слово Божіе (Евр. XIII, 7).

Такъ говорилъ своимъ ученикамъ св. апостолъ Павелъ и не потому только, что въ благодарной памяти наставниковъ онъ видѣлъ долгъ учениковъ, но еще болѣе потому, что въ духовномъ общеніи съ своими вождями по вѣрѣ и жизни онъ усматривалъ великую пользу для самихъ учениковъ. Потому св. апостолъ и прибавилъ: *иже же взирающе на скончаніе жителства, подражайте оубо ихъ*. Итакъ вотъ въ чемъ состоитъ по апостолу польза благодарнаго памятованія своихъ наставниковъ: мы можемъ и должны подражать ихъ вѣрѣ и жителству. Смерть, братіе, всѣхъ и все примиряетъ; со смертію наставника должны исчезнуть горечи и недоразумѣнія, съ которыми порой связано духовное руководство, и въ памяти добраго и благоразумнаго ученика остаются только свѣтлыя стороны жизни и ученія почившаго руководителя. Памятуя это доброе, мы получаемъ мудрое и надежное руководство въ дальнѣйшей нашей жизни, твердый и постоянный примѣръ дѣятельности, воспитываемъ въ себѣ хорошія чувства и такимъ образомъ нравственно очищаемся и возвышаемся. Вотъ поэтому св. апостолъ и заповѣдуетъ

своимъ ученикамъ поминать своихъ наставниковъ какъ живыхъ, такъ особенно умершихъ. И мы, вѣрные издавнему обычаю нашей школы и покорные голосу нашей Матері-церкви, собрались сегодня въ величественный Братскій храмъ, чтобы вознести свои усердныя молитвы за почившихъ братьей нашихъ, честно и посильно потрудившихся на пользу отечественнаго просвѣщенія въ духѣ вѣры и благочестія,—помолиться о томъ, чтобы милосердый Господь упокоилъ ихъ души въ селеніяхъ праведниковъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ съ чувствомъ благодарныхъ учениковъ вспомнить то высокое и доброе, что они завѣщали потомству своимъ словомъ и жительствомъ.

Въ жизни отдѣльнаго человѣка каждый прожитый годъ неизбежно сопровождается печальною мыслію о приближеніи къ смерти; въ жизни школы каждый минувшій годъ есть новая страница въ книгѣ славнаго ея бытія. И наша Академія еще такъ недавно понесла тяжелую утрату въ кончинѣ дорогого Ивана Игнатьевича Малышевскаго, но славное имя его, какъ питомца и наставника Академіи, навсегда останется украшеніемъ и гордостью нашей школы. А это только одно изъ славныхъ именъ въ длинномъ спискѣ дѣятелей, о которыхъ помолиться мы собрались сегодня. Да, братіе, если бы какою нибудь чудесною силою возстали предъ нами основатели, начальники, наставники и питомцы нашей Академіи, то явился бы безчисленный сонмъ тружениковъ на поприщѣ отечественной науки и просвѣщенія,—сонмъ, который пора-вилъ бы самое смѣлое воображеніе, умилилъ бы самое черствое сердце, а насъ, скромныхъ продолжателей ихъ великаго дѣла, наполнилъ бы радостію и гордостію. Назовите въ нашемъ необъятномъ отечествѣ уголокъ, гдѣ бы не трудился одинъ или другой изъ питомцевъ нашей школы? Сколько изъ стѣнъ нашей Академіи вышло святителей и первосвященниковъ, сильныхъ словомъ ученія и мудрыхъ строителей церкви Божіей? Сколько воспиталось здѣсь священнослужителей,

памятныхъ своею пастырскою попечительностію о своихъ пасомыхъ? А кто исчислить тѣхъ скромныхъ тружениковъ, которые среди лишеній, иногда въ борьбѣ съ тѣлесными недугами, посвящали и посвящаютъ свой трудъ воспитанію и обученію юношества, начиная съ низшихъ школъ и кончая высшими учебными заведеніями? Незамѣтенъ бываетъ ихъ трудъ; не поражаетъ онъ сторонняго наблюдателя внѣшнимъ блескомъ и только въ чуткомъ сердцѣ добрыхъ учениковъ и сослуживцевъ находитъ благодарный откликъ; но признательная родина не можетъ не оцѣнить ихъ скромнаго труда; потому что они трудились на благо родины и во имя ея; ихъ одушевляла одна мысль, одно сильное чувство—по мѣрѣ силъ и разумѣнія содѣйствовать благосостоянію дорогого отечества, зажечь въ душѣ сыновъ ея, а своихъ братьевъ, свѣтъ вѣры и знанія. Скажите намъ, не бываемъ ли мы душевно благодарны тому, кто въ пору нашего алканія и жажды подаетъ намъ спасительный кусокъ хлѣба и чашу освѣжающей воды? Но есть голодь и жажда высшаго порядка, —голодь и жажда вѣры и знанія, и несчастенъ тотъ, кто ихъ не чувствуетъ, и сто кратъ блаженъ тотъ, кто можетъ вызвать ихъ въ насъ, а вызвавши удовлетворить. Да, мы твердо вѣримъ, что почившіе братья наши, потрудившіеся въ стѣнахъ нашей Академіи и внѣ ея, исполняли высочайшій долгъ служенія родинѣ, выполняли одну изъ святѣйшихъ обязанностей лучшихъ сыновъ ея. Нужно ли еще доказывать это?

Прочтите первыя страницы исторіи нашей школы и вы узнаете, что Академія наша возникла въ тяжелую пору политическаго существованія южной Россіи, когда русская народность и православіе подверглись здѣсь преслѣдованію со стороны папства. Опираясь на средства католическаго правительства Польши, папство хотѣло путемъ школы подавить православіе. Средство оказалось страшнымъ: русскіе питомцы католическихъ школъ отрекались разомъ и отъ вѣры отцовъ

и отъ своей народности. Стало очевиднымъ, что національная самобытность поддерживается не однимъ оружіемъ, но и высотой образованности, разумнымъ отношеніемъ къ особенностямъ своей вѣры и народности. Тогда лучшіе изъ южноруссовъ воспользовались дозволенною формою общественныхъ союзовъ, называемыхъ церковными братствами, чтобы общими силами открывать школы для образованія русскаго юношества и для противодѣйствія школамъ католическимъ. Такъ явилось Богоявленское братское училище, которому суждено было встать во главѣ южнорусской образованности XVII вѣка и на стражѣ русской народности и православной вѣры. Отсюда видно, что наша Академія возникла изъ ясно сознаваемыхъ культурныхъ потребностей народа, на средства народа и по почину людей, которымъ были близки интересы родного края. И наша школа вполне оправдала возлагавшіяся на нее надежды, выпуская изъ своихъ стѣнъ питомцевъ, сильныхъ любовію къ вѣрѣ отцевъ и родинѣ, способныхъ по обстоятельствамъ встать на защиту и правоты отеческой вѣры, и національной самобытности. Православные южноруссы въ свою очередь высоко цѣнили заслуги Академіи для края и потому продолжали поддерживать матеріальными средствами этотъ рассадникъ своего національно-культурнаго возрожденія.

Когда Провидѣнію угодно было соединить южную Русь съ Сѣвѣрною, когда въ этомъ союзѣ двухъ половинъ одного и того же народа возродилось и окрѣпло политическое цѣлое, способное противостоятъ дальнѣйшимъ покушеніямъ на самобытность русскаго народа, когда съ тѣмъ вмѣстѣ положенъ былъ предѣлъ стремленіямъ папства къ подчиненію православныхъ южноруссовъ, и тогда наша Академія не перестаетъ служить народному дѣлу: продолжая защищать достоинство православія противъ иноземной пропаганды, она становится культурною силою, служить цѣлямъ національнаго просвѣщенія. Народъ, братіе, не можетъ жить для

войны; благосостояніе народа создается миромъ, трудомъ и знаніемъ. Исторія учитъ насъ, что съ лица земли бесслѣдно исчезаютъ не только побѣжденные, но и побѣдители, если только на поддержку ихъ матеріальной силы не является сила просвѣщенія. Вспомнимъ отечественную исторію. Гдѣ царство хазарское? Гдѣ печенѣги? Гдѣ половцы? Гдѣ татары, этотъ бичъ, гроза и поработители Руси? Время сокрушило ихъ силу, а вмѣстѣ съ матеріальной силою сошли съ исторической сцены и саміе народы, не завѣщавъ міру ничего кромѣ имени и ненависти. Иная судьба народовъ просвѣщенныхъ: въ пору своего бытія они успѣваютъ проявить богатство своихъ умственныхъ и нравственныхъ силъ, а отходя въ исторію завѣщаютъ потомству блестящія приобрѣтенія ихъ генія,—приобрѣтенія, которыми пользуется человѣчество. Таково назначеніе великихъ народовъ въ исторіи.

Велико и обширно, братіе, наше отечество; необозрима площадь земли русскаго государства; благословилъ Богъ усилъ хомъ оружіе русскаго воинства; боятся насъ враги наши и завидуютъ намъ. Что же? Выполнилъ ли русскій народъ свое историческое назначеніе? Христіанскій народъ, братіе, долженъ быть носителемъ и хранителемъ истинной Христовой вѣры; великій историческій народъ долженъ стоять на высотѣ просвѣщенія, доступнаго времени. Исполнилъ ли все это великій русскій народъ? Отвѣтимъ словами древнихъ русскихъ писателей: какъ небо украшено звѣздами, такъ св. Русь украшена св. храмами; изобилуетъ она чудотворною святынею и мощами святыхъ; хочетъ она быть вѣрною издавнему восточному православію. Но стоитъ ли она во главѣ просвѣщенія эпохи? Съ болію сердца должны сказать: нѣтъ и нѣтъ! Да, намъ нужны школы и школы, знаніе и знаніе. И тотъ, кто трудится на пользу народнаго образованія,—кто содѣйствуетъ успѣху отечественной науки и просвѣщенія, тотъ исполняетъ великое народное дѣло, служитъ отечеству и родному народу.

Первоначальники нашей Академіи! Вы врозѣвали высокое значеніе просвѣщенія для русскаго народа равьше, чѣмъ многіе изъ вашихъ соотечественниковъ. Но вы поняли и ту высокую истину, что въ жизни христіанскаго народа важна и дѣйствительна наука, согласная съ духомъ вѣры христовой и освященная ею. Въ этомъ союзѣ вѣры и знанія просвѣщеніе получаетъ силу, способную направлять дѣятельность людей на созиданіе народнаго благосостоянія, а не разрушеніе его. Этотъ высокій идеалъ знанія вы завѣщали нашимъ ближайшимъ и отдаленнѣйшимъ преемникамъ до нашихъ дней. Многое перемѣнилось на Руси въ трехвѣковой почти періодъ существованія нашей Академіи. Св. Русь выросла въ громадное политическое тѣло; съ ея ростомъ возникали и возникаютъ государственныя потребности, удовлетворимыя только при посредствѣ науки. Поэтому радомъ съ нашей школой явилось много новыхъ расадниковъ просвѣщенія, высшихъ и низшихъ, но не потерялъ и доселѣ своего значенія примѣръ и призывной голосъ нашихъ почившихъ собратьевъ—трудиться для народнаго блага путемъ просвѣщенія въ духѣ высокаго ученія св. вѣры нашей. Народъ нашъ жаждетъ этой науки, глубоко вѣрить въ ея достоинство и въ полную примѣнимость ея къ самымъ разнообразнымъ областямъ человѣческаго общежитія. Въ этомъ народномъ пониманіи основъ знанія слышится голосъ нашей исторіи, воспитанный вѣками. Не прислушиваться къ этому голосу и пониманію народа несправедливо и не безопасно: не справедливо, потому что каждый безпристрастный наблюдатель исторіи христіанства долженъ сознаться, что христіанство, правильно понятое, никогда не подавляло науки, а покровительствовало ей; не безопасно, потому что чрезъ это создается и поддерживается въ народѣ недовѣріе къ наукѣ и просвѣщенію,—недовѣріе, вредное какъ для самаго народа, такъ и для науки, ограничивая область благотворнаго ея воздѣйствія. Наша школа, вызванная къ бытію

исключительными потребностями времени и народнымъ пониманіемъ основъ просвѣщенія, всегда стремилась къ примиренію вѣры и знанія, науки и христіанскаго вѣроученія, усматривая въ этомъ свое историческое призваніе, свое служеніе церкви, родинѣ и народу. Вотъ тотъ высокій и поучительный примѣръ, достойный памяти и подражанія, какой завѣщала намъ исторія нашей Академіи въ лицѣ почившихъ собратій нашихъ. И это служеніе ихъ родинѣ не было скоропреходящимъ настроеніемъ, а дѣломъ цѣлой ихъ жизни, иногда до самой могилы. Какъ добрые воины, они стояли на стражѣ науки и просвѣщенія до тѣхъ поръ, пока позволяли ихъ силы, часто съ христіанскимъ терпѣніемъ перенося матеріальныя невзгоды.

Помолимся же, братіе, о почившихъ добрыхъ труженникахъ, чтобы Господь *грішныя милуя и праведныя зовыи ко спасенію*, воззрѣлъ милостивымъ окомъ на ихъ вольныя и невольныя согрѣшенія, а намъ, ихъ преемникамъ, даровалъ бодрость и силы слѣдовать ихъ вѣрѣ и доброму жителству, умудрилъ насъ сѣять сѣмена чистаго знанія въ томъ положеніи, которое судилъ каждому изъ насъ Промыслъ Божій. И пусть сіяетъ слава родной нашей школы на честь и благо дорогой родины и на пользу меньшимъ собратіямъ нашимъ. Аминь.

СЛОВО

ВЪ ДЕНЬ НОВАГО ГОДА.¹⁾

*„Преобразуйтесь обновленіемъ ума
вашего, во еже искушати вамъ, что есть
воля Божія благая и удобная и совершен-
ная“ (Рим. XII, 2)*

Въ день новаго года мы имѣемъ обыкновеніе привѣтствовать другъ друга выраженіемъ взаимнаго благожеланія. Это, несомнѣнно, добрый христіанскій обычай, свидѣтельствующій о нашей взаимной любви другъ къ другу. Любовь же взаимная, братская, по ученію евангельскому, есть самый вѣрный признакъ нашего христіанскаго званія, высшее выраженіе нашего нравственнаго долга.

Спаситель нашъ, прощаясь съ Своими учениками, говорилъ имъ, а въ лицѣ ихъ и всѣмъ намъ, между прочимъ, слѣдующее: *„Заповѣдь новую даю вамъ, да любите другъ друга: якоже возлюбихъ вы, да и вы любите себе. О семъ разумѣютъ вси, яко мои ученицы есте, аще любовь имате между собою“ (Іоан. XIII, 34—35).*

Выраженіемъ такой христіанской любви и служить, между прочимъ, наше доброе обыкновеніе привѣтствовать другъ друга взаимными благожеланіями.

Только, къ сожалѣнію, этимъ добрымъ обыкновеніемъ мы пользуемся нѣсколько односторонне.

¹⁾ Произнесено въ Кіево-Софійскомъ соборѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, прислушаемся къ тѣмъ пожеланіямъ, какія мы дѣлаемъ другъ другу въ нынѣшній день. Одни изъ насъ желаютъ своимъ роднымъ и знакомымъ здоровья, разумѣется, тѣлеснаго, другіе и при томъ большинство—счастія, понимаемаго въ самыхъ разнообразныхъ значеніяхъ матеріальныхъ, напр., богатства, славы, чести, повышенія по службѣ и т. п.

Всѣ такія наши благожеланія, которыми мы привѣтствуемъ другъ друга въ день новаго года, были бы вполне умѣстны, естественны и понятны въ томъ случаѣ, если бы мы имѣли одно только тѣло, если бы мы, съ другой стороны, оканчивали свое существованіе только земною жизнію.

Но сущность человѣческаго достоинства въ томъ и заключается, что человѣкъ есть существо духовно-нравственное, разумно-свободное; а христіанинъ, кромѣ того, есть существо, облагодатствованное Святымъ Духомъ. Цѣль нашего земного существованія въ томъ и заключается, что мы здѣсь, на землѣ должны готовиться къ жизни загробной, вѣчной. *„Не вѣстемъ ли“*,—скажемъ словами Апостола,—*„яко храмъ Божій есте, и Духъ Божій живетъ въ васъ;... или не вѣстемъ, яко тѣлеса ваша храмъ живущаго въ васъ Святаго Духа суть, егоже имате отъ Бога“* (1 Кор. III, 16; VI, 19). *„Не имамы здѣ пребывающую града, но зрящуюю взыскуемъ“* (Евр. XIII, 14).

При такихъ особенныхъ свойствахъ нашего существа и при такомъ нашемъ назначеніи, привѣтствія, какими мы встрѣчаемъ другъ друга въ день новаго года, являются уже совершенно односторонними и даже неполными. И если въ обыкновенное время жизни своей мы можемъ забывать о своемъ высшемъ достоинствѣ и назначеніи, если, при обычномъ теченіи жизненнаго водоворота, мы незамѣтно можемъ свыкаться съ мыслию, что мы постоянно будемъ жить только на землѣ, то въ день новаго года у насъ является нѣкоторое особенное побужденіе отвлечься отъ этого ошибочнаго представленія и вспомнить объ истинномъ своемъ существѣ и объ истинной цѣли своей жизни.

Прошелъ еще одинъ годъ и жизнь наша, и безъ того краткая, обратилась на цѣлый годъ. Еще на одинъ шагъ приблизились мы ко гробу, который и безъ того недалекъ отъ каждаго изъ насъ. Многіе изъ тѣхъ, которые вмѣстѣ съ нами встрѣчали прошедшій годъ,—новый тогда, раздѣляли съ нами тогда свои надежды и ожиданія, настоящій новый годъ встрѣтили уже за гробомъ. Быть можетъ, и аѣкоторые изъ насъ въ теченіе наступающаго новаго года переселятся туда же. Когда, какъ не въ подобный именно моментъ нашей жизни, стоя на предѣлѣ между прошедшимъ и грядущимъ, должны мы спрашивать себя: кто мы? откуда? что насъ ожидаетъ въ будущемъ? зачѣмъ мы живемъ?

Вотъ когда мы станемъ на точку зрѣнія этихъ вопросовъ, совершенно естественныхъ въ нынѣшній день, то для насъ явятся совершенно неполными, недостаточными тѣ благожеланія, которыми мы исключительно привѣтствуемъ другъ друга въ день новаго года?

Какое же, вполне соответствующее и нашему христіанскому званію и цѣли нашей жизни на землѣ, благожеланіе можемъ и должны мы дѣлать другъ другу въ день новаго года!

Его выражаетъ св. ап. Павелъ въ слѣдующихъ словахъ: *„преобразуйтесь обновленіемъ ума вашего, во еже искушати вамъ, что есть воля Божія благая и угодная и совершенная“*. Апостолъ желаетъ всѣмъ христіанамъ не простого обновленія ума, не обновленія однихъ только отвлеченныхъ, теоретическихъ, или же практическихъ, житейскихъ познаній. Онъ желаетъ намъ такого обновленія ума, которое бы возбуждалось, руководилось, и управлялось познаніемъ воли Божіей благой и угодной и совершенной, и потому самому обнимало всего человѣка, все его существо. Онъ желаетъ, чтобы умъ нашъ непрерывно обновлялся живою вѣрою въ Сына Божія, живымъ упованіемъ жизни вѣчной, а не замыкался бы въ ограниченномъ кругѣ земного, временнаго и непостояннаго. Онъ желаетъ, чтобы

сердце наше обновлялось истинною, чистою любовію къ Богу и ближнимъ, а не колебалось бы между Богомъ и міромъ, тѣмъ болѣе не прельщалось бы однимъ только земнымъ міромъ. Онъ желаетъ, чтобы весь образъ жизни нашей обновлялся такъ, чтобы свѣтъ вѣры и благочестія нашего всегда сіялъ и горѣлъ предъ людьми, чтобы выдачіе наши добрыя дѣла прославляли Отца нашего Небеснаго.

Все это и составляетъ признаки нашего внутренняго христіанскаго обновленія, безъ котораго невозможно и спасеніе. Поэтому, если когда, то именно въ день новаго года мы должны желать другъ другу внутренняго обновленія, духовнаго преобразованія, а потому и спасенія.

Но одного только желанія недостаточно, ибо не отъ насъ зависитъ исполненіе желаній, а единственно отъ Бога; отъ Него же происходитъ и наше духовное обновленіе. Виножникъ нашего внутренняго обновленія есть Господь Богъ, Солнце правды, подобно тому, какъ и источникъ ежегоднаго обновленія видимой природы служитъ солнце. Когда обитаемая нами часть земли отвращается отъ солнца, то все на ней предается мертвенному оцѣпенѣнію, она одѣвается снѣгомъ, какъ бы нѣкимъ гробовымъ покровомъ. Также точно когда Богъ съ Своею благодатію оставляетъ душу человѣческую, то послѣдняя становится мертвою, безчувственною ко всему доброму и святому: тогда въ душѣ человѣка происходитъ истинная зима духовная. Наоборотъ, когда земля обращается къ солнцу, она быстро оживаетъ и вмѣсто зимняго и мертваго одѣвается живымъ, сограннымъ изъ безчисленнаго множества разнообразныхъ растений и цвѣтовъ покровомъ. Такъ, и душа человѣческая, когда, раскаявшись, обращается къ Богу, то, оваряемая свѣтомъ лица Божія, согрѣваемая теплотою благодати Духа Святаго, обновляется, становится новымъ твореніемъ, созданнымъ во Христѣ Иисусѣ на дѣла благая. Наконецъ, какъ земля обращается къ солнцу и на ней происходитъ ежегодное обновленіе отъ внутренняго

дѣйствія на нее самаго солнца, которое люди науки называютъ силою тяготѣнія, такъ и душа человѣческая не могла бы никогда обратиться къ Богу, если бы не привлекалъ ее Самъ Господь силою Своей благодати. „Никто же можетъ прийти ко Мнѣ“,—говоритъ Спаситель,—„аще не Отецъ пославый Мя привлечетъ его“ (Іоан. VI, 44). Но въ этомъ послѣднемъ отношеніи живая душа человѣческая существенно отличается отъ мертвенно-неорганической земли. Земля необходимо и неизмѣнно всякій годъ обновляется живительнымъ дѣйствіемъ солнца на нее. Человѣческая же душа одарена отъ Бога высочайшимъ даромъ свободнаго произволенія, такъ что можетъ повиноваться дѣйствію благодати Божіей, покоряться Духу Святому ради своего спасенія, но можетъ, на погибель себѣ, и противиться Самому Духу Божію, упорно оставаться во злѣ.

Поэтому, въ день новаго года мы должны не только желать другъ другу духовнаго обновленія, но и—что самое главное—молить Бога о дарованіи намъ сего обновленія, какъ и дѣлаетъ нынѣ святая православная Церковь Христова.

Итакъ, привѣтствуемъ всѣхъ васъ съ новымъ лѣтомъ жизни и молимъ Бога, чтобы Онъ преобразилъ и обновилъ умъ вашъ къ познанію и совершенію воли Божіей—благой, угодной и совершенной. Привѣтствуемъ, прежде всего, васъ, избранныя орудія Промысла Божія, поставленныя отъ Царя небснаго и земнаго управлять людьми, и молитвенно желаемъ вамъ, чтобы ваша повелѣвающая рука творила волю царя земнаго и вмѣстѣ Царя небснаго—благую, угодную и совершенную! Привѣтствуемъ васъ, мужи науки и знанія, и молитвенно желаемъ вамъ, чтобы ваши знанія преуспѣвали, развивались и просвѣщались свѣтомъ евангельскимъ, который сіяетъ непреложною истиною! Привѣтствуемъ васъ, стражи благосостоянія нашего града, и молитвенно желаемъ, чтобы трудами вашими и заботами устроялось не только земное, матеріальное, но и духовное наше благосостояніе. Привѣтствуемъ,

наконецъ, васъ всѣхъ, здѣ присутствующихъ и отсутствующихъ гражданъ богоспасаемаго Кіева! Да преобразится жизнь ваша въ новомъ лѣтѣ обновленіемъ ума вашего, устремленнаго къ познанію и разумѣнію воли Божіей—благой, угодной и совершенной. Есть на Руси святой много славныхъ городовъ. Одни славятся величіемъ власти, пребывающей, или пребывавшей въ нихъ; другіе—своимъ многолюдствомъ; иные—своимъ богатствомъ; иные—благораствореніемъ воздуха. Нашъ же Кіевъ со временъ глубокой древности славился и доселѣ славится въ народѣ русскомъ своимъ священнымъ значеніемъ, обиліемъ святыхъ, въ немъ пребывающей, благочестіемъ, нѣкогда просіявшимъ на горахъ кіевскихъ и оварившимъ всю землю русскую. На насъ—гражданахъ Кіева—лежитъ высокій и отвѣтственный долгъ не только внѣшне благоустроить свой городъ, не только его украшать примѣненіемъ новѣйшихъ выводовъ человѣческаго знанія и искусства къ нашей общественной жизни, но и самихъ себя украшать добрыми нравами, чтобы быть намъ образцомъ для другихъ, отовсюду собирающихся къ намъ нашихъ соотечественниковъ.

„Преобразуйтесь обновленіемъ ума вашего, во еже искушати вамъ, что есть воля Божія благая и угодная и совершенная“ (Рим. XII, 2). Аминь.

Священникъ *Θ. Титовъ.*

ИЗЪ ИСТОРИИ ГОМИЛЕТИКИ.

XI. Теорія духовнаго краснорѣчія Юнгманна.

Содержаніе проповѣдей. Виды духовныхъ рѣчей.

Теорія духовнаго краснорѣчія Юнгманна, о которой мы говорили въ декабрьской книгѣ Трудовъ Академіи ¹⁾, заключаетъ въ себѣ столько интересныхъ и полезныхъ замѣчаній, касающихся проповѣдническаго искусства, что мы не успѣли въ одной статьѣ передать всего ея содержанія, и теперь снова должны возвратиться къ ней. Въ первомъ отдѣлѣ книги Юнгманна представлены основныя положенія для построенія его системы, заимствованныя изъ психологіи, во второмъ раскрыты главные законы духовнаго краснорѣчія, а въ третьемъ указаны средства, какими пользуется духовное краснорѣчіе для достиженія своей цѣли. Объ этихъ отдѣлахъ мы говорили въ прежней статьѣ. Для дополненія своего очерка этой замѣчательной теоріи проповѣдничества мы считаемъ необходимымъ изложить содержаніе двухъ послѣднихъ отдѣловъ ея, изъ которыхъ въ одномъ говорится о матеріи церковнаго собесѣдованія, а въ другомъ о родахъ и видахъ проповѣдей.

Въ четвертомъ отдѣлѣ своей теоріи духовнаго краснорѣчія—о содержаніи проповѣдей или о матеріи церковнаго собесѣдованія—Юнгманнъ ставитъ два главные вопроса: 1) какіе пункты, при возвыщеніи слова Божія, проповѣдникъ долженъ преимущественно имѣть въ виду и стараться предлагать народу? 2) изъ какихъ источниковъ проповѣдникъ долженъ черпать мысли при развитіи и изясненіи частныхъ пунктовъ, и что онъ долженъ наблюдать по отношенію къ этимъ источникамъ?

На первый вопросъ онъ прежде всего даетъ отвѣтъ съ отрицательной стороны, показывая въ первомъ параграфѣ от-

¹⁾ См. Труды Кіев. дух. Акад. декабрь, 1898 г.

дѣла, какихъ темъ не должно касаться на церковной кафедрѣ. Задача духовнаго краснорѣчія (говорить Юнгманнъ), существенно состоитъ въ томъ, чтобы проповѣдывать слово Божіе, излагать откровенную истину, и чрезъ это способствовать усовершенствованію христіанской жизни. Отсюда само собою понятно, что не умѣстно на церковной кафедрѣ все то, что не есть слово Божіе, и не направлено къ сноспѣшествованію и возвышенію христіанской жизни, какъ то,—положенія естественной философіи, чисто научныя богословскіе вопросы, не имѣющіе значенія для жизни, простыя мнѣнія богословскія, тѣмъ болѣе разныя свѣтскія матеріи,—политическія, культурно-историческія, экономическія, медицинскія и всякія разсужденія не церковнаго характера.

Положеніе, сейчасъ высказанное, даетъ поводъ Юнгманну высказать неблагоприятное сужденіе о типѣ проповѣдей, утвердившемся во Франціи съ начала текущаго столѣтія по почину Фрейсину, извѣстномъ подъ именемъ „Conférences“. Названіе „Conférences“ довольно неопредѣленное. Этими именемъ называются проповѣди, имѣющія видъ дидактическихъ уроковъ, въ которыхъ, при пособіи естественнаго повнанія, разбираются и обсуждаются положенія религіозной философіи и науки, и истины христіанскаго откровенія: это богословскія разсужденія, въ которыхъ, чрезъ понятное и увлекательное изложеніе, результаты научнаго богословія переносятся въ болѣе широкіе круги, и сообщаются и не богословамъ. Онѣ могутъ имѣть значеніе; но ихъ мѣсто не въ храмѣ, а въ салонѣ, куда допускается избранная публика по билетамъ, и гдѣ они могутъ быть предлагаемы и выслушиваемы при газовомъ или электрическомъ освѣщеніи. Это не слово Божіе, какое обязанъ возвѣщать христіанскій проповѣдникъ. Христіанскій проповѣдникъ безъ нужды не долженъ прибѣгать къ такимъ чисто естественнымъ средствамъ для утверженія и распространенія между людьми царства Божія; иначе его могутъ упрекнуть въ томъ, что онъ упраздняетъ крестъ Христовъ (1 Кор. 1, 17); ибо въ такомъ случаѣ, вопреки при-

мѣру и наставленію апостола, онъ проповѣдуетъ не *отъ явленія духа и силы, но отъ прерътельныхъ человѣческихъ премудрости словесныхъ*. (1 Кор. II, 4).

Приступая къ положительному указанію пунктовъ ученія проповѣдническаго, Юнгманнъ предваряетъ свой перечень такихъ пунктовъ слѣдующимъ общимъ правиломъ: „чѣмъ больше значенія извѣстный пунктъ христіанскаго ученія имѣетъ для споспѣшествованія христіанской жизни, чѣмъ больше извѣстная откровенная истина необходима или важна для пробужденія, укрѣпленія и возвышенія христіанской жизни, тѣмъ болѣе проповѣдникъ долженъ заботиться нанежелать се въ душахъ своихъ слушателей, тѣмъ чаще онъ долженъ возвращаться къ ней въ своихъ проповѣдяхъ, тѣмъ настойчивѣе онъ долженъ представлять ее.

Мы не будемъ передавать подробнаго перечня пунктовъ ученія, наиболѣе годныхъ и нужныхъ для церковной катедры, представленнаго Юнгманномъ. И безъ этого перечня видно для человѣка, понимающаго христіанское ученіе, на что ему слѣдуетъ обратить свое вниманіе, при возвѣщеніи народу слова Божія. Темъ для проповѣди весьма много въ суммѣ ученія, преподаваемаго и хранимаго Церковію. Но о чемъ бы проповѣдникъ ни говорилъ, онъ не долженъ опустать изъ вида одной центральной истины, которою должна быть пронизана и одушевлена его проповѣдь. Эта истина „Сынъ Божій, ради насъ и ради нашего спасенія вочеловѣчившійся и за насъ распятый“. Эта истина альфа и омега, начало и конецъ всего христіанскаго ученія: съ этимъ центральнымъ пунктомъ все должно быть приводимо въ соотношеніе; отъ этого исходнаго пункта все должно быть выводимо и къ нему должно быть возвращаемо. Это руководственное замѣчаніе въ гомилетикѣ Юнгманна сопровождается словомъ убѣжденія, обращеннымъ къ проповѣдникамъ или готовящимся къ проповѣдническому служенію,—не увлекаться стремленіемъ къ новости и драгоцѣнное время, назначенное для проповѣди, не тратить на бесплодныя декламации, на раскрытіе такихъ

идей, которыя не относятся прямо къ христіанскому ученію, а принадлежать области чисто естественнаго знанія, на философскія спекуляціи и изслѣдованія, которыя могутъ льстить слуху и доставлять нѣкоторое удовлетвореніе раздраженной разсудочной мысли. Предъ глазами проповѣдника необозримый лѣсъ,—едва одолимая полнота чистыхъ христіанскихъ истинъ. Ошеломляющій шумъ земныхъ житейскихъ попеченій безпрестанно беспокоитъ челоѣва; соблазнительный голосъ міра, не умолкая, звучитъ въ ушахъ нашихъ. Въ храмѣ нужно склонять вниманіе христіанъ къ предметамъ, имѣющимъ отношеніе къ нашему вѣчному спасенію, къ небесному царству, къ которому призываетъ Христось всѣхъ своихъ послѣдователей. Проповѣдникъ не навлекаетъ ли на себя отвѣтственности, если онъ для того, чтобы заслужить одобреніе и проповѣдывать интереснѣе, пикантнѣе, ученѣе или умнѣе, станетъ занимать слушателей разглагольствіями о предметахъ, не имѣющихъ прямой связи съ центральнымъ пунктомъ ученія христіанскаго о крестѣ и спасеніи души нашей, будетъ излагать только Prolegomena, и за введеніемъ и приготовленіемъ никогда не дойдетъ до самаго дѣла?

Авторъ далъ довольно длинный каталогъ темъ проповѣдническихъ, но въ заключеніи главы о содержаніи проповѣдей онъ замѣчаетъ, что самый длинный и самый подробный каталогъ темъ, какой могла бы предложить теорія, не можетъ быть довѣющимъ указаніемъ для проповѣдника при исполненіи имъ своего долга. Его собственный тактъ и его собственное разсужденіе каждый разъ должны указать ему выборъ содержанія проповѣди, соотвѣтственно обстоятельствамъ, при которыхъ онъ проповѣдуетъ, и частной цѣли, стоящей на виду его. Указанія теоріи могутъ давать ему руководственный намекъ; но они будутъ бесполезны, если у него не будетъ двухъ вещей, могущихъ обезпечить ему успѣхъ его проповѣдничества. Съ одной стороны, глубокое разумѣніе

христіанскаго ученія, приобретаемое основательнымъ и усерднымъ изученіемъ священнаго Писанія и богословія, съ другою, христіанская жизнь въ страхъ Божіемъ и любви къ Богу, и сердце, полное благоговѣнія и святости,—вотъ самые надежные указатели достойныхъ и пригодныхъ темъ для проповѣди церковной!

Въ трактатѣ объ источникахъ, изъ которыхъ проповѣдникъ можетъ и долженъ черпать содержаніе своихъ бесѣдъ, Юнгманнъ идетъ вѣрнымъ путемъ и даетъ много полезныхъ замѣчаній, которыя, впрочемъ, не являются новостію въ нашей наукѣ, и потому нѣтъ нужды передавать ихъ въ подробности. Совершенно вѣрно, и согласно со всѣми другими гомилетами, самую главную книгу, наиболѣе необходимою и полезною для проповѣдника, Юнгманнъ считаетъ священное Писаніе. Оно содержитъ существенную часть христіанскаго ученія, и для проповѣдника, равно какъ и для всякаго христіанина, имѣетъ особенное значеніе, какъ книга богодухновенная. Кромѣ того, всякая проповѣдь должна быть практична, а все содержаніе священнаго Писанія въ высшей степени практично, будучи направлено къ споспѣшествованію и возвышенію нашей духовной жизни. Всякая проповѣдь еще должна быть популярна, то есть, совершенно понятна для народа; но нѣтъ книги, которая бы, при глубинѣ содержанія, отличалась такою популярностію, какъ священное Писаніе. И во многихъ другихъ отношеніяхъ священная книга книгъ можетъ быть неизсякаемымъ источникомъ и высочайшимъ образцомъ.—Кромѣ священнаго Писанія, какъ на источникъ для проповѣдника, Юнгманнъ указываетъ на богослужебныя книги, на опредѣленія соборовъ и на творенія отцовъ церкви. На творенія отцовъ церкви Юнгманнъ обращаетъ особенное вниманіе проповѣдниковъ. Отцы церкви служатъ лучшими и вѣрными истолкователями божественнаго Откровенія, и для вовѣщенія слова Божія ихъ творенія особенно важны потому, что большая часть ихъ

состоить изъ проповѣдей, слѣдовательно изъ произведеній духовнаго краснорѣчія, по истинѣ образцовыхъ, и весьма многія изъ ихъ поучительныхъ разсужденій такъ изложены, что они носятъ печать дидакалическаго краснорѣчія. Церковные писатели не излагаютъ христіанское ученіе, какъ простой предметъ знанія, какъ позднѣе это стали дѣлать въ школахъ, но такъ, чтобы оно служило къ назиданію, къ возбужденію и укрѣпленію любви къ Богу и ближнему. На труды святыхъ отцовъ церкви мы должны смотрѣть какъ на образцы, по которымъ мы должны изучать духовное краснорѣчіе, и учиться проповѣдывать слово Божіе народу. Изъ всѣхъ отцовъ церкви, въ качествѣ образца для проповѣдниковъ, Юнгманнъ, вмѣстѣ съ Жиберомъ и Фенелономъ, особенно отличаетъ святаго Іоанна Златоуста, котораго по справедливости нужно назвать величайшимъ проповѣдникомъ, и на котораго не одинъ разъ въ своей книгѣ Юнгманнъ обращаетъ вниманіе читателей. Его стиль свободный и обильный, но не рассчитанъ на ложное изящество; все у него подчинено цѣли духовнаго краснорѣчія; видно у него полное знакомство съ священнымъ Писаніемъ и при этомъ онъ въ совершенствѣ владѣетъ знаніемъ жизни и людей; онъ говорить сердцу и приводитъ въ дѣятельность высшую силу познанія; онъ излагаетъ многосодержательныя мысли, и это соединяется у него съ глубокимъ чувствомъ. Но и всѣ другія его сочиненія отличаются популярностію, живостію, практичностью, глубокимъ чувствомъ, увлекательностію изложенія и несравненнымъ умѣньемъ пользоваться священнымъ Писаніемъ.

Что касается научнаго богословскаго знанія, то, конечно, оно нужно для проповѣдника, но учености въ проповѣди показывать не нужно; проповѣдникъ излагать ученіе религіи долженъ не въ сухой дидактической формѣ, но ораторски, не отвлеченно онъ долженъ говорить, какъ это дѣлаетъ школа, но понятно для народа. Особенно осторожно нужно пользоваться проповѣднику свѣтскою ученостію. Проповѣдникъ долженъ помнить, что онъ излагаетъ слово Божіе не

для научно образованныхъ людей, но для народа; а для народа матеріалы, заимствуемыя изъ свѣтской науки, всегда вѣчто чуждое, далекое отъ его созерцавія. Притомъ религія не нуждается въ такой опорѣ, какую можетъ предложить свѣтская наука, и сторонній свѣтскій придатокъ, приводимый въ обилии, кажется не у мѣста при раскрытіи откровенной божественной истины.

Есть много сборниковъ и пособій для проповѣдниковъ, въ которыхъ собраны мѣста изъ священнаго Писанія, изъ отеческихъ твореній, доказательства, заимствованныя изъ богословія, историческія черты, аналогіи, противоположенія и другіе элементы о различныхъ предметахъ церковнаго краснорѣчія. Сборники такого рода могутъ служить пособіемъ для проповѣдника. Но Юнгманнъ не совѣтуетъ просто выписывать изъ этихъ сборниковъ, но научать предложенное тамъ, и съ разсужденіемъ и разумѣніемъ выбирать потребное оттуда. Гораздо полезнѣе, вмѣсто того, чтобы пользоваться чужимъ трудомъ, самому составлять подобный сборникъ, и постоянно восполнять его. Для проповѣдника безусловно необходимо постоянное чтеніе и изученіе, если онъ хочетъ, чтобы его проповѣди отличались богатствомъ мыслей, новостію, разнообразіемъ и практичностью. Но чтобы удержать и сохранить матеріалъ, приобретаемый чтеніемъ и изученіемъ, и нужно записывать его; на память въ этомъ случаѣ не всегда можно разсчитывать. Чтеніе будетъ сопровождаться несравненно болѣе плодотворнымъ резульатомъ, если при чтеніи всегда имѣть въ рукахъ перо или карандашъ, и записывать все, что встрѣтится замѣчательнаго въ книгѣ; а для того, чтобы легче найти, когда понадобится, записанное при чтеніи, нужно держаться какаго либо порядка въ записной книгѣ,—или алфавитнаго порядка названій предметовъ, или систематическаго. Тогда у васъ всегда подъ руками будетъ требуемый, полезный для васъ, матеріалъ.

Послѣдній пятый отдѣлъ теоріи духовнаго краснорѣчія Юнгманна посвященъ обзорѣнню разныхъ видовъ церковной

проповѣди. Въ основной части своей системы онъ указалъ два рода духовныхъ рѣчей: одинъ имѣеть непосредственное направленіе къ силѣ нашего познанія, названный имъ дида-скалическомъ, а другой къ силѣ стремленія или сердцу, названный имъ парегоретическимъ. Къ дидакалическому краснорѣчію онъ относитъ катихизическое поученіе, дидакалическую проповѣдь и омилію, а къ парегоретическому, паренетическую и панегирическую проповѣдь.

Низшая степень духовнаго краснорѣчія—катихизическія поученія. Такимъ именемъ по церковному словоупотребленію называются такія поученія, какими Церковь вводитъ въ познаніе ученія вѣры не знающихъ ея. Катихизація не должна быть руководствомъ къ спекулятивному-научному изученію религіозныхъ истинъ; она должна состоять въ простомъ, совершенно объективномъ изложеніи ихъ, и опираться исключительно на авторитетъ Откровенія и Церкви. Августинъ ¹⁾ катихизическое наставленіе постоянно называетъ словомъ *magistratio*—повѣствованіе. Слово это означаетъ, что катихизація даетъ объективное представленіе фактовъ и положеній, которое слушатели съ вѣрою принимаютъ на основаніи авторитета свидѣтелей. Катихизація поэтому не можетъ быть простымъ отвлеченнымъ анализомъ и раскрытіемъ религіозныхъ истинъ; но въ ней послѣднія всегда нужно приводить въ связь съ соотвѣтствующими фактами Откровенія, и къ нимъ привязывать. Историческій методъ здѣсь долженъ имѣть особенное примѣненіе при наученіи невѣдущихъ истинамъ вѣры.

Катихизація не должна ограничиваться однимъ сообщеніемъ ученія. При катихизаціи важною существенною задачею должно быть то, чтобы дѣйствовать на сердце; такъ какъ сердцемъ вѣруется въ правду. Катихизаторъ долженъ направлять свое слово не только къ силѣ познанія, но и къ силѣ стремленія, и вести своихъ слушателей къ тому,

¹⁾ August. de catechizandis rudibus. c. 2. n. 4.

чтобы они религіозныя истины воспринимали и усвоили, какъ правило или норму своей жизни, въ твердой вѣрѣ и дѣятельной любви. Катихизическое ученіе не должно быть видомъ или частію простаго холоднаго ученія или школьной дидактики. На него нужно смотрѣть, какъ на видъ духовнаго краснорѣчія; а духовное краснорѣчіе предъявляетъ проповѣднику требованія большія, чѣмъ какія можно предъявлять школьному учителю. Если катихизаторъ учитъ вѣрѣ такъ, какъ учать чтенію, письму, счисленію, тогда онъ не выполняетъ своей задачи. Для выполненія этой задачи требуется не ораторско-патетическое изложеніе, а теплое, проникнутое религіознымъ чувствомъ, настроеніе катихизатора. Это теплое религіозное чувство, если оно есть въ душѣ катихизатора, само собою проявится въ его учительномъ словѣ, и незамѣтно для него самого будетъ дѣйствовать на сердце слушателей.

Дидакалическою проповѣдію Юнгманъ называетъ такую проповѣдь, которая существенною частію своей задачи имѣетъ наученіе, но которая вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ видъ краснорѣчія, наставляя должна опредѣляющимъ образомъ дѣйствовать на силу стремленія. Она имѣетъ близкое средство съ катихизаціею, только адресуется къ лицамъ болѣе наставленнымъ въ вѣрѣ, чѣмъ какихъ имѣетъ въ виду катихизаторъ. Юнгманъ въ рѣчи о дидакалической проповѣди говоритъ о формальной сторонѣ ея, ея устройствѣ и возможномъ содержаніи частей ея,—приступа, изслѣдованія и заключенія, пользуясь, какъ и въ другихъ отдѣлахъ, при разъясненіи своихъ положеній словами Квинтилиана, Цицерона, Фенелона, Блера, и сопровождая свои изъясненія примѣрами. Говоритъ онъ объ этомъ предметѣ умно и практично; но все существенное, что развиваетъ онъ въ этомъ трактатѣ, не носитъ печати оригинальности, а заимствовано имъ у другихъ лучшихъ учителей краснорѣчія.

Омилія или изъяснительная бесѣда, отнесена Юнгманомъ къ дидакалическому краснорѣчію и составляетъ особый

видъ его, посвященный изъясненіе священнаго Писанія. Онъ признаеть высокое достоинство омиліи, которая была господствующимъ родомъ поученій, у древнихъ отцовъ Церкви, и вмѣстѣ съ Фенелономъ, изъ діалоговъ котораго онъ приводитъ длинную выдержку, настоятельно совѣтуеть проповѣдникамъ слѣдовать примѣру отцовъ Церкви и возможно чаще держать омиліи. Священное Писаніе даровано людямъ всѣхъ временъ и мѣстъ, и оно такой же обильный источникъ назиданія представляетъ и для нынѣшнихъ поколѣній, каковой представляло въ вѣкъ отцовъ Церкви; оно никогда не старѣется, и сокровища вѣры, въ немъ заключающіяся, неистощимы и никогда не перестануть быть многоцѣнными и многополевыми для христіанъ. Приводять возраженія противъ достоинства омиліи, изъ которыхъ главное то, что въ омиліи нѣтъ единства. Юнгманнъ это возраженіе устраняеть указаніемъ, во - первыхъ, на то, что въ священномъ Писаніи есть множество отдѣловъ, въ которыхъ господствуетъ полное единство, во - вторыхъ, на примѣръ Златоуста, который является величайшимъ мастеромъ въ искусствѣ толкованія Писанія, и котораго бесѣды могутъ служить прекраснѣйшимъ образцомъ для всякаго, желающаго толковать въ проповѣдяхъ священное Писаніе. Онъ изъясняетъ цѣлыя книги священнаго Писанія по порядку стиховъ текста; естественно при этихъ изъясненіяхъ касается онъ разныхъ религіозныхъ истинъ, но у него всегда есть одна преобладающая мысль, и его бесѣды носятъ на себѣ печать высокаго оригинальнаго краснорѣчія.

Дидаскалической проповѣди, какъ мы говорили выше, Юнгманнъ противопоставляетъ проповѣдь парегоретическую; имѣющую своею непосредственною задачею не наученіе, а возбужденіе силы стремленія и направленіе ея на добрый правильный путь. Та, дидаскалическая, проповѣдь дѣйствуетъ на силу познанія, а эта на сердце, волю, но въ стремленіи къ своей цѣли она пользуется и тѣмъ, что составляетъ существенную

принадлежность дидактической проповѣди, то есть, логичнѣе и правильнѣе представленіемъ религіозныхъ истинъ, безъ чего была бы недостижима цѣль. На два вида раздѣляетъ Юнгманнъ парегоретическую проповѣдь, и одинъ видъ называетъ паренетическою проповѣдію, а другой панегирическою. Названіе вида проповѣди паренетическою (отъ *parainéō*, увѣщаваю) по этимологическому значенію почти тождественно съ названіемъ „парегоретическій“. Это новое названіе употребилъ Юнгманнъ потому, что отличилъ два вида парегоретической проповѣди, включивъ сюда и проповѣдь панегирическую.

Считаемъ излишнимъ, для ознакомленія съ теоріею краснорѣчія Юнгманна, передавать его практическія замѣчанія касательно устройства и состава паренетической проповѣди, но тѣмъ же соображеніямъ, по каковымъ мы не входили въ разборъ его замѣчаній о составленіи дидактической проповѣди и омиліи. Но параграфъ въ его системѣ о панегирической проповѣди заключаетъ въ себѣ не мало такого, что нельзя обойти молчаніемъ.

Прежде всего онъ старается установить точное понятіе, какое нужно соединять съ словомъ „панегирикъ“, „панегирическая проповѣдь“. Ограниченіе панегирика одними похвальными словами, по сужденію Юнгманна, не соответствуетъ тому смыслу, какой соединяли съ этимъ словомъ древніе. Происходя отъ греческаго слова *πανήγορις*—собраніе народа, всенародное торжественное собраніе, народный праздникъ,—панегирическія рѣчи въ древности означали такіа ораторскія рѣчи, которыя говорились при народныхъ собраніяхъ, при какомъ либо торжествѣ или въ какой либо праздникъ, и, конечно, отличали духу и характеру торжества. Панегирическая рѣчь въ собственномъ смыслѣ праздничная рѣчь. И въ этомъ смыслѣ нужно принять названіе панегирической рѣчи и въ христіанской проповѣдической литературѣ, и имъ замѣнить употребительное названіе похвальной рѣчи; какъ такъ для

духовнаго краснорічія послѣднее наяваніе не вполнѣ удачно. Такимъ образомъ панегирическія проповѣди такія произведе- нія духовнаго краснорічія, которыя говорятся въ праздники господскіе и богородичныя и въ праздники святыхъ, въ уясне- нію и возвышенію торжества и въ соотвѣтствіе цѣли его учрежденія. Могутъ говоритися въ такіе дни проповѣди и ди- даскалическаго характера, особенно, когда слушатели недоста- точно ознакомлены съ сущностію праздника. Но такія пропо- вѣди въ праздничные дни являются исключеніемъ. При нор- мальному порядку вещей праздничныя проповѣди должны быть парегоретическаго характера. Такими по крайней мѣрѣ онѣ являются въ классическихъ произведеніяхъ отличившихъ проповѣдниковъ.

Составленіе хорошей проповѣди на какой либо празд- никъ господскій или богородичный Юнгманнъ считаетъ дѣ- ломъ не легкимъ. Хотя ясенъ духъ праздника,—ясно, какія событія прославляются въ тотъ или другой праздникъ, и ка- кія чувства и настроенія нужно возбуждать въ слушателяхъ въ такіе дни, но выраженіе всего этого въ продолжномъ словѣ не всѣмъ удается. Не всегда легко найти потребное количество частныхъ представленій для развитія главнаго по- ложенія, подсказываемаго духомъ и характеромъ праздника. Это затрудненіе дѣлается еще болѣе чувствительнымъ, если проповѣдникъ долженъ проповѣдывать предъ одною и тою же общиною каждый годъ. Особенно трудно составлять хорошія проповѣди, не повторяясь, на праздники Божіей Матери. Для того, чтобы говорить панегирическія проповѣди въ честь ея, нужно имѣть достаточный запасъ историческихъ чертъ, конкретныхъ фактовъ изъ ея жизни; а ихъ очень мало. По- тому и такой знаменитый проповѣдникъ, какъ Массильдонъ, послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ опытовъ, отчаявался въ воз- можности написать похвальную рѣчь въ собственномъ смыслѣ на Пресвятую Дѣву. „Работа этого рода (писалъ онъ въ послѣдніе годы своей жизни одному священнику ораторіи) легка

только для проповѣдниковъ безъ таланта, отъ которыхъ никто не ожидаетъ чего-либо особеннаго, которые всѣмъ довольны, ни о чемъ, выходящемъ изъ круга ихъ зрѣнія, не имѣютъ ни малѣйшаго представленія, и воображаютъ себѣ, что они составили похвальную рѣчь, если они привели нѣкоторое число историческихъ чертъ, безъ всякаго значенія, и разбавили ихъ множествомъ ничего не говорящихъ общихъ мѣстъ¹⁾.

Панегирическія проповѣди на дни святыхъ раздѣляетъ Юнгманнъ, соотвѣтственно указаніямъ духовной литературы, на два разряда, и указываетъ въ этомъ родѣ проповѣди два направленія. Одному направленію слѣдуютъ италіянскіе проповѣдники съ Сеньери во главѣ, а другому французскіе. Италіянскіе проповѣдники въ праздники святыхъ говорятъ похвальные рѣчи, панегирики въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Ихъ проповѣди въ честь святыхъ отвѣчаютъ тѣмъ рѣчамъ, которыя древніе риторы относили къ рѣчамъ, означаемымъ „genus demonstrativum“—родъ показательный. Они въ своихъ рѣчахъ прежде всего, и почти исключительно, выставляютъ необычайное величіе святыхъ, и имѣютъ цѣлю прославленіе святыхъ и возбужденіе въ слушателяхъ удивленія и почтенія къ нимъ. Соотвѣтственно этой цѣли, въ ихъ проповѣдяхъ виденъ возвышенный полетъ, тонъ одушевленія стиль блестящій, и весь строй ихъ напоминаетъ характеръ языческихъ панегириковъ, мало отвѣчающій характеру возвышенія слова Божія, предписываемому гомилетическою теоріею. Проповѣди французскихъ проповѣдниковъ на дни святыхъ собственно (большею частію) паренетическія,—увѣщательныя проповѣди. Историческіе факты изъ жизни святыхъ у нихъ составляютъ меньшую часть рѣчи, и проповѣдникъ пользуется этими фактами, какъ основаніемъ или поводомъ, къ раскрытію соотвѣтствующей религіозной истины или къ сообщенію соотвѣтствующаго нравственнаго увѣщанія. Французскіе

¹⁾ Maury, *Essai sur l'éloquence de la chaire*. I. p. 273.

проповѣдники принципиально и съ сознаниемъ слѣдуютъ этому направленію. Они избѣгаютъ похвальныхъ рѣчей потому, что боятся повториться предъ слушателями. Но вмѣстѣ съ этимъ, слѣдуя своему направленію, они рассчитываютъ принести болѣе пользы своимъ слушателямъ. „Чтобы вы болѣе пользы извлекли отсюда (говоритъ Боссюетъ въ одной проповѣди), мы, христіане, свѣтскимъ ораторамъ предоставляемъ блескъ и пышность панегирическаго стиля; у нихъ въ мысли одно,—вызвать удивленіе. А мы стоимъ на каедрѣ Ісуса Христа, нашего Искупителя; простота Евангелія должна быть лучшимъ украшеніемъ нашей рѣчи; мы хотимъ питать ваши души истинами, имѣющими высокое достоинство и всѣмъ понятными“. Также и Бурдалу высказываетъ подобный взглядъ: „Не смотрите на настоящую мою проповѣдь, какъ на простую похвальную рѣчь, которая бы единственною цѣлію имѣла дать вамъ высокое понятіе о святомъ Павлѣ. Я уже сказалъ: я буду говорить вамъ проповѣдь, я буду давать руководство для жизни; я выставляю предъ вашими глазами примѣръ или образецъ, на который нынѣ намъ Богъ уназываетъ, дабы мы сдѣлали изъ него примѣненіе къ себѣ“. Юнгманнъ не отрицаетъ совершенно значенія панегирика или похвальной рѣчи святымъ, тѣмъ болѣе, что образцы такихъ рѣчей встрѣчаются у святыхъ отцовъ Церкви, Іоанна Златоуста, Василія Великаго, Григорія Назіанвинна. Но его сочувствіе всецѣло на сторонѣ того направленія, которому слѣдуютъ французскіе проповѣдники, и свое предпочтеніе этого направленія направленію чисто панегирическому онъ подкрѣпляетъ длинною цитатою изъ разговоровъ Фелелона о краснорѣчій.

Заслуживаютъ вниманія замѣчанія Юнгманна о полемическихъ проповѣдяхъ. По тому понятію, какое авторъ составилъ о духовномъ краснорѣчій, полемическимъ проповѣдямъ не должно быть мѣста на церковной каедрѣ. Возраженія и недоумѣнія по отношенію къ той или другой рели-

гіозной истинѣ могутъ и при извѣстныхъ обстоятельствахъ должны быть принимаемы во вниманіе, разъясняемы и опровергаемы съ церковной кафедрѣ. Но это можетъ быть допущаемо въ дидаскалическихъ проповѣдяхъ. А ставить особый родъ полемическихъ проповѣдей, которыя бы имѣли своею задачею опроверженіе ученій, не согласныхъ съ символомъ, принятымъ Церковію, — это значитъ навязывать духовному краснорѣчію работу, ему не подлежащую. Юнгманъ приводитъ мнѣнія нѣсколькихъ видныхъ авторитетовъ въ исторіи церковнаго краснорѣчія, которые находили изслѣдованія о спорныхъ религіозныхъ вопросахъ въ проповѣди въ высшей степени противными. Проповѣдь должна назидать, а не испровергать, давать руководство для христіанской жизни, а не заниматься нападеніями на тѣхъ, которые некасаются ученіе вѣры. Могутъ представлять, что полемика съ заблужденіемъ нужна для утвержденія христіанъ въ вѣрѣ. Основаніе, повидимому, хорошее; но опытъ показываесть, что оно не имѣетъ никакого достоинства. Независимо отъ разныхъ неудачъ, неразлучныхъ съ такою полемикою, вслѣдствіе поврежденія чловѣческой природы, склонность во зло въ нашей душѣ такъ велика, что иные больше примутъ въ сердцу возраженія, чѣмъ опроверженіе, и такимъ образомъ вмѣсто хлѣба примутъ змій. Лучше съ полною ясностію и вразумительностію излагать положительныя истины религіи, чѣмъ бороться съ заблужденіемъ. Истина, представленная въ своей естественной простотѣ, владѣетъ такою притягательною силою, что она можетъ увлечать и противящіяся ей умы. Сердце въ церкви при богослужбныхъ собраніяхъ ищетъ успокоенія и удовлетворенія духовнаго, а когда на кафедрѣ раздаются бранныя крики противъ иномыслящихъ, тогда не будетъ мѣста этому духовному успокоенію. Церковной кафедрѣ прилично ясное раскрытіе праваго ученія, безъ вилетенія сюда противныхъ заблужденій. Предъ святѣйшимъ таинствомъ тѣла и ярови Христовой правовѣрующій только въ молитвѣ долженъ вспоминать о своихъ заблуждающихъ братіяхъ.

Но ораторскому достоинству проповѣдь парегоретическая выше проповѣди дидакалической. И на западѣ, со времени реформы въ проповѣди, произведенной Воссюетомъ, Бурдалу, Массильиономъ, она сдѣлалась господствующею не въ одной Франціи, но и въ другихъ странахъ. Образцы французскаго классическаго церковнаго краснорѣчія, отличающіеся высѣкимъ ораторскимъ совершенствомъ, всѣ парегоретическаго характера. Они склонили вниманіе проповѣдниковъ къ этому роду проповѣдей, и при добромъ вліаніи на проповѣдь имѣли въ результатѣ невыгодную сторону. Отсюда въ теоріи и практикѣ проповѣднической возникла односторонность, — стали пренебрегать дидакалическою проповѣдію, и въ практикѣ почти не обращаются къ ней. Между тѣмъ въ дидакалической проповѣди ощущается большая потребность. Большая половина христіанъ въ религіозныхъ дѣлахъ оказываются невѣждами, и это нужно сказать не только о простомъ народѣ, но и о людяхъ образованныхъ, даже и объ ученыхъ. Самые парегоретическія проповѣди мало понимаются и не производятъ надлежащаго дѣйствія потому, что народъ не имѣетъ элементарныхъ познаній, какія для того требуются. Если бы христіанство изъ двухъ формъ краснорѣчія принуждено было избрать одну какую либо, то оно скорѣе должно было бы отказаться отъ парегоретической проповѣди: безъ нея оно еще могло бы существовать, а безъ дидакалической никогда. Если дидакалическая проповѣдь будетъ въ забвеніи, невѣжество и заблужденіе всегда скорѣе распространится въ народѣ. Народъ не будетъ владѣть основательнымъ знаніемъ религіознаго ученія, если ему будутъ сообщаться только частныя отрывки его, безъ связи и порядка.

Теорія Юнгманна заключается практическими замѣчаніями касательно способа составленія проповѣдей, и въ этихъ замѣчаніяхъ даны добрыя указанія, которыя мы можемъ ре-

комендовать принять къ свѣдѣнію каждому проповѣднику, въ особенности начинающему, желающему усовершенствовать себя въ высокомъ и трудномъ искусствѣ проповѣдничества.

Что же, первѣе всего, при составленіи и предъ произнесеніемъ проповѣди необходимо проповѣднику? Первѣе всего необходима молитва, испрошеніе божественной благодатной помощи для благоуспѣшнаго совершенія дѣла. Чтобы сдѣлать этотъ совѣтъ болѣе убѣдительнымъ для проповѣдника, Юнгманнъ цитуетъ языческаго философа Платона и изъ его діалога „Тимей“ приводитъ свидѣтельство въ подтвержденіе своего положенія. Критій сдѣлалъ предложеніе Тимею изложить свои мысли о происхожденіи вселенной. Сократъ выразилъ свое согласіе на это и пригласилъ Тимея начать, но наперекъ просилъ его, какъ слѣдуетъ по обычаю, призвать боговъ. „Ты правъ, Сократъ“, отвѣчалъ ему Тимей. „Всѣ, если только они сколько нибудь разумны, обыкновенно призываютъ боговъ предъ началомъ каждаго дѣла, значительнаго ли то, или незначительнаго; тѣмъ болѣе должны обратиться къ богамъ и богинямъ мы, собираясь разсуждать о происхожденіи вселенной, если только не хотимъ быть безумными, и просить ихъ всѣхъ, чтобы мы были въ состояніи прежде всего говорить, какъ имъ угодно, потому, что касается насъ самихъ, чтобы, съ одной стороны, я ясно и правильно выражалъ свои мысли, а съ другой, вы легко понимали то, что я скажу“¹⁾. Если язычникъ такъ разсуждалъ, то тѣмъ болѣе мы христіане, если не хотимъ быть безумными, приступая къ составленію проповѣди, въ глубокомъ смиреніи и благоговѣніи усердно должны просить благодати Святаго Духа. Язычникъ не имѣлъ того божественнаго откровенія, которымъ мы руководствуемся. А намъ указано чрезъ апостола Духомъ Святымъ, что мы *не доволни есмы отъ себе помyslити что, яко отъ себе, но доволство наше отъ Бога*

¹⁾ Сочиненія Платона, перев. Карповичъ, ч. VI, стр. 388.

(2 Кор. III, 5). И блаж. Августинъ совѣтуетъ проповѣднику, намѣревающемуся говорить слово предъ собраніемъ или диктовать проповѣдь свою другимъ желающимъ и способнымъ скзать ее предъ народомъ, усердно молиться, да дастъ Господь во уста его слово благо. Ибо если царица Есѣрь, приготовляясь предъ царемъ Артаксерсомъ говорить за временное спасеніе народа своего, молилась, чтобы Господь далъ *слово благоугодно во уста ея* (Есѣ. IV, 17): то не паче ли долженъ молиться о полученіи сего важнаго дара тотъ, кто трудится надъ словомъ и ученіемъ о вѣчномъ спасеніи людей?¹⁾

Второе дѣло проповѣдника твердо установить предметъ проповѣди и ясно поставить особенную цѣль, какой хочетъ достигнуть своею проповѣдію. Въ особенности въ парегоретическихъ проповѣдяхъ эта цѣль всегда должна быть намѣчена съ полною опредѣленностію.

Затѣмъ собираются мысли для изслѣдованія, какъ грубый матеріалъ. Эти мысли, представляющіяся при размысленіи, слѣдуетъ записывать въ томъ порядкѣ, какъ они возникаютъ, и по возможности кратко. Для ясности хорошо означать ихъ цифрами.

По собраніи соотвѣтствующаго множества мыслей нужно смотрѣть, въ какомъ отношеніи онѣ находятся между собою, и свести ихъ къ одной центральной мысли, къ одному основанію. Центральную мысль или главное положеніе нужно твердо поставить, и за тѣмъ начертить предварительный планъ или порядокъ раскрытія основной мысли частными представленіями. Первоначальный планъ проповѣди Юнгманнъ называетъ предварительнымъ, потому что это первое расположеніе еще не можетъ быть неизмѣннымъ. При обсужденіи, развитіи и ораторскомъ изложеніи основной мысли проповѣди и при письменной обработкѣ проповѣди часто прихо-

¹⁾ Христ. наука, IV, гл. 68.

дятся измѣнять начертанный первоначально планъ проповѣди. На первыхъ порахъ проповѣднической дѣятельности рекомендуется духовнымъ ораторамъ всегда два раза писать и обрабатывать свои проповѣди: вторая обработка всегда будетъ лучше первой.

Послѣднее замѣчаніе касательно составленія и произнесенія проповѣдей даетъ рѣшеніе спорнаго вопроса о томъ, нужно ли проповѣди записывать сполна, выучивать ихъ наизусть и потомъ по памяти произносить изученное, или слѣдовать въ этомъ пунктѣ другому методу: Юнгманнъ не хочетъ прямо отъ себя давать рѣшительный отвѣтъ на этотъ вопросъ, а приводитъ мнѣнія авторитетныхъ лицъ, и ихъ заставляеть говорить вмѣсто себя, имѣя въ виду болѣе основательное рѣшеніе спорнаго вопроса. Лучшие авторитеты, имъ приводимые, стоятъ за запись ораторскихъ рѣчей. Прежде всего онъ приводитъ мнѣніе Квинтиліана. Квинтиліанъ находилъ, что при различіи дарованій, безъ сомнѣнія, нельзя всѣмъ предписывать одинаковую методу. Но если кто владѣеть хорошею памятію и имѣеть достаточно времени, то я совѣтовалъ бы (говорить Квинтиліанъ) твердо держаться письменной обработки и не пропускать ни одного слога: иначе запись была бы излишня... При данныхъ условіяхъ эта метода, безъ сомнѣнія, самая лучшая. А если нѣтъ этихъ условій,—легкой памяти и времени, тогда бесполезно связывать себя записанными словами; ибо забвеніе одного какого либо изъ нихъ можетъ произвести непріятное замедленіе въ произношеніи, и даже вовсе остановить его. При такихъ обстоятельствахъ безопаснѣе, умомъ усвоивши себѣ мысли, оставить свободу словеснаго изложенія до произношенія. Впрочемъ, произношеніе при такомъ условіи удастся только тѣмъ, кто уже нажилъ нѣкоторую оцѣтность въ импровизаціи ¹⁾.

¹⁾ Quintil. Instit. orat. Lib. XV de memoria, c. 2. Altenburgi. T. II. p. 319—320.

Юнгманъ противопоставляетъ этому мнѣнію мнѣніе Фенелона, который не рекомендуетъ предварительной записи проповѣдей, и дѣлаетъ длинную выдержку изъ его „Разговоровъ о краснорѣчіи“, но методу, указываемую Квинтиліаномъ, онъ считаетъ нормою или правиломъ, котораго должны держаться проповѣдники при возвѣщеніи слова Божія. И Фенелонъ, возражающій противъ записи и выучиванія проповѣдей, слишкомъ многого требуетъ отъ человѣка, выступающаго на кафедрѣ безъ записанной напередъ рѣчи. Онъ предполагаетъ, что такой человѣкъ имѣетъ твердый навыкъ въ письменныхъ работахъ, перечиталъ образцовыхъ ораторовъ, отъ природы владѣетъ хорошимъ даромъ слова, и этотъ даръ развилъ и усовершенствовалъ долгимъ упражненіемъ, и кромѣ того приобрѣлъ значительный запасъ основательныхъ знаній. И такой человѣкъ, собираясь говорить проповѣдь, долженъ хорошо обдумать свою тему, и въ умѣ своемъ привести въ порядокъ всѣ мысли. Для такихъ людей, которые бы владѣли всѣмъ тѣмъ, чего требуетъ Фенелонъ, его метода была бы правильна. Но такихъ людей не много. Особенно въ первые годы проповѣднической дѣятельности никакъ не слѣдуетъ уклоняться отъ руководственныхъ указаній Квинтиліана. И Фенелонъ требуетъ отъ человѣка усерднаго, постояннаго, неутомимаго упражненія въ письменныхъ работахъ, если онъ хочетъ имѣть успѣхъ въ краснорѣчіи. Платонъ влагаетъ въ уста Сократа такія слова его Федру: „Предположимъ, что природа дала тебѣ ораторскія способности; но ты сдѣлаешься хорошимъ ораторомъ, когда съ этими способностями соединишь знаніе теоріи и усердное упражненіе; на сколько у тебя будетъ недоставать этихъ двухъ условій, на столько ты будешь далекъ отъ совершенства“¹⁾. Нѣтъ искусства, которымъ бы можно было овладѣть безъ неослабнаго упражненія. Краснорѣчіе не можетъ составлять въ

¹⁾ Сочиненія Платона, пер. Карповичъ. Ч. IV, стр. 99.

Труды Кіев. дух. Акад. Т. I. 1899 г.

этомъ случаѣ исключенія, и упражненіе, необходимое для усовершенствованія въ немъ, есть именно письменное упражненіе, письменная обработка рѣчей.

Для людей, обладающихъ живою фантазією и легкимъ языкомъ, всегда близко искушеніе считать излишнимъ необходимымъ элементъ приготовленія къ рѣчи, и упражняться просто въ импровизаціи. Но объ этомъ пунктѣ основательно говорить Цицеронъ, влагая свою мысль въ уста Красса. Онъ не оспариваетъ, что упражненіе въ импровизаціи приноситъ свою пользу. „Но весьма многіе (замѣчаетъ онъ) при такой импровизованной рѣчи упражняютъ только свою грудь и свой голосъ; они усовершенствовали изворотливость своего языка и счастливы тѣмъ, что могутъ разсыпаться обиліемъ словъ. Ихъ обольщаетъ мысль, которую часто можно слышать: „практикою (dicendo) обыкновенно люди пріобрѣтаютъ способность говорить“. Но справедливѣе нужно сказать: дурно говорить люди научаются отъ того, что имъ весьма легко достаются плохія рѣчи. Посему въ самыхъ тѣхъ упражненіяхъ, хотя хорошо говорить рѣчь и экспромптомъ, но гораздо лучше, употребивши время на размышленіе, говорить рѣчь, тщательно приготовленную заранѣе. Но главное дѣло, (что мы, говоря по правдѣ, весьма мало дѣлаемъ; ибо это требуетъ большого труда, какого весьма многіе изъ насъ избѣгаютъ)—главное дѣло какъ можно больше писать. Стилъ (перо) самый лучшій и самый превосходный производитель (effector) и учитель краснорѣчія. И это справедливо: ибо если послѣ размышленія и обдумыванія легко удастся иной разъ импровизованная и случайная рѣчь, то послѣ усидчиваго и усерднаго записыванія она выдетъ несравненно лучше. Тогда при внимательномъ и серьезномъ отношеніи къ дѣлу, лучше возникаютъ и развиваются мысли, служація къ успѣху того предмета, о которомъ мы пишемъ; далѣе подпадаютъ мало по малу подъ перо обороты и выраженія, наиболѣе подходяція къ особенной дѣли и предмету рѣчи, и

наконецъ чрезъ записъ научаются искусству правильного строенія рѣчи и пріобрѣтають стиль, отличающійся благозвучіемъ и ораторскою размѣренностію (*numero et modo*). Вотъ преимущества, которыя снискивають хорошимъ ораторамъ одобрительные крики и удивленіе. Этихъ преимуществъ никто не пріобрѣтеть, если не будетъ долго и много упражняться въ письменныхъ работахъ, хотя бы онъ весьма часто упражнялся въ импровизаціи. А кто напротивъ выступаетъ съ публичными рѣчами послѣ тщательнаго упражненія въ записи ихъ, тотъ пріобрѣтаетъ такую способность говорить, что, если будетъ и импровизировать, слушателямъ это будетъ казаться рѣчью, похожею на рѣчь записанную; и еще, если онъ свою рѣчь письменно обработалъ, а во время произнесенія отступилъ отъ записи, его добавленная рѣчь не будетъ отличаться отъ того, что записано имъ¹⁾. Согласно съ Цицерономъ говорить Квинтиліанъ, по которому письменная обработка рѣчей дѣло, требующее весьма большого труда, но зато общающее весьма большую пользу и великій успѣхъ. Потому писать (упражняться въ письменныхъ работахъ) нужно какъ можно усерднѣе и какъ можно больше²⁾.

В. Пшоничкій.

---

¹⁾ Ciceronis De oratore. L. 1, c. XXXIII, n. 149—153. Cic. oper., t. II (Paris), p. 58—9.

²⁾ Quint. Instit. orator. 58—59. Lib. X. c. III. T. II, p. 238.

ПРЕОСВЯЩЕННЫЙ КИРИЛЛЪ НАУМОВЪ.

ЕПИСКОПЪ МЕЛИТОПОЛЬСКІЙ,

бывшій настоятель русской православной миссіи
въ Іерусалимѣ.

(Продолженіе¹).

Сношенія преосвященнаго Кирилла съ представителями восточныхъ православныхъ церквей въ Константинополѣ, во время пребыванія тамъ нашей миссіи, на пути ея въ Іерусалимъ, получали тѣмъ большій интересъ, что тогда былъ возбужденъ вопросъ въ Константинополѣ о смѣнѣ вселенскаго патріарха Кирилла. Нѣкоторые члены Синода, недовольные его уступчивостію передъ Портою относительно выбора членовъ въ составъ комиссіи для обсужденія требовавшихся Гатти - гумаюномъ церковныхъ преобразованій, — изъявили желаніе выбрать болѣе энергическаго преемника ему. Единственными кандидатами на это званіе провозглашались бывшіе уже патріархами Григорій и Анеимъ. Первый смѣненъ былъ лѣтъ 18 тому назадъ, по настойчивому требованію англійскаго правительства; послѣдній былъ ближайшимъ предшественникомъ тогвременнаго патріарха, а въ послѣднее время довѣреннымъ челоувѣкомъ лорда Редклифа и явнымъ доброжелателемъ Англій.

---

¹) См. Труды Академіи 1898 г. и. ноябрь.

Говорили, что онъ дѣйствуетъ подкупомъ на турецкихъ министровъ и, обезпечивъ себя не совсѣмъ законными средствами, имѣеть болѣе, чѣмъ кто другой, шансовъ къ достиженію патріаршаго сана. Съ другой стороны, рассказывали, что французскій посоль и греческій министръ, готовы были всячески поддерживать предъ Портою выборъ Григорія. Подобныя же косвенныя предложенія сдѣланы были и русскому послу. Но онъ рѣшительно отклонилъ ихъ на томъ основаніи, что, хотя пользовавшаяся общимъ уваженіемъ личность п. Григорія извѣстна и ему съ самой хорошей стороны, тогда какъ онъ не имѣлъ основанія быть довольнымъ отношеніями п. Кирилла къ нему, но, держась больше всего древнихъ правилъ безсмѣнности патріарха, не можетъ подать голоса въ пользу сверженія нынѣшняго. Въ дѣйствительности же русскій посоль руководилъ въ данномъ случаѣ тѣмъ соображеніемъ, что выборъ патріарха Григорія, постоянно отклонявшійся прежде, при всякихъ новыхъ выборахъ, представлялся и теперь весьма сомнительнымъ, личность же патріарха Анѳима не давала ему никакихъ ручательствъ на лучшее будущее.

При такой шаткости своего положенія, вселенскому патріарху Кириллу естественно было искать поддержки въ лицѣ явившагося на Востокъ русскаго епископа. Думаютъ, что, по внушенію халкидонскаго мирополита, имѣвшаго сильное вліяніе на вселенскаго патріарха, преосв. Кириллъ былъ приглашенъ къ участію въ совершеніи литургіи въ патріаршей церкви вмѣстѣ съ его Святѣйшествомъ въ ночь на праздникъ Рождества Христова. Служеніе это было совершено съ особенною торжественностію п. Кирилломъ и 14 архіереями, въ присутствіи логовета Аристарха, въ первый разъ въ этотъ день вступавшаго вновь въ отправление обязанностей своей должности, заключающихся во всенародномъ чтеніи символа вѣры и молитвы Господней при патріаршемъ служеніи. Преосв. Кириллъ занималъ почетное мѣсто непосредственно за чле-

нами Синода и выше всѣхъ прочихъ митрополитовъ. Во время литургіи ему пришлось говорить по-славянски возгласъ: „Твоя отъ Твоихъ Тебѣ приносяще о всѣхъ и за вся“, а участвовавшій въ богослуженіи діаконъ посольской церкви нашей въ Константинополь произносилъ эктеніи на славянскомъ же языкѣ. Торжественное богослуженіе собрало въ храмъ весьма великое множество народа, смотрѣвшаго „на службу со слезами умиленія и радости“¹⁾.

По окончаніи богослуженія, преосв. Кириллъ разговлялся у патріарха и принималъ вновь самыя искреннія привѣтствія отъ всего собора архіереевъ вмѣстѣ съ выраженіями радости о тѣсномъ союзѣ любви между русскою и восточною церквами.

Участіе преосв. Кирилла въ служеніи литургіи на праздникъ Рождества Христова съ греческими іерархами, какъ тотчасъ же оказалось, произвело самое благотворное дѣйствіе на общественное мнѣніе и настроеніе константинопольскаго греческаго общества. Никомидійскій и халкидонскій митрополиты, по порученію патріарха, говорили потомъ преосв. Кириллу, что вся греческая церковь приняла это событіе, какъ великое утѣшеніе для себя; что во время недавней войны весь народъ плакалъ, когда вселенскій патріархъ Анеимъ позволилъ себѣ, въ своемъ адресѣ султану, отозваться о Россіи, что греческая церковь не нуждается въ ея помощи, а нынѣ народъ опять плакалъ отъ умиленія, удостовѣрившись изъ сослуженія русскаго епископа съ греческими, что Россія великодушно простила имъ допущенный грѣхъ. Патріархъ же считалъ себя истинно счастливымъ, что въ его управленіе изгладилось недоброе впечатлѣніе отъ выходы п. Анеима, и что этимъ нагляднымъ символомъ единенія обѣихъ церквей обличились хитрыя козни враговъ православія,

¹⁾ См. письмо преосв. Кирилла къ м. Григорію отъ 26 февраля 1858 г. въ Духовн. Вестѣ 1856 г., № 19, стр. 247.

которые постоянно нашептывали грекамъ, что русское богослуженіе и вообще русская церковь далеко уклонилась отъ единства съ вселенскою церковью.

Оказывая вселенскому патріарху вниманіе, необходимое для установленія болѣе довѣренныхъ сношеній съ греческою церковью въ Константинополѣ, преосв. Кириллъ, по предварительному соглашенію съ русскимъ посломъ, увѣдомилъ бывшаго п. Григорія, что, если, за недосугомъ, ему не удастся посѣтить его на Босфорѣ, то онъ проситъ, по крайней мѣрѣ, заочнаго благословенія у него себѣ и приносить ему, въ знакъ уваженія и памяти, подароужъ изъ собственной своей ризницы. П. Григорій принялъ присланные ему преосв. Кирилломъ клобуки и четки, и благодарилъ его за память и вниманіе, съ которыми преосвященный избѣгаетъ личнаго свиданія съ нимъ, чтобы этимъ не ставитъ ни его, ни самого себя въ затруднительныя и неловкія отношенія къ великой церкви.

Что касается отношеній преосв. Кирилла къ іерусалимскому патріарху, то они установились, какъ мы уже знаемъ изъ словъ перваго въ его письмѣ къ оберъ-прокурору Св. Синода, въ самомъ лучшемъ видѣ. Послѣ перваго, т. е. оффиціального свиданія, преосв. Кириллъ былъ еще два раза у патріарха іерусалимскаго, который принималъ его всякій слѣдующій разъ все съ большимъ и большимъ радушіемъ. Сказавъ преосв. Кириллу, что намѣренъ посѣтить его послѣ праздника, патріархъ убѣдительно просилъ его отложить свой отъѣздъ въ Іерусалимъ, по крайней мѣрѣ, до праздника Богоявленія, какъ для того, чтобы избѣжать мореплаванія, особенно опаснаго во время святокъ, по Средиземному морю, такъ и для того, чтобы имѣть возможность видѣться съ нимъ и переговорить о всемъ, какъ можно, подробнѣе. „Самые моряки“,—говорилъ онъ преосв. Кириллу,—„стараются не выходить въ море отъ Рождества до освященія воды, а Ваше Преосвященство—у доброй пристани: къ чему вамъ спѣшить?“ Рѣшившись, по всемъ этимъ соображеніямъ, остаться въ Кон-

стантинополѣ до 10 января 1858 года, преосв. Кирилъ отвѣчалъ патріарху Іерусалимскому, что, имѣя намѣреніе не предпринимать ничего безъ благословенія Его Блаженства, онъ радъ явить ему это первое доказательство своего послушанія.

Во время слѣдовавшаго затѣмъ двукратнаго свиданія и совѣщанія преосв. Кирилла съ іерусалимскимъ патріархомъ, они рѣшили два весьма важныхъ съ точки зрѣнія миссіи преосв. Кирилла вопроса: о русскихъ поклонникахъ и русскомъ богослуженіи въ Іерусалимѣ.

Относительно перваго вопроса патріархъ Кирилъ объяснилъ, что, находясь въ Іерусалимѣ въ теченіе 12 лѣтъ въ качествѣ намѣстника патріарха Аѳанасія, онъ самъ имѣлъ возможность присмотрѣться къ образу жизни русскихъ поклонниковъ. Въ то время мужчины и женщины, имѣя въ Іерусалимѣ одно общее помѣщеніе, позволяли себѣ разные соблазнительные поступки, о которыхъ печально и вспоминать. Тогда іерусалимская патріархія исходатайствовала у русскаго правительства особый уставъ для поклонниковъ. Уставомъ этимъ присвоено было право монастырю св. Гроба назначать исправительныя наказанія тѣмъ поклонникамъ, которые будутъ вести беспорядочную жизнь. Съ тѣхъ поръ самый явный соблазнъ прекратился, но охота къ нему не прошла. Одинъ изъ поклонниковъ, котораго самъ патріархъ засталъ въ нетрезвомъ видѣ, отвѣчалъ ему, видимо, со всею откровенностію, что онъ пьетъ потому, что можетъ за одни и тѣ же деньги напиться четыре раза въ Іерусалимѣ противъ одного раза въ Россіи. Поэтому, должно исправлять ихъ сперва духовнымъ назиданіемъ, объясняя имъ самую цѣль пребыванія ихъ въ св. градѣ, а въ крайнихъ случаяхъ прибѣгать и къ наказаніямъ. Самое чувствительное для нихъ наказаніе, по мнѣнію п. Кирилла, состоитъ во временной ссылкѣ на казаніе въ монастырь св. Саввы. Довольно одного, двухъ примѣровъ для спасительнаго предостереженія прочихъ. Тѣмъ

изъ нихъ, которые, вслѣдствіе неспокойнаго или даже буйнаго нрава, будутъ подлежать высылкѣ изъ св. града, не должно позволять продолжительнаго пребыванія въ немъ, по нѣсколь- ку мѣсяцевъ, а назначивъ имъ отъ 30 до 40 дней для по- сѣщенія св. мѣстъ, высылать ихъ затѣмъ въ Яффу въ рус- скому консулу. Съ своей же стороны, патріархъ Кириллъ выражалъ намѣреніе приступить къ постройкѣ новаго дома (гостиницы) для помѣщенія русскихъ поклонниковъ, раз- умѣется, съ предварительнаго разрѣшенія Порты.

Преосв. Кириллъ, въ свою очередь, выразилъ патріарху полную готовность наблюдать за порядкомъ и поведеніемъ русскихъ богомольцевъ, занимать ихъ хожденіемъ въ цер- ковь и пѣніемъ и вообще всячески отвлекать ихъ отъ праз- дности, а непослушныхъ, или буйныхъ отсылать обратно въ Россію съ дурною аттестаціею, тѣмъ болѣе, что все это со- ставляло и его прямую обязанность.

Что касается совершенія русскаго богослуженія въ Іе- русалимѣ, то патріархъ, согласно съ желаніемъ, выраженнымъ со стороны преосв. Кирилла, обѣщалъ сдѣлать необходимыя распоряженія о допущеніи его къ служенію при св. Гробѣ и на Голгоѣвъ всякій разъ, какъ только онъ пожелаетъ, въ часы, оредѣленные для православнаго духовенства, и даже самъ предложилъ сдѣлать распоряженіе, чтобы, въ облегченіе преосв. Кирилла, всегда имѣлись на мѣстѣ готовыя для него обла- ченія изъ патріаршей ризницы.

Кромѣ того, патріархъ Кириллъ замѣтилъ, что до войны (крымской) въ Николинъ день (6 декабря) богослуженіе въ Іерусалимѣ совершалось съ такою же точно торжественно- стію, какъ на Пасху. Послѣ войны великолѣпіе это, по необ- ходимости, должно было нѣсколько сократиться, хотя дни рожденія и тезоименитства Августѣйшихъ Особъ Русскаго Царствующаго Дома и теперь праздновалось съ особенною пышностію. Патріархъ іерусалимскій выражалъ надежду, что въ скоромъ времени все это должно было войти опять въ прежній порядокъ.

Всѣ эти сношенія преосв. Кирилла ¹⁾ съ восточными іерархами въ Константинополѣ происходили до праздника Рождества Христова и въ самые первые дни праздниковъ. Въ слѣдовавшіе затѣмъ дни сношенія эти продолжались, обогащая преосв. Кирилла полезными свѣдѣніями и постепенно вводя его въ пониманіе тоговременнаго положенія православной церкви на Востокѣ.

На праздникахъ преосвящ. Кирилла посѣтили во дворцѣ русскаго посольства патріархи—вселенскій и іерусалимскій, равно какъ и значительнѣйшіе члены константинопольскаго синода.

Вселенскій патріархъ повторилъ почти буквально тѣ самыя жалобы на турецкое правительство, какія раньше слышалъ преосв. Кириллъ отъ никомидійскаго митрополита, во время посѣщенія этого послѣдняго. Патріархъ, прежде всего, объяснилъ всю опасность, которая, по мнѣнію его, угрожала бы греческой церкви, если бы Порты успѣла настоять на своемъ желаніи назначить епископамъ постоянное жалованье и просилъ заступничества русскаго посольства предъ турецкимъ правительствомъ, такъ чтобы рѣшеніе этого вопроса было во все отклонено и все оставалось бы попрежнему.

Русскій посоль, присутствовавшій при этомъ свиданіи вселенскаго патріарха съ преосв. Кирилломъ, позволилъ себѣ здѣсь заявить, что о подобномъ домогательствѣ не можетъ быть и рѣчи, такъ какъ вопросъ о содержаніи духовенства возбужденъ Портою на основаніи гатти-гумаюна, исполненіе котораго составляетъ одно изъ торжественныхъ обязательствъ, принятыхъ на себя султаномъ предъ лицомъ всей Европы; что хотя Россія и не участвовала въ составленіи этого акта, но, при заключеніи мира, признала обязательность его въ

¹⁾ Свѣдѣнія о нихъ заимствованы преимущественно изъ записки константинопольскаго посла Бутенева, представленной имъ въ Министерство Иностранныхъ Дѣлъ въ январѣ 1858 г. См. арх. Св. Синода по канцеляріи Оберъ-Прокурора за 1858 г. д. № 381.

главныхъ чертахъ; что если Россія приметъ участіе въ толкованіи нѣкоторыхъ статей его въ пользу греческой церкви, то этимъ непременно вызоветъ посредничество западныхъ державъ, которое едва ли будетъ клониться къ выгодамъ греческаго духовенства!

Тогда вселенскій патріархъ началъ просить, чтобы Россія содѣйствовала великой церкви въ достиженіи, по крайней мѣрѣ, одного ограниченія, по которому патріархъ одинъ изъ всѣхъ архіереевъ былъ бы обезпеченъ постояннымъ жалованьемъ какъ для содержанія окружающихъ его членовъ церкви и зависящихъ отъ вселенскаго престола училищъ и благотворительныхъ учрежденій, такъ и для неизбѣжныхъ подарковъ турецкимъ властямъ, всѣ же прочіе епископы были бы оставлены при прежнемъ своемъ содержаніи, получавшимся отъ добровольныхъ подаваній паствы. Въ противномъ случаѣ, говорилъ патріархъ, Порта, имѣя всѣхъ архіереевъ на жалованьѣ, легко можетъ придти къ мысли о сокращеніи числа епископовъ, ради уменьшенія своихъ издержекъ, равно какъ можетъ соблазниться назначеніемъ недостойныхъ епископовъ, которые согласятся принять на себя этотъ санъ на половинномъ жалованьѣ.

Въ отвѣтъ на это преосв. Кирилъ предложилъ отъ себя, въ видѣ личнаго мнѣнія, среднюю мѣру, какъ средство примирить притязанія Порты съ желаніями духовенства, а именно: епископы будутъ получать попрежнему добровольныя подаванія, но такъ, что мѣра этихъ пожертвованій будетъ предварительно опредѣлена по обоюдному согласію духовенства съ мірянами, для ограниченія возможнаго произвола съ той и другой стороны.

Нѣсколько смущенный этимъ совѣтомъ, вселенскій патріархъ не далъ положительнаго отвѣта на него и возвратился снова къ любимой мысли о совершенномъ отклоненіи какихъ бы то ни было преобразованій.

Вообще въ словахъ какъ патріарха вселенскаго, такъ и

другихъ архіереевъ греческихъ, съ которыми видѣлся и бесѣдовалъ преосв. Кириллъ, ясно выражались двѣ мысли: 1) приверженность всего высшего греческаго духовенства къ старому порядку вещей, къ правамъ (пробѣма), утвержденнымъ древними узаконеніями мусульманскихъ завоевателей; 2) полное разъединеніе между духовенствомъ и мірянами по поводу всѣхъ вопросовъ относительно предполагавшихся тогда преобразованій въ устройствѣ православной церкви на Востокѣ. Вселенскій патріархъ горько жаловался на князя Стефана Вогориди, одного изъ почетнѣйшихъ представителей сословія мірянъ въ патріаршемъ совѣтѣ, за то, что онъ первый подалъ мысль о новомъ составѣ синода, въ который вмѣсто безсмѣнныхъ членовъ, незаконно присвоившихъ себѣ это право, призывались бы поочередно всѣ епархіальные архіереи.

Іерусалимскій патріархъ, съ своей стороны, продолжалъ все время оказывать преосв. Кириллу наружную ласку и предупредительность. Только, къ сожалѣнію, первосвятитель церкви іерусалимской слишкомъ подчинялся вліянію лицъ, окружавшихъ его и въ тайнѣ негодовавшихъ на учрежденіе русской миссіи въ св. градѣ. Этимъ постороннимъ вліяніемъ объяснялись, по мнѣнію преосв. Кирилла и русскаго посольства въ Константинополѣ, косвенные намеки патріарха, показывавшіе желаніе его поставить настоятеля нашей іерусалимской миссіи въ нѣкоторую зависимость отъ святогробскаго духовенства. Такъ, во время одного своего свиданія съ преосв. Кирилломъ, патріархъ, посвящая его въ особенности православнаго богослуженія въ свв. мѣстахъ, просилъ его соблюдать нѣкоторые мѣстные обычаи, какъ-то: не входить съ тростію въ церковь, не носить митры на Голгоѣ, ходить исключительно въ черныхъ рясахъ и не употреблять цвѣтныхъ, советуя ему во всѣхъ подобныхъ мелочахъ руководствоваться опытностію его намѣстниковъ въ Іерусалимѣ. Дозволя ему ежедневное русское служеніе въ Архангельскомъ монастырѣ,

предоставленномъ, въ случаѣ нужды, для помѣщенія нашей духовной миссіи, патріархъ просилъ преосв. Кирилла предупредить всякій разъ патріаршихъ намѣстниковъ о своемъ желаніи служить литургію. При совершеніи же богослуженія въ другихъ мѣстахъ св. града, онъ тѣмъ болѣе еще долженъ былъ, по совѣту патріарха, подчиняться извѣстнымъ условіямъ мѣста и времени и неизбежнымъ ограниченіямъ въ чинѣ богослуженія, которое не должно быть исключительно русскимъ и должно совершаться на разныхъ языкахъ¹⁾.

Относительно помѣщенія русскихъ поклонниковъ въ Іерусалимѣ патріархъ теперь, въ дополненіе къ прежнему, заявилъ, что онъ имѣетъ намѣреніе приступить къ построенію для нихъ новой гостинницы, которая однакоже не можетъ быть скоро готова, такъ какъ онъ предполагаетъ передѣлать ее изъ недостроенныхъ турецкихъ казармъ, вмѣщающихъ въ себѣ приблизительно до 600 человекъ. Патріархъ намѣренъ былъ просить у Порты уступки ему этого зданія, при чемъ не сомнѣвался въ успѣхѣ своей просьбы, надѣясь на дружественное расположеніе къ нему со стороны великаго визиря.

Заговоривъ о люстрѣ, пожертвованной въ пользу голгоетской церкви, іерусалимскій патріархъ выражалъ сомнѣніе въ томъ смыслѣ, что, по тѣсному объему и малой высотѣ этого храма, она едва ли можетъ быть употреблена согласно съ благочестивымъ ея назначеніемъ. Впрочемъ, окончательное рѣшеніе этого вопроса онъ предоставлялъ ближайшему усмотрѣнію преосв. Кирилла. Вообще же іерусалимскій па-

¹⁾ Нашъ Св. Синодъ не нашелъ ничего неудобнаго, или обиднаго въ этихъ предложеніяхъ іерусалимскаго патріарха преосв. Кириллу. „Члены Св. Синода нашего“,—писалъ гр. А. П. Толстой кн. А. М. Горчакову, 30 января 1858 г.,—„не усматриваютъ въ сихъ условіяхъ ничего стѣснительнаго для нашей духовной миссіи. Соблюденіе мѣстныхъ обычаевъ даже необходимо, чтобы ни греки, ни иновѣрцы не имѣли повода упрекать русскихъ въ пренебреженіи того, къ чему призвали мѣстные жители“. См. арх. Св. Синода по канцеляріи Оберъ-прокурора за 1868 г. д. № 381.

тріархъ увѣрялъ и посла нашего въ Константинополь и преосв. Кирилла въ своей полной готовности всячески содѣйствовать спокойствію и благосостоянію нашей миссіи въ Іерусалимѣ.

Одно только казалось страннымъ въ отношеніяхъ іерусалимскаго патріарха въ начальнику русской іерусалимской духовной миссіи, именно то, что, неоднократно высказавъ свое недоумѣніе по поводу истинной цѣли назначенія миссіи на Востокъ и, въ частности, въ Св. землѣ предъ архимандритомъ Григоріемъ (Веглерисъ)¹⁾, въ бесѣдахъ своихъ съ преосв. Кирилломъ патріархъ ни разу не коснулся этого вопроса. Послѣднее обстоятельство тѣмъ менѣе говорило въ пользу совершенной искренности іерусалимскаго патріарха, что и вселенскій патріархъ, послѣ торжественнаго служенія съ преосв. Кирилломъ въ ночь на Рождество Христово, выражалъ разнымъ лицамъ свои подозрѣнія относительно тайнаго политическаго характера нашей духовной іерусалимской миссіи²⁾. По свѣдѣніямъ нашего посольства въ Константинополь, англійское посольство присылало своихъ агентовъ къ обоимъ патріархамъ съ вопросомъ: что за новый посланникъ русскій отправляется, подъ именемъ епископа Кирилла, въ Іерусалимъ и съ какою именно цѣлію. Вселенскій патріархъ отвѣчалъ, что это дѣло его не касается и ему ничего неизвѣстно, и указалъ на іерусалимскаго патріарха, какъ на лице, преимущественно въ этомъ дѣлѣ заинтересованное.

Неизвѣстнымъ осталось, какія объясненія далъ англій-

¹⁾ Намъ уже извѣстенъ отзывъ іерусалимскаго патріарха предъ архим. Порфиріемъ о миссіи преосв. Кирилла. См. выше стр. 122—123 ср. архим. Порфирія. Второе путешествіе по св. горѣ Афонской М. 1880 г. стр. 12—18.

²⁾ Изъ другихъ источниковъ мы узнаемъ, что и вселенскій патріархъ въ глубинѣ души относился несочувственно къ учрежденію нашей миссіи въ Іерусалимѣ подъ начальствомъ преосв. Кирилла. Когда 19 мая 1858 года архим. Порфирій (Успенскій) посетилъ вселенскаго патріарха, то этотъ послѣдній, прощаясь съ нимъ, „выразилъ свое неудовольствіе на посланнаго въ Іерусалимъ нашего мелитопольскаго епископа Кирилла“, хотя, впрочемъ, и по другимъ побужденіямъ, по крайней мѣрѣ, на словахъ. См. архим. Порфирія. Второе путешествіе по св. горѣ Афонской. М. 1880 г., стр. 12.

скому посольству іерусалимскій патріархъ, но полная откровенность, съ какою преосв. Кириллъ постоянно говорилъ ему о чисто духовномъ характерѣ своей миссиі, должна была убѣдить его совершенно въ чистотѣ намѣреній русскаго правительства относительно греческой церкви.

Съ своей стороны, русскій посолъ въ Константинополь успѣвши предупредить всякіе превратные толки и подозрѣнія на счетъ цѣли нашей іерусалимской миссиі со стороны французскаго посла, заговоривъ съ нимъ первый о прибытіи въ Константинополь нашего епископа, какъ лица, посылаемаго въ преемники бывшему уже тамъ настоятелю нашей миссиі, съ цѣлію надзора и покровительства постоянно увеличивающимся нашимъ поклонникамъ въ св. градѣ. Русскій посолъ, кромѣ того, добавилъ, что въ данной преосв. Кириллу инструкціи ему вмѣнено въ обязанность войти въ дружелюбныя сношенія съ латинскимъ духовенствомъ, находящимся въ Іерусалимѣ, согласно съ состоявшимся въ послѣднее время между обоими правительствами самымъ искреннимъ сближеніемъ по поводу вѣроисповѣдныхъ вопросовъ. Объясненія эти были приняты съ видимымъ удовольствіемъ французскимъ посломъ, который, въ свою очередь, обѣщаль предупредить латинское духовенство въ Іерусалимѣ о пріѣздѣ русскаго епископа въ томъ же смыслѣ взаимнаго довѣрія и такимъ образомъ приготовить ему ласковый пріемъ со стороны своихъ единовѣрцевъ ¹⁾).

Вообще изъ всего доселѣ сказаннаго нами о пребыва-

¹⁾ Последняя попытка собственно русскаго посла въ Константинополь подготовить почву преосв. Кириллу для возможно болѣе близкихъ и довѣренныхъ отношеній къ латинскому духовенству въ Іерусалимѣ, видимо, не встрѣтила полнаго сочувствія у высшаго духовнаго нашего начальства, которое не безъ основанія видѣло въ этомъ опасность для сохраненія добрыхъ отношеній нашихъ къ православному греческому духовенству въ Іерусалимѣ. Оберъ-прокуроръ Св. Синода гр. А. П. Толстой по этому поводу писалъ 30 января 1856 г. кн. А. М. Горчакову слѣдующее: „Въ мѣстахъ, гдѣ перше христіане слышали изъ устъ Самого Спасителя заповѣдь о любви къ ближнему, безъ сомнѣній, и прилично и необходимо нашимъ духовнымъ имѣть благоразумно вѣжливое и миролюбивое

ніи преосв. Кирилла въ Константинополѣ и сношеній его съ высшими представителями греческой іерархіи видно, что появленіе его въ столицѣ турецкой имперіи произвело сильное впечатлѣніе на греческое духовенство и сразу же принесло замѣтный добрый результатъ. Оно содѣйствовало, прежде всего, болѣе искреннему обращенію греческаго духовенства къ намъ въ тоговременныхъ его нуждахъ. Послѣднее стало довѣрять намъ болѣе прежняго во всемъ, что касалось отношеній его къ Портѣ и другимъ иностраннѣмъ державамъ. Его смущала пока только неизвѣстность положенія, какое займетъ Россія въ самыхъ животрепещущихъ для него вопросахъ о національностяхъ, чуждыхъ греческой, именно: болгарской и арабской. Но самымъ важнѣмъ результатомъ сношеній преосв. Кирилла съ представителями греческой іерархіи въ Константинополѣ было возобновленіе болѣе искренняго сближенія греческой церкви съ нашимъ Св. Синодомъ. Несомнѣнно увлекался, или, быть можетъ, намѣренно преувеличивалъ дѣло халкидонскій митрополитъ, когда неоднократно возвращался—и даже съ нѣкоторою настойчивостію—къ мысли о пользѣ, какую могло бы имѣть для греческой церкви присутствіе и дѣятельное участіе въ константинопольскомъ синодѣ представителя русской церкви. Но, не придавая значенія этой несбыточной мысли, преосв. Кириллъ совѣтовалъ митрополиту халкидонскому, и въ лицѣ его всей высшей гре-

---

обращеніе съ латинами и прочими иноувѣрцами. Но со стороны латинянъ должно опасаться нѣкоторой, по духу ихъ прозелитизма, навязчивости и навѣреннаго разглашенія о дружеской связи съ нами, чтобы поселить вражду между нами и греками. Хотя и нѣтъ возможности преподавать отсюда преосв. Кириллу подробные софѣты, какъ вести себя въ этихъ случаяхъ, но, кажется, онъ могъ бы оградить себя отъ подозрѣній, давъ понять намѣстникамъ патріарха, что этотъ способъ обхожденія съ иноувѣрцами, подающій латинянамъ надежду на дальнѣйшее сближеніе, есть единственное средство къ отклоненію политическихъ противоудѣйствій нашей духовной миссіи, которая въ дѣйствительности не имѣетъ, да и не можетъ имѣть иной цѣли, кромѣ укрѣпленія нашей духовной связи съ греческою церковью". См. письмо гр. Толстаго къ зн. Горчакову въ арх. Св. Синода по канцеляріи Оберъ-прокурора за 1858 г. д. № 381.

ческой іерархіи въ письменныхъ сношеніяхъ константинопольскаго синода съ нашимъ Св. Синодомъ не ограничивается одними правдыми увѣреніями въ любви и единомысліи. „Наше правительство“,—говорилъ при этомъ преосв. Кириллъ,—„великодушно забывалъ прошедшее, сдѣлало первый шагъ къ сближенію съ Вами, приславъ Вамъ въ заложники русскаго архіерея. Вы должны, съ своей стороны, изъяснить свою признательность не словами только, но и дѣломъ, и приступить къ болѣе важнымъ дѣловымъ сношеніямъ съ Св. Синодомъ, чѣмъ какія были до сихъ поръ“. Какъ достойное начало подобныхъ сношеній, преосв. Кириллъ, съ своей стороны, предлагалъ іерархіи обратиться съ братскимъ посланіемъ къ русскому Св. Синоду о взаимномъ признаніи святыхъ обѣихъ православныхъ церквей, которые въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій почитались уже въ Россіи, не будучи признаны греческою церковью, и наоборотъ. Мысль эта была принята греческими іерархами, повидимому, съ особенною радостію и съ желаніемъ содѣйствовать ея осуществленію ¹⁾.

Довольно продолжительное пребываніе преосв. Кирилла въ Константинополь на пути въ Іерусалимъ получило особенно важное значеніе потому, что оно совпало съ другими весьма важными историческими событіями, отчасти уже совершившимися, а отчасти только подготовлявшимися тогда. Однимъ изъ такихъ событій, и именно послѣдняго рода, былъ т. н. греко-болгарскій споръ, готовившійся тогда, т. е. въ 1857/8 г. къ переходу изъ долголѣтней, упорной и настойчивой борьбы къ открытому разрыву между греками и болгарамн.

¹⁾ Свидѣнія о сношеніяхъ преосв. Кирилла съ греческою іерархіею въ Константинополь на рождественскихъ праздникахъ 1857/8 г. заимствованы преимущественно изъ записки, представленной Бутеневымъ въ Минист. Иностр. Дѣлъ въ январѣ 1858 г. См. арх. Св. Синода по канцеляріи оберъ-прокурора за 1858 г. д. № 391.

Къ началу сороковыхъ годовъ относится первый актъ греко-болгарской распри. Первоначальныя желанія болгаръ были умѣренны. Болгаре просили только назначить въ болгарскія епархіи архіереевъ болгарскаго происхожденія, чтобы они могли объяснять своимъ пасомымъ—болгарамъ христіанскія обязанности ихъ къ Богу, правительству и ближнимъ на понятномъ для нихъ языкѣ. Въ этомъ смыслѣ представители болгарскаго народа подавали просьбы самой константинопольской патріархіи, турецкому правительству и даже самому султану Абдуль-Меджиду во время его путешествія въ 1846 году въ предѣлахъ бывшаго болгарскаго царства. Одинъ только сколько-нибудь важный результатъ имѣла эта первоначальная, сравнительно спокойная борьба между греками и болгарами на почвѣ религіозной. Въ концѣ 1840-хъ годовъ болгарской константинопольской общинѣ разрѣшено было устроить свою церковь въ столицѣ Турецкой имперіи. Церковь эта была, дѣйствительно, устроена въ 1849 году сначала въ частномъ домѣ, а въ 1851 году къ этой церкви былъ рукоположенъ даже особый епископъ славянскаго происхожденія. На этомъ и покончился первый фазисъ греко-болгарской распри.

Крымская война Россіи сначала съ Турціей и потомъ съ западно-европейскими державами на время прекратила церковный споръ между греками и болгарами. И тѣ и другіе съ одинаково напряженнымъ вниманіемъ, хотя, кажется, и съ различными чувствами слѣдили за ходомъ этой борьбы. Болгары возлагали большія надежды на Россію, и, въ случаѣ побѣды ея, ожидали для себя политическаго и духовнаго освобожденія. Наоборотъ, греки, такъ недавно еще освобожденные Россією отъ турецкаго ига, со страхомъ представляли себѣ побѣду Россіи, единоплеменницы славянъ, которая могла своимъ влияніемъ на Востокъ положить непреодолимую преграду ихъ эллинофильскимъ стремленіямъ. Высшая греческая іерархія, начиная съ самого вселенскаго патріарха, открыто

заявляла о своихъ совѣтѣхъ недружелюбныхъ чувствахъ въ отношеніи къ Россіи во время крымской войны.

По окончаніи войны, когда ослабѣло вліяніе Россіи на православномъ Востокѣ и когда, лишившись покровительства Россіи, православные христіане Востока были предоставлены всецѣло самимъ себѣ, борьба между греками и болгарами возобновилась еще съ большею силою. Усиленію греко-болгарской распри въ это время немало содѣйствовала также и инославная пропаганда, для которой вражда между православными національностями Востока была весьма выгодна. Первоначальныя умѣренныя желанія болгаръ теперь уже значительно распирились. Съ изданіемъ гатти-гумаюна, болгары получили надежду, что во время общихъ преобразованій, проектированныхъ въ немъ, будутъ удовлетворены и ихъ стремленія и желанія, и рѣшились энергически искать этого удовлетворенія. Они желали теперь имѣть у себя богослуженіе на славянскомъ языкѣ, высшее духовенство изъ природныхъ болгаръ и представителей изъ своей націи въ патріаршемъ синодѣ и смѣшанномъ совѣтѣ¹⁾.

Въ такомъ именно положеніи находился греко-болгарскій церковный вопросъ, когда преосв. Кириллъ прибылъ въ Константинополь на пути въ Иерусалимъ. Должно замѣтить, что наше правительство съ самаго начала слѣдило весьма внимательно за прискорбною распирею между двумя единовѣрными народами православнаго Востока. Оно постоянно старалось всячески о томъ, чтобы примирить враждующихъ, и съ этою цѣлію желало имѣть самыя точныя и безпристрастныя свѣдѣнія какъ объ истинныхъ причинахъ, вызвавшихъ споръ между вселенскою патріархіею и болгарами, такъ и о настоящемъ положеніи дѣла²⁾. Между прочимъ, и преосв.

¹⁾ См. м. Филарета Собраніе житій и оговоровъ по дѣламъ православнаго Церкви на Востокѣ. СПб. 1886 г. стр. XVII.

²⁾ Такія свѣдѣнія правительство наше старалось получить преимущественно

Кириллу было поручено, вѣроятно, частнымъ образомъ отъ министерства Иностранныхъ Дѣлъ поближе познакомиться съ положеніемъ, въ какомъ находилась греко-болгарская распрѣ, во время пребыванія своего въ Константинополѣ. Дѣйствительно, преосв. Кириллъ принималъ мѣры къ тому, чтобы болѣе или менѣе близко познакомиться съ истиннымъ положеніемъ греко-болгарскаго церковнаго вопроса. Какъ мы уже видѣли, онъ заводилъ рѣчь объ этомъ съ нѣкоторыми изъ греческихъ іерарховъ. Видѣлся онъ также въ Константинополѣ и съ представителями болгарскаго народа.

Результатомъ всего этого было мнѣніе преосв. Кирилла о греко-болгарскомъ церковномъ вопросѣ, изложенное въ особой запискѣ на имя Министра Иностранныхъ Дѣлъ. Мнѣніе это было не въ пользу болгаръ. Представители болгарскаго народа, явившіеся къ нему въ Константинополѣ, произвели на него неблагоприятное впечатлѣніе. „Началась бесѣда“,—говорить онъ въ своей, упомянутой нами сейчасъ, запискѣ,—„обычными жалобами и просьбами о помощи. Дѣло дошло до вопроса: въ чемъ же собственно нуждаются и чего хотятъ болгары? Говорятъ, что нужно имъ непременно своихъ архіереевъ. Много ли кандидатовъ? Два: Іоанникій и Иларіонъ. Что могутъ сдѣлать два архіерея въ отношеніи къ 5 милліонамъ народа, безъ помощи приходскаго духовенства, болѣе или менѣе подготовленнаго къ своему дѣлу? Очевидно, ничего. Выходить, что нужно еще прежде имѣть училища. Отвѣчаютъ, что низшія училища есть и довольно успѣшно распространяютъ грамотность, такъ что почти весь народъ болгарскій—народъ грамотный; остается желать семинарій для духовенства. Совершенно справедливо; но есть ли подготовленные начальники и наставники? Увы! четыре

но чрезъ лицъ, служившихъ въ нашихъ миссіяхъ. См. подробности объ этомъ, равно какъ и обстоятельное сужденіе преосв. Феофана (Говорова) о греко-болгарскомъ вопросѣ въ изданномъ нами письмѣ послѣдняго (Труды Киев. дух. Акад. 1896 г. V стр. 33—67).

человѣка, научившіеся кое-чему кто въ Россіи, кто въ Германіи, составляютъ слишкомъ скудный и недостаточный запасъ просвѣтителей духовенства. Сами сознаются, что не склеили бы у себя чего-нибудь дѣльнаго, а надѣются на патріархію; сами видятъ, что еще не довольно ясно понимаютъ, чего хотятъ, а уже спѣшатъ просить денегъ у Россіи, и, при случаѣ, готовы роптать на Россію точно также, какъ ропщутъ на грековъ. Въ довершеніе всѣхъ бѣдъ, нѣтъ у этихъ несчастныхъ средоточія заботъ о благѣ отечества. Что болгаринъ, то попечитель общественнаго блага; что лице, получившее нѣкоторую тѣнь образованія, то особая система общественнаго благоустройства, особыя мѣры къ обезпеченію блага общества; а въ началѣ всего—своего собственнаго существованія. Немудрено, что, при такомъ порядкѣ вещей, являются архіереи-болгары, которые не только скрываютъ, что они болгары, но и положительно забываютъ свой природный языкъ,—бываютъ вельможи, которые вспоминаютъ, что они болгары, только тогда, когда перессорятся съ греками и хотятъ отомстить имъ бурями въ стаканѣ воды. Насколько виноваты въ подобныхъ случаяхъ греки и насколько правы жалующіеся на нихъ,—опредѣлить очень трудно¹⁾.

Такимъ образомъ, преосв. Кириллъ не сочувствовалъ стремленіямъ болгаръ въ томъ видѣ, какъ эти стремленія опредѣлились во время его пребыванія въ Константинополѣ, собственно потому, что признавалъ осуществленіе ихъ совершенно несвоевременнымъ и даже вреднымъ для дѣла самихъ же болгаръ. Онъ признавалъ безусловно необходимымъ предварительно возвысить уровень умственнаго развитія и просвѣщенія болгарскаго народа вообще и, въ частности, болгарскаго духовенства. На эту точку зрѣнія онъ старался поставить, какъ мы знаемъ, и греческихъ іерарховъ, съ кото-

¹⁾ См. записку преосв. Кирилла въ музейной библіотекѣ Кіев. дух. Акад. подъ значкомъ Муз. Рук. № 406.

рыми приходилось ему бесѣдовать въ Константинополѣ. Но независимо отъ несочувствія болгарскимъ притязаніямъ, какъ несвоевременнымъ, преосв. Кириллъ во время пребыванія своего въ Константинополѣ старался показать возможное вниманіе къ здѣшней болгарской общинѣ. Какъ видно изъ письма его къ м. Григорію отъ 26 февраля 1858 года, преосв. Кириллъ 27 декабря 1857 года служилъ даже, „въ великой радости болгаръ, въ ихъ скудной, маленькой церкви св. Стефана“⁴⁾. Это послѣднее обстоятельство, т. е. служеніе преосв. Кирилла въ болгарской константинопольской церкви вызвало даже недовольство въ греческой іерархіи и, должно согласиться, не несправедливое, если только вѣрно, что преосв. Кириллъ служилъ безъ предварительнаго согласія вселенскаго патріарха. Когда 19 мая 1858 г. архим. Порфирій (Успенскій) былъ у патріарха іерусалимскаго, то послѣдній, между прочимъ, сказалъ ему: „соборными правилами и обычаями ограждены права и опредѣлены взаимныя отношенія предстоятелей всѣхъ церквей въ предотвращеніе всякихъ тревогъ и смуть, какія они могли бы причинять другъ другу, дѣйствуя самовольно. Всѣ мы должны свято соблюдать эти правила и обычаи. А вашъ мелитопольскій, при появленіи своемъ между нами, нарушилъ ихъ. Здѣсь (т. е. въ Константинополѣ) не только епископы, но и мы—патріархи не властны отслужить ни одной литургіи, не испросивъ соизволенія на то мѣстнаго архіепископа. Мелитопольскій же служилъ въ здѣшней болгарской церкви безъ спроса, какъ будто пріѣхалъ въ свою епархію. Его святѣйшество (т. е. патріархъ константинопольскій) извинилъ бы такой поступокъ его молодостію и неопытностію его, но такъ какъ при немъ находился архимандритъ Григорій Веглерисъ, грекъ и цареградецъ, которому очень хорошо извѣстны здѣшніе обычаи и уставы, то въ

⁴⁾ См. письмо въ вышеупомянутыхъ бумагахъ м. Никанора, бывшихъ въ распоряженіи автора.

поступкѣ, о которомъ я говорю, усмотрѣно было неуваженіе къ преемнику святаго Іоанна Златоустаго,—неуваженіе, свойственное людямъ, привыкшимъ дѣйствовать вездѣ по праву сильнаго... Впрочемъ, архимандритъ Григорій извинился предъ Его Святѣйшествомъ вмѣсто мелитопольскаго ¹⁾).

Священникъ *Θ. Титовъ.*

(Продолженіе будетъ)

---

¹⁾ См. архим. Порфирія. Второе путешествіе по св. горѣ Афонской. М. 1880 г. стр. 14—15.

АРСЕНІЙ, АРХІЕПИСКОПЪ ЕЛАССОНСКІЙ
(суздальскій тожъ),

и его вновь открытыя историческіе мемуары

(Продолженіе)¹⁾.

ГЛАВА III.

Критико-библіографическія свѣдѣнія о Сумелійской рукописи,
содержащей въ себѣ мемуары и жизнеописаніе Арсенія, архі-
епископа елассонскаго.

Послѣдняя глава историческихъ мемуаровъ Арсенія, архі-
епископа елассонскаго, заканчивается двумя епиграммами въ
честь автора. Дословно онѣ читаются въ рукописи (л. 96 об.,
97) такъ: „Ἐπίγραμμα εἰς τὸν μαχαριώτατον ἀρχιεπίσκοπον
κὺρ Ἀρσένιον, τὸν συγγραφέα τοῦ βιβλίου·

„Ἀρσένιος μούσας πολλῶ πλέον ἤπερ Ὅμηρος
Ῥουσαέων τ' ἀέθλων, δεῖξεν ὑπηρέτιδας.

Μᾶλλον θῆν τό γε πᾶν μουσῶν ὑπόλεξεν Ὅμηρος,
Ἀρσενίῳ δέ γ' ἔπνει πνεῦμ' ἄρα θεϊότερον“.

Ἔτερον εἰς αὐτόν·

„Ἀρσένιος θεῖκεν τὸ δέ γ' ἀρχιερεὺς παρὰ γούνασι
Χιλιᾶδ' ἕξ ἑκατὸν δέκατ' ἕνατον ἔτος“.

Т. е. епиграмма въ честь блаженнѣйшаго архіепископа Ар-
сенія, сочинителя книги: „Арсеній гораздо болѣе, чѣмъ Го-
меръ, заставилъ музъ прославлять подвиги Россовъ. Скажемъ
вѣрнѣе: Гомеръ писалъ все, по вдохновенію музъ, а у Ар-
сенія было вдохновеніе болѣе высокое (божественное)“.

¹⁾ См. Труды Кіевской дух Академіи за м. май 1896 г.

Вторая эпиграмма ему же: „Арсеній архіерей положилъ у колѣвъ (окончилъ) это сочиненіе *въ тысяча шесть сотъ девятнадцатомъ году*“.

Итакъ, приведенныя сейчасъ эпиграммы не оставляютъ, повидимому, никакого мѣста сомнѣнію въ томъ, что открытыя нами мемуары написаны извѣстнымъ въ исторіи и въ наукѣ Арсеніемъ, архіепископомъ елассонскимъ и димоникскимъ, жившимъ долгое время въ Москвѣ при Архангельскомъ соборѣ и скончавшимся въ санѣ архіепископа суздальскаго и торусскаго въ 1625 году. Временемъ ихъ окончанія, какъ гласитъ вторая эпиграмма, былъ *1619 годъ*, на который падаетъ пріѣздъ въ Россію за милостинею патріарха іерусалимскаго Теофана съ двумя спутниками, архимандритомъ Христофоромъ и племянникомъ архидіакономъ Неофитомъ, оказавшимися переписчиками настоящей рукописи. Но какъ ни ясны и опредѣленны данныя указанія, однако, при внимательномъ чтеніи настоящихъ мемуаровъ, невольно возникаетъ сомнѣніе, что эти мемуары вышли изъ рукъ ихъ автора въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ они являются передъ нами теперь въ рукописи трапезунтской Сумелійской обители. И хвалебный панигирическій тонъ приведенныхъ сейчасъ эпиграммъ, и самый текстъ мемуаровъ, особенно послѣднихъ двухъ главъ, и нѣкоторыя другія данныя, имѣющіяся на лицо въ той же рукописи, заставляютъ предполагать, что по этимъ мемуарамъ прошла другая, посторонняя, и притомъ весьма дружески расположенная къ ихъ автору, рука, оставившая послѣ себя довольно замѣтный слѣдъ. Благодаря присутствію этой посторонней руки, настоящіе мемуары можно подѣлить какъ-бы на двѣ, по объему весьма неравныя, части, изъ коихъ авторомъ первой, заканчивающейся описаніемъ „разоренія великаго и царствующаго града Москвы“ въ 1611 году и горячо прочувствованною молитвою къ Богу объ избавленіи Москвы отъ непосланныхъ на нее бѣдъ, несомнѣнно былъ архіепископъ елассонскій Арсеній, а авто-

ромъ второй, заключительной, части мемуаровъ можно признать даже другое постороннее лицо. Въ самомъ дѣлѣ, въ первой части историческія событія описываются обстоятельно и съ такими живыми подробностями, которыя даютъ ясно понять читателю, что авторъ ихъ непосредственный очевидецъ, современникъ, не опускавшій изъ вниманія даже малозначительныхъ фактовъ, тогда какъ въ двухъ послѣднихъ главахъ событія описываются сравнительно кратко и съ опущеніемъ иногда фактовъ первостепенной важности изъ исторіи этой тяжелой эпохи русской государственной жизни. Имена келара Троице-Сергіевской лавры Авраамія Палицына и нижегородскаго гражданина Минина, знаменитыхъ вѣрныхъ ратоборцевъ за отчизну въ данное время, совершенно не нашли себѣ мѣста на страницахъ мемуаровъ архіепископа Арсенія. Имя извѣстнаго, мужественнаго борца, Діонисія, архимандрита Троице-Сергіевской лавры, названо лишь въ числѣ другихъ посланниковъ, отправленныхъ въ Кострому къ юному Михаилу Оеодоровичу, съ предложеніемъ царской короны, но авторъ мемуаровъ ни словомъ не обмолвился относительно неустрашимой его дѣятельности, при защитѣ знаменитой лавры отъ нападенія Поляковъ съ Яномъ Сапѣгою во главѣ, о которомъ архіепископъ Арсеній говоритъ много и даже съ похвалою. Впрочемъ, умолчаніе объ этихъ лицахъ и событіяхъ еще можно объяснять тѣмъ обстоятельствомъ въ жизни автора разсматриваемыхъ мемуаровъ, что онъ, находясь въ заключеніи въ Кремлѣ, не былъ очевидцемъ этихъ событий и не зналъ выдающихся дѣятелей, принимавшихъ въ нихъ участіе, но мы уже не можемъ никакъ понять, почему онъ не сообщаетъ намъ никакихъ свѣдѣній, напр., о времени избранія и хиротоніи извѣстнаго патріарха Гермогена (о патріотической его дѣятельности, во время заключенія въ Кремлѣ въ подворьѣ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, онъ выражается колебательно), не упоминаетъ о трагической его кончинѣ; однимъ словомъ, говоритъ о дѣятельности этого первосвятителя менѣе со-

чувственно, чѣмъ, напр., о дѣятельности крутицкаго митрополита Пафнугія, сравнительно мало извѣстнаго въ нашей исторіи. Но особенно любопытенъ тотъ фактъ, что авторъ мемуаровъ, описавъ обстоятельно вѣздъ въ Москву новоизбраннаго царя Михаила Θεοδοροβιχα съ его матерью инокинею Мареею Ивановною ¹⁾, ни однимъ словомъ не упомянулъ о другомъ знаменательномъ событіи въ жизни новаго царя—о его коронаціи, бывшей всего лишь чрезъ два мѣсяца послѣ избранія, т. е. 11 іюля, съ личнымъ участіемъ его самого, и перешелъ прямо къ событіямъ, происходившимъ значительно времени спустя, послѣ избранія на царство Михаила Θεοδοροβιχα.

Въ первой части мемуаровъ авторъ о себѣ говоритъ лишь тамъ, гдѣ, по ходу рѣчи, нельзя было избѣжать этого, но во второй части онъ самимъ собою занимается уже довольно много: здѣсь онъ рассказываетъ о пожарѣ въ своемъ домѣ, о грабежѣ денегъ и своего имущества Поляками, о тяжелой болѣзни и о страшномъ голодѣ, благодаря недостатку съѣстныхъ припасовъ, во время осады Кремля, о вознагражденіи проторей и убытковъ его, по освобожденіи Москвы отъ Поляковъ, князьями Пожарскимъ и Трубецкимъ и о нѣкоторыхъ другихъ интимныхъ фактахъ изъ своей личной жизни. Въ первой части мемуаровъ авторъ всюду себя называетъ „ταπεινὸς ἀρχιεπίσκοπος“, т. е. такъ же, какъ и въ другомъ, несомнѣнно ему принадлежащемъ, сочиненіи подъ заглавіемъ: „Κόποι καὶ διατριβὴ τοῦ ταπεινοῦ ἀρχιεπίσκοπου Ἀρσενίου, γράφει καὶ τὴν προβίβασιν τοῦ πατριάρχου Μοσχολίας“ ²⁾, тогда какъ во второй, за исключеніемъ одного

¹⁾ Не безынтересно здѣсь отмѣтить тотъ фактъ, что вѣздъ въ Москву царя Михаила Θεοδοροβιχα описывается въ мемуарахъ архіепископа Арсенія почти дословно, какъ описанъ подобный же вѣздъ въ Москву Іжединитрія, при чемъ въ описаніи даже титулъ архіепископа Арсенія въ одномъ случаѣ остается прежній: «ταπεινὸς ἀρχιεπίσκοπος», (л. 93), а въ другомъ— «μακαριώτατος ἀρχιεπίσκοπος» (л. 94).

²⁾ Σ. Ζαμπέλιος. Καθίστροφαις πατριαρχείου ἐν Ῥωσσίᾳ σελ. 27, 37

раза, всюду уже титулуется „μαχαριώτατος ἀρχιεπίσκοπος“, т. е. придаетъ себѣ титул, на которое онъ, при жизни, не имѣлъ никакого права ¹⁾. Здѣсь же, во второй части мемуаровъ, Арсеній, архіепископъ архангельскій или елассонскій, награждается и болѣе высокими эпитетами, какъ, напр., „ὁ ἀγιώτατος ἱεράρχης“, „ὁ πάνυ ἅγιος καὶ θαυμαστός ἀνὴρ“ (л. 81 об.).

Отмѣченные характерныя особенности разсматриваемыхъ нами мемуаровъ и по преимуществу двухъ послѣднихъ главъ убѣждаютъ насъ, что въ своемъ настоящемъ видѣ эти мемуары не могутъ быть приписаны безусловно Арсенію, архіепископу елассонскому; надъ ихъ окончательною обработкою потрудилась несомнѣнно посторонняя, и притомъ какъ мы замѣтили выше, дружески расположенная къ ихъ автору, рука, которая получила эти мемуары отъ составителя ихъ далеко не въ законченномъ своемъ видѣ. Сумелійская рукопись въ полномъ своемъ составѣ даетъ, по нашему убѣжденію, нѣкоторыя опредѣленныя указанія относительно тѣхъ лицъ, которымъ съ вѣроятностію можно приписывать и составленіе этой рукописи и послѣднюю редакцію содержащихся въ ней мемуаровъ.

Въ концѣ Сумелійской рукописи, содержащей въ себѣ, кромѣ мемуаровъ, и житіе Арсенія, архіепископа елассонскаго, подъ заглавіемъ: „Μηνὶ Ἀπριλίῳ τῷ κοίμησις τοῦ

56, 59, 67 и 68. Здѣсь же мы находимъ и другіе уничтожительные эпитеты, какими архіепископъ Арсеній нерѣдко титулуетъ себя самого, какъ напр., „Ἀρσένιον ἁμαρτωλόν“ (σελ. 45) «τὸν ἐλάχιστον ἀρχιερέων πάντων» (σελ. 56, 59) «ἕσχατον ἐπισκόπων» (σελ. 67), «ἐγὼ δὲ αὐτελέστατος πάντων τῶν ἐπισκόπων, Ἀρσένιος ὁ ταπεινός, μικρότερος τῶν ἄλλων» (σελ. 68).

¹⁾ Изъ живыхъ архіепископовъ право титуловаться «μαχαριώτατος» принадлежитъ на Востокѣ лишь автокефальному кларскому архіепископу, пользующемуся этимъ титуломъ наравнѣ съ тремя патриархами александрійскимъ, антиохійскимъ и іерусалимскимъ. По кончаніи, титулъ «μαχαριώτατος» прилагается безразлично ко всѣмъ архіереямъ.

μακαριωτάτου πατρὸς ἡμῶν Ἀρσενίου, ἀρχιεπισκόπου Σουδαλείου, τοῦ πρώην Ἐλασσόνος, ἐκ τῆς δευτέρας τῶν Θεταλῶν ἐπαρχίας“, имѣется слѣдующая приписка: „Ἐγράφη ἐν ἔτει ιζρκζ' Χριστοῦ δὲ ιαχιθ' ἐν Μοσχοβίᾳ ὑπὸ Χριστοφόρου, ἱερομονάχου καὶ ἀρχιμανδρίτου τῶν Ἱεροσολύμων (καὶ) Νεοφύτου, ἀρχidiaκόνου Ἱεροσολύμων“ (л. 109). Т. е. написана (эта рукопись) въ лѣто 7127, а отъ (рождества) Христова въ 1619 въ Москвѣ *іеромонахомъ и архимандритомъ іерусалимскимъ Христофоромъ* (и) іеродіакономъ іерусалимскимъ Неофитомъ“. Конецъ приписки и именно слова: „іеродіакономъ іерусалимскимъ Неофитомъ“ писаны нѣскольکو отличнѣмъ почеркомъ.

Оба, названные въ припискѣ, іерусалимскіе клирики— архимандритъ Христофоръ ¹⁾ и іеродіаконъ Неофитъ,—люди хорошо извѣстные у насъ въ Россіи. Прибыли они къ намъ въ Москву въ 1619 году въ свитѣ патріарха іерусалимскаго Теофана, который поставлялъ въ патріархи Филарета Никитича. На третьей недѣли по Пасхѣ, во вторникъ, представлялись они вмѣстѣ съ патріархомъ царю Михаилу Теодоровичу, при чемъ, по принятому обычаю, удостоились получить отъ царя цѣнныя подарки ²⁾. Оба они принимали участіе въ священнослуженіи патріарха Теофана съ русскими архіереями ³⁾, а равно и въ хиротоніи въ московскіе патріархи, отца царя Михаила Теодоровича, Филарета Никитича ⁴⁾, при чемъ на

¹⁾ Объ архимандритѣ Христофорѣ, какъ спутникѣ патріарха Теофана, упоминаетъ и очевидецъ—современникъ, А. Пападопул.-Керамбс. Ἀνάλεκτα ἱεροσολυμιτικῆς σταχυολογίας. Ἐν Πετροπολ. 1891 т. α' σελ. 261.

²⁾ Дѣла греческ. глав. арх. минист. иностр. дѣлъ 7133 г. № 5 и 7157 № 7. Архимандритъ Христофоръ получилъ „ковшъ серебрянъ въ 3 гривенки, портище камни багровые, 40 собoley въ 15 рублей, 20 рублей денегъ“, а архидіаконъ Неофитъ—сдостоманъ въ 3 рубли, портище камни багровые, 40 кунницъ, денегъ 15 рублей“.

³⁾ Чтен. общ. и истор. древн. при Моск. университетѣ 1883. кн. II, отд. II, стр. 165—167.

⁴⁾ Собран. государств. грам. и договор. т. III, № 45, стр. 195.

обѣдѣ, данномъ послѣднимъ по поводу этого торжества, 1 июля, въ честь іерусалимскаго патріарха, его свиты и высшаго русскаго духовенства, и архимандритъ Христофоръ и архидіаконъ Неофитъ получили за свои труды и отъ новаго русскаго патріарха также щедрые дары ¹⁾. Не забыты эти спутники патріарха Теофана благодарнымъ царемъ Михаиломъ Теодоровичемъ и „на отпускѣ“ ²⁾, когда прощался онъ съ своими дорогими гостями.

Архимандритъ Христофоръ и архидіаконъ Неофитъ познакомились съ своимъ соотечественникомъ, архіепископомъ суздальскимъ Арсеніемъ, черезъ патріарха Теофана, который сблизился съ нимъ, еще въ первый свой пріѣздъ въ Москву ³⁾, въ званіи архимандрита и посланника своего дяди патріарха іерусалимскаго Софронія, въ 1604 году ⁴⁾. Архіепископъ Арсеній былъ, какъ мы знаемъ ⁵⁾, весьма полезенъ въ каче-

1) Дѣла греческ. 7157 г. № 7. Архимандриту даны „ковшъ серебрянъ въ 2 гривенки, камка смирная, 40 собoley въ 20 рублей, денегъ 15 рублей“, а архидіакону — «чарка серебряна въ гривенку, камка адамашка смирная, 40 кунницъ добрыхъ, денегъ 8 рублей».

2) Тамъ же. Архимандритъ получилъ «ковшъ вѣсу 2 гривенки, 10 аршинъ камки по 25 алтынъ аршинъ, итого 7 рублей съ полтиною, 40 кунницъ въ 12 рублей, денегъ 15 рублей. Всего, окрѣчъ ковша, на 34 рубля съ полтиною, а ковшу что цѣна того не вѣдомо», а архидіаконъ — «въ гривенку достоманъ, поршце камки по 25 алтынъ аршинъ, итого 7 рублей съ полтиною камка, 40 кунницъ по 12 рублей сорокъ, денегъ 10 рублей... а достоману цѣны не вѣдомо». Всей святѣ прибавлено было вѣчто еще и на дорогу.

3) Въ 1604 году, когда архимандритъ Теофанъ 25 декабря отпавился во дворецъ на аудіенцію къ царю Борису Годунову вѣстѣ съ пріѣзжими восточными архіереями, митрополитомъ Симеономъ и епископомъ Калистомъ, то «самъ подъ нихъ посланы *елассонскаго архіепископа*».

4) Греческ. дѣла арх. мин. иностр. дѣлъ въ Москвѣ 7111 г. № 3.

5) Чтен. общ. и истор. древн. при Москов. Университ. 1883 г. кв. II отд. II, стр. 165—167.

ствѣ переводчика патріарху Теофану и его спутникамъ, во время пребыванія ихъ въ Москвѣ въ 1619 году¹⁾, а поэтому и архимандритъ Христофоръ и архидіаконъ Неофитъ могли въ это время легко сблизиться съ нимъ до интимной дружбы, благодаря которой они прекрасно изучили симпатичную личность архіепископа Арсенія и узнали отъ него объ его, въ ту пору еще не исполнѣ законченныхъ, историческихъ мемуарахъ. Подъ вліяніемъ того обаянія, какое производилъ этотъ „смиренный“ и въ высшей степени обязательный архіепископъ на своихъ гостей соотечественниковъ, и въ виду живого интереса, какой пробудился у нихъ къ Россіи, вообще мало извѣстной на православномъ Востокѣ, архимандритъ Христофоръ и архидіаконъ Неофитъ рѣшились переписать мемуары этого архіепископа на память для себя, а затѣмъ присоединить къ нимъ и жизнеописаніе ихъ автора, почти не извѣстнаго въ ту пору на Востокѣ. Быть можетъ, не было ли на то побужденія и со стороны даже самого патріарха Теофана, давняго знакомаго этого архіепископа. Дождаться полнаго окончанія мемуаровъ и ихъ совершенной обработки у спутниковъ патріарха Теофана не было времени, такъ какъ іерусалимскій патріархъ торопился покинуть Москву, а поэтому они переписали эти мемуары съ тѣми деффеками, на которые мы указали выше, позволивъ себѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ этихъ, такъ сказать, черновыхъ набросковъ автора, сдѣлать небольшія отступленія и стилистическія неважныя исправленія. Благодаря этому предположенію, объясняются до нѣкоторой степени и упомянутые пропуски и тѣ излишества, которыя неумѣстны въ устахъ „смиреннаго архіепископа“—автора.

---

1) Архіепископъ Арсенія, подъ именемъ «галасонскаго», принималъ участіе во встрѣчѣ патріарха Теофана въ Успенскомъ соборѣ вмѣстѣ съ русскими архіереями во вторникъ на третьей недѣлѣ по пасхѣ. Греч. дѣла главн. арх. мин. иностр. дѣлъ 7157 г. № 7.

Чрезвычайное обилие интимныхъ подробностейъ изъ жизни архіепископа Арсенія въ послѣднихъ двухъ главахъ мемуаровъ, а особенно въ разсказѣ „о дивномъ восхищеніи блаженнѣйшаго архіепископа киръ Арсенія, въ которомъ онъ увидѣлъ во снѣ великаго изъ аскетовъ Сергія чудотворца“ (л. 81—83) и въ, слѣдующемъ за мемуарами, обстоятельномъ житіи архіепископа суздальскаго (л. 99—109), наковыя подробности едва ли могли быть получены іерусалимскими клириками изъ устъ самого архіепископа Арсенія, позволяють намъ сдѣлать новое предположеніе, а именно, что архимандритъ Христофоръ и архидіаконъ Неофитъ весьма много обязаны были въ этомъ отношеніи велелнику и послушнику архіепископа Арсенія *монаху Кириллу* (л. 82 об.). Послѣдній былъ преданнѣйшимъ послушникомъ своего старца-архипастыря и раздѣлялъ съ нимъ всѣ невзгоды и тяготы военнаго осаднаго положенія, за что со стороны архіепископа пользовался безусловнымъ довѣріемъ и любовью. Архіепископъ Арсеній ему, первому, передалъ подробности чуднаго видѣнія и, при его помощи, по характеристическимъ особенностямъ призналъ въ „священнолѣпномъ монахѣ“, явившимся ему во снѣ, преподобнаго Сергія Радонежскаго. Этому-то монаху Кириллу весьма естественно было запечатлѣть въ памяти своей всѣ подробности даннаго видѣнія, даже, быть можетъ, записать, чтобы передать ихъ въ назиданіе потомству для большаго возвеличенія и прославленія памяти своего глубокочтимаго старца. Тѣми же побужденіями, нужно полагать, руководился монахъ Кириллъ, посвящая іерусалимскихъ клириковъ и въ интимныя стороны жизни своего старца, когда онъ, напр., разсказывалъ имъ мелчайшія подробности о любви его къ широкой благотворительности нуждающимся и къ храмоздательству, съ подробнымъ наименованіемъ всѣхъ важнѣйшихъ храмовъ, построенныхъ и украшенныхъ стараніемъ и на иждивеніе сего архипастыря. Разсказъ о всемъ этомъ въ устахъ архіепископа Арсенія могъ показаться даже

и для почитателей его самовосхваленіемъ и вичливостію... Въ устахъ же такого, искренно преданнаго почитателя архіепископа Арсенія, какимъ былъ монахъ Кирилль, а черезъ него и подъ перомъ архимандрита Христофора этотъ разсказъ не только вполне естественъ и искрененъ, но для насъ становятся вполне понятны и тѣ эпитеты при имени архіепископа Арсенія, какіе мы отиѣтили выше, какъ неумѣстные въ устахъ или подъ перомъ послѣдняго.

Но и послѣ предположенія о нѣкоторомъ участіи въ работѣ надъ настоящими мемуарами іерусалимскихъ клириковъ, спутниковъ патріарха Теофана, архимандрита Христофора и іеродіакона Неофита, при помощи близкаго къ архіепископу Арсенію монаха келейника Кирилла, всѣ трудности относительно установленія времени написанія Сумелійской рукописи далеко еще не исчерпываются. Какъ мы уже сказы выше, въ этой рукописи, переписанной іерусалимскими клириками *въ Москвѣ въ 1619 году*, вслѣдъ за мемуарами находится житіе архіепископа Арсенія съ такимъ надписаніемъ: „Μη νί 'Απριλίω¹⁾ γ' κοίμησις τοῦ μακαριωτάτου πατρὸς ἡμῶν 'Αρσενίου, ἀρχιεπισκόπου Σουσελίου, τῆ πρώην 'Ελλάσσονος ἐκ τῆς δευτέρας τῶν Θετταλῶν“. Какъ это заглавіе, такъ и слѣдующее за нимъ трехстишіе:

„Γέννημα σεμνὸν δευτέρας Θετταλίας,

Θρέμμα δ' αὐτοῦ ἡ μεγάλη Ῥωσσία,

Δεκάτῃ τρίτῃ Ἀρσένιος ψυχὴν Θεῷ δῶκεν (л. 99)“, а равно и самый конецъ житія: „Ζήσας ἅπαντα τὰ ἔτη αὐτοῦ ἕξ πρὸς τοῖς ἑβδομήκοντα καὶ μῆνας τρεῖς, κελεύσει Θεοῦ, μετέστη τὸν τῆδε βίον, καταλιπὼν τὰ φθαρτά, ἀπῆλθεν εἰς τὰ ἄφθαρτα“,—ясно свидѣтельствуютъ, что житіе архіепископа Арсенія въ своемъ цѣльномъ настоящемъ видѣ могло явиться только, лишь послѣ кончины святителя, т. е. послѣ 1625 года, и, слѣдовательно, ни въ какомъ случаѣ не могло быть переписано въ Сумелійскую рукопись іерусалимскими клириками,

1) Русскій переводъ этого текста и слѣдующихъ см. въ Приложеніи. Труды Кіев. дух. Академіи. Т. I. 1899 г. 19

архимандритомъ Христофоромъ и архидіакономъ Неофитомъ, въ 1619 году и при томъ въ Москвѣ. Какъ уже извѣстно, суздальскій архіепископъ Арсеній въ это время жилъ въ Москвѣ на Богоявленскомъ подворьѣ Троице-Сергіевской лавры и принималъ во всѣхъ важнѣйшихъ церковныхъ и политическихъ событіяхъ Россіи самое живое и непосредственное участіе. Лично хорошо знавшіе этого святителя и пользовавшіеся въ Москвѣ его услугами неоднократно въ 1619 году, переписчики Сумелійской рукописи, архимандритъ Христофоръ и архидіаконъ Неофитъ, никоимъ образомъ въ своей рукописи о живомъ святителѣ не могли говорить, какъ уже о почившемъ и при томъ съ точнымъ указаніемъ дня кончины и количества лѣтъ его жизни. Не подлежитъ, слѣдовательно, сомнѣнію, что въ припискѣ Сумелійской рукописи, говорящей о времени ея написанія въ Москвѣ въ 1619 году іерусалимскими клириками, архимандритомъ Христофоромъ и архидіакономъ Неофитомъ, имѣются нѣкоторые анахронизмы и несообразности, которые невольно вызываютъ сомнѣніе въ ея исторической достовѣрности. Чтобы распутать указанная противорѣчія и за интересующею насъ припискою въ Сумелійской рукописи признать историческую цѣнность, необходимо, по нашему мнѣнію, подвергнуть анализу и самую эту приписку и главнымъ образомъ существующее въ рукописи житіе Арсенія, архіепископа суздальскаго.

Если мы оставимъ на время въ сторону надписаніе житія, трехстишіе, предваряющее его, и самый конецъ житія, то, при чтеніи его, рѣшительно нельзя указать ни одного мѣста, которое бы прямо говорило, что это житіе не могло быть написано въ 1619 году, когда упомянутые клирики іерусалимской церкви находились въ Москвѣ. Напротивъ, это житіе повѣствуетъ лишь о тѣхъ фактахъ въ жизни архіепископа Арсенія обстоятельно и подробно, какіе имѣли мѣсто до этого года, а послѣдующія событія изложены въ немъ кратко и общими фразами. Такъ, напр., изображая любовь архі-

епископа Арсенія къ созиданію и благоукрашенію храмовъ, составитель житія перечисляетъ не только всѣ главнѣйшія церкви важнѣйшихъ монастырей и городовъ, на которыя простиралась до этого времени заботливость и попечительность этого архипастыря, но даже говоритъ о домовыхъ церквахъ и храмахъ, построенныхъ имъ въ отдаленныхъ отъ Москвы деревняхъ (стр. 51—55). О жизни святителя въ Москвѣ, послѣ перевода его изъ Твери на суздальскую архіепископію, въ житіи читаемъ слѣдующее: „Καὶ διὰ βασιλικῶν γραμμάτων τοῦ εὐσεβεστάτου βασιλέως καὶ μεγάλου κνέζου Μιχαὴλ Θεοδωροβίτζη πάσης Ῥωσσίας ἀπῆλθεν εἰς τὴν μεγάλην Μοσχολίαν πρὸς τὸν εὐσεβεστάτον βασιλέα καὶ μέγαν κνέζην Μιχαὴλ Θεοδωροβίτζη, καὶ ἐδόθη αὐτῷ ἡ ἀρχιεπισκοπὴ Σουσελλίου καὶ Ταρουσίας, κατοικῶν πλησίον εἰς τὰ βασίλεια ἐν τῷ μοναστηρίῳ τῶν ἁγίων Θεοφανείων τοῦ μεγάλου Θεοῦ καὶ Σωτῆρος ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ, μοναστήριον τῆς μεγάλης λαύρας τῆς ἁγίας καὶ ζωοποιῦ καὶ ἀδιαρέτου Τριάδος, τῆς ἐπονομασθείσης τοῦ ὁσίου πατρὸς ἡμῶν Σεργίου, τοῦ μεγάλου θαυματουργοῦ καὶ ἡγουμένου τῆς ἁγίας μεγάλης λαύρας. Ζήσας οὖν ἐκεῖσε αὐτὸς ἐν τῷ μοναστηρίῳ τῶν ἁγίων Θεοφανείων καιροῦς καὶ χρόνους οὐκ ὀλίγους, φιλοτιμούμενος ὑπὸ τοῦ βασιλέως Μιχαὴλ καὶ ὑπὸ τῆς ἐνδοξοτάτης αὐτοῦ ἁγίας μητρὸς δεσποίνης Μάρθας μοναχῆς“ (л. 109). Этотъ моментъ счастливой жизни архіепископа Арсенія въ Москвѣ, вблизи царскаго дворца, на Богоявленскомъ подворьѣ Троице-Сергиевской лавры падаетъ именно на время до 1619 года, потому что, когда сдѣлался патріархомъ Филаретъ Никитичъ, крѣпко взявшій въ свои руки бразды правленія русскою церковью, положеніе и значеніе этого архіепископа, уже въ это время старца, пошатнулось; ему вскорѣ пришлось совершенно покинуть Москву и переѣхать на постоянное жительство въ свой епархіальный, воедральный городъ Суздаль, гдѣ онъ и скончался.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что составитель житія архіепископа Арсенія ничего не зналъ о его епархіаль-

ной дѣятельности на суздальской каедрѣ, хотя, какъ мы говорили выше, въ біографіи святителя, онъ и здѣсь не прекращалъ трудиться и надъ благоукрашеиіемъ храмовъ, и надъ устроениемъ другихъ неотложныхъ въ епархіи дѣлъ,—и принужденъ былъ заключить свое житіе слѣдующимъ бездвѣтнымъ и состоящимъ изъ общихъ мѣстъ концемъ: „Βοιῶσαντος οὖν ἔκεισε, ποιμαίνόμενος καὶ τὸ ἑαυτοῦ ποιμνιον καιροῦς καὶ χρόνου οὐκ ὀλίγους ἐν φόβῳ Θεοῦ καὶ εὐλαβείᾳ πολλῇ καὶ θεοφιλεί. Ζήσας ἅπαντα τὰ ἔτη αὐτοῦ ἕξ πρὸς τοῖς ἑβδομήκοντα καὶ μῆνας τρεῖς, κελεύσει Θεοῦ, μετέστη τὸν τῆδε βίον, καταλιπὼν τὰ φθαρτά, ἀπῆλθεν εἰς τὰ ἀφθαρτα. Οὕτως οὖν ἔζησε καὶ πολιτεύσατο ἐν τῷ φανερῷ· τὰ δὲ ἀδηλα καὶ κρύφια τῆς καρδίας αὐτοῦ Κύριος οἶδεν, ὁ ἐτάζων καρδίας καὶ νεφρούς τῶν ἀνθρώπων· Αὐτῷ ἡ δόξα εἰς τοὺς αἰῶνας τῶν αἰώνων. Ἀμήν“¹⁾). По самой конструкціи этого заключенія, состоящаго въ самомъ началѣ изъ дословнаго почти повторенія предыдущихъ фразъ, можно думать, что оно было поддѣлано послѣ, по кончинѣ этого святителя, уже нѣсколько лѣтъ спустя, и, безъ сомнѣнія, на основаніи общихъ слуховъ, ходившихъ въ средѣ знавшихъ покойнаго святителя по Москвѣ, но мало знакомыхъ съ его дѣятельностію въ послѣдніе годы жизни на суздальской каедрѣ. Этому-то завершителю житія архіепископа Арсенія и можно, по нашему мнѣнію, приписать и заглавіе къ житію, и трехстишіе въ началѣ его, и даже эпитеты: „μαχαριώτατος“, „ὁ ἀγιώτατος ἱεράρχης“ и „ὁ πάντο ἅγιος καὶ θαυμαστός ἀνήρ“, такъ какъ онъ переписывалъ свою рукопись, уже послѣ кончины святителя Арсенія.

Итакъ, что же нужно сказать въ концѣ концовъ о Сумелійской рукописи, содержащей въ себѣ мемуары Арсенія, архіепископа елассонскаго, и его жизнеописаніе? Несомнѣнно, въ своемъ настоящемъ цѣльномъ видѣ, по времени своего происхожденія, она, вопреки вышеприведенной

¹⁾ Русскій переводъ см. ниже въ Приложеніи.

припискѣ въ рукописи въ концѣ ея, нѣсколько позже 1619 года, но все же времени написанія ея не можетъ быть, по нашему мнѣнію, *отодвинуто даже къ началу второй половины XVII столѣтія*. Писцомъ ея мы считаемъ *Неофита, іерусалимскаго архидіакона*, который, въ качествѣ уже патріаршаго племянника, совершилъ, по порученію іерусалимскаго патріарха Теофана, *вторичное* путешествіе въ Москву въ 1634 году ¹⁾ вмѣстѣ съ архимандритомъ Анеимомъ. Въ это-то время, узнавъ о кончинѣ своего стараго знакомаго, архіепископа Арсенія, весьма много оказавшаго услугъ ему въ пріѣздъ 1619 года, архидіаконъ Неофитъ и рѣшился для себя переписать рукопись архимандрита Христофора, въ которую этотъ послѣдній въ 1619 году включилъ мемуары архіепископа Арсенія цѣликомъ до 1611 года, редактировалъ послѣдующія воспоминанія до 1613 года, сочинилъ къ нимъ эпиграммы и, не безъ помощи келейника монаха Кирилла, составилъ жизнеописаніе ²⁾ святителя Арсенія до перехода его съ тверской каѳедры на суздальскую, или, вѣрнѣе, до пріѣзда въ Москву патріарха іерусалимскаго Теофана въ 1619 году. Только при этомъ предположеніи станетъ для насъ понятна приписка Сумелійской рукописи, утверждающая, что эта рукопись писана *двумя іерусалимскими переписчиками, т. е. архимандритомъ Христофоромъ и архидіакономъ Неофитомъ*, потому что въ дѣйствительности эта рукопись, за исключеніемъ послѣднихъ словъ приписки: „*Νεοφότηο ἀρχιδιακόνου Ἱεροσόλυμων*“, писана отъ начала до конца однимъ почеркомъ. Несомнѣнно, архидіаконъ Неофитъ, списывая

¹⁾ Сношенія Россіи съ Востокомъ по дѣламъ церкви, ч. II, СПб. 1860, стр. 253; Правосл. Палест. Сборн. в. 43 СПб. 1895 стр. 87.

²⁾ Считать жизнеописаніе архіепископа Арсенія за автобіографію мы не имѣемъ никакого права, такъ какъ въ ней не мало фактическихъ погрѣшностей, которыя не могъ допустить архіепископъ Арсеній (См. выше стр. 5, примѣч. 2; стр. 6—7, примѣч. 1 и прилож.).

рукопись своего спутника вл. Москву по первому путешествію, архимандрита Христофора, и дѣлая въ ней необходимыя дополненія, вызываемыя даннымъ временемъ, списалъ и приписку перваго писца, сохранивъ дату 1619 года, чѣмъ и причинилъ для изучающихъ Сумелійскую рукопись немало затрудненій, побѣдить которыя, говоримъ откровенно, не легко. Свою настоящую попытку распутать вѣсколько эти затрудненія мы никакъ не можемъ признать безусловно вѣрною: она можетъ считаться лишь вѣроятною и для насъ пока единственно возможною.

Выше мы уже замѣтили, что мемуары архіепископа Арсенія попали въ руки іерусалимскихъ клириковъ, архимандрита Христофора и архидіакона Неофита, не въ оконченомъ и не вполне обработанномъ видѣ, и что, слѣдовательно, остается полная возможность предполагать, что авторъ этихъ мемуаровъ продолжалъ трудиться надъ ними, и послѣ отъѣзда изъ Москвы іерусалимскаго патріарха Теофана и его спутниковъ, переписчиковъ ихъ. На это предположеніе насъ наводитъ слѣдующій весьма любопытный фактъ. Въ библіотекѣ Московской Синодальной хранится между другими рукописными богослужебными книгами *рукописная Трїодъ XV № 462 (284)*¹⁾, принадлежавшая нѣкогда извѣстному русскому митрополиту Фотію (1410—1431). На выходныхъ листахъ, въ началѣ и въ концѣ этой рукописи, мы можемъ читать весьма интересныя черновыя замѣтки, напоминающія, и по содержанію и по изложенію, отрывки изъ мемуаровъ, писанныя собственноручно Арсеніемъ, архіепископомъ елассопскимъ. Эти замѣтки сохранились не вполне, особенно пострадали сильно отъ времени, сырости и переплетчиковъ, обрѣзавшихъ края рукописи, замѣтки, находящіяся въ концѣ рукописи, на л. 336. Мы считаемъ

---

¹⁾ Арх. Владимира Систематическое Описаніе рукописей Мо к. Синодальной библіотеки. М. 1894 г., ч. 1, стр. 400.

гаемъ вполне умѣстнымъ здѣсь цѣликомъ воспроизвести эти любопытныя замѣтки съ переводомъ ихъ на русскій языкъ:

(Л. 6 об.) ἰζζς' ραφη' 1) Ἐπι τῆς βασιλείας τοῦ εὐσεβεστάτου μεγάλου βασιλέως Θεοδώρου Ἰωαννοβίτζου πάσης μεγάλης Ῥωσ(σ)ίας καὶ τῆς θεοστέπτου αὐτοῦ μεγάλης βασιλείας Εἰρήνης, ἐπατριαρχεύσατο πρῶτος ἐν Μοσχολίᾳ τῆς μεγάλης Ῥωσ(σ)ίας ὁ ἀγιώτατος πατριάρχης Ἰώβ, μητροπολίτης ὧν πρότερον ἐν αὐτῇ. Ἐδέξατο τὴν αὐτὴν ὑψιλωτάτην χάριτα τῆς πατριαρχείας παρὰ τοῦ ἐν ἀγίοις πατριάρχου τοῦ τῆς Κωνσταντινουπόλεως Ἱερεμίου, φήψω καὶ δοκιμασίᾳ τῶν ἀρχιερέων, τῶν ἐν τῇ μεγάλῃ Ῥωσ(σ)ίᾳ παρόντων, σὺν αὐτοῖς καὶ τοῦ πανιερωτάτου μητροπολίτου Μονεμβασίας κύρ Ἱεροθέου, καὶ τοῦ ταπεινοῦ ἀρχιεπισκόπου Ἐλασσόνος καὶ Δημονίχου Ἀρσενίου, κατὰ τὸ ἐπτάκις χιλιοστό(ν) ἐνιαχοστὸν ἔχτον ἀπὸ κτίσεως κόσμου· ἀπὸ δὲ τῆς Χριστοῦ γεννήσεως ραφη'. Γενομένης συνάξεως καὶ λειτουργίας μεγάλης ἐν τῷ πανσέπτῳ καὶ περιουμένῳ ναῶ τῆς παναχράντου Θεοτόκου, τὸν ὄντα (sic) πλησίον εἰς τὰ βασίλεια, ὃν καὶ πατριαρχεῖον ἐτίμησάν τε καὶ ὄνομασαν τῇ εἰκοστῇ ἔκτῃ τοῦ Ἰαννουαρίου μηνός, ἐν ᾗ καὶ ἡ προ-

7096=1588. В царствованіе благочестивѣйшаго великаго царя Θεодора Ивановича всея великия Россіи и богоявчанной его великой царицы Ирины, былъ поставленъ въ Московѣ первымъ патриархомъ великой Россіи святѣйшій патриархъ Іовъ, бывшій въ ней прежде митрополитомъ. Онъ воспріалъ эту высочайшую благодать патриаршества отъ иже во святыхъ константинопольскаго патриарха Іеремиа, по избранію и испытанію архіереевъ, находящихся въ великой Россіи, при (соучастіи) съ ними высокопреосвященнѣйшаго митрополита монемвасійскаго киръ Іерофея и смиреннаго архіепископа елассонскаго и димоникскаго Арсенія, въ (лѣто) отъ сотворенія міра 7096, отъ рождества же Христова 1588. Во время собора и торжественной литургіи во всечестномъ и именитомъ храмѣ пречистой Богородицы, находящимся вблизи дворца, каковой (храмъ) почтили и называли патриархією, въ 26 день января мѣсяца, въ который и состоялось возведеніе

1) Годъ поставленія въ патриарха митрополита Іова трижды узванъ неврѣно, т. е. 1588, вмѣсто 1589, и эта ошибка имѣется не только въ рукописи Московской Синодальной, но и въ рукописи Синайской библіотеки. Труды Кіев. дух. Акад. 1865 г. т. III, стр. 237.

βίβρασις τοῦ πατριάρχου κῆρ Ἰώβ ἐγένετο καὶ ἡ λειτουργία, συλλειτουργήσαντες ἅπαντες οἱ ἀρχιερεῖς καὶ ἀρχιμανδρίται, καὶ ἡγούμενοι τῆς μεγάλης Ῥωσ(σ)ίας μὲ τὸν παναγιώτατον πατριάρχην Κωνσταντινουπόλεως κῆρ Ἱερεμίαν, παρόντος καὶ τοῦ εὐσεβεστάτου μεγάλου βασιλέως Θεοδώρου Ἰωαννοβίτζου πάσης μεγάλης Ῥωσ(σ)ίας σὺν τοῖς μεγιστάνοις τε αὐτοῦ καὶ ἀρχούσιν. Ἦνίκα δὲ τὴν λειτουργίαν ἐπλήρωσαν, πάντες τὸν Θεὸν ἐδόξασαν, τὸν βασιλέα ἐφήμισάν τε καὶ ἐπολυχρόνησαν, τὸν πατριάρχην εὐχαρίστησαν καὶ τὸν νέον πατριάρχην τὸ εἰς πολλὰ ἔτη, δέσποτα, ἐφάλλαν, καὶ ἀπελθόντες εἰς τὴν τοῦ βασιλέως μεγάλην τράπεζαν, πάντες παντοίων ἀγαθῶν ἐνημπλήσθησαν, καὶ τὸν Θεὸν δοξάσαντες, καὶ τὸν βασιλέα πολυχρόνησαντες, οἴκαθεν ἐπορεύθησαν.

Ταπεινὸς ἀρχιεπίσκοπος Ἐλασσόνος καὶ Δημονίκου Ἀρσένιος.

(л. 336) Ἐν τῷ ἱζ' μηνὶ Μαΐῳ κς' ἰνδ... τῷ εὐσεβεστάτῳ ἡμῶν μεγάλῳ βασιλεῖ (Θεοδώρῳ Ἰωαννοβίτζῳ πάσης μεγάλης Ῥωσ(σ)ίας καὶ τῶν ἐξῆς... βασιλοπούλα Θεοδωσία, καὶ ἐγένετο μεγάλη χαρὰ, (φυ)λακὰς κατεκένωσε, τοὺς ἐν ἐξορίαις ὄντας ἐμετεκ(άλεσε), καὶ ἀπλῶς εἶπεῖν, πάντας τοὺς πεινῶντας ἐνέπλησε, τοὺς πεινομένους ἐπλούτησεν.

Πατριαρχεύοντος τοῦ... πατριάρχου κῆρ Ἰώβ, πρῶτος τὴν πατρι-

кирь Іова въ патриархи и литургия, въ сослуженіи всѣхъ архіереевъ и архимандритовъ и игуменовъ великой Россіи, съ святѣйшимъ константинопольскимъ патриархомъ керь Іеремією, въ присутствіи и благочестивѣйшаго царя Θεодора Ивановича всея великія Россіи съ его вельможами и боярами. Когда же окончили литургію, то всѣ прославили Бога, принесли привѣтствіе - многолѣтіе царю, поблагодарили патриарха, пропѣли новому патриарху: „На многа лѣта, владыко“ и, отправившись за царскую богатую трапезу, всѣ преисполнились различныхъ благъ и, прославивши Бога и помноголѣтствовавши царя, удалились домой.

Смиранный архіепископъ елассонскій и димоникскій Арсеній.

Въ лѣто 7100, въ маѣ мѣсяцѣ, 26 числа, индиктіона... у благочестивѣйшаго нашего великаго царя Θεодора Ивановича всея великія Россіи и прочее... родилась царица Θεοδωσία и была великая радость: онъ освободилъ узниковъ, возвратилъ находящихся въ ссылкѣ, и, проще сказать, всѣхъ алчущихъ навормилъ, нуждающихся обогатилъ.

Когда сдѣлался... патриархомъ керь Іовъ, первый заняв-

αρχείαν δεξάμενος τῆς μεγάλης
 Ῥωσ(σ)ίας... τοῦ ἐν ἁγίοις πα-
 τριάρχου τοῦ τῆς Κωνσταντινου-
 πόλεως Ἱερεμίου, ἐλθόν(τος) χάριν
 ἐπισκέψεως καὶ εὐλογίας τοῦ με-
 γάλου βασιλέως Θεοδ(ώρου) Ἰω-
 ἀννοβιτζη πάσης μεγάλης Ῥωσ-
 (σ)ίας, κατὰ τὸ ζ΄ς μῆνι Ἰαννουα-
 ρίῳ κς'....

шій патриаршество великой
 Россіи... отъ иже во святыхъ
 патриарха константинополь-
 скаго Іереміи, пришедшаго
 ради посѣщенія и благослове-
 нія великаго царя Θεодора
 Ивановича всея великія Россіи,
 въ лѣто 7096, мѣсяца января
 въ 26 день...

(Листъ по краямъ оборванъ).

На основаніи этихъ любопытныхъ черновыхъ записей архіепископа Арсенія мы можемъ теперь полагать, что *по длинныя мемуары* архіепископа Арсенія, къ глубокому сожа- лѣнію, остающіеся и доселѣ въ неизвѣстности, по своему со- держанію превосходятъ значительно полнотою и обстоятель- ностію копию ихъ въ Сумелійской рукописи. Такъ, напр., въ Сумелійской рукописи совершенно отсутствуетъ обстоятельный рассказъ архіепископа Арсенія о рожденіи въ 1592 году у царя Θεодора Ивановича дочери *Θεοδοσίи*, о великой радости во дворцѣ и большихъ милостяхъ по этому случаю, явлен- ныхъ государемъ народу. Это, во-первыхъ. Во-вторыхъ, по этимъ черновымъ записямъ мы можемъ теперь составить себѣ довольно ясное представленіе и о самомъ процессѣ литера- турныхъ работъ архіепископа Арсенія. Изложивъ краткій раз- сказъ объ учрежденіи въ Россіи въ 1589 году патриарше- ства и о церковныхъ и придворныхъ торжествахъ по этому случаю въ Москвѣ, архіепископъ Арсеній, очевидно, остался недоволенъ имъ, а поэтому ниже, послѣ замѣчанія о рожде- нии дочери Θεοδοσίи у царя Θεодора Ивановича, началъ бы- ло тотъ же рассказъ въ иномъ изложеніи, но не докончилъ его. На основаніи всего этого мы считаемъ вполне возмож- нымъ предполагать, что кому нибудь изъ русскихъ или ино- странныхъ ученыхъ представится счастливый случай от- крыть мемуары архіепископа елассонскаго Арсенія *из ори-*

гиналъ¹⁾ и въ болѣе полномъ и обработанномъ видѣ, чѣмъ тотъ, въ какомъ мы познакомились съ ними въ рукописи трапезунтскаго Сумелійскаго монастыря, изготовленной спѣшно и за нѣсколько лѣтъ до кончины ихъ автора. Можно надѣяться, что оригиналъ восполнитъ тѣ дефекты, на которые мы указали выше, и устранивъ тѣ недоразумѣнія, какія возбуждаетъ Сумелійская рукопись въ настоящее время.

Разсказъ объ учрежденіи патриаршества въ Россіи, находящійся въ рукописи № 462 (284) Московской Синодальной библіотеки, въ мемуарамъ архіепископа Арсенія прямого отношенія не имѣетъ, а написанъ авторомъ едва ли не съ специальною цѣлью—дать читателямъ актовъ константинопольскаго собора 1593 года, утвердившаго патриаршество въ Россіи, краткія историческія свѣдѣнія²⁾ объ этомъ знаменательномъ событіи въ русской церкви, столь торжественно отпразднованномъ благочестивымъ царемъ Феодоромъ Ивановичемъ и соборомъ русскихъ іерарховъ во главѣ съ константинопольскимъ патриархомъ Іеремією и его свитою. Это предположеніе мы основываемъ на томъ, уже извѣстномъ въ печати, фактѣ, что нашъ путешественникъ по Востоку, епископъ Порфирій Успенскій, нашелъ этотъ самый разсказъ объ учрежденіи патриаршества въ Россіи въ такомъ именно по-

1) Считаемо не лишнимъ подѣлиться съ нашими читателями и свѣдѣніемъ, которое мы слышали относительно мемуаровъ Арсенія, архіепископа еласонскаго, отъ молодого ученаго казначея въ Императорск. Обществѣ исторіи и древностей русскіихъ при Московскомъ университетѣ С. А. Бѣлокурова. По его словамъ, собиралъ свѣдѣнія объ этихъ мемуарахъ покойный секретарь этого общества Н. Поповъ, но никакого реферата въ обществѣ о нихъ не читалъ.

2) Покойный профессоръ Ф. А. Терновскій не прочь былъ считать за официальный документъ даже и стихотворный трудъ архіепископа Арсенія подъ заглавіемъ: „Κόποι καὶ διατριβή“. Изученіе византійской исторіи и ея тенденціозное приложеніе въ древней Руси. Киев. 1876, т. II, стр. 73.

ложеніи, т. е. въ качествѣ предисловія къ актамъ собора 1593 года, въ одной рукописи Синайской бібліотеки ¹⁾. Къ глубокому сожалѣнію, сообщивъ время, когда (28 іюля 1850 г.) имъ переписаны были акты этого собора и самый разсказъ, и имя своего переписчика (послѣшникъ Николай Крыловъ, спутникъ преосвященнаго—автора на Синай), и даже время, когда (въ Іерусалимѣ въ 1850 г.) вся эта любопытная находка была переведена на русскій языкъ ²⁾, преосвященный Порфирій, какъ это нерѣдко бывало съ нимъ, не сообщилъ самыхъ главныхъ свѣдѣній—*номера* Синайской рукописи, въ которой онъ нашелъ эти акты и разсказъ объ учрежденіи патріаршества, и *время*, когда писана эта самая рукопись. Для насъ эти свѣдѣнія имѣли бы теперь немаловажное значеніе въ рѣшеніи вопроса, когда акты собора 1593 года и разсказъ архіепископа елассонскаго Арсенія объ учрежденіи въ Россіи патріаршества попали въ самую отдаленнѣйшую изъ православныхъ обителей.

Сообщимъ въ заключеніе краткія бібліографическія свѣдѣнія о трапезунтской Сумелійской рукописи, содержащей въ себѣ историческіе мемуары архіепископа елассонскаго Арсенія и его житіе, на основаніи данныхъ, находящихся въ самой этой рукописи. Сумелійская рукопись имѣетъ форматъ въ 16 долю листа и писана на 109 листахъ полубѣлой бумаги размашистымъ и довольно небрежнымъ почеркомъ конца первой половины XVII столѣтія. На листахъ 97—98 рукописи мы находимъ много разнообразныхъ изреченій, писанныхъ рукою XVIII вѣка, и между этими изреченіями двѣ приписки позднѣйшаго владѣльца рукописи: а) „Γερβασίου ἱεροδιακόνου ἐν ἔτει ἀπὸ Χριστοῦ ἀφλε“ (л. 98), т. е. Гервасія іеродиакона въ лѣто отъ (рождества) Христова 1735, и б) „Γερβασίου

1) Труды Кіев. духовн. Акад. 1865, т. III, стр. 237—238.

2) Тамъ же, стр. 238.

ιεροδιακόνου, τοῦ καλουμένου Ναλτζατζή, υἱὸς Γεωργίου (это слово читается плохо, такъ какъ рукопись въ данномъ мѣстѣ попорчена) καὶ ὑπερέτης Ἰγνατίου, ἀρχιερέως Χαλδίας“ (л. 97 об.), т. е. Гервасія іеродіакона, прозываемаго *Нацаци*, сынъ Георгія и служба Игнатія, халдейскаго архіерея. На основаніи этихъ приписокъ мы можемъ восстановить, какъ намъ кажется, болѣе или менѣе правдоподобно историческую судьбу Сумелійской рукописи. Рукопись іерусалимскихъ клириковъ архимандрита Христофора и іеродіакона Неофита попала сначала несомнѣнно въ руки Игнатія ¹⁾, просвѣщеннаго халдійскаго епископа (рукоположенъ 12 сент. въ 1717 году), который въ концѣ XVII или въ началѣ XVIII столѣтія обучался въ Букарештской Академіи. (Букарештъ, какъ извѣстно, лежалъ на томъ торномъ трактѣ, по которому двигались въ Россію и обратно многочисленныя духовныя лица, пріѣзжавшія за милостынею съ Востока). Послѣ смерти епископа Игнатія (въ 1734 апрѣля 17), рукопись эта перешла въ собственность къ его келейнику, іеродіакону Гервасію ²⁾, что онъ и удостовѣрилъ вышесприведенною подписью 1735 года, а отъ него, какъ инова ставропигіальной обители Сумелійской, она попала въ бібліотечку этой обители, гдѣ хранится и до настоящаго времени.

На рукописи кожанная обертка, а въ началѣ ея, въ качествѣ выходныхъ листовъ, имѣются два пергаментныхъ листа изъ русскаго Ирмологія прекраснаго письма XIII вѣка. Вотъ образчикъ языка этого древне-русскаго памятника: **ВѢЛИЧАИМЪА ЖИКОДАЧѢ ХѢ**, и чтѣмъ кистѣи **ДѢ** тѣомъ. жи **Ѡ Ѡ**ца поглааъ жи **БЖТѢ**НЫМЪ ОУЧНКОМЪ СКОМЪ. **НѢ**са поктѣ дачѣ славоу **БЖІ**а тѣоринѣ жи **рѠ**коу его водеѣщантѣ тѣвѣдѣ

¹⁾ Біографическія свѣдѣнія объ этомъ епископѣ см. у П а ж а д . - К е р а м ѣ о с . 'Іеросоолум. βιβλ. οὐδ. τ. α', σελ. 216, σημ. α' и Е. К о р т е х і ѡ . Βιογράφιαι τῶν ἐκ Τραπεζοῦντος καὶ τῆς περὶ αὐτὴν χώρας ἀπὸ τῆς ἀλώσεως μέχρις ἡμῶν ἀκμασάντων λογίων. ἐν Ἀθῆν. 1897 ст. σελ. 96—97.

²⁾ О іеродіаконѣ Гервасіѣ и о припискахъ на Сумелійской рукописи см. у Е. К о р т е х і ѡ . Βιογράφιαι х. т. λ. σελ. 114.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

Мѣсяца апрѣля въ 13 (день) упоение блаженнѣйшаго отца нашего Арсенія, архіепископа суздальскаго, прежде бывшаго елассонскаго изъ второй Фессалійской епархіи.

„Почтенное дитя второй Фессалии,
Питомицею же его была великая Россія,
Тринадцатаго (апрѣля) Арсеній Богу душу предаль“.

Сей блаженный архіепископъ происходилъ изъ второй Фессалійской епархіи, во времена Агарянскаго владычества, изъ деревни, называемой *Каллорьяна*, близъ города Трикки, сынъ священника *Теодора* и *Хрисафы*, которая въ божественной и ангельской схимѣ была названа *Христиною*¹⁾ монахинею (и которая приходилась) родною сестрою (γυνήσια ἀδελφή) блаженнаго ларисскаго митрополита Неофита, ктиторъ большого монастыря великаго Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа, находящагося вблизи Великихъ Вратъ, въ народѣ (κατὰ κόσμον) называемаго *Дусикомъ*²⁾. У него было четыре брата по плоти: *Іоасафъ*, епископъ стагонскій, *Маркъ*, епископъ *Димитриады*, *Аеанасій іеромонахъ* и *Панаіотъ*³⁾.

1) Самъ архіепископъ Арсеній всюду мать свою называетъ монашескимъ именемъ— *Христудулію*. См. выше стр. 6—7, прим. 1; стр. 62, 67.

2) Привѣчаніе о времени построения этого монастыря въ 1522 году и объ ошдбкѣ составителя житія—считать основателемъ его ларисскаго митрополита Неофита см. выше стр. 9, прим. 1.

3) Архіепископъ Арсеній во всѣхъ номинальскихъ запискахъ этого брата называетъ *іеромонахомъ Пахоміемъ* См. выше стр. 9—7, прим., 1; сл. стр. 8, прим. 1.

Послѣ смерти отца его Теодора, взявъ его въ свою епископію братъ его Іоасафъ, епископъ стагонскій, мальчишкою, (и) обучилъ его начальной грамотѣ (τὰ ἱερὰ γράμματα). Послѣ начального обученія онъ отдалъ его учителю, премудрому мужу, по имени монаху *Матѳею*¹⁾, обучающему въ Триккѣ многихъ учениковъ наукамъ—грамматикѣ, піитикѣ и риторикѣ, по повелѣнію и на иждивеніе преосвященнѣйшаго митрополита ларисскаго Іереміи. Итакъ, когда онъ тамъ обучался, то былъ постриженъ въ монахи нѣкимъ богоноснымъ духовнымъ отцемъ по имени Арсеvіемъ, который, по причинѣ его благочестивой жизни и славы, сдѣлался митрополитомъ Древнихъ Патръ. Сей же, по имени *Апостолій*, былъ названъ монахомъ *Арсеvіемъ*, и чрезъ нѣсколько дней митрополитомъ ларисскимъ киръ Іереміею былъ рукоположенъ въ іеродіакона. Итакъ, когда онъ обучался тамъ наукамъ, по прошествіи нѣкотораго времени, названный митрополитъ Іеремія, приглашенный архіереями и клириками и начальниками Константинополя, былъ возведенъ на великій и высочайшій патриаршій тронъ Константинополя. Всѣ провозгласили его святѣйшимъ архіепископомъ Константинополя и вселенскимъ патриархомъ. Дидаскаль монахъ Матѳеи, такимъ образомъ, отправился съ нимъ, а учепики всѣ разсѣялись по своимъ монастырямъ, потому что большею частію были іеромонахи и монахи. Сей же Арсеvій удалился къ брату своему Іоасафу, епископу стагонскому. Проживши тамъ достаточное время, братъ его скончался, и онъ направился въ монастырь великаго Бога и Спасителя Нашею Іисуса Христа въ Дусикъ, въ которомъ и былъ рукоположенъ *братомъ* своимъ, епископомъ Фанаря, Митрофаномъ²⁾. А оттуда, чрезъ нѣсколько дней

1) Этотъ монахъ *Матѳеи* былъ уроженцемъ острова Крита и учителемъ патриарха Іереміи II (Траноса). Κ. Σάβα Νεοαλληνική φιλολογία. Ἐν Ἀθῆν. 1868 σελ. 186.

2) Архіепископъ Арсеvій нигдѣ въ своихъ запискахъ не называетъ

вызванный патриаршимъ письмомъ, онъ отправился въ Константинополь къ патриарху киръ Іереміи. Благословившись у него, онъ получилъ повелѣніе быть патриаршимъ очереднымъ священникомъ великой церкви Всеблаженной въ патриархіи. Итакъ, проживши тамъ хорошо немного времени, патриархъ рукоположилъ его, по избранію и свидѣтельству архіереевъ, въ епископа елассонскаго и димопикскаго. А пробывъ тамъ немного времени, онъ, по приказанію архіереевъ, явился въ Константинополь, когда возведенъ былъ въ патриархи Θεολιπτης, митрополитъ филиппопольскій, потому что патриархъ Іереміи султаномъ Амуратомъ былъ изгнанъ въ ссылку на островъ Родосъ, будучи обвиненъ незаконными людьми и клеветниками въ томъ, что онъ крестилъ турецкихъ мужчинъ и женщинъ и отправилъ ихъ въ другія царства—въ Россію, въ Польшу и во Францію.

Итакъ, когда утвердился въ патриархіи патриархъ господинъ Θεολιπτης, то въ ту пору находился въ Константинополѣ апокрисіарій царя великой Россіи, по имени Борисъ. Съ нимъ въ великую Россію къ великому царю самодержцу Θεодору Ивановичу всея Россіи ради молитвы и благословенія патриархъ отправилъ со святыми мощами и другими честными дарами архіепископа Арсенія¹⁾. И когда они явились туда, то благочестивѣйшій царь Θεодоръ Ивановичъ принялъ его милостиво (милостивымъ взоромъ βραδύ φάρος). И вручивши сему благочестив-

въ числѣ братьевъ *Μιτροφανα, епископа Фанаря* (См. выше стр. 62, 67), хотя въ Синодавѣ Архангельскаго М. собора № 31 мая этого архіерея и значится въ числѣ другихъ ему памятныхъ лицъ (стр. 7, примѣч.).

¹⁾ Въ мемуарахъ своихъ архіепископъ Арсеній прямо говоритъ, что съ нимъ былъ посланъ въ Москву еще и *епископъ диррахійскій Паусій* (см. выше стр. 78), что подтверждаютъ и наши официальные данныя (стр. 11 прим. 11). Съ этимъ-то епископомъ Паусіемъ и доставилъ въ Константинополь царскую милостыню архіепископъ Арсеній (стр. 12—13, прим. 3).

вѣйшему царю патриаршее письмо ¹⁾ и дары, онъ благословилъ произнестъ отъ лица патриарха молитву и привѣтствіе. Царь, исполненный великой радости, оказалъ ему и его свитѣ, въ теченіе одного мѣсяца, благосклонность и отпустилъ его идти въ Константинополь, вручивши ему для передачи святѣйшему патриарху киръ Θεοφιльту много денегъ и много другихъ даровъ. И, направляясь въ Константинополь, на пути они прибыли въ городъ Львовъ, польское укрѣпленіе. И тамъ вѣ львовскіе христіане усердно упросили его остаться тамъ для благословенія и руководства ихъ, такъ какъ тамошніе жители были большею частію *латиняне*. Онъ же, неохотно склонившись на мольбы ихъ, прежде всего отославъ царскую милостыню и подарки патриарху Θεοφιльту, пробылъ тамъ два года.

Патриархъ киръ Ιερεμία, освобожденный изъ ссылки и получившій позволеніе отъ константинопольскаго султана Амурата отправиться къ царю великой Россіи, и будучи по пути въ *городъ Львовъ* ²⁾ и встрѣтившись съ архіепископомъ Арсеніемъ, (вмѣстѣ) отправились въ великую Россію къ благочести-

1) Патриаршая грамота отъ 27 мая 1585 г. къ царю Θεодору Ивановичу была послана, по нашимъ даннымъ, съ аеонскимъ старцемъ *Неофитомъ*. Сношенія Россіи съ Востокомъ по дѣламъ церковнымъ ч. I, стр. 152 — 155.

2) Здѣсь составителемъ житія допущена несомнѣнно *ошибка*. Патриархъ Ιερεμία *никогда* не былъ во Львовѣ и встрѣтился съ архіепископомъ Арсеніемъ въ *Замойскѣ*, гдѣ вселенскій патриархъ гостилъ въ некоторое время у канцлера литовскаго Яна Замойскаго, и куда архіепископъ Арсеній былъ нарочито вызванъ изъ Львова письмомъ патриарха. Вотъ какъ объ этомъ обстоятельствѣ рассказываетъ въ своемъ стихотворномъ описаніи путешествія патриарха Ιερεμίи въ Москву самъ архіепископъ Арсеній:

„Καὶ μεθ' ἡμέρας αὐ πολλὰς ἦλθεν ὁ πατριάρχης
 εἰς τῆς Δελχίας σύνορον, κ' ἔστειλε Καντζηλέρης
 Ἀνθρώπου· του καὶ γράμματα εἰς αὐτὸν νὰ πηγαῖνον,
 εἰς τὸ Ζαμόσκι κάστρον του αὐτὸν νὰ προσκαλέσων.

вѣйшему самодержцу, царю Θεόδору Ивановичу. Царь же и всѣ тамошніе архіереи и бояре, принявшіе великолѣбно вселенскаго патріарха и пришедшихъ съ нимъ, усиленно просили патріарха Ιερεμίю остаться тамъ патріархомъ, но онъ не пожелалъ, потому что было невозможно¹⁾, но собственному ихъ митрополиту московскому по имени Ιову, всесильною

Ἦκουσα πῶς ἀπάραισε στὸν Καντζηλέρην πάτρι
 Ἐγὼ καὶ ἐβιάστικα κ' ἔφθασα στὸ Ζαμόσκι.
 Παρασκευῆ ἐκίνησα μέσα ἀπὸ τὸ Λόβι,
 Ἠμέρα τῆ κυριακῆ ἔφθασα στὸ Ζαμόσκι.
 Ἀντάμωσα καὶ ἔβαλα τότε τὸν πατριάρχην
 Μετανοίαν ἑδαφίην μ' εὐλάβειαν μεγάλην...“

(Σ. Ζαμπελ. Καθίδρουσι, πατριαρχείου ἐν Ῥωσσίᾳ σελ. 27—28).

1) Рассказъ этотъ объ учрежденіи въ Россіи патріаршества не согласуется съ повѣствованіемъ архіепископа Арсенія въ его мемуарѣхъ (см. выше, стр. 83, 89), но замѣчательно *точно*, хотя и въ немногихъ словахъ, передаетъ факты изъ, бывшихъ по этому поводу, переговоровъ между русскимъ правительствомъ и патріархомъ Ιερεμίю, какъ они рассказаны архіепископомъ Арсеніемъ въ спеціальномъ его поэтическомъ сочиненіи. Можно легко подобрать сюда относящіяся стихи изъ этого произведенія:

Ἐθέδωρος ὁ κράτιστος ὁ μέγας βασιλέας
 Βλαντιμερίου, Μόσχοβου καὶ ὅλης τῆς Ῥωσίας
 Παρακαλεῖ καὶ δέεται ἐσὺ νὰ ἀπομείνης
 Ἐδῶ στὸν μέγαν Μόσχοβον, νὰ εἶσαι πατριάρχης
 Βλαντιμερίου, Μόσχοβου καὶ τῆς Ῥωσίας πάσης,

.....
 Τότε πολλὰ λυπήθηκα ἄρχων κυρὸς Μπορούσης,
 Τὸ πῶς δὲν εἶναι δυνατὸν νὰ μείν' ὁ πατριάρχης.

.....
 Ἐτοῦτο εἶν' ἀδύνατον φέρε ἔγὼ νὰ μείνω
 Κεὶ πατριάρχης Μόσχοβου ἐγὼ διὰ νὰ γένω.

.....
 Καὶ πατριάρχης ἔδωκε τὴν χάριν τοῦ Ἀγίου

Труды Кіев. дух. Академіи, т. I, 1899 г.

20

властію и благодатию Пресвятого Духа, повелѣлъ быть патриархомъ владимірскимъ, московскимъ и всея Россіи, давши ему святое цѣлованіе и назвавши его братомъ, сослужителемъ и святѣйшимъ. И по достаточномъ времени патриархъ киръ Іеремія былъ отпущенъ обратно въ Константинополь на его высочайшій тронъ со множествомъ даровъ и денегъ. Царь и святѣйшій патриархъ Іовъ, *удержавшіе* ¹⁾ (κρατήσαντες) жить въ Москвѣ архіепископа Арсенія, весьма полюбившіе его и (сдѣлавшіе) архіепископомъ

Πνεύματος παντατίου τε μετὰ εὐχῆς μεγάλης

Νὰ εἶναι πατριάρχης τε Ῥωσίας τῆς μεγάλης.

Καὶ φίλημα τὸν ἔδωκε τότε κατὰ τὴν τάξιν.

Καὶ πατριάρχης ᾤρισεν ὁ λόγος τοῦ νὰ γένῃ,

Τοῦ ἀδελφοῦ μου θέλημα Ἰὼβ τοῦ πατριάρχου,

Ἰὼβ ὁ ἀγιώτατος καὶ μέγας πατριάρχης

Βλαντιμερίου Μόσχοβου Ῥωσίας τῆς μεγάλης,

Καὶ ἀδελφὸς συλλειτουργὸς ἐκ Πνεύματος ἁγίου,

Ταύτην τὴν χάριν δίδει σοὶ καὶ δέξου μετὰ πόθου".

(Σ. Ζαμπέλιος. Καθίδροσις πατριαρχείου ἐν Ῥωσίᾳ σελ. 33, 34, 35, 39, 47, 58).

1) Приближительно также и почти дословно о своемъ оставленіи въ Россіи расславиваеъ архіепископъ Арсеній и въ своихъ мемуарахъ (см. выше стр. 89), но въ „Κόποι καὶ διατριβή“ это событіе излагается иначе. Арсеній архіепископъ лично проситъ царя оставить его и въ просьбѣ поддерживаеъ его патриархъ Іеремія:

„Ἠγάπησα νὰ κάθηναι τόσον πολλὰ μακριά

Ἐκ συγγενῶν πατρίδος τε καὶ ἐκ τῆς ἐπαρχίας,

Πάντα νὰ εὐχωμαι Θεὸν νύκτας καὶ τὰς ἡμέρας

Νὰ ἦσαι πολυχρόνιος ν' ἄχης πολλὴν ὀφείαν...

Καὶ πατριάρχης μέγιστος ἔφησε δι' ἐμένα

Δόγια τὰ ὠφέλιμα πολλὰ εὐχαριστήματα...

(Καθίδροσις πατριαρχείου ἐν Ῥωσίᾳ σελ. 68).

соборной Архангельской церкви, въ которой находятся гробы благочестивѣйшихъ царей и великихъ князей, въ близи царскихъ палатъ, и соборно (συνοδικῶς) царь съ святѣйшимъ патріархомъ и архіереями наименовали его, по благословеніи его патріархомъ киръ Іовомъ, архіепископомъ архангельскимъ. Царь ему и находящимся при немъ подарилъ на пропитаніе деревни. И послѣ многихъ лѣтъ была дана ему другая архіерейская каеэдра — сурдалская и таруская ¹⁾.

Сей (Арсеній) создалъ ²⁾ много церквей въ Москвѣ и ея окрестностяхъ. Въ Москвѣ онѣ построилъ церковь святыхъ великихъ мучениковъ Θεодора Стратилата и (Θεодора) Тирона. Потомъ, къ сѣверу, по дорогѣ, ведущей въ Тверь и великій Новгородъ, съ основаній земли онъ воздвигъ великую церковь Вседержителя Бога и Спасителя нашего Іисуса Христа и два придѣла при ней, съ правой и лѣвой сторонъ, иже во святыхъ отца нашего Николая чудотворца и святыхъ великихъ мучениковъ Романа и Давида, украсивши ее съ придѣлами и папертами внутри и внѣ, покрывши ее съ придѣлами бѣлою жестью (σιδήρφ), оградилъ ее превосходною ³⁾ оградю, выстроилъ высокую колокольню, покрылъ ее тою же жестью и въ оградѣ вырылъ колодезь. И внутри Москвы на востокъ, въ мѣстѣ, называемомъ заставою, на пути, ведущемъ въ Рязань, воздвигъ съ основаній земли церковь

1) О бытіи архіепископа Арсенія на каеэдрѣ тверской составитель житія почему-то здѣсь умолчалъ, но ниже говоритъ объ этомъ обстоятельно.

2) Греческій и русскій тексты этой части житія напечатаны нами выше стр. 51—55. Здѣсь мы внесли нѣкоторые поправки въ эту часть мемуаровъ.

3) Слова: καὶ καλῶ: αὐτὴν περιτείχισε, καὶ καμπάνριον ἔκτισεν ὑψηλὸν καὶ ἑσκέχισεν αὐτῆ σιδήρφ, но несмотрю, мы опустили выше стр. 52.

Рождества Пресвятыя Богородицы, украсивши ее внутри и внѣ съ папертами и покрылъ желѣзомъ куполь ея. И по ту сторону рѣки Москвы, вблизи большого моста, на югъ, противъ царскихъ палатъ, (на разстояніи) какъ бы трехъ выстрѣловъ изъ лука, воздвигъ съ основаній земли большую церковь святого славнаго великомученика Георгія Побѣдоносца, украсивши ее внутри и внѣ, покрывши ее и колокольную ¹⁾ ея желѣзомъ. И въ своемъ домѣ, находящемся вблизи дворца, устроилъ церковь святого великомученика Дмитрія муроточиваго, украсивши ее и паперть ея внутри и внѣ, покрывши всю бѣлою жестью. И на сѣверъ, далеко отъ Москвы миль 120, въ деревнѣ, называемой *Завидово* ²⁾, воздвигъ съ основаній земли большую церковь Успенія Пречистыя Богородицы и приснодѣвы Маріи и два придѣла, съ правой и лѣвой сторонъ ея, во имя собора величайшихъ чиповачальниковъ Михаила и Гавріила и всѣхъ небесныхъ силъ безплотныхъ и великаго пророка Іліи, украсивши ее и придѣлы ея внутри и внѣ и паперти ея кругомъ, и купола ея покрылъ бѣлою жестью. И вблизи этой деревни Завидово, въ мѣстечкѣ, называемомъ *Спасское* ³⁾, воздвигъ церковь великаго Бога и Спасителя нашего Іисуса Христа. Выстроилъ и другую церковь во имя Архангеловъ далеко отъ

¹⁾ Выше стр. 52, строка 24 напечатано у насъ: *καρκαλίσιον* — придѣлъ, вмѣсто *καρκαλίσιον* — колокольную.

²⁾ Село *Завидово* (каз.) Московской губерціи, Клинского уѣзда, въ 23 в. въ сѣверу отъ уѣзднаго города, по с.-петербургско-московскому шоссе, при рѣкѣ Долбицѣ. Имѣется въ селѣ двѣ церкви. (П. Семеновъ. Географическо-статистическій Словарь Россійской Имперіи т. II, СПб. 1865 стр. 243.

³⁾ Деревня эта носитъ иныи названіе *Спасъ-Заулки*, находится въ томъ же Клинскомъ уѣздѣ, въ 17 верстахъ отъ уѣзднаго города, и лежитъ на петербургско-московскомъ шоссе. Въ деревнѣ этой двѣ церкви.

Москвы, миль 115, въ деревнѣ, называемой *Никитское* ¹⁾, обнесъ ее оградю кругомъ и насадилъ около нея различныя деревья. И близъ Москвы, на разстояніи около 15 стадій, воздвигъ церковь Всѣхъ Святыхъ, и украсилъ ее внутри и внѣ обнесъ ее оградю кругомъ, и насадилъ около нея различныя деревья, и вблизи ея устроилъ прудъ, и вырылъ вблизи колодезь, противъ двери ея. *Все это онъ сдѣлалъ явно, тайная же сердца его вѣдаетъ Господь.* И на востокъ Москвы, около одной мили, по ту сторону рѣки Яузы, въ великомъ монастырѣ Нерукотвореннаго образа Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, называемаго *Андрониковскимъ*, съ великимъ искусствомъ онъ выстроилъ церковь во имя чуда Архистратига Михаила въ Хонѣхъ, превосходно отдѣлалъ и возстановилъ большую трапезу, бывшую ветхою и темною, и притворъ этой трапезы устроилъ внѣ, на мраморныхъ колоннахъ, и кругомъ много оконъ, и прекрасно покрылъ ее, и кругомъ и вверху росписалъ живописью, и лѣстницу, бывшую ветхою и разрушенною, прекрасно устроилъ, и колокольню, бывшую прежде деревянною отъ средины до верха, онъ выстроилъ каменную и сдѣлалъ болѣе высокою, и покрылъ бѣлою жестию, и поставилъ вверху ея честный и животворящій крестъ.

И въ Твери на архіепископіи соборную церковь во имя Преображенія великаго Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа, древнюю и пришедшую въ упадокъ, и разрушенную, и опустѣлую, остававшуюся къ тому же безъ пѣнія и богослуженія 25 лѣтъ, онъ устроилъ и возобновилъ, и покрылъ ее и четыре ея придѣла во имя введенія Пречистыя Богородицы и приснодѣвы Маріи, и святыхъ и преславныхъ апостоловъ Петра и Павла и прочихъ (апостоловъ), и святого славнаго великомученика Дмитрія муроточиваго, и святого князя

¹⁾ Село *Никитское* Москоской губерніи, Брадлавскаго уѣзда, въ 17 в. отъ уѣзднаго города, при рѣкѣ Цесоченкѣ, на рязанскомъ шоссе. (Тамъ же, т. III, 1867, стр. 456).

Михаила Ярославича чудотворца, и кругомъ палерти съ придѣлами покрылъ и украсилъ, и увеличилъ значительно съ прежнимъ; и возстановилъ и освятилъ сію соборную церковь великаго Бога и Спасителя нашего Іисуса Христа и придѣлы ея; и назначилъ къ ней протопопа и священниковъ, и протодіакона, и іеродіакона, клириковъ, и пѣвцовъ, и чтецовъ, чтобы пѣть и священнодѣйствовать въ ней и въ придѣлахъ каждыи день немолчно и непрерывно. И послѣ возобновленія этой соборной церкви и придѣловъ ея, онъ прожилъ тамъ на архіепископіи не много времени: *сначала два года и десять тысячъ, а вторично около двухъ тысячъ*¹⁾.

И, по царскому указу благочестивѣйшаго царя и великаго князя Михаила Теодоровича, онъ отправился въ великую Москву къ благочестивѣйшему царю и великому князю Михаилу Теодоровичу, и дана была ему архіепископія суздальская и тарусская съ правомъ жительства вблизи дворца, въ монастырѣ святыхъ Богоявленій великаго Бога и Спасителя нашего Іисуса Христа, въ подворьѣ великой лавры святыхъ животворящихъ и нераздѣльныхъ Троицы, названной (лаврою) преподобнаго отца нашего Сергія, великаго чудотворца и игумена святыхъ великія лавры. Итакъ, проживши тамъ, въ монастырѣ святыхъ Богоявленій, не малое количество лѣтъ, онъ былъ въ чести у царя Михаила и у преславнѣйшей его святой матери, госпожи Марѣи монахини.

Итакъ, когда онъ жилъ тамъ, то управлялъ своею паствою не малое количество лѣтъ въ страхѣ Божиемъ и въ

---

1) Подчеркнуты нами слова были написаны въ видѣ посленія рукою писца, писавшаго всю рукопись, но потомъ иною рукою, сходною съ припискою: „*Νεοφύτου, ἀρχιδιακόνου τῶν Ἱεροσολύμων*“, эти слова зачеркнуты и написано: „*ὡς πρότερον ἔδο χρόνους χωρὶς ἔδο μῆνας (μηνῶν)*“, т. е. „какъ прежде: *два года безъ двухъ тысячъ*“. См. выше стр. 38, прим. 3.

великомъ и боголюбивомъ благочестіи. Проживши всего лѣтъ своей (жизни) семьдесятъ шесть и три мѣсяца, величіемъ Божиимъ, преставился изъ здѣшней жизни; оставивши тлѣнная, онъ удалился въ нетлѣнная. Такимъ-то образомъ, онъ прожилъ и дѣйствовалъ на виду (у всѣхъ), безвѣстная же и тайная сердца его вѣдаетъ Господь, испытующій сердца и утробы людей: Ему слава во вѣки вѣковъ. Аминь^а.

А. Дмитріевскій.

Неизвѣстное полемическое сочиненіе противъ папскихъ притязаній въ юго-западной Россіи (1633 года).

Въ недавно вышедшемъ въ свѣтъ II томѣ нашего сочиненія: *Кіевскій митрополитъ Петръ Могила и ея сподвижники*, мы свою рѣчь о преніяхъ между православными и латино-уніатами на коронаціонномъ сеймѣ 1633 года начали слѣдующимъ вступленіемъ: „Когда составлены были на избирательномъ сеймѣ извѣстныя статьи успокоенія между православными и уніатами, новоизбранный король далъ, занесенную въ *acta conventa*, клятву исполнить ихъ безъ промедленія, т. е., какъ разумѣлось, на сеймѣ коронаціи, гдѣ должны были получить окончательную санкцію постановленія сейма избирательнаго. Но успѣхъ, достигнутый православными при избраніи короля, возбудилъ сильнѣйшее волненіе въ латино-уніатскомъ лагерѣ, и приверженцами папизма, поощряемыми въ тому римскимъ престоломъ, употреблены были всевозможныя старанія и подготовленія, чтобы затормозить дѣло своихъ религіозныхъ противниковъ, не допустить предполагаемаго утвержденія правъ иль церкви на предстоящемъ сеймѣ. Разумѣется, православные южно-русссы обо всемъ этомъ хорошо были осведомлены и съ своей стороны тоже дѣлали соотвѣтствующія подготовленія къ предстоящей борьбѣ. Всѣ предвидѣли, что коронаціонный сеймъ будетъ бурный, и именно изъ-за споровъ по вопросамъ религіознымъ. Такъ на самомъ дѣлѣ и случилось“ (стр. 63).

Подкрѣпляя положенія, высказанныя въ этомъ вступленіи, ссылками на документальныя данныя (гдѣ въ томъ предстояла надобность), мы къ подчеркнутымъ нами словамъ— о подготовленіяхъ православныхъ къ предстоящей борьбѣ съ латино-уніатами—присовокупили слѣдующее примѣчаніе: „Въ это время (кромѣ обычныхъ инструкцій посламъ, избираемымъ на сеймъ), Виленскимъ православнымъ братствомъ, обнаружившимъ въ 1632 г. особенную заботливость о возстановленіи правъ православной церкви, составлено было небольшое по объему *новое сочиненіе*, отпечатанное въ значительномъ количествѣ экземпляровъ и предпазаченное для раздачи сеймовымъ депутатамъ. Это *неизвѣстное библиографамъ* сочиненіе носитъ слѣдующее заглавіе: „Rzym albo Stolica Rzyska icšli co ma do praw Korony Polskiej y W. X. Litewskiego politickich, krotkie uważenia, roku 1633 stanom koronnym na seym koronaciey podane“, (т. е. „Римъ или римская столица имѣеть ли какое касательство до политическихъ правъ Короны Польской и Великаго Княжества Литовскаго?—краткія разсужденія, подпесенныя въ 1633 году государственнымъ чинамъ на сеймѣ коронаціи“). Находится въ Московской Типографской Синодальной Библіотекѣ“.

Констатировавши на страницахъ своего труда фактъ существованія неизвѣстнаго дотолѣ библиографамъ полемическаго сочиненія противъ папскихъ притязаній въ юго-западной Россіи, мы однако не привели изъ него никакихъ выдержекъ. Такъ поступили мы не потому, что означенное сочиненіе не представляетъ значительнаго историческаго интереса, а велѣдствіе утраты (во время пожара, истребившаго собранныя нами матеріалы) копій съ него и неудавшихся попытокъ возобновить ее въ одну изъ своихъ поѣздокъ (между прочимъ, и въ Москву), предпринятыхъ съ цѣлью вторичнаго собиранія погибшихъ отъ несчастной случайности матеріаловъ. Последнее (неудача вновь снять копію) зависѣло отъ того, что означенное сочиненіе находится въ одномъ изъ многочислен-

ныхъ сборниковъ, хранящихся въ поименованной (Типографской Синодальной) библіотекѣ и въ то время еще неприведенныхъ въ порядокъ. А такъ какъ съ утратою копіи сочиненія мы не могли припомнить № сборника, гдѣ оно было помѣщено, то поиски послѣдняго, на первыхъ порахъ безрезультатные и могшіе затянуться неопредѣленно продолжительное время, были нами, въ виду другихъ намѣченныхъ тогда работъ, оставлены. Во время своей послѣдней (въ концѣ прошлаго года) поѣздки въ Москву, благодаря хорошо уже составленному каталогу старопечатныхъ книгъ и брошюръ, помѣщенныхъ въ сборникахъ Синодальной Типографской Библіотеки, мы безъ особеннаго труда нашли интересующее насъ сочиненіе въ сборникѣ подъ № 4175 и собственноручно сняли съ него копію,

Настоящая статья имѣетъ быть посвящена подробному обзору этого небольшого сочиненія съ присовокупленіемъ объясненій и примѣчаній, вызываемыхъ сущностію дѣла.

Разсматриваемое полемическое сочиненіе (брошюра), сохранившееся въ упомянутомъ сборникѣ, *не имѣетъ заглавнаго листа*; но едва ли это слѣдуетъ объяснять утратою его: по всей вѣроятности, въ такомъ видѣ, т. е. безъ обычнаго заглавнаго листа, оно въ свое время и было напечатано. На предположеніе объ этомъ наводятъ, во-первыхъ, то обстоятельство, что оглавленіе сего сочиненія (его тема) *помѣщено на первой страницѣ самаго текста брошюры* (что при существованіи заглавнаго листа было бы дѣломъ излишнимъ, да въ тому же и необычнымъ), а во-вторыхъ, — малые размѣры брошюры, заключающей всего 7 страницъ (in 4)¹) и напоминающей собою по внѣшней формѣ небольшія докладныя записки нашего времени, печатаемая тоже, обыкновенно, безъ заглавныхъ листовъ. Противъ послѣдняго соображенія можетъ быть выставлено довольно сильное возраженіе, — именно, что въ первой половинѣ XVII стол. въ Польской Коронѣ, если не всѣ, то

во всякомъ случаѣ весьма многія брошюры и небольшихъ размѣровъ, — даже еще меньшихъ, чѣмъ разсматриваемая нами, — снабжаемы были заглавными листами (напр., „*Votum*“ на сеймѣ 1635 г. Лигензы). Но это возраженіе сильно ослабляется *содержаніемъ и характеромъ* разсматриваемаго сочиненія, въ чемъ собственно и должно усматривать причину, почему оно было выпущено въ свѣтъ безъ заглавнаго листа, слѣдовательно, безъ обозначенія и мѣста изданія.

Припомнимъ, что „въ статьяхъ успокоенія“, составленныхъ на избирательномъ сеймѣ 1632 года и имѣвшихъ въ виду *умиротворить* православныхъ и униатовъ, между прочимъ, подъ угрозой законной кары *ослушникамъ*, опредѣлено было: „обѣ стороны должны жить въ мирѣ и согласіи, не наступая одна на другую; письменныя и словесныя состязанія между собою прекратить и на будущее время никакихъ сочиненій, которыми привыкли оскорблять другъ друга, не издавать“²). Между тѣмъ, какъ ни сдержанно написано разсматриваемое сочиненіе, оно направлено было противъ излюбленныхъ латино-униатами и страстно защищаемыхъ ими папскихъ притязаній на юго-западную Русь, и дѣловито, при томъ не безъ сарказма, вооружается противъ этихъ притязаній. Появленіе подобнаго полемическаго сочиненія, разумѣется, не могло быть пріятно для папистовъ, и предвидѣлось, что православные будутъ упрекаемы за его изданіе, при чемъ послѣднее могло быть поставлено имъ въ вину, какъ *подлежащее карѣ нарушеніе статей успокоенія*, объ утвержденіи которыхъ хлопотали сами православные. А такъ какъ въ подобныхъ случаяхъ негодование папистовъ первѣе всего обрушивалось на типографіи, выпускавшія въ свѣтъ нежелательныя для нихъ книги, то уже обычное благоразуміе побуждало издать разсматриваемое полемическое сочиненіе безъ означенія типографіи его печатавшей. Разумѣется, можно было сдѣлать послѣднее, снабдивши брошюру и заглавнымъ листомъ (примѣры чему бывали); но малые размѣры сочиненія позволяли достигнуть этого путемъ и упрощеннымъ.

Соображенія о томъ, гдѣ составлялось рассматриваемое сочиненіе или, по крайней мѣрѣ, гдѣ оно было напечатано, мы считаемъ болѣе удобнымъ отнестъ къ концу статьи, предварительно ознакомивши читателей съ самымъ содержаніемъ сочиненія,—къ чему и приступаемъ.

Сочиненіе начинается слѣдующимъ заявленіемъ: „Весьма многихъ удивляетъ то, что когда на прошлой счастливой елекціи новаго государя зашла рѣчь объ обезпеченіи свободы диссидентовъ и объ успокоеніи насъ, людей греческой религіи, ихъ милости господа духовные (латино-уніатскіе) домогались, чтобы на это дано было соизволеніе сѣдалища апостольскаго, какъ будто у того сѣдалища имѣются такія права собственности относительно насъ, что мы обязаны искать его соизволеній и жить по его предписаніямъ, и какъ будто наша Рѣчь Посполитая такъ обязана папскому престолу, что если бы и до конечнаго упадка случилось ей придти, она ничего не можетъ предпринимать (для своего уврачеванія), безъ позволенія на то изъ Рима! Мы не говоримъ здѣсь о власти римской столицы по отношенію къ дѣламъ и лицамъ духовнымъ: пусть она на здоровье распространяетъ ее надъ тѣми, которые ей послушны. Но что касается до юрисдикціи свѣтской, обусловленной временными обстоятельствомъ (*jurisdictio temporalis*), то мы усматриваемъ, что не допускаютъ ея римской куріи и передовые защитники оной, какъ-то: Людовикъ Молина въ своемъ сочиненіи—*De justitia et jure* ³⁾, кардиналъ Белларминъ въ сочиненіи—*De summo Pontifice* ⁴⁾. Даже сами первосвященники, будучи о семъ вопрошаемы, никогда не присваивали себѣ власти въ дѣлахъ свѣтскихъ, какъ гласитъ текстъ (буллы): *Fer venerabilem*, по вопросу—какіе сыновья могутъ быть признаны законными“ ⁵⁾. Впрочемъ, — заявляется въ рассматриваемой нами брошюрѣ,—мы не будемъ входить въ школьные споры по этому вопросу, а обратимся къ историческому прошлому: посмотримъ, каковы были отношенія Польской Ко-

роны къ Риму при благочестивыхъ нашихъ предкахъ, дабы каждый отсюда могъ видѣть, что хотя католики и были послушны папамъ въ дѣлахъ духовныхъ (что, разумѣется, православныхъ ни мало не касалось), однако и въ этомъ отношеніи полагали извѣстныя границы ихъ власти, не допуская вмѣшательства въ дѣла, требовавшія государственнаго соизволенія, и вслѣдствіе сего часто вступали даже въ борьбу съ римскимъ престоломъ.

Въ подтвержденіе независимости Польской Короны отъ папскаго престола въ дѣлахъ государственныхъ, въ сочиненіи припоминаются слѣдующіе факты.

1) „Когда въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій Рѣчь Посполитая заключала договоры съ москвитянами (которыхъ католики, какъ и насъ, называютъ схизматиками), а въ недавнее время съ Густавомъ (королемъ шведскимъ),—развѣ она испрашивала на то соизволеніе римскаго первосвященника? Когда нашъ народъ русскій вступалъ въ политическую унію съ Польскою Короною, а въ особенности, когда во время Корибута, Казимира и другихъ государей Польша заключала союзы съ гуситами, чехами, таборитами, Яномъ Подебрадымъ⁶), развѣ сіе дѣлалось не вопреки желанію апостольскаго сѣдлица? — Обо всемъ этомъ свидѣтельствуютъ хроники, въ особенности безукоризненный Кромеръ, бискупъ варминскій. Кто-нибудь можетъ заявить, что подобнымъ образомъ поступали и поступаютъ ихъ милости польскіе короли въ видахъ обезпеченія государству виѣшней безопасности. Но скажите, ради Бога, развѣ внутренняя безопасность и спокойствіе въ государствѣ не заслуживаютъ еще большей заботливости?

2) Въ Статутѣ короля Казимира 1451 года узаконено: *никто не долженъ стараться получить званіе кардинала или легата безъ соизволенія на то государя и сенаторовъ*⁷). Развѣ такое узаконеніе состоялось не вопреки намѣренію первосвященника, который раздаетъ означенныя званія? А что еще важнѣе: когда въ указанное время возникъ споръ между архі-

епископомъ и кардиналомъ о первенствѣ мѣста, то состоялся декретъ, чтобы тотъ и другой поочередно (*alternatim*) приходили въ сенатъ, притомъ по приглашеніямъ⁸). Гдѣ же усматриваемъ здѣсь то римское распределеніе прерогативъ, по которому кардиналы поставляются выше самого короля?

3) Статутъ въ Нѣшовѣ 1454 года требуетъ, чтобы различіе между дѣлами духовными и свѣтскими опредѣлялось Рѣчью Посполитою, слѣдовательно не Римомъ⁹). Кто-нибудь возразитъ: гдѣ же видимъ исполненіе сего постановленія? Отвѣчаемъ: было, потому что нѣсколько лучше (чѣмъ теперъ) было обхожденіе ихъ милостей пановъ духовныхъ со шляхтою, о чемъ свидѣлствуютъ хроники и композиціи (заактированные сдѣлки). Но согласимся, что упомянутое постановленіе не приводилось въ исполненіе. Кто въ этомъ виноватъ? Остроумные практики, передъ которыми и законъ и священное благо гражданъ должны ступевываться.

4) Статуты Алберта въ Пѣтриковѣ 1496 года, Александра въ Радомѣ 1505 г., Сигизмунда 1538 г., противъ римскихъ куртизановъ (придворныхъ) уваконаютъ, чтобы лица, испрашивающія у апостольскаго сѣдалища бенефиціи, находящіяся въ патронатствѣ государя и господъ шляхты Коронной, были наказываемы и лично, и конфискаціею имуществъ¹⁰). Развѣ эти постановленія не открыто направлены противъ согласнаго утвержденія канонистовъ, что римскій первосвященникъ, вслѣдствіе своей верховной власти надъ всѣми церквами, свободно можетъ раздавать всякія бенефиціи и вакантныя мѣста, т. е. духовныя кандидатуры (о чемъ читай *in cap. 2 de graebendis, lib. 6*)...¹¹) Были примѣры, что уклоненіе отъ указаннаго государственнаго постановленія сопровождалось для нарушителей онаго карами. Такъ, когда послѣ смерти краковскаго бискупа Өомы Стремпчинскаго, папа, вопреки желанію короля, назначилъ на его мѣсто нѣкоего Сѣнинскаго, и послѣдній, будучи посвященъ въ бискупа суффраганамъ гнѣзненскимъ, краковскимъ и влодавскимъ, началъ было

распростирать свою власть надъ епископіею, то не только онъ самъ, но и лица, помогавшія ему въ этомъ, были подвергнуты наказанію. Такъ, краковскій суффраганъ за то, что посвящалъ Сѣнинскаго, изгнанъ былъ изъ Кракова; канонисты, одѣтые въ стихари и *алмуци*, насильственно выволочены были изъ дома и съ великимъ безчестіемъ проведены среди рынка; такъ же поступлено и съ другими священниками (кардинами), занимавшими хотя и меньшія должности, но принимавшими участіе въ означенномъ дѣлѣ. Остальные же члены капитулы должны были присягнуть, что безъ королевскаго позволенія никого не допустятъ распоряжаться имуществомъ бискупства. Не будемъ говорить объ опустошеніи каменнаго дома Длугоша и о бѣгствѣ изъ родового замка Сѣнинскаго вмѣстѣ съ Длугошемъ въ Мельштинъ¹²⁾. Когда обо всемъ этомъ папскій легатъ, архіепископъ кретенскій, очень долго бесѣдовалъ съ королемъ, настойчиво доказывая, что однажды данное высшею властію папы никто, безъ нарушенія справедливости, отнять не можетъ,—король заявилъ, что онъ готовъ скорѣе лишиться государства, нежели принять отъ папы навначеннаго имъ на краковское бискупство Сѣнинскаго. И хотя въ отвѣтъ на эти слова легатъ, опровергая (*przezbywaіąc*) короля, восклицалъ: „пристойнѣе, дабы *твои* (*sic*) королевства совершенно погибли (о глупая ревность!), нежели когда либо одно право и важное значеніе церкви были нарушены“,—однако этими оскорбительными спорами ничего не было достигнуто. А затѣмъ король настоялъ на томъ, что его избранникъ Янъ Грущинскій занялъ бискупство краковское. Выступай же канонистъ съ своею верховною властію папы въ церквахъ! Пусть онъ распространяетъ ее въ подвластныхъ ему земляхъ (*in suo Patrimonio*), если ихъ имѣетъ, а въ Польшу съ этою властію не показывается!.. Скажетъ кто либо: краковская капитула имѣла право свободной елекціи, повтому погрѣшилъ король Казиміръ, ибо согласными голосами членовъ капитулы (кромѣ трехъ) избранъ былъ на

краковское бискупство Янъ Лутка, подканцлеръ коронный. Отвѣтъ на это даетъ Кромеръ, который, указавъ, сколь много завистливая алчность трехъ поименованныхъ номинатовъ ослабила и власть папскую въ Польшѣ, и въ особенности значеніе капитулы, присовокупляетъ: вельзя умолчать, что главнѣйшею причиною сего безправія были папы, ибо если бы они сами первоначально не посягали на право свободнаго избранія, принадлежавшее капитуламъ, тогда и монархи не отваживались бы на это¹³).

5) Статутъ о монахахъ 1625 года о не отчужденіи (монастырямъ) послѣдственныхъ имуществъ (о чемъ повторено и въ послѣдней конституціи), полагаемъ, состоялся не по желанію апостольскаго сѣдалища¹⁴).

6) Кандлубекъ, епископъ краковскій, пишетъ, что первосвященникъ не имѣетъ права устанавливать новые законы и отмѣнять существующіе¹⁵).

7) Ихъ милости господа духовные римскіе признають, что со времени короля Александра въ средѣ насъ, русскихъ, господствовала (какъ они называютъ) настоящая схизма (*rigum schisma*), хотя передъ тѣмъ дѣла религіозныя шли черемѣнно (какое утвержденіе, впрочемъ, несправедливо, ибо Русь никогда не была въ послушаніи римскомъ, хотя въкоторыя, какъ Исидоръ, отклонялись отъ своихъ старшихъ).—Спрашиваю: почему же въ означенное время папа не простиралъ къ намъ своихъ притязаній, римское духовенство не дѣлало препятствій при отправленіи богослуженія, Рѣчь Посполитая не отнимала у насъ имуществъ, а напротивъ, всѣ духовные (хотя, какъ вы говорите, и въ схизмѣ находившіеся), будучи охраняемы королевскими привиллегіями, возсѣдали на своихъ каѳедрахъ; а въ настоящее время, когда намъ возвращается отнятое, ихъ милости (латино-уніатскіе бискупы) требуютъ соизволенія св. отца?.. Но отвѣтите, ради Бога, гдѣ же онъ находился прежде? Скажу болѣе: на прошлой конвокаціи, когда намъ, неунитамъ, дозволялось и сво-

бодное отправленіе тайнствъ и уступались нѣкоторыя бенефиціи, напр., Жидичинъ, развѣ уніаты докладывали объ этомъ сѣдалищу апостольскому? Въ меморіалѣ прямо написано: *т.е. уніаты позволяютъ т.е. неуніатамъ*¹⁶⁾. Почему въ это время уніаты не отзывались съ протестаціями и возраженіями? Скажу: не столько ихъ милости озабочены были спасеніемъ душъ, отправленіемъ тайнствъ, сколько своими бенефиціями, потому что только тогда, когда онѣ были у нихъ уменьшены, и поднялся шумъ: не можемъ-де согласиться на это безъ опредѣленно выраженного соизволенія апостольской столицы! Желали-бы мы знать, что болѣе приличествуетъ сѣдалищу апостольскому: забота о душахъ людскихъ или о фольваркахъ? Я то знаю, что апостолы, на которыхъ они ссылаются, заняты были дѣлами духовными, а не земными (*za nabożeństwem, nie za ziemstwem uganieli*).

8) Св. памяти король Августъ въ привилегіи своей жалующей права шляхетства Виленскому магистрату и выданной 15 іюля 1568 года на Гродненскомъ сеймѣ, при бытности четырехъ бискуповъ и шестнадцати свѣтскихъ сенаторовъ,—говоритъ, что „онъ пользуется ббльшею властію, чѣмъ другіе цари и властелины, такъ какъ въ своихъ земляхъ никого не признаетъ высшимъ надъ собою въ дѣлахъ свѣтскихъ“¹⁷⁾.

9) А развѣ не противно мнѣнію канонистовъ, что польскій король, кромѣ тавихъ причинъ, которыя указаны въ Писаніи и Словѣ Божіемъ, никакихъ поводовъ къ разводу съ женою не обязанъ изыскивать?¹⁸⁾ Я называю это противнымъ мнѣнію канонистовъ потому, что они римскому первосвященнику усвоиваютъ абсолютную власть изъяснять и толковать право Божественное и естественное (*jus Divinum et naturale*), и даже объявлять, что строгое его примѣненіе къ тому или иному лицу не можетъ быть одинаковымъ. Наша Рѣчь Посполитая, предупреждая такія толкованія, которыя иныя государства и королевства привели къ гибели, и узако-

няютъ, чтобы короли ихъ милости другихъ причинъ къ разводу, кромѣ указанныхъ въ Писаніи и Словѣ Божіемъ, не искали.

10) Не знаю и о томъ, почему это въ своихъ присяжныхъ листахъ Ихъ мил. короли присовокупаютъ: „никогого разрѣшенія отъ сей моей вѣтвы отъ кого-бы то ни было не буду домогаться, и даже преподнесенное мнѣ (разрѣшеніе) не приму“¹⁹⁾. Скорѣе можно догадаться объ этомъ, приглядѣвшись, что натворили эти „разрѣшенія“ (absolotie) въ сосѣднихъ государствахъ.

11) Когда Петръ Мышковскій, епископъ краковскій, на краковскомъ сеймѣ 1586 г., а Лаврентій, епископъ каменецкій, на общей конвокаціи варшавской 1588 г. подписывались подъ конфидераціею *ради блага мира* (propter bonum pacis), правдоподобно не посылали (за полученіемъ на то соизволенія) къ апостольскому сѣдалищу²⁰⁾. Спрашиваю вышнихъ нашихъ противниковъ: чтуть ли они (iesli miluią) благо мира (bonum pacis)?

12) Почему, при бытности духовныхъ и сощцапіяхъ съ ними, состоялась въ 1608 году конституція о духовныхъ, владѣющихъ земскими имуществами, также о высшихъ достоинствахъ (dygnitarstwach) и бенефіціяхъ безъ опредѣленнаго на то соизволенія апостольской столицы?²¹⁾

13) Наконецъ, почему самъ папскій трибуналъ (Раріежска Rota) въ своихъ декретахъ, изданныхъ съ нарушеніемъ правъ краковского университета въ угоду краковской іезуитской коллегіи, обязавши духовныхъ, чтобы они содѣйствовали симъ декретамъ, присовокупилъ, что онъ не желаетъ, дабы таковымъ обязательствомъ связана была и совѣсть Царскаго Величества? Поистинѣ, достойно означенное препирательство между краковскими академиками и іезуитами того, чтобы Рѣчь Посполитая обратила на него серьезное вниманіе, о чемъ, впрочемъ, она и помышляетъ, такъ какъ внесла дѣло объ означенномъ препирательствѣ, въ качествѣ отдѣльной статьи, въ

докладъ о законопреступленіяхъ (włożyła między exorbitantie nominatim) и желаетъ, чтобы оно окончено было во время настоящаго сейма²³). Ради Бога, будемъ заботиться о томъ, чтобы люди, чрезъ пограние нашихъ правъ, не торжествовали. Не дурно и слѣдующее государственное правило: „каждому должна быть предоставлена высшая и полная возможность къ воспитанію юности“. Большой вредъ для Короны бросать оное подъ ноги означенныхъ патроновъ (іезуитовъ), какъ будто они имѣютъ какую-то монархическую власть надъ нашими сынами или будто намъ надлежитъ ожидать отъ нихъ почестей и могущества для Рѣчи Посполитой!.. Между тѣмъ Польша благополучіе существовала безъ нихъ, нежели при нихъ. Великія оковы возлагаютъ означенные отцы на Рѣчь Посполитую, когда дѣтей нашихъ, какъ бы охвативши сѣтью, желаютъ притянуть къ себѣ. А къ чему все это ведетъ? Къ смятеніямъ²³). Почувствовали это во Франціи. Мы не столь быстры и сообразительны, какъ французы, однако стали прозрѣвать, устрашаютъ насъ послѣдствія... Но возвратимся съ закоулка на дорогу. Мы опустили нѣсколько документовъ, въ особенности объ аннатахъ, чтобы они не были вывозимы изъ Короны²⁴). Поистинѣ, лучше, если бы они были обращаемы на охрану Рѣчи Посполитой, нежели шли на избытки итальянскіе. Опустили и соизволеніе Рѣчи Посполитой, данное Прусскому княжеству на свободное отправленіе богослуженія по аугсбургскому исповѣданію и ратификованное актомъ комиссіи въ 1616 году. Эти и другія доказательства опущены потому, что для безпристрастнаго и любящаго отечество читателя вполне достаточно и вышеприведенныхъ. Поэтому, не желая ширить рѣчи, мы просимъ ихъ милостей г.г. духовныхъ, чтобы они, памятуя о своихъ обѣщаніяхъ, неоднократно при заключеніи прошлой елекціи стверженныхъ шляхетскимъ и каплапскимъ (священническимъ) словомъ, постарались о томъ, дабы состоялось единомысліе между государственными чинами, и люди

греческой религіи были успокоены согласно со статьями, намѣченными (patowionuzi) королемъ его милостью, при бытности г.г. депутатовъ изъ сената и кола рыцарскаго, въ акты внесенными и королевскою присягою стверженными. Дабы такимъ образомъ справедливость предъ всѣмъ свѣтомъ была объявлена, и король его милость съ Рѣчью Посполитою охраняли ее.

Таково (почти дословно переданное нами) содержаніе поименованнаго сочиненія.

Въ ряду южно-русскихъ полемическихъ сочиненій того времени, оно занимаетъ совершенно особое мѣсто. Хотя вопроса о незаконности папскихъ притязаній, простираемыхъ на юго-западную Русь, касались и другіе тогдашніе полемисты; но они при этомъ больше всего трактовали о несостоятельности римско-католическаго ученія о главенствѣ папы, какъ божественномъ учрежденіи, объ исконной независимости русской церкви отъ западной, о провозглашеніи религіозной уніи въ западно-русскихъ областяхъ, какъ дѣлѣ незаконномъ, и т. п. Словомъ, трактовали по означенному вопросу съ точекъ зрѣнія *богословской и исторической*. Между тѣмъ поименованное сочиненіе 1633 года разсматриваетъ означенный вопросъ главнымъ образомъ со стороны *исударственныхъ интересовъ*.

Такая новая постановка полемики противъ папскихъ притязаній на юго-западную Русь находится въ самой тѣсной связи съ характеромъ и ходомъ борьбы православныхъ южно-руссовъ съ латино-уніатами по вопросу, поднятому послѣ смерти Сигизмунда III, о восстановленіи нарушенныхъ въ его царствованіе правъ православной церкви.

Войдемъ относительно этого въ нѣкоторыя подробности.

Извѣстно, что смерть Сигизмунда III (въ царствованіе котораго провозглашена была въ западно-русскихъ областяхъ религіозная унія и, вслѣдствіе этого, до крайности стѣснены

были православныя, не желавшіе принять ее) вызвала необычайное религиозное движеніе въ средѣ православнаго южно-русскаго народонаселенія. Это зависѣло отъ того, что (какъ мы говорили въ одномъ изъ прежнихъ нашихъ трудовъ) междуцарствіе, наполненное заботами о выборѣ новаго короля, было въ Польшѣ самымъ благопріятнымъ временемъ для заявленія требованій чѣмъ либо обиженныхъ сторонъ. Общее участіе шляхты въ избраніи государя и вытекавшая отсюда необходимость въ единодушіи между избирателями побуждали созывавшіеся въ это время сеймы съ ббльшимъ вниманіемъ, — чѣмъ во всякое другое время, — относиться къ подобнымъ заявленіямъ, въ особенности если они приносились отъ лица цѣлыхъ корпорацій и были поддерживаемы значительнымъ количествомъ сеймовыхъ депутатовъ; при томъ и новоизбранные короли, при вступленіи на престолъ нуждаясь во всеобщемъ сочувствіи, были щедрѣе, чѣмъ въ послѣдующіе годы своего правленія, на разнаго рода льготы и привилегіи. Все это хорошо сознавало южно-русское православное народонаселеніе; поэтому смерть короля — фанатика оживила среди него надежду на улучшеніе своего бѣдственнаго положенія. Употребивъ въ предшествовавшія десятилѣтія всевозможныя средства къ освобожденію себя „отъ египетской неволи“: просьбы, подарки, протесты, *даже угрозы* ²⁶⁾, — и все-таки не достигнувъ желаемой цѣли, — православный южно-русскій народъ естественно долженъ былъ видѣть въ наступившемъ междуцарствіи единственную надежду на облегченіе своего положенія и тѣмъ съ ббльшею ревностію начать новую попытку къ восстановленію нарушенныхъ правъ своей церкви и народности.

Возгорѣвшаяся при этомъ борьба между православными и латино-уніатами сопровождалась изданіемъ и полемическихъ сочиненій, отражавшихъ нѣкоторыя перипетіи сей борьбы. Доселѣ извѣстны были два сочиненія, изданныя въ это время православными, именно Виленскимъ православнымъ

братствомъ: *Synopsis* и *Supplementum Synopsis* 20). Первое изъ нихъ издано было ко времени конвокаціоннаго сейма, назначеннаго на 22 іюня 1632 года; второе—ко времени сейма избирательнаго, начавшагося съ конца сентября того же года.

Въ общихъ чертахъ содержаніе *Синописиса* слѣдующее.

Предваряется сочиненіе посвященіемъ его сенаторамъ и посламъ, имѣвшимъ прѣбыть на конвокаціонный сеймъ. Здѣсь авторъ въ яркихъ чертахъ изображаетъ невыносимо бѣдственное положеніе своихъ единовѣрцевъ, т. е. православныхъ, которымъ, какъ нѣкогда возлюбленному Богомъ народу приходитъ ся, рыдая, громко вопіять: *мы нынѣ унижены болѣе оспѣхъ живущихъ на землѣ; не имѣемъ ни князя, ни вождя, ни пророка, ни всесоужженія, ни жертвъ, которыми могли бы умоловити Тебя (Бога); но въ сердцѣ сокрушенномъ да будемъ приняты Тобою.*—Поводомъ къ такому угнетенію русскаго народа послужило, по словамъ автора, отступленіе нѣкоторыхъ лицъ отъ послушанія своему верховному пастырю, константинопольскому патріарху, вслѣдствіе чего произошли разныя законопреступленія: невыносимое насиліе совѣсти; великій ущербъ въ правахъ, привиллегіяхъ, свободѣ и вольностяхъ; отобраніе епархій, монастырей и церквей, издавна основанныхъ православными, а нѣкоторыхъ (церквей) и по настоящее время запечатаніе; недопущеніе молиться единому въ Троицѣ Богу даже въ палаткахъ; изгнаніе православныхъ изъ магистрата; запрещеніе осѣдлымъ мѣщанамъ жить въ городахъ Его Королевской Милости, и т. п. Чго подобныя дѣйствія суть законопреступленія, нарушеніе правъ и привилегій православныхъ, для доказательства сего и издается *Синописисъ*, заключающій *краткое описаніе* золотой вольности знаменитаго русскаго народа. Авторъ проситъ сіятельныхъ пановъ сенаторовъ и пословъ милостивымъ окомъ взглянуть на подносимое имъ сочиненіе, обратитъ свое высокое вниманіе на приводимыя въ немъ доказательства и взвѣситъ ихъ при посредствѣ своего здраваго разсудка.

Самое сочиненіе начинается указаніемъ на давнюю зависимость русской церкви отъ константинопольскихъ патріарховъ. Авторъ говоритъ, что зависимость эта имѣетъ основаніе еще въ опредѣленіяхъ перваго вселенскаго собора; ибо тогда святые отцы, разграничивая епархіальную власть между архіепископами римскимъ и цареградскимъ, включили въ число діецевій послѣдняго и *Barbariam*, т. е. русскій народъ, находившійся тогда въ состояніи язычества. Затѣмъ принятіе христіанства сначала княгинею Ольгою, а потомъ княземъ Владиміромъ со всемъ русскимъ народомъ отъ константинопольскихъ патріарховъ окончательно упрочило духовную власть послѣднихъ надъ русскою землею. За симъ въ „Синописѣ“ проводятся слѣдующія двѣ мысли: *во-первыхъ*, что правительственная власть, начиная съ Владиміра и Ярослава, почти до послѣдняго времени покровительствовала православнымъ — давала имъ и неоднократно подтверждала разнаго рода права и привилегіи; и, *во-вторыхъ*, что въ западно-русскихъ областяхъ до конца XVI стол. не было уніи и что, слѣдательно, завѣреніе уніатовъ, якобы дарованныя литовско-польскими государями права южно-русскому народонаселенію должны быть относимы къ нимъ, а не къ православнымъ, — оказываются несостоятельными. Въ подтвержденіе указанныхъ положеній авторъ представляетъ краткую лѣтопись наиболѣе важныхъ событій въ исторіи западно-русской церкви, сообщая по мѣстамъ выдержки изъ привилегій, данныхъ литовско-польскими государями русскому народу и дѣлая неболшія критическія замѣчанія относительно тѣхъ историческихъ фактовъ, которые латино-уніаты перетолковывали въ интересахъ своей партіи²⁷).

Такое содержаніе Синописа обусловливалось предшествовавшею литературною полемикою между православными, усиленно домогавшимися восстановленія нарушенныхъ чрезъ введеніе религіозной уніи правъ своей церкви, и латино-уніатами, всемірно противившимися сему.

Извѣстно, что въ то время, когда была задумана и провозглашена религіозная унія въ западно-русскихъ областяхъ, поборники ее палчсты, а вслѣдъ за ними и сами уніаты, желая оправдать это нововведеніе авторитетомъ древности, измыслили слѣдующую историческую мистификацію: доказывали, что русская церковь искони, съ самаго начала своего существованія, находилась въ подчиненіи у римскаго престола, только временно заражаясь схизмою, и что во время этого подчиненія папѣ и ради онаго южно русскому народу и предоставлены были правительствомъ равнаго рода права и привилегіи. Разумѣется, православные западно-русскіе писатели не оставили безъ вниманія означенной мистификаціи и въ своихъ произведеніяхъ, вооружившись доступными имъ фактами, старались опровергнуть ее. Въ разсматриваемому нами времени полемическихъ сочиненій по данному вопросу тою и другою стороною издано было нѣсколько. Когда наступило междуцарствіе послѣ смерти Сигизмунда III, и православные на провинціальныхъ сеймахъ (*sejmiki przedsejmowe*) выдвинули на первый планъ вопросъ о восстановленіи нарушенныхъ правъ своей церкви, они предвидѣли, что, при обсужденіи этого вопроса на общихъ сеймахъ, ихъ религіозные противники не преминутъ воспользоваться излюбленною ими историческою мистификаціею объ исконной зависимости русской церкви отъ римскаго престола и будутъ приурочивать права и привилегіи, дарованныя русскому народу, только въ тѣмъ лицамъ онаго, которые изъявили и изъявляютъ желаніе находиться въ послушаніи папы. Въ этихъ видахъ Виленское братство ко времени ближайшаго общаго (конвокаціоннаго) сейма и издало упомянутое сочиненіе (*Синописисъ*), которое, содержа въ себѣ краткое гѣвшіе литературной полемики пранославныхъ съ латинно-уніатами по данному вопросу, имѣло служить какъ-бы программой для православныхъ сеймовыхъ депутатовъ во время ихъ состязаній съ религіозными противниками о восстановленіи нарушенныхъ правъ западно-русской церкви.

Предположенія православныхъ вполне оправдались. Когда на convocационномъ сеймѣ образована была, подъ предсѣдательствомъ самого королевича Владислава, особая коммиссія для разсмотрѣнія петицій православныхъ, а также урегулированія ихъ отношеній къ униатамъ; и въ засѣданіи сей коммиссіи приглашены были для объясненій и взаимнаго соглашенія представители обѣихъ враждующихъ сторонъ;— то жаркія пренія между ними, продолжавшіяся нѣсколько дней, вращались главнымъ образомъ оного указаннаго нами пункта, т. е. униаты трактовали о давности уни въ западно-русскихъ областяхъ и дарованіи южно-руссамъ разныхъ правъ и привилегій за послушаніе ихъ папскому престолу; а православные энергично, съ документами въ рукахъ, опровергали ихъ измышленія.

Вскорѣ, во времени избирательнаго сейма, униаты въ опроверженіе Синодуса издали сравнительно объемистое сочиненіе, содержаніе котораго усматривается изъ слѣдующаго его заглавія: „*Jedność święta Cerkwi Wschodniej y Zachodniej od początku wiary ś Katholickiej obficie rozkrzewiona, w Ruskie kraie od przyjęcia krzta św. szczęśliwe zawitała, Prawami od Najś. Królów Polskich potężnie warowana, przeciw scriptowi Synopsis nowo wystanowiona... et caet.*; то есть *Единеніе святое церкви восточной и западной, отъ начала вѣры святой католической широко распространенное, въ русскіе края отъ принятія (здѣсь) святого крещенія счастливо проникшее, правами и привилегіями отъ наислабѣйшихъ королей польскихъ мощественно укрѣпленное, противъ сочиненія (подъ названіемъ) Синописисъ свѣту явленное..* и проч.— Въ свою очередь и православные ко времени того же сейма издали новое сочиненіе, направленное противъ униатовъ, подъ заглавіемъ *Supplementum Synopsis*. Сочиненіе это, тоже снабженное краснорѣчивымъ посвященіемъ сенаторамъ и посламъ, имѣвшимъ прибыть на избирательный сеймъ, представляетъ главнымъ образомъ отчетъ

о преніяхъ между православными и уніатами, происходившихъ предъ членами комиссіи, заботившейся на конвокаціонномъ сеймѣ о соглашеніи тѣхъ и другихъ, и въ существенныхъ своихъ чертахъ есть не что иное, какъ довольно значительно расширенный Синописисъ²⁸).

Извѣстно, что на избирательномъ сеймѣ энергичныя старанія православныхъ о восстановленіи правъ своей церкви увѣчались значительнымъ успѣхомъ: составленныя на этомъ сеймѣ *статьи упокоенія греческой религіи* были для нихъ весьма благоприятны. Но статьи эти, несмотря на то, что утверждены были присягою короля, занесенною, въ такъ называемый, *роста conventa*, должны были получить окончательную санкцію на ближайшемъ, т. е. коронаціонномъ сеймѣ и только послѣ сего имѣли сдѣлаться общеобязательнымъ закономъ, какъ внесенныя въ государственныя конституціи. Этимъ обстоятельствомъ и рѣшилась воспользоваться латино-уніатская партія, чтобы затормозить дѣло православныхъ. Всѣ ея старанія въ данное время направлены были къ тому, дабы не допустить на коронаціонномъ сеймѣ утвержденія статей и такимъ образомъ лишить православныхъ достигнутаго ими при елекціи короля успѣха. Выработана была и программа, какимъ образомъ осуществить этотъ замыселъ. Отодвинувъ на задній планъ упомянутую историческую мистификацію объ исконной якобы зависимости русской церкви отъ папскаго престола, какъ не достигшую предположенной цѣли на предшествовавшихъ сеймахъ,—рьяные паписты усилленно начали пропагандировать, въ качествѣ непреложнаго положенія, мысль, что сеймъ не имѣетъ права утверждать *безъ предварительнаго соизволенія папы, какъ верховнаго главы католической церкви*, тѣ занесенныя въ *роста conventa* постановленія, которыя касаются дѣлъ религіозныхъ.

Стремленіе ультра-монтановъ сосредоточить въ рукахъ папы верховную власть, которая простиралась бы далеко за

предѣлы, намѣченные ей канонами, хорошо извѣстно и ширить рѣчи на эту тему нѣтъ надобности. Мы замѣтимъ только, что подобное возрѣніе на прерогативы папской власти сильно распространено было и въ Польской Коронѣ, въ особености послѣ введенія въ нес іезуитовъ, ревностныхъ поборниковъ папскаго величія. Для характеристики таковыхъ возрѣвій на папу въ Польшѣ рѣчныхъ папистовъ приведемъ выдержку изъ письма князя Николая VIII Христофора (Сиротки) къ своему родственнику, извѣстному приверженцу протестантизма Христофору Радзивиллу, очевидно вызванное упреками послѣдняго, что Сиротка подчиняетъ интересы государственные (рѣчь шла о кандидатѣ на польскій престолъ послѣ смерти Стефана Баторія), интересамъ римскаго престола. „Слѣдовать указаніямъ папы, касающимся спасенія,— писалъ Сиротка,—я обязанъ и въ Литвѣ и всюду на свѣтѣ; потому что въ лицѣ его особы я повинуюсь не простому человеку, но какъ бы самому Богу, который повелѣваетъ мнѣ чрезъ своего намѣстника, поставленнаго Духомъ Святымъ. Ибо самъ Богъ съ небесъ ни съ кѣмъ не говоритъ. И если Господь заповѣдалъ повиноваться свѣтскому властелину (королю), называя его земнымъ Богомъ, тѣмъ болѣе слѣдуетъ подчиняться указаніямъ того, который поставленъ отъ Него для возрѣщенія Его святой воли, исполненіе которой приводитъ ко спасенію. Поэтому, если папа выставляетъ мнѣ на видъ, что я тяжко согрѣшилъ бы, *если бы подалъ голосъ за избраніе въ короли схизматика*, то я повинуюсь ему, и поступаю справедливо, потому что это приказываетъ самъ Богъ, по своей милости, предоставившій папѣ сіе преимущество“²⁹)... Разумѣется, и въ разсматриваемое нами время далеко не всѣ католики раздѣляли подобныя возрѣнія на прерогативы папской власти; тѣмъ не менѣе въ ряду ихъ находились лица, готовые подчинять насущные государственные интересы интересамъ папства. На поддержку этихъ лицъ сильно и рассчитывали представители латино-уніатской партіи, давая ука-

занную постановку вопросу о возстановленіи правъ православной церкви,—постановку, исключавшую возможность рѣшенія его въ благопріятномъ для православныхъ смыслѣ, такъ какъ,—по откровенному сознанию папистовъ, высказанному ими въ пылу полемики,—папа, какъ верховный глава католической церкви, не могъ дать согласія на статьи успокоенія греческой религіи ²⁰).

Означенные замыслы латино-уніатской партіи затормозить на сеймѣ утвержденіе статей успокоенія, безъ сомнѣнія, хорошо были извѣстны православнымъ, и они не могли не обратить на нихъ надлежащее вниманіе. Этимъ-то обстоятельствомъ и вызвано было появленіе въ свѣтъ рассматриваемаго нами полемическаго сочиненія.

Его содержаніе всецѣло направлено противъ указаннаго замысла представителей ультра-католической партіи затормозить дѣло православныхъ на коронаціонномъ сеймѣ воззваніи къ верховному авторитету папы, безъ соизволенія котораго сеймовые депутаты якобы не имѣли права утверждать статей успокоенія греческой религіи, т. е. узаконить ихъ (занести въ государственныя конституціи). Соотвѣтственно съ этою главною цѣлью, авторъ сочиненія оставляетъ въ сторонѣ споры между православными и уніатами о томъ, въ какихъ отношеніяхъ стояла русская церковь къ римскому престолу, по какимъ побужденіямъ польско-литовскими государями давались и подтверждались русскому народу тѣ или другія права и привилегіи (о чемъ такъ много говорилось въ предшествовавшихъ полемическихъ сочиненіяхъ противъ латино-уніатовъ) и т. п., а исключительно останавливается на вопросѣ: имѣетъ ли Польская Корона право устанавливать законы, хотя касающіеся дѣлъ религіозныхъ, но тѣсно соединенныхъ съ интересами государственными, безъ соизволенія папы, и тѣмъ болѣе можетъ ли послѣдній простираетъ свою власть на узаконенія, имѣющія въ виду православныхъ?

Такимъ образомъ, авторъ рассматриваетъ затрогиваемый имъ вопросъ исключительно съ государственной точки зрѣнія,

со стороны интересовъ государства. Въ виду указанной дѣли всякія другія разсужденія были излишни: препирательства между православными и униатами относительно правъ тѣхъ и другихъ на *духовныя бенефиціи* со вниманіемъ („терпѣливо“) были выслушаны во время предшествовавшихъ сеймовъ и, въ виду состаренныхъ послѣ этихъ препирательствъ статей успокоенія, возвращаться къ симъ разсужденіямъ было безцѣльно. Вопросъ шелъ уже не о томъ, требуютъ ли означенныя статьи поправокъ и дополненій, а о томъ, обязанъ ли сеймъ (на чемъ настаивали православные) утвердить эти статьи, какъ уже занесенныя во время избирательнаго сейма въ *pacta conventa*, и такимъ образомъ провозгласить ихъ государственными закономѣніемъ, или же, — къ чему стремились рьяные паписты, — сеймовые депутаты лишены этого права безъ предварительно испрошеннаго на то соизволенія у римскаго престола.

Разсматриваемое сочиненіе, какъ мы видѣли, по объему очень не велико, и, подобно Синописису 1632 г., представляетъ только краткое изложеніе мнѣній православныхъ по трактуемому вопросу: въ общихъ чертахъ намѣчаетъ основные пункты, развитіе которыхъ имѣло быть предметомъ обсужденія со стороны защитниковъ православія на коронаціонномъ сеймѣ. Но несмотря на свою краткость, оно обнимало существенныя стороны предстоявшихъ преній съ ультра-папистами по поводу утвержденія на сеймѣ статей успокоенія и рядомъ справокъ изъ прошлой и современной жизни Польской Короны ясно показывало, что власть папы, послушаніемъ которому въ духовныхъ дѣлахъ обязаны одни только католики, нельзя распространять за извѣстные предѣлы, притомъ съ нарушеніемъ интересовъ государственныхъ. Указывая на примѣры, когда эти интересы, сталкиваясь съ интересами папства, побуждали правительство идти противъ желаній римскаго престола, даже вступать съ нимъ въ борьбу, въ обоснованности указывая на факты современные такого же харак-

тера, не желательные для самих католиковъ, возбуждавшіе протесты съ ихъ стороны и имѣвшіе быть предметомъ обсуждения на предстоящемъ сеймѣ (например, относительно іезуитской коллегіи въ Краковѣ, утвержденной папою вопреки желанію большинства поляковъ, объ аннатахъ, о приобрѣтеніи духовенствомъ родовыхъ имѣній, и т. п.),—авторъ разсматриваемаго нами сочиненія въ рядъ однородныхъ дѣлъ ставитъ и вопросъ объ утвержденіи сеймомъ пактовъ конвенговъ, заключавшихъ въ себѣ статьи успокоенія греческой религіи, неисполненіе чего во время коронаціи являлось бы нарушеніемъ существующихъ узаконеній и грозило опасностію для государства.

Что бурныя пренія на коронаціонномъ сеймѣ по вопросу объ утвержденіи статей успокоенія вращались преимущественно около намѣченныхъ въ разсматриваемомъ сочиненіи пунктовъ,—это сомнѣнію не подлежитъ. Изъ сохранившихся сеймовыхъ дневниковъ видно, что въ данное время ультра-папасты настаивали на томъ, что *acta conventa* не составляютъ общеобязательнаго закона; что противъ составленныхъ на избирательномъ сеймѣ статей успокоенія греческой религіи занесены были многія протестаціи; что этими статьями нарушаются привилегіи, данныя уніатамъ, и вообще онѣ затрогиваютъ интересы религіозные, относительно чего допускать какія-либо перемѣны ни сеймъ, ни король безъ соизволенія на то святого отца, т. е. папы, не могутъ, и т. п.—Православные энергично вооружались противъ такихъ разсужденій, доказывая, что *acta conventa*—*lex publica*; что занесенныя противъ статей успокоенія протестаціи не имѣютъ существеннаго значенія (ибо для протестацій поле широкое: можно протестовать противъ всего); что объщаніе о немедленномъ (т. е. на коронаціонномъ сеймѣ) возстановленіи правъ греко-восточной религіи королемъ дано категорическое, безъ всякихъ оговорокъ и ссылокъ на авторитетъ папы, притомъ это прикрытіе авторитетомъ папы

есть ничто иное, какъ преднамѣренное желаніе лишить православныхъ ихъ законныхъ правъ, потому что отношеніе римскаго престола къ статьямъ успокоенія извѣстно—онъ уже опредѣленно высказался по этому вопросу, и ждать иного рѣшенія изъ Рима нѣтъ основаній: его заранѣе можно предвидѣть; къ тому же авторитетъ папы, имѣющій значеніе для латино-уніатовъ, для нихъ, православныхъ, не обязательенъ: они находятся подъ духовнымъ руководствомъ своего пастыря, константинопольскаго патріарха, и въ дѣлахъ вѣры обязаны послушаніемъ ему.

Краткія свѣдѣнія въ небольшихъ по объему дневникахъ о препирательствахъ между православными и латино-уніатами на коронаціонномъ сеймѣ относительно „статей успокоенія“ только въ самыхъ общихъ чертахъ обозначаютъ сущность этихъ препирательствъ, а иногда ограничиваются одними неопредѣленными замѣчаніями о нихъ,—напримѣръ: „strony (o) teyże materii (т. е. объ успокоеніи греко-восточной религіи) mówili *varii—varia*“. Разсматриваемое нами сочиненіе въ особенности важно потому, что до извѣстной степени *раскрываетъ подробности этихъ разнообразныхъ преній* и, такимъ образомъ, восполняетъ наши свѣдѣнія о борьбѣ, веденной защитниками православія по вопросу о восстановленіи нарушенныхъ при Сигизмундѣ III правъ з.-русской церкви... Отсюда не подлежитъ сомнѣнію, что исключеніе этого сочиненія (хотя и невольное) изъ числа первоисточниковъ при изслѣдованіи упомянутаго вопроса въ нашемъ трудѣ о Клевскомъ митрополитѣ Петрѣ Могилѣ и его сподвижникахъ—является не маловажнымъ дефектомъ въ ономъ. Вѣроятно, что такихъ дефектовъ въ нашемъ трудѣ наберется достаточное количество. Мы весьма рады и признательны будемъ, если они восполнятся болѣе насъ свѣдущими специалистами (наука движется *совокупными усиліями*). Но, разумѣется, первая обязанность восполнять эти дефекты лежитъ на насъ *самихъ*. Въ виду этой обязанности нами и сообщаются вышеизложен-

ныя свѣдѣнія и соображенія о невѣстномъ полемическомъ сочиненіи противъ папскихъ притязаній въ юго-западную Русь (1633 г.).

Кѣмъ оставлено или, по крайней мѣрѣ, гдѣ издано рассматриваемое нами полемическое сочиненіе?

Въ самомъ сочиненіи указаній на это нѣтъ. Между тѣмъ въ поименованномъ вашемъ изслѣдованіи о кіевскомъ митрополитѣ Петрѣ Могилѣ мы заявляли, что оно издано было *Виленскимъ православнымъ братствомъ*. Разумѣется, въ такому заключенію естественно было придти, имѣя въ виду, что означенное братство во время наступившаго послѣ смерти Сигизмунда III междоцарствія обнаружило особенную заботливость о возстановленіи правъ православной церкви и въ указанное время издало два полемическихъ сочиненія противъ латино-уніатовъ, претивоборствовавшихъ въ этомъ дѣлѣ православнымъ (*Synopsis* и *Supplementum Synopsis*). Но мы поступили неосторожно, высказавши означенное мнѣніе объ изданіи полемическаго сочиненія 1633 года Виленскимъ братствомъ въ формѣ не *предположительной* (какъ бы слѣдовало), а въ *положительной*. Ибо тщательнѣе ознакомленіе съ поименованнымъ сочиненіемъ (что въ свое время мы сдѣлать лишены были возможности) даетъ основанія приурочивать его изданію (разумѣется, также и составленію) и не Виленскому братству.

Во *первыхъ*, рассматриваемое сочиненіе по сравненію его съ другими однородными произведеніями, писанными въ указанное время по тому же поводу (по вопросу о возстановленіи правъ православной церкви), т. е. по сравненію съ *Синописисомъ* и *Дополненіемъ къ Синописису*, рѣзко отличается отъ послѣднихъ и по *содержанію* и по *приемамъ*. И если первое (содержаніе сочиненія), какъ мы говорили, обуславливалось потребностями времени, вступленіемъ полемикъ пра-

вославныхъ съ латино-уніатами въ норвій фазисъ,—то особенности полемическихъ приемовъ, замѣчаемыя въ сочиненіи, едва-ли могутъ быть объясняемы означеннымъ обстоятельствомъ. Эти приемы (даже насколько позволяетъ судить о нихъ краткорѣчивость сочиненія) обнаруживаютъ въ авторѣ чловѣка, привыкшаго къ словеснымъ состязаніямъ, ясно видѣвшаго слабыя мѣста противниковъ и искусно умѣвшаго направлять въ оныя свои стрѣлы. Поэтому мы склонны думать, что авторомъ сочиненія было лицо свѣтское—одинъ изъ ревностныхъ защитниковъ православія на сеймахъ. Знакомство наше съ нѣкоторыми сеймовыми рѣчами самаго ревнѣйшаго изъ этихъ защитниковъ—Адама Киселя даетъ основаніе для предположенія: не оны-ли былъ авторомъ разсматриваемаго сочиненія? При этомъ возможно и даже, пожалуй, необходимо предполагать, что нѣкоторыя нужныя для сочиненія справки могли быть доставлены автору и другими лицами, напр., кіевскими учеными, съ покровителемъ которыхъ—митрополитомъ Петромъ Могилою—Адамъ Кисель, какъ извѣстно, находился въ наилучшихъ отношеніяхъ. А если наше предположеніе небезосновательно, то

Во вторыхъ, съ болѣею вѣроятностію, изданіе сочиненія слѣдуетъ приурочивать не къ Вильно, а къ Киеву, какъ городу ближайшему отъ мѣстожительства Киселя и притомъ резиденціи митрополита, съ которымъ были у него частыя сношенія. Къ разсматриваемому же времени (къ началу 1633 года) въ кіево-печерской Лаврѣ существовала уже и *польская типографія* (польскій шрифтъ), приобрѣтенная Петромъ Могилою, по всей вѣроятности, въ одну изъ его поѣздокъ на предшествовавшіе сеймы (конвокаціонный или избирательный). Когда П. Могила, по своему посвященіи въ санъ митрополита во Львовѣ, возвращался въ Кіевъ, лаврскіе типографы, между прочимъ, привѣтствовали его слѣдующими стихами:

Важишъ коштъ на друкарню, жебы впродъ Сіону

Труды Кіев. дух. Академіи Т. I. 1899 г.

22

Оздоба могла быти, потомъ Геликону.

Есть добрый и польской друкарни початокъ,

Жебы книгъ было розныхъ въ Парнасъ достатокъ⁸¹).

Рѣшеніе вопроса — справедливо или ошибочно наше предположеніе о мѣстѣ изданія разсматриваемаго сочиненія—можетъ быть поставлено на болѣе прочную почву. Для этого слѣдуетъ тщательно сличить шрифтъ означеннаго сочиненія съ несомнѣнно вышедшими около этого времени изъ кіево-печерской типографіи произведеніями на польскомъ языкѣ, *въ особенности сличить находящуюся въ концѣ сею сочиненія довольно оригинальную заставку или украшеніе (что-то въ родѣ человѣкообразной головы въ полукружій) съ заставками въ тогочасныхъ кіевскихъ изданіяхъ.* Мы, при снятіи копій съ сочиненія, подобнаго сличенія, за отсутствіемъ подъ руками нѣкоторыхъ необходимыхъ для сего книгъ, сдѣлать не могли (Заставка показалась намъ *весьма сходною* съ заставками кіевскихъ изданій 20-хъ и 30-хъ г.г. XVII столѣтія; но память въ данномъ случаѣ не надежное доказательство). При изданіи этого сочиненія въ подлинникѣ, предположенномъ въ Архивѣ Юго-Западной Россіи, надѣемся сказать по сему вопросу нѣчто болѣе положительное.

ПРИМЪЧАНІЯ.

1) Сигнатура брошюры буквенная и ведется внизу по четверкамъ. На 1-ой четверкѣ: А; на 2-ой—Aij; на 3-ей—Aijj. На послѣдней четверкѣ сигнатуры никакой нѣтъ. На этой четверкѣ напечатано только 13 строкъ; за симъ слѣдуетъ заставка; оборотная страница чистая.

2) См. наше изслѣдованіе: „Кіевскій митрополитъ Петръ Могила и его сподвижники“, т. II, *прилож.* № I, стр. 8—9.

3) Авторомъ дѣлается ссылка на 29-ю диспутацию 2-го трактата (*Tract. 2, disp. 29*). Эта *disputatio* обсуждаетъ вопросъ: „*Utrum summus Pontifex dominium jurisdictionis temporalis, supremaque in universum orbem habeat potestatem?*“ (по Антверпенскому изданію 1616 года, см. поименованнаго сочиненія Молины т. I, стр. 57—63). Поставленный вопросъ рѣшается здѣсь въ отрицательномъ смыслѣ.

4) Авторомъ дѣлается ссылка на книгу 5, главы 4 и 5 поименованнаго сочиненія Беллармина. Первая изъ означенныхъ главъ носитъ такое заглавіе: *Papam non habere ullam merè temporalem jurisdictionem directè jure divino*. Въ основу своихъ разсужденій по данному вопросу Белларминъ полагаетъ мысль: «*Christus, ut homo, dum in terris vixit non accepit, nec voluit ullius provinciae vel oppidi merè temporale dominium; summus autem Pontifex Christi vicarius est, et Christum nobis repraesentat qualis erat, dum hic inter homines viveret; igitur summus Pontifex, ut Christi vicarius, atque adeo ut summus Pontifex est, nullius provinciae, vel oppidi habet merè temporale dominium*». Положеніе это подкрѣпляется соответствующими мѣстами изъ Св. Писанія и изъясненіемъ ихъ, съ приведеніемъ мнѣній предшествовавшихъ ученыхъ.—Въ V главѣ разсматриваются и опровергаются противоположныя мнѣнія по данному вопросу (*solvuntur argumenta contraria*), причемъ, между прочимъ, доказывается, что ни императоръ не долженъ посягать на права первосвященника, ни этотъ послѣдній на права императора (*ne aut Imperator jura Pontifi-*

cis, aut Pontifex jura Imperatoris praesumeret usurpare). См. *Opera Roberti Bellarmini Politiani, e societate Jesu S. R. E. Cardinalis, de controversiis Christianae fidei adversus huius temporis haereticos, tomus primus, et caet.* Coloniae Agrippinae. Anno M. DC. XX (tertia controversia, столб. 891—900).

5) Авторъ имѣеть въ виду буллу папы Иннокентія III, изданную по поводу подаваемыхъ къ нему прошеній по вопросу объ узаконеніи сыновей, начинающуюся словами: «*Per venerabilem fratrem postquam*... et caet. — Содержаніе буллы усматривается изъ слѣдующаго оглавленія, которымъ оно снабжено: «*In terris ecclesiae Papa potest libere illegitimos legitimare, in terris vero alienis non, nisi ex causis multum arduis, vel nisi in spiritualibus; tunc tamen indirecte et per quandam consequentiam intelligitur legitimare etiam quoad temporalia. Hoc tamen ultimum non est sine scrupulo.*» (См. *Corpus juris canonici*, изд. Рихтера, 1839 года, ч. II, столбцы 689—691).

6) Авторъ разсматриваемаго сочиненія, очевидно, имѣеть въ виду заключенный въ 1460 году между поляками (при королѣ Казимірѣ III) и чехами (при королѣ *Георгіи Подебрадскомѣ*, который ошибочно называется у нашего автора Яномъ) договоръ, — о чемъ подъ означеннымъ годомъ довольно обстоятельно говоритъ Кромеръ въ 24 книгѣ своей *Польской Хроники* (см. *Marcina Kromera, Biskupa Warمیńskiego, o sprawach, dziejach y wszystkich potocznościach Koronnych Polskich ksiąg XXX, przez Marcina Błazowskiego y Błazowa* выразіе на Polski ięzyk przetłumaczone, przydatkami y dowodami niektoremi poniekąd utwierdzone... et caet. W Krakowie, 1611 г., стр. 478). О нѣсколько раннемъ времени, когда союзъ для польскаго правительства съ чехами былъ желательнъ, см. *ibid.* стр. 456—457; здѣсь же говорится и о томъ, какъ относилось къ сему высшее католическое духовенство. Нашъ авторъ пользовался Польскою Хроникою Кромера въ указанномъ переводѣ ея Блазовскаго, о чемъ можно заключать изъ приводимой нами въ параграфѣ 4-мъ разсматриваемаго сочиненія выдержки изъ нея.

7) Въ статутѣ Казимира IV „*de prerogativis Archiepiscopi Gnesnensis et jure coronandi reges*“, обнародованномъ на Пётриковскомъ сеймѣ 1451 года, между прочимъ, говорится: „*Item*

amodo et de caetero neque Dominus Archiepiscopus Gnesnensis, neque Episcopus Cracoviensis et caeteri Episcopi postulabunt aut petent; *sed neque petere debent, aut quovis modo impetrare dignitatem Cardinalatus, aut Legationes Sedis Apostolicae absque consensu nostro, et omnium Consiliariorum Regni*“ (Volumina legum, изд. *Iosafата Огрыски*, Слб. 1859 г., т. I, стр. 78).

8) Авторъ разумѣеть жаркіе споры между Владиславомъ Оповровскимъ, гнѣзненскимъ архіепископомъ, и Збигнѣвомъ, краковскимъ бискупомъ, имѣвшимъ званіе *кардинала*, о первенствѣ мѣста въ сенатѣ. Споры эти, начавшіеся на Пѣтриковскомъ сеймѣ 1449 года и сопровождавшіеся большими здѣсь волненіями, возобновились на сеймѣ 1451 г., что и вызвало приведенное нами въ предшествующемъ примѣчаніи постановленіе „*de prerogativis Archiepiscopi Gnesnensis...*“, состоявшееся на послѣднемъ изъ указанныхъ сеймовъ. (Подробности см. въ Польской Хроникѣ Кромера, по вышеуказанному изданію Блазовскаго стр. 442 и 444. Споры между тѣми же лицами въ 1454 году изъ-за права вѣнчать короля см. *ibid.* стр. 453).

9) Въ Статутѣ, изданномъ Казиміромъ IV въ 1454 году въ Нѣшовѣ, находится, между прочимъ, восстановленіе «*De differentia spiritalium et saecularium*», гласящее: «*Item promittimus: quod quam cito, Deo dante, de expeditione in terras nostras reverti contingat, omnes differentias, inter spirituales et saeculares exortas, in conventionem generali sopiemus*». (*Jus Polonicum, codicibus veteribus manuscriptis et editionibus quibusque collatis, edidit Ioannis Vincentius Bandkie...* Varsaviae, 1831 an., pag. 275).

10) Одно изъ постановленій Пѣтриковского статута короля Александра (1505 г.) подъ титуломъ: „*De impetrantibus beneficia iuris patronatus*“, узаконяеть: „*Fit nonnuquam quod corsitani et curiores Romani beneficia per terrigenas de bonis eorum ad consolationem amicorum viventium et mortuorum fundata impetrant; sicque non mediocribus jacturis pauperem nobilitatem pro sui defensione juris impendentem afficere consueverunt. Quampropter decernimus, quod impetrantes beneficia apud Sedem Apostolicam juris patronatus nostri et dominorum nobiliumque saecularium nostri Regni puniantur in persona et in bonis, similiter amici et consanguinei impatrantium eorundem*“. (Volumina legum, изд. Огрыски,

т. I, стр. 139). Это постановление, подтвержденное конституціею Петриковскаго сейма (ibid. т. I, стр. 169, подъ титуломъ: «*Conservantur in suo robore priores constitutiones, contra plebeios et Romanistas editae*»), еще строже редактированное на краковскомъ сеймѣ 1532 г. (ibid. т. I, стр. 252), въ конституціи Пётриковскаго сейма (подъ титуломъ: „*De plebeijs et cortisanis*“) является наиболѣе обстоятельнымъ (дополненнымъ): римскимъ кортизанамъ (очевидно, несмотря на существующія узаконенія продолжавшимъ проникать въ Польшу) предписывалось до истечения шести мѣсяцевъ возвратиться въ Римъ подъ угрозою изгнанія, инфаміи и конфискаціи всего имущества (ibid. т. I, стр. 259).—Статутъ короля Іоанна Альберта, на который также ссылается авторъ разсматриваемаго сочиненія, см. ibid. т. I, стр. 117 и слѣд. Нашъ авторъ, очевидно, имѣеть въ виду постановление этого статута подъ титуломъ: *De plebeis... et caet.*

¹¹⁾ Авторъ имѣеть въ виду буллу папы Климента III (IV), вошедшую въ сборникъ декреталіевъ, составленный по распоряженію папы Бонифація VIII и озаглавленный: *Liber sextus decretalium D. Bonifacii papae VIII*, подъ каковымъ заглавіемъ онъ помѣщается въ *Corpus juris canonici* до настоящаго времени (мѣсто ея здѣсь: *liber tertius, titulus IV—de praebendis et dignitatibus, caput II*). Помянутая булла гласитъ слѣдующее: *Licet ecclesiarum, personatum, dignitatum aliorumque beneficiorum ecclesiasticorum plenaria dispositio ad Romanum noscatur Pontificem pertinere ita, quod non solum ipsa, quum vacant, potest de jure conferre, verum etiam ius in ipsis tribuere vacaturis: collationem, tamen ecclesiarum, personatum, dignitatum et beneficiorum apud sedem apostolicam vacantium specialius ceteris antiqua consuetudo Romanis Pontificibus reservavit. Nos itaque, laudabilem reputantes huiusmodi consuetudinem, et eam auctoritate apostolica approbantes, ac nihilominus volentes ipsam inviolabiliter observari, eadem auctoritate statuimus, ut ecclesias, dignitates, personatus et beneficia, quae apud sedem ipsam deinceps vacare contigerit, aliquis praeter Romanum Pontificem, quacunque super hoc sit auctoritate munitus, sive iure ordinariae potestatis ipsorum electio, provisio seu collatio ad eum pertineat, sive literas super aliquorum provisione generales vel etiam speciales sub quacunque forma verborum receperit, (nisi ei sit super conferendis eis-*

dem in curia Romana vacantibus specialis et expressa ab ipso Pontifice summo auctoritas attributa), conferre alicuibus seu aliquibus non praesumat. Nos enim, si secus actum seu attentatum fuerit, decernimus irritum et inane. (См. *Corpus juris canonici*, изд. Рихтера, 1839 г., pars II, 969).

12) *Замокъ Мельштинъ* (Melsztyn) находился въ краковскомъ воеводствѣ, въ южной его части, на лѣвомъ берегу рѣки Дунай (подробныя свѣдѣнія о немъ см. въ изданіяхъ: „Starożytna Polska pod względem historycznym, ieograficznym i statystycznym“... *M. Balińskiego i Lipińskiego*. Warszawa, 1844 г., t. II, str. 199—200* и „Słownik geograficzny królestwa polskiego i innych krajów słowiańskich, wydany pod redakcją *Bronisława Chlebowskiego i Władysława Walewskiego*... Warszawa, 1885 г. t. VI, str. 248—250).

13) Означенное столкновение польскаго короля Казимира III съ папою Шиемъ II разсказывается авторомъ разсматриваемаго нами сочиненія по *Хроникѣ Польской* Кромера, но въ сокращенномъ видѣ. Преимущественно по той же *Хроникѣ* наложимъ означенное столкновение нѣсколько подробнѣе.

Въ сентябрѣ 1460 года (по Длугошу 22 числа) скончался краковскій бискупъ Тома Стремпиинскій (Strempiński). „По праву и давнему обычаю („*jure et modo antiquo*“),—говоритъ Кромерь,—право избранія (елекціи) на вакантную кафедру новаго бискупа принадлежало краковской капитулѣ. Но когда наступилъ день, назначенный для этого избранія, король увѣдомилъ капитулу о своемъ желаніи, чтобы на краковское бискупство избранъ былъ Янъ Грущинскій (Gruscinus), бискупъ влодавскій, состоявшій короннымъ канцлеромъ. Однако, несмотря на выраженное королевемъ желаніе, во время происходившаго избранія Грущинскій получилъ только шесть голосовъ: три отъ лицъ присутствовавшихъ на самой елекціи и три—отъ приславшихъ по этому поводу свои извѣщенія; остальные же члены капитулы, въ количествѣ двадцати двухъ, подали свои голоса за подканцлера Яна Брезнскаго (Bresius). Но послѣдній, устрешенный угрозами короля, въ тому же надѣясь получить бискупство влодавское, имѣвшее быть свободнымъ по перемѣщеніи Грущинскаго на краковскую кафедру, отказался отъ предоставляемаго ему капитулою мѣста. Вслѣдствіе этого Грущинскій былъ уже увѣренъ, что ему удастся занять

краковскую епископію. Но въ это время неожиданно получается известіе, что на нее назначенъ папою гѣзненскій и краковскій пробощъ Іаковъ Сѣнинскій, племянникъ сепдомірежаго воеводы Добѣслава и кардинала Збигнѣва. Назначеніе это состоялось безъ вѣдома короля (*in scio rege*) вслѣдствіе секретно посланной въ Римъ просьбы отъ имени умирившаго Стремичинскаго, желавшаго имѣть своимъ преемникомъ означеннаго пробоща, лично известнаго папѣ (за годъ передъ симъ онъ исполнилъ въ Римѣ миссію королевскаго посла). Узнавши объ этомъ, разгнѣванный король съ угрозою обратился къ Сѣнинскому, какъ лицу пренебрегшему прерогативами его власти и вопреки его желанію усиливающемуся вступить на краковскую кафедру. Прителы и родственники Сѣнинскаго начали было ходатайствовать за него предъ королемъ, но безъ всякаго успѣха: Казиміръ III не только осуждаетъ въ изгнаніе самого Сѣнинскаго, но и тѣхъ лицъ, которые осмѣливались ему помогать. Къ такой строгости склонили короля: бискупъ влоцлавскій Янъ Врезискій, трое воеводъ (краковскій—Янъ Пилецкій, познанскій—Лука въ Герки, калискій—Станиславъ Остророгъ) и коронный маршалокъ Янъ Ритвицскій.—Несмотря на это, Сѣнинскій продолжалъ домогаться своей дѣли: въ родовомъ своемъ замкѣ Птичовѣ онъ былъ посвященъ въ бискупы суффраганами гѣзненскимъ, краковскимъ и влоцлавскимъ, а затѣмъ выхлопоталъ у папы „суровый декретъ“; въ немъ подвергались тяжкому проклятію тѣ лица, которыя не признавали бы его (Сѣнинскаго) бискупомъ. Краковская капитула, по настоянію короля, рѣшила апеллировать по поводу этого декрета къ самому же папѣ или къ будущему всеобщему (вселенскому) собору; впрочемъ, церковныя службы прекращены были почти всѣми краковскими канониками. Лицъ, принадлежавшихъ къ краковской капитулѣ и вообще къ духовенству польскому, которыя держали сторону Сѣнинскаго, было весьма мало. Въ ряду ихъ первыя мѣста занимали: Дмитрій Сѣнинскій, братъ Іакова, пробощъ скарбимірскій, двое братьевъ Длугошій, Дреславъ Крыжановскій и о. Николай. У этихъ лицъ по приказанію короля отобраны были церковныя имѣнія; сему же подвергся и словенскій деканъ Павелъ, хлопотавшій по дѣлу Сѣнинскаго въ Римѣ. Кромѣ того всѣ эти лица, вмѣстѣ съ краковскимъ суффра-

ганомъ Георгіемъ, францисканскимъ монахомъ, участвовавшимъ въ посвященіи Сѣнинскаго, съ безчестіемъ были изгнаны изъ Кракова, причеиъ Крыжяковскій, насильственно изятый слугами (иѣстнаго) старосты изъ своего дома, съ великимъ поорамленіемъ проведенъ былъ среди рынка, а при этомъ былъ онъ еще въ томъ убранствѣ, которое каноники имѣютъ обыкновеніе надѣвать въ костель, т. е. въ полотняномъ стихарѣ и шубкѣ съ монашескимъ клобукомъ, сдѣланной изъ бѣличьяго мѣха и обыкновенно называемой альмуциею. Точно также поступлено было и съ тремя другими капланами, занимавшими меньшее положеніе. Остальная же капитула по необходимости должна была дать присягу королю въ томъ, что помимо его вѣдома никого не допустить до пользованія бискупскими имѣніями. Впрочемъ, не незначительная часть послѣднихъ, по приказанію или съ дозволенія короля, захвачена была разными лицами: краковскимъ старостою, пріятелями влоцлавскаго бискупа и т. и. Кроме того Станиславъ и Добѣславъ Куровонты, сторонники означеннаго же влоцлавскаго бискупа, ограбили каменные дома Длугошей, находившіеся въ Краковѣ, и сдѣлали это съ дозволенія короля, передъ его глазами.—Самъ Сѣнинскій съ своимъ сторонникомъ Яномъ Длугошемъ въ некоторое время находился въ своемъ родовомъ замкѣ Пинчовѣ. Король приказалъ „обложить“ замокъ. Узнавъ объ этомъ, Сѣнинскій и Длугошъ убѣжали въ Мельштинъ, гдѣ и пробыли цѣлый годъ, будучи гласково приняты владѣльцомъ замка, Яномъ Мельштинскимъ, „не обращающимъ — по выраженію Кромера — вниманія на приказанія короля не держать у себя немѣшника и врага“.

Сѣнинскій обратился въ Римъ съ жалобой на короля; но и послѣдній (по просьбѣ Грущинскаго и на его счетъ) отправилъ въ Римъ двухъ пословъ: Яна Рытванскаго, короннаго маршалка, и Матвѣя Раценжа, доктора права, каноника влоцлавскаго. Цѣлю посольства было противоѣствовать замысламъ Сѣнинскаго. Послѣдній выставленъ былъ послами предъ папою, какъ человѣкъ алчный, гордый, ненавистный королю, народу и всему духовенству, къ тому же и сварливый. Послы говорили, что онъ нагло вымогъ у Фомы Стремичинскаго уступку краковскаго бискупства и насильственно вторгнулся въ оное, причеиъ былъ убитъ.

Андрей Тенчинскій, человекъ достойнѣйшій. Показывали послы папѣ письма Сѣнинскаго, которыя онъ отправилъ королю изъ Мантуи, когда исполнялъ возложенную на него миссію посольства въ Римъ. Въ этихъ письмахъ папа обвинялся въ томъ, что яко бы онъ болѣе оказываетъ помощи ордену крестоносцевъ, нежели сторонѣ справедливой—полякамъ. Доставлены были папѣ посланія, писанныя (по тому же поводу) цезаремъ Фридрихомъ и Георгіемъ, королемъ чешскимъ. Подарки, отъ имени короля поднесенные папѣ, были „многочѣнные“. — Несмотря на это королевскіе послы достигли въ Римъ весьма немногаго: папа поручилъ своему легату Иерониму, архіепископу кретенскому, разслѣдовать означенное дѣло на мѣстѣ, а до того времени воспретилъ Сѣнинскому отправленіе епископскихъ обязанностей. Когда упомянутый, довольно долго ожидаемый папскій легатъ (имѣвшій и другія порученія) прибылъ въ Польшу, то въ распрѣ между королемъ и Сѣнинскимъ, онъ рѣшительно принялъ сторону послѣдняго. Въ это время и произошло крупное столкновеніе легата съ Казиміромъ III, передавать которое нѣтъ надобности, такъ какъ оно почти дословно, по Кромеру ¹⁾, излагается вторымъ разсматриваемымъ нами полемическаго сочиненія. Замѣтимъ только, что нашъ авторъ допустилъ, при передачѣ спора короля съ легатомъ, одинъ *недосмотръ* (если только въ полемическомъ сочиненіи въ данномъ случаѣ не опечатка). Именно, у Кромера читается: „*przystoynieysza iest rzecz, aby troie krolestwa wniwecz upadły*“... et caet. У нашего же автора: „*Przystoynieysza rzecz iest, aby twoie krolestwa wniwecz upadły*“.

Казиміръ III дѣйствительно достигъ своей цѣли. Въ 1463 году Сѣнинскій вмѣстѣ съ упомянутымъ папскимъ легатомъ прибылъ на Пѣтрковскій сеймъ и хотя здѣсь припалъ къ ногамъ

¹⁾ Нашъ авторъ, безъ сомнѣнія, пользовался Хроникомъ Кромера въ переводѣ Блазювскаго, доказательствомъ чему служатъ *буквальное* при издержкахъ слѣдованіе означенному переводу съ удержаніемъ, напр., такого уже и въ то время малоупотребительнаго слова, какъ *przesbywaicie* (= *przeriegaicie*). Указываемый нами ниже недосмотръ со стороны нашего автора (*twoie* вмѣсто *troie*) тоже возможенъ былъ только при пользованіи Хроникомъ въ польскомъ ея переводѣ

короля, прося его о милости, Казиміръ остался непреклоннымъ, и Сѣвинскій долженъ былъ отказаться отъ краковскаго бискупства, на которомъ и утвердился Грущинскій. Послѣдній, впрочемъ, обязался выдать Сѣвинскому 4000 злотыхъ и предоставлять въ теченіи полутора года часть доходовъ съ нѣкоторыхъ бискупскихъ помѣстій. Съ переходомъ Грущинскаго на краковскую кафедру влодавское бискупство, какъ и предполагалось, предоставлено было подканцлеру Яну Брезискому. (По указанному изданію Хроника Польской Кромера въ переводѣ Блазовскаго см. стр. 480, 481, 482, 491 и 493).

¹⁴⁾ Подъ послѣднею конституціею, авторъ, очевидно, разумѣетъ состоявшееся на сеймѣ 1631 года постановленіе: „*o dobrach ziemskich dziedzicznych*“, гдѣ, между прочимъ, говорится, что „*dobra ziemskie dziedziczne, nec modo donationis, nec emptionis, albo hipotecae, neque quovis obligationis modo, aut aliquo alio jure, parotum dostowane bydź nie maia...*“ (Volumina legum, изд. Огрызки, т. III, стр. 319).

¹⁵⁾ Кадлубекъ въ своей Польской Исторіи пишетъ: «*Nec enim per se Principes Rempublicam administrant, sed per administratorias potestates. Ideoque perempiam pereniquum est dissimulare, ne dum impedire quod ratio dictat, quod poscit utilitas, quod iubet honestas, quod suadet pietas, quod iuris denique imperat necessitas: Nec impedit avita institutio, qua cautum erat, ut penes majorem nutu semper sit principundi auctoritas, quod per Papam Alexandrum et Fredericum Imperatorem, quamvis jus non habent apud nos condendi leges, est consultum*» (Historia Polonica Kadlubkonis Episcopi Cracoviensis. Dobromili. Anno Domini 1612, pag. 531). Подчеркнутыя нами слова приведены въ сочиненіи *Supplementum Synopsis*, изд. Виленскимъ православнымъ братствомъ въ 1632 году во времени избирательнаго сейма послѣ смерти Сигизмунда III (см. Архивъ Юго-Зап. Рос., ч. I, т. VII, стр. 618, — гдѣ это сочиненіе переиздано нами). Нашъ авторъ, — что сомнѣвію подлежать не можетъ, — съ *Supplem. Synopsis* былъ хорошо ознакомленъ, откуда, не прибѣгая къ первоисточнику, и могъ сдѣлать нужное для его цѣли заимствование.

¹⁶⁾ Авторъ имѣетъ въ виду составленный на конвокаціонномъ сеймѣ послѣ смерти Сигизмунда III „*Memoriał pañowy między*

ich mościami greckiey religiey y rozgznionymi, do dalszey zgody na przyszłą da Bóg electią zawieszoney y do braciey wziętey". Меморіаль начинается словами: „A parte ich mościor panow unitow postariono (по другой редакціи: *rozwoliono*) ich mościor panom nieunitom...“ et caet. — Этотъ меморіаль напечатанъ нами по рукои. Импер. Публичной Библиотеки (*Польс*, in Fol., № 93) въ приложеніяхъ къ I тому нашего изслѣдованія: „Кіевскій митрополитъ Петръ Могила и его сподвижники“, на стр. 424—426.

¹⁷⁾ Авторъ разсматриваемаго сочиненія дѣлаетъ нужное для него извлеченіе изъ указанной привиллегіи въ слѣдующемъ видѣ: (король Августъ въ своей привиллегіи... говоритъ, что) *majori (sic) quam reliqui Reges et Principes fungitur autoritate, utpote qui nullum in terris superiores in saecularibus recognoscit.*». Это извлеченіе (точнѣе пересказъ) соответствуетъ слѣдующему мѣсту въ привиллегіи: *«Igitur motu proprio autoritateque nostra Regia, non minore quam omnes Reges ac Principes, imo maiore etiam qui nullum in terris superiores in saecularibus recognoscimus, fungimur, decernimus, et in perpetuum constituimus»*... et caet. (Эта привиллегія напечатана въ изданіи Р. Дабіньскаго: *Zbior praw y przywilejow miastu stolecznemu W. X. L. nadanych*. Wilno. 1788. стр. 118, и въ «Собраніи древнихъ грамотъ и актовъ городовъ: Вильны, Ковно».. и проч. Вильно, 1843 г., ч. I, № 60, стр. 111. Въ обоихъ этихъ изданіяхъ привиллегія датирована 15 июля 1568 года (въ последнемъ изданіи въ оглавленіи документовъ очевидная путаница: къ разсматриваемой привиллегіи должно быть отнесено оглавленіе привиллегіи подъ № 62).

¹⁸⁾ Въ подлинникѣ: „Owo zaś nie w brew deciziey kanonistow, iż krol Polski *oprocs takowych przyuszyn, ktore piśmie y słowem Botym są wyrazone, żadnych accasij do niemieckania powinnego w małżeństwie albo do rozwodu sobie szukać nie ma?*“ Очевидно, авторъ имѣетъ въ виду вошедшія въ изданія сеймовыхъ польскихъ конституцій „*Litterae confirmationis articulorum Henrico Regi inter oblatorum*“, гдѣ § 16-й дословно гласитъ слѣдующее: „A iż na małżeństwie naszym miele R. P. należy, tedy obiecujemy, y przyrzekamy za się y za Potomki nasze Krole Polskie, nigdy nic nie stanowić, ani przed się brać, około małżeństw naszych, mimo wiadomośc y przyzwolenie Rad Koronnych obojga narodu. A *okrom ta-*

konowuch. prauczyn, ktore piastet u slowem. Bozym sq. wyrakone, wadnych okazy do niemieszkamia powinnego w malzenstwie; abo do rozmowdy. szukać sobie nie będzietu. (Volum. legum, изд. Огрызки, т. II, стр. 152).

¹⁹⁾ Въ концѣ присяжныхъ листовъ (Forma iuramenti) королей Генриха 1573 года (см. Volumina legum, изд. Огрызки т. II, стр. 134—135), Стефана Баторія 1576 г. (ibid. т. II, стр. 148), Сигизмунда III, 1587 г. (ibid. т. II, 246), Владислава IV, 1632 г. (ibid. т. III, стр. 366—367),— между прочимъ, читается: „*absolutionemque nullam ab hoc Meo iuramento, a quoquam petam, neque ultro oblatam suscipiam*“.

²⁰⁾ Лаврентій Гослицкій, епископъ каменецкій, подъ общою Варшавскою конфедераціею (konfederacya generalna Warszawska) 1587 юда (у нашего автора въ обозначеніи года *ошибка*) дѣйствительно подписался съ присовокупленіемъ указанной фразы: *propter bonum pacis suscribo* (см. Volumina legum, изд. Огрызки, т. II, стр. 233); но краковскій епископъ Петръ Мышковскій подписался подъ постановленіемъ на краковскомъ сеймѣ 1586 г. безъ означенной оговорки (Ibid. т. II, стр. 226).

²¹⁾ Въ 1608 юду сейма небыло. Очевидно, авторъ имѣетъ въ виду конституцію 1607 года: «O dygnitarstwach y beneficyach duchownych». Конституція эта дословно гласитъ слѣдующее: «Przychylając się do konstytucyi anni 1550 et 1588, ktoremi urownowano iest, aby na opactwa y probostwa zakonne, za nieporządne mi Elekcyami ludzie niegodni nie wstępowali, ale żeby godni, y swym porządkiem, ludzie narodu szlacheckiego do nich przychodzili: postanowiamy, aby wedle dawnego prawa *competenter electis rosdawane, iuribus nostris Regalibus per omnia salvis*, były, nie przyłączając ich do Biskupstw, ani dwoyga iedney osobie *in usum konfirmując*. Opaci też kondycyom swoim, w prawie opisanym, dosyć czynić maia. A ktoby się inaczej ważył wziąć y trzymać opactwo, niż ta konstytucya uczy, abo gdzieby Opaci kondycyi swoich, w prawie opisanych, nie wykonywali, na tych wszystkich maia się ściagać peny *contra cortianos*, w dawnym prawie wyrażone: także *ad ecclesiam Cathedralis, quam Collegiatis*, na Kanonie y Prelatury, nie maia bydź przyjmowani *plebei*, y prostego stanu ludzie iedno Polskiego z ogca y z matki narodu, *indigenis Regni et Dominiorum*,

oproc pewnych osob w prawie wyrażonych. Toż się у w W. X. Lit. in Cathedralibus ecclesiis zachować ma: a to sub poenis et foro de cortisanis, ut supra sancitis, ktoby mimo tę konstytucyą ważył się czego otrzumać. (Volumina legum, изд. Огрызки, т. II. стр. 437). Конституція эта подтверждена была и на сеймѣ 1609 г. (Ibid. стр. 463).

22) Іезуиты „открыли свои школы“ (коллегію) въ Краковѣ 13 іюля 1622 года. Краковская академія, пользовавшаяся особыми правами и привилегіями, сочла это нарушеніемъ оныхъ, о чемъ энергично и заявила (протестовала). Іезуиты на эти протесты не обратили вниманія. Вслѣдствіе этого началась между академією и краковскими іезуитами упорная и продолжительная борьба. При королѣ Сигизмундѣ III, *воспитанникъ и покровитель іезуитовъ*, перевѣсь въ этой борьбѣ, несмотря на сочувствіе многихъ поляковъ „споей преславной академіи“, оставался на сторонѣ іезуитовъ. Краковская академія обратилась съ жалобами въ Римъ, но и здѣсь потерѣла полную неудачу. Рѣшеніями папскаго трибунала (Rota romana) 19 іюня и 16 ноября 1626 года и 27 мая 1627-го іезуитамъ дозволено было имѣть школы въ Краковѣ. Въ послѣднемъ изъ указанныхъ годовъ изданъ былъ и упоминаемый авторомъ разсматриваемаго нами сочиненія благопріятствующій іезуитамъ декретъ отъ имени папы Урбана VIII, подвергавшій церковно у отлученію всѣхъ, которые бы противились оному, *исключая однако польскихъ королей*. Краковская академія по поводу этого декрета апеллировала къ папѣ, но безуспѣшно. Послѣ смерти Сигизмунда III надежды академіи и ея многочисленныхъ сторонниковъ на благопріятный поворотъ упомянутого процесса съ іезуитами оживились. Нашъ авторъ говоритъ, что дѣло о краковской академіи внесено, въ качествѣ отдѣльной статьи, въ петиціи объ уничтоженіи законопреступленій (miedzy exorbitantie). Въ данномъ случаѣ авторъ, очевидно, разумѣетъ „Artykuly racjonalis conventorum“, гдѣ въ артикулѣ 60 говорится относительно проецированнаго „Akademii Krakowskiej uspokoienia“, что вызвано было петиціями объ этомъ депутатовъ краковского воеводства (см. *Volumina legum*, изд. Огрызки, т. III, стр. 364). На коронаціонномъ сеймѣ 1633 года по данному вопросу постановлено было слѣдующее: „*Powiewań jus patronatus Akademii*

Krakowskiej wszystkiej *mere* Rzeczypospolitey należy; a pewne dekreta *Rotae Romanae* w sprawie *inter Almam Academiam Crac. et Patres Societatis* o fundowaniu szkół zaszyły: tedy My, iakośmy się in pactis conventis obligowali, *procurando* uspokoienie tey Akademii, do Oycy Ś. włożymy się, aby *causa in integrum restituta*, do decyzji naszej y Rzeczypospolitey tę sprawę odesłać raczyli. Gdzie y *jus patronatus Reipublicae* y jura Academiae w cale zachować obiecujemy, które im tak iako od ś. pamięci Jagieła króla y innych Antecessorow naszych nadane są, y między insze tey Rzeczypospolitey prawa *in volumen legum* inserowane, tam in toto quam in parte, approbujemy. (*Volum. legum*, по вышеуказанному изд., т. III, стр. 378—379). Дѣйствительно, въ инструкцію Георгію Оссолинскому, отправленному въ 1633 году посломъ въ Римъ, внесена была, между прочимъ, петиція и о краковской академіи, согласно приведенной конституціи коронаціоннаго сейма. Эта петиція папою была исполнена. На основаніи папскаго рѣшенія состоявшуюся конституцію на сеймѣ 1635 года см. въ *Volum. legum*, изд. Огрызки, т. III, стр. 407. (Поброbnости о борьбѣ краковской академіи съ іезуитами см. въ сочиненіи *Josefa Lukaszewicza*: „Historya szkół w Koronie i w Wielkiem księstwie Litewskiem od najdawniejszych czasów aż do roku 1794“. Poznań, 1849 г., т. I, стр. 138—155.—Сочинение это, дополняя и исправляя предшествующіе труды, касающіеся прошлаго краковской академіи, однако не вполне замѣняетъ ихъ, въ особенности труды: „O stanie Akademii Krakowskiej“... *Josefa Sołtykowicza*. Krakow, 1810 г., гдѣ важны, главнымъ образомъ, примѣчанія, и Рękopisma Marcina Radymińskiego i wiadomość o historyografach szkoły Jagiellońskiej, *Josefa Muszkowskiego*, Krakow, 1840 г.—Борьба краковской академіи съ іезуитами оставила глубокой слѣдъ и въ тоговременной, преимущественно, полемической литературѣ. Указанія на важнѣйшіе памятники этой литературы находятся въ поименованныхъ сочиненіяхъ).

2⁹) Въ подтвержденіе высказанной мысли, что стремленіе іезуитовъ захватить въ свои руки воспитаніе юношества въ Польшѣ, ведетъ къ *смятеніямъ*, —нашъ авторъ могъ бы сослаться на заявленіе, сдѣланное съ высоты самого папскаго престола. Когда іезуиты усмивались основать свою коллегію въ Познани, а краковская академія сочла это нарушеніемъ своихъ правъ, папа Па-

велъ V, къ которому по этому поводу отправленъ былъ академикъ посоль, сказалъ послѣднему: «Novitates istas Societatis, quae in Ecclesia Dei plus dissensionis quam aedificationis pariunt, non libenter audimus»... et caet. (O stanie Akademii Krakowskiej... *Iosefa Soltykowicza*. Krakow, 1810 г., стр. 573).

²⁴⁾ Авторъ очевидно, имѣеть въ виду постановленіе Пётрковскаго сейма въ 1567 году, гласящее: „Rozwólamy, aby *annaty* w Koronie zostady na obronę Rzeczypospolitey“ (Volum. legum, изд. Огрызки, т. II, стр. 69). Конституціею 1569 г. было узаконено, чтобы означенное постановленіе исполняемо было „*pro* winą (за неисполненіе) *duplicis annatae* (ibid. стр. 95). Оба означенныя узаконенія были подтверждены конституціею 1576 года (ibid. стр. 156).

²⁵⁾ Кроме известной рѣчи ревностѣйшаго защитника православія Лаврентія Древинскаго, произнесенной на сеймѣ 1620 года, весьма характерна въ данномъ случаѣ инструкція, данная львовскими мѣщанами и предмѣщанами своимъ уполномоченнымъ, отправленнымъ на Варшавскій сеймъ 1609 года. Извлеченіе изъ нея см въ издаваемыхъ нами „Матеріалахъ для исторіи западно-русской церкви“. Выпускъ первый. Киевъ, 1891 г., стр. 67.

²⁶⁾ Оба поменованныя сочиненія переизданы нами въ 1 ч. VII т. Архива Юго-Зап. Россіи, гдѣ первое изъ нихъ занимаетъ стр. 532—576, а второе—577—649.

²⁷⁾ Подробнѣе объ означенномъ сочиненіи см. въ нашемъ изслѣдованіи: „Кіевскій митрополитъ Петръ Могила и его сподвижники“. т. I, стр. 456—463.

²⁸⁾ Подробное обзорѣніе разсматриваемаго сочиненія сдѣлано нами въ изслѣдованіи: „Кіевскій митрополитъ Петръ Могила“; см. т. I, стр. 487 и слѣд.

²⁹⁾ См. *прилож.* къ нашей изслѣдованію „Кіев. митр. П. Могила и его сподвижники“, т. I, № XII, стр. 48—44.

³⁰⁾ Каспаръ Скупинскій въ своемъ сочиненіи, направленномъ противъ изданнаго Виленскимъ православнымъ братствомъ *Synopsis*, писалъ по адресу православныхъ: „Chwalisz, że się wygrali (т. е. достигли на избирательномъ сеймѣ внесенія „статей усвоенія“ греческой религіи въ pacta conveta). Wygraliście w tym, bo cerkwie, monasteru y imiona cerkiewne niektóre naznaczone są wam, do których mere et nullo nienależeliście. A u mnie to wy-

grana, kiedy consensus summi Pontificis bylby; ale wiem, ze summus Pontifex nie iest approbatorem schismat. („Rusin albo rellatia rozmowy dwoch Rusinow schismatyka z unitem“... et caet., przez *Kaspára Tom. Skupińskiego*. Warszawa, 1634 г.—Сочиненіе это вполнѣ перепечатано нами въ 1 ч., VII т. Архива Юго.-Зап. Россіи. По сему изданію приведенное мѣсто см. на стр. 731).

⁸¹⁾ Евевонія веселобрячаа ..., изд. 1693 г. въ Кіевѣ.

С. Голубевъ.

**Рѣчь о философіи, произнесенная профессоромъ философіи
А. Н. Гиляровымъ на торжественномъ актѣ университета св.
Владимира, 16-го января 1899 г.**

Рѣчь эта заслуживаетъ особеннаго вниманія, и по предмету своему и потому, какъ трактуется въ ней этотъ предметъ. Г. Гиляровъ, какъ профессоръ философіи, счелъ долгомъ разъяснить своимъ слушателямъ,—*что такое философія, что она можетъ дать и чего дать не можетъ*. По этому вопросу много было писано даже у насъ. Теперь, когда метафизику большею частію отрицаютъ, вошло въ обычай издавать обширное введеніе въ философію,—столь обширное, что обыкновенно вмѣщается въ немъ вся, такъ рѣшительно повидимому отрицаемая, метафизика. Таково, напр., извѣстное теперь и у насъ введеніе въ философію Паульсона. Казалось бы, трудно сказать по предмету, избранному г. Гиляровымъ для своей рѣчи, что либо новое и особенное. Однако, рѣчь г. Гилярова—явленіе, можно сказать, необычайное въ своемъ родѣ. Въ этомъ мы убѣдимся, когда рассмотримъ содержаніе этой рѣчи.

„Чтобы по праву именоваться философомъ, говорить г. Гиляровъ, необходимо обладать сильнымъ умомъ, отзывчивымъ чувствомъ, многосторонними знаніями, широкимъ кругозоромъ, крупнымъ творческимъ талантомъ;... способность въ философіи должна быть признана особымъ даромъ природы“... Этого мало, „въ остальныхъ дѣятельностяхъ можетъ быть крупный и

малый талантъ, въ философіи же малый талантъ есть нелѣпность, такъ какъ обсужденіе самыхъ сложныхъ и трудныхъ вопросовъ, какіе только существуютъ, и созидаіе самыхъ трудныхъ построений, какія только возможны, очевидно подѣ силу только крупному дарованію“. Выходить, что философія дѣло не шуточное, если даже обсужденіе вопросовъ философіи дозволительно только крупному таланту. Какъ же, послѣ этого, мы должны смотрѣть на самого г. Гилярова, который рѣшился призвать на судъ всю философію во всеиъ ея объемѣ, со всеиъ представителями ея, не различая ни крупныхъ, ни малыхъ талантовъ. И какой это строгій и безпощадный судъ! Оказывается, что философія доселѣ ничего не сдѣлала, не рѣшила никакихъ вопросовъ, да и рѣшить не можетъ, ничего не доказала и не въ состояніи ничего доказать.

„Каждое изъ направленій философіи (материализмъ, спиритуализмъ, дуализмъ, монизмъ) отстаиваетъ свою точку зрѣнія, какъ единственно достовѣрную, но ни каждое изъ нихъ въ отдѣльности, ни всеиъ они вмѣстѣ не даютъ никакихъ знаній о первоначалахъ и не могутъ служить основаніемъ для построенія цѣльнаго и состоятельнаго міропониманія“. — „Мы не знаемъ ни того, что такое матеріал, ни того, что такое духъ, ни того, что такое жизнь“. „Какъ ни велики трудности, съ которыми приходится имѣть дѣло при всякомъ направленіи философіи, и какъ ни крупны недочеты, подрывающіе въ самомъ корнѣ внутреннюю состоятельность всякихъ вообще философскихъ построений, опирающихся на первоначалахъ, они не велики въ сравненіи съ тѣмъ, что для подобныхъ построений нѣтъ почвы, такъ какъ, хотя философія и стремится дать истинное знаніе о бытіи изъ его первопричины, она не способна объяснить ни *первопричины*, ни того, что такое *знаніе*, *истина*, *бытіе* по ихъ существу“.

Ни знаніе, ни бытіе не могутъ быть объектомъ знанія. „Разумѣется, нѣтъ недостатка ни въ теоріяхъ познанія, ни въ опредѣленіяхъ истины, ни въ ученіяхъ о бытіи. Но всеиъ эти теоріи, опредѣленія и ученія одинаково безпомощны“.

Чтобы сдѣлаться философомъ, необходимъ большой талантъ. И однако философія можетъ позавидовать специальнымъ наукамъ, для разработки которыхъ могутъ быть достаточны и посредственные таланты. „Всякая наука (философія не наука) можетъ, за какой угодно скольконибудь продолжительный срокъ, ясно и точно отмѣтить свои успѣхи, тогда какъ философія, рассматриваемая, какъ путь къ безусловной истинѣ, не можетъ въ этомъ своемъ значеніи указать никакого прогресса не только ни за какой опредѣленный періодъ, но даже и за все время своего существованія, такъ какъ въ вопросахъ о первоначалахъ мы и теперь остаемся столь же *несведущими* (sic), какъ наши праотцы на первой зарѣ философскаго сознанія“.

Послѣ этого можно ли сомнѣваться въ томъ, что философія не наука? Значитъ, мы должны считать заслугою г. Гилярова, что онъ разсѣялъ одно очень важное недоразумѣніе относительно философіи: многіе вѣдь смотрятъ на философію, какъ на науку, и думаютъ, что если заняться изученіемъ философіи, то можно чемунибудь научиться. Г. Гиляровъ, какъ человѣкъ опытный въ этомъ дѣлѣ, на себѣ испытавшій всю бесплодность занятій по изученію философіи, можно подумать, предостерегаетъ другихъ неопытныхъ, чтобы не теряли напрасно времени въ занятіяхъ философіей, или по крайней мѣрѣ много на такое дѣло не возлагали надеждъ. Что г. Гиляровъ, выступая предъ публикою съ своею рѣчью о философіи, могъ руководиться и такимъ намѣреніемъ, это видно какъ изъ самаго заглавія, такъ и изъ начала рѣчи, гдѣ сказано, что философія въ настоящее время пользуется въ Россіи особымъ сочувствіемъ. Согласимся съ г. Гиляровымъ, что философія не наука. Но хотя онъ какъ бы съ некоторымъ неодобреніемъ относится къ тому, что у насъ начинаютъ интересоваться серьезно философіей, однако не можетъ же онъ отрицать, да онъ дѣйствительно и не отрицаетъ, что философія существуетъ, и что ее стоитъ изучать. Не однѣ науки изучаются; изучаютъ поэзію, религіозныя ученія,

искусства, промышленность, торговлю, изучают теоретически и практически. Почему же не изучать философию, хотя бы она и не была наукой? Для философской производительности, конечно, нуженъ талантъ особый. Но въдѣ иное дѣло производительность въ области философи, а другое дѣло изученіе философи. Были великіе математики, естествоиспытатели. Что-жь? Ужели дозволительно заниматься изученіемъ математики только великимъ математикамъ и т. д.? Пусть философія не наука, такъ надо же знать, что такое философія. Г. Гиляровъ самъ поставилъ этотъ вопросъ, поэтому онъ и долженъ былъ дать на него прямой и рѣшительный отвѣтъ. Но такого отвѣта нѣтъ въ рѣчи г. Гилярова, и приходится дѣлать догадки о томъ, какъ въ самомъ дѣлѣ онъ смотритъ на философію, но и то еще вопросъ—дѣйствительно ли есть у него опредѣленный взглядъ на философію. Посмотримъ.

„Если, говорить г. Гиляровъ, за отвѣтомъ на вопросъ, что такое философія—мы обратимся къ самой философіи, то найдемъ въ ней... такое разнообразіе опредѣленій, которое нельзя свести ни къ какому единству... Остается, поэтому, для выясненія существа философи посмотреть, какой потребности духа она отвѣчаетъ“...

„Такъ какъ душа есть недѣлимое и, потому, цѣльное существо, то она стремится къ нерасдѣльному и цѣльному и, слѣдовательно, полному удовлетворенію, а такимъ удовлетвореніе можетъ быть лишь въ томъ общемъ синтезѣ всѣхъ, требующихъ нашимъ духомъ, реальныхъ и идеальныхъ элементовъ, который мы строимъ нашей творческой дѣятельностию, и который называется *миропониманіемъ*; при этомъ миропониманіе удовлетворяетъ насъ тѣмъ больше, чѣмъ большимъ душевнымъ равновѣсіемъ оно подсказано. Но полное равновѣсіе есть только идеалъ; обыкновенно же въ насъ господствуетъ или разумъ, или чувство, и потому мы строимъ миропониманіе то по руководству одного, то по руководству другого. *Цѣльный синтезъ, построенный по руководству чувства, есть ре-*

мирозное міропониманіе, а цѣльный синтезъ, построенный по руководству разума, есть міропониманіе философское. Религіозное міропониманіе удовлетворяетъ тѣхъ, у кого чувство беретъ перевѣсъ надъ рефлексіей; философія нужна для тѣхъ, у кого, наоборотъ, рефлексія беретъ перевѣсъ надъ чувствомъ“.

Итакъ, философія не даетъ и не можетъ дать знаній; поэтому она не наука. Но она даетъ и должна дать намъ цѣльное міропониманіе. И по этой своей задачѣ она родственна не наукѣ, а религіи. Сравнивая философію съ религіей, г. Гиляровъ, очевидно, разумѣетъ не собственно религію, а *религіозную философію*. Ибо иначе сравненіе философскаго міропониманія съ религіознымъ было бы не понятно.—Построеніе философскаго міропониманія есть дѣло индивидуальнаго ума и, притомъ, совершенно свободное дѣло; между тѣмъ, никто не скажетъ, что каждый свободно совдаетъ себѣ религію. Религія, прежде всего, есть принадлежность общества, а не индивидуальнаго духа, и сверхъ того въ религіи важное значеніе имѣетъ авторитетъ, чего нельзя сказать о философіи. Проявленія религіозности столь же сложны и разнообразны, какъ проявленія души человѣческой; поэтому нельзя сравнивать религію ни съ наукой, ни съ философіей, хотя въ области религіозной есть мѣсто и для науки, и для философіи. Такимъ образомъ, сравнивая между собою два вида міропониманія, религіозное и философское, г. Гиляровъ на самомъ дѣлѣ говоритъ о двухъ видахъ философіи: есть вѣдь, такъ называемая, философія чувства и философія разсудочная или рационалистическая. Но то, что называется философіей чувства, болѣею частію есть не что иное, какъ выраженіе смутнаго и крайне неопредѣленнаго, резоннаго въ своемъ основаніи, но только не достигшаго надлежащей ясности, недовольства односторонностями философій разсудочно-критической, или исключительно аналитической. Вѣдь не можетъ же чувство само по себѣ ставить и рѣшать какіе либо вопросы. Удоволь-

ствуемся пока этимъ понятіемъ о философіи, что ея задача — дать міропониманіе удовлетворительное для разума и чувства. Чтобы оправдать это свое понятіе о философіи, г. Гиляровъ обозрѣваетъ, далѣе, сообразно съ нимъ, философскія ученія и такъ ихъ раздѣляетъ. На первомъ мѣстѣ полагаются тѣ ученія, „которыя, насколько съ преобладаніемъ разума совмѣстимо удовлетворяютъ и разумъ и чувство. Выдающимися образцами могутъ служить ученія Платона и Канта“. „Второй разрядъ составляютъ ученія, въ которыхъ разумъ господствуетъ надъ чувствомъ, такъ что эти ученія можно относить и къ научнымъ и къ философскимъ. Таковы философскія ученія Аристотеля, ученія Коперника, Кеплера и Ньютона; сюда же причисляется современный эволюціонизмъ“. Неволико является вопросъ: что общаго во всѣхъ этихъ ученіяхъ? Повидимому, общее заключается въ признаваемомъ ими всеміи, хотя и неоднаково выражаемомъ, безусловномъ или безконечномъ. „Аристотель объединилъ своимъ умомъ все современное ему знаніе, развилъ подсказанное Платономъ и дорогое для религіознаго чувства ученіе о вѣдѣмости *Божества*. Ученія Коперника, Кеплера и Ньютона поражаютъ чувство *безпредѣльности* мірозданія..., а эволюціонная теорія развертываетъ, сверхъ того, картину *безконечнаго* прошлаго и будущаго. Итакъ, вѣдѣміе Божество, безпредѣльность вселенной и безконечность времени — вотъ сходныя будто бы начала ученій второго разряда, болѣе удовлетворительныхъ для разума, чѣмъ для чувства, лишенныхъ поэзіи, которою изобилуетъ философія Платона. Для насъ важно въ настоящемъ случаѣ то, что ученія этого второго разряда относятся столько же къ научнымъ, какъ и къ философскимъ. Обозрѣніемъ философскихъ ученій, значитъ, не совсѣмъ подтверждается установленное выше понятіе о философіи, что она не можетъ дать никакихъ знаній.

Къ третьему разряду относятъ г. Гиляровъ ученія, подчиняющія разумъ чувству и, поэтому, примыкающія къ рели-

гобнымъ. Таковы ученія Руссо и гр. Толстого. Всегда признавалось и признается, что философія Платона въ наибольшей степени преисполнена религіознаго духа. Но, по классификаціи г. Гилърова, ученія Руссо и Л. Толстого болѣе религіозны. Кстатѣ слѣдуетъ замѣтить, что не должно смѣшивать религіозныхъ ученій съ ученіями о предметахъ религіозной вѣры. Первые соединяются съ живою вѣрою въ основныя начала и содержаніе религіознаго сознанія, между тѣмъ какъ послѣднія могутъ быть и антирелигіозными.

Г. Гилъровъ не ограничился перечисленными ученіями. Онъ довольно пространно, затѣмъ, говоритъ о четвертомъ разрядѣ ученій, которыя онъ признаетъ наиболѣе распространенными. Но странно! черты, которыми онъ характеризуетъ этотъ самый распространенный родъ ученій, цѣликомъ могутъ быть отнесены и къ первому разряду. „Изъ того, что человѣкъ разумнѣе другихъ существъ, дѣлается выродъ, что онъ существо по преимуществу разумное, что разумъ составляетъ его сущность; природа противопоставляется разуму; наиболѣе соответствующимъ разуму считается чисто-формальный или отвлеченный принципъ, чуждый всякаго опытнаго содержанія, а наиболѣе соответствующей методой—діалектическая“. Все это есть у Платона. И почему же эти черты должны составлять характеристику особаго рода ученій? Это непонятно.

Нельзя, дажѣ, обойти вопроса, что именно дѣлаетъ то или иное философское ученіе удовлетворительнымъ для ума и сердца? Послѣ сказаннаго доселѣ само собою ясно, что не истинность есть то качество, которое дѣлаетъ философскія ученія привлекательными для души. Истина недостижима ни для какой философской системы даже въ малой степени. Итакъ, чѣмъ же философія можетъ прельщать и увлекать людей, ей преданныхъ? Не поэзіей ли? О философіи Платона авторъ рассматриваемаго разсужденія такъ говоритъ: „Платонъ вѣчно будитъ мысль противорѣчіями и недоумѣніями, но въ

то же время даетъ ей и твердую опору въ своемъ великолѣпномъ мирѣ идей, который вмѣстѣ съ тѣмъ служитъ надежнымъ оплотомъ и для нравственнаго чувства, открывая предъ нимъ ту горнюю, далекую отъ всего земнаго, область, гдѣ пребываютъ вѣчныя и неизмѣнныя благо, красота и правда, и куда отраднo перенестись для утомленнаго земной борьбой духа; а общій возвышенный строй Платоновой философіи и ея поэтическая роскошь ставятъ ее на ряду съ лучшими произведеніями искусства, способными удовлетворить даже высказательное эстетическое чувство^а.

Но какъ съ этимъ согласить слѣдующее разсужденіе нашего оратора: „Какъ бы мы ни смотрѣли на разумъ, достоверно во всякомъ случаѣ, что нашъ разумъ обогащается и умудряется опытомъ; достоверно также и то, что изъ чисто формальныхъ принциповъ, какъ лишенныхъ всякаго содержанія, нельзя сдѣлать никакого вывода, а что мы называемъ выводомъ, есть сложный творческій процессъ, несомнѣнно обусловленный столько же нашею самодѣятельностію, сколько вѣшними на насъ воздѣйствіями. Вслѣдствіе того; что къ философіи, какъ высшей разумной дѣятельности, предъявляется требованіе, чтобы она имѣла дѣло только съ наивысшими, наиболее отвлеченными и, потому, безсодержательными понятіями, безсодержательность, а слѣдовательно и ничтожество большинства философскихъ построеній очевидно сами собою^а. Итакъ, великолѣпный миръ идей Платона—это пустыя отвлеченности, а возвышеніе отъ земли въ заоблачныя сферы—это пренебреженіе къ опыту. Нужно ли говорить, что для самого Платона поэтическіе образы служили не цѣлью, а только средствомъ?

Быть можетъ, сами по себѣ логическія качества мышленія,—стройность и послѣдовательность, глубина и широта; настолько цѣнны и привлекательны, что вслѣдствіе того философское міропониманіе, хотя лишенное истинности, тѣмъ не менше не теряетъ важнаго значенія для изучающихъ оное въ

разныхъ его видахъ и формахъ? Говорится и объ этомъ. „Если несомнѣнна, разсуждаетъ нашъ ораторъ, внутренняя несостоятельность всѣхъ и всякихъ философскихъ системъ, то столь же несомнѣнны въ наиболѣе выдающихся изъ нихъ богатство, оригинальность и *сила мысли*, подсказывающей въ смѣломъ полетѣ (не воображеніе ли?) руководительныя воззрѣнія для науки и жизни“ и т. д. Но опять же изъ устъ того же оратора слышимъ слѣдующую рѣчь: „Пусть горделивая мысль не охотно отказывается отъ званія царицы міра и хранить, какъ святыню, старинное вѣрованіе, что для нея легко почерпнуть изъ нѣдръ духа полную истину простой цѣпью умозаключеній, построенныхъ на отвлеченныхъ принципахъ; для непредубѣжденнаго взгляда очевидно, что за исключеніемъ рѣдкихъ и *неразадаваемыхъ* случаевъ гениальнаго прозрѣнія, знаніе даже въ маломъ приобрѣтается лишь съ большимъ трудомъ настойчивымъ изученіемъ дѣйствительности; ...что, какъ работникъ для истины (т. е. для того, чего знать нельзя, какъ утверждаетъ самъ авторъ), не въ примѣръ выше долженъ быть поставленъ всякій скромный (почему философъ не можетъ быть скромнымъ?) труженникъ науки, терпѣливо изучающій тотъ или другой фактъ, чѣмъ велерѣчивый философъ, обольщающій себя и другихъ несбыточными надеждами и обѣщаніями въ туманѣ пышныхъ и непонятныхъ словъ. Впрочемъ, типъ философа, считающаго себя въ правѣ вѣщать истину только потому, что у него есть „мыслящій умъ“, „отходить по немногу въ прошлое“. Нѣтъ! напрасны усилія въ этой обильной словами рѣчи уловить ясную и отчетливую, а главное твердую мысль. Надо отдать справедливость г. Гилярову въ томъ, что онъ обладаетъ замѣчательнымъ искусствомъ сказать много и ничего не высказать. Вотъ еще образчикъ его логики: „За послѣднія пятьдесятъ лѣтъ, говоритъ онъ, замѣчается оскудѣніе философскаго творчества“... Но послѣ немногихъ строкъ уже совсѣмъ иное читаемъ о современномъ состояніи философіи: „Неудержимо рушится ста-

родавнее зданіе философской схоластики съ его подраздѣленіемъ на школы, съ его словопреніями, со всѣмъ его чадомъ отъ странныхъ и темныхъ словъ (невольно жалѣешь автора, вынужденнаго претерпѣвать этотъ чадъ), и на развалинахъ вѣетъ свѣжимъ духомъ, еще смутно, но настойчиво намѣчающимъ согласный съ современностію философскій идеалъ“.

Интересно знать, каковъ этотъ идеалъ. Для рѣшенія этого вопроса мы должны перейти отъ разсужденій о философіи, изъ которыхъ мы ничего поучительнаго не извлекли пока, къ сужденію о самомъ философѣ, такъ загадочно и невразумительно разсуждающемъ о философіи. Что представляетъ собою авторъ разсматриваемой рѣчи, какъ философъ? Причисляеть ли онъ себя къ какой либо философской школѣ, сочувствуетъ ли онъ одному какому либо философскому направленію, преимущественно предъ всѣми другими? Онъ, правда, считаетъ наилучшимъ и наиболее соответствующимъ нашему времени идеаломъ философскимъ — странно сказать — относиться ко всѣмъ направленіямъ философіи съ полною терпимостію (какъ будто въ области философіи существовала когда либо нетерпимость); было бы, кажется, точнѣе сказать въ духѣ автора: должно относиться ко всякимъ философскимъ ученіямъ съ полнымъ равнодушіемъ и безразличіемъ, смотря на философію, какъ на пустую игру воображенія, какъ на правдную забаву. Что жъ? Есть въ философіи названіе и для такого, не скажу, образа мыслей, за отсутствіемъ таковыхъ, но расположенія души. Это такъ называемый *скептицизмъ*, о которомъ въ разсматриваемой рѣчи сказано такъ: „Незачѣмъ останавливаться на *скептицизмъ*, который своимъ основнымъ положеніемъ убиваетъ самъ себя. Если не можетъ быть достовѣрнаго знанія ни о чемъ, то, очевидно, не можетъ быть такого знанія и о томъ, что достовѣрное знаніе о чемъ либо невозможно“. Этими словами ораторъ изрекъ величепріятный судъ надъ самимъ собою. Дѣйствительно, скептику вѣдь тоже приходится разсуждать, чтобы оправдать свой скептицизмъ, но, какъ скептикъ, онъ

и своимъ разсужденіямъ не должно придавать ніскакого серьезнаго значенія. Есть такія, свойственныя скептицизму, но, разумѣется, ничего нестоющія, разсужденія и у г. Гилярова. Напр., онъ говоритъ: „Изъ всѣхъ истинъ нѣтъ болѣе очевидной, чѣмъ та, что всякая наша мысль есть человѣческая, что человѣкъ можетъ мыслить только по-человѣчески, и что, слѣдовательно, всякая наша мысль обусловлена свойствами нашей природы“. Вотъ удивительный аргументъ несостоятельности всякой философіи. Къ сожалѣнію, имъ доказывается слишкомъ много, больше, чѣмъ нужно было нашему автору: доказательство это имѣетъ силу по отношенію ко всякой наукѣ, а не въ отношеніи только къ философіи; всѣ науки суть человѣческія, а не какія либо иныя, а между тѣмъ въ отношеніи къ наукамъ спеціальнымъ г. Гиляровъ далеко не такъ строгъ и неумолимъ, какъ относительно философіи. Что мы можемъ мыслить только по-человѣчески,—положеніе это должно повидимому имѣть такой смыслъ: во всѣ наши сужденія и представленія мы неизбѣжно вносимъ антропоморфизмъ, а потому и не можемъ знать, каково бытіе вещей *само озъ себя*. Но антропоморфизмъ свойственъ воображенію, а не мышленію,—мышленіе, напротивъ, стремится къ исключенію антропоморфическаго элемента изъ нашихъ представленій. Можно, конечно, спросить: а самое наше мышленіе не есть ли антропоморфическое, свойственное только человѣку, между тѣмъ какъ животныя, напр., иначе мыслятъ, обладаютъ разумомъ совсѣмъ отличнымъ отъ нашего человѣческаго разума? Вѣдь г. Гиляровъ, какъ мы видѣли, осуждаетъ философскія ученія четвертаго разряда за то именню, что они только человѣка изъ всѣхъ существъ, живущихъ въ мірѣ, признаютъ существомъ разумнымъ, и не допускаютъ существованія иного разума; отличнаго отъ человѣческаго, конечно по существу, а не по степени только. Но если нашъ разумъ таковъ, что ничто не въ состояніи мыслить иначе, какъ человѣкообразно, то какимъ образомъ такой разумъ способенъ

не то, что утверждать, а даже предполагать существованіе много, отличнаго отъ него, разума, а сверхъ того, для кого неясно, что нашъ мыслящій разумъ стремится къ отвлеченію, т. е. отрѣшенію общаго отъ всякаго рода ограничивающихъ его разностей; какъ же послѣ этого можно считать антропоморфизмъ свойствомъ разума? Что г. Гиляровъ не имѣетъ ясныхъ понятій о разумѣ и мышленіи, — это видно изъ слѣдующаго: говоря о критеріяхъ достовѣрности, онъ смѣшиваетъ психологическую очевидность факта (кажущееся движеніе солнца) съ логическою очевидностію, свойственною нѣкоторымъ истинамъ, не допускающимъ противорѣчія себѣ. Но г. Гиляровъ идетъ еще дальше: онъ повторяетъ, какъ несомнѣнную истину, избитую мысль, что наше сознаніе будто бы наглухо закрыто для всего внѣ его пребывающаго, причѣмъ ни мало не смущается онъ тѣмъ, что это нелѣпое утвержденіе ведетъ къ такъ называемому *соллипсизму*, т. е. къ признанію, со стороны того, кто это утверждаетъ, существующимъ единственно только собственнаго своего сознанія. Впрочемъ, г. Гиляровъ — скептикъ далеко не строгій и перѣшительный; гораздо болѣе онъ позитивистъ, чѣмъ скептикъ. „Въ немногихъ словахъ, говоритъ онъ, можно показатъ, что не только не существуетъ никакой науки о *высшихъ началахъ*, но что, какимъ бы путемъ мы къ этимъ началамъ ни шли, и съ какой бы стороны ни пытались къ нимъ подойти, мы всегда останавливаемся передъ неисповѣдимымъ, передъ тѣмъ, что вполнѣ и навсегда скрыто отъ нашего разума“. Это такъ называемый *агностицизмъ*. Пусть не подумаетъ читатель, что подъ названіемъ неисповѣдимаго разумѣется здѣсь что либо особенное, высокое. Нѣтъ: разумѣются здѣсь и матерія, и душа или духъ, и знаніе и бытіе. Словомъ, только явленія намъ вѣдожи, а все, что служитъ основаніемъ для явленій, для насъ непознаваемо. Это, какъ извѣстно, основной тезисъ позитивизма. Другое положеніе, характеризующее позитивизмъ, есть то, что все наши знанія относительны и что, поэтому,

ничего абсолютнаго, никакого безусловнаго мы не знаемъ и знать не можемъ. И это положеніе не разъ и въ разныхъ видахъ повторяетъ г. Гиляровъ. Впрочемъ, и о безусловномъ, какъ о всемъ прочемъ, о чемъ трактуетъ г. Гиляровъ въ своей рѣчи о философіи,—было бы напраснымъ трудомъ искать у него опредѣленныхъ и ясныхъ понятій. Говоря о безусловномъ, онъ разумѣетъ подъ этимъ словомъ то общія основныя начала, то Абсолютное въ собственномъ смыслѣ, иначе Божество. Исключая изъ области человѣческаго мышленія всякаго рода начала, г. Гиляровъ не задумывается надъ тѣмъ, какъ въ такомъ случаѣ возможно какое бы то ни было міропониманіе, что однакожъ онъ считаетъ, какъ видно изъ предыдущаго, важнымъ и существеннымъ даромъ философіи. Впрочемъ, нужно ли еще какое бы то ни было міропониманіе? Кажется, г. Гиляровъ согласенъ и съ тѣмъ, что можно обходиться безъ всякаго міропониманія. „Намъ не зачѣмъ, говоритъ г. Гиляровъ, искать абстрактнаго и темнаго для насъ безусловнаго, когда безконечное свѣтлое и полное жизни всюду насъ окружаетъ. Въ то время, какъ бьется и мятется наша мысль въ безсильныхъ попыткахъ познать безусловное, звѣздное небо спокойно сіяетъ надъ нами. И мы сами жители неба, такъ какъ живемъ на небесной планетѣ, движемся вмѣстѣ съ этою сіяющей надъ нами безконечностью изъ безконечнаго, чрезъ безконечное, въ безконечное, *къ невидимой для насъ цѣли*“. Мыслить такъ едва ли значитъ мыслить по-человѣчески; а еще г. Гиляровъ утверждаетъ, что мы только по-человѣчески можемъ мыслить. Наконецъ, мы должны сказать, что г. Гиляровъ не только скептикъ и позитивистъ,—въ добавокъ онъ еще и софистъ. Постоянно онъ говоритъ о знаніи и незнаніи, о пониманіи, о постиженіи, о доказательствѣ. Но нигдѣ онъ не стѣлъ нужнымъ пояснить, какъ онъ понимаетъ знаніе, что именно разумѣетъ подъ знаніемъ, считаетъ ли онъ или не считаетъ знаніе, пониманіе, постиженіе за одно и то же. Что значитъ

доказать какое либо положеніе и что, поѣтому, нужно признавать доказаннымъ, а что не доказаннымъ; что онъ разумѣетъ подъ словами бытіе, истина? Термины эти имѣютъ самое фундаментальное значеніе въ разсужденіи г. Гилярова, а между тѣмъ, точный смыслъ ихъ не установленъ имъ. Да, но въ такомъ случаѣ нельзя было бы такъ ими играть, и такъ произвольно распоряжаться ими, какъ это дѣлаетъ г. Гиляровъ, въ чемъ несомнѣнно онъ уподобляется софистамъ. Вотъ, напр., какъ онъ выражается о мистицизмѣ. „Рационализу противоположенъ мистицизмъ, усматривающій путь къ безусловной истинѣ *не изъ разумной дѣятельности*, но въ особаго рода безуміи, когда въ экстазѣ разумъ выходитъ изъ себя (все же, значить, дѣйствуетъ разумъ) и, соединяясь съ божествомъ, непосредственно вмѣщается въ себя истину. Такой путь могъ бы имѣть смыслъ, если бы *была доказана* возможность для нашего духа сливаться съ божествомъ; но подобную возможность *нельзя доказать*, и потому ясно (!), что безусловная истина безуміемъ можетъ быть *постигнута* не болѣе, чѣмъ умомъ“. Любопытно было бы знать, что означаютъ здѣсь слова: *нельзя доказать, если бы было доказано*. Но г. Гиляровъ не говоритъ обыкновенно самаго главнаго. Ясное, спокойное и отчетливое мышленіе онъ безцеремонно обывааетъ схоластичкой.

Такъ вотъ каковъ разноцвѣтный философъ г. Гиляровъ. Именно такимъ онъ является въ своей рѣчи о философіи. Да, рѣдко можно встрѣтить рѣчь о философіи столь мало философскую.

II. *Линицкій.*

ОБЪЯВЛЕНИЕ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1899 ГОДЪ
НА ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ЖЕНСКОЕ ДѢЛО.

Журналь „Женское дѣло“ ставитъ своей цѣлью и цѣлью отвѣчать на все вопросы русской женщины не только насъ матери, но и какъ члена семьи и общества.

Въ виду все болѣе и болѣе усложняющихся условий культурной жизни и вполнѣ опредѣлившася женскаго движенія у насъ и за границей, журналъ „Женское Дѣло“ является необходимымъ *подспорьемъ*, какъ въ вопросахъ чисто семейнаго характера, такъ и въ вопросахъ женскаго образованія и труда на различныхъ поприщахъ *дѣятельности общественной.*

Въ Европѣ, не говоря уже объ Америкѣ, издается множество подобныхъ журналовъ, и всѣ они имѣютъ большой кругъ читателей; у насъ въ Россіи *подобнаго рода изданіе является впервые:*

Равобратясь въ вопросахъ, которые легли въ основу „Женскаго дѣла“, задача трудная, но она можетъ быть значительно облегчена, если интеллигентныя женщины нашего обширнаго отечества будутъ смотрѣть на него, какъ на свое личное дѣло и примутъ участіе въ трудахъ редакціи и въ распространеніи самаго журнала.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

1) Исторія развитія женщины и ея положеніе въ семьѣ, обществѣ и государствѣ у насъ и за границей. — 2) Лѣтопись женскаго движенія и женскаго труда у насъ и за границей. — 3) Біографіи женщинъ, выдающихся на разныхъ поприщахъ дѣятельности. — 4) Велетъ истига и стихотворенія, оригинальныя и переводныя. — 5) Голоды изъ провинціи. — 6) Критика и библіографія по женскому вопросу. — 7) Отчеты о женскихъ собранияхъ, конгрессахъ, обществахъ научныхъ, художественныхъ, благотворительныхъ и пр. — 8) Смѣсь. — 9) Объявленія. При статьяхъ о женщинахъ, выдающихся на разныхъ поприщахъ дѣятельности, будутъ помѣщаться ихъ портреты, а также снимки съ картинъ и другихъ произведеній женскаго творчества.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

На годъ за 12 книгъ безъ доставки. . . . . 6 руб.
Съ доставкой и пересылкой. . . . . 7 руб.
За границу. . . . . 9 руб.

Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Гончарова ул. д. 10, куда и слѣдуетъ обращаться съ требованіями.

Редакторъ-издательница А. Н. Пшкова-Телистрова.

АЛЕКСѢЙ СТЕПАНОВИЧЪ ХОМЯКОВЪ.

(Продолженіе¹).

Не представляя ничего хорошаго въ смыслѣ соблюденія справедливости при оцѣнкѣ выкупныхъ земель, проектъ, допускающій выкупъ только по соглашенію, не представляетъ никакихъ выгодъ и въ финансовомъ отношеніи. На основаніи нѣкоторыхъ тонкихъ соображеній Хомяковъ доказываетъ, что проектъ этотъ напротивъ того „можетъ увеличить и непременно усложнить финансовое затрудненіе, замѣняя правильную и срочную уплату капитала неправильными, безвременными и всегда нѣсколько неожиданными требованіями, въ крайне неравныхъ размѣрахъ“.

Но здѣсь, какъ и вездѣ, на ряду съ матеріальною стороною, Хомяковъ спѣшитъ выдвинуть и нравственную сторону. „Всякій, говоритъ онъ, кто покупаетъ или продаетъ что-нибудь, хоть бы на рынкѣ, знаетъ, что во время торга являются всегда два врага, продавецъ и покупатель: одинъ негодуетъ за слишкомъ низкое предложеніе, а другой за слишкомъ высокое требованіе, и это чувство вражды, неизбежное даже при самомъ лучшемъ настроеніи мысли и при торгѣ совершенно свободномъ, будетъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ чувствомъ цѣлыхъ двухъ сословій, уже издавна недружелюбныхъ другъ другу, а теперь поставленныхъ другъ противъ друга въ прямой противоположности всѣхъ своихъ интересовъ. Вражда, возбужденная торгомъ, переживетъ его и передастся, какъ злое наслѣдство, будущимъ поколѣніямъ.“

¹) См. Труды Кіевской дух. Академіи за м. ноябрь 1898 г.

Труды Кіевск. дух. Академіи, т. I, 1899 г.

Мягкость или уступчивость или равнодушіе къ своимъ выгодамъ одного помѣщика дѣлается часто началомъ раздора для цѣлой округи, представляя всѣхъ другихъ въ видѣ жадныхъ корыстолюбцевъ (несмотря на ихъ право и даже прямодушіе), и горькое сѣмя вражды будетъ плодиться столько же отъ добра, сколько отъ зла. Я говорилъ, что сокрытое чувство вражды сопровождаетъ всякій торгъ, даже самый свободный; но прибавлю, что онъ безконечно сильнѣе и ядовитѣе тамъ, гдѣ отношенія торгующихся не свободны и гдѣ каждая сторона имѣетъ право заподозривать другую въ злоупотребленіи ихъ взаимнаго положенія. Итакъ, выкупъ по свободному договору, безвыгодный по всѣмъ экономическимъ соображеніямъ, будетъ, въ смыслѣ государственномъ, общественномъ и нравственномъ, величайшею ошибкою, богато самими гибельными послѣдствіями⁴. Въ заключеніе Хомяковъ приходитъ къ выводу, что *„одновременный, однообразный и обязательный выкупъ есть единственное разумное разрѣшеніе всей задачи“*.

Такъ какъ противъ такого рѣшенія задачи возражали ссылкой на то, что у правительства нѣтъ „ни денегъ, ни кредита“, то Хомяковъ, затѣмъ, остававливается на слѣдующихъ двухъ вопросахъ: *какая сумма* потребуется въ данномъ случаѣ отъ правительства и *откуда получитъ эту сумму?*

Для рѣшенія перваго вопроса необходимо было предварительно опредѣлить цѣнность земли, поступавшей въ надѣлъ крестьянъ. При этомъ опредѣленіи авторъ письма руководствуется слѣдующими соображеніями. Такъ какъ земля, поступающая въ надѣлъ крестьянъ, должна быть ближайшая къ селеніямъ, то онъ находитъ, что слѣдуетъ цѣнить не землю дачи вообще, а только подселочную, а изъ этого прежде всего слѣдуетъ то, что различіе цѣнностей въ разныхъ мѣстахъ не должно быть значительно, и вотъ почему. „Въ благодатномъ черноземѣ Новороссійскаго края десятины подлѣ самой деревни представляютъ только образчикъ дачи; а въ песчаномъ поглиннѣ Вологодской или Новгородской губерніи онѣ суть

произведеніе дачи, которой соки сосредоточены къ деревнямъ трудомъ человѣка. Это самое обстоятельство служить отвѣтомъ противъ тѣхъ, которые увѣряютъ, что, отдавая подселочную землю крестьянамъ, помѣщикъ лишается единственной годной части своего имущества и слѣдовательно всего имущества. Напротивъ того, именно на Сѣверѣ подсельная часть дачъ находится въ прямой зависимости отъ цѣлаго ихъ состава, и крестьянинъ, для поддержанія плодородія на своемъ участкѣ, долженъ постоянно нанимать покосы, отавы и угодія, оставшіяся за помѣщикомъ". Признавая далѣе, что душевой надѣлъ *двухъ десятины*, кромѣ усадебъ, будетъ весьма близокъ къ искомому размѣру тѣхъ участковъ, которые должны быть отведены крестьянамъ, находя, что подсельную землю въ лучшихъ частяхъ Россіи нельзя опредѣлить ниже 50 рублей, а въ худшихъ ниже 40, принимая въ расчетъ, что отчужденіе земли сопровождается освобожденіемъ помѣщика отъ многихъ и весьма отяготительныхъ обязанностей, отъ постройки послѣ пожаровъ, содержанія во время голода, отвѣтственности передъ полиціею и т. д., авторъ находитъ, что вознагражденіе за отчуждаемую землю вмѣстѣ съ усадбою должно равняться въ лучшихъ земляхъ 88, а въ худшихъ 70 рублямъ. Уплачивая такую сумму, казна должна получать съ крестьянъ погодно въ уплату, въ видѣ процентовъ съ погашеніемъ, не свыше 5%, т. е. не свыше 4 р. 40 к. въ лучшихъ и 3 р. 50 к. въ худшихъ земляхъ ¹⁾.

¹⁾ Въ бумагахъ А. И. Кошелева сохранился сдѣланный Хомяковымъ по этому же предмету набросокъ, гдѣ встрѣчаемся съ нѣсколькими нѣмѣнной расцѣпкой. Оцѣнивая пахатную землю въ 35—32 р. за десятину. здѣсь Хомяковъ предлагаетъ освободить крестьянъ по нормальной оцѣнкѣ 70—80 р. сер. за душу. По этому проекту въ хлѣбородныхъ губерніяхъ помѣщикъ долженъ былъ получить 80 руб. сер., а крестьянинъ 2¹/₂ десятины на душу; въ мѣстахъ менѣе хлѣбородныхъ помѣщикъ получалъ бы 70 руб., а крестьянинъ 2¹/₂ дес. Крестьяне обязаны были уплачивать въ теченіе 33 лѣтъ кредитнымъ учрежденіямъ, въ видѣ поземельной подати, ежегодно: въ первомъ случаѣ 1 р. 80 к. съ десятины, а во второмъ—1 р. 60 к. Это составитъ за душевой надѣлъ въ хлѣбородныхъ мѣстностяхъ 4 р. 10 к., а въ менѣе хлѣбородныхъ—3 р. 46 к. Біограф. А. И. Кошелева, т. II, стр. 104.

Принимая общее число надѣловъ круглымъ числомъ въ 11 милліоновъ, всю сумму, которую придется уплатить, можно опредѣлять приблизительно въ 869, или круглымъ счетомъ около 850 милліоновъ. Но изъ этой суммы необходимо вычесть казенный невыплаченный долгъ на дворянскихъ имѣніяхъ, доходящій до 450 милліоновъ; затѣмъ до 50 милліоновъ внесутъ сами крестьяне, такъ какъ многіе изъ нихъ найдутъ возможнымъ сразу уплатить выкупную сумму безъ помощи казны. Затѣмъ останется около 350 милліоновъ, для уплаты которыхъ собственно и нужно разыскать источники. Такіе источники заключаются въ государственныхъ богатствахъ. „Русское правительство, говоритъ Хомяковъ, владѣетъ множествомъ земель, лѣсовъ, заводовъ, и всѣ эти владѣнія, которыя были бы и должны быть источникомъ богатства для страны, не приносятъ почти никакого дохода, между тѣмъ какъ они представляютъ огромный капиталъ. Пусть исполнится хоть теперь и для разрѣшенія такой важной государственной задачи то, чего давно уже требовало разумное хозяйство; пусть продается для пользы общей то, что теперь существуетъ только для частной пользы чиновническаго міра, и нѣтъ сомнѣнія, что выручка будетъ огромная“.

Эту общую мысль Хомяковъ подробнѣе развиваетъ въ примѣненіи къ вопросу о продажѣ казенныхъ заводовъ. Такъ какъ слѣдуетъ ожидать, что покупателями заводовъ явятся по преимуществу иностранцы, то онъ съ особою силою отбѣиваетъ ту мысль, что „покупка *въсѣхъ* казенныхъ горныхъ заводовъ не можетъ быть дозволена *въсѣмъ* иностранцамъ безусловно“, и особенно онъ не сочувствуетъ продажѣ иностраннымъ *компаніямъ*, потому что онѣ *не натурализируются*, а обыкновенно высылаютъ получаемые ими проценты въ свое отечество. Но, съ другой стороны, онъ обращаетъ вниманіе на то, что наше горнозаводское производство нуждается и въ капиталахъ и особенно въ предприимчивости и знаніи дѣла. „Эта нужда, говоритъ Хомяковъ, такъ велика и, скажу

болѣе, такъ настоятельна при теперешнемъ соперничествѣ народовъ въ области промышленности, что, минуя всѣ невыгоды компанейской разработки нашихъ металлическихъ привокъ, необходимо допустить безусловно всѣхъ соискателей, изъ какого бы народа они ни были, къ покупкѣ первыхъ двухъ или трехъ казенныхъ заводовъ, назначенныхъ въ продажу. Этимъ значительно возвысится ихъ цѣна, что весьма нужно, и Россія приобрѣтетъ, въ дѣлѣ горнозаводскомъ, отличныхъ учителей, которымъ подражать станутъ всѣ будущіе и теперешніе владѣльцы такой же собственности. Дальнѣйшая продажа заводовъ и розсыпей должна оставаться въ пользу Русскихъ покупателей, и иностранные капиталы могутъ быть допущены только личные, а не компанейскіе. Точно то же правило должно быть, кажется, наблюдаемо и при продажѣ лѣсовъ, пустопорожныхъ дачъ и другихъ оброчныхъ статей. Такъ какъ вся выручка пойдетъ на выкупъ, то оба оборота можно соединить въ одинъ: „предложить помѣщикамъ получить вмѣсто денегъ безпроцентный листъ или книгу, представляющую цѣнность отходящей отъ нихъ къ крестьянамъ земли. Въ то же время пустить въ продажу казенныя дачи, лѣсныя, земляныя и пр. съ объясненіемъ, что при покупкѣ принимаются только эти книги (съ приплатою или недоплатою деньгами не болѣе 10%: приплата отъ покупателя, недоплата получается имъ отъ казны). Множество найдется помѣщиковъ, которые предпочтутъ такія книги, немедленно обращаема въ недвижимую собственность, чистымъ деньгамъ, по весьма простымъ причинамъ: во-первыхъ, ясно, что такая большая гуртовая продажа пойдетъ по пониженнымъ цѣнамъ; во-вторыхъ, купцы, желающіе приобрѣсти казенныя имущества, будутъ скупать у помѣщиковъ эти книги выше ихъ номинальной цѣны. Весь этотъ оборотъ дастъ казнѣ безъ сомнѣнія до 150 милліоновъ, и при немъ она сама не дѣлаетъ никакого расхода“.

Что касается того возраженія, что казенная собствен-

ность при совершении такой операции будетъ отчуждаться по сравнительно низкой цѣнѣ, то авторъ устраняетъ его указаніемъ на то, что въ настоящее время оброчныя статьи не даютъ казнѣ и двухъ процентовъ, между тѣмъ при данной операциіи казна получитъ плату съ освобожденныхъ крестьянъ пять процентовъ съ погашеніемъ, и слѣдовательно сдѣлаетъ самый выгодный оборотъ. Тѣшить себя надеждою, что когданибудь эти казенныя имущества будутъ давать доходъ близкій къ тому, который они могутъ давать въ частныхъ рукахъ, и слѣдовательно продаться съ большею выгодною, было бы дѣтскимъ самообольщеніемъ, котораго въ государственныхъ людяхъ, говоритъ Хомяковъ, я не могу предполагать“.

Послѣ указанныхъ предварительныхъ операций для приведенія дѣла къ концу придется сдѣлать заемъ на сумму приблизительно около 200 милліоновъ. „Есть ли какаянибудь причина бояться такого займа? Процентъ его составитъ, при дурныхъ обстоятельствахъ, десять милліоновъ (по 5%), при хорошихъ восемь милліоновъ (по 4%). Разница годовая два милліона. Предположимъ крайнюю низость курса и скажемъ, что наши пятипроцентныя облигаціи, которыя постоянно были десятью процентами выше альпари, упали на десять процентовъ ниже альпари (предположеніе вовсе невозможное): и тогда мы находимъ разницу только на 10 процентовъ номинальной цѣны или одного милліона процентовъ, всего трехъ милліоновъ лишней платы противъ самыхъ выгодныхъ обстоятельствъ. Такая разница, конечно, важная для Баваріи или Саксоніи, не должна и не можетъ ни на минуту останавливать Русское правительство, въ то время какъ оно совершаетъ перемѣну, которая должна быть вещественнымъ и нравственнымъ возрожденіемъ всего государства. Россія не княжество Рейсъ—Глейцъ или Рейсъ-Шлейцъ. Ее тремя милліонами не обѣднись, а при живомъ движеніи впередъ она и не замѣтитъ этой разницы“.

Государственная расточительность, какъ и расточительность частная, есть, конечно, большой порокъ; но есть минуты, въ которыя излишняя осторожность и бережливость обращаются во вредъ. Освобожденіе крестьянъ принадлежитъ къ разряду такихъ именно дѣлъ, въ которыхъ отсрочка расхода и желаніе избѣжать временнаго убытка могутъ или, лучше сказать, непременно будутъ имѣть самыя гибельныя послѣдствія. „Уже и теперь, говоритъ Хомяковъ, вслѣдствіе неопредѣленности общественнаго положенія, обороты становятся крайне затруднительными. Невозможность обращать недвижимую собственность въ подвижной денежный капиталъ посредствомъ займа въ кредитныхъ учрежденіяхъ обращаетъ ее въ мертвую хозяйственную залежь и роляетъ ея цѣнность; сомнѣніе на счетъ будущаго увеличиваетъ тяжесть настоящаго; общій застои и давленное положеніе оборотовъ подрываютъ частную дѣятельность, только что начинавшую оживляться и вмѣстѣ съ частнымъ кредитомъ и частною производительностью подрываютъ государственный кредитъ... При займѣ, совершенномъ въ скоромъ времени, всѣ обороты оживятся и кредитъ возвысится, слѣдовательно уже начнется эпоха лучшая и болѣе выгодная въ обще-государственномъ хозяйствѣ. Отложится заемъ: всѣ обороты замедляются, состояніе государства становится со дня на день худшимъ, кредитъ падаетъ еще ниже, условія займа становятся тяжелѣе съ каждымъ днемъ; а при выкупѣ, основанномъ на добровольномъ соглашеніи, сумма можетъ быть потребована вся неожиданно и, безъ сомнѣнія, въ гораздо большихъ размѣрахъ. Поэтому всякую отсрочку займа считаю я величайшимъ бѣдствіемъ, котораго нѣкоторыя предвзвѣшенія имѣемъ мы уже теперь отъ остановки приѣма имѣній подъ залогъ въ кредитныхъ учрежденіяхъ“.

Изложивъ такимъ образомъ начала, которыя должны были лечь въ основаніе предстоящей крестьянской реформы, Хомяковъ предлагаетъ затѣмъ программу проекта самой ре-

формы, представляющую примѣненіе на практикѣ вышеназванныхъ началъ.

Въ заключеніе своего письма Хомяковъ ставитъ слѣдующій вопросъ. Часть крестьянъ, по его проекту, немедленно же должна получить свободу съ землею частію вслѣдствіе отчисленія за долгъ кредитныхъ учрежденій, частію вслѣдствіе взноса отъ самихъ же крестьянъ: но въ какомъ же положеніи должны остаться тѣ изъ нихъ, которые не войдутъ въ эту категорію и выкупъ за которыхъ будетъ внесенъ правительствомъ въ продолженіе отъ одного до четырехъ лѣтъ? Для рѣшенія этого вопроса можно избрать два пути: крестьяне или немедленно получаютъ свободу съ землею съ обязательствомъ вносить чрезъ правительство помѣщикамъ шесть процентовъ съ слѣдующаго послѣднимъ капитала, или они въ продолженіе этого срока (отъ одного до четырехъ лѣтъ) остаются въ прежнихъ отношеніяхъ къ помѣщику — съ полнымъ сознаніемъ своихъ будущихъ правъ и своей очереди къ выкупу.

Эта записка Хомякова не лишена нѣкоторыхъ слабыхъ сторонъ. Принимаемый имъ, напр., душевой надѣлъ въ двѣ десятины при дѣйствительномъ освобожденіи крестьянъ признанъ былъ почти самымъ минимальнымъ, и во всякомъ случаѣ онъ оказался далеко не близкимъ къ размѣру тѣхъ участковъ, которыми надѣлены были крестьяне въ большинствѣ губерній. Предлагаемый имъ, далѣе, проектъ финансовой операціи, основанный на продажѣ казенныхъ имуществъ, весьма симпатичный въ принципѣ, отличается значительною сложностью и поэтому едва-ли могъ быть пригоденъ для данной цѣли: здѣсь рѣшеніе одного сложнаго вопроса обуславливается предварительнымъ рѣшеніемъ другого сложнаго же вопроса, вслѣдствіе чего рѣшеніе перваго сильно затрудняется. Но въ оправданіе Хомякова необходимо замѣтить слѣдующее. Надѣлъ въ двѣ десятины взять имъ, такъ связать, на ско-

рую руку, какъ приблизительная данная, которую необходимо было положить въ основаніе цифровыхъ выкладокъ; на дѣлѣ, при отпускѣ своихъ крестьянъ на оброкъ, какъ увидимъ ниже, онъ былъ гораздо щедрѣе. Что же касается проекта финансовой операціи, то онъ объясняется тѣмъ положеніемъ, изъ котораго онъ исходилъ: въ обществѣ существовало убѣжденіе, выдаваемое за несомнѣнное, что у правительства нѣтъ ни денегъ, ни кредита; члену тогдашняго русскаго общества, официально неосвѣдомленному, трудно было провѣрить это положеніе. Къ тому же Хомяковъ, сообразно съ характеромъ взятой на себя задачи, долженъ былъ разсматривать осуществленіе своей завѣтной мысли при самыхъ неблагоприятныхъ условіяхъ.—И за всѣмъ тѣмъ разсмотрѣнная записка его представляетъ памятникъ въ своемъ родѣ замѣчательный. Не говоря уже объ основной мысли записки, требовавшей освобожденія крестьянъ съ землею на условіяхъ одновременнаго, однороднаго и обязательнаго выкупа,—мысли, которая говоритъ сама за себя,—она блещетъ цѣлымъ рядомъ другихъ выдающихся достоинствъ. Какая широта, всесторонность и, такъ сказать, предусмотрительность въ постановкѣ вопросовъ, какая тонкость ихъ анализа, какая трезвость и разумность въ ихъ рѣшеніи! Недаромъ Ростовцевъ, по прочтеніи записки, собирався, говорить, пригласить Хомякова для участія въ заведеніяхъ Редакціонныхъ Коммиссій¹⁾.

Одновременно съ теоретическимъ обсужденіемъ крестьянскаго вопроса Хомяковъ, какъ помѣщикъ, владѣлецъ нѣсколькихъ имѣній въ разныхъ губерніяхъ, производилъ опыты и практическаго его разрѣшенія. „Сколько мнѣ извѣстно, свидѣтельствуешь Самаринъ, онъ началъ управлять ими (своими имѣніями) самъ въ ранней молодости и, съ перваго шага, поставилъ себя въ прямые, непосредственныя отношенія къ

¹⁾ Намъ, впрочемъ, приходилось слышать и такое мнѣніе, что Ростовцевъ, вслѣдствіе скоро постигшей его смерти, съ запиской Хомякова не успѣлъ ознакомиться.

своимъ крестьянамъ. Онъ часто созывалъ мірскія сходки, выслушивалъ всѣ требованія и жалобы, дѣлалъ всѣ свои распоряженія гласно и открыто и никогда не прятался за личностью своихъ повѣренныхъ, какъ дѣлаютъ это многіе, добрые помѣщики, которые сознаютъ всю тяжесть вѣрстныхъ отношеній и не рѣшаются принять на себя отвѣтственности за порядокъ вещей, которымъ сами пользуются. За нѣсколько лѣтъ до выхода Высочайшихъ Рескриптовъ онъ приступилъ къ исполненію давнишней своей мысли, отмѣнить въ своихъ имѣніяхъ барщину и перевести крестьянъ на оброкъ. Онъ взялся за это дѣло не вдругъ и не сгорая, не подъ вліяніемъ досады на хлопоты и неприятности, сопряженныя съ отбываніемъ барщины, но обдумавъ зрѣло всѣ послѣдствія, и не скрывая отъ себя трудностей, которыя онъ долженъ былъ встрѣтить. Ему хотѣлось, во-первыхъ, чтобы новый, задуманный имъ, порядокъ осуществился не въ силу помѣщичьяго полноправія, а по обоюдному соглашенію съ крестьянами, и, во-вторыхъ, чтобы этотъ порядокъ оправдался въ своихъ послѣдствіяхъ не какъ милость, на которую нѣтъ ни образца, ни мѣры, а какъ вѣрный расчетъ, выгодный для крестьянъ и вовсе не разорительный для владѣльца. Переговоры его съ крестьянами въ имѣніи, съ котораго онъ началъ, продолжались довольно долго; каждый пунктъ предложенныхъ имъ условій обсуждался на сходкахъ, и нѣкоторыя изъ нихъ были измѣнены, по требованію крестьянъ: по окончательномъ утвержденіи всѣхъ статей, положено было, въ случаѣ споровъ и недоразумѣній, обращаться къ третьей-скому разбирательству. Черезъ два года крестьяне другой деревни, принадлежавшей Хомякову, сами, при мнѣ, приходили просить его, чтобы онъ и ихъ перевелъ на то же положеніе, и, если я не ошибаюсь теперь (1860) уже во всѣхъ, или почти во всѣхъ, имѣніяхъ его барщина замѣнена оброкомъ¹⁾. Это свидѣтельство непосредственнаго наблюдателя

¹⁾ Сочин. Ю. Ф. Самарина, т. I, 249—250. Раньше въ Русск. Вѣст. 1860 г. цѣ память объ А. С. Хомяковѣ, стр. 69—70.

является какъ бы логическимъ выводомъ изъ данныхъ, заключающихся въ письмахъ самаго Хомякова. Къ осуществленію своей давнишней мысли о переводѣ крестьянъ на оброкъ онъ приступилъ въ 1848 году. „Въ скоромъ времени (т. е. недѣли черезъ четыре), пишетъ онъ въ этомъ году А. Н. Попову, пошлю вамъ *ряду* съ крестьянами. Она почти совершена, но еще кое о чемъ торгуюся. По моему, это величайшій актъ ихъ добросовѣстности“¹⁾. Успѣшный ходъ дѣла въ одной деревнѣ побудилъ Хомякова обратиться съ тѣмъ же предложеніемъ и къ другимъ деревнямъ. „Надобно“, пишетъ онъ въ томъ же году, „побывать въ трехъ деревняхъ и предложить въ двухъ деревняхъ *ряду* крестьянамъ. Разумѣется, на заключеніе ея положится годовой срокъ, а предложеніе будетъ сдѣлано непременно нынѣшній годъ. За это нужно взяться уже не на словахъ, а на дѣлѣ. Я увѣренъ, что если къ нему приступить путемъ обычая, оно не представитъ тѣхъ великихъ трудностей, которыя пугаютъ наше воображеніе, налаженное на идею формальныхъ сдѣлокъ. Надобно надѣяться на совѣсть“²⁾. Надежда на совѣсть не обманула Хомякова. „Не знаю“, пишетъ онъ тому же Попову въ концѣ 1850 г. (1-го декабря), „писалъ ли я вамъ, что нынѣшній годъ мнѣ удалось *сдѣлать* въ одной деревнѣ *ряду* съ крестьянами. Минута была очень пріятная по той ясности, съ которою въ нихъ выражался совокупный смыслъ, явленіе рѣдкое вездѣ, а у насъ какъ будто неугадываемое“³⁾. Такія *пріятныя минуты* повторялись при каждой новой сдѣлкѣ. Жалуюсь на трудную и скучную работу, въ которой онъ провелъ осень 1852 г., Хомяковъ пишетъ: „вспоминаю объ ней не безъ удовольствія и живо чувствую то утѣшеніе, которое мнѣ доставили полный успѣхъ моихъ сдѣлокъ съ кре-

¹⁾ Русск. Арх. 1884 г. Выпускъ 4, стр. 289.

²⁾ Ibid., 300.

³⁾ Ibid., 313.

стьянами, ихъ благодарность и одобреніе многихъ помѣщиковъ, которые готовы, кажется, послѣдовать моему примѣру. Одинъ даже принялся за дѣло. Если это пойдетъ, то не даромъ я трудился, и думаю, что пользу я принесъ большую, чѣмъ всѣми возможными писанными мною статьями“¹⁾. Такъ высоко цѣнилъ самъ Хомяковъ свою дѣятельность въ этомъ направленіи. Разъ правильно поставленное, дѣло „уничтоженія барщины“, по сознанію самого Хомякова, у него „хорошо ладилось“. Въ письмѣ къ Самарину, отъ 6 августа 1852 г., онъ выражаетъ радость, что ему „неожиданно удалось сдѣлать сдѣлку (тамъ), гдѣ и думать не могъ—въ Смоленской губерніи съ двумя деревнями. Тутъ, добавляетъ онъ, очень ясно оправдалась мысль Кошелева о нравственной пользѣ хозяйства. Сдѣлка вышла возможною вслѣдствіе удачнаго хозяйственнаго оборота, и какъ это меня порадовало!“²⁾. А Кошелеву по тому же поводу онъ писалъ: „Въ Смоленской губерніи я нынѣшній годъ отпустилъ двѣ деревни на денежныхъ условіяхъ, т. е. на оброкъ, но съ общаго согласія и по запискѣ съ общею подписью съ обозначеніемъ земли и угодій, за которыя будетъ вноситься плата. Мало по малу всю барщину уничтожу и даже началъ въ двухъ мѣстахъ обдѣлку земли наймомъ, но еще въ очень маленькомъ размѣрѣ, а съ будущаго года усиливаю эту обдѣлку и для этого вѣроятно буду обзаводиться многими улучшенными орудіями“. Въ томъ же году онъ собирался „еще одну деревню отпустить на отсыпь, если прежде отпущенныя окажутся исправными. Признаюсь, добавляетъ онъ, я этимъ очень дорожу и хочется дѣло повернуть поскорѣе“³⁾.

Приведенныя изъ писемъ выдержки служатъ лучшимъ подтвержденіемъ и, такъ сказать, иллюстраціей вышеприве-

¹⁾ Ibid., 317.

²⁾ Ibid., 1879 г., кн. 8, стр. 388.

³⁾ Біограф. Кошелева, т. II, Прилож. № 24, стр. 110.

деннаго увѣренія Самарина, свидѣтельствующаго, что Хомяковъ, переводя крестьянъ съ барщины на оброкъ, хотѣлъ, во-первыхъ, „чтобы новый, задуманный имъ, порядокъ осуществился не въ силу помѣщичьяго полноправія, а по обоюдному соглашенію съ крестьянами, и, во-вторыхъ, чтобы этотъ порядокъ оправдался въ своихъ послѣдствіяхъ не какъ милость, на которую нѣтъ ни образца, ни мѣры, а какъ вѣрный расчетъ, выгодный для крестьянъ и вовсе не разорительный для владѣльца“. Этой именно вѣрности расчета слѣдуетъ, конечно, приписать то, что отпускаемые Хомяковымъ на оброкъ крестьяне въ разныхъ имѣніяхъ получали разный по объему душевой надѣлъ и вносили за него разную по величинѣ плату; вопросъ этотъ рѣшался, очевидно, послѣ зрѣлаго обсуждения всѣхъ мѣстныхъ условій. Любопытно то, что минимумъ душеваго надѣла его оброчныхъ крестьянъ равнялся 3 десятинамъ, между тѣмъ какъ въ известномъ уже намъ письмѣ къ Ростовцеву онъ искомою нормою считалъ 2 десятины. Въ нѣкоторыхъ оброчныхъ имѣніяхъ онъ почти всю землю отдавалъ въ пользованіе крестьянъ. Такимъ образомъ на дѣлѣ онъ былъ гораздо щедрѣе, чѣмъ на словахъ ¹⁾).

Для полученія полнаго представленія объ отношеніи Хомякова къ крѣпостному вопросу необходимо еще констатировать слѣдующій фактъ. Говоря въ письмѣ къ Ростовцеву о мѣрахъ, которыя должны быть приняты при осуществленіи проекта выкупа земли крестьянами, онъ между прочимъ замѣчаетъ: „Затѣмъ считаю долгомъ прибавить, что взысканіе годовой уплаты по совершеннымъ выкупамъ должно быть съ міровъ и производимо съ величайшею строгостью, посредствомъ продажи имущества, скота и т. д., особенно же посредствомъ жеребьеваго рекрутства съ продажей квитанцій не съ аукціона (ибо это унижительно для казны), но по положенной цѣ-

---

¹⁾ См. назв. сочнн. Семейскаго, т. 2, стр. 398—400.

нѣ, съ жеребьевымъ розыгрышемъ между повупщниками. Въ случаѣ крайней несправности должно допустить выселеніе цѣлыхъ деревень въ Сибирь, съ продажею ихъ земельного надѣла; но такихъ случаевъ почти быть не можетъ. Въ этомъ дѣлѣ неумолимая и, повидимому, жестокая строгость есть истинное милосердіе“. Тирада эта, при неумѣннѣ понять ее, можетъ родить мысль, что Хомяковъ былъ поклонникомъ системы, которая практиковалась при сборѣ государственныхъ повинностей въ злополучную эпоху „бионовщины“¹⁾. Но такое пониманіе приведенныхъ словъ было бы истинною нехѣпностью. Указаніе на истинную мысль Хомякова заключается въ словахъ: „но такихъ случаевъ почти быть не можетъ“. Дѣло въ томъ, что, по мысли Хомякова, крестьяне должны быть поставлены въ такія экономическія условія, при которыхъ „годовая уплата по совершеннымъ выкупамъ“ должна быть для нихъ дѣломъ возможнымъ и даже легкимъ. Ясно, что при такихъ условіяхъ несправнымъ плательщикомъ,—если исключить нѣкоторые несчастные случаи, которые должны быть принимаемы во вниманіе,—можетъ оказаться только несправимый лѣнтяй. А чѣмъ же другимъ можно побудить лѣнтяя къ труду, какъ не строгими и рѣшительными мѣрами, исключяющими всякую мысль о поблажкѣ. Не ясно ли, что „въ этомъ дѣлѣ неумолимая и, повидимому, жестокая строгость есть истинное милосердіе“. Но повторяемъ, что при предполагаемыхъ условіяхъ „такихъ случаевъ почти быть не можетъ“. Каковы были истинныя отношенія Хомякова къ крестьянамъ, это видно изъ факта, приводимаго Самаринымъ въ цитованномъ уже письмѣ его къ Погодину. „Въ числѣ немногихъ, собравшихся въ Даниловомъ монастырѣ въ день похоронъ (Хомякова), вы, напоминаетъ Самаринъ Погодину, конечно, замѣтили крестьянина въ дубленомъ тулупѣ, который не спускалъ глазъ съ заклю-

¹⁾ Такъ, повидимому, и понятіи приведеннаго слова Семеновскимъ. Ibid. 400.

ченнаго гроба и обливался горькими слезами. Эги слезы краснорѣчивѣе всякаго надгробнаго слова“.

Одинъ помѣщикъ, сосѣдъ по имѣнію Хомякова, по поводу смерти послѣдняго, пишетъ между прочимъ слѣдующее. „Всѣ, знавшіе здѣсь Алексѣя Степановича, чрезвычайно сожалѣютъ о немъ, а крестьяне плачутъ навзрыдъ“¹⁾. Когда одного Богучаровскаго крестьянина спросили: „каковъ у васъ баринъ?“—Онъ отвѣтилъ: „дай Богъ всѣмъ такого барина; *малютки не обидитъ!*“²⁾. Полагаемъ, что и эти слезы и этотъ отзывъ служатъ лучшимъ отвѣтомъ на увѣреніе Семейскаго, что графъ Растончина „имѣла право“ (въ одномъ своемъ пасквилѣ) сказать о Хомяковѣ:

Говорятъ, рука витіи
Для крестьянъ его строга.

Крестьянскій вопросъ не переставалъ интересовать Хомякова до самой его смерти. Будучи „глубоко убѣжденъ“, что предлагаемый имъ въ письмѣ къ Ростовцеву путь освобожденія „есть лучшій и даже единственный“, онъ пересылаетъ копію съ него Кошелеву и проситъ „пустить его (письмо) въ ходъ“. Въ то же время онъ выражаетъ опасеніе, какъ бы работающія въ Петербургѣ официальныя учрежденія излишней регламентаціей не запутали внутренняго устройства крестьянскихъ міровъ. „Если отъ васъ будетъ зависѣть, пишетъ онъ Кошелеву, не давайте путать внутреннее устройство міровъ... Ужасно патягиваетъ эта административная мудрость, точно въ омутъ: закружить, да и утопить. Вся эта регуляризація, все это абсолютное большинство никуда не годятся. Выдумывать напередъ казуистику не слѣдуетъ: пусть вопросы возникаютъ на практикѣ, а сомнительные случаи на сходкахъ очевидно должны разрѣшаться; если самъ міръ не разрѣшитъ, то

¹⁾ Моск. Вѣдом. 1860 г., № 212.

²⁾ Записано со словъ предлагаемаго вопроса.

третьими или, по моему, временнымъ княземъ, выбраннымъ ad hoc. Но и это будетъ рѣдко случаться. Комитетъ поступаетъ съ крестьянами, какъ неразумные воспитатели, которые, чтобы предупредить дѣтей отъ разврата, даютъ имъ его подробное описаніе. Опасность родится отъ излишней предосторожности, и положеніе, созданное Комитетомъ объ мірскихъ сходкахъ, убьетъ самую сходку... Не должно заковывать жизни, когда ее только пробуждаешь: дай ей просторъ и жди ея собственнаго ума. Въ Москвѣ одинъ баринъ по системѣ Галя дѣлалъ дѣтямъ своимъ желѣзные колпаки со всѣми шишками добродѣтели и разума. Изъ пяти трое умерли, а двое вышли дураками. Это фактъ "... 1).

За нѣсколько мѣсяцевъ до смерти (въ маѣ 1860 г.), онъ, въ письмѣ къ тому же Кошелеву, выражаетъ желаніе „предложить слѣдующія предварительныя мѣры, которыя облегчили бы выкупъ и всякую добровольную сдѣлку между помѣщикомъ и крестьянами“. 1) Отвернуть банки снова для залога и перезалога имѣній. 2) Недостатокъ денегъ наверстать четырехъ-процентными серіями. 3) Серіи принимать въ подушныя и при продажѣ казенныхъ земель и имуществъ, но не при откупныхъ уплатахъ, ни при штрафныхъ, и вообще ни при частномъ оборотѣ, когда курсъ долженъ быть вольнымъ. 4) Объявить что переводъ казеннаго долга, по добровольному соглашенію, на крестьянъ при такой-то мѣрѣ земли (не свыше 2 дес., кромѣ угодьевъ) не встрѣтитъ никакого затрудненія. Эти предложенія, заключаетъ авторъ письма, я „посылаю въ Питеръ и прошу отвѣта отъ Черкаскаго, Бунге и Милютина. Сообщи мнѣ свое мнѣніе, чтобы, если нужно, что нибудь измѣнить и пополнить“ 2). Успѣлъ ли Хомяковъ отправить свои предложенія „въ Питеръ“ и получилъ ли отвѣты отъ вышеназванныхъ лицъ, мы не знаемъ.

Изъ сказаннаго видно, какъ близокъ былъ сердцу Хо-

¹⁾ Русск. Арх. 1879 г., кн. 3, 297—298.

²⁾ Ibid. 298—299.

мякова крестьянскій вопросъ: онъ его не только продумалъ, но и почувствовалъ: Убѣдившись, послѣ первой попытки, въ невозможности обсуждать его въ печати, онъ въ интересахъ лучшаго разрѣшенія его пытается дѣйствовать на отдѣльныхъ лицъ посредствомъ частныхъ писемъ и въ то же время работаетъ надъ практическимъ разрѣшеніемъ его въ своихъ имѣніяхъ. Внимательно обсуждая финансово-экономическія и юридическія стороны крѣпостнаго вопроса, онъ съ особеннымъ вниманіемъ остававливается на сторонѣ нравственной и съ этою цѣлью горячо отстаиваетъ исторически выработавшуюся общину, разъясняя экономическое, юридическое и нравственно-воспитательное ея значеніе. Вообще, если ясно представить себѣ отношеніе Хомякова къ разсматриваемому вопросу и сопоставить его въ этомъ отношеніи съ другими современными ему дѣятелями, то нельзя не признать, что Хомяковъ здѣсь, какъ и вездѣ, былъ передовымъ членомъ нашего общества въ лучшемъ смыслѣ этого слова.

Занимаясь разработкой крѣпостнаго вопроса, Хомяковъ, какъ мы видѣли, долженъ былъ касаться и *юридической* его стороны. Но юридическіе вопросы интересовали его и сами по себѣ, своею теоретическою стороною, независимо отъ ихъ отношенія къ тѣмъ или другимъ практическимъ сторонамъ жизни. Такъ, у него прежде всего мы встрѣчаемся съ вопросомъ о томъ, можетъ ли право быть признано наукой самостоятельной, самобытной. При разсмотрѣніи этого вопроса онъ различаетъ въ наукѣ права двѣ стороны: историческую и, такъ сказать, метафизическую. Исторія права имѣетъ дѣло съ историческими данными, положительное развитіе которыхъ составляетъ ея содержаніе. Имѣя, слѣдовательно, свой предметъ, исторія права имѣетъ и основаніе для самостоятельнаго существованія. Нельзя сказать этого о наукѣ права, если разсматривать послѣднюю съ точки зрѣнія безотносительной, безусловной. Всякая самостоятельная наука должна имѣть свои начала въ самой себѣ. Какія же начала безусловнаго права?

Чтобы рѣшить этотъ вопросъ, необходимо сначала уяснить себѣ другой вопросъ, именно, вопросъ о томъ, что называется правомъ? Пока силы человѣка, умственные и тѣлесныя, въ своемъ проявленіи не встрѣчаютъ ограниченія, онѣ еще не составляютъ права. Не можетъ также считаться правомъ сила человѣка, ограниченная силами природы или силами другихъ людей: это не право, а сила стѣсненная. „Для того, чтобы сила сдѣлалась правомъ, надобно, чтобы она получила свои границы отъ закона, не отъ закона внѣшняго, который опять не что иное какъ сила (наприм. завоеваніе), но отъ закона внутренняго, признаннаго самимъ человѣкомъ. Этотъ признанный законъ есть признанная имъ нравственная обязанность. Она, и только она, даетъ силамъ человѣка значеніе права. Слѣдовательно, наука о правѣ получаетъ нѣкоторое разумное значеніе только въ смыслѣ науки о самопризнаваемыхъ предѣлахъ силы человѣческой, т. е. о нравственныхъ обязанностяхъ; точно такъ, какъ геометрія не есть наука о пространствѣ, но о формахъ пространства. Съ другой стороны, понятіе объ обязанности находится въ прямой зависимости отъ общаго понятія человѣка о всечеловѣческой или всемірной нравственной истинѣ, и, слѣдовательно, не можетъ быть предметомъ отдѣльнымъ для самобытной науки. Очевидно, что наука о нравственныхъ обязанностяхъ, возводящихъ силу человѣка въ право, не только находится въ прямой зависимости отъ понятія о всемірной истинѣ, будь оно философское или религиозное, но составляетъ только часть изъ его общей системы философской или религиозной. Итакъ, можетъ существовать наука права по такой то философіи или по такой-то вѣрѣ; но наука права самобытнаго есть прямая и яркая бессмыслица, и разумное толкованіе о правѣ можетъ основываться только на объявленныхъ началахъ всемірнаго знанія или вѣрованія, которыя принимаетъ такой или другой человѣкъ“¹⁾).

¹⁾ Сочин. т. 1, 14—15.

Требуя, такимъ образомъ, чтобы наука права исходила изъ началъ, признаваемыхъ вѣчными и неизбежными, Хомяковъ и отъ суда требовалъ, чтобы онъ преслѣдовалъ не одно лишь удовлетвореніе формальной законности, но чтобы онъ удовлетворялъ всѣмъ требованіямъ высшей внутренней правды, признаваемой обществомъ. Съ вступленіемъ на престолъ Александра II, въ виду ожидаемыхъ судебныхъ реформъ, наша печать съ особеннымъ вниманіемъ стала обсуждать относящіеся сюда вопросы, причемъ особенно тщательно отмѣчала выгоды судоустройства, гласности и т. д. Хомяковъ съ удовольствіемъ отмѣчаетъ это новое явленіе въ нашей жизни, но въ то же время скорбитъ о томъ, что хотя „вопросы затронуты“, но „общественное мышленіе, которое должно отвѣчать на нихъ, почти вовсе не пробуждено“. Общество возлагаетъ большія надежды на то, что въ сущности является дѣломъ второстепеннымъ. „Что судъ говоренный лучше суда письменнаго, что онъ доставляетъ гласность простѣе и полнѣе, что онъ сильнѣе привлекаетъ общественное вниманіе и, слѣдовательно, образуетъ самое общество въ смыслѣ гражданственности, что онъ развиваетъ въ несравненно высшей степени логику права и т. д. и т. д.,—это все несомнѣнно; но улучшеніе судебного организма въ обществѣ, очевидно, еще не завершается переходомъ отъ письменности къ живой рѣчи. Перемѣна остается еще въ области формальной... Есть какая то сухость и мертвящая холодность въ судебной письменности; есть даже въ ея правдѣ что-то отвратительное, отзывающееся неправдою: это такъ. Есть, напротивъ, какая-то живая торжественность въ судѣ говореномъ; есть какая-то теплая струя человѣческихъ сочувствій въ устной рѣчи адвокатовъ и докладчиковъ: это правда. Но сколько актерства въ торжественности, сколько шума, влопотанія, мыльной пѣны и брызговъ—въ струѣ адвокатскихъ рѣчей!“ Нельзя сказать также, чтобы новый судъ совершенно избѣгалъ такихъ недостатковъ стараго суда, какъ разо-

рительность, продолжительность и т. д. „Итакъ, переходъ изъ одной формы въ другую, высшую, полезень или просто необходимъ; но онъ еще далеко не соотвѣтствуетъ всѣмъ требованіямъ общественной правды“. Для удовлетворенія этой высшей внутренней правды, требованіе которой лежитъ въ глубинѣ человѣческой души, при постепенно возрастающей матеріализаціи обществъ, развивается дѣло кодификаціи, большая опредѣленность законовъ и утвержденіе казенной мѣрки правды. Съ торжествомъ послѣдней настоящая правда отходить на второй планъ, а ея мѣсто занимаетъ законность, иначе, законосообразность, т. е. правда внутренняя, абсолютная, замѣняется правдою внѣшнею, условною. Конечно, такая условность необходима, безъ нея миръ обществъ ни существовать, ни возстановляться послѣ нарушенія не можетъ. Но все же человѣку хочется человѣческой правды. И такъ какъ этому хотѣнію никто не въ правѣ отказать въ законности, то по этому „первымъ правиломъ всякаго гражданскаго общества должно быть признаніе человѣческой правды, какъ той цѣли, къ которой оно обязано стремиться. Это признаніе, по необходимости, сопровождается вѣрою въ святость, обязательность и силу правды для всѣхъ членовъ общества. Тутъ и должно искать точки отправленія для гражданскаго судопроизводства“. Но какъ доставить торжество этой человѣческой правды на дѣлѣ? Всякій искъ начинается обыкновенно предъявленіемъ какого бы то ни было нарушеннаго, или неудовлетвореннаго, или отыскиваемаго права. „Если искъ безспорный, и право признано всѣми, вопросъ остается въ области административной, и удовлетвореніе истца должно послѣдовать въ самомъ скоромъ времени. Всякая недобросовѣстная попытка затормозить правое рѣшеніе вопроса легко можетъ быть устранена. Но какъ быть въ томъ случаѣ, если возникшій споръ не легко поддается рѣшенію и въ истинности того или другого рѣшенія возникаетъ сомнѣніе? Если есть сомнѣніе, общество уже должно допустить, что самая

правда неясна, и, слѣдовательно, неясна по преимуществу для тяжущихся, которыхъ личныя выгоды, по необходимости, ослѣпляютъ болѣе или менѣе. Вопросъ уже предлежитъ объ уясненіи самой правды, дабы она открылась всѣмъ и по преимуществу тѣмъ самимъ, чьи права подали поводъ къ недоразумѣнію. Тутъ исчезаютъ истецъ и отвѣтчикъ: остаются только люди, ищущіе правды. Но личныя страсти, присущія человѣку, затемняютъ ихъ разумъ. Они выбираютъ *третьихъ*; а третьи—это они же сами, но внѣ вліянія ихъ страстей. Согласіе третьей рѣшаетъ всякій вопросъ, не стѣсняясь никакимъ положительнымъ правиломъ законодательства, разумѣется, только въ отношеніи къ самимъ тяжущимся“...

„Самая страсть къ тяжбамъ, страсть разорительная и безнравственная, болѣе обыкновенная въ земляхъ судоустройства, чѣмъ судописанія, исчезнетъ. Есть сила отрезвляющая въ тихомъ, безформенномъ и безшумномъ посредничествѣ третьей, есть въ немъ какое то невольное пробужденіе совѣсти и чувства правды, есть что-то враждебное страстямъ“. Къ этому нужно добавить большую доступность третейскаго суда для бѣдныхъ. Но и это еще не все. Свобода третейскаго суда отъ стѣсненія буквою важнѣе всѣхъ другихъ соображеній. Въ немъ начало правды общей, человѣческой, становится непремѣнно на первое мѣсто, а правда временная и условная становится уже въ отношенія служебныя къ ней. Нужно помнить, что законъ гражданскій есть произведеніе и показаніе *средней нравственной высоты* общества въ данную эпоху; но начала и возможность большей высоты всегда лежатъ въ самомъ обществѣ и легко достижимы для суда третейскаго, между тѣмъ какъ они недоступны суду, закованному въ формальность, что особенно слѣдуетъ сказать о судѣ письменномъ. Особенно важное преимущество третейскаго суда заключается въ томъ, что „всѣ формы гражданской тяжбы, доселѣ употребляемыя, суть исканія суда; третейскій судъ есть исканіе правды. Въ другихъ сила правды

въ судѣ, въ немъ сила суда въ правдѣ. Слѣдовательно, третейскій судъ нравственно выше другихъ, во сколько исканіе правды выше исканія суда“.

Правда, эта точка зрѣнія, подкупая своею теоретическою стороною, можетъ многое потерять въ практическомъ примѣненіи: здѣсь соображенія, основанныя на практическихъ выгодахъ и удобствахъ, ставятся гораздо ниже соображеній, основанныхъ на отвлеченныхъ началахъ. Тѣмъ не мѣнѣе этой точкѣ зрѣнія слѣдуетъ отдать предпочтеніе; ибо въ данномъ случаѣ „важно не учрежденіе, какое бы оно ни было; а важно, начало, которое имъ вносится въ жизнь, или имъ развивается въ жизни. Важно не то, скоръ, удобенъ и дешевъ ли путь, по которому учрежденіе достигаетъ своей прямой, видимой цѣли (хотя, безъ сомнѣнія, это заслуживаетъ также вниманія); но важно то, куда этотъ путь, достигнувъ своей ближайшей цѣли, ведетъ общество. Всякій путь ведетъ дальше своей цѣли; ибо всякое частное учрежденіе не только разрѣшаетъ какую-нибудь, но непремѣнно ставитъ опять новыя задачи и указываетъ на дальнѣйшій ходъ общественной жизни. Наконецъ, важно то, какъ частное учрежденіе воздѣйствуетъ на всю цѣльность общей нравственности“. Въ этомъ отношеніи особенно поучителенъ Англійскій судъ присяжныхъ съ его непремѣннымъ требованіемъ единогласія; хотя его благодѣтельное вліяніе на Англійскую исторію не оцѣнено историками. „Самая вѣра въ голодъ, которымъ вымучивается единогласіе, есть явленіе великаго нравственнаго чутья. Гдѣ нѣтъ личностей (онѣ устраниются самымъ правиломъ суда присяжныхъ), тамъ спасающій невиннаго второе перетерпитъ противъ того, кому хочется казни виновнаго“¹⁾).

Это сужденіе Хомякова „О юридическихъ вопросахъ“

¹⁾ О юридическихъ вопросахъ, Русск. Бес. 1858 г., кн. 2. Сочин. т. I, 671—686. Высказанныя здѣсь теоретическія соображенія авторъ применяетъ къ Россіи; но этой части его статьи, по желанію повтора, мы коснемся въ своемъ мѣстѣ.

особенно цѣнно для его біографа. Начала юридическія и нравственныя обыкновенно или противопологаются другъ другу, какъ явленія различнаго порядка, или, при господствѣ утилитаризма, послѣднія приносятся въ жертву первымъ. Хомяковъ, для котораго дороже всего было торжество нравственнаго начала въ жизни, здѣсь, какъ и вездѣ, это послѣднее выдвигаетъ на первый планъ. Какъ въ своемъ общемъ взглядѣ на юридическую науку, онъ требуетъ, чтобы она въ своемъ основаніи исходила изъ началъ метафизическихъ, устанавливающихъ понятіе о человѣкѣ, какъ о нравственномъ существѣ, такъ и въ примѣненіи этой науки къ жизни онъ настаиваетъ на томъ, чтобы изъ юридическихъ формъ предпочтеніе отдавалось тѣмъ, которыя болѣе всего благоприятствуютъ цѣлямъ нравственнымъ. Здѣсь, какъ и вездѣ, Хомяковъ больше всего заботится о томъ, чтобы доставить торжество жизни надъ формой, духу надъ плотью.

III.

Ознакомившись съ юридическими воззрѣніями Хомякова, мы, незамѣтно, изъ области практической его дѣятельности перешли въ область научно-теоретическихъ его занятій. И это понятно: наука и жизнь, теорія и практика въ сознаніи Хомякова находились въ самой тѣсной, непосредственной связи. „Много, много практической науки въ наукѣ отвлеченной!“—воскликаетъ онъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Гильфердингу¹⁾. Прекрасную характеристику его отношенія къ наукѣ вообще встрѣчаемъ у того же Гильфердинга. Хомяковъ, говоритъ онъ, былъ человѣкомъ всестороннимъ по преимуществу, и вся многосторонность его занятій, его дѣятельности, составляла въ немъ живое органическое цѣлое.

¹⁾ Русск. Арх. 1878 г., кн. 2, 382.

Эту многосторонность, эту цѣльность онъ внесъ и въ свои ученые труды. Въ томъ его великая, безсмертная заслуга. Усвоивъ себѣ всѣ данныя западной науки, онъ совналъ ихъ односторонность. Онъ намъ сказалъ, что мы, что Россія призваны по преимуществу къ всестороннему, къ живому, органическому построению науки; ибо русскій народъ свободенъ отъ тѣхъ предрасудковъ и предубѣжденій, отъ того раздвоенія мысли, наконецъ, отъ той гордости прошлымъ, которые обуславливаютъ односторонность взгляда у западныхъ народовъ. И, не удовольствуясь общими умозрѣніями, онъ попытался выработать и развить тѣ живыя, органическія начала, на которыхъ должна быть построена всесторонняя исторія человѣчества. Исторія въ тѣсномъ смыслѣ, бытѣ, преданія, религія и философскія системы, памятники художественные и, наконецъ, языкъ, однимъ словомъ—всѣ проявленія человѣчества, начиная съ его колыбели, все подверглось его всестороннему анализу: во всемъ старался онъ доискаться жизненнаго значенія и все возвести въ органическое цѣлое. Этимъ то онъ и обозначаетъ начало новой эпохи въ развитіи русской мысли, русской науки; поэтому то и будутъ называть его „мужемъ начинанія“, какъ уже назвалъ его одинъ изъ почтенныхъ нашихъ писателей,—мужемъ начинанія жизненнаго плодотворнаго... Хомяковъ первый попытался свергнуть рабство нашей мысли предъ Западомъ; онъ возбуждалъ въ насъ сознание нашихъ народныхъ и общечеловѣческихъ началъ; онъ показывалъ намъ ихъ всеобъемлющее примѣненіе. При наступленіи новой эпохи нуженъ былъ такой всеобъемлющій начинатель...¹⁾ Дѣйствительно, онъ торжественно сознавался, что онъ *не любитъ авторитетовъ* и старался самолично докапываться до самыхъ корней всякаго научнаго знанія²⁾.

Въ основаніе наукъ гуманитарныхъ Хомяковъ полагалъ

¹⁾ Русск. Вѣсѣда, 1880 г., кн. II, 49—50.

²⁾ Сочин., 1, 78.

лингвистику. „Отъ изученія германской философіи, свидѣтельствуешь Гильфердингъ, Хомяковъ, не удовлетворившись ею, перешелъ къ мысли о необходимости новыхъ началъ для полного, живаго пониманія развитія человѣчества. Углубляясь въ исторію, въ исторію религій и философіи, онъ понималъ жизненную связь лингвистики съ этими науками. Онъ принялся за лингвистику какъ за предметъ вспомогательный для исторіи“¹⁾. „Хоть бы мы свою грамматику поняли!“— восклицаетъ онъ въ одномъ письмѣ къ Гильфердингу. „Можетъ быть, мы бы поняли тогда хоть часть своей внутренней жизни и то, что для насъ нѣтъ тѣхъ болѣзней, которыми страдаетъ Европа, а свои, и что вся система питанія, леченія и слѣдовательно общественной жизни должна быть своя“²⁾. Вотъ въ какую тѣсную связь ставитъ Хомяковъ языкъ народа съ его внутренней живнью.

Для занятія филологіей у Хомякова была блестящая подготовка. Мы видѣли, что онъ въ совершенствѣ владѣлъ тремя новыми языками (французскимъ, нѣмецкимъ и англійскимъ) и изучилъ языки классическіе (латинскій и греческій). Мало того. По свидѣтельству его ученика, извѣстнаго санскритолога К. А. Коссовича, „еще въ 30-хъ годахъ Хомяковъ читалъ и свободно изъяснялъ Ригъ-Веду, одну изъ труднѣйшихъ книгъ древнихъ индусовъ“. Но и это еще не все. „Независимо отъ изученія санскритскаго языка и другихъ арійскихъ вѣтвей, свидѣтельствуешь Гильфердингъ, онъ усвоилъ себѣ главныя основанія языка еврейскаго; онъ изучилъ остатки финикійскаго языка; многія страницы его великаго историческаго творенія (Записокъ о всемірной исторіи) свидѣлствуютъ, что онъ старался проникнуть въ сущность даже отдаленныхъ языковъ Азіи и Африки“³⁾. Въ частности, за изученіе еврейскаго языка, какъ и за изученіе

¹⁾ Русск. Бес. *ibid.*, 51.

²⁾ Русск. Арх. 1878 г., к. 2, 282.

³⁾ Русск. Бес. *ibid.*, 53.

греческаго, Хомяковъ принимался въ два приѣма. Въ его письмѣ, отъ 22 февраля 1860 г., между прочимъ читаемъ: „Самъ я довольно сильно трудился и, не смѣйтесь, кое-чему учился въ еврейскомъ языкѣ. Разумѣется, я столько же языкъ этотъ знаю, сколько и прежде; но убѣдился, что только русскій изъ всѣхъ европейцевъ можетъ понять восточные языки. Тамъ рѣшительно преобладаетъ, какъ у насъ, видовая или, лучше сказать, качественная флексія. Не знаю только ея собственнаго центра; у насъ это существительное“ ¹⁾).

Легко понять, что при такой массѣ столь разнообразнаго лингвистическаго матеріала Хомякову трудно было удержаться отъ изслѣдованій въ области филологіи. Этотъ матеріалъ, такъ сказать, давилъ его отвывчивую натуру и побуждалъ къ творческой дѣятельности. „Безъ васъ и Коссовича, пишетъ онъ Гильфердингу, я просто давлюсь этимологіями: никого нѣтъ, кому бы можно было хоть заикнуться объ нихъ“ ²⁾. Такое томительное состояніе продолжалось, конечно, не вѣчно; отъ времени до времени онъ находилъ слушателей, предъ которыми и проявлялъ давнишнюю его потребность высказаться. „Слушая изслѣдованія Хомякова о происхожденіи словъ, путешествуя съ его корнями изъ глубины Санскрита въ Готскую Библію Ульфилы и къ славнымъ памятникамъ святыхъ Кирилла и Меѳодія, преслѣдуя съ нимъ развитіе грамматическихъ формъ, перерожденіе звуковъ, по всѣмъ языкамъ индо-европейскимъ и семитическимъ, не знаешь, бывало,—свидѣтельствуешь Погодинъ,—чему удивляться больше: проникательности ли его умственнаго взора, силѣ ли его славянскою догадки, или его вдохновенному, пѣническому чутью. Онъ былъ рожденъ, казалось мнѣ тогда, для филологіи, не той нищенской, что у насъ въ модѣ, а филологіи высшей, кото-

¹⁾ Русск. Арх. *ibid.* 388.

²⁾ *Ibid.* 380.

рал соприкасается, съ одной стороны, философіи, а съ другой— исторіи¹⁾.

За сравнительную филологію Хомяковъ, по свидѣтельству Гильфердинга, принялся еще „въ 30-тыхъ годахъ, когда только начинала выходить сравнительная грамматика Боппа, когда сравнительное законовѣденіе было еще новостью даже въ западной наукѣ, и когда важность его для исторіи едва ли кто и подозрѣвалъ. Собравши, вмѣстѣ съ Пановымъ, лучшую бібліотеку по части славянскихъ нарѣчій, изучивши ее, Алексѣй Степановичъ обратилъ особенное вниманіе на языкъ санскритскій, какъ на древнѣйшую изъ вѣтвей арійскихъ. Онъ первый высказалъ мысль, что между вѣтвями арійской рѣчи, которыя всѣ связаны взаимнымъ средствомъ, ближайшее и какъ бы частное, семейное сродство соединяетъ три восточныя вѣтви: индійскую, литовскую и славянскую. Эта мысль, которая еще не принята на западѣ, для насъ сдѣлалась несомнѣнною по сличеніи лексическаго матеріала поименованныхъ языковъ, и мы (Гильфердингъ) выразили ее печатно²⁾. И дѣйствительно, уже въ первой части своихъ *Записокъ* о всеобщей исторіи, начало которымъ положено еще въ 30-хъ годахъ, мы встрѣчаемся съ яснымъ и отчетливымъ представленіемъ и достаточнымъ обоснованіемъ этой мысли. „Нѣтъ, читаемъ мы здѣсь, человѣка просвѣщеннаго, съ достаточнымъ безпристрастіемъ, чтобы пользоваться своимъ просвѣщеніемъ, который при самомъ поверхностномъ изученіи славянскаго языка не долженъ бы былъ понять, что изъ всѣхъ нарѣчій Европы нѣтъ ни одного, которое бы такъ близко было къ санскритскому“... Если у филолога „есть чувство истины художественной въ звукахъ, онъ замѣтитъ, что рѣчь славянская полногласіемъ своимъ и характеромъ звука одна только (можетъ быть, даже болѣе Зенда) повторять въ ухѣ впечатлѣ-

¹⁾ Русск. Вѣст. Ibid. 7.

²⁾ Ibid. 51—52.

ніе, произведенное санскритомъ“. Затѣмъ, на основаніи сличенія корней и словъ этихъ двухъ языковъ, авторъ приходитъ къ слѣдующему выводу. „Итакъ, вся общность жизни, которую мы замѣтили изъ сличенія и корней и словъ, вполне и искусственно развившихся, между племенемъ славянскимъ и Индустаномъ, общность, явно указывающая на долгое, мирное и просвѣщенное братство, относится ко временамъ доисторическимъ. Тогда уже составились всѣ слова, обозначающія оттѣнки мысли, знанія и бытія, тогда уже образовались названія всѣхъ степеней родства. Иные изъ нихъ извѣстны подъ тѣми же именами почти у всѣхъ выходцевъ Ирана: кельтовъ, эллиновъ и германцевъ... Другія, болѣе сложныя, сохранились почти у однихъ славянъ и индѣйцевъ... Изъ сличенія нарѣчій выходитъ заключеніе простое, ясное и неоспоримое. Слѣды древняго, общаго просвѣщенія, явные въ языкѣ санскритскомъ, глубоко запечатлѣны въ его славянскомъ братѣ. Оно было сильно и тѣсно связано съ бытомъ народнымъ, ибо отзывается живо послѣ 25 вѣковъ борьбы, страданій и чуждыхъ нашествій...“ Принимая во вниманіе нѣкоторыя соображенія, необходимо однако же признать, что просвѣщеніе это развилось не въ Индустанѣ, а въ Иранѣ. Изъ сказаннаго ясно, что „сравнительное языкованіе, которое не ставитъ славянскихъ нарѣчій въ основу всѣхъ европейскихъ языковъ, пропускаетъ среднее звено, соединяющее Европу и Иранъ и не можетъ привести ни къ какимъ дѣльнымъ выводамъ“. Конечно, такихъ выводовъ нельзя получить на основаніи однихъ лишь этимологическихъ догадокъ. „Догадки этимологическія, какъ и всѣ другія, отдѣльно ничего не значатъ: онѣ получаютъ смыслъ отъ сличенія всѣхъ данныхъ, какъ словесныхъ, такъ и фактическихъ“¹⁾. Вообще, сравнительной филологіи нельзя строить только на матеріальной основѣ слова, а необходимо принимать „въ соображеніе органическое развитіе мысли, облекающейся въ словесныя формы“²⁾.

¹⁾ Сочин. т. III, 398—399, 410, 414, 416.

²⁾ Русск. Арх. *ibid.* 366.

Кромѣ изслѣдованій и частныхъ замѣтовъ, разсѣянныхъ въ его Запискахъ по всеобщей исторіи, Хомякову принадлежить спеціальное изслѣдованіе по сравнительной филологіи: „Сравненіе русскихъ словъ съ санскритскими“, напечатанное въ Извѣстіяхъ Императорской Академіи наукъ ¹⁾), членомъ корреспондентомъ которой онъ состоялъ. Посылая эту работу Гильфердингу, Хомяковъ написалъ ему слѣдующее письмо. „Посылаю вамъ трудъ свой, о которомъ я уже вамъ говорилъ въ Москвѣ. *Совершенно онъ при всѣхъ возможныхъ препятствіяхъ и вдали отъ всѣхъ возможныхъ пособій, частію въ деревнѣ, частію на почтовыхъ станціяхъ и на заводы, между фабричныхъ работъ.* Сравнилъ я слишкомъ тысячу словъ санскритскихъ съ русскими, предпочитая вообще формы болѣе развитыя первообразнымъ для яснѣйшаго показанія сродства этихъ двухъ языковъ и удерживая только сходства самыя разительныя за исключеніемъ сомнительныхъ или даже несомнѣнныхъ, но требующихъ въ читателѣ большаго знакомства съ перерожденіемъ звуковъ. Если исключить сомнительныя и обозначенныя мною вопросительнымъ знакомъ слова и словъ пятокъ малорусскихъ или церковно-славянскихъ, которыя мною помѣщены по разсѣянности, останется еще болѣе тысячи, изъ которыхъ многія перешли черезъ цѣлый рядъ многосложныхъ развитій, какъ напр. кхуранасъ, джалабгу, гаваса и др. Я не принялъ въ соображеніе ни одного областного слова (кажется, за исключеніемъ мара), ни малорусскаго нарѣчія, ни даже бѣлорусскаго. При нихъ это число—тысяча—болѣе бы чѣмъ утроилось. Присоедините потомъ все богатство славянскихъ нарѣчій южныхъ и западныхъ, и тогда ясно будетъ такое сходство, которое доходитъ почти до тождества въ лексическомъ отношеніи. Такимъ образомъ трудъ мой, какъ онъ ни недостаточенъ (въ чемъ, разумѣется, я не сомнѣваюсь),

---

¹⁾ Отдѣленіе русскаго языка и словесности, т. VI см. Матеріалы для словаря и грамматики.

служить явнымъ подтвержденіемъ теоріи, вами высказанной (но впервые сознанный самимъ Хомяковымъ). Точно также изъ него ясно выходитъ, что языкъ славянскій и русское его нарѣчіе суть остатки первичной формациі и (кромѣ литовскаго) единственные въ мірѣ упдѣлвшіе остатки этой формациі. Кажется, даже послѣ бѣглаго взгляда на прилагаемый мною списокъ, ни одинъ разумный и добросовѣстный филологъ не усумнится поставить звуковое средство языковъ санскритскаго и русскаго внѣ всякаго сравненія съ средствомъ другихъ языковъ, даже эллинскаго, съ санскритскимъ (опять, разумѣется, за исключеніемъ литовскаго¹⁾).

Гильфердингъ просилъ Хомякова предпослать этому труду предисловіе. Хомяковъ, ссылаясь на печальное „состояніе нашей печатной словесности“, пишетъ по этому поводу между прочимъ слѣдующее (1854 г.): „А все еще я предисловія не написалъ. Да нельзя ли въ Ученыхъ Извѣстіяхъ безъ него обойтись? Вѣдь Лексиконъ (т. е. самую работу) пропустить, а предисловіе застрянуть. Право не съумѣю такъ написать, чтобы не вцѣпилось уже такъ сильно заронившееся подозрѣніе (цензуры). Легко сказать: надобно выразить мой особенный взглядъ на филологію для народовъ славянскихъ, т. е. затронуть вопросъ народности и той живой струи, которая протекаетъ во всѣхъ племенахъ славянскихъ, дѣлая ихъ явленіемъ особеннымъ и рѣзко отдѣльнымъ отъ другихъ народовъ. Да куда это меня заведетъ? И что подъ этимъ всѣмъ разумѣть будутъ?..“²⁾

При такомъ взглядѣ на задачу филологіи, взглядѣ, требующемъ, чтобы филологъ докапывался до „живой струи“, характеризующей народность, Хомяковъ, конечно, не могъ быть доволенъ существовавшими до него трудами по сравнительному языковеденію. „Западные ученые вообще, и герман-

¹⁾ Русск. Арх. *ibid.* 367—368. Писано, кажется, въ 1853 году.

²⁾ *Ibid.* 378.

скіе въ особенности, говорить онъ, посвятили въ нашъ вѣкъ безконечныя труды сравнительному языковеденію. Нельзя безъ благодарности упоминать объ ихъ заслугахъ и безъ сожалѣнія—объ односторонности ихъ направленія. Жизнь языка, а они это забыли, связана съ жизнью народовъ. Слово, вѣчный опекунъ мысли, никогда не уничтожаетъ ея свободы: оно съ нею развивается и упадаетъ, управляетъ ею и повинуется ей. И надъ этимъ живымъ и мыслящимъ словомъ ученость трудилась и трудится, какъ надъ мертвымъ камнемъ, въ которомъ ищутъ законовъ наслоенія, или надъ неподвижнымъ растеніемъ, въ которомъ слѣдятъ за сгущеніемъ сока и правильнымъ образованіемъ побѣговъ!¹⁾ Это неумѣнье понять духъ свободнаго развитія слова ведетъ ученыхъ къ слѣдующей односторонности. „При разборѣ языковъ, для опредѣленія братства нарѣчій съ другими индо-германскими нарѣчіями, принято правило: что похоже на санскритское, то принимать въ семью; что не похоже, исключать безъ милосердія и приписывать къ кому угодно, хоть къ Гогу и Магогу, но только не къ нашей родинѣ. Покойно и глубокомысленно! Это правило съ прибавкою необходимаго глагольнаго корня есть язва современной филологіи. Прекраснѣйшіе труды выходятъ изъ нея какъ изъ оспы, или трупами, или уродами. Здравомысленная критика, отвергнувъ всѣ мнимыя права за-Индскаго полуострова на самобытное населеніе, не можетъ допустить и языка его за мѣрило чистоты иранскихъ нарѣчій. Внутреннія войны, которыя въ продолженіе двадцатыхъ вѣковъ опустошали все пространство между скатами Гималаи и Цейлономъ, не были междуусобицами братьевъ, спорящихъ о первенствѣ, но враждою двухъ или трехъ разнородныхъ племенъ. Въ такомъ волненіи народовъ не могъ уцѣлѣть первобытный языкъ иранскихъ колонистовъ. Безпрестанныя нашествія иноземцевъ, египтянъ и ассиріянь, сомнительныя только для

---

¹⁾ Сочин. III, 376.

тѣхъ, для которыхъ все сомнительно, персіанъ, грековъ, бактрійцевъ, доказанныя или достовѣрными историческими сказаніями, или монетами Индо-Бактрійскаго царства, или преданіями Индіи, въ родѣ повѣстей о Кала-Явана и о священной коровѣ, наконецъ, потопа магометанскихъ нашествій отъ временъ Ганзевиловъ до Тимуровыхъ потомковъ, всѣ эти страданія внутреннія и внѣшнія не могли сохранить чистаго слова, переданнаго до-историческою стариною. Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ народы, принадлежавшіе Европейской системѣ, болѣе или менѣе подвергались тѣмъ же бѣдствіямъ; но рѣзкость фязіономіи бѣлыхъ семей доказываетъ, что онѣ не столько привяли въ себя чужеплеменной примѣси, сколько жители Индустана. Отвергая безусловно пустую надежду отыскать на берегахъ Гангеса всѣ корни языковъ, получившихъ начало свое изъ Ирана, мы не думаемъ отнимать у санскритскаго языка огромной важности въ этимологическомъ смыслѣ и даже первенства передъ всѣми другими парчїями той же семьи“. Вообще, Хомяковъ находилъ, что „ни одна семья человѣческая не имѣетъ права считать себя хранительницей первой человѣческой рѣчи. Самые смѣшанные языки, которые теперь идутъ подъ техническимъ и нѣсколько презрительнымъ названіемъ *lingua franca*, часто содержатъ въ себѣ первоначальныя формы, утраченныя въ языкахъ, гордящихся древнею самостоятельностью и древнею словесностью“¹⁾.

Кромѣ названныхъ сочиненій, филологическія изысканія Хомякова встрѣчаются въ его частныхъ письмахъ къ друзьямъ: нѣкоторыя изъ писемъ къ А. Θ. Гильфердингу представляютъ настоящіе филологическіе трактаты²⁾. Мы знаемъ также, что Хомяковъ результатами своихъ изысканій любилъ дѣлиться съ друзьями и въ устной бесѣдѣ, и эти бесѣды не

¹⁾ Ibid. 382—384.

²⁾ См. письма: II, V, VI, къ Александру Федоровичу и I письмо къ его отцу, Русск. Арх. 366—388.

оставались безплодными. Мы видѣли, что мѣсья о ближайшемъ семейномъ сродствѣ вѣтвей: индійской, литовской и славянской, высказанная печатно Гильфердингомъ, по свидѣтельству послѣдняго, впервые выдвинута была Хомяковымъ. Въ одномъ изъ писемъ послѣдняго встрѣчаемъ указаніе и на другое заимствование. „Вы, пишеть онъ Гильфердингу, высказали печатно мое мнѣніе о значеніи нашихъ безвласныхъ, и я вамъ за то искренно благодаренъ, особенно потому, что самъ никогда бы не собрался; но позвольте пополнить вами сказанное“ ¹⁾ и т. д. А чѣмъ былъ Хомяковъ для Коссовича это высказалъ послѣдній въ лекціи, читанной въ С.-Петербургскомъ Университетѣ, 7 октября 1860: „онъ (Хомяковъ) былъ благодѣтелемъ моимъ, говорилъ лекторъ, и онъ указалъ мнѣ, еще въ первой моей молодости, тотъ путь, которому я не перестану и не перестану слѣдовать въ моихъ трудахъ; его живое сочувствіе къ моимъ занятіямъ укрѣпляло и животворило меня и во все послѣдующее время“ ²⁾. Свою признательность Хомякову Коссовичъ выразилъ въ посвященіи ему своего изслѣдованія: „Четыре статьи изъ Зендавесты“... Здѣсь, въ посвященныхъ строкахъ, авторъ въ сжатыхъ, но сильныхъ выраженіяхъ характеризуетъ необыкновенныя качества „великой души“ (magnum animae) своего патрона ³⁾. Не нужно забывать, что Хомяковъ оказывалъ своимъ ученымъ друзьямъ и матеріальную поддержку, если они въ ней нуждались.

Чтобы покончить съ вопросомъ о филологическихъ занятіяхъ Хомякова, необходимо сказать еще о его статьѣ: „Нѣсколько словъ о глаголицѣ“. Оставляя въ сторонѣ тонкости его ученыхъ соображеній, для ознакомленія съ которыми необходимо обратиться къ самой статьѣ ⁴⁾, мы отмѣтимъ лишь

¹⁾ Ibid. 269.

²⁾ Русск. Вѣст. ibid. 89.

³⁾ Четыре статьи изъ Зендавесты, съ присовокупленіемъ транскрипціи русскаго и латынскаго переводовъ, объясненій, критическихъ примѣчаній, санскритскаго перевода и сравнительнаго глоссарія. Спб. 1861 г.

⁴⁾ Напечатана въ „Русск. Вѣстѣ“ за 1859 г., V; но почему то въ собраніи Сочиненій Хомякова не внесена.

тѣ выводы, въ которыхъ онъ приходитъ въ своемъ изслѣдованіи. „Вся кириллица, говоритъ авторъ, кромѣ буквъ, чуждыхъ греческимъ звукамъ, есть чистый сколокъ съ азбуки греческой: глаголица самостоятельна и можетъ происходить отъ древнѣйшей до-христіанской эпохи; но была-ли азбука у славянскихъ язычниковъ?“ Сдѣлавъ указаніе на сопоставленіе славянъ съ народами, имѣвшими письменность, Хомяковъ такъ отвѣчаетъ на поставленный вопросъ: „отсутствіе письменъ у народа мирнаго и торговаго, окруженнаго со всѣхъ сторонъ племенами грамотными, съ которыми онъ находился въ самыхъ тѣсныхъ, а иногда (какъ и до нашего времени) въ самыхъ утѣсенныхъ сношеніяхъ, вовсе невѣроятно а priori. Априорная догадка подтверждается вполнѣ свидѣтельствомъ Храбра, который, какъ всѣмъ извѣстно, говоритъ о *рѣзахъ*, по которымъ язычники-славяне *читали и гадали*“. Вотъ эти-то рѣзы, по мнѣнію автора, и положены были въ основаніе глаголицы. Въ славянскихъ областяхъ, находившихся подъ влѣдѣніемъ Византіи, утвердилась кириллица; но „по мѣрѣ удаленія отъ Византіи и сношеній съ нею, всѣ тѣ причины, которыя ратовали за новую азбуку, теряли свою силу. Греческія письмена были неизвѣстны народу, и между новообращаемыми ни чтецовъ, ни учителей для чтенія найти было нельзя. Продолжатели дѣла св. Кирилла попробовали воспользоваться готовыми данными, т. е., старою письменностью рѣзовъ, мало извѣстною, но и не вовсе неизвѣстною, знакомствомъ съ этою письменностью нѣкоторыхъ новокрещенцевъ и готовностью ихъ служить орудіемъ для распространенія ученія христіанскаго въ народѣ. Вотъ простая причина возстановленія рѣзовъ, пополненныхъ въ глаголицу для библейскаго перевода, но уже подъ вліяніемъ кириллицы... Итакъ, заключаетъ авторъ, кириллица была естественнымъ слѣдствіемъ проповѣди христіанской у восточныхъ славянъ, уже сильно напитанныхъ стихіей греческой; глаголица, т. е. пополненные рѣзы, была слѣдствіемъ той же про-

повѣди, но въ области, чуждой византійскому вліянію“. Окончательный выводъ такой: „въ церковной или христіанской грамотности у славянъ первое мѣсто по времени принадлежитъ кириллицѣ, отъ первоучителей; вторая отъ ихъ ближайшихъ учениковъ, рѣзамъ, измѣненнымъ въ глаголицу подъ вліяніемъ кириллицы... Слѣдовательно объ письменности были въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ общимъ достояніемъ всего славянскаго міра“.

По поводу этихъ соображеній Хомякова можно замѣтить слѣдующее. „Глаголическія буквы, скажемъ словами проф. А. И. Соболевскаго, въ полномъ ихъ составѣ *не имѣютъ по своему типу ничего сходнаго ни съ одною изъ извѣстныхъ азбукъ*. Изъ многочисленныхъ попытокъ ученыхъ указать источникъ глаголицы ни одну нельзя признать удачною“¹⁾. Въ виду этого указаніе Хомякова на „рѣзы“, какъ на источникъ глаголицы, само по себѣ не представляетъ ничего неправдоподобнаго. Нужно замѣтить, что у арабскихъ писателей есть прямыя намеки на существованіе у славянъ, по крайней мѣрѣ у руссовъ, письменъ. Ибнъ-Фодланъ въ своемъ извѣстномъ описаніи погребенія русса чрезъ сожженіе замѣчаетъ: „они (руссы) насыпали что-то въ родѣ холма, поставили по срединѣ его большой кусокъ дерева, на которомъ *написали* имена умершаго и царя руссовъ“ (921 г.); а Ибнъ-Аль-Надимъ въ своей „Книгѣ росписи наукамъ“ (около 987 г.) прямо говоритъ о существованіи *письменъ* у руссовъ. Такимъ образомъ указаніе на „рѣзы“, какъ на перво-основу глаголицы, не такъ наивно, какъ это можетъ показаться съ перваго раза. Бѣда только въ томъ, что объ этихъ „рѣвахъ“ мы не имѣемъ никакого представленія и поэтому обращаться къ нимъ для объясненія происхожденія глаголицы это то же, что одно неизвѣстное объяснять другимъ неизвѣстнымъ.

Для насъ, впрочемъ, важна въ данномъ случаѣ не до-

¹⁾ Древній церковно-славянскій языкъ. Фonetика. Москва 1891 г., стр. 22.

казываемая мысль, а тѣ условія, при которыхъ написана была Хомяковымъ разсматриваемая статья. „Третьяго дня, говорить онъ, получилъ я нѣсколько выпусковъ Извѣстій Императорскаго Археологическаго Общества, и въ нихъ догадки Изм. Ив. Срезневскаго о слѣдахъ глагольской нумераціи въ нашихъ лѣтописяхъ. Помимо вѣроятности самихъ догадокъ, меня занялъ самый вопросъ о глаголицѣ и кириллицѣ и вотъ мои результаты“. Ясно, что статья написана была экспромптомъ, безъ особой специальной подготовки; а между тѣмъ на ея страницахъ видны слѣды специального знанія, свидѣтельствующаго о знакомствѣ автора какъ съ самимъ трактующимъ предметомъ, такъ и съ положеніемъ разсматриваемаго вопроса въ наукѣ. Слѣдовательно, здѣсь, какъ и вездѣ, бросается въ глаза широкая начитанность Хомякова.

В. Завитневичъ.

(Продолженіе будетъ).

БОЛЬШОЙ КАТИХИЗИСЪ

Лаврентія Зизанія.

(Окончаніе)¹⁾.

ГЛАВА III.

Кълихивсь Лаврентія Зизанія, разсмотрѣвемъ со стороны плана, метода, эрудиціи и языка. Достоинства его.

Въ заключеніе нашего изслѣдованія скажемъ о томъ, какъ выполнилъ свою задачу Лаврентій Зизаній. Несомнѣнно, на его произведеніи должно было отразиться вліяніе той школы, которая воспитала его. Получилъ ли Лаврентій свое образованіе во Львовѣ или Острогѣ,—это, въ сущности, безразлично, потому что южно-русскія славяно-греческія школы, возродившіяся въ концѣ XVI и началѣ XVII в., имѣли одинъ и тотъ же типъ, система воспитанія и школьная программа едва ли имѣли какое-нибудь существенное различіе между собой. Главною цѣлю основанія греко-славянскихъ школъ; какъ видно изъ современныхъ свидѣтельств²⁾, было поднять уровень образованія въ юго-западной Руси, основаннаго на началахъ русской народности и православія. Стремленіе это сразу же выразилось въ заботахъ о возстановленіи пришедшихъ до крайняго упадка славянскаго языка и славянской богословской литературы. Но такъ какъ славянская литература въ тогдешнемъ ея видѣ была слишкомъ бѣдна для того, чтобы ею мож-

¹⁾ См. Труды Киев. дух. Акад. октябрь, 1898 г.

²⁾ Актіи Запад. Рос., т. IV, № 149; Актіи Юго-Зап. Рос. т. II, 2-е посл. л. Вишнецкаго.

но было ограничиться какъ въ школѣ, такъ и въ жизни, то по этому нуженъ былъ другой болѣе глубокой и болѣе плодотворный источникъ. Источниковъ такихъ въ то время было два: одинъ латинскій на западѣ, откуда можно было пересадить на русскую почву уже готовую латинскую мудрость и что, благодаря непосредственнымъ связямъ Польши съ западной Европой, было дѣломъ не особенно труднымъ, а другой на востокѣ и хотя съ несравненно большимъ трудомъ, но все таки можно было и отсюда насаждать плоды греческой науки. Къ этому послѣднему источнику русскіе и обратились, къ сожалѣнію, однако, положеніе греческой науки было таково, что они удовлетвориться ею никакъ ни могли. Тогдашняя греческая наука стояла не на высотѣ своего призванія; ею не довольствовались сами греки, которые отправлялись учиться на протестантскій западъ. Здѣсь то, на западѣ, именно въ освобождавшейся отъ схоластики наукѣ, всѣ видѣли восходящую зарю новаго просвѣщенія и потому сюда стремились всѣ, бѣжавшіе оковъ средневѣковой мудрости, даже православные. При всеобщемъ стремленіи къ возрождавшейся наукѣ не могли, конечно, устоять и русскіе; находясь въ постоянныхъ соприкосновеніяхъ съ протестантами въ продолженіе долгихъ лѣтъ, съ тѣми протестантами которые завели, какъ мы уже видѣли, такія же прекрасныя школы даже въ предѣлахъ юго-западной Россіи, что и у себя на родинѣ, православные не могли не заимствоваться отъ нихъ въ дѣлѣ своего образованія. Съ одной стороны, вслѣдствіе высокаго положенія науки у протестантовъ, а съ другой — неудовлетворительности ея у грековъ, южно-русскіе ревнители просвѣщенія основывали свои школы хотя и на чисто православной почвѣ, но въ то же время они не могли не внести въ нихъ кое-что и изъ протестантскаго элемента, который долженъ былъ дать форму этимъ школамъ, тогда какъ православіе должно было, такъ сказать, одушевлять ихъ. Въ самомъ дѣлѣ, трудно было на первыхъ порахъ выработать весь школьный строй: курсъ наукъ, методы преподаванія, классную дисциплину и вообще

педагогическій строй. Все это южно-русскія школы могли заимствовать и дѣйствительно заимствовали отъ протестантскихъ училищъ, въ чемъ удостовѣряетъ насъ самая жизнь тѣхъ и другихъ, до поразительности сходная между собою¹⁾. Самый курсъ наукъ состоялъ въ изученіи языковъ: русскаго, славянскаго, польскаго, греческаго и латинскаго, древнихъ поэтовъ, философовъ и историковъ, изучались такъ называемыя семь свободныхъ наукъ, подъ которыми извѣстны были: грамматика, логика, риторика, географія, ариметика и музыка. Но въ то же время здѣсь преподавались и духовныя науки: церковное пѣніе и чтеніе, св. Писаніе и преданіе, именно: ученіе отъ св. евангелій, посланій апостольскихъ, пророковъ, св. отцевъ, ученіе о добродѣтеляхъ, т. е. нравственное богословіе, ученіе о праздникахъ, что можно отнести къ предмету литургики.

Вновь основывавшіяся школы, способствуя поднятію уровня умственно-нравственнаго развитія общества, въ то же время достигали и другой, спеціальной цѣли, т. е. подготовленія людей, способныхъ отстаивать интересы православной церкви въ борьбѣ съ иноувѣрцами. Для успѣшнаго веденія борьбы этой православнымъ нужно было создать свою собственную богословскую науку, которая, не пренебрегая плодами латинско-протестантской богословской мысли, имѣла бы свое собственное направленіе, лежащее на началахъ православной доктрины. Такую науку въ разсматриваемое время православные и начали выработывать, насколько, конечно, было силъ и умѣнья, ассимилируя заимствованное сообразно съ своимъ духомъ и потребностями. Но что всего важнѣе было во вновь возникавшихъ училищахъ, такъ это самый методъ преподаванія, который, рѣзко отличаясь отъ схоластическаго, оказывалъ плодотворное вліяніе на богословствующую мысль, что отразилось на сочиненіяхъ ученыхъ, воспитавшихся по

---

¹⁾ Объ этомъ см. у Соголова, Отнош. протестант. и Россія, стр. 417—444.

такому методу. Въ то время, какъ въ латинскихъ школахъ главное вниманіе обращали на форму усвояемаго, въ греко-славянскихъ школахъ существенное значеніе придавалось тому, чтобы воспитанникъ какъ можно больше усвоилъ знаній и главнымъ образомъ—понималъ усвояемое. Изъ сохранившагося устава Луцкаго братства ¹⁾ видно, что въ греко-славянскихъ школахъ работы для ума давалось нисколько не меньше, чѣмъ въ латинскихъ училищахъ при схоластической системѣ воспитанія съ тою только существенной разницею, что въ первыхъ давался опредѣленный матеріалъ; здѣсь мысль дѣйствовала сообразно съ данными фактами и на основаніи послѣднихъ выработывала свои принципы, а не наоборотъ, какъ въ схоластикѣ, гдѣ факты подводились подъ заранѣе придуманныя правила. Слѣдствіемъ такой системы воспитанія въ воспитанникахъ должно было явиться развитіе реального направленія мысли и уваженія къ положительному методу познанія. Наконецъ, ко всему этому нужно еще присоединить и то, что при школахъ, какъ напр., львовской, острожской, были довольно значительныя бібліотеки. Здѣсь, кромѣ церковно-богослужебныхъ книгъ, мы встрѣчаемъ учебныя пособія по грамматикѣ, риторикѣ, музыкѣ, космографіи, философіи, исторіи и проч.

Понятно, что при такихъ средствахъ воспитанія и при своихъ несомнѣнныхъ дарованіяхъ, Лаврентій могъ получить прекрасное по тому времени образованіе. Лаврентій могъ прекрасно знать и дѣйствительно зналъ языки, а потомъ и вообще приобрести достаточный запасъ фактическихъ знаній, такъ что современники отзывались о немъ, какъ о мужѣ благочестивомъ и благоговѣйномъ, дидаскалѣ, витіи, приобрѣтшемъ хорошее знаніе греческаго языка ²⁾. Главное же приобретеніе Лаврентія состояло въ томъ, что воспитавшая его школа по-

¹⁾ Правила 10, 11, 12, приведен. у Флорова „Правосл. Церков. Братства“, стр. 112.

²⁾ Чт. общ. Истор. и Др., 1877 г., выд. I, стр. 5.

селила въ немъ навыкъ и уваженіе къ положительному методу въ разработкѣ науки, методъ, который онъ примѣнял и къ своему Катихизису. Отсюда же, наконецъ, онъ вынесъ и твердую рѣшимость посвятить свои силы на дѣятельность и пользу русскаго народа, его просвѣщенія и на пользу православной церкви. Такимъ образомъ, школьное вліяніе на Катихизисъ должно было сказаться: въ методѣ, которому Лаврентій слѣдовалъ при написаніи его, эрудиціи, начало которой было положено въ школѣ и въ его богословскихъ воззрѣніяхъ.

Не смотря на предметъ своего сочиненія Лаврентій, можно сказать, вполне слѣдуетъ положительному способу при раскрытіи своихъ мыслей. Изъ разсмотрѣнія Катихизиса ясно видно, что авторъ прежде, чѣмъ взялся за сочиненіе, прекрасно изучилъ свой предметъ, предварительно ознакомившись со всѣми источниками и сочиненіями, на основаніи которыхъ онъ хотѣлъ строить свою систему. Фактическая сторона у Лаврентія на первомъ планѣ и потому онъ старается всякое положеніе свое закрѣпить болѣе или менѣе длиннымъ рядомъ свидѣтельствъ св. Писанія и св. Преданія, выдающихся церковныхъ авторитетовъ и вообще большимъ или меньшимъ количествомъ фактическихъ данныхъ. Въ противоположность царившей тогда въ іезуитскихъ школахъ схоластикѣ, предпочитавшей общій отвлеченный принципъ реальному факту, — Лаврентій является мыслителемъ преимущественно съ противоположнымъ, реальнымъ направленіемъ мысли: прямой выводъ изъ факта является у него преобладающимъ логическимъ путемъ при обоснованіи мысли. Впрочемъ, онъ по временамъ прибѣгаетъ и къ сравненіямъ, которыя иногда бывають не вполне удачны, какъ напр., при сравненіи естества и личности въ Иисусѣ Христѣ, но вообще же онъ съ умѣніемъ пользуется ими, въ особенности, когда ведетъ полемику съ иновѣрными воззрѣніями. Этому методу Лаврентій и имѣлъ полную возможность слѣдовать. Какъ мы уже видѣли, онъ

пользовался всѣми средствами для того, чтобы получить солидные познанія не только въ богословіи, но и свѣтскихъ наукахъ. Своей обширной эрудиціей, которую можно видѣть даже при поверхностномъ чтеніи Катихизиса, Лаврентій вызываетъ изумленіе въ читателей. Въ каталогѣ писателей, сочиненіями которыхъ пользовался Лаврентій, не считая книгъ св. Писанія, находится до пятидесяти именъ и, конечно, онъ цитуетъ еще не всѣхъ, какъ это можно заключать изъ слѣдующихъ выраженій: „и отъ всѣхъ святыхъ богомольцевъ“, „всеи святіи богоноснии отцы“, „глаголетъ бо ся отъ богомольцевъ“ и др. По роду своему эрудиція Лаврентія самая разнообразная; кромѣ прекраснаго знанія св. Писанія онъ обнаруживаетъ основательное знакомство съ сочиненіями всѣхъ болѣе или менѣе выдающихся отцевъ и учителей церкви какъ западныхъ, такъ и восточныхъ. Онъ обнаруживаетъ обстоятельное знаніе каноновъ не только вселенскихъ, но и помѣстныхъ соборовъ; далѣе, онъ знакомъ, и довольно основательно, съ сочиненіями восточныхъ и западныхъ историковъ, ему также извѣстна была западно-русская полемическая литература, на что указываютъ, во-первыхъ, ссылки на извѣстную книгу Скарги, а во-вторыхъ, содержаніе полемическихъ отдѣловъ Катихизиса, говорящихъ о знакомствѣ со всѣми выдающимися произведеніями какъ латинской, такъ и русской полемической литературы. Наконецъ, источниками для Лаврентія служили: русскія лѣтописи, житія святыхъ, древнія богослужебныя книги и даже происшествія изъ современной жизни. Естественно, что при такомъ громадномъ обладаніи матеріаломъ нужно было особенное умѣніе автора воспользоваться имъ. Нужна была особенная ученая сноровка для того, чтобы критически отнестись къ нашей средневѣковой богословской литературѣ, которая была переполнена разнаго рода апокрифами, приходившими къ намъ сначала изъ славянскихъ земель, а съ XV—XVI в. и съ запада. Понятно, что отъ всякаго тогдашняго русскаго

богослова, если онъ имѣлъ желаніе сдѣлаться ученымъ, прежде всего требовалось умѣнье и рѣшимость отказаться отъ старыхъ воззрѣній на эту литературу. И Лаврентій, вообще можно сказать, вполне удовлетворяетъ этому требованію; онъ не всякій матеріалъ, какой только попадался подъ руку, беретъ для своего зданія, а, какъ и слѣдовало ученому изслѣдователю, сортируетъ его для того, чтобы отличить въ немъ хорошее отъ дурного. Главнымъ критическимъ правиломъ для него служить оцѣнка того или другого литературнаго памятника путемъ сравненія съ другими такого же рода, при чемъ памятникамъ, писаннымъ на латинскомъ и греческомъ языкахъ, онъ отдаетъ предпочтеніе ¹⁾. Въ частности, между греческими памятниками на первомъ планѣ у него стоятъ древніе списки: „а новыхъ книгъ греческаго языка не пріемлемъ и мы, говорилъ Лаврентій справщикамъ: искажены по сторонамъ“ ²⁾. Въ тѣхъ случаяхъ, когда рѣчь заходитъ о пониманіи того или другого спорнаго мѣста или отдѣльнаго выраженія въ памятникѣ, авторъ прибѣгаетъ и къ филологической критикѣ; таковъ, напр., разборъ имени ап. Петра ³⁾. Далѣе, по сравнительному своему достоинству источники, которыми Лаврентію приходилось пользоваться, располагаются такъ: на первомъ мѣстѣ стоитъ, конечно, св. Писаніе, а потомъ писанія св. отцевъ и учителей церкви, правила соборныя и апостольскія и, наконецъ, сочиненія историковъ въ качествѣ пособія.

Въ силу обширнаго знакомства съ твореніями отцевъ и учителей церкви и знанія св. Писанія, въ силу критическаго своего такта, вполне было естественно ожидать отъ Лаврентія, что произведеніе его и главнымъ образомъ его богословская сторона вполне будетъ удовлетворительной, вполне бу-

¹⁾ Преніе Лаврентія Зизанія съ игуменомъ Иліей, Тихомирова, т. II, стр. 88, 97—98.

²⁾ Ibid., стр. 88.

³⁾ Катихизисъ, л. 126 об.

детъ вѣрно ученію древней христіанской церкви. Дѣйствительно, его богословствованіе въ общемъ, можно смѣло сказать, вѣрно опредѣленіямъ церковныхъ каноновъ и практикъ древней церкви, но во многихъ частныхъ вопросахъ онъ не могъ устоять противъ иновѣрныхъ вліяній. Мы уже видѣли, каковы его воззрѣнія на таинства: священства, брака, евхаристіи и нѣкоторые другіе предметы, чтобы судить о томъ, на сколько Лаврентій поддался этому вліянію; онъ иногда высказываетъ на одинъ и тотъ же предметъ три разныхъ взгляда: православный, католическій и протестантскій (на таинство священства, напр.); во многихъ мѣстахъ становится въ противорѣчіе съ самимъ собою: на евхаристическую жертву онъ вообще держится православнаго воззрѣнія, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ—крайняго рационалистическаго мнѣнія, такъ что читатель можетъ недоумѣвать: что же такое евхаристія—истинное тѣло и кровь Христовы, или же просто хлѣбъ и вино? Чѣмъ человекъ спасается: искупительною ли смертію Іисуса Христа, или своими собственными страданіями, которыя онъ временно несетъ въ чистилищѣ и т. п. Всѣ эти ошибки и колебанія, не говоря уже о неточныхъ выраженіяхъ мыслей, ясно указываютъ на то, что Лаврентій не выработалъ себѣ еще яснаго и отчетливаго представленія относительно православнаго вѣроученія и въ этомъ-то колебаніи богословствующей мысли Лаврентія нельзя не видѣть вліянія школьнаго духа и направленія, которое на первыхъ порахъ было шатко и неустойчиво въ возникшихъ училищахъ. Вліяніе школы было особенно сильно и особенно отразилось на Катикизисѣ, такъ что и причину заданія его въ Москвѣ и нѣкоторые изъ историковъ¹⁾ видятъ въ интригѣ протестантовъ, старавшихся пропагандировать свои идеи при помощи его²⁾.

¹⁾ Соловьевъ, Огиошеніе протестант. въ Россіи, стр. 80.

²⁾ Вліяніе школы отразилось и на другомъ выдающемся дѣятелѣ того времени, Стефанѣ Звонарѣ, братѣ Лаврентія и въ такомъ же точно произведеніи, что и у послѣдняго.

Не могла, конечно, не отразиться на Катихизисѣ, въ особенности, гдѣ онъ носитъ слѣды католичества, и та среда, которая окружала вообще все тогдашнее южно-русское общество. Наконецъ, причина недостатковъ Катихизиса Лаврентія кроется еще въ недостаткѣ средствъ къ уясненію и правильному раскрытію истинъ православія, именно въ неразвитомъ состояніи той самой науки, противъ которой грѣшитъ Лаврентій. Лаврентій былъ піонеромъ въ томъ дѣлѣ, за которое принялся; до него никто не только изъ южно-руссовъ, но и вообще изъ православныхъ не писалъ катихизиса и первая попытка на этомъ поприщѣ М. Смотрицкаго кончилась неудачею. Обратиться за разъясненіемъ нѣкоторыхъ темныхъ вопросовъ некуда было; Востокъ въ это время самъ поддавался вліянію протестантизма: изъ извѣстнаго свидѣтельства Смотрицкаго видно, въ какомъ печальномъ положеніи находилось тамъ православіе. Конечно, свидѣтельству его нельзя придавать значенія несомнѣнной истины, но фактической стороны этого свидѣтельства отрицать нѣтъ возможности; сказать такъ рѣшительно и открыто ложь, которую не трудно было бы изобличить Кириллу Лукарису, бывшему въ постоянныхъ сношеніяхъ съ юго-западной Русью, Смотрицкій не могъ. Несправедливы были его подозрѣнія въ неправославіи относительно всей церкви, но они имѣли свою долю основанія по отношенію къ нѣкоторымъ лицамъ; такъ, напр., патріархъ Геннадій Схоларій, приказавшій предъ смертію сжечь четыре книги своего сочиненія, нѣсколько былъ склоненъ къ протестантизму въ ученіи о вѣрѣ, по мнѣнію нѣкоторыхъ историковъ¹⁾; его ученика К. Лукариса тоже обвиняли въ протестантизмѣ и опять съ большимъ или меньшимъ правдоподобіемъ²⁾. Но если неправославіе означенныхъ лицъ было

¹⁾ Мелегій Пигащъ, патріархъ александр., И. И. Малишевскаго, т. I, стр. 559—560.

²⁾ Соколовъ, стр. 427.

скорѣе гадательнаго, чѣмъ несомнѣннаго характера, то были и такіе іерархи, какъ Захарія Герганъ, митрополитъ Навпакты и Арты, катихизисъ котораго былъ въ обращеніи даже въ юго-западной Россіи, Наанаилъ Кавоцій, Христофоръ Ангель и др., которые были вполне преданы протестантизму ¹⁾. Оставалась Москва, и Лаврентій, дѣйствительно, ѣдетъ туда, но какъ оказалось и здѣсь были не чужды нѣкоторыхъ ложныхъ мыслей. Какъ видимъ, Лаврентію негдѣ было найти помощи въ своемъ затруднительномъ положеніи; болѣе или менѣе такъ, такъ училъ Лаврентій, учили и другіе, и нѣкоторыя богословскія мысли, какъ напр., о времени пресуществленія св. Даровъ, были ходячими въ современномъ богословскомъ мірѣ.

Историческая сторона въ Катихизисѣ также заставляеть желать лучшаго, въ особенности неудовлетворительность сказывается въ его повѣствованіи о принятіи христіанства Русью и въ повѣствованіи о началѣ заблужденія католиковъ относительно *filioque* ²⁾. Впрочемъ, упрека заслуживаетъ только послѣдній рассказъ, который Лаврентій не провѣрилъ по достовѣрнымъ источникамъ; что же касается вопроса о принятіи христіанства Русью, то Лаврентію, конечно, нечего было и думать о томъ, чтобы отнестись къ нему болѣе или менѣе критически. Для этого вопроса онъ имѣлъ у себя подъ руками очень богатый матеріалъ и при томъ въ полномъ смыслѣ сырой; благодаря послѣднему обстоятельству, здѣсь Лаврентію приходилось встрѣчаться съ неточностями, которыя и въ настоящее время представляютъ своего рода *terra incognita* и служатъ предметомъ спора и пререканій между учеными. Между тѣмъ о сравненіи тѣхъ научныхъ средствъ, которыми располагаетъ современная наука съ тѣми, которыми пользовался Лаврентій, не можетъ быть и рѣчи.

Языкъ, на которомъ былъ написанъ Катихизисъ, назы-

¹⁾ Мелетій Пигаць, пагр. алекс., т. I, стр. 572—573.

²⁾ Катихизисъ, л. 313.

вается „литовскимъ“ (оглавление его), а въ Преніи справщики замѣчаютъ, что они „языка полскаго неразумѣютъ“¹⁾). Но языкъ этотъ былъ собственно ни литовскій, ни польскій: онъ представлялъ собою смѣсъ самыхъ разнородныхъ элементовъ, которыхъ такъ много въ западно-русскомъ краѣ. На основаніи современныхъ намятниковъ, напр., Палинодіи Захарія Копыстенскаго²⁾), которая также написана на литовскомъ языкѣ, послѣдній представляетъ собою смѣшеніе главнымъ образомъ двухъ нарѣчій: бѣлорускаго съ оттѣнкомъ малорускаго, и польскаго, перемѣшаннаго въ свою очередь съ латинскими словами. Въ виду такой пестроты переводчику Катихизиса трудно было справиться, переводя его на славянскій языкъ, и потому многія слова его оставлены совсѣмъ безъ перевода (напр., „привлачаютъ“, „альбо“, и др.)³⁾). Что же касается языка приводимыхъ Лаврентіемъ мѣстъ изъ св. Писанія, то трудно сказать съ опредѣленностію, какимъ текстомъ Библии пользовался авторъ, или же онъ приводитъ ихъ вольно, какъ напр., слѣдующее пророчество Исаіи (VII, 14): „се дѣва во чревѣ зачнетъ, и породитъ сына, и прозовеши имя ему Еммануиль“⁴⁾ и др. Вообще же рѣчь Лаврентія течетъ плавно, читается легко и только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, благодаря неточному переводу, есть довольно темныя выраженія для пониманія. Въ извѣстныхъ случаяхъ онъ позволяетъ себѣ даже шутку („еретицы же иже суть Евтихій и Діоскоръ, иже и на зло скоръ“, или: „аще убо и паки вопрошаеша ся, то и паки реку ти и отчасти явлю ти, а не все скажу ти“)⁵⁾, отъ которой нерѣдко переходитъ къ энергическимъ выраженіямъ, особенно когда ведетъ полемику съ иновѣрцами; тогда у него выраженія въ родѣ „еретиче, злой

1) Лѣтопися, т. II, стр. 87.

2) Рус. Истор. Библиот., т. IV.

3) Катихизис., л. 154, 233, 163 об.

4) Ibid., л. 43.

5) Ibid., л. 43, 216

еретиче, блядословать“ и проч.¹⁾ встрѣчаются нерѣдко. Впрочемъ, не смотря на это, у Лаврентія нѣтъ злой, мелкой, направленной памфлетомъ бранчивости, ни часто встрѣчающейся въ нѣкоторыхъ современныхъ полемическихъ сочиненіяхъ фанатической злости, качества, особенно свойственныя латиноуніатскимъ полемическимъ произведеніямъ. Конечно, спокойный тонъ Лаврентія много зависѣлъ отъ самаго предмета сочиненія, но нужно замѣтить, что и онъ все-таки не вполне соответствуетъ величію тѣхъ истинъ, объясненіемъ которыхъ долженъ заниматься Катихизисъ и не имѣетъ въ себѣ той силы и важности, которою отличаются, напр., творенія отцевъ и учителей церкви.

Планъ, которому Лаврентій хотѣлъ слѣдовать при написаніи своего Катихизиса, виденъ въ его словахъ: „Сложене сіе святое (символь вѣры) уже есть раздѣлено на дванадцать стиховъ; обаче его и паки вторицей богословцы раздѣляютъ на три сіа части: на сотвореніе міра, на искупленіе и на освященіе и самъ убо Отцу твореніе, Сыну же искупленіе и Духу Святому освѣщеніе причитають. И нарицають Отца благоволеніемъ, Сына же содѣйствіемъ, а Духа святаго совершителемъ; обаче вѣждь се, яко пресвятая и живоначальная Троицы едина есть воля и едино дѣйство, понеже Отець вся Сыномъ въ Дусѣ Святомъ дѣйствуетъ; Сынъ же Божій такожде Самъ, якоже и Отець, дѣлаеть, подобнѣ и Духъ Святой, яже самъ хочеть, вся дѣйствуетъ. Се уже о благоволеніи, и о содѣйствіи, и о совершеніи рѣхомъ, рцемъ же прочее вкратцѣ и о сотвореніи міра“²⁾. Такимъ образомъ на основаніи приведенныхъ словъ можно думать, что Лаврентій хотѣлъ раздвоить Катихизисъ на двѣ части: въ первой онъ думалъ дать общее понятіе о Богѣ и Его отношеніи къ міру и главнымъ образомъ къ падшему человѣку, а во вто-

¹⁾ Катихизисъ, л. 384, 42.

²⁾ Катихизисъ, л. 14.

рой собственно догматической изложить полное и обстоятельное учение о Богѣ, Троичномъ въ лицахъ, о Существовѣ Его и личнѣхъ свойствахъ каждаго лица. Но не говоря уже о томъ, что подобный планъ былъ не вполнѣ удачно выбранъ для такой книги, какъ Катихизисъ, Лаврентій далеко не выполнилъ и его. вмѣсто того, чтобы послѣдовательно излагать свои мысли и строго держаться разъ намѣченныхъ рамокъ, онъ широко расплывается, говоря много такого, что не вытекаетъ непременно изъ предыдущаго. Онъ явно забываетъ цѣль своего сочиненія—дать народу книгу, въ которой бы въ сжатомъ и доступномъ видѣ были изложены главнѣйшіе догматы православной вѣры. Желая, вѣроятно, быть обстоятельнымъ и тѣмъ избѣгнуть всякаго рода недомолвокъ и темноты въ изложеніи, онъ перѣдко превращаетъ краткій отвѣтъ на предложенный вопросъ чуть не въ самостоятельный трактатъ, вслѣдствіе чего является неизбѣжнымъ повтореніе однихъ и тѣхъ же мѣстъ. А съ другой стороны, желая доказать, что истина находится въ православіи, а не въ католичествѣ или протестантствѣ, Лаврентій при всякомъ удобномъ случаѣ вступаетъ въ полемику съ послѣдователями того и другого и далеко уклоняется отъ дѣла. Этимъ послѣднимъ обстоятельствомъ объясняется внесеніе въ Катихизисъ такихъ трактатовъ, которые не имѣютъ никакого права на мѣсто въ немъ¹⁾. Строгой логической послѣдовательности не замѣтно нисколько; многіе отдѣлы не стоятъ даже во внѣшней связи между собою и присоединены другъ къ другу будто бы случайно²⁾.

¹⁾ Здѣсь помѣщаются вопросы и отвѣты на нихъ; о крестѣ—противъ протестантовъ, объ антихристѣ—противъ папства, о мѣстѣ происхожденія христіанской вѣры и вѣщеніи русскаго народа, о ностѣ въ субботу, объ исхожденіи Св. Духа, о единой главѣ, о чистилищѣ—вообще противъ католичества). Многіе трактаты находятся совсѣмъ не въ той части, въ которой имъ отведено было мѣсто по первоначальному плану автора (особенно въ этомъ отношеніи грѣшитъ послѣдняя часть догматическая).

²⁾ Неудовлетворительность Катихизиса именно со стороны плана созна-
Труды Киев. дух. Академіи. Т. I. 1899 г.

Большей послѣдовательностію отличается первая часть Катихивиса, гдѣ Лаврентій излагаетъ ученіе символа вѣры; здѣсь наблюдается нѣкоторая система и это, вѣроятно, потому, что при составленіи ея Лаврентій пользовался соотвѣтствующимъ отдѣломъ католическаго катихивиса, какъ это даетъ право заключать сходство того и другого,—сходство не только въ мысляхъ, но и въ выраженіяхъ, доходящее мѣстами до буквальности. Впрочемъ, и здѣсь заимствование было скорѣе матеріальнаго характера, чѣмъ формальнаго ¹⁾).

вали современники, какъ показываетъ нѣвѣстная критика въ Соловецкой рукописи: „Расположеніе сей книжицы сице должно быти. Первое по началу вѣрую во единого Бога все до конца, до созданія всея твари; по семъ отче нашъ все до конца, по семъ о любви и о десятословіи его сирѣчь о десятихъ Божиихъ заповѣдяхъ до конца, по семъ о седми святыхъ тайнахъ всѣхъ, по семъ о исхожденіи Пресвятаго и Животворящаго Духа отъ единого Отца“ (Соловец. Рукоп. л. 286 и об. 287., Правосл. Собесѣд., 1855 г., кн. II, стр. 151).

¹⁾ Приложение № 1. Параллельныя мѣста изъ Катихивиса Лаврентія Завенія катихивиса римскаго.

Вопросъ. Чего ради вѣра именуется католической, соборной?

Отвѣтъ. Понеже вси божественніи ученицы и апостолы во всю вселенную единогласно вѣру Христову проповѣдали и научиша и вси святіи богоносніи отцы, соборно сходящеса, вѣру апостольскую яже во Христѣ Бога утвердиша (л. 13 об.).

Вопросъ. Коего ради подобія тварь симъ именемъ нарицаеть Бога?

Отвѣтъ. Различнаго рода подобія: первое, ангели нарицаются божи того ради еже они суть помазанники Божіи, потомъ же и людие иже съдѣять на мѣстѣ егѣ и владычествуютъ чловѣка, обычай же есть писанію и чрево нарицати бога, иже объядющееса и пьяницы и прочіи статніи чловѣцы иже угождаютъ похотемъ

Kiedy i dla czego dwanaście artykułów wiary chrześcijańskiej są nam od Apostołów podane?

Wówczas, kiedy Chrystus Pan rozkazał Apostołom aby poselstwo za niego odprawowali i po całym świecie Ewangelią opowiadali. Wpierw nieżeli się rozeszli, dwanaście artykułów wiary chrześcijańskiej wydali (Rozdz. 1, art. 2).

Czemu stworzone niekiedy nazywamy Bogami?

Wiara nasza chrześcijańska tego nas uczy, że Pan Bóg jest icden naturą i istnością Bóstwa a trojaki w osobach. A że czasem Pismo S. proroki, także i siędzie bogami nazywa, nie czyni tego jako poganie czynili, którzy sobie wierę bogów głupie i bezbożnie wymyślali, ale dla osobliwej cnoty iakiey. Którą ma kto od Pana Boga, albo

Не достигъ такимъ образомъ Лаврентій Звзаній той цѣли, которую онъ имѣлъ въ виду при написаніи своего

своимъ акм Богу. Паки же и кумиры бѣси нарицаются божи имъ же по причастию не токмо подобіа ради гурдыни древниа по естеству же единъ Господь Богъ, праведный и истинный вседержитель и творецъ ѡсеа твари, сей достойно симъ именемъ нарицается богъ и есть тако (л. 254).

Вопросъ. На koliko частей раздѣляется сей святыи символъ?

Отвѣтъ. Сложеніе сіе святое уже есть раздѣлено на дванадцать стиховъ обаче и паки его вторичю богословцы раздѣляютъ на три сіа части: на сотвореніе міра, на искупленіе и на освященіе и симъ отцу убо твореніе, сыну же искупленіе, а духу святому освященіе причитають. И нарицають отца благоволеніемъ, сына же содѣйствіемъ, а духа святаго совершителемъ (л. 141).

Вопросъ. Чего ради они три мужа названи быша Исусами?

Отвѣтъ. Три ветховавѣтнихъ мужа: Навинъ, Сираховъ, Оседекъ „того ради“ были названи Исусами „еже они суть образъ и подобіе Исуса истиннаго, Господа нашего Исуса Христа быша. Понеже Исусъ Навинъ иже бѣ воевода сильный, поправый супостаты сыновъ израильтескихъ и введе Израмля въ землю обѣтованную. Исусъ же паки Сираховъ учитель бѣ премудръ въ бывшемъ вѣрѣ, а Исусъ и Оседекъ бѣ священникъ, соверши церковь Божію. Тако и Христосъ истинный Исусъ силою своею поправый неналистника рода человѣческаго и вѣрующихъ въ онъ въ

tez dla urzędu zwierzchności iakiej, którą na sobie kto nosi na podobieństwo niejake Bogiem go nazywamy. (Rozdz. II art. 8).

Co ma człowiek chrześcijański wierzyć i wierze iest części składowe apostołskiego?

Credo... na trzy części się dzieli. Wpierwszicy opisują nam pierwszą Osobę boskiej natury i przedziwnę sprawę jej około stworzenia świata. W drugiej części opisują nam drugą Osobę i tajemnicę ludzkiego odkupienia. W trzeciej szczęści o Duchu S. trzeciej Osobie boskiej, która iest początkiem i źródłem świętobliwości naszej (Rozdz. I, art. 4).

Co się znaczy przez to słowo Chrystus?

Именемъ Исусъ „wiele ludzi nazywano. Bo i syna Nawe, który na miejsce Moysesza nastąpił i lud przez Moysesza z Egiptu wybawiłny do ziemi obie caniey zaprowadził i syna także Iozdecha kapłana Iezusem nazywano. Iednak daleko słuczniey i przystoyniey Pana i Zbawiciela naszego tem imieniem zowiemy, który nie ieden narod, nie z niewoli egipskiej albo babilońskiej ale wszystek świat z niewoli szatańskiej wybawił i z Bogiem Oycem swym poiedmał. Dla czego to imie Ісзус iest przednie i мѣснне Zbawiciela naszego (Rozdz. III, art. 6).

Катихизиса и попытка его дать символическую книгу православной русской церкви окончилась неудачей. „Катихизисъ,

землю живыхъ сирѣчь во царствіе небесное введе. (Толкуется же Иисусъ Богъ избавилъ (об. 3, 4 л).

Вопросъ. Чесо ради воспоинаемъ время, еже при Понтійстѣмъ Пилатъ?

Отвѣтъ. Сего ради воспоинаемъ его (Пилата), дабы явлено было оно время, въ неже волею своею страсть пріять Господь нашъ Иисусъ Христосъ (л. 57).

Вопросъ. Чесо же ради Господь нашъ крестною смертію умре?

Отвѣтъ. Того ради, еже та смерть срамотѣе и люте и проклята; такою убо смертію злыхъ разбойниковъ осуждаху древле, смерти предающе и на крестѣ распинающе. Христосъ же Богъ нашъ сего ради крествухъ страсть пріять, яко да древомъ древнюю клятву разрушитъ, понеже Адамъ въ рай заповѣдь Божию преступи на отреченное древо рудѣ простеръ, коснуся и умре; Христосъ же во оградѣ крестною страстію адамово простертое дерзновение исправи (л. 59).—

Вопросъ. Повѣждъ ми, есть ли нѣкія свидѣтельства отъ святыхъ писаній о воображеніи таковыя страсти и смерти Христовы?

Отвѣтъ. Есть. Преображеніе страсти Христовой жертва Исакова, потомъ онаго змія мѣднаго повѣшеніе въ пустыни и накі преображеніе тому иже бысть древній агнецъ“ и потомъ приводятся пророчества Исаи, Захаріи и Давида (л. 62).

Czemuż to dołożono, iż za starostwa pilatowego Chrystus Pan był w zydowstwie umięczon?

Aby za opisaniem osób i czasu tem pewnieyszâ mieli wszyscy ludzie wiadomosc tak wielkiej i potrzebney rzeczy narod wi ludzkiemu (Roz. V, art. 3).

•Czyly ż to z trafaunku stało że Pan Chrystus na krzyżu śmierć podiâ?

Boska to była wola i rada, aby czatan, który był na drzewie pierwszych rodziców naszych z wyciężył, przez Chrystusa Pana na drzewie był zwyciężony, aby zkađ doczątek był śmierci, e tamtąd żywot powtał. Na krzyżu umrzeć była to hońba u zężywość wielka nie tylko u pogan, ale i w zakonie mozeyszowym: Przeklęty každy biwał który wisił na drzewie iednak syn Boży tak sromotną i okrutną śmierć chciał podiâć, aby tem więkzsze dobrodziejstwo i miłość ku rodzajowi ludzkiemu pokazał (Roz. V, 4).

Czemuż tę hystoryją meki pańskiej iak najczęściej mamy sobie przypominac?

Sam Pan Bóg zaraz skoro człowiek zgreszył te tajemnice Syna swego iednego przez rozmaite figury ludziom opowiadał. Abel, którego był brat rodzony z zazdrości zabił, Izaak ofiarowany, Boranek, którego byli Żudzi ofiarowali, gdyż nie woli z Egiptu wyszly; także i on waz miedziany, którego Mozeosz na puszczy wywyższył. figurą

напечатанный Филаретомъ, какъ въ то время не могъ быть названъ выраженіемъ вѣрованія всей русской церкви и слу-

Вопросъ. О погребеніи же Христовѣ чесо ради намъ страсть или смерть исповѣдуетъ?

Отвѣтъ. Того ради, дабы не сумлялися о смерти Христовѣ понеже тѣлеса и прочихъ мертвыхъ человекъ погребаютъ. О томъ убо Христовомъ воскресеніи писаша намъ вси евангелисти еже убо Христось въ новѣмъ Іосифовѣ гробѣ положенъ. И се сотвориша того ради, дабы никтоже не глаголаъ еже кто не воскресе (л. 63).

Вопросъ. Что есть страсть Христова?

Отвѣтъ. Страсть убо Христова воистину страшна есть и ужаса исполнена, понеже и вся тварь отъ основанія тогда колебашеся зане неисповѣдимы болѣзни и досады претерпѣ. Господь нашъ Іисусъ Христось кождо бо удъ святя его плоти безчестіе насъ ради пріятъ; черніе глава опаеваніе же святое лице его, прочее же и всего тѣлесе протяженіе на крестѣ и нѣсть убо возможно всего сего исповѣдати чело-

męki były Chrystusa Pana. Proroc-twa też Izaiasza proroka, Dawida i inszych tak iasne o tem są, że właśnie męcę Syna bożego tak opisali, iakoby na nią patrzyli (Rozdz. V, 5).

Co przez te słowa umarł i po-grzebion wierzyć mamy?

Byli niektórzy, co powiadali iż Pan Chrystus nie umarł na krzyżu. I przeto Apostołowie święci dla utwierdzenia wiary naszej dołożyli to, aby żaden nie wątpił, iż Pan Chrystus zawieszony na Krzyżu prawdziwie umarł i pogrzebion iest. Bo tak wszyscy Ewangelistowie świadczą, iż Pan Chrystus Ducha Bogu oddał. Albowiem Pan Chrystus był prawdziwym człowiekiem, a człowiek umiera kiedy się dusza jego z ciałem ożili. Dla tego (ro-worzyć, что погребенъ), abyśmy nie wątpili o śmierci jego. Bo to znak iest, że kto nmarł kiedy ciało jego bywa pohrzebione. (Rozdz. V, art. 6, 8).

Czuł że Pan Chrystus prawdziwie na cie i na duszy iakie albo boleści?

Iezely Pan Chrystus w spomniaw-szy sobie tylko na to, iako miał okrutne męki mieć cierpieć potem Krwawym cię pocił; což rozumieć mamy, iakie boleści czuł, kiedy istotne męg tak okrutne cierpiał? Nie było tego mieysca w cieie Chrystusa Pana, które by nie było zranione, głowa cierniem skluta, bok przebity, ręnce, nogi gwozdzi-ami przebite, twarz uplwaną, upo-liczkowana, wszystko ciało zbite, zranione. Na dusze także większą

жить символической книгой для всѣхъ ея чадъ, такъ и нынѣ не можетъ считаться свидѣтелемъ о тогдашнемъ вѣрованіи

вѣку, много бо бѣ поношенія и поруганія, яко же глагола въ 68 пс. Давидъ: ты бо, рече, свѣси поношеніе мое и студи мой и срамоту мою предъ тобою вси стужающіи ми поношеніе дождя душа моя и страсть (л. 45).

Вопросъ. Како убо и чѣмъ Христосъ во адъ сошеде?

Отвѣтъ. Псалмопѣвецъ Давидъ отъ лица Христова тако вошеде: яко не оставиши душу мою во адъ ни даси же преподобному своему видѣти истлѣнія (л. 64).

Вопросъ. Самъ ли Христосъ изъ мертвыхъ воскресе, или Богъ его воскресилъ?

Отвѣтъ. Вѣждь убо се—егда убо прочитаеши: его же Богъ воскресилъ отъ мертвыхъ, сіе разумѣй о челоувчествѣ и егда пакы обращаеши: на се бо Христосъ умре и воскресе и оживе, да мертвыми и живыми обладаетъ, се являетъ божественнаго естества власть и отъ сего явлено есть, яко самъ Христосъ воскресе всесильною властію божества своего (л. 79 об.).

Вопросъ. Что есть десница Божія, понеже Богъ рукъ не имать?

Отвѣтъ. Священнии богословци пресущественное и безобразное существо Божіе изъявляютъ и убо руки глаголютъ, еже творительное и дѣйствительное и скорое промышленіе, еже о зданіи знаменующе; одесную же Отца Сыну сѣдѣніе глаголетъ, сямъ вѣщаніемъ покажетъ, еже Отца

nizli insze ludzie boleść czuł i cierpiał (Ibid. art. 12).

Byłaż dusza Pana Chrystusa istotnie w otchłani piekielniey, czyli tylko przez moc swoją?

Prawdziwie bytnością swoją była tam duszka Pana Chrystusa, nie tylko przez moc swoją, w tey otchłani duszki swiętych. O tem Dawid takie świadectwo daie: Nie opuszczysz duszky moiey w piekiele (Rozdz. VI, art. 4).

Własną swoją mocą Christus Pan zmartwych wstał, czyli iako drudzy ludzie, cudzą mocą?

W Pismie swiętem na niektórych mieyscach czytamy, że Chrystusa Pana Bóg Oyciec wzbudził to się iednak rozumie iako o człowieku, że gdy mówimy o Nim, że swą mocą zmartwych wstał, iako o Bogu to rozumiemy (Rozdz. VI, art. 8).

Iakъ же rozumie to się: siedzi na prawicy?

Pan Bóg Duchem iest, niema żadnych człouków i dla tego w nie właściwem znaczeniu o Nim mówimy, że siedzi na prawicy. A to siedzenie nic innego nie iest, iak władza i dostoięństwo Królewskie, które ma Chrystus Pan od Boga Oycza (Rozdz. VII, art. 3).

всей нашей церкви; это не болѣе, какъ сочиненіе одного литовскаго протопопа, исправленное двумя московскими на-

и Сына во всѣхъ равночестіе (л. 91 об.).

Вопросъ. Коими имени святыхъ писаніе церковь Божія именуется?

Отвѣтъ. Святое писаніе церковь Божія сирѣчь вѣрныхъ Божиихъ различными имени нарицаетъ. Первое убо тѣломъ Христовымъ, второе невѣстою, третіе дѣвою, четвертое пажитіемъ или стадомъ нарицаютъ домомъ Божиимъ (л. 119 об.).

Вопросъ. Кія же пакы вещи нарицаются тѣмъ именемъ церковью Божіею?

Отвѣтъ. Храмъ сирѣчь домъ молитвы церковь Божія нарицается; еще же и вси вѣрніи во всемъ мірѣ иже нынѣ суть, бяху и будутъ сіи суть единою святою соборною церковью, домомъ же Божиимъ иже есть столпъ и утвержденіе истины. Особно же наставницы церковнии и строители нарицаются церковь (л. 120).

Вопросъ. Скажи ми что есть тайна?

Отвѣтъ. Тайна есть невидимая благодати Божія видимое знаменіе во освященіе наше отъ Бога намъ преданная.

Вопросъ. Почто вода, а не иное вещество въ крещеніе намъ предана есть?

Отвѣтъ. Сихъ ради трехъ винъ первая, яко сія святая тайна крещенія въ водѣ быше прообразованна якоже предрекохъ

Iak tę powszechność albo kościół ludzi chrześcijańskich Pismo S. nazywa?

Paweł S. do Tymoteusza pisząc nazywa domem i budowaniem bożem. Domem też kościół dla tego nazywamy, że jest iakoby iedna familica, którą ieden gospodarz rządzi i sprawie. Nazywa oblubienicą, naostanek nazywa Pismo S. kościół ciałem chrystusowem. (Rozdz. X, art. 4).

Krótko mówiąc, iak wierze rzeczy kościołem nazywamy?

Paweł S. nazywa kościołem nie tylko zgromadzenie wszystkich ludzi chrześcijańskich całego świata, ale nazywa i zbiór samych ludzi wiernych w Koryncie, w Gałacie, w Laodycyi i indziej. Zwiemy też Przełożoną w Kościele bożym i Pasterze kościołem, naostanek kościołem zwiemy miejsca poświęcone, na które się ludzie schodzą na nabożeństwo i na kazanie. (Rozdz. X, art. 9).

Co właściwie znaczy to słowo sakrament?

Sakrament jest znak rzeczy świętej Albo inszemi słowy: sakrament jest niewidomey łaski bożej znak widomy dla naszego usprawiedliwienia postanowiony (Część II, roz. 1, 3).

Czemu to Pan Bóg chciał, aby wody do Chrstu używano, a nie inszkiej materji?

Dla trzech przyczyn. Naprzód iż każdemu człowiekowi żadnego nie wymuiąc potrzebny jest do zbawienia Chrzesz S. przeto woda

четчиками и одобренное однимъ московскимъ патриархомъ: въ строгомъ смыслѣ, оно можетъ служить свидѣтельствомъ

ти еже и въ потопахъ и въ Черномъ морѣ и во Иорданѣ рѣкахъ, та же и на всякой вещи вода явится очистительна умовеніемъ своимъ. Вторая да съ водою добръ явленно будетъ и душевное упованіе, понеже вода плоть очищаетъ, духъ же душу освящаетъ сугубъ бо человекъ, сугубо и дѣйство, еже къ порожденію его во крещеніи. Третья, зане якоже вода утоляетъ жажду, еще и св. крещеніе похоти ко грѣху потребляетъ (л. 364 об.).

Вопросъ. Въ чемъ разнъ ствуетъ сія тайна отъ прочихъ?

Отвѣтъ. Первое убо, яко инны тайны суть въ дѣяніи и употребленіи сія же есть во освященіи и въ вещи о себѣ пребывающей, яко во указанію св. крещенія бываетъ и совершается обмытіемъ водою въ словѣ; вода въ немъ не есть тайна, но сама есть вода, точно обмытіе водою въ словѣ тайна есть. Въ сей же тайнѣ благодареніе инако содѣвается; освящается хлѣбъ въ тѣло Христово, вино же въ кровь его пречистую и тогда совершается тайна внагда намъ пиціемъ и питіемъ небеснымъ бываетъ, не употребленіемъ творится сія тайна, но освященіемъ словомъ. Другое же разнство сея тайны отъ прочихъ сіе есть яко въ прочихъ и перемѣняется вещество въ вещь, юже знаменуетъ яко во крещеніи не перемѣняется вода во отрожденіе духовное, еже знаменуетъ. Во благодареніи же хлѣбъ и вино перемѣняются въ то еже знаменуетъ, сирѣчь въ

іest materią Chrztu; albowiem wody wszyscy łatwo do tak rzeczy potrzebniey dostać mogą. Druga, iż woda osobliwie skutek Chrztu S. znaczy. Bo iako woda pługawość na ciełe obmywa, tak też znaczy grzechu na duszy przez Chrztst obmyte bywaią. Nadto iako woda sposobna iest do ochłodzenia ciała, tak też pokaznie nam, iż gorącość namignosci cielesnych powielkiey części przez Chrztst zagarzona bywa (Ibid., art. 8).

Чемъ же рѣзны іest темъ сакраментъ od inszych?

Темъ іest рѣзны: іz инше сакраменты власне są сакраменты на ten czas, kiedy ich używamy, iako на przykładъ Chrztst własność сакраменту на teu czas mają kiedy кто ochszczony і w rzeczy samiey obmywany bywa. Ale do doskonałości сакраменту Ciąла pańskiego dosyć natem іest, іz sama tylko materia poświęcona іest. Bo takъ to prawdziwy іest сакраментъ Ciąла і Krwi pańskiey, kiedy do кто przyjmie iako і ów Który chowaią w Cyborium. Dróga różność іest, іz gdy инше сакраменты спrowadzone bywaią не przemieni się materia w инше naturę iako woda chrztowa не traci sweiey natury ale tą z wodą іest iako і przedъ tem. Ale w сакраменте Ciąла pańskiego, co przedъ poświęcenіемъ było chlebem і winemъ to po poświęcenіu już не іest więcey chlebemъ ani winemъ, ale prawdziwymi istotnemъ Ciąłem і Krwą Pana Zbawiciela naszego (Rozdz. 4, art. 9).

только объ ихъ вѣрованіи*, говоритъ митрополитъ Макарій¹⁾. И дѣйствительно, переполненная заблужденіями, эта книга

тѣло и кровь Господню (л. 381 об.).

Вопросъ. Чего ради не глаголемъ избави насъ отъ лукавыхъ, но отъ лукаваго?

Отвѣтъ. Сего ради молящеся не глаголемъ—избави насъ отъ лукавыхъ, но избави насъ отъ лукаваго—повеже врагъ діаволь вся злая воздвижетъ на ны своимъ лукавствомъ злымъ да погубить насъ искушеніемъ и ловленіемъ лестныхъ сѣтей своимъ; тѣмъ на ны молимся наипаче всѣхъ обидящихъ насъ. Сего ради и предано есть вамъ въ молитвѣ глаголати: избави насъ отъ лукаваго. Онъ бо есть лукавый непримиримый врагъ, на онаго убо вси да гнѣваемся, на онаго да молимся Богу, сокруши сатану подъ ноги наши. Сей бо ражаетъ и прочая многая вся враги наша, еще молимся на враги, но избави отъ лукавыхъ. На нихъ же не повелѣваетъ молитися да милостивъ имъ будетъ Богъ и проженетъ отъ нихъ неприязни вся (л. 229 об.).

Czy prosimy o wybawienie od jednego złego czy od wielie?

Mówimy od złego, a nie od wszystkiego złego dla tego, że to wszystko zło, które na nas bliźnich pochodzi szatonowi jako wynalazcy i podżegaczowi przypisujemy, iowsem na bliźnich ani się gniewać mamy, ale wszystek gniew i nienawiść na szatana obrócić, który ludzi do czynienia nam hrzywdy podżega, więc jeżeli cię wiakowey rzeczy obrazi bliźni twóy gdy się modlicz Bogu Ojcu prosь aby nie tylko ciebie od złego i krzywdy, ktore od bliźniego cierpisz wybawił, ale i samego bliźniego aby wyrwał z ręką szatana za ktorego poduszczeniem ludzie ozdradę przypawieni bywają (Rozbz 16, art. 6).

естественно не могла имѣть мѣста среди читателей ни московской, ни юго-западной Руси; не имѣетъ она мѣста и въ настоящее время. Съ одной стороны, въ силу тѣхъ же ошибокъ, въ которыхъ Лаврентій, промизируя, сознавался московскимъ справщикамъ: „въ моей книгѣ было много и не дѣла написано“,—слова, которыя имѣютъ значеніе и теперь, а съ другой—потому, что православная церковь имѣетъ у

¹⁾ Исторія рус. церкви, т. XI, стр. 59.

себя такія символическія книги, въ которыхъ, дѣйствительно, содержится ученіе древней христіанской церкви и съ которыми Катихизисъ Лаврентія не можетъ идти въ сравненіе ни въ какомъ отношеніи. Въ настоящее время онъ имѣетъ значеніе, какъ любопытный памятникъ возникшей на развалинахъ южно-русскаго православія той обновленной богословствующей мысли, которая приобрѣла твердость и крѣпость только въ наши дни.

Ө. Ильинскій.

ПРЕОСВЯЩЕННЫЙ КИРИЛЛЪ НАУМОВЪ,

ЕПИСКОПЪ МЕЛИТОПОЛЬСКІЙ,

БЫВШІЙ НАСТОЯТЕЛЬ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ МИССІИ
ВЪ ІЕРУСАЛИМѢ.

(Продолженіе¹).

Въ описанныхъ нами выше споменіяхъ преосв. Кирилла съ представителями высшей греческой іерархіи и болгарской общины въ Константинополь время незамѣтно прошло до 10 января 1858 года. Сначала преосв. Кириллъ предполагалъ отправиться съ своею миссіею въ дальнѣйшее путешествіе 10 января 1858 года на парадшъ французскаго общества „Mes-
sageries impregiales“. Но свирѣпствовавшая около этого времени, въ теченіе нѣсколькихъ дней, необыкновенно сильная буря, при снѣжной метели и стужѣ, доходившей въ Константинополь до 5°, заставила миссію отложить свой отъѣздъ въ Іерусалимъ еще на пять дней.

Эти пять дней были проведены преосв. Кирилломъ не безъ пользы для цѣли его послѣдующаго служенія. Въ это время ему явилась возможность представиться Великому Визирю и Министру Иностранныхъ Дѣлъ Турціи, повидаться съ высшими лицами армяно-григоріанскаго духовенства и утвердить на болѣе прочномъ основаніи духовную связь свою съ патріархами—вселенскимъ и Іерусалимскимъ.

Хотя свиданіе съ турецкими министрами и не входило въ первоначальную программу миссіи преосвященнаго Кирилла и, въ частности, его дѣятельности во время остановки въ турецкой столицѣ, но, при болѣе продолжительномъ его пребываніи здѣсь, оно оказалось весьма умѣстнымъ и по-

¹) См. Труды Академіи 1899 г. и. февраль.

лезнымъ для упроченія, въ глазахъ Порты, уже признаннаго ею офіціального характера нашей духовной миссіи въ Іерусалимѣ. Общее вниманіе, какое возбудило прибытіе въ Константинополь русскаго епископа съ миссією, его частыя поѣздки въ Фанарь къ патріархамъ и членамъ Синода и посѣщенія ими преосв. Кирилла, служеніе его въ Константинопольской патріархіи и въ болгарской церкви,—все это легко могло возбудить подозрѣніе Порты на счетъ мнимополитической цѣли посольства преосв. Кирилла на Востокъ. Въ видахъ предупрежденія подобныхъ неправильныхъ толковъ, русскій посоль въ Константинополь предложилъ преосв. Кириллу представиться лично турецкимъ министрамъ, какое предложеніе онъ и принялъ.

Али-паша (великій визирь) и Фуад-паша (министръ иностранныхъ дѣлъ) съ замѣтнымъ удовольствіемъ приняли извѣстіе перваго драгомана русскаго посольства о желаніи преосв. Кирилла видѣться съ ними. Фуад-паша, кромѣ того, замѣтилъ, что онъ, будучи неправильно заподозрѣнъ русскимъ правительствомъ во враждебныхъ Россіи дѣйствіяхъ по вопросу о святыхъ мѣстахъ, желаетъ искупить приписанную ему вину всевозможнымъ вниманіемъ и предупредительностію къ русскому епископу.

Фуад-пашѣ и былъ сдѣланъ первый визитъ преосв. Кирилломъ 10 января 1858 года, въ сопровожденіи перваго драгомана (Аргиропуло) и секретаря (Новикова) нашего посольства. Въ первую минуту свиданія съ преосв. Кирилломъ, Фуад-паша не могъ скрыть благопріятнаго впечатлѣнія, произведеннаго на него благородною наружностію и осанкою начальника русской іерусалимской миссіи. *Comme Votre Evêque a l'air distingué*,—сказалъ онъ вполголоса г. Аргиропуло какъ бы въ невольномъ признаніи. Принявъ преосв. Кирилла не только ласково, но и съ нѣкоторымъ почетомъ, онъ въ дальнѣйшемъ разговорѣ называлъ его по-французски *mon Seigneur* и *son Eminence* и вообще старался показать всю свойственную ему любезность и остроуміе.

Преосв. Кириллъ, съ своей стороны, выразилъ удовольствіе, что имѣеть честь познакомиться лично съ его преосходительствомъ и, какъ новый человекъ въ краѣ, просить его покровительства на будущемъ своемъ поприщѣ. Фуадъ-паша отвѣчалъ готовностію отдать себя въ полное распоряженіе преосв. Кирилла и снабдить его теплыми рекомендательными письмами къ іерусалимскому пашѣ Суррею, который находился при немъ въ качествѣ секретаря въ бытность его въ Княжествахъ Дунайскихъ въ 1849 г. Преосв. Кириллъ замѣтилъ, что такъ какъ онъ имѣеть намѣреніе остановиться въ Бейрутѣ на нѣсколько дней, и со-временемъ побывать и въ Дамаскѣ, то ему было бы весьма полезно получить такія же рекомендательныя письма и къ тамошнимъ турецкимъ властямъ. Въ отвѣтъ на это Фуадъ-паша предложилъ ему составить списокъ всѣхъ лицъ, къ которымъ онъ желалъ бы имѣть рекомендательныя письма, обѣщая исполнить всѣ желанія его въ точности. И, дѣйствительно, предъ отъѣздомъ преосв. Кирилла изъ Константинополя, ему присланы были для врученія лично, по принадлежности, письма Фуада, за открытою печатью, къ губернаторамъ Бейрута, Дамаска и Іерусалима.

Подобный же приемъ встрѣтилъ преосв. Кириллъ и у великаго визиря, хотя, по личному характеру Аали-паши, болѣе скрытному и воздержному, равно какъ и по высокому его положенію въ Портѣ, свиданіе это, по необходимости, отличалось нѣкоторою степенью въ приемахъ и этикетѣ. Тѣмъ не менѣ великій визирь сдѣлалъ нѣсколько шаговъ на встрѣчу преосв. Кириллу, посадилъ его возлѣ себя, при прощаніи жалъ ему руку и проводилъ до дверей. Преосв. Кириллъ изъявлялъ и здѣсь чувство искренняго удовольствія по поводу того, что получилъ возможность представиться его свѣтлости и поручить себя его покровительству. Аали-паша привялъ эти изъявленія, какъ будто, съ нѣкоторою застѣнчивостію, обѣщая сдѣлать все, что только будетъ лично отъ него зависѣть.

Соглашаясь на свиданія съ турецкими министрами, преосв. Кирилль имѣлъ при этомъ въ виду еще одну важную цѣль: пріобрѣсти въ глазахъ высшаго греческаго духовенства на Востоцѣ положеніе, по возможности, независимое отъ расположенія этого послѣдняго къ нему. Справедливость подобнаго расчета начала оправдываться, повидимому, уже во время пребыванія его въ Константинополѣ. Посѣщеніе преосв. Кирилломъ Порты возвысило его въ глазахъ патріарховъ и того духовенства, среди котораго онъ призванъ былъ дѣйствовать въ скоромъ будущемъ.

Константинопольскій патріархъ при свиданіи съ преосв. Кирилломъ въ то самое утро, когда онъ долженъ былъ отправиться въ Порту, просилъ его обойти молчаніемъ всѣ довѣренныя ему желанія и стремленія греческаго духовенства, во время происходившихъ объясненій съ ними. Самые турецкіе министры принимали преосвящ. Кирилла, повидимому, не какъ простаго преемника бывшему настоятелю негласной въ то время іерусалимской миссіи, дѣятельность и средства существованія котораго находились въ непосредственной зависимости отъ мѣстнаго греческаго духовенства, а какъ самостоятельнаго представителя интересовъ русской церкви и русскаго паломничества на православный Востокъ.

Русское посольство въ Константинополѣ, съ своей стороны, желало содѣйствовать осуществленію подобнаго самостоятельнаго положенія начальника нашей духовной миссіи въ Іерусалимѣ. Въ этомъ смыслѣ былъ сдѣланъ намекъ іерусалимскому патріарху драгоманомъ посольства г. Мострасомъ въ откровенномъ разговорѣ съ нимъ. Доказывая патріарху необходимость содѣйствовать всячески начальнику русской миссіи въ Іерусалимѣ въ удовольствіи всѣхъ его законныхъ нуждъ и требованій, какъ-то: относительно помѣщенія, свободнаго совершенія богослуженія въ свв. мѣстахъ и т. п., драгоманъ отъ себя коснулся слегка возможности, въ случаѣ нужды, потребовать ему отъ Порты официальнаго признанія

за нимъ тѣхъ же самыхъ преимуществъ, какими пользуются въ Іерусалимѣ начальники инославныхъ христіанскихъ миссій. Въ отвѣтъ на это іерусалимскій патріархъ выразилъ теплую готовность установить свои отношенія къ преосв. Кириллу на почвѣ самаго откровеннаго дружества. Онъ спрашивалъ при этомъ у драгомана Мостраса о впечатлѣніи, какое произвелъ на начальника нашей миссии первый приемъ его патріархомъ. Драгоманъ отвѣчалъ, что ему самому показалась странною нѣкоторая холодность патріарха въ отвѣтъ на откровенное и преданное обращеніе преосв. Кирилла къ нему „Преосв. Кириллъ,—замѣтилъ въ концѣ драгоманъ,—былъ нѣсколько смущенъ тѣмъ, что Вы не обмѣнялись съ нимъ братскимъ подѣлуемъ подобно тому, какъ это сдѣлалъ Вашъ вселенскій собратъ“.

Патріархъ іерусалимскій оправдывался тѣмъ, что, по существующему на Востокѣ обыкновенію, всякій епископъ цѣлуетъ руку у патріарха, и незваніемъ, что этотъ обычай не принять въ Россіи. Патріархъ, впрочемъ, былъ успокоенъ драгоманомъ, увѣрившимъ его, что, съ каждымъ новымъ свиданіемъ, преосв. Кириллъ былъ все болѣе и болѣе доволенъ обращеніемъ съ нимъ Его Блаженства.

Все это подготовило тотъ искренній обмѣнъ взаимныхъ выраженій чувствъ и мыслей между іерусалимскимъ патріархомъ и преосв. Кирилломъ, который (обмѣнъ) послѣдовалъ при прощальномъ свиданіи между ними 14 января 1858 года.

Въ видѣ вступленія въ любопытную бесѣду, во время, этого свиданія, іерусалимскій патріархъ сказалъ преосв. Кириллу, что онъ поджидалъ его во все то утро, въ которое онъ ѣздилъ въ Порту, и хотя былъ боленъ, по приказанію принимать, изъ всѣхъ посѣтителей, только его, имѣя нужду переговорить съ нимъ на-единѣ. Затѣмъ патріархъ выразилъ сожалѣніе по поводу скорого отъѣзда преосв. Кирилла, такъ какъ это помѣшаетъ ему отпраздновать, вмѣстѣ съ двумя патріархами, ихъ общія именины на праздникъ св. Кирилла іерусалимскаго 18 января. „Мы на-

дѣялись“,—сказалъ онъ,—„что три Кирилла соединятся въ этотъ день въ духовномъ общеніи любви и мира. Я радъ, что вижу Васъ, такъ какъ могу Вамъ сказать теперь отъ души, что я вполне довѣряю Вамъ“. „А я,—отвѣчалъ ему преосвященный Кириллъ,—„счастливъ, что слышу отъ Васъ такое признаніе. Я боялся болѣе всего отсутствія довѣрія и искренности со стороны Вашего Блаженства, безъ чего труды мои въ Іерусалимѣ остались бы тщетными. Для этого я, съ перваго же свиданія съ Вами, старался ввести въ мои отношенія въ Вамъ всю возможную искренность и прямодушіе. Признаюсь откровенно, что если бы я не удостоился этого взаимнаго довѣрія, столь существенно необходимаго для достиженія общей нашей цѣли на пользу православія, то, не имѣя никакихъ тайныхъ побужденій къ пребыванію во св. градѣ, я просилъ бы свое правительство вызвать меня оттуда, какъ бесполезнаго дѣятеля“. „Я былъ нѣсколько предубѣжденъ противъ Васъ“, отвѣчалъ на это патріархъ. „Архимандритъ Григорій (Веглерисъ) первый выставилъ предо мною Вашу личность съ самой выгодной стороны. Теперь же, повторяю Вамъ, что мнѣ не нужно посредниковъ, чтобы увѣриться въ прямодушіе Вашемъ, я читаю его въ Вашемъ свѣтломъ взорѣ“.

Дальнѣйшій разговоръ соответствовалъ началу. При прежнихъ свиданіяхъ, замѣтно было стремленіе патріарха поставить преосв. Кирилла, какъ начальника нашей іерусалимской миссіи, въ полную зависимость отъ произвола святогробскаго духовенства; стѣснить свободу дѣйствій его цѣлымъ рядомъ мѣстныхъ условій; извинить заранѣе всякую вольную и невольную ошибку патріаршихъ намѣстниковъ въ отношеніи къ миссіи невѣжествомъ, грубостью, незнаніемъ приличій. Теперь патріархъ просилъ преосв. Кирилла обращаться съ полнымъ довѣріемъ къ его намѣстникамъ во всякой нуждѣ, обѣщая немедленное удовлетвореніе, по мѣрѣ силъ, для чего даны были уже имъ, по его словамъ, самыя точныя прика-

ванія. Съ этою же цѣлю патріархъ вручилъ преосв. Кириллу открытое письмо къ своему энтропу въ Іерусалимѣ, исполненное самой отеческой заботливости о нашей миссиі. Кротость и благодушіе преосв. Кирилла выставлялись въ этомъ письмѣ наравнѣ съ отличнымъ умомъ и ученостію и высокимъ довѣріемъ, какимъ онъ облеченъ былъ отъ лица русской церкви. Приобрѣсти его благорасположеніе, во всемъ угождать ему,—писалъ патріархъ,—вотъ лучшее средство исполнить долгъ благодарности въ отношеніи къ русской церкви, издревле намъ благодѣтельствовавшей и не перестающей и нынѣ приходить къ намъ на помощь.

Во время продолженія бесѣды патріархъ іерусалимскій коснулся вопроса о необходимости теперь болѣе, чѣмъ когда либо прежде, имѣть русскаго консула въ Іерусалимѣ. „Я и прежде“,—говорилъ онъ,—„просилъ о томъ русское правительство черезъ здѣшнее посольство; не изъ личныхъ цѣлей и прихоти, а единственно изъ уваженія къ чести русскаго имени и ради пользы церкви православной. Въ бытность мою въ Іерусалимѣ, мнѣ бывало присорбно видѣть, что христіане всѣхъ другихъ исповѣданій собирались въ храмъ, имѣя во главѣ своихъ оффіціальныхъ представителей, и только одна православная община была лишена этого счастья. Сверхъ того, Вы увидите, какъ тяжело будетъ Вамъ заниматься полицейскимъ надзоромъ за всѣми поклонниками“.

Патріархъ предлагалъ для этого поста русскаго вице-консула въ Яффѣ г. Марабуты, о которомъ отзывался, какъ о человѣкѣ не только усердномъ и распорядительномъ, но и пользующемся общимъ уваженіемъ по уживчивому своему характеру и умѣнью ладить со всякимъ.

Вселенскій патріархъ, съ которымъ преосв. Кириллъ видѣлся въ послѣдній разъ наканунѣ своего отъѣзда изъ Константинополя, провожалъ его, повидимому, съ искреннимъ сожалѣніемъ. Сожалѣніе это относилось столько же къ личности преосв. Кирилла, который сумѣлъ снискать любовь и

уваженіе всѣхъ членовъ Синода своею обходительностію и вниманіемъ къ нимъ, сколько и къ офіціальному положенію его, какъ посредника между восточною и русскою православными церквами. Эта мысль о необходимости имѣть при русскомъ посольствѣ въ Константинополь духовное лице для живыхъ сношеній чрезъ него между русскою и греческою церквами, повидимому, ни на минуту не оставляла вселенскаго патріарха. Временное пребываніе преосв. Кирилла въ Константинополь значительно оживило сношенія наши съ греческою церковью и, по мнѣнію самого русскаго посланника въ Константинополь, представило греческой іерархіи естественный поводъ для частыхъ свиданій и довѣренныхъ объясненій съ представителями русской церкви и правительства безъ всякихъ опасеній со стороны Порты, а русскимъ дало возможность сдѣлать болѣе основательную и снисходительную оцѣнку нуждъ и печальнаго положенія греческой церкви. Отъѣздъ преосв. Кирилла прерывалъ начавшееся, при столь благопріятныхъ условіяхъ, и подававшее добрыя надежды въ будущемъ, сближеніе обѣихъ церквей. Вотъ почему въ особенности вселенскій патріархъ сожалѣлъ объ отъѣздѣ преосв. Кирилла и выражалъ это сожалѣніе съ трогательнымъ чувствомъ, въ искренности котораго невозможно было сомнѣваться.

Преосв. Кириллъ, съ своей стороны, старался успокоить вселенскаго патріарха и предлагалъ ему въ посредники между единовѣрными церквами будущаго настоятеля русской посольской церкви въ Константинополь¹⁾. Вселенскій патрі-

¹⁾ Такимъ настоятелемъ константинопольской русской посольской церкви былъ назначенъ вскорѣ архим. Петръ (Троицкій), магистръ VII курса Кіев. дух. Акад.; съ 1853 г. инспекторъ Кіевск. акад., съ 1856 г. ректоръ Кіевск. сем.; съ 1858 г. г. настоятель посольской русской церкви въ Константинополь, съ 1869 г.—въ Аенбахъ; съ 29 мая 1860 г. ликарій кишинев. епархіи, епископъ аккерманскій † 10 окт. 1873 г. См. о немъ собраніе мнѣній и отзывовъ м. Филарета по дѣламъ прав. церкв. на Востоку. СПб. 1846 г., стр. 8, прим. 3. Ср. у Строева. Списки іерарховъ. Стр. 554.

архъ отвѣчалъ на это, что довѣріе дается не вдругъ, и что онъ желалъ бы, поэтому, въ важныхъ дѣлахъ, рѣшеніе которыхъ готовилось тогда въ церкви, испрашивать письменно совѣтовъ и мнѣнія преосв. Кирилла чрезъ довѣренныхъ людей, а не чрезъ посредство митрополитовъ его синода, такъ какъ онъ боится, оказавъ предпочтеніе одному изъ нихъ, возбудить зависть и недоброжелательство прочихъ. Прощаясь съ преосв. Кирилломъ, вселенскій патриархъ упросилъ его принять на память изданный въ Афинахъ Катихизисъ греческой церкви. „Самая книга“,—сказалъ онъ при этомъ,— „будетъ вамъ напоминать обо мнѣ; а о содержаніи ея я буду ожидать вашего просвѣщеннаго мнѣнія“.

Преосв. Кириллъ, предъ отъѣздомъ изъ Константинополя въ Іерусалимъ, посѣтилъ еще разъ нѣкоторыхъ изъ членовъ константинопольскаго патриаршаго синода. У одного изъ нихъ (дерконскаго митрополита) онъ видѣлъ новаго филиппопольскаго епископа, переведеннаго туда изъ Смирны на смѣну бывшаго митрополита Хрисанеа. Къ удивленію преосв. Кирилла, этотъ епископъ, пользовавшійся среди греческаго духовенства славою образованнаго и даже ученаго архипастыря, выражалъ самыя гуманныя воззрѣнія на греко-болгарскій вопросъ и объяснилъ преосвященному Кириллу, что онъ нарочито рѣшилъ продлить время своего пребыванія въ Константинополѣ для того, чтобы хоть сколько-нибудь научиться славянскому языку, знаніе котораго онъ считалъ необходимымъ для добросовѣстнаго исполненія своихъ новыхъ обязанностей. „Если бы такъ разсуждали и такъ дѣлали всѣ греческіе архіереи, пославшіеся въ болгарскія епархіи“,—замѣчаетъ по этому поводу преосв. Кириллъ,—„то греко-болгарскій вопросъ рѣшился бы скоро и просто“.

Въ послѣдніе же дни своего пребыванія въ Константинополѣ, преосв. Кириллъ познакомился съ представителями армяно-григоріанскаго духовенства, имѣя въ виду, разумѣется, необходимость въ будущемъ имѣть дѣло съ этимъ духо-

венствомъ. Тоговременный константинопольскій армяно-григоріанскій патріархъ—Аюбъ незадолго предъ тѣмъ, по преклонности лѣтъ, былъ устраненъ отъ управленія церковью и отъ іерусалимскаго армянскаго патріарха былъ присланъ вмѣсто блюстителя константинопольскаго престола епископъ Давидъ, одинъ изъ умнѣйшихъ и образованнѣйшихъ членовъ армянскаго духовенства, считавшійся въ то время наиболѣе достойнымъ кандидатомъ на эчміадвинскій престолъ. Узнавъ о прибытіи въ Константинополь начальника іерусалимской русской духовной миссіи, онъ предупредилъ его своимъ посѣщеніемъ. Поэтому, преосв. Кириллъ считалъ своею обязанностію отплатить ему за эту любезность отвѣтнымъ посѣщеніемъ, что и сдѣлалъ за нѣсколько дней до своего отъѣзда изъ Константинополя. Свиданіе преосв. Кирилла съ армянскимъ епископомъ Давидомъ весьма любопытно въ подробностяхъ своихъ, какъ несомнѣнное доказательство той искренней преданности, какую армяно-григоріанская церковь и община не переставали оказывать Россіи. Епископъ Давидъ отъ лица всего армянскаго народа свидѣтельствовалъ предъ преосв. Кирилломъ о живомъ чувствѣ преданности, желаніи счастья и славы Россіи, прибавивъ, что армяне дорожатъ союзомъ и расположеніемъ русской державы и церкви и доказали это своимъ поведеніемъ во время минувшей войны. Не ограничившись, впрочемъ, одними словесными увѣреніями, епископъ Давидъ вручилъ преосв. Кириллу напутственное письмо къ іерусалимскому армянскому патріарху отъ имени и за подписями главныхъ старѣйшинъ константинопольскаго армянскаго населенія. Въ этомъ письмѣ русская духовная миссія поручалась особенному попеченію іерусалимскаго духовнаго главы армянскаго народа съ просьбою отдать въ распоряженіе начальника русской миссіи, на первыхъ порахъ его пребыванія въ Іерусалимѣ, если только онъ пожелаетъ того, свободную квартиру въ патріархіи съ прислугою, пищею и всякими другими удобствами.

Преосв. Кирилль выразилъ желаніе видѣть армянскую церковь въ Константинополѣ. Желаніе его было немедленно исполнено съ видимымъ удовольствіемъ. Онъ былъ введенъ въ церковь съ торжествомъ, въ сопровожденіи пѣвчихъ, бывшихъ въ діаконскихъ облаченіяхъ и со свѣчами въ рукахъ, при стройномъ пѣніи молитвъ о благосостояніи церкви, при чемъ это пѣніе, такъ отличное своею гармоніею отъ рѣзкой нестройности греческихъ хоровъ, напомнило русскимъ слушателямъ духовную музыку нашихъ концертовъ. Преосв. Кирилль былъ возведенъ на ступени алтаря, устроеннаго по армянскому обыновенію, на возвышеніи, безъ иконостаса, и посаженъ воиждѣ престола, въ виду собравшагося народа ¹⁾. Въ знакъ духовнаго единенія обѣихъ церквей—русской и армянской, епископъ Давидъ просилъ преосв. Кирилла прочитати въ ихъ храмѣ предъ престоломъ какую-нибудь молитву и затѣмъ благословити народъ. Охотно исполняя это желаніе, преосв. Кирилль выбралъ съ намѣреніемъ и прочиталъ тропарь и кондакъ Троицына дня, ясно выражающіе всемірный характеръ христіанской проповѣди и заканчивающіеся призываніемъ всѣхъ къ церковному единенію. Подъ архипастырскимъ благословеніемъ русскаго епископа всѣ присутствовавшіе міряне благоговѣнно преклонили головы и, когда онъ проходилъ по церкви, бросались цѣловать его руки и одежду ²⁾.

Прежде чѣмъ перейти къ разсказу о дальнѣйшемъ путешествіи преосв. Кирилла къ мѣсту его служенія, мы остановимся здѣсь на минуту для того, чтобы бросить общій взглядъ на результаты сравнительно продолжительнаго пребыванія его въ Константинополѣ. Пребываніе это сопровож-

¹⁾ См. письмо преосв. Кирилла къ м. Григорію. Духовн. Вѣзда 1858 г. № 19 стр. 247—248.

²⁾ Свѣдѣнія о послѣднихъ дняхъ пребыванія преосв. Кирилла въ Константинополѣ заимствованы нами преимущественно изъ записки посла Бутенева, представленной имъ въ Министерство Иностранныхъ Дѣлъ въ февралѣ 1858 г. См. арх. Св. Синода на иждивеніи оберъ-прокурора за 1858 г. д. № 361.

далось многими положительными результатами. Важнѣйшими изъ нихъ безспорно должно быть признано то, что за время своего пребыванія въ Константинополь преосв. Кирилль въ достаточной степенѣ успѣлъ познакомиться съ общимъ состояніемъ православно-христіанской церкви на Востоку. Это обстоятельство имѣло важное значеніе для него, такъ какъ давало ему возможность ориентироваться въ своемъ новомъ положеніи начальника іерусалимской миссіи, по крайней мѣрѣ, на первыхъ порахъ своего служенія на Востоку. Съ другой стороны, отчасти черезъ русское посольство и отчасти путемъ непосредственныхъ сношеній съ іерусалимскимъ патріархомъ, преосв. Кирилль успѣлъ за это время болѣе или менѣе достаточно познакомиться съ тою средою, въ которой ему предстояло служить и дѣйствовать. Самъ преосв. Кирилль о результатахъ своего пребыванія въ Константинополь въ письмѣ къ петербургскому митрополиту Григорію говоритъ такъ: „по милости Божіей, дивно хранившей доселѣ миссію, мы достигли, по крайней мѣрѣ, слѣдующаго: 1) патріархъ вселенскій и синодъ его возымѣли полное довѣріе ко мнѣ и живое желаніе, чтобы сношенія ихъ съ Св. Синодомъ всероссійскимъ, измѣнивъ характеръ разнѣна только однихъ вѣжливостей, сдѣлались постояннѣе, откровеннѣе и серьезнѣе. Они съ радостію готовы были бы принять отъ Св. Синода вызовъ къ разсужденію по поводу обобщенія почитанія святыхъ православной церкви, изъ которыхъ многіе чтутся только въ Россіи, а другіе извѣстны только на Востоку: вопросъ важный, и особенно въ настоящее время; вопросъ чисто церковный. При нѣсколько большей свободѣ въ Іерусалимѣ я долготъ почту представить Вашему Высокопреосвященству подробнѣйшія свѣдѣнія о моихъ бесѣдахъ касательно этого предмета; 2) патріархъ іерусалимскій, не безъ предубѣжденія смотрѣвшій на новую миссію, въ послѣднее время, какъ кажется, окончательно примирился съ нею. По крайней мѣрѣ, прощаніе наше было весьма дружески, и послѣдняя бе-

ѣзда была преисполнена теплоты и искренности. Дерзая уповать, что грозившія мнѣ затрудненія въ Іерусалимѣ нѣсколько ослаблены и облегчены; 3) сношенія мои съ патриархіею армянскою, питавшею расположеніе къ русскимъ, видимо, скрѣпили эту связь; 4) знакомство мое и свиданіе съ турецкимъ великимъ визиремъ и министромъ иностранныхъ дѣлъ, снабдившими меня рекомендательными письмами, произвело въ разныхъ кружкахъ болѣе или менѣе близкихъ къ намъ, впечатлѣніе, благоприятствующее утверженію самостоятельности миссіи. Сближеніе съ арабами и славянами послужило къ ободренію тѣхъ и другихъ¹⁾.

Преосв. Кириллъ съ миссіею своею оставилъ Константинополь 15 января 1858 года. Русское Посольство, полюбившее начальника іерусалимской миссіи, устроило ему и его миссіи самые радушные и торжественные проводы²⁾.

Подробныя свѣдѣнія о дальнѣйшемъ путешествіи іерусалимской миссіи, продолжавшемся 2 недѣли, сообщаетъ самъ преосв. Кириллъ въ письмахъ своихъ къ м. Григорію и петербургскимъ своимъ роднымъ.

¹⁾ См. письмо преосв. Кирилла къ м. Григорію отъ 15 января 1858 г. № 35 въ бумагахъ м. Никанора, вышеупомянутыхъ нами.

²⁾ Объ этомъ говорятъ самъ преосв. Кириллъ въ письмѣ къ своимъ роднымъ отъ 12 февраля 1858 г. изъ Іерусалима. „Посольство привалалось ко мнѣ“, — пишетъ онъ, — „какъ, я не ожидаю. Не осталось чиновника, который бы не старался быть поближе со мною и чѣмъ-нибудь или какъ-нибудь выразить свою любовь и вниманіе; кажется, я писалъ кому-то, что посланники выразились вскользь Левинскому: „вашего преосвященнаго какъ увидишь, зачнешь поговорить съ нимъ; поговоришь, не можешь не полюбить“... Въ день отъѣзда, все семейство посланника и всѣ члены посольства собрались въ церковь молиться за насъ Богу. Послѣ молебна слѣдовало трогательное прощаніе не безъ слезъ. Всѣ чины проводили меня до берега; тутъ опять прощались. Добрые люди. И великолѣпное шествіе! (Востокъ вообще любитъ церемоніи). Впереди нѣсколько кавасовъ; дальше члены моей миссіи; а въ среднѣхъ, ведомый двумя кавасами: правда, и нужно было поддерживать, — свѣтъ замерзъ и было холодно; дальше члены посольства и среди нихъ, для поминъ, носилки для меня... Добродушные турки развѣдали рты и поднимали руки отъ сердца ко лбу: знакъ уваженія, благодарности и прочая благонамѣренныхъ чувствъ“...

„Путь изъ Константинополя“, — пишеть онъ въ письмѣ къ м. Григорію отъ 26 декабря 1858 года, — „мы совершили такъ же благополучно, какъ и до Константинополя. Бури, на которыя была очень щедря нынѣшняя суровая зима, какой не запомнятъ на Востокѣ, предшествовали намъ и слѣдовали за нами, но насъ, по милости Божіей, миновали. Была только одна бурная ночь, въ продолженіе которой почти непрерывно насъ качало во всѣ стороны такъ, что на палубѣ и въ каютахъ непрестанно слышался стужъ перекатывавшихся съ мѣста на мѣсто вещей, не привинченныхъ къ стѣнамъ или къ полу: это было между Кипромъ и Бейрутомъ. Но благодареніе Господу, и качка этой ночи на меня не имѣла большаго дѣйствія, и изъ другихъ членовъ миссіи въ весьма немногихъ произвела морскую болѣзнь, или нѣкоторый страхъ. Эта великая милость къ намъ Божія пролагала путь другой милости, другому великому утѣшенію. Приѣзжая къ мѣстамъ остановокъ совершенно здоровыми и бодрыми, мы имѣли возможность удовлетворять желанію здѣшнихъ христіанъ и потребности своихъ душъ совершеніемъ священнодѣйствія въ здѣшнихъ православныхъ храмахъ“¹⁾.

Первая станція на пути изъ Константинополя до Іерусалима была въ Смирнѣ. Наканунѣ приѣзда туда, съ острова Митилены прибылъ на пароходѣ преосв. Кирилль, командированный для встрѣчи русской миссіи въ Смирнѣ, такъ какъ митрополить смирнскій, видѣвшійся съ начальникомъ нашей миссіи къ Константинополѣ, не успѣлъ еще прибыть въ свою епархію. Въ патриаршую гостинницу и въ митрополитчій домъ для привѣтствія русской миссіи собралось почти все православное населеніе Смирны. Смирнскіе граждане упросили преосв. Кирилла отслужить у нихъ литургію²⁾.

¹⁾ См. письмо это въ бумагахъ м. Никанора въ Духовн. Бесѣдѣ 1858 г. № 19.

²⁾ На основаніи письма преосв. Кирилла къ своимъ роднымъ негербургскимъ отъ 12 февраля 1858 года изъ Іерусалима.

„Въ первый разъ, во время морского путешествія изъ Константинополя въ Иерусалимъ“, — рассказываетъ преосв. Кириллъ объ этомъ служеніи въ своемъ письмѣ къ м. Григорію, — „служилъ я въ Смирнѣ, въ церкви св. Фотиніи, при которой, мимоходомъ замѣтить, выстроена новая, первая на Востокѣ, прекраснѣйшей архитектуры колокольня. Это было 18 января въ день памяти святителей александрійскихъ Афанасія и Кирилла и день тезоименитства святѣйшаго патріарха вселенскаго и блаженнѣйшаго патріарха іерусалимскаго: по замѣчательному стеченію обстоятельствъ, и преосвященный епископъ, кажется, острова Паргоса, вызванный въ Смирну для моего приѣма, называется Кирилломъ же и 18 числа праздновалъ день своего ангела. Православные жители Смирны, видимо, обрадованные нашимъ прибытіемъ настоятельно просили меня совершить литургію. Я не имѣлъ причинъ отказать. Всенощную отпѣли на пароходѣ. Утромъ, въ 8 ч. отправились на берегъ, покрытый сплошною массою народа. Дворъ митрополитій, колокольня, храмъ и въ храмѣ каждый уголокъ, всякая колонна, все было покрыто народомъ. Надобно было видѣть нетерпѣніе, съ какимъ каждый спѣшилъ принять благословеніе, или поцѣловать хоть край рукава рясы и полы мантіи моей; надобно было видѣть радость, съ какою вся эта масса принимала общее благословеніе, когда я, поднявшись на лѣстницу и террасу митрополитьяго дома, преподавалъ благословеніе; надобно было видѣть восторгъ, съ какимъ народъ провожалъ меня до моей шлюпки, безпрестанно повторяя, что это для него пасха. Для меня это уже былъ не первый опытъ. Я видѣлъ слезы радости, съ какими смотрѣли на насъ въ Константинополѣ, во время служенія, въ сонмѣ 14 архіереевъ, съ святѣйшимъ патріархомъ въ праздникъ Рождества Христова; я былъ свидѣтелемъ трогательнаго торжества болгаръ, когда служилъ въ ихъ скудной, маленькой церкви св. Стефана 27 декабря прошлаго года. Но и на этотъ разъ, какъ и послѣ, еще невозможно было совершить службу

безъ особеннаго умиленія; нельзя было не растрогаться, смотря на непритворныя выраженія живой любви о Господѣ, связующей между собою чадь единой истинной церкви Божіей, церкви православной“¹⁾.

Отъ Смирны до Родоса миссія проѣхала, во выраженію преосв. Кирилла, „прекестно“²⁾. У острова Родоса пароходъ стоялъ цѣлыя сутки; у Кипра тоже была 12-часовая остановка днемъ. Ни въ Родосѣ, ни въ Кипрѣ никто изъ членовъ русской миссии не сходилъ на берегъ, хотя преосвященный родосскій посѣщалъ русскую миссію и приглашалъ въ свой городъ³⁾. Но;—пишетъ преосв. Кирилль м. Григорію,— „на мой взглядъ не оказывалось особенной нужды въ посѣщеніи города; напротивъ, не принося существенной пользы, оно могло бы только раздражить враговъ православія, которые весьма неравнодушно смотрѣли на насъ и, слѣдя шагъ за шагомъ за нами, весьма неравнодушно выражаются о насъ въ газетахъ, хотя и не имѣютъ ничего, что могли бы поставить намъ въ упрекъ“⁴⁾. На пути отъ Кипра до Бейрута пароходъ, на которомъ ѣхала миссія, долженъ былъ выдержать сильный штормъ. „Ночь“,—писалъ преосв. Кирилль своимъ роднымъ,— „была страшная“⁵⁾. Въ Бейрутѣ миссія позволила себѣ сдѣлать небольшой отдыхъ за время сравнительно продолжительнаго своего морскаго путешествія. „На берегъ я вышелъ“,—пишетъ преосв. Кирилль м. Григорію,— „только въ Бейрутѣ, гдѣ мнѣ необходимо было видѣться съ консуломъ и гдѣ первоначально предполагалось сдѣлать мнѣ нѣсколько болѣе продолжительную остановку, хотя впоследствии обстоятельства

¹⁾ См. письмо преосв. Кирилла къ м. Григорію въ бумагахъ м. Никанора и въ Духовн. Вѣсѣдѣ 1858 г. № 19.

²⁾ На основаніи письма преосв. Кирилла къ петербургскимъ роднымъ его отъ 12 февр. 1858 г.

³⁾ На основаніи того же письма.

⁴⁾ См. письмо преосв. Кирилла къ м. Григорію въ бумагахъ м. Никанора и въ Духовн. Вѣсѣдѣ 1858 г. № 19.

⁵⁾ На основаніи письма отъ 12 февраля 1858 г.

времени я совѣтъ блаженнѣйшаго патріарха іерусалимскаго и измѣнили первоначальныя предположенія. Здѣсь-то Господь сподобилъ меня совершить литургію, вторую во время моего морского путешествія, 26 января. Преосвященный бейрутскій, добрейшій старецъ самъ по себѣ, тронутый въ особенности моимъ вниманіемъ, тѣмъ, что я предупредилъ его, поспѣшивъ къ нему тотчасъ по прибытіи въ Бейрутъ, просилъ меня отслужить на другой день вмѣстѣ съ нимъ. Собраніе народа, усердіе молящихся и жажда принять благословеніе отъ русскаго архіерея были и здѣсь такъ похожи на то, что видѣлось въ Смирнѣ. Народъ провожалъ меня до моей квартиры, приготовленной въ домѣ одного изъ почетнѣйшихъ здѣшнихъ гражданъ: вмѣстѣ съ народомъ пріяли отъ меня благословеніе и два маронитскихъ священника и притомъ весьма благоговѣнно, что очень порадовало здѣшнихъ православныхъ. Въ тотъ же день меня пригласили на экзаменъ въ мѣстную народную школу, въ которой обучаются дѣти мѣстныхъ арабовъ—православныхъ,—ихъ больше всего (10: 3: 1),—латины и магометане. Экзаменъ произвелъ на меня весьма разнообразныя впечатлѣнія. Дѣти вообще удивительно способны въ противность увѣреніямъ враговъ населенія восточнаго. Но, въ крайнему прискорбію, прекрасная почва эта попала въ руки чуждыхъ дѣлателей: учитель въ школѣ—маронитъ; главный предметъ преподаванія—французскій языкъ, дѣлающій изумительные успѣхи на Востока¹⁾.

При обсужденіи въ Россіи маршрута путешествія іерусалимской миссіи на Востока въ числѣ пунктовъ, которые миссія должна была посѣтить, на пути въ Іерусалимъ намѣчался, между прочимъ, и Дамаскъ. Находили необходимымъ, чтобы, познакомившись въ Царьградѣ съ двумя восточными патріархами—вселенскимъ и іерусалимскимъ, преосв. Кириллъ

¹⁾ См. письмо преосв. Кирилла къ м. Григорію въ бумагахъ м. Никанора въ Духовн. Бесѣдѣ 1858 г. № 19.

посѣтилъ въ Дамаскъ и третьяго патріарха—антіохійскаго, тѣмъ болѣе, что съ нимъ начальникъ нашей миссіи долженъ былъ имѣть дѣло впоследствии. Однакоже нѣкоторыя обстоятельства и условія, выяснившіяся позже, заставили преосв. Кирилла отступить отъ заранѣе намѣченной программы путешествія. „Путешествіе изъ Бейрута въ Дамаскъ, предполагавшееся при моемъ отправленіи на Востокъ“,—пишетъ преосв. Кириллъ м. Григорію,—„еще въ Константинополѣ возбуждало противъ себя возраженія со стороны патріарха іерусалимскаго, который выразилъ опасеніе, что отклоненіе мое съ прямого пути изъ Царьграда въ Іерусалимъ для свиданія съ третьимъ патріархомъ, послѣ свиданія съ двумя въ Стамбулѣ, могло бы возбудить неосновательныя подозрѣнія съ разныхъ сторонъ. По прибытіи въ Бейрутъ, я узналъ, что это путешествіе было въ то время и невозможно потому, что въ горахъ выпалъ снѣгъ, какого незапомнятъ съ 1812 года. Путешествіе, по симъ причинамъ, отложено до времени послѣ Пасхи, когда предполагаю проѣхать въ Бейрутъ, гдѣ будетъ и патріархъ антіохійскій, а потомъ уже въ Дамаскъ и нѣкоторыя его окрестности, хотя очень не многія потому, что благоразуміе, наконецъ, требуетъ нѣкоторой осторожности въ отношеніи въ личному моему посѣщенію адъшнихъ мѣстностей и селеній, слишкомъ уже сильно сочувствующихъ русскому архіерею и слишкомъ много возлагающихъ на насъ надеждъ. Всему будетъ время; всему должна быть мѣра. На первый разъ я не разсудилъ оставаться долго и въ Бейрутѣ, хотя консулъ и уговаривалъ и даже устрашалъ трудностію пути послѣ недавнихъ бурь.

Съ упованіемъ на милость Божию, 27 числа вечеромъ пустились мы въ послѣдній переѣздъ отъ Бейрута до Яффы, требовавшій 12 часовъ. Море было очень тихо и пристань, часто вовсе неприступная, чего и на этотъ разъ опасались, ровна и гладка, какъ стекло. По милости блаженнѣйшаго патріарха іерусалимскаго, въ Яффѣ приготовленъ уже

былъ намъ пріютъ ¹⁾ и столъ; патріархъ армянскій сдѣлалъ распоряженіе, чтобы и армянскіе монахи встрѣтили насъ; народъ православный ждалъ уже съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ нашего прибытія. Отраднo и умилительно такое сочувствіе, хотя мнѣ собственно и не легко потому, что прямо съ дороги я долженъ былъ начать приемъ посѣтителей, постоянно смѣнявшихъ другъ друга съ утра до ночи въ продолженіе двухъ съ половиною дней, прожитыхъ мною въ Яффѣ. Сколько радости выражено, сколько жалобъ и просьбъ, и надеждъ высказано было мнѣ въ эти два дня! Бѣдные, брошенные люди рады были отвести душу, и старики съ дѣтскою простотою спѣшили говорить за всѣхъ, приходя ко мнѣ по нѣскольку разъ. Утѣшительно, что ни безчеловѣчное коварство враговъ, ни холодная безчувственность и безжалостность своихъ не поколебали въ этомъ терпѣливомъ и кроткомъ стадѣ Христовомъ любви къ православію и церкви. Умилительно было смотрѣть на собраніе православныхъ въ храмѣ 30 января въ день памяти трехъ вселепскихъ учителей и святителей, когда литургію совершала одинъ изъ моихъ іеромонаховъ, а я, по усиленному прошенію жителей, стоялъ обѣдню среди народа, на архіерейской кафедрѣ, принимая, по здѣшнему обычаю, участіе въ священнодѣйствіи преподаваніемъ мира, чтеніемъ символа вѣры и молитвы Господней, и раздаваніемъ антидора. Невозможно описать радость, съ какою обращены были на меня взоры православныхъ здѣшнихъ, всѣхъ отъ мала до велика; съ какимъ усердіемъ ловилъ народъ каждый мой поклонъ, чтобы раздѣ-

¹⁾ Объ этомъ пріютѣ преосв. Кириллъ писалъ своимъ роднымъ въ письмѣ 12 февраля 1858 года слѣдующее: „Квартира въ Яффѣ была отведена прекрасная: домъ съ садомъ. Садъ .. вы не можете представить, что такое этотъ садъ, гдѣ я садѣлъ. Изгородь его — натуральный кактусъ — въ ростъ человека, съ листьями въ три четверти аршина въ длину и въ полъ-аршина въ ширину. Самый садъ весь изъ апельсиновыхъ, лимонныхъ, миндальныхъ, персиковыхъ и абрикосовыхъ деревьевъ...“

лить его со мною. Это была одна молящаяся семья, въ которой я, хотя и недостойно, занималъ мѣсто отца; и умиленна была молитва этой семьи¹⁾.

Съ прибытіемъ въ Яффу, окончилось морское путешествіе нашей миссіи. Путешествіе это и само по себѣ и вслѣдствіе непривычки къ нему преосв. Кирилла, значительно утомило этого послѣдняго. Но утомленный тѣломъ, съ спокойнымъ, повидямому, духомъ вступалъ преосв. Кириллъ на почву святой земли и готовъ былъ совершить послѣдній свой переѣздъ до Іерусалима. „Морской путь свой кончилъ я 28 января, прибывъ утромъ въ Яффу“, писалъ онъ 1 марта 1858 года преосв. Макарію. „Ужась, какое разстояніе, какъ подумаешь о немъ, бывало, въ Петербургѣ. Мнѣ не казалось этого, когда, стоя на террасѣ монастырской, подъ стѣною которой море хлещетъ и катитъ волны свои въ необозримую даль, я смотрѣлъ на море въ прекрасную лунную ночь и въ теплый свѣтлый полудень. Такъ ли ужъ сильны впечатлѣнія прежней жизни, такъ ли ужъ легко и углаженъ былъ для меня, особливою милостію Божіею, сложный и разнообразный путь мой, что впечатлѣнія долгаго путешествія не вытѣснили изъ души вкруга дорогихъ обликовъ и воспоминаній... хлопоты переѣзда и такъ называемаго водворенія (къ моему постоянному двору слово это очень идетъ) въ Іерусалимѣ сокращаютъ немножко и эти пять недѣль“²⁾.

О послѣднемъ своемъ переѣздѣ изъ Яффы до Іерусалима и прибытія въ св. градъ преосв. Кириллъ очень подробно говоритъ въ своемъ письмѣ къ м. Григорію отъ 26 февраля 1858 года. „30 января, въ часъ по полудни“,—пишетъ онъ здѣсь,—„пустились мы, въ сопровожденіи генеральнаго нашего консула и консула яффскаго, греческихъ и армянскихъ монаховъ, и нѣкотораго числа нашихъ поклон-

¹⁾ См. письмо преосв. Кирилла къ м. Григорію въ бумагахъ м. Никанора и въ Духовн. Вѣстнѣ 1858 г. № 19.

²⁾ См. Русск. Стар. 1859 г., т. LXIV декабрь, стр. 799—800.

никовъ; въ послѣдній путь—до Иерусалима. Прекрасный былъ день! Прекрасная и дорога довела насъ до Ремли (древней Рамы). Непривычный ѣздокъ верхомъ на лошади, я однакожь былъ настолько спокоенъ, что трогательныя библейскія воспоминашя свободно входили въ мою душу и сердце трепетале отъ умиленной радости. Путешествіе продолжалось четыре часа. За часъ до Ремли встрѣтилъ насъ начальникъ города съ своими кавалерами (баши-бузуками), которые гарцовали подъ звуки турецкаго барабана, удивляя странниковъ своею удалю и необыкновенною быстротою и ловкостію своихъ коней. Привзваться, это такъ мало подходило къ настроенію моихъ чувствъ и мыслей, такъ болѣзненно дѣйствовало на мои нервы, такъ дурно укладывалось въ моей душѣ съ библейскими воспоминашями, что слезы напльвали на мои глаза и я, въ собственномъ смыслѣ слова, страдалъ въ продолженіи всего этого времени¹⁾. Но надобно цѣнить усердіе и щадить чувства и понятія другихъ, когда ихъ поправить не въ силахъ; надобно было благодарить за оказанное вниманіе, и я благодарилъ нехитрово—потому, что, каковъ бы ни былъ образъ выраженія, но усердіе начальника города и свиты его было искренно: они не знали, какъ бы обязать меня больше; секретарь градоначальника упросилъ меня ѣхать на его прекраснѣйшей, не совсѣмъ по сѣдлу, лошади, которой даже не хотѣлъ взять и обратно. Благодарность, конечно, не ограничивалась словами. На Востокъ слово пролагаетъ только путь даванію. Должно сознаться, что путей этихъ пролагается уже слишкомъ много, несравненно больше того, сколько обыкновенно предполагается при снаряженіи подобныхъ намъ путешественниковъ. Изъ Ремли, куда іерусалимскій паша выслалъ агу съ десяткомъ своихъ кавалеровъ, патріархія—архимандрита съ своими монахами и армянскій патріархъ также архи-

¹⁾ См. письмо преосв. Кирилла къ м. Макарію Булгакову. Тамъ же стр. 800.

мандрита съ братією, выѣхали мы въ 6 ч. у. 31 января. Въ пять съ половиною часовъ вечера въ тотъ же день, послѣ двухъ непродолжительныхъ остановокъ, прибыли мы въ св. Іерусалимъ, благополучно окончивъ (всѣ, кромѣ только о. іеромонаха Ювепалія, за три часа до Іерусалима упавшаго вылетѣ съ лошады на одномъ очень крутомъ подъемѣ и ушибшаго себя ногу, хотя и не крайне опасно) трехмѣсячное странствование въ самое дурное время года.

Что сказать объ этомъ послѣднемъ путешествіи? Трудно найти въ русскомъ языкѣ слова, которыми бы можно было назвать то, что здѣсь называется дорогою въ Іерусалимъ, особенно начиная съ трехъ часовъ отъ Ремли, трудно было бы и красками изобразить эти уступы между постоянно возрастающими горами, сложенными изъ камней, одинъ слой на другомъ, выдающихся уступами, подобно ребрамъ остова какого нибудь великана; эту лѣстницу, образованную самую природою изъ выдающихся камней, на которые лошадь должна взбираться съ крайними усилиями (только здѣшнія лошади и мулы и способны къ этому), осторожно выбирая мѣстечко, гдѣ ступить ногою, между обсыпавшимися обломками камней; эти скользящія тропинки, теряющіяся въ горахъ, эти неожиданные повороты на окраинѣ ровъ, эти спуски (одинъ въ особенности), какихъ въ Россіи не создастъ самое пугливое и разстроенное воображеніе; и все это тянется непрерывно до самаго Іерусалима; трудно выразить ощущенія непривычнаго странника по такому пути, обязаннаго просидѣть на лошади почти десять часовъ сряду. Къ концу пути замираетъ всякое ощущеніе, и страхъ угрожающихъ на каждомъ шагу опасностей, и даже желаніе конца этому путешествію. Можетъ быть, это и хорошо, въ томъ, по крайней мѣрѣ, отношеніи, что къ Іерусалиму для новыхъ впечатлѣній привозишь душу свободную отъ всего искусственнаго и своевольнаго, отъ всякой напряженной и насильственно выжатой мысли, отъ всякихъ преднамѣренныхъ пла-

новъ и предначертаній, отъ всякаго произвольно выжатаго изъ сердца чувства. Таково, по крайней мѣрѣ, было состояніе моеи души, когда мы приближались къ Іерусалиму. Я уже не имѣлъ способности перевести съ своей лошади на патриаршую, которую послали для меня за часъ пути до Іерусалима; не имѣли возможности разстроить меня, какъ предъ Ремлею, пи турецкій барабанъ и нарядъ турецкихъ кавасовъ, посланныхъ мнѣ на встрѣчу пашею, ни первый обмѣнъ привѣтствія съ духовенствомъ греческимъ и армянскимъ (отъ котораго была даже рѣчь на русскомъ языкѣ), провожавшимъ меня до Іерусалима.

Іерусалимъ открывается глазамъ вдругъ, когда выѣзжаешь изъ-за горы. Въ тотъ разъ, когда мы приближались къ нему, было время захода солнца. „Вотъ и Іерусалимъ“,—сказали мнѣ, и солнце, садившееся въ тучахъ, какъ бы нарочно, бросало въ это мгновеніе нѣсколько послѣднихъ лучей, облило розовымъ свѣтомъ сначала гору Елеонскую, видѣвшуюся мнѣ черезъ городъ, потомъ самый городъ, и—скрылось. Невыразимая минута! Дивная минута небесной радости и мира! Какъ будто и не было этой дикой, невообразимой дороги по ступенямъ скалъ и горъ; какъ будто и не было десятичасоваго труда непривычной ѣзды и крайняго изнеможенія силъ отъ непривычнаго и тяжелаго путешествія. Не было мѣста и размышленію. Душа вся вселилась въ очи, а св. Іерусалимъ подавалъ небесный привѣтъ прямо сердцу, и сладостно было сердцу, и молитва сама собой неслась къ св. гробу и выше—къ горнему Іерусалиму, къ Воскресшему изъ гроба.

Не знаю, въ какой степени правы тѣ, которые предвѣрительно рассказывали мнѣ, что Іерусалимъ угрюмъ и мраченъ. Можетъ быть, примѣчу когда-нибудь и это. На первый разъ онъ показался мнѣ свѣтелъ, какъ домъ Божій, любезенъ сердцу, какъ отечество. Благословляю Господа, что сподобилъ меня неожиданнаго утѣшенія видѣть св. градъ и Божій гробъ,—

утѣшенія, выше котораго въ жизни можно указать немного.

Стѣны Іерусалима и врата яфѣскія, которыми намъ должно было вступить въ Іерусалимъ, покрыты были народомъ, ждавшимъ уже нѣсколько часовъ пріѣзда русской миссіи. Мѣстные греки и арабы, армяне и франки, русскіе и пришельцы всѣхъ странъ мѣшались между собою въ этой массѣ, сложившейся изъ нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ и двигавшейся впередъ по мѣрѣ того, какъ мы приближались ко вратамъ. Нѣкоторымъ господамъ было крайне непріятно смотрѣть на нашъ поѣздъ, въ которомъ и армяне, съ епископомъ во главѣ, принимали прямое и открытое участіе; можно было отличить ихъ дышавшія любопытствомъ и не очень радостныя лица: ихъ было не такъ много, какъ, можетъ быть, имъ самимъ желалось. За то трудно перечислить тѣхъ, которые, стоя или идя по обѣимъ сторонамъ дороги, умиленно просили и съ жадностію ловили благословеніе отъ русскаго архіерея; трудно описать чувства этихъ тысячъ православныхъ, между которыми у однихъ лились неудержимыя слезы, у другихъ вырывались крики восторга, у иныхъ вырывались трогательныя выраженія благодарности къ Господу, положившему на сердце православнаго царя русскаго послать во св. градъ архіерея русскаго. Я не смѣлъ дѣлать сравненій; можетъ быть, и не могъ дѣлать въ эти минуты; но приходилось не разъ слышать, что многимъ наглядно напоминался входъ Господень въ Іерусалимъ, и, смотря на нашъ вѣздъ, какаго не припомнить самыя жители Іерусалима, многіе проливали слезы умиленія.

Во вратахъ св. града насъ огласила громогласная православная пѣснь: „Достойно есть“. Ее пѣли русскіе поклонники, во главѣ которыхъ одинъ русскій іеромонахъ встрѣтилъ меня въ епитрахили и съ крестомъ. Потрясающія минуты! Пѣвчіе наши—поклонники—съ радости не щадили голоса и груди, точно такъ же, какъ другіе не щадили своихъ костей, пробиваясь сквозь сплошную массу ко мнѣ, чтобы хоть прикоснуться къ моей рясѣ. Богородичны оглашали весь путь

отъ вратъ до моей квартиры, гдѣ кавасы едва въ состояніи были вырвать меня изъ толпы, готовой, казалось, отъ усердія разорвать меня на части. Священникъ съ крестомъ, уже въ фелони, съ діакономъ въ стихарѣ, а пѣвчіе съ пѣніемъ: „Спаси, Господи, люди твои“ ввели меня въ отведенный мнѣ домъ, совершили коротенькую литію и возгласили многолѣтіе Благочестивѣйшему Государю Императору со всѣмъ Августѣйшимъ Домомъ и Святѣйшему правительствующему все-россійскому Синоду. Возвратный путь въ монастырямъ, гдѣ жили, повлопники также оглашали торжественнымъ пѣніемъ... Не умѣю выразить ощущеній, какія испытывалъ я въ эти минуты, первыя въ Іерусалимѣ, прислушиваясь къ теряющемуся вдали въ ночную уже пору, русскому пѣнію¹⁾.

Такъ окончилось болѣе, чѣмъ трехмѣсячное, и трудное путешествіе русской духовной іерусалимской миссіи. Она прибыла въ Іерусалимъ 31 января 1858 года и преосв. Кириллъ тотчасъ же приступилъ къ дѣлу, которое ему было поручено.

Священникъ Ѡ. Титовъ.

(Продолженіе будетъ).

---

¹⁾ См. въ бумагахъ и. Никанора и въ Духовной Бесѣдѣ 1858 г. № 19 ср. Русск. Стар. 1859 г. т. LXIV, декабрь, стр. 800—801.

АНГЛІЙСКАЯ ШКОЛА.

По поводу изданія К. П. Побѣдоносцева: „Новая школа. М. 1898.“

„По своему практическому характеру, по настойчивому стремленію образоватъ людей цѣльныхъ, развитъ въ нихъ, до высшей степени, всѣ ихъ способности, всю мощь ихъ энергіи и личнаго почина, школа эта рѣшительно выдвигается изъ рамокъ всѣхъ до сихъ поръ практиковавшихся системъ воспитанія“. Такъ характеризуетъ французскій писатель Демолень, изъ статей котораго составлено изданіе К. П. Побѣдоносцева, новый типъ школы, народившійся въ Англіи и горячо рекомендуемый имъ, какъ наиболѣе отвѣчающій задачамъ воспитанія въ наше время. Чтобы рельефнѣе отгнать особенности этой школы, авторъ сначала дѣлаетъ общую характеристику современнаго состоянія школьнаго дѣла въ родной ему Франціи и въ Германіи.

Большинство изъ обучающихся во французскихъ коллегіяхъ, по его словамъ, уже на школьной скамьѣ считаютъ себя кандидатами на различныя должности въ государственной службѣ. Школа здѣсь служитъ карьерѣ: она должна дать дипломъ на право занять то или другое мѣсто въ государствѣ и съ успѣхомъ достигаетъ такой цѣли, подготавливая къ необходимому для этого экзамену. Въ этомъ экзаменѣ, въ возможно быстрой подготовкѣ къ нему, вся задача школы. Отсюда—чудовищная система „натаскиванія“ (*chauf-*

fage)—торопливаго, неосновательнаго, крайне поверхностнаго сообщенія знаній, рассчитанныхъ только на часъ экзамена. Отсюда—вся постановка школы и ея порядковъ, направленная къ выработкѣ лишь типичнаго чиновника, человѣка выдрессированнаго только въ послушаніи, но съ полнымъ отсутствіемъ способности личныхъ начинаній и всякой самостоятельности вообще. Таковы всѣ французскіе громадныя интернаты, устроенные по . одному общему казарменному типу. Въ результатѣ—1) не только поверхностность знаній, но и неспособность восполнить ихъ путемъ самостоятельныхъ занятій послѣ школы, неспособность къ изученію предмета глубокому и основательному, къ методическому труду вообще, —2) полное обезличеніе, притупленіе индивидуальныхъ склонностей и стремленій, вялость личной энергіи, почина, полнѣйшая неспособность къ самостоятельной жизненной борьбѣ.

Мало отраднато видитъ авторъ и въ школѣ германской съ ея прославленной педагогіей и филологіей—„глубокой, тонкой германской филологіей“. Весьма знаменательнымъ является тотъ фактъ, что въ самой же Германіи раздается громкій протестъ противъ современной постановки школьнаго дѣла, идущій притомъ съ высоты престола. Многопредметность, не только ослабляющая физическое развитіе, но притупляющая и умственныя силы, слишкомъ большое вниманіе, въ частности, къ классической филологіи, идущее въ ущербъ своимъ, чисто національнымъ предметамъ образованія, „ужасное перепроизводство“ оканчивающихъ научные курсы, яростная борьба за школу, сдѣлавшуюся яблокомъ раздора для политическихъ партій,—вотъ недостатки, отмѣчаемые въ своей современной школѣ германскимъ императоромъ. Но и тотъ идеаль, на который указываетъ самъ онъ (воспитаніе молодыхъ поколѣній въ чувствахъ и сознаніи исключительнаго величія и славы своей единой имперіи), не можетъ быть признанъ удовлетворительнымъ. Такое воспитаніе не создастъ „людей практическаго дѣла, способныхъ къ плодо-

творному труду, къ умѣнью найтись во всемъ, что требуетъ самодѣтельности", выдержать ту самую жизненную борьбу, на которую указывалъ въ той же рѣчи самъ императоръ.

И вотъ вниманіе Демолена съ симпатіей останавливается на новомъ типѣ школы—англійской, который онъ подробно изучилъ на мѣстѣ. Школа эта ставитъ задачею своею приготовить именно „людей дѣла“, „способныхъ самостоятельно справляться со всѣми затрудненіями, со всѣми осложненіями жизни“, привыкшихъ рассчитывать „не на даровую общественную помощь, не на какиѣ-либо искусственныя общественныя группы, а лишь на самихъ себя“ (стр. 27 и 51). Какими путями идетъ она къ своей цѣли?

Школа стремится, во-первыхъ, гармонически развить всѣ силы своихъ учениковъ, воспитать въ нихъ здоровый энергическій духъ и такое же тѣло, во-вторыхъ,—напередъ познакомить ихъ именно съ тѣмъ, что окажется нужнымъ для нихъ въ жизни: она должна быть „не искусственною средою, въ которой соприкосновеніе съ жизнію возможно только чрезъ книги, но маленькимъ міромъ, реальнымъ, практическимъ, какъ можно ближе знакомящимъ дѣтей съ дѣйствительною сущностью вещей“ (стр. 30). На этихъ началахъ и создается вся жизнь школы.

Такъ, прежде всего, самое серьезное вниманіе и заботы посвящаются тому, чтобы питомцы школы вели жизнь вполне здоровую, которая способствовала бы правильному физическому росту ихъ, укрѣпленію и закаленію ихъ тѣлесныхъ силъ. Это для новой школы вопросъ громадной важности, и къ усиленному рѣшенію его приложены всѣ старанія. Въ тѣхъ случаяхъ, на которые ссылается Демолентъ, школа расположена не въ гѣродѣ, а вдали отъ него, среди простора деревенскихъ полей и луговъ, въ хорошей, вполне здоровой мѣстности. „Вокругъ—воздухъ, свѣтъ, просторъ, зелень, вмѣсто тѣсныхъ дворовъ, замкнутыхъ высокими стѣнами“, какъ то обыкновенно бываетъ въ школахъ. Это интернатъ съ оурами-

ченными количествомъ воспитанниковъ (не больше ста). Изъ дня въ день жизнь течетъ здѣсь въ строгомъ порядкѣ, урегулированная особымъ распредѣленіемъ времени. Каждый учебный день дѣлится на три части, совершенно различныя по своему содержанию.

Утро, начинающееся очень рано (около 6 ч. лѣтомъ и въ 7 ч. зимою), естественно, посвящается *умственному* труду. Вплоть до обѣда идутъ занятія учебными предметами, прерываемыя завтраками и гимнастикой. Но къ нимъ мы еще возвратимся.

Вторая часть дня, болѣе четырехъ часовъ между обѣдомъ и вечернимъ чаемъ, проводится за работами и упражненіями исключительно *физическаго* характера. Въ это время работаютъ въ саду, въ полѣ, въ мастерскихъ, совершаютъ прогулки пѣшкомъ, на велосипедахъ. Здѣсь преслѣдуется нѣсколько цѣлей. Первая изъ нихъ конечно—воспитаніе тѣла, правильное физическое развитіе учениковъ. „Недавно видѣлъ я девятилѣтняго мальчика, посѣщающаго коллегію св. Станислава, говоритъ Демолень: онъ, весь день проучившись въ школѣ, еще былъ вынужденъ по вечерамъ сидѣть за уроками и заданными работами часовъ до 9—10. Это переутомленіе не только губельно для здоровья, но и для самаго обученія...“ Между тѣмъ „многія неудачи въ жизни происходятъ отъ физической слабости; поэтому дѣтямъ необходимо ежедневно упражняться физически и совершать ручныя работы“. Онѣ ведутъ къ „укрѣпленію тѣла и уменьшенію его чувствительности, происходящей отъ умственнаго переутомленія и слишкомъ сидячей жизни“; онѣ же развиваютъ не только силу, но и умѣлость, ловкость рукъ и другихъ членовъ тѣла (стр. 43—44).

Но то, чѣмъ занимаются воспитанники въ эти часы дня, помимо физическаго воспитанія, имѣетъ и другую цѣль: ставить учениковъ въ самое близкое, непосредственное соприкосновеніе съ дѣйствительною жизнью и сообщаетъ многія прак-

тическія знанія и умѣнія. Работы плотника, столяра, каменщика, огородника, садовника, слесаря, товаря, фотографа и многія другія частію усваиваются ими, благодаря нарочитымъ посѣщеніямъ близъ лежащихъ фермъ и фабрикъ, частію же и проходятся ими самими на практикѣ. Спеціальныя экскурсіи, предпринимаемыя съ этою цѣлью, приносятъ большую пользу. Здѣсь дается возможность наблюдать, какъ сырой магерьяль, предоставленный природою въ распоряженіе человѣка, въ рукахъ послѣдняго проходитъ цѣлый рядъ послѣдовательныхъ превращеній до тѣхъ поръ, пока не получится изъ него то, что желательно человеку. Того, чему научаются здѣсь—легко, безъ всякаго труда, путемъ одного интереснаго наблюденія,—ученики никогда не забудутъ. Мало того: именно здѣсь весьма часто обнаруживаются истинныя склонности и способности дѣтей, которыя безъ этого остались бы скрытыми и заглохли. Что касается собственныхъ практическихъ работъ учениковъ, то въ виду привлеченія большого интереса къ нимъ, стараются направить ихъ къ удовлетворенію нуждъ въ собственной школьной жизни, сдѣлать замѣтными и пріятными для самихъ же учениковъ результаты этихъ работъ. И эта цѣль прекрасно достигается: собственными руками ученики создали большую часть предметовъ, которыми окружены и пользуются. Они сами очистили свою ферму и садъ, провели дорожки, устроили цѣлую систему дренажа, окрасили стѣны и заборы, сработали многіе предметы изъ окружающей ихъ мебели, построили сарай, голубятню, двѣ лодки и т. д. Выѣстъ съ расширеніемъ школы въ количественномъ отношеніи все болѣе расширяются объемъ и планы таковыхъ практическихъ занятій (стр. 44—45).

Развивая физически и научая многому, безспорно полезному и нужному въ жизни, занятія эти рассчитаны еще на одно пріобрѣтеніе—въ области нравственнаго воспитанія. Физическія упражненія, работы на вольномъ воздухѣ имѣютъ важное значеніе еще по своему нравственно одоравливающему,

умѣряющему вліянію. „Въ нашей школьной системѣ, говоритъ авторъ, мы стараемся дѣйствовать на молодежь нравственными и религіозными наставленіями; но дѣйствіе ихъ къ счастью ослабляется сидячею жизнью, на которую обречены ученики. А ничто такъ ее способствуетъ этому дѣйствію, какъ дѣятельная жизнь, возбуждающая энергическую реакцію—физическою усталостію въ теченіе дня и крѣпкимъ сномъ ночью. Ручныя работы, игры, приводящія въ движеніе всѣ члены, ежедневное купанье лѣтомъ и зимою—вотъ нравственные пружины гораздо дѣйствительнѣе словесныхъ наставленій, которыя входятъ въ одно ухо и выходятъ въ другое“ (стр. 79). Кромѣ того, сопротивленіе неизбежно встрѣчающееся при каждой физической работѣ, и со стороны самого матерьяла, и отъ неумѣнья работающаго, способствуетъ выработкѣ терпѣнія и настойчивости, т. е. весьма важныхъ качествъ человѣческаго характера. Наконецъ, многія изъ этихъ практическихъ занятій развиваютъ эстетическій вкусъ, чувство изящнаго и соответствующія этому способности.

Остается еще одна часть учебнаго дня—вечеръ. Чему посвящается онъ въ этой школѣ: приготовленію уроковъ на завтра, повторенію и усвоенію преподаваннаго въ классахъ утромъ? Ничуть не бывало. Съ умственнымъ трудомъ покончили утромъ, а три часа вечера посвящаются *эстетическому* развитію и развлеченіямъ—пѣнію, чтенію изящной литературы, театральнымъ репетиціямъ, ваянію и лѣпкѣ, танцамъ и особенно музыкѣ, которой придается большое значеніе, какъ одному изъ важныхъ воспитательныхъ средствъ. Виѣсть съ эстетическимъ развитіемъ здѣсь преслѣдуется задача воспитать человѣка свѣтскаго, ловкаго, изящнаго, умѣющаго вести себя въ обществѣ, для чего нужно прежде всего „освободить его изъ коры неуклюжаго школьника“ (стр. 112).

Итакъ, уже это распредѣленіе занятій каждаго учебнаго дня само по себѣ ясно показываетъ, что жизнь въ школѣ идетъ дѣйствительно здоровая, что объ умственномъ пере-

утомленіи здѣсь не можетъ быть и рѣчи. Должно прибавить сюда прекрасное питаніе, правильный сонъ (въ 9 ч. день уже оканчивается) и тщательное соблюденіе самой строгой чистоплотности, правилъ личной гигиены (см. стр. 48). Все это вмѣстѣ взятое дѣлаетъ школу разсадникомъ людей здоровыхъ и сильныхъ. „Установленный нами режимъ, говоритъ директоръ школы, долженъ убѣдить молодыхъ людей въ томъ, что человѣку слѣдуетъ быть здоровымъ, и что большинство болѣзней—результаты заблужденій, невѣжества, переутомленія, беспорядочнаго труда или порока“. И въ его школѣ, если вѣрить ему, болѣзней почти совсѣмъ не бываетъ: „недомоганій весьма мало; рѣдки даже насморкъ и головниа боли“ (стр. 47—48).

Но одна сторона, конечно, еще не рѣшаетъ всего дѣла. Что даетъ школа для желательнаго широкаго развитія *умственныхъ силъ* питомца и для добраго *нравственнаго* направленія его воли? Прежде всего, какихъ результатовъ можетъ достигъ она, отводя такъ мало времени умственному труду, на который при обычной постановкѣ школы расходуется почти все время ученика?

Учебный курсъ школы дѣлится на два періода—общеобразовательный и спеціальныи. Въ первомъ проходятся науки, которыя признаются нужными для всѣхъ, сообщаются познанія, необходимыя каждому человѣку, какая бы ни предстояла ему дѣятельность. Древніе языки въ этотъ курсъ не входятъ. Время, расходующееся въ обычной классической школѣ на изученіе ихъ, здѣсь отдается живымъ языкамъ—своему родному и двумъ важнѣйшимъ иностраннымъ. Кромѣ языковъ, въ эту общеобразовательную программу входятъ счетъ и математика, географія и исторія, цѣлая группа наукъ естественныхъ: геологія, ботаника, зоологія, физика, химія, и наконецъ, рисованіе. Отсутствіе древнихъ языковъ, поглощающихъ въ классической школѣ такъ много учебнаго времени, даетъ возможность гораздо шире и плодотворнѣе поставить обученіе другимъ предметамъ, имѣющимъ прямое жизненное значеніе. Но интересны и самыя методы этого обученія въ новой школѣ.

Общее начало, котораго старается она строго держать-ся здѣсь, это—по возможности *не отдѣлать теоріи отъ практики, а идти къ первой путемъ второй*. Принципъ этотъ проводится съ возможною широтою. Такъ, при обученіи иностраннымъ языкамъ, начинаютъ практикой — разговорною рѣчью. Грамматика сообщается послѣ и лишь по мѣрѣ дѣйствительной потребности въ ней. „Этотъ методъ, коего знать не хотятъ наши преподаватели языковъ, есть методъ естественный: такъ всѣ мы научились родному своему языку, безъ всякихъ усилій, почти того не замѣчая“ (стр. 39—40). „Дѣтскому уму противно сухое и темное ученье посредствомъ грамматики и словаря, напротивъ того, легко учиться языку практикой. Ухомъ легче усваивать рѣчь, нежели глазомъ“ (ст. 97—98).

Обученіе своему родному языку обыкновенно очень дорого достается ученикамъ: „приравняли родную рѣчь къ мертвымъ языкамъ, начинили ее грамматикой, орфографіей, анализами, обставили ее частоклономъ изъ разныхъ правилъ, отвлеченностей, тонкостей,—какъ будто желали совсѣмъ отъратить дѣтей отъ родной рѣчи“... Въмѣсто этого нужно идти къ дѣлу путемъ практики, нужно „пріохотить дѣтей къ чтенію лучшихъ писателей: посредствомъ чтенія гораздо удобнѣе отразятся у нихъ и слогъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и обычная орфографія съ грамматикой“ (стр. 97).

При обученіи ариметикѣ и математикѣ вообще, стараются вводить въ возможной степени элементъ наглядности, облегчая пониманіе ученикамъ посредствомъ соотвѣствующихъ выкладокъ на различныхъ предметахъ или посредствомъ черченія. Главное же—въ сухое и скучное обученіе вводится живой интересъ путемъ непосредственнаго практическаго приложенія узнаннаго въ собственной же обыденной жизни. Различныя отрасли математики изучаются за тѣми же практическими работами, которымъ посвящается въ каждомъ днѣ время отъ обѣда до вечера: при составленіи счетовъ по дому,

по саду, по фермѣ, по играмъ, мастерскимъ и прочему хозяйству школы, при различныхъ работахъ, гдѣ требуется измѣреніе, черченіе, различныя формы и способы построения и пр. Цифры здѣсь оживляются, и вся такая математика пріобрѣтаетъ жизненный интересъ.

Географія и исторія занимаютъ широкое мѣсто въ учебной программѣ. Первая отнюдь не должна сводиться, какъ то обыкновенно бываетъ, къ „сухому перечисленію горъ и рѣкъ, городовъ и административныхъ округовъ, словомъ, къ ряду терминовъ, лишь съ трудомъ запомипаемыхъ, лишь временно обременяющихъ память, безъ существенной пользы для образованія“. Географія въ своей сущности должна быть понимаема въ смыслѣ изученія той физической среды, подъ вліяніемъ многообразныхъ условій которой складывается жизнь человѣка во всѣхъ ея формахъ, а потому должна быть поставлена на соответствующихъ этому началахъ. Исторія должна стоять въ самой тѣсной связи съ географіей, поскольку и она есть изученіе тѣхъ же вліяній физической среды на человѣка, но уже выразившихся въ прошлой жизни народовъ, уже проявившихъ здѣсь свою силу и давшихъ извѣстные результаты. При изученіи ея обращаютъ главное вниманіе на „выясненіе причинъ и слѣдствій въ сложной исторической драмѣ, а не обременяютъ только умъ избыткомъ фактовъ и чиселъ“. Стараются опредѣлить отношенія между физическими и политическими особенностями странъ. Начинаютъ съ своей родной исторіи и затѣмъ уже знакомятся съ характерными періодами исторіи всемірной (стр. 41—42).

При изученіи естественныхъ наукъ ищутъ отъ непосредственнаго наблюденія. Это легко выполнимо, благодаря помѣщенію школы за городомъ, на лонѣ природы: здѣсь ученики безъ особаго труда могутъ наблюдать и собирать многочисленные образчики изъ царствъ минеральнаго, растительнаго и животнаго. Нарочитыя экскурсіи, обозначенныя въ

рописаніи послѣобѣденныхъ часовъ на каждую недѣлю, имѣютъ между прочимъ своею цѣлью такое наблюденіе природы и собираніе коллекцій, приводимыхъ затѣмъ въ систематическій порядокъ. Наука такимъ образомъ становится не только естественнѣе и понятнѣе, но и привлекательнѣе. Благодаря возбужденному въ школѣ живому интересу къ такимъ занятіямъ, охота къ нимъ не исчезаетъ и по выходѣ изъ школы; напротивъ, является желаніе путемъ самостоятельной работы въ той же области расширить свои знанія. А знанія эти имѣютъ громадное практическое значеніе: они нужны всякому. „Нашъ бакалавръ словесныхъ наукъ, говоритъ Демолень, остается въ полномъ невѣдѣніи на счетъ геологіи, ботаники и зоологіи; удивленіе его, на примѣръ, когда указываютъ ему на растенія, самыя обыкновенныя, по истинѣ комично. По физикѣ и химіи онъ имѣетъ лишь зачаточныя свѣдѣнія, наскоро пріобрѣтенныя наканунѣ экзамена, въ годъ, посвящаемый философіи. Итакъ, онъ совершенно незнакомъ съ природою въ многообразныхъ и дивныхъ ея явленіяхъ. Міръ для него какъ бы вовсе не существуетъ“!.. Между тѣмъ, ознакомить съ этою областью знанія весьма легко, потому что дѣти, даже самыя малыя, особенно интересуются именно этими предметами (стр. 103—104) и при умѣломъ веденіи дѣла просто пристращаются къ нимъ.

Наконецъ и рисованію придается большое значеніе, помимо его эстетически развивающихъ элементовъ, какъ важному вспомогательному средству при обученіи другимъ наукамъ.

Таковы программа и общіе методы обученія въ первомъ общеобразовательномъ курсѣ. Должно прибавить при этомъ, что вся учебная работа происходитъ въ классѣ, подъ наблюденіемъ и личнымъ руководствомъ учителя. „Онъ сначала спрашиваетъ у дѣтей послѣдній урокъ, толкуетъ имъ урокъ новый, еще спрашиваетъ, чтобы убѣдиться, что поняли. И все это дѣлается въ классѣ,—учитель ходитъ по рядамъ, отвѣ-

чая на вопросы, помогая ученику въ затрудненіяхъ; ободряетъ ретивыхъ, лѣпнымъ дѣлаетъ замѣчанія. Такая система, конечно, возможна лишь при ограниченномъ числѣ учениковъ—отъ 10 до 15 въ классѣ. Это и есть единственно плодотворная педагогическая метода, когда, по выраженію Монтеня, идетъ общая мозговая работа у учителя съ учениками“ (стр. 70). Но къ какимъ же результатамъ приводитъ ученика этотъ первый общеобразовательный курсъ? Прошедшій его, т. е. приблизительно къ 14-му году, воспитанникъ, по словамъ Демолена, хорошо владѣетъ родною рѣчью и двумя иностранными языками. „Онъ посвятилъ географіи и исторіи болѣе времени, чѣмъ удѣляется его при преподаваніи общепринятомъ и по методу, лучше выясняющему связь между явленіями. Что касается до наукъ естественныхъ, физическихъ и химическихъ, совершенно исключенныхъ изъ нашихъ программъ до класса философіи, то свѣдѣнія его весьма обширны и практичны. Сверхъ того онъ имѣетъ понятіе о садоводствѣ и полеводствѣ; онъ приступилъ къ работамъ надъ деревомъ и желѣзомъ; онъ укрѣпленъ физически жизнію на открытомъ воздухѣ и разнообразными тѣлесными упражненіями; наконецъ, умъ его раскрытъ для искусства, для музыки, для жизни общественной. Подъ вліяніемъ этого равносторонняго вліянія, способности, дремавшія въ этомъ 12—13-лѣтнемъ ребенкѣ, могли обозначиться въ томъ или иномъ направленіи, такъ какъ въ немъ были возбуждены всѣ виды любознательности... Ему открыты просвѣты на всѣ пути науки и жизни“. Итакъ, дальше или онъ самъ, или родители его могутъ сдѣлать уже сознательный правильный выборъ между этими путями (стр. 113—114).

Соотвѣтственно различію послѣднихъ, дальнѣйшій курсъ школы содержитъ нѣсколько спеціальныхъ отдѣловъ (четыре: 1) словесности, 2) наукъ(?), 3) земледѣлія и колонизаціи, 4) промышленности и торговли), и какой бы изъ нихъ ни избралъ для себя ученикъ, оказывается, что эта школа приго-

товить его къ достиженію намѣченной имъ цѣли гораздо лучше, успѣшнѣе обычной школы стараго типа. Не говоря уже о такихъ профессіяхъ чисто практическаго характера, какъ промышленность, торговля, земледѣліе, колонизація,— даже къ ученымъ профессіямъ, путь къ которымъ лежитъ непременно чрезъ изученіе древнихъ языковъ, не смотря на краткость курса, школа подготавливаетъ успѣшно. Почему и какими средствами? Она практикуетъ другой способъ обученія, отличный отъ употребляемаго въ школахъ классическихъ.

Обыкновенно начинаютъ съ грамматики. Наука эта, сухая и безжизненная вообще, для дѣтей, вынужденныхъ съ помощью одной лишь памяти заучивать массу всевозможныхъ правилъ и исключеній, является крайне тягостною. Нужно ввести ученика въ *пониманіе* языка, а для этого, если ужъ нельзя пользоваться методомъ практическимъ, разговорнымъ, который приводитъ къ такимъ блестящимъ результатамъ при обученіи живымъ иностраннымъ языкамъ, нужно обратиться къ чтенію и притомъ сразу къ настоящему чтенію цѣльныхъ произведеній авторовъ, а не къ тому „тяжкому чтенію, которое производится посредствомъ словаря и грамматики“. Для этого нужно дать ученику страницы греческаго и латинскаго текста съ готовымъ переводомъ, который наглядно передавалъ бы ему смыслъ каждаго слова и каждой фразы. Такое чтеніе интересуетъ ученика и своимъ содержаніемъ и главное—быстрымъ успѣхомъ въ усвоеніи языка: множество словъ, выраженій, фразъ, часто повторяясь, легко запечатлѣваются въ памяти. Затѣмъ, по мѣрѣ надобности, для объясненія текста, обращаются и къ грамматикѣ, но непременно только въ связи съ текстомъ, по поводу встрѣчающихся въ немъ затрудненій, а не отдѣльно (стр. 90 — 92). Грамматика „ставится въ концѣ, въ качествѣ помощи, а не впереди, въ видѣ преграды“ (стр. 115). Демолень приводитъ, кромѣ собственнаго, и другіе примѣры, когда таковой методъ обученія древнимъ языкамъ давалъ благіе результаты (стр. 92—93), и

кромѣ того указываєть на попытку одной школы еще болѣе облегчить дѣло путемъ простыхъ легкихъ разговоровъ между учениками на латинскомъ языкѣ (стр. 116—117). Итакъ, даже въ этой области новая школа, по его мнѣнію, стоитъ далеко выше старой. „Мы утверждаемъ съ увѣренностью, основанною на опытѣ, говоритъ онъ, что даже для приготовленія въ бакалавры словесности программа новой школы превосходить программу школы обычной“ (стр. 119).

● Остается еще одна сторона школьнаго дѣла—чисто воспитательная. Какъ поставлена она въ школѣ новой?

„Нынѣшняя метода воспитанія, говоритъ Демолень, не отвѣчаетъ потребностямъ нашего времени... Не смотря на весь опытъ, не сматра на всѣ добрыя намѣренія, на ученика все еще продолжаютъ смотрѣть какъ на податную единицу, отъ которой требуютъ, не объясняя зачѣмъ, извѣстнаго количества работы, какъ на человѣка, обвиняемаго въ лѣности и въ упорствѣ, осужденнаго проходить непрерывный рядъ уроковъ, подъ уздою. *Мы не умѣемъ воспитывать его въ свободу...* Новое воспитаніе должно возбудить ученика, нынѣ пребывающаго въ страдательномъ отношеніи, къ умственной дѣятельности, должно оставить ему *во всемъ нравственномъ его поведеніи извѣстную долю свободы*, которая будетъ возрастать по мѣрѣ его роста“ (стр. 60). Вотъ общее начало, которому слѣдуетъ новая школа въ чисто воспитательной сторонѣ своего дѣла. Соотвѣтственно этому здѣсь установлены такія отношенія между учителемъ и учениками, между воспитателемъ и питомцами, какихъ мы почти не встрѣчаемъ нигдѣ въ другихъ школахъ.

Такъ, представителями учебнаго состава обыкновенно являются два лица: учитель и надзиратель. Первый является въ школу лишь въ урочные часы. Все дѣло его здѣсь—въ извѣстные промежутки времени, строго обозначенные звонками, передать ученикамъ опредѣленное количество свѣдѣній по предмету своей специальности. Выполнивъ это,

онъ считаетъ свою миссію въ школѣ оконченной. Аудиторія юныхъ слушателей, окружающихъ его кафедру въ строгомъ, чинномъ порядкѣ, не имѣетъ и не можетъ имѣть къ нему никакихъ *личныхъ* отношеній. Онъ сообщаетъ ей свѣдѣнія и требуетъ отъ нея отчета въ правильномъ усвоеніи ихъ,—вотъ и все. Надзиратель стоитъ къ ученикамъ въ болѣе близкихъ отношеніяхъ, но послѣднія почти всегда непріятныя: полицейскій надзоръ, которому онъ служить, способенъ внушить лишь чувства страха и вражды. Въ большинствѣ случаевъ онъ становится крайне тягостнымъ и для самого надзирателя. Итакъ, представители школы не воспитываютъ своихъ учениковъ. Закрывая отъ нихъ свою душу, послѣдніе отдаются всецѣло воздѣйствіямъ своей товарищеской среды. Она и оказывается единственнымъ направителемъ школьнаго воспитанія — въ отрицательную сторону. Школа въ цѣломъ составѣ учащихся ведетъ глухую борьбу съ „начальствомъ“, а такъ какъ между взрослыми и дѣтьми борьба не равная, то для ея уравновѣшенія роковая необходимость влечетъ учениковъ къ притворству и лжи. Вотъ, по словамъ Демолена, главная причина, почему школы не только не улучшаютъ дѣла воспитанія, начатаго въ семьѣ, а чаще лишь разрушаютъ въ душѣ нитомца все доброе, зародившееся тамъ подъ кровомъ родной семьи: ложь есть самый страшный врагъ воспитанія, между тѣмъ ядомъ ея пропитаны всѣ стѣны школъ.

Иначе поставлено дѣло въ новой школѣ. Прежде всего, здѣсь нѣтъ „учителя“ и „надзирателя“, какъ двухъ отдѣльныхъ типовъ: оба соединены въ одномъ лицѣ. Каждый учитель есть и воспитатель. Онъ живетъ въ школѣ вмѣстѣ съ учениками. Съ утра до вечера онъ при нихъ неотлучно. Онъ не только учитель въ классныхъ комнатахъ, но и руководитель въ играхъ, въ различныхъ физическихъ упражненіяхъ и работахъ, въ экскурсіяхъ и проч. Онъ носитъ одинаковую съ учениками одежду, вмѣстѣ съ ними садится за столъ въ общей столовой. Если онъ женатъ, его жена также или

учить, напр., музыкѣ, рисованію, или надзираетъ за хозяйствомъ, во всякомъ случаѣ стоитъ въ близкихъ отношеніяхъ къ жизни школы. Жены директора и учителей обѣдаютъ вмѣстѣ съ учениками и каждый вечеръ встрѣчаются съ ними въ общей гостинной, принимая самое живое участіе въ ихъ эстетическихъ работахъ и развлеченіяхъ. Эта совмѣстная жизнь учителей и учениковъ, это присутствіе женщины придаетъ школѣ особый семейный характеръ. Последнему, какъ нельзя болѣе, отвѣчаетъ и вся внѣшняя обстановка школы. Столовые и гостинныя обставлены со вкусомъ лучшихъ семейныхъ домовъ. Войдите въ столовую: „она весела и удобна, сервировка изящна, столъ покрытъ скатертью“. Гостинныя, въ которыхъ проводятся вечера, убраны съ тѣмъ, чтобы производить впечатлѣніе радости и гармоніи: мебельровка тщательная и художественная, фортепіано, картины, статуи—все это подобрано въ цѣляхъ воспитательныхъ. Итакъ, школа представляетъ изъ себя семью. Это жизнь семейная, и ребенокъ, поступающій въ эту школу и оставляющій свою семью, вступаетъ въ другую—въ большую семью директора и учителей.

Естественно, что и всѣ отношенія между воспитателями и питомцами здѣсь должны потерять тотъ характеръ сухости, официальности, педантизма, какимъ отличаются они въ обычныхъ школахъ. При такой совмѣстной жизни они становятся проще, естественнѣе и приближаются къ отношеніямъ между родителями и дѣтьми въ семьѣ. Въ нихъ широкое мѣсто получаютъ довѣріе, личная симпатія, чувство правды, уваженіе къ авторитету. Тутъ у дѣтей нѣтъ того приниженія и смиренія предъ начальствомъ, всегда фальшиваго, какое такъ часто встрѣчается въ школахъ. Здѣсь нѣтъ и той лжи, страшную сѣть которой собственными руками сплела для себя обыкновенная школа.

Есть, наконецъ, громадное различіе и въ личностяхъ самихъ представителей школы старой и новой. Въ первой это люди „чисто мозговой, умственной формациі, спеціалисты —

подлинныя или мнимыя“, закоснѣвшіе въ своей области. Существа нецѣльныя, образованныя механически, они не въ силахъ образоватъ людей цѣльныхъ и жизненныхъ. Это „произведеніе лабораторіи, а не жизни, плодъ выращенный въ теплицѣ и въ четырехъ стѣнахъ, а не на вольномъ воздухѣ, въ средѣ живой природы“ (стр. 75). Такіе педагоги не могутъ быть истинными добрыми направи́телями воспитанія внѣшества уже по одному тому, что они неспособны даже понимать дѣтскую природу и отвѣчать на ея запросы. Совершенно иными чертами характеризуетъ Демоненъ учителя—воспитателя въ новой школѣ. Вотъ требованія, предъявляемыя тамъ къ кандидату на эту должность: 1) *въ нравственномъ отношеніи* это долженъ быть „христіанинъ, человекъ труда, добросовѣстный въ работѣ, аккуратный, джентльменъ; 2) *въ умственномъ отношеніи* онъ долженъ имѣть отличныя познанія въ тѣхъ предметахъ, коимъ будетъ обучать; 3) *въ отношеніи физическомъ*—долженъ быть крѣпкаго сложенія, здоровый, энергическій, безъ недостатковъ зрѣнія, слуха, голоса и пр.; 4) *въ педагогическомъ отношеніи*—долженъ имѣть опытъ совмѣстной жизни въ школѣ или въ университетѣ“. Кроме того онъ „долженъ имѣть твердое намѣреніе избрать учебное и воспитательное дѣло—дѣломъ своей жизни и посвятить себя школѣ. Если нѣтъ у него такого расположенія, то нечего ему и предлагать себя“ (стр. 76). Мы видимъ, какого разнообразія качествъ требуетъ эта школа отъ своего учителя. Для того, чтобы стать истиннымъ учителемъ—воспитателемъ, какъ понимается это дѣло въ англійскихъ колледжахъ, нужно имѣть способность всецѣло слѣться съ жизнью воспитанниковъ, раздѣлять не только умственные труды ихъ, но и всѣ занятія до игръ и развлеченій включительно, а для этого недостаточно быть специалистомъ въ известной области теоретическихъ знаній, а необходимы еще соотвѣтствующія качества и нравственныя и даже физическія.

Вот картина учебно-воспитательнаго дѣла въ этой англійской школѣ, нарисованная Демоленомъ. Довѣряя послѣднему, мы не можемъ не согласиться съ общимъ выводомъ его, что школа эта „выдвигается изъ рамокъ до сихъ поръ практиковавшихся системъ воспитанія“: весьма многое здѣсь—отъ стоящихъ во главѣ школы директора и преподавателей до распредѣленія предметовъ обученія и частностей школьной жизни—представляется явленіемъ новымъ, совершенно неизвѣстнымъ у насъ въ Россіи и почти неизвѣстнымъ даже въ западной Европѣ. И должно сказать, что нѣкоторыя стороны этой школы въ характеристикѣ Демолена производятъ впечатлѣніе прямо чарующее. Читая увлекательныя строки французскаго публициста, по временамъ какъ бы переносишься въ какое то волшебное дѣтское царство, гдѣ оказывается, прекрасно осуществлены на практикѣ нѣкоторыя изъ тѣхъ *ria desideria*, о которыхъ мечтали лучшіе представители педагогической мысли.

Въ самомъ дѣлѣ, кто не желалъ бы, напр., чтобы школа наша по своему строю, по духу и характеру отношеній между своими членами, если не вполне уподоблялась, то хотя бы по возможности приближалась къ семьѣ? Кто станетъ оспаривать, что это идеаль, къ которому должна стремиться каждая школа? И однако мы не видимъ нигдѣ даже замѣтнаго приближенія къ этому идеалу. Тѣ недостатки, какія отмѣчаетъ Демолень въ этомъ отношеніи въ своихъ французскихъ коллегіяхъ, всецѣло можно отнести и къ нашимъ школамъ (не интернатамъ). Тѣ же, только чисто официальные, казенныя отношенія между преподавателями и учениками; тотъ же, яко бы воспитательный, на самомъ же дѣлѣ лишь полиційскій надзоръ въ лицѣ особыхъ спеціальныхъ приставниковъ къ этому дѣлу, а отсюда и та же особая, спеціально школьная ложь, какъ коренной и странный недугъ, бороться съ которымъ школа бессильна. И вотъ предъ нашимъ взоромъ, уже давно привыкшимъ къ этой мрачной картинѣ, вдругъ раскрываются

въ такомъ плѣнительномъ блескѣ яркія свѣтлыя черты совершенно другихъ отношеній въ школахъ, именно личныхъ, близкихъ, почти семейныхъ, въ которыхъ удачно устранены всѣ тѣ преграды, какія обыкновенно созидаеть школа между учителемъ и ученикомъ, совершенно закрывая ими доступъ къ душѣ послѣдняго. Получается впечатлѣніе настолько сильное, что отказываешься вѣрить строгой точности наблюденій автора.

Кто не желалъ бы, далѣе, чтобы школа наша не только не тормозила правильнаго физическаго роста и развитія своихъ питомцевъ, но всѣми зависящими отъ нея мѣрами и средствами способствовала ему? На какомъ бы поприщѣ ни пришлось послѣ работать ученикамъ ея, несомнѣнно, крѣпость тѣлесныхъ силъ, выносливость, здоровье всегда и вездѣ будутъ для нихъ предметомъ весьма большой важности, потому что нѣтъ въ жизни такого дѣла, которое не требовало бы отъ насъ соответствующихъ физическихъ силъ. Да помимо этой жизненно-практической стороны вопроса, правильное и успѣшное рѣшеніе его весьма важно и въ чисто воспитательномъ отношеніи. Древне-классическое изреченіе: „здоровый духъ въ здоровомъ тѣлѣ“ никогда не теряетъ своей силы. По тѣсной связи между тѣлесною и духовною жизнью въ человѣческомъ существѣ, недочеты или ненормальности въ области первой непременно должны вредно отражаться и въ сферахъ второй. Поэтому уже въ цѣляхъ правильнаго духовнаго возрастанія своихъ питомцевъ школа должна заботиться и о нормальномъ физическомъ развитіи ихъ. Но что же дѣлаетъ наша школа въ этомъ направленіи? Специальныя положительныя заботы ея о физическомъ воспитаніи учениковъ такъ слабо выражены, что никакихъ сколько нибудь замѣтныхъ добрыхъ результатовъ въ этой области мы не можемъ даже и ожидать отъ нея. Тѣ немногіе часы, какіе посвящаетъ она гимнастикѣ, т. е. искусственнымъ физическимъ упражненіямъ—чаще всего въ своихъ же душевныхъ залахъ, не могутъ внести оздо-

ровляющую струю въ крайне ненормальную жизнь школьни-
ковъ, обреченныхъ на 5—6-часовое сидѣнье въ спертыхъ воз-
духѣ классовыхъ. Но этого мало. Заставляя учениковъ такъ
много времени, за вычетомъ лишь незначительныхъ перерывовъ,
отдавать напряженному умственному труду, во всякомъ слу-
чай—серьезному сосредоточенію вниманія на отвлеченныхъ те-
оретическихъ предметахъ, школа этимъ еще не довольствуется:
она даетъ ученику работу и на домъ и притомъ въ такомъ
количествѣ, что работа эта поглощаетъ у него почти все и
въ-школьное время. Въ результатѣ—то физическое и умствен-
ное переутомленіе, о которомъ такъ много пишутъ и гово-
рять въ послѣднее время, хотя, къ сожалѣнію, безъ всякихъ
замѣтныхъ благихъ послѣдствій, въ смыслъ возможнаго излѣ-
ченія этого недуга. И вотъ опять, рядомъ съ такимъ поло-
женіемъ дѣла, съ этимъ трудно объяснимымъ пренебрежені-
емъ къ одной изъ важнѣйшихъ сторонъ воспитанія, мы ви-
димъ совершенно другую картину. Есть школа, въ которой
вопросъ о здоровьи питомцевъ, о правильномъ ростѣ и укрѣ-
пленіи ихъ тѣлеснаго организма занимаетъ не послѣднее мѣ-
сто въ воспитательной программѣ, и гдѣ рѣшеніе его поста-
влено на такихъ широкихъ и благотворныхъ началахъ, ко-
торныя вполне обеспечиваютъ самые прекрасные результаты.
И эта сторона дѣла въ новой школѣ можетъ возбуждать
только похвалу.

Нельзя не признать, далѣе, и того преимущества, ка-
кое имѣетъ эта англійская школа въ области эстетическаго
развитія своихъ воспитанниковъ. И этотъ вопросъ, которому
въ нашихъ общеобразовательныхъ заведеніяхъ удѣляется
слишкомъ мало вниманія, въ школѣ, рекомендуемой Де-
моленомъ, заботливо обставленъ условіями, вполне отвѣ-
чающими цѣли. Здѣсь каждый изъ учениковъ получаетъ
полную возможность не только развить свой эстетическій
вкусъ, но приобрѣсть разностороннія познанія въ области
взаимныхъ искусствъ—теоретическаго, а при наличности при-

родныхъ соответствующихъ расположеній и способностей и практическаго характера. И это, безъ сомнѣнія, не малое приобрѣтеніе въ сложномъ процессѣ воспитанія.

Но все ли въ этой школѣ такъ ужъ плѣнительно хорошо, что способно вызывать только восхищеніе и похвалы? Впечатлѣніе совершенно измѣняется, если мы, оставивъ частности, перейдемъ къ главному—къ тому идеалу, который ставить эта школа на знамени всѣхъ своихъ стремленій и предначинаній. Это—человѣкъ дѣла, практической жизненной борьбы, способный самостоятельно, собственными силами пробивать себѣ дорогу на трудномъ жизненномъ пути, преодолевать здѣсь всѣ препятствія и, такъ сказать, съ бою брать вездѣ первые призы. Такому идеалу вполне отвѣчаютъ и программа учебныхъ предметовъ и вся постановка школьной жизни. Въ первую допускается лишь то, что *понадобится* ученику въ жизни, изъ чего онъ послѣ можетъ извлечь *практическую пользу* для себя; вторая задумана и осуществлена въ тѣхъ же цѣляхъ и расчетахъ. Такимъ образомъ, питомецъ этой школы выйдетъ въ жизнь съ большимъ запасомъ знаній практическаго характера, притомъ опробованныхъ уже на собственномъ опытѣ и сдѣлавшихъ его человѣкомъ умѣлымъ и ловкимъ. Такой человѣкъ, пожалуй, въ жизни не пропадетъ. Но можно ли вообще удовлетвориться такимъ идеаломъ? Можно ли считать такіа ultra утилитарныя задачи и цѣли воспитанія послѣднимъ словомъ педагогики, или хотя бы новостью, открытіемъ, заманчивымъ, какъ все новое и еще неизвѣданное?

Невольно вспоминаются здѣсь слова одного изъ нашихъ отечественныхъ педагоговъ-мыслителей, поставленный имъ въ качествѣ эпиграфа на своей статьѣ, имѣвшей въ свое время глубокое общественное значеніе: „Къ чему вы готовите вашего сына? Быть человѣкомъ. Развѣ вы не знаете, что людей собственно нѣтъ на свѣтѣ: это одно отвлеченіе, вовсе не нужное для нашего общества. Намъ необходимы негоціанты,

солдаты, механики, моряки, врачи, юристы, а не люди¹⁾. И такъ, и въ нашемъ обществѣ еще Н. И. Пироговъ въ свое время отмѣтилъ это практическое, матеріальное, „почти торговое“, какъ выразился онъ, направленіе, проникшее изъ жизни и въ воспитаніе, въ школу. Да и онъ ли одинъ указывалъ на такое настроеніе общества и горячо возставалъ противъ него? И гдѣ, въ какой странѣ и въ какомъ народѣ не было и нѣтъ такого направленія? Вездѣ рядомъ съ возвышеннымъ, идеальнымъ взглядомъ на жизнь и назначеніе чело­вѣка мирится и это пониманіе послѣдняго въ смыслѣ только возможнаго преуспѣянія въ обладаніи матеріальными благами, а потому въ изобрѣтеніи средствъ успѣшной борьбы за нихъ—борьбы не только съ неразумною природою, но еще болѣе съ каждымъ другимъ чело­вѣкомъ, по необходимости сталкивающимся съ нами на пути къ той же цѣли. Но нѣкоторые народы по самому національному типу своему болѣе склонны выдвигать въ своей жизни именно это направ­леніе. Таково между прочимъ и англо-саксонское племя, и по географическимъ условіямъ своей страны, и въ силу многихъ другихъ причинъ въ теченіе многихъ вѣковъ вырабаты­вавшее въ себѣ духъ особой предприимчивости, настойчивости, личнаго почина и соотвѣтственно этому особый складъ общественной жизни, который Демолень называетъ партикуляристическимъ. Тутъ чело­вѣкъ долженъ разсчитывать только на самого себя, такъ какъ, во-первыхъ, для его личныхъ инициативъ и самостоятельной работы открыто слиш­комъ широкое поле, во-вторыхъ, такъ какъ именно только самостоятельная настойчивая предприимчивость выдвигаетъ здѣсь чело­вѣка на первый планъ и завоевываетъ ему побѣду въ жизненной борьбѣ. Но слѣдуетъ ли отсюда, что предъ такимъ взглядомъ должно преклониться, что это един-

---

¹⁾ Сочиненія Н. И. Пирогова. Т. II. СПб. 1887. Стр. 3.

ственно вѣрное рѣшеніе проблемы человѣческой жизни, а потому и воспитанія?

Ставъ на этотъ путь практицизма, заманчивый по своимъ, кажущимся очевидными и неоспоримыми, якобы благимъ результатамъ, человѣкъ въ сущности спускается съ высоты своего истинно-человѣческаго положенія въ мірѣ. Увлеченный погоней только за внѣшними благами, стремясь отвоевать себѣ и использовать возможно большую сумму ихъ, онъ какъ бы въ какомъ то чаду или опьяненіи, забываетъ о лучшей части своего существа, о тѣхъ высшихъ началахъ своего духовнаго бытія, какими отличенъ онъ среди всѣхъ тварей. Между тѣмъ именно въ этихъ началахъ и соотвѣтствующихъ имъ силахъ и стремленіяхъ, открывающихъ въ человѣкѣ искру божества, образъ Творца его, и заключается единственно вѣрный указатель истиннаго назначенія человѣка, направленія его жизни, а слѣдовательно и его воспитанія. Главное мѣсто въ послѣднемъ должно занимать развитіе этихъ высшихъ человѣческихъ силъ, образованіе такого характера, въ которомъ именно онѣ имѣли бы значеніе постоянныхъ руководителей и направителей жизни и дѣятельности субъекта. Онѣ, эти высшія духовныя силы человѣка важны и цѣнны *сами по себѣ*, по тѣмъ свѣтлымъ горизонтамъ, какіе открываютъ онѣ предъ человѣкомъ, вознося его духъ въ міръ особый, безконечно возвышающійся надъ окружающею его дѣйствительностію. Поэтому давать имъ значеніе только *прикладное*, практическое, извлекать изъ нихъ только пользу въ обыденной жизни—это значитъ не понимать настоящаго значенія того, что дано человѣку чистаго, высокаго и святаго, заботясь только о приспособленія этого высокаго къ низменному и пошлomu, жертвовать имъ ради меркантильныхъ чувственныхъ интересовъ. Не такъ ли поступаетъ и эта англійская школа?

Она стремится воспитывать людей цѣльныхъ. Но что такое эта цѣльность личности питомца англійской школы? Что дѣлаетъ школа для нравственнаго усовершенствованія послѣд-

няго? Практическому человѣку, энергичному дѣльцу, конечно, нужны 1) здоровья физическія силы, 2) разностороннія практическія познанія и 3) пожалуй, выдержка и ловкость свѣтскаго человѣка хорошаго общества („кора неуклюжаго школьника“, дѣйствительно, плохое приобрѣтеніе для жизни). И вотъ обо всемъ этомъ школа позаботилась, къ достиженію этихъ цѣлей она прилагаетъ всѣ старанія, и результаты ихъ, быть можетъ, блестящи. Но какіе нравственные принципы сообщаетъ она своимъ ученикамъ? На какихъ устояхъ создаетъ она главнѣйшую въ человѣкѣ—моральную сторону его личности?

Допустимъ вмѣстѣ съ Демолономъ,—хотя онъ въ порывѣ увлеченія, такъ свойственнаго всякому истому французу, можетъ быть, идеализируетъ факты и рисуетъ картину слишкомъ ужъ свѣтлую, —допустимъ все же, что въ этой англійской школѣ царитъ духъ самыхъ добрыхъ, чисто семейныхъ отношеній между всѣми членами ея. Допустимъ даже и то положеніе его, что въ области нравственнаго воспитанія имѣютъ свое значеніе и физическія упражненія, поскольку они вносятъ умѣряющее начало и въ сферу духовной жизни человѣка. Но достаточно ли этого? Здоровая, правильная постановка физической жизни, конечно, гораздо полезнѣе въ этомъ отношеніи, нежели тотъ ненормальный образъ жизни, съ отсутствіемъ достаточнаго движенія, столь необходимаго для каждаго молодого развивающагося организма, какой ведутъ наши школьники. Но чтобы именно здѣсь, въ этихъ физическихъ упражненіяхъ заключались самыя сильныя „нравственныя пружины“, съ этимъ едва ли кто согласится. Что касается добрыхъ личныхъ отношеній между воспитателями и учениками, то они, порождая въ душѣ послѣднихъ довѣрчивость, откровенность и правдивость, располагаютъ ихъ къ охотному, свободному, а потому и глубокому усвоенію всего, что будетъ исходить отъ воспитателей. Въ этомъ ихъ, несомнѣнно, важное значеніе. Однако сами по себѣ они еще не

ручаются за то, что направление питомцевъ будетъ непременно высоко-нравственное, потому что они представляютъ благоприятное условіе для всякаго воздѣйствія, готовятъ почву для посѣва на ней *какихъ угодно* сѣмянъ. Результаты, плоды посѣва, конечно, будутъ зависѣть еще и отъ сѣмянъ и отъ святелей. Какія же сѣмена на дѣвственной почвѣ дѣтской души посѣютъ своею умѣлою рукою педагоги этой школы?

Просматривая программу предметовъ, преподающихся на обоихъ курсахъ ея, мы напрасно стали бы искать здѣсь гдѣ нибудь ученія о Богѣ, объ отношеніи Его въ міру и человеку, о христіанскомъ назначеніи послѣдняго: Законъ Божій не входитъ въ курсы обученія этой школы, позаботившейся обо всемъ, кромѣ этой малости. Правда, мы встрѣчаемъ здѣсь такое громкое заявленіе: „утвердимся въ той истинѣ, что религія въ жизни занимаетъ главное мѣсто, и что вся жизнь должна быть ею насыщена. Мы не станемъ указывать дѣтямъ на религію, какъ на одну изъ сторонъ жизни, а какъ на органическое, стройное цѣлое, которое должно проникать всего человѣка, направлять всѣ его дѣйствія“ (стр. 113 и 50). Но ни откуда не видно, чтобы заявленіе это вело къ соотвѣтствующимъ практическимъ результатамъ, чтобы по крайней мѣрѣ старались осуществить его на дѣлѣ. „На четверть часа утромъ и вечеромъ ученики собираются для выраженія внѣшними знаками надежды и вѣры“ (стр. 51)—вотъ, повидимому, и все, что дѣлаетъ школа для удовлетворенія религіозныхъ потребностей своихъ питомцевъ. Да и въ этихъ „выраженіяхъ внѣшними знаками“ религіозныхъ мыслей и чувствъ старательно изъято все, что носитъ характеръ догматическій и конфессіональный: все дѣло „ограничивается чтеніями изъ Библии, гимнами и моленіями общаго характера, религіознаго и нравственнаго“ (стр. 50). Въ воскресные дни, впрочемъ, ученики могутъ посѣщать богослуженіе въ сосѣднихъ приходахъ; но это предоставляется

ихъ личнымъ желаніямъ. Школа не считаетъ нужнымъ вникать въ эту область и взять на себя руководство религиознымъ развитіемъ своихъ питомцевъ.

Отъ учителей своихъ школа требуетъ, между прочимъ, чтобы они были *христиане*. Но христианство это понимается не въ смыслѣ христианской вѣры, съ опредѣленнымъ догматическимъ содержаниемъ, а только какъ известный кодексъ нравственныхъ правилъ, притомъ довольно оригинальнаго содержанія: въ немъ рядомъ съ заповѣдами Христа Спасителя ставятся съ такимъ же значеніемъ и нравственныя предписанія „здравой философіи“. „Подъ словомъ *христианинъ*, читаемъ въ программѣ требованій, предъявляемыхъ школою къ кандидату на учителя, мы разумѣемъ, что онъ долженъ въ своихъ дѣйствіяхъ, въ словахъ и въ убѣжденіяхъ держаться великихъ нравственныхъ началъ, заповѣданныхъ Христомъ Спасителемъ, и нравственныхъ ученій здравой философіи“ (стр. 76). Но каждый человекъ воленъ выбирать себѣ любое изъ существующихъ многоразличныхъ философскихъ ученій и считать его „здравымъ“. Поэтому трудно, даже невозможно на основаніи этого требованія школы представить, въ какомъ именно видѣ и какого характера могутъ быть эти якобы „христианскія“ воззрѣнія учителей ея. Зато на основаніи общаго принципа, которому неуклонно слѣдуетъ школа во всѣхъ своихъ задачахъ, средствахъ и методахъ, не имѣемъ ли мы права съ значительною увѣренностью сказать, что и всѣ наставники-воспитатели въ ней проникнуты одними убѣжденіями и стремленіями—чисто практическаго, утилитарнаго характера, что если можно говорить о религіи этихъ якобы полухристианъ-полуфилософовъ, то таковая въ ихъ душѣ сводится къ поклоненію только естественному практическому разуму?

Итакъ, не слушая никакихъ спеціальныхъ уроковъ по Закону Божію и предоставленные всецѣло воспитательному вліянію этихъ педагоговъ, относясь къ послѣднимъ притомъ

съ полнѣйшимъ довѣріемъ и любовью, воспитанники англійской школы, естественно, всѣми силами своей юной, еще нетронутой души воспринимаютъ уроки жизненнаго практицизма, которыми обильно и умѣло снабжаетъ ихъ школа. Въ немъ сущность всего воспитанія, въ немъ же начало и копейка въ частности и всего моральнаго развитія учениковъ. Последніе узнаютъ ли здѣсь, что въ области духовной жизни человѣка есть блага высшія и несравнимо болѣе цѣнныя, нежели самая сильная воля, непоколебимая настойчивость, ни предъ чѣмъ не отступающая личная предприимчивость и пр.? Кто скажетъ имъ здѣсь, что всѣ эти качества человѣческаго характера въ сущности представляютъ обоюдоострое оружіе, которое можетъ послужить и во благо и во вредъ человѣку, что все значеніе и имъ и всей человѣческой личности вообще, со всѣми ея силами и способностями, даетъ вѣчто другое, высшее, что одно только способно указать имъ правильное, истинно-человѣческое направленіе,—что тамъ, гдѣ нѣтъ этого одного, все, даже самыя богатыя силы и дарованія, можетъ потерять свое настоящее значеніе? Боймися, что этого не узнаютъ воспитанники англійской школы, потому что она старательно скрыла свѣтъ отъ глазъ ихъ, совершенно устранивъ въ воспитаніи ихъ то вліяніе, какое должно принадлежать здѣсь христіанской вѣрѣ. А если такъ, если опасенія наши основательны, тогда что же представляетъ изъ себя самое совершенное произведеніе этой школы—этотъ человѣкъ многостороннихъ познаній и самой энергичной настойчивости въ приложеніи ихъ для достиженія своихъ самостоятельныхъ практическихъ замысловъ? Не будетъ ли это крайній эгоистъ, въ свихъ личныхъ стремленіяхъ не сдерживаемый никакими высшими нравственными началами, способный остановиться развѣ только предъ физическою невозможностью и потому вездѣ, гдѣ у него хватаетъ силъ, готовый попить личность и человѣческія права другого?... Не здѣсь ли прямой отвѣтъ и на вопросъ Демолена, которымъ озаглавливаетъ онъ свою

книгу: „отъ чего зависить превосходство англо-саксонскаго племени?“ Успѣхи и политическіе и жизненно практическіе вообще, какіе дѣлаеть это племя на аренѣ всемірной исторіи, не носятъ ли въ себѣ этого же характера крайняго эгонизма,—вездѣ, гдѣ только дозволяетъ физическая возможность, съ настойчивостью, не отступающею ни предъ какими средствами, отвоевывающаго себѣ всё блага и преимущества, отнимая ихъ у другихъ?

Такие идеалы не для насъ: они не могутъ плѣнить насъ. Съ увѣренностію можно сказать, что у насъ въ Россіи найдется наименѣе условій, благопріятныхъ для насажденія и развитія ихъ путемъ школы. Они противорѣчатъ самымъ глубокимъ чертамъ нашего національнаго характера; противъ нихъ, въ частности, наша исконная вѣра православная. Ею живетъ и крѣпится Русь, потому что начала ея глубоко укоренены и непоколебимо тверды въ русской душѣ нашего многомилліоннаго народа. Нѣтъ поэтому другихъ началъ болѣе благотворныхъ и для нашей школы. Но совидаясь на нихъ, можетъ ли послѣдняя увлекаться эгонистическими идеалами англо саксонскаго племени?...

Несмотря на этотъ основной недостатокъ англійской школы, съ которымъ мы не можемъ примириться, въ самой постановкѣ учебнаго и воспитательнаго дѣла въ ней, какъ уже отчасти указано было выше, есть много таковаго, надъ чѣмъ нельзя не остановиться съ самою глубокою симпатіей и съ самымъ искреннимъ желаніемъ извлечь изъ примѣра этой школы возможную пользу и для себя.

Сюда мы относимъ, во-первыхъ, полезнае соединеніе, сляніе учебнаго и воспитательнаго элементовъ, благодаря объединенію учителя и воспитателя въ одномъ лицѣ. Многіе изъ педагоговъ горячо ратовали за такую именно постановку школьнаго дѣла и, между прочимъ, у насъ въ Россіи незабвенный К. Д. Ушинскій. „Воспитательное вліяніе, писалъ онъ, есть вліяніе развитога характера на характеръ форми-

рующийся; а характер—это личность человека“... „Дитя воспитывается, развертывается умственно и нравственно подъ прямымъ вліаніемъ человѣческой личности, и никакими формами, никакой дисциплиной, никакими уставами и росписаніями времени занятій невозможно искусственно замѣнить вліанія человѣческой личности. Это плодотворный лучъ солнца для молодой души, котораго ничѣмъ замѣнить невозможно“¹⁾. Въ школѣ англійской, благодаря удачной постановкѣ ея интерната, всѣ ученики живутъ и развиваются именно подъ такимъ непосредственнымъ личнымъ вліаніемъ своихъ учителей-воспитателей.

Вопросы физическаго и эстетическаго воспитанія, какъ уже было отмѣчено, трактуются здѣсь съ надлежащимъ пониманіемъ значенія ихъ и потому рѣшаются съ такимъ успѣхомъ, которому можно только позавидовать.

Въ области интеллектуальнаго воспитанія нельзя не признать глубоко педагогичнымъ и потому весьма благотворнымъ раздѣленіе курса обученія на два періода: общій и спеціальный, на которомъ ученику дается возможность избрать себѣ отдѣлъ, наиболѣе отвѣчающій его природнымъ влеченіямъ и способностямъ. Въ нашей типичной общеобразовательной школѣ, каковою является классическая гимназія, всѣ предметы учебной программы считаются необходимыми для каждаго изъ учениковъ. Здѣсь нѣтъ даже намекъ на какую нибудь индивидуализацію способностей учащихся: таковыя въ соображеніе не принимаются, и ученикъ съ блестящими успѣхами въ одной группѣ предметовъ безоцѣдно изгоняется изъ школы, разъ онъ не успѣваетъ въ другой. Насколько непедagogична такая постановка дѣла и сколько зла порождаетъ она на практикѣ, объ этомъ, кажется, нѣтъ нужды распространяться. Между тѣмъ, классическая гимназія не даетъ

¹⁾ Собраніе педагог. соч. К. Д. Ушинскаго. СПб 1875. Стр. 484 и 305.

законченнаго образованія, а служить лишь подготовительною переходною ступенію къ образованію высшему, которое приняло нѣсколько совершенно различныхъ направленій. И вотъ окончившій курсъ гимназіи и вынужденный избрать одно изъ нихъ нерѣдко оказывается въ такомъ положеніи: одна группа наукъ, пройденныхъ въ гимназіи, ему совершенно не нужна; къ другой же, надъ которою теперь ему придется работать, онъ чувствуетъ себя недостаточно подготовленнымъ. Въ школѣ англійской этотъ недостатокъ устраненъ раздѣленіемъ ея на два курса ¹⁾).

¹⁾ Мы не понимаемъ здѣсь педогогическаго вопроса о значеніи классическихъ языковъ, какъ общеобразовательнаго средства. Школа англійская, какъ мы знаемъ, оставляетъ древніе языки только въ одномъ отдѣленіи своего втораго, спеціального курса. И естественно: для ея практическихъ цѣлей этотъ предметъ оказывается совершенно лишнимъ. Поэтому было бы, пожалуй, даже послѣдовательнѣе съ ея стороны совершенно изъять его изъ своей учебной программы, какъ это дѣлается въ спеціальныхъ профессиональныхъ школахъ. Но разъ школа допускаетъ его здѣсь, мы не можемъ не сдѣлать нѣсколькихъ замѣчаній относительно того метода, какимъ пытается она зацѣпить обычнымъ общепринятымъ методомъ изученія древнихъ языковъ. Она считаетъ наиболѣе цѣлесообразнымъ чтеніе авторовъ при помощи готовыхъ переводовъ. Но, во-первыхъ, въ статьяхъ Демолена мало выяснены частнѣйшіе приемы пользованія та-кимъ способомъ. Какъ понимать, напр., такое предписаніе: «съ грамматикѣ прибѣгаютъ по мѣрѣ того, какъ оказывается въ ней *дѣйствительная надобность для объясненія текста*» (стр. 132)? Когда именно наступаетъ такая надобность по мнѣнію защитниковъ этого метода,—неизвестно. По обыкновенному пониманію, первое же слово въ данномъ учебникѣ текстѣ уже требуетъ грамматическаго уясненія, иначе смыслъ его останется непонятенъ для читающаго. Во-вторыхъ, мы не знаемъ, какихъ именно результатовъ достигаетъ эта школа въ области филологическихъ познаній своихъ учениковъ, ида къ цѣли такимъ путемъ. Она сама прямо заявляетъ, что приготовить къ бакалаврату она не въ силахъ. «Ци наилучшихъ условійхъ успѣха, воспитанники секціи словесности будутъ доведены

Школа только тогда достигает полного успѣха въ своемъ дѣлѣ, когда она представляетъ одинъ цѣльный организмъ, въ которомъ всѣ члены тѣсно сплочены для одной дружной ра-

до года *предшествующаго бакалаврату*; непосредственное же приготовленіе къ этому экзамену... *требуетъ приѣма особаго, съ душою школы несомнѣтннхъ, и поэтому должно быть произведено въ заведеніяхъ, спеціально къ тому приспособленныхъ* (стр. 85, 4). Итакъ, тамъ, гдѣ дѣло касается болѣе глубокаго филологическаго образованія, школа со своимъ облегченнымъ методомъ оказывается несостоятельною. Въ-третьихъ, защищая такой способъ обученія древнимъ языкамъ, Демолонъ указываетъ, какъ на важнѣйшее изъ преимуществъ его, на то, что приѣненіе его будто-бы легко вводитъ ученика въ *пониманіе* языка. Между тѣмъ, кому неизвѣстно, что именно эта цѣль—пониманіе языка давняго автора, безъ сомнѣнія, самая желательная, на дѣлѣ оказывается наиболѣе трудною и именно потому, что она можетъ быть достигнута только посредствомъ самаго тщательнаго анализа и комментировки тѣхъ филологическихъ тонкостей, противъ которыхъ такъ вооружаются всѣ противники классической школы. Наконецъ, нельзя не напомнить и того, что метода, предлагаемая этою школою, далеко не новая. Еще Вольфгангъ Ратке (1571—1635) почти триста лѣтъ назадъ рекомендовалъ для изученія древнихъ языковъ брать какого-нибудь автора (*unus aliquis bonus auctor*,—самъ онъ употреблялъ для этой цѣли Теренція) и начинать буквальный переводомъ его. Такъ должна быть прочтана вся книга, отъ перваго слова до послѣдняго, и притомъ три раза: самимъ учителемъ, съ повтореніемъ перевода ученикамъ и самими учениками. Затѣмъ нужно перейти къ изученію грамматики (*parvus libellus rudimentorum*), причѣмъ за примѣрами обращаться къ тому же автору, предпринимая опять троекратное путешествіе чрезъ всю книгу. Потомъ долженъ слѣдовать еще переводъ—уже чистою родною рѣчью и наконецъ—разговоръ на латинскомъ языкѣ при помощи того же уже хорошо знакомаго текста автора. Конечно, способъ, практикуемый англійскою школою, не тождественъ съ этимъ; но несомнѣнно, что здѣсь много сходнаго. Разница та, что метода Ратке вполне разъяснена своимъ авторомъ, и недостатки ея были въ свое время указаны въ курсахъ исторіи педагогикъ.

боты, задачи которой не только ясны, но и дороги каждому изъ нихъ. Безъ этого объединенія однимъ духомъ, характеромъ и направленіемъ, одними симпатіями и стремленіями школа не можетъ рассчитывать на полное практическое осуществленіе своихъ воспитательныхъ идеаловъ—по той причинѣ, что безъ этого она никогда не превратится въ цѣльный воспитательный институтъ. Она будетъ представлять собою такое чисто внѣшнее соединеніе въ одну программу, въ одинъ курсъ нѣсколькихъ учебныхъ предметовъ, при которомъ каждый изъ преподавателей, имѣя въ виду только свою спеціальную задачу, нисколько не заботится объ общемъ ходѣ всего школьнаго дѣла и о благихъ результатахъ его. При такой разрозненности учебныхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ конечно и воспитательныхъ силъ, не принесутъ должной пользы ни блестящія спеціальныя познанія учителей, ни педагогическія способности ихъ, ни самое добросовѣстное отношеніе каждаго изъ нихъ къ своему дѣлу. Напротивъ, все это можетъ послужить даже во вредъ ученикамъ: преподаватели, мнящіе себя непогрѣшимыми спеціалистами въ своемъ предметѣ и проникнутые излишне высокимъ мнѣніемъ относительно значенія послѣдняго, нерѣдко оказываются слѣпыми и жестокими фанатиками, неспособными понимать и признавать въ окружающей ихъ юной средѣ, полной жизни и индивидуальныхъ запросовъ, ничего, кромѣ необходимости усвоить знанія именно ихъ спеціальности. Не попадаютъ ли такіе педагоги-спеціалисты и въ нашихъ школахъ, и мало ли горя отъ нихъ было, есть и будетъ тѣмъ дѣтямъ и юношамъ, которые почему нибудь оказываются неспособными къ успешному усвоенію сообщаемыхъ ими познаній!.. Въ англійской школѣ, какъ мы уже видѣли, идетъ работа общая, дружная. Вся она, весь персоналъ наставниковъ ея съ директоромъ во главѣ, вса программа обученія и жизни въ ней проникнута однимъ духомъ и направленіемъ. Мы не можемъ признать направленіе это идеальнымъ; считаемъ его не отвѣчаю-

щимъ высокому христіанскому пониманію истиннаго назначенія человѣка; но вмѣстѣ съ тѣмъ, можемъ ли мы не согласиться, что эта цѣлостность всего дѣла школы, эта общая гармонія всѣхъ функцій ея, до самыхъ мелкихъ деталей включительно, сама по себѣ есть явленіе желательное для каждой школы?

Весьма важнымъ условіемъ для достиженія такой цѣлостности и гармоніи въ общей постановкѣ всего школьнаго дѣла служить правильный, соотвѣтствующій задачамъ школы, подборъ преподавателей. Въ англійской школѣ на этотъ вопросъ обращено самое серьезное вниманіе, и къ желающему занять мѣсто учителя въ ней предъявляются самыя разностороннія требованія. Мы видѣли, какъ широка программа ихъ. Приходится съ грустью сознаться, что въ нашемъ школьномъ дѣлѣ, въ самомъ широкомъ объемѣ его, мы не можемъ указать ни одного аналогичнаго примѣра, гдѣ бы такъ высоко ставился и по возможности достигался на практикѣ идеаль учитель-воспитателя. Обычное рѣшеніе этого вопроса въ нашей педагогической практикѣ стоитъ, можно сказать, ниже всякой критики: къ кандидату, ищущему мѣста учителя по извѣстному предмету, не предъявляютъ *никакихъ требованій*, кромѣ диплома объ окончаніи имъ курса въ соотвѣтствующемъ высшемъ учебномъ заведеніи. Въ этотъ курсъ, должно прибавить, можетъ не входить ни одна изъ отраслей педагогической науки. Такъ, по крайней мѣрѣ, стоитъ дѣло и до сего дня во всѣхъ нашихъ университетахъ, на историко-филологическихъ факультетахъ ихъ, т. е. въ самыхъ разсадникахъ педагогическаго дѣла, изъ года въ годъ пополняющихъ ряды учителей средней школы. Будущій педагогъ здѣсь не слышитъ ни одного слова о дѣтской душѣ, о законахъ ея развитія, о наиболее типичныхъ уклоненіяхъ отъ эгихъ законовъ, объ идеалахъ и задачахъ воспитанія, о путяхъ къ достиженію ихъ, о методахъ и приемахъ обученія и т. д. и т. д. Его не считаютъ нужнымъ знакомить хотя бы

съ методами преподаванія тѣхъ предметовъ, на которые онъ пойдетъ въ школу. О какомъ нибудь призваніи въ педагогическому дѣлу, о природныхъ расположеніяхъ и способностяхъ къ нему, о нравственныхъ качествахъ его личности, вліянію которой педагогика придаетъ такое громадное значеніе въ дѣлѣ воспитанія,—обо всемъ этомъ у насъ не поднимается вопросъ. Имѣемъ ли мы какое нибудь право послѣ этого упрекать нашу школу въ томъ, что она не воспитываетъ своихъ учениковъ? Имѣемъ ли мы право предъявлять къ ней воспитательныя задачи? Откуда возьметъ она учителей-воспитателей, истинныхъ педагоговъ, съ правильнымъ, широкимъ пониманіемъ своего дѣла и съ достаточными силами для полезнаго служенія ему? Гдѣ у насъ рассадники педагогическаго знанія и умѣнія? Гдѣ надлежащій контроль надъ правоспособностью въ этому важному дѣлу тѣхъ, кто берется за него?.. Школа англійская ставитъ этотъ вопросъ въ его настоящемъ свѣтѣ. Естественно, что и все воспитательное дѣло ея, вручаемое педагогамъ, а не учителямъ только, оказывается въ положеніи, для насъ пока недостижимомъ.

Въ области обученія, не входя въ подробное разсмотрѣніе методовъ преподаванія каждаго отдѣльнаго предмета, недостаточно къ тому-же и очерченныхъ, нельзя не обратитъ вниманія на тотъ общій принципъ, которому старается слѣдовать англійская школа. Это тотъ самый принципъ заглядности, конкретности, о которомъ такъ много писали и пишутъ всѣ педагоги.

Есть и еще въ этой школѣ не мало заслуживающаго вниманія. Но, отмѣтивъ главное, отсылаемъ всѣхъ интересующихся къ самой книгѣ высокоавторитетнаго издателя. Полагаемъ, что и эта краткая замѣтка наша достаточно ясно показываетъ, какъ интересно это изданіе, и какое широкое распространеніе должно имѣть оно—не только среди официальныхъ педагоговъ нашихъ, но и у всѣхъ истинно-просвѣщенныхъ ревнителей о благѣ нашей школы.

Н. Маккавейскій.

ДАЧА КІЕВО-БРАТСКАГО МОНАСТЫРЯ

ЦЕРКОВЩИНА ¹⁾).

Верстахъ въ двадцати отъ Подола, за селомъ Широковымъ у села Лѣсники, приблизительно въ такомъ же разстояніи отъ Кіева, какъ дача Михайловскаго монастыря Теофанія, во владѣніи монастыря Братскаго находится небольшая дача, извѣстная у окрестнаго населенія подъ названіемъ *Церковщина* или *Церковщина*. Путеводители по Кіеву и его окрестностямъ, обыкновенно, обходятъ занимаемый ею уголокъ полнымъ молчаніемъ. Большинство кіевлянъ едва ли подозрѣваютъ и его существованіе. Кромѣ значительной отдаленности отъ Кіева, трудно найги мѣстность, до такой степени со всѣхъ сторонъ закрытую отъ наблюденія прохожихъ и проѣзжихъ, какъ *Церковщина*. Сама по себѣ мѣстность въ высшей степени привлекательна своеобразною красотою; но чтобы имѣть представленіе объ этой красотѣ, нужно лично побывать тамъ. На дачѣ же въ настоящее время существуетъ только небольшой монастырскій хуторъ, обитаемый притомъ лишь въ лѣтнее время и изрѣдка посѣщаемый развѣ монастырскимъ начальствомъ. Между тѣмъ, помимо рѣдкой и для кіевскихъ окрестностей красоты мѣстности, въ *Церковщинѣ* пріурочиваются и весьма цѣнныя историческія преданія.

Изъ житія преподобнаго Θεодосія печерскаго извѣстно, что въ недѣлю мясопустную онъ обыкновенно удалялся изъ

---

¹⁾ Рефератъ, читанный въ засѣданіи Церковно-археологическаго Общества при Кіевской д. Академіи 15 февраля 1899 г.

монастыря въ пещеру, въ которой потомъ былъ погребенъ, и затворялся въ ней до вербной недѣли. Но, затворившись въ пещерѣ, онъ, по словамъ житія, „оттуду павы многажды и яко же того не вѣдущю никому же, въ нощи вставъ, и Богу того сблюдоущю, отходяше единъ на село монастырское, и ту уготованъ суще пещерѣ въ скровьне мѣстѣ, и никому же того вѣдущю, пребываше въ ней единъ до вербныхъ недѣля, и такоже павы въ нощи и въ преже реченую пещеру, и оттуду въ пятокъ вербныхъ недѣля къ братіи излазаше“¹⁾.—Сохраняющіяся съ глубокой старины преданія лаврскія указываютъ это монастырское село и бывшую въ немъ пещеру преподобнаго Θεодосія именно въ нынѣшней дачѣ Братскаго монастыря подъ Лѣсниками съ существующею тамъ и понынѣ пещерою²⁾.

Урочище это или „село монастырское“ упоминается потомъ въ печерскомъ патерикѣ двукратно по поводу впечатлѣнія, которое оно производило на покушавшихся разорить его злодѣевъ и половцевъ. Одинъ разъ были ведены въ городъ пойманные и связанные разбойники. Когда, рассказываетъ Патерикъ, „по изволенію Божию, случися имъ мимо миновати село монастырское, единъ отъ злодѣй тѣхъ связанныхъ, повивавъ главою на село то, глаголаше: „якоже нѣколи въ едину сущу нощь приходомъ ко двору тому, разбой хотяще творити, поимати вся сущая, видѣхомъ градъ сущій высокъ зѣло, яко не мощи намъ приближитися ему“. „Сиде бо бѣ блгій Богъ оградилъ невидимо вся та содержанья молитвами праведнаго сего мужа (Θеодосія)“, замѣчаетъ сказатель житія³⁾. Другой случай рассказывалъ Георгій ростовскій тысяц-

1) *Арсеніевскій патерикъ*, ркн. библ. Кіевской дух. Академіи, стр. 70 и 132.

2) Въ печатныхъ изданіяхъ Патерика печерскаго, въ указаніи содержанія сказаній на поляхъ листовъ, надъ приведеннымъ сказаніемъ читается: «На поле отходяше той (преп. Θεодосій) въ пещеру на село Лесники». См., напр., Патерикъ, Кіевъ, 1783 г., л. 9 об.

3) *Арсен. патер.*, ркн. б. в. ав., стр. 133.

кій, сынъ Симона (Шимона) варяга: „Вездѣ молитва Θεодосіева заступаеть. Егда бо приходомъ на Изяслава Мстиславича Половцы, и видѣхомъ градъ высокъ издалежа, и идомъ на нь. И никто же знаеше, кьи се градъ. Половцы же бишася у него и мнози язвлени быша, и бѣжахомъ отъ града того; послѣдѣ же увидѣхомъ, яко се бысть село Богородици, града же николи же бывало; ни жи сами сущи въ селѣ разумѣша бывшаго; но ишедше видѣша крови пролитіе и почувдишася бывшему“¹⁾. Естественный характеръ мѣстности урочища какъ нельзя болѣе отвѣчаетъ тому впечатлѣнію, какое она представляется произведшею въ томъ и другомъ случаѣ. Урочище имѣеть видъ глубокой котловины, образовавшейся внутри горы, съ окраинами, приподнятыми выше горизонта горы въ видѣ окружающаго котловину вала. Обитатели котловины кажутся до такой степени удаленными и огражденными отъ всего окружающаго, что могли дѣйствительно, какъ это отмѣчено во второмъ случаѣ, не имѣть представленія о томъ, что за окраинами ея въ извѣстное время кипѣла битва.

Ни въ лѣтописяхъ, ни въ патерикѣ печерскомъ нѣтъ указанія, когда въ этомъ селѣ святой Богородицы устроился монастырь. Нѣтъ даже намековъ на существованіе тамъ монастыря въ періодъ до-татарскій и татарскій. Но съ первой половины XVI столѣтія мѣстность эта является въ актахъ, какъ мѣстность бывшаго монастыря „святое Пречистое Гнилецкаго“ запустѣвшаго послѣ нашествія татаръ. Въ „Описаніи Кіева и Кіевскаго замка королевскими люстраторами“ 1545 года говорится о немъ такъ: „Монастырь былъ святое Пречистое Гнилецкій и тому монастырю озера и сеножати бывали, нижъ-

1) Тамъ же стр. 289.—Разсказанный Георгіемъ Шимановичемъ случай, очевидно, относится къ походу на Кіевъ съ Половцами Юрія Долгорукаго, описанному въ лѣтописи подъ 1151 годомъ. Наступленіе на Кіевъ шло отъ Заруба и Треполя; рѣшительное же сраженіе было принято Изяславомъ Мстиславичемъ у самаго (обнесеннаго валами) Кіева

ли отъ татаръ запустели, и гоны бобровые. Стое пустотины выежчаютъ слуги панцерный одноконь на службу господарскую¹⁾. Изъ грамотъ кievскихъ митрополитовъ Юсифа Солтана 1504 г.²⁾ и Сильвестра Бѣлькевича 1564 г.³⁾, данныхъ Выдубецкому монастырю, и грамоты Михаила Рогозы 1590 г., данной землинину Олешевичу⁴⁾, видно, что Гнилецъ въ то время входилъ въ составъ имѣній Софійскаго намѣстничества, т. е. кievскаго митрополитанскаго дома, и сперва на довольно продолжительное время былъ переданъ во владѣніе Выдубецкому монастырю, а потомъ передавался бывшимъ „на службѣ боярской“ у митрополита „землянамъ“. Продолжалъ входить Гнилецъ въ составъ имѣній Софійскаго намѣстничества и въ періодъ владѣнія Софійскимъ соборомъ и Выдубецкимъ монастыремъ уніатами⁵⁾; но съ возвращеніемъ того и другого въ распоряженіе православныхъ Гнилецъ является уже въ непосредственномъ владѣніи монастыря Выдубецкаго, и утверждается за нимъ листомъ гетмана Богдана Хмѣльницкаго, 1654 г. мая 25⁶⁾, и универсаломъ гетмана Петра Дорошенка, 1670 г. декабря 19. Послѣдній, „респектующи на знищенье“ монастыря Выдубецкаго, присоединилъ къ владѣніямъ его и „село абы нѣгдысь бывшее мѣстечко Лѣсники со всеми принадлежностями“⁷⁾. Вмѣстѣ съ послѣднимъ селомъ, полями котораго окруженъ, Гнилецъ въ восьмидесятихъ годахъ прошлаго столѣтія отошелъ въ составъ имуществъ госу-

1) *Сборникъ матеріаловъ для исторіи топографіи Кіева*, Кіевъ, 1874, отд. III, стр. 32.

2) *Описаніе Кіева*, Закревскаго, т. II, стр. 706.

3) *Сбор. мат. для ист. топ. Кіева*, отд. III, стр. 33—34.

4) Тамъ же, стр. 52—54.

5) *Оп. тамъ же*: Жалъ бы вонныхъ, отъ 1623 г. іюля 21, стр. 66—67.

6) *Сборникъ матер. для ист. топогр. Кіева*, III, стр. 75—76.

7) Тамъ же, стр. 95—96.

дарственныхъ; но въ тридцатыхъ годахъ истекающаго столѣтія былъ переданъ во владѣніе монастыря Богоявленскаго Братскаго.

При отсутствіи указаній на существованіе Гнилецкаго монастыря лѣтописныхъ, естественно предположеніе, что въ періодъ расцвѣта монастыря святой Богородицы Печерскаго „село святое Богородицы“, сдѣлавшись центромъ загороднаго монастырскаго хозяйства, вызвало постройку тамъ церкви съ образованіемъ при ней, для занятой хозяйственными работами братіи, монастырскаго общежитія въ видѣ отдѣленія „монастыря святое Пречистое“, т. е. самаго Печерскаго монастыря. Въ числѣ приуроченныхъ къ монастырю хозяйственныхъ угодій послѣдующіе документы называютъ: озеро Глушець, Калный лугъ, затоку на Вѣжѣ, и др., и представляютъ ихъ угодьями для рыбной ловли¹⁾. Но названіе одного изъ нихъ *Калнымъ* лугомъ, равно и названіе мѣстности самаго монастыря Гнилецъ, можетъ наводить и на другія предположенія. *Калъ* на древне-русскомъ языкѣ—глина, какъ матеріаль для изготовленія кирпича²⁾; названіе луга *Калнымъ*, по нашему мнѣнію, даетъ ясное понятіе на сосредоточеніе въ той мѣстности кирпичнаго и гончарнаго производства. Въ связи съ этимъ мы считаемъ весьма вѣроятнымъ предположеніе, что и названіе *Гнилецъ* есть не болѣе, какъ измѣненіе начальнаго названія *Глинецъ*, указывавшаго на данный пунктъ, какъ на мѣсто добыванія знаменитой кievской глины, давшей самый прочный матеріаль для древнихъ кievскихъ сооружений.

Существующее въ настоящее время у окрестнаго населенія названіе урочища *Церковищемъ* или *Церковищиною* служитъ указаніемъ, что послѣ разоренія монастыря отъ татаръ на мѣстѣ его болѣе или менѣе долго оставалась, хотя и въ

1) Тамъ же, стр. 53 и 57.

2) *Арсеніевскій патер.*, ркп. б. к. акад., стр. 59; см. „Сказаніе о св. Софій Цареградской“ въ изд. „Памятники древней письменности“. LXXVIII, 1889, стр. 17.

состояніи разрушенія, церковь. По засвидѣтельствванію Гродскихъ книгъ воеводства Кіевскаго въ началѣ XVII вѣка „руины муровіе“ на мѣстѣ Гнилецкыи еще были „ясными и вѣдомими знаками“ былого существованія тамъ монастыря!). Но въ настоящее время разрушеніе древней церкви нужно признать, повидимому, полнымъ. Мѣсто, на которомъ стояла она, представляется по всѣмъ направленіямъ изрытымъ и выдѣляется изъ остального бывшаго псдъ монастыремъ пространства только кучами строительнаго щебня, которыми покрыто. Дѣланныя нами одно время попытки наслѣдовать по крайней мѣрѣ фундаментъ древняго зданія оказались безуспѣшными. Кромѣ перерытаго владонскателями изъ окрестныхъ деревень кирпичнаго лома и перемѣшанныхъ съ землею цемента и костей, мы не встрѣтили ничего. Но по болѣе значительнымъ кускамъ кирпича, которые намъ удавалось находить, видно, что первоначальною своею постройкою церковь относилась къ періоду великовняжескому. Преобладающая масса кирпича имѣла обычную въ древнихъ кіевскихъ сооруженіяхъ форму плить отъ 6 до 7 или 8 вершковъ въ длину и ширину и до вершка въ толщину. Но вмѣстѣ съ кирпичемъ этой древнѣйшей формы въ довольно значительномъ количествѣ встрѣчался кирпичъ и формы тождественной съ тѣмъ, который мы находили въ развалинахъ древней церкви на Кудрявцѣ, употребленнымъ несомнѣнно въ болѣе позднее время для необходимыхъ правокъ древняго зданія, и который употребленъ также въ перестройку южнаго абсида Великой лаврской церкви. Кирпичъ этотъ имѣетъ 6 вершковъ длины на $2\frac{2}{3}$ вершка ширивы и $1\frac{2}{3}$ в. толщины и желобчатая, съ одной стороны широкой поверхности, полосы ²⁾). Присутствіе кирпича такой

1) *Описаніе Кіева*, Зап., т. II, стр. 706.

2) *Церковно-археологическіе очерки*, и пр., Кіевъ, 1898, стр. 166—167 и 211.

формы, по нашему мнѣнію, служить указаніемъ, что, построенная еще до нашествія татаръ, церковь поддерживалась и поправлялась и послѣ разгрома Кіева Батыемъ, и если запустѣла окончательно „отъ татаръ“, то уже послѣ нашествия на Кіевъ Едигея въ 1416 году, или Менгли-Гирея въ 1480 г. О послѣдствіяхъ нашествия Едигеева лѣтописи замѣчаютъ: „Татарове воеваша около Кіева и монастырь Печерскій пограбиша и пожгоша, и со землею соровна (Едига), яко оттолѣ Кіевъ погуби красоту свою и даже доселѣ уже не може быти таковъ“; а о Менгли-Гиреѣ говорятъ, что онъ „градъ Кіевъ взя и огнемъ сожже“, и что его татары, уведши въ плѣнъ безчисленное множество населенія, „землю Кіевскую учиниша пусту“¹⁾. Если послѣ такихъ опустошеній ближайшіе къ центру Кіева монастыри, какъ Печерскій и другіе, еще могли кое-какъ оправиться, то такой удаленный отъ этого центра монастырь, какъ святой Богородицы Гнилецкій, продолжать свое существованіе, конечно, уже не могъ.

При наслѣживаніи остатка стѣнъ древней церкви, въ кучахъ кирпичнаго лома и перемѣшаннаго съ землею щебня, намъ удалось встрѣтить небольшой кусокъ стекла, представляющій собою край стеклянной тарелочки, можетъ быть—дискоса. Стекло покрыто толстымъ слоемъ окиси и для образованія края тарелочки представляется какъ бы свернутымъ вдвое. Куски подобной же тарелочки были найдены на значительной глубинѣ въ усадьбѣ Трехсвятительской (древней Васильевской) церкви при выемкѣ земли подъ зданіе Епархіальнаго женскаго училища, и встрѣчаются въ развалинахъ Херсонеса (образцы ихъ намъ показывали въ Херсонесскомъ музѣѣ). Встрѣтили мы еще продолговатую полоску олова, съ дырою для прибивки ея гвоздемъ, нѣчто въ родѣ обрѣзка

---

1) *Сборн. мат. для ист. топ. Кіева*, отд. 1, стр. 35 и 37.

отъ листа вровельнаго олова. Возможно, что правильно веденныя раскопки могли-бы повести и къ болѣе цѣннымъ въ археологическомъ отношеніи находкамъ. Наши личные поиски имѣли характеръ случайной пробы.

Съ разореніемъ монастыря и запусѣніемъ мѣстности его оказалась заброшенною и пещера преподобнаго Феодосія. Переставъ быть мѣстомъ хотя бы и временнаго только подвига монастырскихъ отшельниковъ, пещера была предоставлена естественной судьбѣ такого рода подчемелій. Обрушившіеся края устья пещеры завалили спускъ въ нее и прекратили притокъ внутрь ея наружнаго воздуха. Скоплавшаяся вслѣдствіе этого внутри ея сырость повела за собою и внутренніе обвалы. Но все же въ значительной своей части пещера сохраняется и понынѣ. Въ началѣ прошлыхъ восьмидесятихъ годовъ мы имѣли возможность видѣть эту пещеру при посѣщеніи ея бывшимъ тогда ректоромъ академіи, покойнымъ преосвященнымъ Михаиломъ. Въ общемъ пещера напоминаетъ, разумѣется, пещеры лагскія, но сравнительно съ ними имѣетъ, такъ сказать, болѣе примитивный, болѣе приспособленный къ келейному жилью, характеръ. Къ сожалѣнію, нашъ осмотръ ея былъ самый бѣглый и ограничивался ближайшею отъ входа частію. Углубляться внутрь взаимно пересѣкающихся корридоровъ было признано небезопаснымъ при отсутствіи надежнаго проводника.

Извѣстно, что бывший въ тридцатыхъ годахъ настоятель Братскаго монастыря и ректоръ Киевской духовной академіи архимандритъ Инокентій, по ходатайству котораго *Церковщина* и была передана во владѣніе Братскаго монастыря, принималъ нѣкоторыя мѣры для поддержанія пещеры и введенія самой мѣстности въ лучшій порядокъ. Позже, спустя почти уже пятьдесятъ лѣтъ, тоже—настоятель Братскаго монастыря и ректоръ академіи, преосвященный Михаилъ, приводимый въ восхищеніе красотою мѣстности и соединенными съ нею преданіями, проектировалъ начать ея оживленіе

постройкою тамъ загороднаго настоятельскаго дома съ нѣсколькими кельями для проживанія тамъ монашествующихъ и въ зимнее время. Но благіе починны обоихъ остались только починными. При скудости матеріальныхъ средствъ монастыря начатое личною энергіею настоятелей дѣло прерывалось съ выбытіемъ послѣднихъ.

И. Дашкаревъ.

ОТЧЕТЪ

Церковно-Археологическаго Общества при Кіевской духовной Академіи за 1898 годъ.

Его Императорское Высочество, Великій Князь Владиміръ Александровичъ, Покровитель Церковно-Археологическаго Общества при Кіевской духовной Академіи, принявъ представленный Его Высочеству Отчетъ Общества за 1897 годъ, поручилъ вице-президенту Императорской Академіи Художествъ графу И. И. Толстому изъявить предсѣдателю Церковно-Археологическаго Общества свою благодарность за представленіе Его Высочеству помянутаго Отчета.

І) Составъ Общества.

Церковно-Археологическое Общество при Кіевской дух. Академіи, состоящее подъ покровительствомъ Его Императорскаго Высочества, Великаго Князя Владиміра Александровича, къ концу 1897 года составляли: Попечитель Общества, Высокопреосвященнѣйшій Іоанникій, митрополитъ Кіевскій и Галицкій; предсѣдатель, ректоръ Кіевской дух. Академіи, Преосвященный Сильвестръ, епископъ Каневскій, первый викарій Кіевской епархіи, 25 почетныхъ членовъ, 117 действительныхъ членовъ и 41 членъ-корреспондентъ,—всего 186 лицъ.

Въ теченіе 1898 года послѣдовали слѣдующія перемѣны въ составѣ Общества: переизбранъ бывший предсѣдатель Об-

щества и ректоръ Кіевской дух. Академіи Преосвященный Сильвестръ въ настоятели Кіевского Пустынно-Никольскаго монастыря, а на его мѣсто назначенъ ректоромъ Академіи и предсѣдателемъ Общества бывшій инспекторъ Академіи Архимандритъ Дмитрій, нынѣ епископъ Чигиринскій, третій викарій кіевской епархіи, и избранъ на должность товарища предсѣдателя Общества, остававшюся вакантною съ конца 1896 года, заслуженный экстраординарный профессоръ той же Академіи П. А. Лашкаревъ. Скончались: почетные члены: Высокопреосвященные Палладій, митрополитъ С.-Петербургскій и Ладожскій, Сергій, митрополитъ Московскій и Коломенскій, и Михаилъ, Архіепископъ Бѣлградскій и митрополитъ Сербскій; бывшій директоръ Хозяйственнаго Управленія при Св. Синодѣ т. с. А. Г. Ильинскій и заслуженный профессоръ Новороссійскаго Университета, протоіерей Мих. Карп. Павловскій; дѣйствительные члены, профессора университетовъ Московскаго А. С. Павловъ и Новороссійскаго Н. Ѳ. Краспосельцевъ, и членъ корреспондентъ В. Н. Ястребовъ. Сложилъ съ себя званіе дѣйствительнаго члена профессоръ А. А. Дмитріевскій и два члена-корреспондента признаны, на основаніи § 9 Устава Общества и Музея, сложившими съ себя свое званіе. Избраны: въ почетные члены Преосвященный Сильвестръ, епископъ Каневскій, первый викарій Кіевской епархіи, и изъ дѣйствительныхъ членовъ настоятель Астраханской Гостинно-Николаевской Церкви, протоіерей Г. Г. Покровскій; въ дѣйствительные члены ключарь Кіево Софійскаго кафедральнаго собора протоіерей П. І. Орловскій; и. д. доцента кіевской духовной Академіи Г. А. Бродовичъ; помощникъ инспектора той же Академіи Н. Н. Успенскій; священники Кіево-Софійскаго собора Н. С. Стеллецкій и настоятель кіево-печерской Воскресенской церкви П. С. Стеллецкій; чиновникъ особыхъ порученій при оберъ-прокурорѣ Св. Синода В. М. Скворцовъ и секретарь Кіевской дух. Консистоіи Н. В. Соловьевъ; въ члены-корреспонденты—бывшій чиновникъ при Московскомъ Архивѣ Ми-

нистерства Юстиціи Н. Н. Оглоблинъ, учитель Бѣлградской духовной Семинаріи въ Сербіи священникъ Ст. Дмитріевичъ и іеродіаконъ при Русской Миссіи въ Іерусалимѣ Ювеналій.

Затѣмъ, къ концу отчетнаго 1898 года, кромѣ Покровителя, Попечителя и предсѣдателя, въ составѣ Общества было почетныхъ членовъ 22, дѣйствительныхъ 118, и членовъ-корреспондентовъ 41, всего—184.

II) Приращеніе музея и бібліотеки:

Въ теченіе 1898 года въ Церковно - Археологическое Общество, музей и бібліотеку его поступили слѣдующія пожертвованія и отъ слѣдующихъ учреждений и лицъ:

Отъ Императорскаго Одесскаго Общества исторіи и древностей: „Записки“ сего Общества, т. XX, и „Отчетъ“ его за 1897 годъ.

Отъ дѣйствительнаго члена, профессора Московскаго Университета А. С. Павлова, его книга „Номоканонъ при большомъ Требникѣ“. Москва 1897.

Отъ дѣйствительнаго члена, отставнаго профессора Новороссійскаго Университета В. И. Модестова, его брошюра: „О происхожденіи Сиколовъ“, и „О томъ, откуда пришли и кто были латиняне“, С. Петербургъ, 1898 г.

Отъ дѣйствительнаго члена, начальника Житомирской женской Гимназіи Вл. Ст. Ногайскаго: серебряный чешскій грошъ Венцеслава III; польскій шостабъ 1625 г.; польско-русская монета въ 5 злотыхъ 1833 г.; два мѣдныхъ дукача XVIII в.; рукописная *Moralis Christiana*, начала XIX в., in 4-о, и десять книгъ и брошюръ на латинскомъ, французскомъ и русскомъ языкахъ, XVII—XIX вв.

Отъ дѣйствительнаго члена, старшаго помощника дѣлопроизводителя канцеляріи Кіевскаго генераль-губернатора

1) Пожертвованія перечисляются въ хронологическомъ порядкѣ ихъ поступленія, при чемъ разновременныя пожертвованія одного и того же учрежденія или лица обозначаются выстъ.

Н. П. Чернева—бронзовая медаль на освященіе Кіево-Владимірскаго собора 1895 (1896) года.

Отъ члена-корреспондента, учителя Воронежской дух. Семинаріи Ил. Ст. Орлова: рукописный „Канонъ покаянный ко Господу Иисусу Христу“ съ другими статьями, принадлежавшій Борзенскому священнику Тимоею Мизко, 1796 г. и десять книгъ и брошюръ и въ числѣ ихъ четыре брошюры Д. и Н. Мизко.

Отъ помѣщика Н. Я. Тарновскаго—мѣдная дарохрани-тельница для запасныхъ даровъ, въ видѣ колоколенки, XVIII вѣка, и отъ наслѣдниковъ его—цинковый потиръ съ гравированными изображеніями Деисуса и двухъ архангеловъ XVII—XVIII в., вѣроятно, изъ Каневского уѣзда.

Отъ К. В. Болсуновскаго: миньютюрный мѣдный образокъ съ ушкомъ, представляющій, повидимому, верхнюю часть мѣднаго крестика; бронзовая автономная греческая монета города Кимы; три серебряныхъ польскихъ гроша 1622 и 1625 г.; двѣ прусскія монеты серебряная 1683 г. и мѣдная 1797 г.; мѣдная золотоордынская, найденная въ Кіевѣ, и серебряная бухарская; бронзовая медаль въ память войны 1853—1856 г.г.; оттискъ гравированной визитной карточки, съ портретомъ мужчины и неизвѣстной святой садовницы и съ извращенною подписью „Гра. Алексѣя Понкратьева“, и брошюра съ нѣсколькими оттисками статей изъ „Чтеній въ Обществѣ исторіи и древностей при Московскомъ Университетѣ“, 1847 и 1848 г.

Отъ Н. Г. Захарьевскаго: 16 древнихъ мѣдныхъ крестиковъ изъ Новгородской губерніи; половинка мѣдной развернутой путной панагии, XVI в., съ изображеніями распятія и св. Троицы; ушко отъ большаго мѣднаго креста съ изображеніемъ Нерукотвореннаго Спаса и соотвѣтственной подписью XVII—XVIII в., и семь серебряныхъ монетъ, изъ коихъ 1 аеинская, 1 еракійскаго царя Лисимаха, 1 города Маронеи, 2 Тира, 1 Сидона и 1 города Деметріи въ Месопотаміи.

Отъ присяжнаго повѣреннаго при Луцкомъ Окружномъ Судѣ Н. П. Слѣсаревскаго: подвѣска къ сергѣ изъ мѣдной проволоки съ навязанными на нее позолоченными бусинами литовскаго періода; 14 серебряныхъ литовско-русскихъ монетокъ съ колюмнами на одной и сѣкирой съ крестомъ на другой сторонѣ; 8 серебряныхъ чешскихъ грошей чешско-польскаго короля Венцеслава III (1330—1305 гг.); 3 серебряныя монеты Владислава Ягайло; 1 шелягъ Казимира Ягайловича, — найденныя въ г. Луцкѣ, въ усадьбѣ Коваленковыхъ, при постройкѣ дома.

Отъ судебного слѣдователя Балтскаго у., Подольской губ., В. М. Григоровича-Барскаго: связка документовъ и писемъ, адресованныхъ капитану Ремеру, доктору И. И. Ромашкевичу, начальнику отдѣленія Главнаго Управленія Духовныхъ Дѣлъ иностранныхъ исповѣданій П. Я. Невяровскому и Божавскому, съ 1795 по 1816 годъ.

Изъ Енисейской дух. Консисторіи, по распоряженію дѣйствительнаго члена, преосвященнаго Акакія, епископа Енисейскаго и Красноярскаго: фотографическій снимокъ съ иконы страшнаго суда, находящейся въ Спасской церкви с. Есаульскаго, Красноярскаго округа, построенной въ 1802 году, и мѣдная дарохранильница изъ Троицкой церкви села Арейскаго (Заледѣво тожъ), построенной въ 1804 году.

Отъ Петровскаго Общества изслѣдователей Астраханскаго края: Отчетъ сего Общества за 1895 годъ, „Астраханскій Сборникъ“, издаваемый симъ Обществомъ, вып. 1, и „Отчетъ“ сего Общества за 1896 годъ, съ приложеніемъ рефератовъ, читанныхъ въ засѣданіяхъ Общества.

Отъ Оренбургской Ученой Архивной Комиссіи „Труды сей Комиссіи, выпускъ III, и брошюра „Десятилѣтіе Оренбургской Ученой Архивной Комиссіи“, Оренбургъ, 1898.

Отъ Орловской Ученой Архивной Комиссіи „Труды“ ея за 1897 годъ выпускъ II и за 1898 годъ выпускъ I.

Отъ дѣйствительнаго члена, преосвященнаго Ныканора,

Епископа Киренскаго, викарія Иркутской епархіи (нынѣ епископа Якутскаго и Вилюйскаго) брошюра о пареченіи и хиротоніи его въ сей санъ, Иркутскъ, 1898.

Отъ члена-корреспондента, священника села Бусьно, Люблинской губ., Пол. Гапановича три польскія серебряныя монеты 1531, 1535 и 1567 г.г., найденныя въ 1897 году въ землѣ при с. Мирче, Грубешовскаго уѣзда.

Отъ члена-корреспондента, священника Кіево-подольскаго Успенскаго собора А. Г. Дашкіева: копѣйка 1715 г., пятакъ 1730г.; пять русско-польскихъ серебряныхъ монетъ 1835—1846 г. и серебряный жетонъ для представителей прессы на Кіевскомъ съѣздѣ врачей 1897 года.

Отъ князя С. Абамелекъ-Лазарева: „Джерашъ (Gerasa). Археологическое изслѣдованіе князя С. С. Абамелекъ-Лазарева. С.-Петербургъ, 1897 г., in 4-о.

Отъ члена-корреспондента, Н. Н. Оглоблина, изъ Москвы: рукописный переводъ книгъ пророка Исаія и Іереміи съ еврейскаго на русскій языкъ, намѣстника іерея Фотинскаго, 1811 г.; рукописный переводъ съ еврейскаго книгъ пророковъ Наума, Аввакума, Софоніи, Аггея и Захаріи, того же Фотинскаго, 1811 г.; рукописный сборникъ начала XIX вѣка, in 4-о, заключающій, между прочимъ, „Историческое разсужденіе о догматической Богословіи“ профессора Кіевской Академіи архимандрита Сильвестра Суходольскаго, 18 мая 1812 г., и Оду на пришествіе въ Кіевъ Императора Александра I; „Сокращенный Катихизисъ для священно и церковнослужителей“, Кіевъ, 1805 г., in 16-о.

Отъ учителя Приворотскаго дух. училища Подольской епархіи, А. Войткова настольная протопопская грамота, выданная въ 1772 году переяславскимъ и бориспольскимъ епископомъ Іовомъ священнику Аврааму Киселевскому на Тетіевскую протопопію.

Отъ переяславскаго мѣщанина Ш. А. Найдиса: желѣзное навершіе отъ большаго церковнаго подсвѣчника, съ

углубленіемъ для воощаницы и четырьмя рожками для обыкновенныхъ восковыхъ свѣчъ, и мѣдная марка на входъ на представленія профессора магіи F. I. Basch.

Отъ Ярославской Губернской Ученой Архивной Комиссіи: отчетъ ея за 1897 годъ и четыре изданныхъ ею брошюры.

Отъ Тамбовской Ученой Архивной Комиссіи—„Извѣстія“—ея, выпускъ 42, Тамбовъ, 1897 г.

Отъ Одесской Городской Публичной Библіотеки—„Отчетъ“ ея за 1897 годъ.

Отъ дѣйствительнаго члена, Преосвященнаго Никанора, епископа Смоленскаго и Дорогобужскаго, нынѣ Орловскаго и Сѣвскаго—35 названій книгъ и брошюръ, составленныхъ Его Преосвященствомъ и подъ его воздѣйствіемъ и касающихся исторіи и древностей епархій Астраханской, Казанской, Архангельской и Смоленской, съ 1887 по 1897 годъ.

Отъ дѣйствительнаго члена, Помощника Попечителя Виленскаго Учебнаго Округа А. В. Бѣлецкаго, брошюра: „Неудавшаяся попытка дать латинскому духовенству западной Россіи воспитаніе въ русскомъ духѣ“. Вильна. 1897.

Отъ дѣйствительнаго члена, ректора Одесской дух. Семинаріи, протоіерея Мартирія Чемены: „Любопытный мѣсяцесловъ“ на 1795 годъ, Москва, 1795 г. (съ историч. описаніемъ Архангельской епархіи).

Отъ дѣйствительнаго члена, преподавателя Одесской дух. Семинаріи Л. С. Мацѣевича 15 монетъ, изъ коихъ три римскія, двѣ византійскія, одна ольвійская, одна турецкая, а остальные—западно-европейскія.

Отъ воспитанника Одесской дух. Семинаріи Леон. Заводскаго, чрезъ того же Мацѣевича: рукописный Требникъ второй половины XVIII в. съ подписью „честнаго отца Никифора Островскаго“, и 33 №№ предметовъ первобытной эпохи кремневыхъ и бронзовыхъ, а также изъ стекла и композиціи, найденныхъ въ Днѣпровскомъ уѣздѣ, Таврической губерніи.

Отъ члена-корреспондента, бібліотекаря Кіевскаго Политехническаго Института Н. Ф. Бѣлашевскаго, составленный имъ „Отчетъ Городецкаго музея Волинской губерніи барона Ө. Р. Штейнгель за первый годъ съ 25 ноября 1896 по 25 ноября 1897 г.“ Варшава. 1898.

Отъ члена-корреспондента, старшаго помощника дѣлопроизводителя Канцеляріи Кіевскаго генераль-губернатора, А. Ф. Новицкаго: мѣдный жетонъ на смерть Людовика XVI; мѣдный жетонъ на 900-лѣгіе крещенія Руси; бронзовая пантикапейская монета; двѣ серебряныя восточныя монеты, изъ коихъ одна—брактеатъ; 1 римская серебряная монета Марка Аврелія; бельгійскій червонецъ 1849 г.; польскій талеръ 1630 г.; частная польская монета съ вензелемъ L. B. и цифрою 5; четыре серебряныя литовско-русскія монетки съ колюмнами и сѣкирой; три серебряныя монетки Василя Темнаго; 15 мѣдныхъ русскихъ монетъ XVIII и начала XIX вв. и пять русскихъ ассигнацій съ 25 и до 1 рублеваго достоинства, 1843—1865 г.г.

Отъ члена-корреспондента, учителя Литовской дух. Семинаріи Ант. П. Вышемірскаго: оборотная сторона польской цинковой медали въ честь гр. А. Буксгевдена съ надписью—*custodi administratori Warsaviae*, 1795 г.; цинковый жетонъ на освобожденіе русскихъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, 19 февраля 1861 г.; алюминіевый жетонъ на кончину императора Александра III, 20 октября 1894 г.; чешскій серебряный грошъ Венцеслава III; шелягъ польскаго короля Альбрехта († 1501 г.); 4 польскія серебряныя монеты XVIII в.; серебряная монета Августа, короля Саксонскаго и князя Варшавскаго, 1814 г.; 4 прусскія монеты XVIII вѣка и одна русско-финляндская 1866 г., рукописное собраніе пѣсенъ свадебныхъ, записанныхъ Ип. Харсевичемъ въ Пружанскомъ у., Гродненской губ.; „Сказаніе о Мамаевомъ побойци“ лубочнаго изданія ковца XVIII в., и 8 новѣйшихъ брошюръ, преимущественно изданныхъ въ Вильнѣ.

Отъ В. Василюса—финифтяный образокъ св. Николая, найденный въ Киево-Флоровскомъ женскомъ монастырѣ.

Отъ Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества: „Православный Палестинскій Сборникъ“, выпускъ 43-й; „Сообщенія“ сего Общества, декабрь 1897 и февраль, июнь, августъ и октябрь 1898 г.; VIII-й томъ Приложеній къ симъ Сообщеніямъ; выпуски IX—XVI и XXI и XLIV „Чтеній о св. Землѣ“; 'Ανάλεхта ἱεροσολυμιτικῆς Σταχυολογίας, А. Пападопуло-Керамевса, т. 5-й, и карта „Ближайшія окрестности Іерусалима,—начертаны К. Шивомъ и редактированы д-ромъ Бенцингеромъ“.

Отъ Рязанской Ученой Архивной Комиссіи: „Труды“ сей Комиссіи, тома XII-го выпускъ 3 и тома XIII выпуски 1 и 2; продолженіе „Списва писателей изъ уроженцевъ Рязанской губерніи“.

Отъ Кишиневской Городской Общественной Библіотеки Отчетъ ея за 1897 годъ.

Отъ действительнаго члена, профессора Киевскаго Университета св. Владиміра П. В. Владимірова, брошюра „Доклады, читанныя на IX археологич. съѣздѣ въ Вильнѣ“, Москва, 1897 г.

Отъ члена-корреспондента, преподавателя Орловской дух. Семинаріи Г. М. Пясецкаго его брошюра: „Пресвященный Тихонъ Якубовскій, епископъ сѣвскій, воронежскій и сурдальскій. Орелъ. 1897“.

Отъ члена-корреспондента, іеродіакона при Русской Миссіи въ Іерусалимѣ Ювеналія: два глиняныхъ куска съ гвоздеобразными надписями; акварельный рисунокъ мозаичскаго пола съ варткою Сиріи, Палестины и Египта въ развалинахъ древней греческой церкви въ селеніи Мадава, на мѣстѣ древняго моавитскаго города за Іорданомъ, вѣка V или VI; три жука-скарабея изъ терракотты; шестнадцать камней, амулетовъ и печатокъ на камнѣ и металлѣ; греческая мѣдная печать; сто сорокъ бронзовыхъ монетъ древне-

еврейскихъ, греческихъ автокефальныхъ, римскихъ и византійскихъ, и двѣ серебряныя крестоносческія монеты.

Отъ чиновника Кіевской Контральной Палаты Ал. Игн. Лотоцкаго—деревянная статуетка, кажется, Яна Непомука, найденная у крестьянина с. Сидоровки, каневского уѣзда.

Отъ художника Ст. Петр. Еремича два листа (183 и 184) изъ печатнаго южнорусскаго Апостола, съ гравированнымъ изображеніемъ на 184 листѣ св. апостола Павла и съ подписью гравера: „Ѳеодо...А“.

Отъ студента Кіевской дух. Академіи Вас. Адамова (изъ Орловской губ.)—священническій поясъ, подаренный московскимъ митрополитомъ Филаретомъ отдаленному родственнику жертвователя, іеромонаху, впослѣдствіи архимандриту Агапиту, въ бытность его ректоромъ Перервинскаго Училища.

Изъ Кіево-Печерской Успенской лавры: серебряный медальонъ „въ память 900-лѣтія крещенія Кіевлянъ“ и нѣсколько дипломовъ кіевскому митрополиту Платону,—послѣ его смерти остававшіеся въ Лаврѣ.

Отъ Калужской Ученой Архивной Коммисіи—„Извѣстія“ ея за 1898 годъ, выпускъ III.

Отъ товарища предсѣдателя Общества, профессора Кіевской дух. Академіи П. А. Лашкарева—человѣческій черепъ, разсѣченный мечемъ, найденный въ Кіевѣ близъ Десятиной церкви.

Отъ дѣйствительнаго члена, протоіерея Кл. І. Фоменко—поясъ кіевского митрополита Филарета.

Отъ члена-корреспондента, кандидата богословія, учителя Бѣлградской дух. Семинаріи въ Сербіи, священника Ст. Димитріевича, книги: „Голубица“, альманахъ за 1840 годъ, безъ выходнаго листа и конца, in 8-о, и книга „Серблякъ“, содержащая въ себѣ богослужебная молебная правила святыхъ Сербскаго рода“, въ листъ, на 3+193 листахъ. Бѣлградъ. 1861.

Отъ студента той же Академіи 1-го курса, болгарина Ив. Попова—серебряная римская монета Антонина Каракаллы (211—217 л.), найденная въ г. Тырновъ.

Отъ Л. Ив. Липской, черезъ студента Кіев. Академіи Ив. П. Цинкока,—старинная женская шелковая цвѣтная кофточка.

Отъ садовника Кіево-Братскаго монастыря Ал. Парамонова: половинка древняго бронзоваго энколпіона съ изображеніемъ Богородицы; мѣдная византійская монета Іоанна Цимисхія и нѣсколько шведскихъ, польскихъ и русскихъ монетъ XVII—XVIII вв.

Отъ Таврической Ученой Архивной Комиссіи—„Извѣстія“ ея, № 28. Симферополь. 1898.

Отъ дѣйствительнаго члена, ключаря Кіево-Софійскаго кафедральнаго собора, протоіерея П. І. Орловскаго: серебряный пятакъ 1756 г. и мѣдная польская монета 1755 года.

Отъ дѣйствительнаго члена, профессора Кіевской дух. Академіи Н. И. Петрова: кирпичъ отъ древняго фундамента подъ крыльцомъ настоятельскихъ келлій Кіево-Братскаго монастыря, и оттискъ реферата „О нѣкоторыхъ змѣнѣнвахъ, энколпіонахъ и образкахъ, вайденныхъ въ Кіевской губерніи и вообще на югѣ Россіи“, Москва, 1898 г.

Отъ дѣйствительнаго члена, помѣщика Б. И. Ханенко: фототипическій снимокъ съ энколпіона, исполненнаго перегородчатою эмалью, съ славяно-рускими надписями, не позже XII вѣка, и изданіе жертвователя „Собраніе Б. И. и В. Н. Ханенко. Древности Русскія. Кресты и образки. Кіевъ 1899“. 4-о.

Отъ кандидата богословія, болгарина Гр. Арабаджіева: болгарская ассигнація въ 5 левовъ (около 2 руб.); 1 серебряная и 1 мѣдная турецкія монеты.

Отъ Западно-Сибирскаго отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества—„Записки“ сего отдѣла, книжки 23 и 24. Омскъ. 1898.

Отъ Александровской Самарской Публичной Библіотеки

и Музея: Отчетъ сей Библиотеки и Музея за 1897 годъ и „Указатель предметовъ, хранящихся въ Самарскомъ Публичномъ Музеѣ“, Н. М. Оедорова. Самара. 1898.

Отъ дѣйствительнаго члена, генераль-лейтенанта, графа Гр. А. Милорадовича. „Любецкій архивъ графа Милорадовича. Выпускъ 1. Кіевъ. 1898“.

Отъ Вас. Лавр. Панчохи—шпага изъ катайскихъ мѣдныхъ монетъ, связанныхъ между собою.

Отъ Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества: 1) Древности, Труды Археографической Коммисіи Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества т. I, вып. 1 и 2, и 2) „Древности—Труды Славянской Коммисіи“ того же Общества, Москва 1898. 4-о.

Отъ Археологическаго Института въ С.-Петербургѣ: „Вѣстникъ археологіи и исторіи, издаваемый Археологическимъ Институтомъ“, выпускъ X, и „Сборникъ Археологическаго Института“, книга шестая. С.-Петербургъ. 1898.

Отъ Уральскаго Областнаго Комитета: „Памятная книжка и Календарь Уральской Обласги“ на 1897 и 1898 годы, и журналъ засѣданія Уральскаго Областнаго Статистическаго Комитета 18 марта 1898 года.

Отъ Черниговской Архивной Коммисіи 1-й выпускъ „Трудовъ“ ея, Черниговъ, 1898 г.

Отъ члена-корреспондента, учителя Смоленской дух. Семинаріи Д. К. Вишневскаго—нѣсколько документовъ, относящихся къ исторіи Кіевской Академіи, XVIII вѣка.

Отъ старшаго чиновника особыхъ порученій при кіевскомъ генераль-губернаторѣ А. Ив. Мёрдера—его брошюра „Кіевскій храмъ св. апостола Андрея Первозваннаго“, А. М. Кіевъ, 1898.

Отъ А. П. Бахрушина—„Ризница Симонова монастыря въ Москвѣ. Москва. 1897 г.“.

Отъ дочери священника села Королевки, Васильковскаго у., Николая Евдок. Селецкаго, дѣвicy Екатерины—небольшая картина, изображающая отрока Іисуса Христа въ іерусалимскомъ храмѣ.

Отъ Нижегородской Губернской Ученой Архивной Коммисіи: журналы 40—45 засѣданій сей Коммисіи за 1896—8 годы, въ двухъ тетрадяхъ, и „Дѣйствія“ сей Коммисіи, — „Сборникъ статей, сообщеній, описей и документовъ. Томъ III. Нижній Новгородъ. 1898 г.“.

Отъ дѣйствительнаго члена, ректора Кіевской дух. Семинаріи Архимандрита Іоанникія: 1—7) польскіе серебряные гроши 1616, 1622, 1624 и 1630 г.г.; 8—9) серебряные копѣчки Петра I; 10) мѣдная копѣйка 1714 г.; 11) полушка 1721; 12—13) мѣдные пятаки 1729 и 1730 г.г., и 14) рублевикъ 1799 года.

Отъ дѣйствительнаго члена, настоятеля Кіево-подольской Добро-Николаевской церкви, протоіерея П. Г. Преображенскаго — „Обстоятельное описаніе торжественныхъ порядковъ благополучнаго вшествія въ царствующій градъ Москву и священнѣйшаго коронованія... Государыни Императрицы Елизаветы Петровны...“, съ гравюрами І. Соколова и Гр. Качалова, С.-Петербургъ, 1744 г., въ листъ.

Отъ члена-корреспондента, священника села Нововарагачъ, Измаилскаго у., кишиневской епархіи, І. Я. Галушко: мѣдный католическій медальонъ съ изображеніями св. Антонія Падуанскаго и св. Елисаветы, царицы Португальской; три австро-венгерскія монеты нынѣшняго вѣка и одна восточная; восемь русскихъ рублевиковъ нынѣшняго вѣка; четыре мелкія русскія монеты XVIII и XIX вѣвовъ; шесть книгъ и брошюръ на польскомъ и русскомъ языкахъ, особенно на галиційскомъ нарѣчій, нынѣшняго вѣка.

Отъ помѣщика А. Д. Злотницкаго — Запись Рейны Госцской Николаевой Львовой, княжны Соломерецкой, каштелявины Смоленской, данная Кіевскому митрополиту Петру Могилѣ, о признаніи дарственной своей записи на вѣчную донацію мѣста и замка Гоши и села Терентіева и др., съ обязательствомъ заявить эту запись передъ судомъ Главнымъ Трибунальскимъ Виленскимъ, сентября 1642 года.

Отъ профессора Новороссійскаго Университета В. М. Истрина: 1) „Замѣчанія о составѣ Толковой Пилеи“, В. Истрина, выпускъ 2; 2) „Греческая записка о набѣгѣ казаковъ на Константинополь въ началѣ XVII вѣка“, его же, С.-Петербурга, 1898 г., и 3) посмертное сочиненіе покойнаго члена Общества, профессора того же Университета Н. Ѳ. Красносельцева—„Addenda къ изученію А. Васильева: Anecdota graeco-byzantina (Москва, 1893)“. Одесса. 1898.

Изъ Кіевской дух. Консисторіи—два полотняныхъ гравированныхъ антимиаса, полученныхъ изъ Вознесенской церкви с. Андрушекъ, Сквирскаго у., изъ коихъ одинъ печатанъ при львовскомъ униатскомъ епископѣ Аѳанасіѣ Шептицкомъ и освященъ 21 іюля, вѣжета 1724 г., для церкви села Пачева, а другой печатанъ при львовскомъ униатскомъ епископѣ Леонѣ Шептицкомъ въ 1770-хъ годахъ.

Отъ основательницы Лубенскаго музея Е. Н. Скаржинской—фотографическій снимокъ съ гравированнаго „Вѣнца Престѣи Бѣдъ, изложеннаго изъ звѣздъ“, изъ печатнаго Кіевскаго Патерика 1796 года.

Изъ Кіевскаго Златоверхо-Михайловскаго монастыря—двѣ мраморныя колонны и четыре такія же капители, относящіяся къ до-татарскому періоду исторіи Кіева.

Отъ дѣйствительнаго члена, Авт. Ал. Леопардова—„Описаніе русскихъ монетъ Шодуара“, 1837—8 г.г., въ трехъ частяхъ и двухъ переплетахъ, принадлежавшее покойному брату жертвователя Н. А. Леопардову.

Отъ студента Кіевской дух. Академіи, серба Др. Поповича—мѣдная монетка съ надписью Stadt Cosveldt, 1718 года, найденная въ Сербіи.

Отъ почетнаго члена, Высокопресвященнаго Сергія, архіепископа владимірскаго и суздальскаго—его изслѣдованіе „Святый Андрей, Христа ради юродивый, и праздникъ Покрова Пресв. Богородицы“. С.-Петербургъ, 1898.

Отъ члена - корреспондента, священника Покровской церкви г. Луцка Теофана Савлучинскаго: презента пана Ст. Аксака священнику Ильѣ Метельскому на Косцюховскій приходъ, 1785 г.; листъ кафедральнаго Луцкаго архидіакона Подгороденскаго доминиканцу Маллшевскому, съ разрѣшеніемъ совершать надъ тѣломъ умершаго пана Ст. Аксака: въ его дворцѣ, мши на подвижномъ антиминосѣ, до его погребенія, 25 октября 1792 г.; Отчеты о дѣятельности Луцкаго Православнаго Крестовоздвиженскаго Братства за 1894—5, 1895—6 и 1896—7 годы; „Луцкое Православное Крестовоздвиженское Братство и его историческія заслуги“, Н. В. Реутскаго, Луцкъ, 1897 года, и „Уставъ православнаго Церковно-приходскаго Попечительства при Луцкой Свято-Покровской Церкви“, Луцкъ, 1894 года.

Отъ члена-корреспондента, законоучителя Кишиневской Гимназіи, священника Н. Лашкова—серебряный шейный крестикъ, въ видѣ прорѣзнаго медальона, съ надписями „црѣ славы Ісѣ Хсѣ“ и текстомъ „Кресту твоему поклоняемся“ и проч., XVI—XVII в.

Отъ члена-корреспондента, священника Очаковскаго собора Н. Л. Левицкаго—четыре сосуда изъ раскопокъ и находокъ на мѣстѣ древней Ольвіи, а именно: чернолаковый *οὐβος*; *Sinum* или *Sinus* (*δίνος*), изъ желтоватой терракотты съ полосками, для питья вина; чернолаковое блюдечко съ надписью на донышкѣ 'Αγα, и чернолаковый унгвентарій (*unguentarium*).

Отъ Очаковскаго жителя Леона Гаухмана—три вещи изъ раскопокъ и находокъ на мѣстѣ древней Ольвіи: 1) стеклянный круглый сосудецъ съ проломленнымъ бокомъ; 2) глиняная ручка отъ амфоры, со штемпелемъ, на которомъ оттиснута головка въ профиль и греческая надпись *Επι ξενοφωτος*, и 3) три куска отъ большого расписнаго греческаго сосуда, по мѣстамъ позолоченнаго, на которыхъ видны фрагменты женской фигуры, бросающей правую рукою позолочен-

ное копье, а за нею—трехъ женскихъ фигуръ, изъ коихъ передняя представлена поклоняющеюся.

Отъ г. Любовицкаго вещи, полученныя имъ изъ г. Канева, а именно: три желѣзныхъ наконечника стрѣлъ; два желѣзныхъ наконечника копій; большой желѣзный замокъ; желѣзный ключикъ; желѣзный топоръ и желѣзная кирка; два рыболовныхъ желѣзныхъ крючка.

Итого поступило въ теченіе 1898 года отъ 84 учреждений и лицъ въ Церковно-археологическій музей и библиотеку его:

а) въ музей:

Памятниковъ церковной архитектуры, живописи, скульптуры, разной утвари и проч.	44
Медалей, жетоновъ и монетъ	306
Религиозныхъ памятниковъ разныхъ народовъ и древнихъ памятниковъ военнаго и домашняго быта	75
Актвъ, грамотъ, писемъ и т. п.	7
Рукописей	9
Старопечатныхъ церковно-славянскихъ книгъ	1
Гравюръ, чертежей, фотографическихъ снимковъ и т. п.	7

в) въ библиотекѣ музея:

Періодическихъ изданій, книгъ и брошюръ	135
Всего	584

Если исключить изъ этой суммы до 18-ти періодическихъ изданій, поступавшихъ въ Церковно-Археологическое Общество и въ прежніе годы, то новыхъ собственно поступленій въ отчетномъ году будетъ не болѣе 566 №№, которые вмѣстѣ съ поступленіями прежнихъ лѣтъ, составятъ сумму до 29,562 №№.

Изъ этихъ поступленій болѣе другихъ заслуживаютъ вниманія прежде всего образчики гвоздеобразныхъ надписей на глиняныхъ кускахъ, а также акварельный рисунокъ мо-

заическаго пола съ картою Сиріи, Палестины и Египта въ развалинахъ древней греческой церкви въ селеніи Мадава за Иорданомъ, V—VI в., и вообще всѣ пожертвованія іеродіакона при Русской Миссіи въ Іерусалимѣ Ювеналія. Менѣе значительны по интересу, но ближе къ намъ по мѣстонахожденію первобытныя древности, собранныя въ днѣпровскомъ у., таврической губ., Л. Завадовскимъ, а также стеклянные и терракотовые сосуды изъ раскопокъ и находокъ въ древней Ольвіи, близъ г. Одессы. Два изъ послѣднихъ сохранились съ греческими надписями, а одинъ фрагментъ греческаго росписнаго сосуда изображаетъ цѣлую сцену изъ религиозныхъ вѣрованій и культа древнихъ греческихъ поселенцевъ по берегамъ Чернаго Моря. Изъ самаго Кіева, изъ древнѣйшаго до-татарскаго періода его жизни, поступило въ музей въ отчетномъ году немного: двѣ мраморныя колонны и четыре такія же канители изъ Кіевского Златоверхо-Михайловскаго монастыря, мѣдная византійская монета Іоанна Цимисхія и обратная сторона бронзоваго энколпіона съ изображеніемъ Богородицы, найденныя въ землѣ, въ саду Кіево-Братскаго монастыря. Но за то въ концѣ этого года вышло въ свѣтъ составленное не безъ участія Церковно-Археологическаго Общества иллюстрированное описаніе коллекцій древнихъ крестиковъ и образковъ г.г. Ханенко, изъ 169 №№ преимущественно южно-русскаго происхожденія и до-татарскаго періода, на XVI таблицахъ. Кстати, для отъненія особаго характера древнихъ крестиковъ и образковъ южно-русскаго происхожденія, въ отчетномъ году поступила въ музей отъ Н. Г. Захаріевскаго небольшая коллекція крестиковъ и образковъ Новгородскаго типа, притомъ же полученная изъ Новгородской губерніи, большею частію миньютюрныхъ, какіе преобладаютъ въ Тверскомъ музеѣ древностей, судя по его иллюстрированному описанію. Послѣ разгрома Кіева татарами въ 1240 году,—о чемъ въ отчетномъ году напомнила находка разсѣченнаго человѣческаго черепа близъ Десятинной

церкви,—на югѣ Россіи нараждается новая культура литовско-русская, памятниковъ которой доселѣ извѣстно весьма мало. Наиболѣе достовѣрными представителями этого періода являются литовско-русскія монеты. Въ отчетномъ году такихъ монеть, относящихся въ XIV и XV вѣкамъ, поступило въ музей до 33 №№. Изъ нихъ болѣе важна находка 26-ти монеть въ г. Луцкѣ, особенно потому, что вмѣстѣ съ монетами найдена была также подвѣска въ серыгѣ изъ мѣдной проволоки, съ нанизанными на нее позолоченными бусинами, несомнѣнно литовско-русскаго періода и типа. Изъ польскаго періода южно-русской исторіи, съ 1569 года, въ отчетномъ году поступили въ музей: кирпичъ отъ стариннаго фундамента подъ крыльцомъ нынѣшнихъ настоятельскихъ покоевъ въ Киево-Братскомъ монастырѣ, вѣроятно указывающаго на мѣсто постройки кіевскимъ митрополитомъ Петромъ Могилою бурсы, и запись Реины Гойской, княжны Соломерецкой, тому же Петру Могилѣ на м. Гошу на Волини, гдѣ вскорѣ учреждена была православная Гойская или Гоцанская Коллегія, подчиненная Кіевской и существовавшая почти до самого конца XVII вѣка. Изъ другихъ вещей этого періода, поступившихъ въ 1898 году въ музей, можно отмѣтить: желѣзное навершіе отъ большаго церковнаго подсвѣчника изъ г. Переяслава Полтавскаго, и цинковый потиръ съ гравированными на немъ изображеніями, XVII вѣка, изъ Каневскаго уѣзда; но оригинальная мѣдная дарохранильница въ видѣ колоколенки, хотя и получена изъ Каневскаго же уѣзда, однако же составляетъ издѣліе русскихъ старообрадцевъ XVIII вѣка. Остальныя поступленія, хотя бы, повидимому, и незначительныя, получаютъ свой смыслъ и значеніе въ связи съ однородными поступленіями предыдущихъ годовъ, образуя, вмѣстѣ съ ними, довольно полныя и разнообразныя коллекціи.

Въ учебное время, по воскресеньямъ, Церковно-археологическій музей открываемъ былъ, съ 12 до 2 часовъ по полудни, для членовъ Общества, студентовъ Академіи и сто-

ронней публики, подъ наблюдениемъ завѣдующаго музеемъ, а въ случаяхъ надобности—и въ другіе дни. Учащіеся другихъ учреждений и слушатели курсовъ иногда посѣщали музей цѣлыми группами, какъ напр., студенты III и IV курсовъ историко-филологическаго факультета Кіевскаго Университета св. Владиміра, подъ руководствомъ профессора сего Университета П. В. Владимірова; слушатели лѣтнихъ курсовъ для учителей и учительницъ енархіальныхъ школъ Кіевской епархіи, нѣсколько учительницъ школъ С.-Петербургской епархіи и почти всѣ воспитанники 2-й Кіевской мужской гимназіи. Въ числѣ почетныхъ посѣтителей музея и специалистовъ по разнымъ отраслямъ археологіи въ отчетномъ году были: Саксонскій принцъ Іоаннъ Георгъ, два министра короля Румынскаго—министръ президентъ Стурдза и министр—посланникъ въ Петербургѣ Г. Розетти-Солеско, графиня Пр. Серг. Уварова, профессоръ Московскаго Университета Д. Н. Апучинъ, членъ Императорской Археологической Коммисіи Спицынъ нѣкоторые изъ членовъ съѣзда естествоиспытателей въ Кіевѣ, Серг. Влад. Муравьевъ, четыре англичанки; профессоръ Букурештскаго университета Бада Чирешану; армянскій архимандритъ Мамбри Меликъ—Адамянъ и др.

Обращались въ музей съ просьбами сдѣлать копіи, выписки или справки: Президентъ Румынской Академіи Наукъ Стурдза; Австрійское Консульство, по порученію профессора Львовскаго Университета Шалая; Императорское Московское Археологическое Общество, Кіевское Окружное Инженерное Управление, Кіевскій Губернскій Статистическій Комитетъ; профессоръ С.-Петербургскаго университета А. И. Соболевскій; Епископъ Острогжскій Іосифъ; К. П. Михальчукъ, по порученію Императорской Академіи Наукъ; кандидатъ Богословія Берлинскаго Университета Richard Wagner, и др. Лично занимались въ музеѣ А. Стороженко, художникъ Еремичъ, профессоръ Кіевской дух. Академіи А. А. Дмитріевъ

скій и доцентъ той же Академіи С. Т. Голубевъ, два студента университета изъ армянъ, два чеха (Кашпаръ и Червленый) и др. Нѣкоторые изъ посѣтителей музея содѣйствовали болѣе точному опредѣленію тѣхъ или иныхъ предметовъ музея, поступившихъ въ него въ прежніе годы. Такъ, напр., въ отчетномъ году одинъ изъ посѣтителей музея армянинъ выбралъ изъ неопредѣленныхъ восточныхъ монетъ армянскія монеты и точнѣе опредѣлилъ армянскую грамоту патріарха Ефрема въ молдавскому армянскому архіепископу, 1810 г. (№ 82); два посѣтителя изъ чеховъ признали стеклянный стаканъ 1616 года въ Леопардовской коллекціи (№ 1202) за чешскій. Членъ Императорской Археологической Комиссіи Ан. Ан. Спицынъ тщательно пересмотрѣлъ отдѣлъ первобытныхъ древностей въ Леопардовской коллекціи и сдѣлалъ въ описаніи его до 40 дополненій и поправокъ. Для примѣра, приведемъ нѣсколько его опредѣленій: литая бронзовая рукоятка отъ меча, ассирійско-вавилонскаго типа, со сценой привода плѣнниковъ къ царю (№ 1158); бронзовый топоръ изъ самородка, начала бронзоваго періода (№ 1107); бронзовый молотокъ топорикъ, найденный въ 1892 г. въ Кіевѣ и представляющій подражаніе орудіямъ каменнаго вѣка (№ 1112); бронзовое ожерелье изъ 23 звеньевъ, изъ числа находимыхъ въ курганахъ со скорченными костями, вѣка VII предъ Р. Хр. (№ 773); бронзовый наконечникъ вистеня, съ инкрустаціей, XII в. (№ 1106); браслетъ и перстень изъ нефрита (№№ 795—6), и др. Всѣ дополненія и поправки вносятся въ особый экземпляръ „Указателя“ музея, названный корректурнымъ.

III. Занятія Общества.

Въ теченіе 1898 года было 9 засѣданій Церковно-Археологическаго Общества, а именно: 19 января, 2 марта, 20 апрѣля, 18 мая, 12 іюня, 5 сентября, 5 октября, 9 ноября и 2 декабря. На этихъ засѣданіяхъ, кромѣ доклада и

рѣшенія текущихъ дѣлъ, заслушанъ былъ отчетъ Общества за 1897 годъ и сдѣланы были слѣдующія сообщенія членовъ: „Орелигіозной живописи“ (въ кievскомъ Владимірскомъ соборѣ), А. Д. Эртеля; „О нѣкоторыхъ эмблемахъ, энколпіонахъ и образахъ, найденныхъ въ Кіевской губерніи и вообще на югѣ Россіи“, Н. И. Петрова; „Изъ мемуаровъ Арсенія Елассонскаго о Дмитріѣ Самозванцѣ“, А. А. Дмитріевскаго; „О трехъ новыхъ изданіяхъ по исторіи Русской Церкви“, священника Ѡ. И. Титова; „Типикъ о церковномъ и о настѣнномъ письмѣ епископа Нектарія изъ сербскаго града Велеса, 1599 года, и значеніе его въ исторіи русской иконописи“, Н. И. Петрова; „О собраніи древнихъ крестиковъ и образковъ Б. И. и В. Н. Ханенко“, его же; „О Сумелійскомъ Трапезунтскомъ монастырѣ“, А. А. Дмитріевскаго; „Лубенскій музей древностей Е. Н. Скаржинской“, Н. И. Петрова; „Изъ исторіи Кіевского Владимірскаго собора“, его же; „Поминки по профессорѣ Московскаго Университета А. С. Павловѣ“, А. А. Дмитріевскаго.

Изъ постановленій Церковно-Археологическаго Общества важнѣйшими были слѣдующія: 1) Въ засѣданіи 12 іюня, вслѣдствіе докладной записки члена, профессора Н. И. Петрова, которому предложено было Кіевскимъ отдѣленіемъ Предварительнаго Комитета по устройству въ 1899 году археологическаго съѣзда въ Кіевѣ образовать церковно-археологическій отдѣлъ выставки въ церковно-археологическомъ музеѣ, съ выдѣленіемъ изъ него важнѣйшихъ предметовъ первобытныхъ древностей на выставку сихъ древностей при Кіевскомъ Университетѣ св. Владиміра, — Церковно-Археологическое Общество постановило допустить, съ разрѣшенія Правленія Кіевской дух. Академіи, устройство церковно-археологическаго отдѣла выставки съѣзда не въ самомъ музеѣ, по недостатку въ немъ помѣщенія, а въ сосѣдней съ музеемъ комнатѣ, и притомъ безъ выдѣленія изъ церковно-археологическаго музея, въ видахъ сохраненія цѣльности его характера, какихъ либо предметовъ на археологическую выставку

при университетѣ, а для удобства осмотра церковно-археологическаго музея членами предстоящаго XI археологическаго съѣзда, рѣшило открыть церковно-археологическій музей, для членовъ съѣзда и публики, на все время съѣзда. Но Кіевское отдѣленіе Предварительнаго Комитета большинствомъ голосовъ не приняло условій Церковно-Археологическаго Общества и постановило устроить при Кіевскомъ Университетѣ и церковно-археологическій отдѣлъ выставки, послѣ чего профессоръ Петровъ, завѣдующій церковно-археологическимъ музеемъ, не нашелъ возможнымъ совмѣщать и завѣдываніе церковно-археологическимъ отдѣломъ выставки съѣзда, предназначенномъ въ совершенно другой части г. Кіева, и предложилъ избрать для устройства сего отдѣла выставки, профессоровъ Кіевской дух. Академіи П. А. Лашкарева и А. А. Дмитріевскаго, что и было принято Кіевскимъ отдѣленіемъ Предварительнаго Комитета.—2) Въ томъ же засѣданіи 12 іюня отчетнаго года и по предложенію того же профессора Петрова, Церковно-Археологическое Общество, на основаніи указа Св. Синода отъ 19 января 1869 г., за № 4-мъ, составило Комиссію изъ трехъ членовъ своихъ, профессора Н. И. Петрова, доцента священника Ѡ. І. Титова и священника Кіево-Софійскаго кафедральнаго собора, магистра Н. С. Стеллецкаго, для разбора и описанія старыхъ дѣлъ архива Кіевской духовной Консисторіи, которая, съ своей стороны, назначила членами въ сію Комиссію члена Консисторіи протоіерея П. Г. Преображенскаго и секретаря Консисторіи Н. В. Соловьева. Для занятій Комиссіи временно отведены, по распоряженію Высокопреосвященнѣйшаго Митрополита Кіевскаго Іоаннікія, три комнаты въ Кіево-Софійскомъ митрополитанскомъ домѣ, куда перенесены тщательно выбранныя дѣла (кромѣ книгъ) за все XVIII столѣтіе и въ настоящее время уже расположены въ хронологическомъ порядкѣ по годамъ; но порядокъ дѣлъ каждаго въ частности года еще не восстановленъ. 3) Въ засѣданіи Церковно-Археологическаго Обще-

ства 5-го октября выработанъ былъ проектъ измѣненія § 12 нынѣ дѣйствующаго Устава Общества и музея, касающійся избранія завѣдующаго музеемъ и помощника его изъ членовъ Общества, состоящихъ на службѣ при Академии, безъ срочно, за исключеніемъ случаевъ обнаруженія законныхъ причинъ къ устраненію отъ сихъ должностей или просьбы объ увольненіи отъ оныхъ, съ тѣмъ дополненіемъ, что должности секретаря Общества и завѣдующаго музеемъ могутъ быть совмѣщены въ одномъ лицѣ. Проектъ этотъ представленъ Высокопреосвященнѣйшимъ Митрополитомъ Киевскимъ въ Св. Синодъ и утвержденъ указомъ Св. Синода отъ 31 декабря отчетнаго года за № 1709-мъ. 4) Въ засѣданіи 2-го декабря отчетнаго года, вслѣдствіе записки товарища предсѣдателя Общества, профессора П. А. Лашкарева, о находкѣ 26 ноября того же года подъ поломъ на хорахъ великой церкви Киево-печерской лавры запаснаго монастырскаго казнохранилища, а также древнихъ кувшиновъ и ценныхъ плитокъ, Церковно-Археологическое Общество составило, подъ предсѣдательствомъ профессора Лашкарева, Комиссію изъ членовъ профессора Н. И. Петрова, доцента В. З. Завитневича и чиновника генераль-губернаторской канцеляріи А. Ф. Новицкаго, поручивъ ей сдѣлать болѣе или менѣе точное опредѣленіе нумизматической находки, и постановило просить Духовный Соборъ лавры уступить для Церковно-археологическаго музея нѣсколько образцовъ древнихъ кувшиновъ и кусковъ ценины. Эта Комиссія, при участіи польскаго нумизмата Виттыга, сдѣлала уже въ отчетномъ году общій осмотръ находки¹⁾. 5) Въ засѣданіяхъ 9 ноября и 2 декабря отчетнаго года Церковно-Археологическое Общество

---

1) Всего изъ находки оказалось 1 пудъ 26 золотниковъ золота и около 16 пудовъ серебра. Важнѣйшими предметами этой находки представляются: шесть русскихъ золотыхъ монетъ, изъ коихъ двѣ Михаила Федоровича, двѣ Алексія Михайловича, одна Іоанна и Петра Алек-

составило Комиссію изъ трехъ членовъ—протоіерея Кл. І. Ооменко, профессоровъ А. А. Дмитріевскаго и протоіерея І. Н. Королькова, а за отказомъ второго изъ нихъ,—профессора Ѡ. Я. Покровскаго, для повѣрки состоянія музея, на основаніи § 19 Устава Церковно-Археологическаго Общества и музея. Комиссія въ томъ же году приступила къ своимъ занятіямъ, но о результатахъ ихъ донесла уже въ текущемъ 1899 году.—Кромѣ того, члены Общества, профессоръ Н. И. Петровъ и П. А. Лашкаревъ, участвовали въ разработкѣ вопросовъ по росписанію великой церкви Кіево-печерской лавры и устройству въ ней новаго иконостаса, а профессоръ Петровъ по собственному почину ѣздилъ въ вакаціальное время въ г. Лубны, Полтавской губ., специально для осмотра Лубенскаго музея древностей Е. Н. Скаржинской.

Въ отчетномъ году Церковно-Археологическое Общество старалось поддерживать сношенія со всѣми почти учено-археологическими учрежденіями въ Россіи и высылало имъ свои изданія. Тѣ изъ учрежденій, которыя взаимно высылали Обществу свои изданія, указаны въ настоящемъ отчетѣ въ спискѣ поступленій въ Церковно-Археологическое Общество, музей и библіотеку его. Кромѣ того, въ отчетномъ году просили изданій Общества и получили ихъ еще слѣдующія учрежденія: Императорская Археологическая Комиссія, Библіо-

---

сѣвичей и Софьи Алексѣевны и одна Петра I въ 10 червонцевъ 1702 г.; 167 ефимковъ, т. е. западно-европейскихъ талеровъ съ московскими контрмарками 1655 года; довольно полная коллекція польскихъ монетъ, особенно золотыхъ, со временъ Стефана Баторія и до 1696 года; большая золотая медаль князя В. К. Острожскаго, воеводы Кіевского; одинъ золотой большой медальонъ восточно-римскихъ императоровъ Констанція и Констанса и до 10-ти медальоновъ и жетоновъ западно-европейскихъ съ священными изображеніями. Остальныя монеты частью западно-европейскія XV—XVII в.в., частью туранско-татарскія. Изъ западно-европейскихъ нѣтъ только англійскихъ монетъ,

тека Императорской Академіи Наукъ, Рижскій Церковно-археологическій Музей и Ученыя Архивныя Коммиссіи Бессарабская и Владимірская.

IV. Денежныя средства Общества.

Оставалось отъ 1897 года 8000 руб. въ непрерывно-доходномъ билетѣ, 500 р. въ листахъ государственной ренты и 315 р. 58 в. наличными деньгами, а всего 8815 р. 58 в.

Приходъ съ 1898 году:

Членскихъ взносов отъ лицъ изъ академической корпораціи.	35 р. —
Отъ члена-корреспондента, священника Каменецъ-Подольскаго кафедральнаго собора Евв. Сѣдинскаго	5 р. —
Отъ почетнаго члена, Настоятеля Астраханской Гостинно-Николаевской церкви, протоіерея Г. Г. Покровскаго	5 р. —
Отъ дѣйствительнаго члена, преосвященнаго Акакія, епископа Енисейскаго и Красноярскаго.	6 р. —
Отъ дѣйствительнаго члена, священника Кіевопечерской Воскресенской церкви П. С. Стеллецкаго.	5 р. —
Отъ почетнаго члена, Преосвященнаго Сильвестра, Епископа Каневскаго, перваго викарія Кіевской епархіи	100 р. —
Отъ дѣйствительнаго члена, священника Кіевсофійскаго собора Н. С. Стеллецкаго.	5 р. —
Отъ дѣйствительнаго члена, настоятеля Кіевоподольской Добро-Николаевской церкви, протоіерея П. Г. Преображенскаго	10 р. —
Отъ дѣйствительнаго члена, ректора Кіевской дух. Семинаріи Архимандрита Іоаннікія.	5 р. —
Отъ дѣйствительнаго члена, священника с.	

Новокарагачь, Измаилскаго у., Кишиневской епархіи, І. Я. Галушко	8 р. —
Отъ дѣйствительнаго члена, настоятеля Кіево-Выдубицкаго монастыря Архимандрита Евлогія.	10 р. —
Отъ члена-корреспондента, священника Кіево-подольскаго Успенскаго собора А. Г. Дашкѣева.	5 р. —
Отъ почетнаго члена, Высокопреосвященнаго Іустина, архіепископа Херсонск. и Одесскаго.	50 р. —
Отъ Серг. Влад. Муравьева	3 р. 25 в.
Отъ дѣйствительнаго члена, священника Очаковскаго собора Н. Л. Левицкаго	3 р. —
Получено % съ принадлежащихъ Обществу процентныхъ бумагъ	330 р. —
Получено въ возмѣщеніе государственнаго сбора съ купоновъ отъ процентныхъ бумагъ.	4 р. 75 в.
Отъ посѣтителей музея	35 р. 82 в.
Выручено за Указатель Музея и другія изданія Общества	12 р. 8 в.
Приобрѣтено государственной ренты на	200 р. —
Итого	837 р. 90 в.
Всего съ остаткомъ 9653 р. 48 в.	

Употреблено въ расходъ въ 1898 году.

На приобретене двухъ сторублевыхъ листовъ государственной ренты.	203 р. 20 в.
Въ типографію за печать и печатаніе Отчета Общества и трехъ дипломовъ	46 р. 84 в.
За перевозку и переноску вещей въ музей и на извозчика	2 р. 58 в.
На очищеніе музея и устройство его, между прочимъ 20 р. за орѣховую рамку для Муравьевскаго вѣста	27 р. —
Постоянному служителю до половины іюля (38 р. 55 в.) и временнымъ съ сего времени (13 р.).	51 р. 55 в.

На переилетъ изданій Общества	1 р. 80 к.
Государственнаго сбору съ купоновъ отъ принадлежащихъ Обществу листовъ государственной ренты	1 р. 30 к.
На канцелярскіе расходы, почтовую пересылку и корреспонденцію	13 р. 56 к.
Итого	347 р. 83 к.

Оставалось къ 1899 году . 9305 р. 65 к.

Изъ нихъ 8000 р. въ непрерывно-доходномъ билетѣ, 700 р. въ листахъ государственной ренты и 605 р. 65 к. наличными деньгами.

Списокъ лицъ, составляющихъ нынѣ Церковно-Археологическое Общество.

1) *Должностныя лица.*

Предсѣдатель Общества, Ректоръ Киевской дух. Академіи, Преосвященный Дмитрій, Епископъ Чигиринскій, третій викарій Киевской епархіи; товарищъ предсѣдателя, заслуженный экстраординарный профессоръ той же академіи П. А. Лашкаревъ; кавначей Общества, заслуженный ординарный профессоръ той же Академіи А. В. Розовъ; блюститель музея и секретарь Общества, заслуженный ординарный профессоръ той же Академіи Н. И. Петровъ; помощникъ секретаря, доцентъ той же Академіи В. З. Завитневичъ.

2) *Почетные члены*¹⁾.

Александръ, епископъ Полоцкій и Витебскій.
Анатолій, епископъ, членъ Московской Синодальной Конторы.
Арсеній, архіепископъ Казанскій и Свѣяжскій.

¹⁾ Списокъ членовъ составленъ въ алфавитномъ порядкѣ.

Бычковъ Аѳ. Ѳеод., членъ Государственнаго Совѣта, академикъ, директоръ Императорской Публичной Библиотеки.

Воскресенскій І. В., протоіерей, Настоятель Николаевскаго собора, Херсонской епархіи.

Дмитрій, епископъ Тверскій и Кашинскій.

Звенигородскій Ал. Викт., дѣйствительный статскій совѣтникъ.

Іаковъ, епископъ Кишиневскій и Хотинскій.

Іеронимъ, архіепископъ Холмскій и Варшавскій:

Іонафанъ, архіепископъ Ярославскій и Ростовскій.

Іустинъ, архіепископъ Херсонскій и Одесскій.

Комаровъ Ал. Вис., генералъ-лейтенантъ, бывший Начальникъ Закаспійской Области.

Лебедевъ В. І., протоіерей, бывший духовникъ Ея Императорскаго Высочества, Великой Бнягини Александры Петровны.

Маркелъ епископъ, бывший Полоцкій, членъ Св. Синода.

Модестъ, архіепископъ Волынскій и Житомирскій.

Николаевскій Ал. Вас., протоіерей, настоятель Русской Посольской церкви въ Вѣнѣ.

Побѣдоносцевъ К. П., д. т. с., Оберъ-Прокуроръ Св. Синода.

Покровскій Г. Г., протоіерей, настоятель Астраханской Гостинно-Николаевской церкви.

Сергій, архіепископъ Владимірскій и Суздальскій.

Сильвестръ, епископъ Каневскій, первый викарій Киевской епархіи.

Уварова Пр. Серг., графиня, Предсѣдатель Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества.

Ѳеогность, архіепископъ Новгородскій и Старорусскій.

3) Дѣйствительные члены.

Акавій епископъ, бывший Енисейскій и Красноярскій.

Антоновичъ Вл. Бон., профессоръ Киевскаго Университета св. Владиміра.

Аристовъ А. П., протоіерей, ректоръ Рижской дух. Семинаріи.

Арсеній архимандритъ, ректоръ Московской духовной Академіи.

Арсеній, епископъ Кирилловскій, викарій новгородской епархіи.

Багал'ѣй Д. И., профессоръ Харьковскаго Университета.

Барсовъ Н. И., отставной профессоръ С.-Петербургской дух. Академіи.

Богдашевскій Д. И., доцентъ Киевской дух. Академіи.

Бодилевскій С. В., статскій совѣтникъ.

Борисъ архимандритъ, Настоятель Русской Посольской церкви въ Константинополѣ.

Браиловскій Н. А., протоіерей, настоятель Кіево-Печерской Феодосіевской церкви.

Бродовичъ О. А., и. д. доцента Киевской дух. Академіи.

Будиловичъ А., протоіерей, наблюдатель церковно-приходскихъ школъ Холмско-Варшавской епархіи.

Булатовъ С. А., священникъ, инспекторъ классовъ и законоучитель Московскаго Маринскаго епархіального женскаго училища.

Булгатовъ Аѳ. Ив., доцентъ Киевской дух. Академіи.

Бѣлецкій А. В., д. с. с., помощникъ попечителя Виленскаго Учебнаго Округа.

Вахрам'евъ Н. А., ярославскій купецъ.

Вержицкій Т. І., совѣтникъ Курскаго Губернскаго Правленія.

Веселовскій Н. И., профессоръ С.-Петербургскаго Университета.

Владиміровъ П. В., профессоръ Киевскаго Университета.

Вознесенскій І. І., протоіерей Костромскаго кафедральнаго собора.

Галушко І. Я., священникъ с. Новокарагачъ, Измаилскаго у., Бишиневской епархіи.

Голубевъ С. Т., доцентъ Кіевской дух. Академіи.

Горленко В. П., помѣщикъ Полтавской губ.

Гошкевичъ В. И., секретарь Херсонскаго Губернскаго
Статистическаго Комитета.

Гошовскій І., кафедральный протоіерей Холмскаго со-
бора, Холмско-Варшавской епархіи.

Дашкевичъ Н. П., профессоръ Кіевскаго Университета.

Дверницкій Е. Н., предсѣдатель съѣзда мировыхъ судей
во Владимірѣ-Волинскомъ.

Дмитревскій Ѡ. Н., бывшій смотритель Симферополь-
скаго дух. Училища (въ Черниговѣ).

Дроздовъ Н. М., экстраординарный профессоръ Кіев-
ской дух. Академіи.

Евлогій архимандритъ, настоятель Кіево-Выдубицкаго
монастыря.

Ивановъ А. В., учитель Таврической дух. Семинаріи.

Иринеи, епископъ Подольскій и Брацлавскій.

Исаевъ И. П., секретарь Совѣта Кіевскаго Универ-
ситета.

Іоанникій архимандритъ, ректоръ Кіевской дух. Се-
минаріи.

Іоаннъ архимандритъ, бывшій настоятель Шаргород-
скаго монастыря, Подольской епархіи.

Іосифъ, епископъ Острогжскій, викарій Воронежской
епархіи.

Кардасевичъ Ѡ. И., настоятель православно-русскаго
надгробнаго храма въ Иромѣ, близъ Будапешта.

Конскій А. К., протоіерей, бывшій ректоръ Минской
дух. Семинаріи.

Корольковъ І. Н., экстраординарный профессоръ Кіев-
ской дух. Академіи, протоіерей, настоятель Кіевскаго Влади-
мирскаго собора.

Крыловскій А. С., бібліотекарь Кіевской дух. Академіи.

Кудрявцевъ П. П., и. д. доцента той же Академіи.

Кульманъ Г. М., лекторъ нѣмецкаго языка въ той же Академіи.

Лазаревскій А. М., членъ Кіевской Судебной Палаты.

Левицкій Н. Л., священникъ Очаковскаго собора.

Леопардовъ Авт. Ал., дѣйствительный статскій совѣтникъ

Лилѣвъ М. И., преподаватель Нѣжинскаго Филологическаго Института.

Линицкій П. И., заслуженный ординарный профессоръ Кіевской дух. Академіи.

Маккавейскій Н. К., доцентъ той же Академіи.

Малининъ В. Н., экстраординарный профессоръ той же Академіи.

Маркевичъ А. И., отставной профессоръ Новороссійскаго Университета.

Мацѣвичъ Л. С., учитель Одесской дух. Семинаріи.

Мелетій, епископъ Рязанскій и Зарайскій.

Милорадовичъ Гр. Ал., графъ, генералъ-лейтенантъ.

Миропольскій С. И., помощникъ управляющаго Канцеляріей Св. Синода.

Модестовъ В. И., отставной профессоръ Новороссійскаго Университета.

Моралевицъ З. Н., секретарь Правленія Кіевскаго Университета.

Мухивъ Н. Ѳ., доцентъ Кіевской дух. Академіи.

Назарій, епископъ Олонецкій и Петрозаводскій.

Никаноръ, епископъ Киренскій, викарій Иркутской епархіи (нынѣ Якутскій и Вилюйскій).

Никаноръ, епископъ Смоленскій и Дорогобужскій (нынѣ Орловскій и Сѣвскій).

Николаевъ Вл. Н., академикъ-архитекторъ.

Ногайскій В. Ст., начальникъ Житомирской женской Гимназіи.

Олесницкій А. А., заслуженный ординарный профессоръ Кіевской дух. Академіи.

Олесницкій М. А., экстраординарный профессоръ той же Академіи.

Орловскій П. І., протоіерей, влючарь Кіево-Софійскаго кафедральнаго собора.

Орнатскій О. С., экстраординарный профессоръ Кіевской дух. Академіи.

Песоцкій С. А., секретарь Совѣта и Правленія той же Академіи.

Петрушевскій М. Г., учитель Волинской дух. Семинаріи.

Петрушерскій П. П. учитель Кіевской дух. Семинаріи.

Петръ В. И., директоръ пятой Кіевской Гимназіи.

Петръ, епископъ Сумскій, викарій Харьковской епархіи.

Писаревъ М. В., учитель Зарайскаго дух. Училища, Рязанской епархіи.

Платовъ архимандритъ, инспекторъ и экстраординарный профессоръ Кіевской дух. Академіи.

Покровскій Н. В., инспекторъ и профессоръ С.-Петербургской дух. Академіи.

Покровскій О., протоіерей Таганрогскаго собора.

Покровскій О. Я., экстраординарный профессоръ Кіевской дух. Академіи.

Помяловскій Ив. Вас., профессоръ С.-Петербургскаго Университета.

Поповъ К. Д., экстраординарный профессоръ Кіевской дух. Академіи.

Поспѣховъ Д. В., сверхштатный заслуженный ординарный профессоръ той же Академіи.

Праховъ А. В., профессоръ С.-Петербургскаго Университета.

Преображенскій П. Г., протоіерей, настоятель Кіевно-подольской Добро-Николаевской церкви.

Пѣвницкій В. О., заслуженный ординарный профессоръ Кіевской дух. Академіи.

Регаме К. Л., лекторъ французскаго языка въ той же Академіи.

Розовъ А. А., помощникъ смотрителя Киево-Софійскаго дух. Училища.

Рыбинскій Вл. П., доцентъ и лекторъ англійскаго языка въ Киевской дух. Академіи.

Сергій, епископъ Уманскій, второй викарій Киевской епархіи.

Сизорскій Ив. А., профессоръ Киевскаго Университета.

Скворцовъ В. М., чиновникъ особыхъ порученій при оберъ-прокурорѣ Св. Синода.

Скибинъ Г. И., помощникъ инспектора Киевской дух. Академіи.

Соловьевъ Н. В., секретарь Киевской дух. Консисторіи.

Сольскій С. М., отставной профессоръ той же Академіи, Киевскій городской голова.

Стеллецкій Н. С., священникъ Киево-Софійскаго кафедральнаго собора.

Стеллецкій П. С., священникъ, настоятель Киевопечерской Воскресенской церкви.

Тарнавскій В. В., помѣщикъ Киевской губерніи.

Терлецкій Н., протоіерей, смотритель Переяславскаго дух. Училища.

Титовъ Анд. Ал., археологъ.

Титовъ Ѡ. І., доцентъ Киевской дух. Академіи, священникъ и настоятель Киевской Андреевской церкви.

Толстой Ив. Ив., графъ., вице-президентъ Императорской Академіи Художествъ.

Трипольскій Н. Н., кафедральный протоіерей Житомирскаго собора.

Троцкій П. А., протоіерей, настоятель Киевской Срѣтенской церкви.

Успенскій Н. Н., помощникъ инспектора Киевской дух. Академіи.

Ханенко Б. И., помѣщикъ.

Херсонскій І. К., протоіерей, настоятель С.-Петербургской Введенской церкви на Петербургской сторонѣ.

Хойнацкій Ал. Ив., председатель Кіевскаго Съѣзда мировыхъ судей.

Хорошунувъ Ѡ. Д., протоіерей, законоучитель Кіевскаго Института благородныхъ дѣвиць.

Христофоръ, епископъ Екатеринбургскій и Ирбитскій.

Чеканъ Вик. Г., учитель Подольской дух. Семинаріи.

Чемена Игн. Ант., учитель Одесскаго дух. училища.

Чемена Март. Ѡеод., протоіерей, ректоръ Одесской дух. Семинаріи.

Черневъ Н. П., старшій помощникъ дѣлопроизводителя Канцеляріи Кіевскаго генералъ-губернатора.

Щегловъ Н. Н., учитель Кіевской дух. Семинаріи.

Яновскій Ѡ., священникъ села Вишеновъ, Остерскаго у., Черниговской губерніи.

Ястребовъ М. Ф., заслуженный экстраорд. профессоръ Кіевской дух. Академіи.

Ѡоменко Кл. І., протоіерей, настоятель Кіевской Александро-Невской церкви.

4) Члены-корреспонденты:

Абрамовичъ Ив. Гр., директоръ Сѣдлецкой Гимназіи.

Бляшевскій Н. Ф., бібліотекарь Кіевскаго Политехническаго Института.

Вишневскій Д. К., учитель Смоленской дух. Семинаріи.

Вышемірскій А. П., учитель Литовской дух. Семинаріи.

Гапановичъ П., священникъ с. Бусьно, Грубешовскаго у., Люблинской губ.

Георгіевскій А. И., учитель Орловской дух. Семинаріи.

Горожанскій Я. И. учитель 2-го Орловскаго духовнаго Училища.

Дашкевичъ Ант., священникъ с. Туріи, Дубенскаго у., Волинской губ.

Дашкиевъ Ар. Г., священникъ Кіево-подольскаго Успенскаго собора.

Димитріевичъ Ст., священникъ, учитель Бѣлградской дух. Семинаріи, въ Сербіи.

Доброхотовъ І. В., заштатный священникъ Зарайскаго собора, Рязанской епархіи (въ г. Омскѣ).

Желтоножскій І. Р., протоіерей, настоятель Кіево-подольской Христо-Рождественской церкви.

Иваницкій В. І., протоіерей Кіево-подольскаго Успенскаго собора.

Каменскій А., священникъ с. Подгорець, Кіевского уѣзда.

Ковалевскій В. П., учитель Полтавскаго Епархіальнаго Женскаго Училища.

Константиновъ П. Е., инспекторъ пятой Кіевской Гимназіи.

Крыжановскій Гр. Я., учитель Волинской духовной Семинаріи.

Лашковъ Н., священникъ, законоучитель Кишиневской Гимназіи.

Левецкій Авг., священникъ м. Новаго Дашева, Липовецкаго у., Кіевской губ.

Ленскій Анат., священникъ, инспекторъ классовъ Ставропольскаго Женскаго Епархіальнаго Училища.

Мельниковскій І., священникъ, настоятель Александроневской Сулимовской церкви въ Кіевѣ.

Михалевичъ Е. Е., священникъ, учитель Кишиневской дух. Семинаріи.

Моссаковский І., священникъ с. Носачева, Черкаскаго у., Кіевской губ.

Новицкій А. Ф., старшій помощникъ дѣлопроизводителя Канцеляріи Кіевскаго генералъ-губернатора.

Оглоблинъ Н. Н., бывшій чиновникъ при Московскомъ Архивѣ министерства Юстиціи.

Ольшевскій Густ., священникъ, учитель Полтавской дух. Семинаріи.

Орловъ Ил. Ст., учитель Воронежской дух. Семинаріи.

Поповъ І. А., священникъ Острогожскаго собора, Воронежской епархіи.

Пясецкій Г. М., учитель Орловской дух. Семинаріи.

Рубановскій А. И., бывшій помощникъ Смотрителя Одесскаго дух. училища.

Савлуинскій Теофанъ, священникъ; настоятель Лудкой Покровской церкви.

Съднскій Евв., священникъ Каменецъ-Подольскаго кафедральнаго собора.

Тарнопольскій Г., минскій кафедральный протоіерей.

Тыминскій Вл., смотритель Виденскаго дух. училища.

Шпановскій Л. П., инспекторъ народныхъ училищъ г. Одессы и Одесскаго уѣзда.

Ювсгалій, іеродіаконъ при Русской Миссіи въ Іерусалимѣ.

Яворовскій Н. И., смотритель Каменецъ-Подольскаго дух. училища.

Яковина Ів. Игн., начальникъ станціи Переспа юго-западныхъ желѣзныхъ дорогъ.

Ящуржинскій Хр. П., преподаватель Одесскаго Института благородныхъ дѣвицъ.

Эртель Ал. Дм., секретарь Кіевскаго Общества Взаимнаго Кредита.

ОБЪЯВЛЕНИЕ.

Вышли изъ печати и продаются въ Конторѣ редакціи
журнала „Труды Кіевской дух. Академіи“:

1) Религіозное вліаніе іудеевъ на языческій міръ въ
концѣ ветхозавѣтной и въ началѣ новозавѣтной исторіи и
провелиты іудейства. *В. П. Рыбинскаю*. 1898 г. (69 стран.).
Ц. 60 к. съ перес.

2) Пятидесятилѣтній юбилей преосвященнаго Сильвестра,
епископа Каневского, перваго викарія Кіевской епархіи, по-
четнаго члена „Кіевской духовной Академіи“. 1899 г. (70
стран.). Ц. 40 к. съ перес.

3) Неизабвенной памяти профессоровъ А. С. Павлова и
Н. Ѳ. Красносельцева. *А. А. Дмитріевскаю*. 1899 г. (46 стран.).

ГРѢХЪ ІУДИНЪ.

СЛОВО,

сказанное въ церкви Нѣво-Братскаго монастыря, въ пятнокъ первой недѣли великаго поста, 5 марта 1899 года, на вечернемъ богослуженіи, извѣстномъ подъ именемъ пассіи.

Единъ отъ васъ предастъ Мя (Мате. XXVI, 21).

Съ такими горькими словами укоризны божественная любовь нашего Спасителя и Господа обратилась къ сонму избранныхъ и возлюбленныхъ учениковъ Его. Вида приближеніе часа своей искупительной смерти, Онъ вмѣстѣ съ двѣнадцатю учениками своими совершалъ пасхальную вечерю, — послѣднюю вечерю свою, положившую начало нашей непрестающей таинственной вечери. На этой вечери Онъ изливалъ свою неизреченную любовь къ тѣмъ, которыхъ, по божественному слову, возлюбилъ до конца, — въ трогательной прощальной бесѣдѣ, которую и нынѣ мы не можемъ слышать безъ глубокаго сердечнаго умиленія, и вдругъ, среди этого изліянія любви небесной, мысль о предателѣ, вмѣстѣ съ Нимъ раздѣлявшемъ вечерю любви, возмутила чистый духъ Его, и къ сладостной бесѣдѣ любви примѣшалось горькое слово укоризны, вызванное неблагодарностію и измѣною ученика, — то слово, которымъ мы предначали свою бесѣду съ вами. Это слово глубокою скорбію поразило учениковъ, преданныхъ своему Учителю, и видѣвшихъ съ Его стороны столько любви и внимательности къ себѣ, и они въ недоумѣніи смотрѣли другъ на друга, и одинъ за другимъ рѣшились обратиться къ Нему съ робкимъ вопросомъ: „не я ли, Господи?“ Съ такимъ вопросомъ обратился къ Нему даже и тотъ, въ

сердцѣ котораго измѣна сила гнѣздо себѣ. Господь ясно указалъ между ними предателя, и даже предсказывалъ великое горе человеку тому, *имже Сынъ человеческій предастся*. (Мѡ. XXVI, 24). Но слово обличенія и даже грознаго предостереженія не подѣйствовало на измѣнника, сердцемъ котораго овладѣлъ сатана, и онъ совершилъ злодѣяніе вѣроломства и измѣны, которое покрыло его имя вѣчнымъ поворомъ, и, отвративъ его отъ Бога, низринуло его въ бездну погибели.

Тяжель грѣхъ Іудинъ! Одно имя его въ насъ возбуждаетъ бурю негодованія; мы мысленно бѣжимъ предателя, и ненавистнымъ именемъ его готовы клеймить тѣхъ, которыхъ считаемъ виновными въ вѣроломствѣ и измѣнѣ. Чистое сердце не мирится съ такимъ низкимъ поступкомъ, какииъ запятналъ свое имя Іуда.

Но мы смущаемся и трепещемъ, и боимся высказать слово, которое подсказываетъ намъ наблюденіе надъ дѣяніями, развертывающимися передъ нами въ средѣ живущихъ между нами. Что, если бы Господь явился нынѣ среди нашего общества, даже среди множества людей, собравшихся въ нашемъ храмѣ? Не услышали ли бы мы отъ Него слова укоризны, подобнаго тому, какииъ Господь смутилъ двѣнадцать учениковъ, раздѣлявшихъ съ Нимъ пасхальную вечерю? Не увидѣтъ ли бы Онъ и въ средѣ нашей такихъ поступковъ, которые дѣлаютъ насъ причастными грѣху Іудину,—грѣху измѣны и вѣроломства. И не вызвали ли бы мы отъ Него горькаго и тяжкаго слова: иныиъ изъ васъ готовы предать Меня?

Благо намъ, если мы смѣло, съ открытымъ челомъ, можемъ сказать своему Господу: нѣтъ, мы вѣрны Тебѣ, Спасителю и Учителю нашъ! Всегда готовы идти съ Тобою, и тѣмъ путемъ, какииъ ведешь Ты насъ, и никогда не послѣдуемъ совѣту нечестивыхъ, враждующихъ противъ Тебя!

Но можемъ ли мы имѣть дерзновеніе говорить подобныиъ слова? Дозволить ли намъ, или многимъ изъ насъ, непод-

купная совѣсть дѣлать такое заявленіе предъ Всевѣдущимъ?

Мы легкомысленно думаемъ, что ходимъ во свѣтѣ, и не замѣчаемъ мрака, сгущающагося надъ нашими головами. Мы стоимъ въ сонмѣ вѣрныхъ учениковъ и послѣдователей Господа; а тѣнь вины Іудиной падаетъ и на нашу среду. Съ высоты небесной, можетъ быть, и на насъ Господь взираетъ съ такимъ же соболѣзнованіемъ о насъ, съ какимъ въ свое время взиралъ на Іуду-предателя.

Вы недоумѣваете, слыша такое слово, и въ душѣ вашей, по поводу его, можетъ быть, возникаетъ вопросъ, подобный вопросу апостоловъ, слышавшихъ отъ своего Учителя о предательствѣ одного изъ нихъ: неужели это я виновенъ въ грѣхѣ Іудиномъ,—въ грѣхѣ измѣны и предательства?

Для уясненія этого, внимательно мысляю обратимся къ себѣ и окружающимъ насъ, и подвергнемъ себя неподкупному суду своей совѣсти.

Вотъ Господь и Спаситель нашъ вручилъ намъ великое сокровище,—святую вѣру православную. Храните это сокровище: оно непремѣнное условіе нашего спасенія. Кто не будетъ имѣть этого сокровища, или утерять его, тотъ, по слову Господа, *осужденъ будетъ* (Марк. XVI, 16). Когда къ Церкви Христовой обращаются ищущіе спасенія, она первѣе всего старается просвѣтить сердца ихъ свѣтомъ вѣры, и ввѣряетъ имъ для храненія это сокровище, и потомъ, когда она воспринимаетъ ихъ въ составъ свой, она снимаетъ съ нихъ клятвенное обѣщаніе пребыть вѣрными до конца тому исповѣданію, какое они изрекаютъ предъ лицомъ ея. Правда, мы вошли въ Церковь,—этотъ единственный корабль, спасающій отъ потопленія плавающихъ по морю житейскому,—когда не владѣли своимъ сознаниемъ, въ младенчествѣ. Но за насъ изрекали исповѣданіе вѣры и давали обѣтъ не измѣнять ему наши воспріемники. Въ этомъ торжественномъ обѣтѣ предъ Церковію мы, устами своихъ воспріемниковъ, являли, что отреклись сатаны и всѣхъ дѣлъ его, и сочетались

Христу и Богу, и будемъ вѣрными Ему до гроба. Что же? Помнимъ ли мы эти обѣты? Хранимъ ли твердое и чистое исповѣданіе вѣры, воспринятое нами не отъ человѣкъ, но отъ Бога и Церкви? Никого изъ присутствующихъ здѣсь не хотимъ винить въ утратѣ этого сокровища, хотя многіе изъ насъ, можетъ быть, не умѣютъ цѣнить его. Но мы не можемъ ограничивать своего круговора тѣснымъ кругомъ молитвенниковъ нашего храма. А среди тысячъ мятущихся по стогнамъ нашего града и другихъ градовъ какъ много усматривается измѣнниковъ Христу, топчущихъ ногами святое сокровище вѣры! Чѣмъ больше кто думаетъ владѣть мудростію міра, тѣмъ часто не только небрежнѣе, но даже враждебнѣе относится къ тайнамъ вѣры, и мудрость Божія является предъ ними буйствомъ, отъ котораго они отвращаютъ умственный взоръ свой. Вокругъ насъ растутъ и множатся живые учителя, евангеліе Христово подмѣняющіе своимъ собственнымъ евангеліемъ. Забывъ доброе исповѣданіе вѣры, они отъ истины отвращаютъ слухъ (2 Тим. IV, 4), и многихъ увлекаютъ во слѣдъ себѣ. Когда для всѣхъ свѣтитъ яркій свѣтъ вѣры, идущій съ неба, *во дни* (какъ говоритъ праведный Іовъ) *обыметъ ихъ тма, въ полудне же да осяжутъ, яко же въ нощи* (Іов. V, 14). Насъ смущаетъ многочисленный сонмъ идущихъ подъ знаменемъ современнаго просвѣщенія. На сердце многихъ изъ нихъ тяжелымъ камнемъ легло бы слово укоризны въ измѣнѣ вѣрѣ и Христу, если бы только они открыли слухъ свой къ глаголу Божію, несущемуся отъ временъ древнихъ. Говоримъ: на сердце многихъ, а не всѣхъ: есть между ними избранная чада Церкви, дорожащія словомъ истины, даннымъ намъ отъ Бога. Но едва ли не большее число такихъ, которые бросаютъ руководительную нить, данную намъ Церковію, и Христу, пролившему кровь свою за насъ и принесшему намъ святое евангеліе, давшему намъ вѣру, залогъ нашего спасенія, если не словомъ, то дѣломъ говорятъ: мы не нуждаемся въ евангеліи, Тобою возвыщенномъ; пусть хра-

пять и держатся его люди церковные, живущіе старыми преданіями; у насъ есть свой свѣточъ, свой руководитель—умъ нашъ, наполняемый знаніями, собранными нами изъ того богатства, какое разбросано на распутіяхъ труженниками мысли; ему мы хотимъ слѣдовать больше, а не слѣпой вѣрѣ. Изъ нихъ другіе, менѣе полагающіеся на свой умъ, избираютъ себѣ учителемъ какого-либо духа оболыстителя, облеченнаго обманчивою славою, и какъ бы ни было далеко слово его отъ истины, не разсуждая принимаютъ его и вѣрятъ ему болѣе, чѣмъ слову божественному, слову Христову, возвѣщаемому въ церкви. Не явная ли это измѣна Господу и тѣмъ обѣтамъ, какіе даны нами или за насъ въ крещеніи? И не тотъ ли челоуѣкоубійца, дѣйствующій въ сынахъ противленія, который вложилъ въ сердце Іуды предать Господа, заставляетъ ихъ, незримо для нихъ самихъ, измѣнять протеческой вѣрѣ. А тѣ простецы, которые бѣгутъ отъ ограды церковной, оставляютъ своихъ пастырей, поставленныхъ небеснымъ Пастыреначальникомъ для охраненія своего стада, ищутъ для себя пажитей въ глухихъ дебряхъ и безводныхъ пустыняхъ, и, какъ заблудшія овцы, дѣлаются добычею врага и хищника? Пусть вспомнятъ грѣхъ, тяготящій на имени Іуды. Тяжесть вины предателя обрушивается и на нихъ, ушедшихъ изъ дома Божія, бросающихъ завѣщанное имъ ихъ отцами и наслѣдованное ими отъ Господа, и мѣняющихъ его на новое ученіе, измышленное извращеннымъ и слѣпотствующимъ умомъ.

Но можно, и не измѣняя вѣрѣ и не отступая отъ преданнаго Господомъ евангелія, навлечь на себя вину Іудину. Какъ такъ, (спросите вы)? Своимъ поведеніемъ и дѣлами, несогласными съ заповѣдями, намъ данными Господомъ и Церковію. Вѣра, насъ спасающая, не однимъ умомъ должна быть хранима. Она объемлетъ все существо наше, виѣдряется въ нашемъ сердцѣ и управляетъ нашею волею. Вѣра только ума нашего—вѣра мертвая, а не живая. *Глаголай, яко познахъ Ею* (говоритъ апостолъ), *и заповѣди Ею не соблюдаетъ, ложь есть, и въ семъ истинны нѣсть* (1 Іоан. 11, 4).

Два начала, противоборствующие между собою, стремятся подчинить себя нашу волю. Предлежатъ намъ два пути, по которымъ мы можемъ ходить въ жизни. Одинъ путь указываетъ намъ Духомъ истины, Духомъ Божиимъ, а другой духомъ міра, за которымъ скрывается невидимый нами, но сильно ратующій во вредъ намъ, враждебный духъ, называемый Господомъ княземъ міра сего (Іоан. XII, 31, XIV, 30. XVI, 11). Онъ ненавидитъ руководимыхъ Духомъ Божиимъ (Іоан. XV, 19), окружаетъ ихъ соблазнами и силится совратить съ пути добродѣтели. Мы не можемъ слѣдовать обоими этими путями,—въ одно и то же время служить и міру и Богу. Говоримъ это не мы, а самъ Господь, и вѣрный истолкователь Его ученія, святой апостолъ: *„Никтоже можетъ двумя господинома работати (говоритъ Господь): либо единого возлюбитъ, а другаго возненавидитъ, или единого держится, о другомъ же нерадити начнетъ. Не можете Богу работати и мамонъ (Матѳ. VI, 24). Намъ внушаетъ апостолъ не любить міра, ни яже въ міръ: аще кто любитъ міръ (говоритъ онъ), нѣсть любве отци въ немъ (1 Іоан. II, 15). Господь видѣлъ наши слабости, нашу удобопреклонность къ грѣху, и въ предостереженіе намъ Онъ выражалъ внушительное для насъ опасеніе, что міръ можетъ отвлечь насъ отъ Него и поработить себя. Въ своей первосвященнической молитвѣ Онъ просилъ Отца небеснаго охранять и блюсти тѣхъ, которые принадлежатъ къ сонму избранныхъ Его (Іоан. XVII, 11. 15—17), и вмѣстѣ съ тѣмъ ободрялъ слабыхъ, указывая на то, что духъ соблазнитель осужденъ уже, и что міръ, враждующій противъ спасаемыхъ, побѣжденъ Имъ (Іоан. XVI, II. 33). Но что же? Мы избранные Божіи, омытые въ купели крещенія; мы члены тѣла Его; мы освящены Его благодатію и живемъ подъ освѣщеніемъ силы Его. Но вѣрны ли мы Ему? Всегда ли слѣдуемъ тѣмъ путемъ, какимъ ведетъ Онъ насъ ко спасенію? Не уклоняемся ли отъ Него во вражій станъ, и не служимъ ли*

часто мамонѣ вмѣсто того, чтобы служить Богу? Ахъ, много, весьма много такихъ дѣлъ за нами, по поводу которыхъ Господь могъ бы обратиться къ намъ горькое скорбное слово: вы оставляете и предаете Меня. Господь принялъ насъ въ свою церковь, насъ спасающую, оградилъ насъ, какъ твердынею, святыми заповѣдями и установленіями. Но какъ часто мы разрушаемъ эту твердыню! Какъ часто переступаемъ ограду, за которую Церковь старается охранить насъ отъ глетворнаго вѣянiя духа міра! Нужно ли приводить примѣры этого уклоненiя отъ охраняющаго насъ божественнаго руководства? Вотъ, въ навечеріе воскреснаго или праздничнаго дня, посвященнаго воспоминанію какого либо великаго событія изъ жизни нашего Господа или пресвятой Богматери, Господь или во имя Его Церковь громкимъ звономъ колоколовъ, оглашающимъ всѣ стогны града, зоветъ насъ во святой храмъ на молитву и славословіе Богу; а мы какъ будто не слышимъ этого призывнаго звука, и идемъ туда, куда своимъ шепотомъ манитъ насъ міръ, обѣщая намъ удовлетвореніе нашей похоти. Не намѣна ли это Господу, для служенiя міру? Или Церковь изъ годичнаго круга времени назначаетъ извѣстные дни поста и покаянiя; а мы, пренебрегая этимъ установленіемъ, введеннымъ для споспѣшествованiя нашему спасенію, ничѣмъ не хотимъ отличать этихъ дней воздержанiя отъ другихъ дней, когда все намъ дозволено, и слѣдуемъ въ этомъ случаѣ своимъ самовольнымъ желанiямъ и указанiямъ міра и князя его,—у насъ и въ эти дни, какъ и въ другіе, одинаковыя тучныя яства, роскошныя пиршества, одинаковыя удовольствiя и т. под. Много можно бы привести подобныхъ примѣровъ, когда мы преданностию Господу и Его заветамъ жертвуемъ требованiямъ и обычаемъ свѣта, и въ силу требованiй этого свѣта намѣняемъ своему божественному Учителю и Спасителю. При видѣ частаго повторенiя такихъ примѣровъ, материнское сердце святой Церкви наполняется скорбію и сожалѣніемъ о томъ, что чада ея

такъ легкомысленно оставляютъ ее, и готовы идти на страну далече, увлекаемые своеволіемъ, не помышляя о томъ, какія опасности и преткновенія ожидаютъ ихъ внѣ ограды церковной. Писаніе различаетъ два разряда людей, называя однихъ чадами Божиими, а другихъ чадами діавола (1 Іоан. III, 10). Всемѣрно нужно стараться намъ, чтобы не быть исключенными изъ числа чадъ Божіихъ. А этого мы можемъ достигнуть только тогда, когда будемъ творить яже Божія, а не то, что предписываетъ намъ грѣховный міръ.

Можетъ быть, вы подумаете, что мы преувеличиваемъ дѣло, и напрасно возводимъ на степень измѣны Господу простыя явленія и поступки ваши, которые не имѣютъ особенной важности, не носятъ на себѣ вида преступленія и должны быть отнесены къ дѣяніямъ безразличнымъ въ нравственномъ отношеніи, и которыхъ не слѣдуетъ вмѣнять въ вину допускающимъ или совершающимъ ихъ. Къ глубокому прискорбію, такія воззрѣнія господствуютъ въ средѣ нашей, и это-то составляетъ бѣду нашу, это-то и служитъ причиною, что мы безъ всякой осторожности идемъ по скользкому и опасному пути, могущему привести насъ къ гибели. Но можно ли быть такъ безпечно равнодушными въ важнѣйшемъ и труднѣйшемъ дѣлѣ нашего спасенія? Вспомнимъ, что Господь сдѣлалъ уже для насъ, и что претерпѣлъ за насъ. Онъ съ неба низшелъ въ нашу печальную юдоль, облекся нашею плотію, принялъ на себя наше немоцное естество, и въ немъ претерпѣлъ самыя ужасныя страданія, при воспоминаніи о которыхъ содрогается сердце вѣрующаго,—и все это для того, чтобы насъ извлечь изъ бездны гибели. Чтобы увлечь насъ за собою и облегчить для насъ путь отъ бездны гибели къ вратамъ царствія, Онъ далъ подробныя наставленія, какъ идти намъ этимъ путемъ,—далъ заповѣди, заповѣди не тяжкія и удобоисполнимыя для насъ. А мы... мы знаемъ эти заповѣди, но не стараемся быть вѣрными исполнителями ихъ. Господь зоветъ насъ къ себѣ и указалъ намъ взять на себя

легкую ношу, чтобы не пустыми придти къ престолу благодати Его; а мы отвращаемъ отъ Него свои взоры, не хотимъ поднять на себя той легкой ноши, съ какою должны слѣдовать за Нимъ, и разсѣянные идемъ далеко отъ Него,—туда, куда зоветъ насъ князь міра сего. Не наносимъ ли мы этимъ оскорбленія Ему?

Но мы (скажете вы) не всѣми заповѣдами пренебрегаемъ, а только нѣкоторыми, неудобными для насъ въ нашемъ положеніи, неважными въ сущестѣ своемъ. Но развѣ есть заповѣди не важныя? Все, что отъ Бога и Его святой Церкви, все это важно, все это необходимо для насъ, и въ законѣ, намъ данномъ, намъ не даво позволенія разбирать, что важно и нужно для насъ, и безъ чего мы можемъ обойтись. Что указано намъ Умомъ Божиимъ, на то мы должны смотрѣть, какъ на святыню, и прекословить Ему мы можемъ только къ своей гибели. Притомъ всѣ заповѣди, данныя намъ, неразрывно связаны между собою, какъ происходяція отъ единого Законодателя: изъ нихъ слагается одна неразрывная цѣпь. Разорвете эту цѣпь въ одномъ незначительномъ мѣстѣ,—и она потеряетъ цѣлость. Мы нарушимъ малую заповѣдь; но вредъ отъ сего большой. Такъ какъ одинъ Законодатель, давшій намъ заповѣди, между которыми мы различаемъ большія и малыя, то, когда мы самовольно измѣняемъ одной его заповѣди, мы тѣмъ оскорбляемъ Законодателя, оказывая неповиновеніе Ему. *Иже весь законъ соблюдетъ* (говоритъ апостоль), *согрѣшитъ же во единьмъ, бысть вошь пощиченъ. Рекій бо: не прелюбы сотвориши, рекъ естъ и: не убіеши* (Іак. 11, 10—11). Стоить развѣ вступить на путь уклоненія отъ закона, признать его необязательность для насъ въ какой-либо частности,—какъ наша удобопреклонная во грѣху воля повлечетъ насъ долу; незамѣтно для насъ самихъ отъ нарушенія одной малой заповѣди мы перейдемъ къ нарушенію другой, потомъ третьей, и наконецъ сдѣлаемся преступниками закона въ самыхъ важныхъ требованіяхъ его.

Невниманіе наше къ частнымъ требованіямъ закона Божія, казущимся намъ маловажными, спокойное нарушеніе незначительныхъ, повидимому, распоряженій и узаконеній Церкви служить явнымъ признакомъ нашей безопасности и нерадѣнія о нашемъ спасеніи. А эта безопасность до чего не можетъ довести насъ? Отъ чего Іуда дошелъ до своего ужаснаго злодѣянія? Онъ не былъ закоренѣлымъ злодѣемъ изначала; иначе Господь не приобщилъ бы его къ сонму дванадесяти. Но злое сѣмя, посеянное врагомъ въ душѣ его, при его безопасности, постепенно укоренилось, и потомъ, разросшись, принесло плодъ, погубившій его. Господь преподавалъ ему вмѣстѣ съ другими спасительное ученіе; Онъ творилъ предъ нимъ многія чудеса, свидѣтельствовавшія о божественной силѣ Учителя; Онъ приблизилъ его къ себѣ, сдѣлалъ его участникомъ своей вечери, и наконецъ, изливая предъ нимъ любовь свою ко всѣмъ, предостерегалъ его напоминаніемъ ему о его зломъ намѣреніи. А онъ, не думая о послѣдствіяхъ своего поступка, легкомысленно идетъ къ врагамъ своего Учителя, и изъявляетъ готовность за ничтожную плату предать Его. Но когда совершенъ былъ имъ злой поступокъ, и онъ увидѣлъ, какими тяжкими послѣдствіями сопровождался этотъ поступокъ,—онъ мучился душою и свое безуміе заключилъ самоубійствомъ.

Мы считаемъ себя людьми порядка и долга. Но если, при этомъ самоиѣвнн, нѣтъ у насъ внимательнаго наблюденія надъ собою,—легко намъ, безъ ревности о спасеніи своемъ, очутиться на томъ пути, идя по которому Іуда потерялъ все доброе, что было въ немъ прежде, когда онъ былъ въ числѣ дванадесяти приближенныхъ учениковъ Господа, и потомъ быстро извергся въ бездну. *Миліяся стояти* (говорить апостолъ) *да блюдется, да не падеть* (1 Кор. X, 12). *Ты острою стоиши: не высокоумствуй, но бойся* (Рим. XI, 20). Почему такъ говоритъ апостолъ? Потому, что человекъ слабъ, какъ трость, вѣтромъ колеблемая. Повидимому онъ стоитъ твердо и прямо. Но подулъ вѣтры, явились со-

блзны, незамѣтные тайные подступы отъ врага нашего спасенія,—и человекъ безпечный потерялъ свою стойкость, онъ колеблется и падаетъ долу, и его безпечная самопадѣянность дѣлается виною его гибели: *Мняйся стояти да блюдется, да не падеть.*

Настоящіе дни поста внушаютъ намъ, братіе, предетавить вамъ, отъ лица Церкви, еще одно предостереженіе. Завтра многіе изъ насъ готовятся приступитъ къ трапезѣ Господней, а другіе исполнять этотъ долгъ въ ближайшія недѣли. Приступая къ этой трапезѣ, мы будемъ просить Господа принять насъ причастниками тайной вечери, и при этомъ будемъ говорить, что не предадимъ Его, какъ Іуда, но будемъ исповѣдывать Его, подобно благораазумному разбойнику. Между тѣмъ св. Церковь предостерегаетъ насъ, что причащеніе святыхъ, страшныхъ и животворящихъ таинъ можетъ быть для насъ не только во исцѣленіе души и тѣла, но въ судъ и осужденіе. Убоямся этого предостереженія и будемъ крайне внимательными къ себѣ; изгонимъ изъ храмы души своей, въ которую готовимся принять Святѣйшаго святыхъ, все скверное и нечистое, что можетъ оскорбить небснаго Гостя, нами ожидаемаго, и не отнесемъ пренебрежительно къ Его неизреченной свисходительности и любви къ намъ. И Іуда былъ вмѣстѣ съ апостолами на тайной вечери; но она не послужила ему во спасеніе. Почему? Потому что, присутствуя при святѣйшемъ таинствѣ, онъ былъ полонъ нечистоты и яда грѣховнаго. Итакъ не будемъ подобными Іудѣ. Что же дѣлать намъ, чтобы избѣжать сего? „Никто пусть не приступаетъ коварнымъ (скажемъ словами св. Іоанна Златоуста), никто исполненнымъ злобы, никто имѣющимъ ядъ въ мысляхъ... Послѣ принатія предложеннаго въ Іуду вошелъ діаволь, презрѣвъ не тѣло Господне, но презрѣвъ Іуду за его безстыдство, дабы ты зналъ, что на тѣхъ, которые недостойно причащаются божественныхъ таинъ, особенно нападаетъ и постоянно входитъ діаволь, какъ и

тогда въ Іуду... Говорю это не для того, чтобы утратить, но чтобы предостеречь... Эта жертва есть духовная пища; и какъ тѣлесная пища, попадая въ желудокъ, имѣющій худые соки, еще больше усиливаетъ немощь, не по своему свойству, но по болѣзни желудка, такъ обыкновенно бываетъ и съ духовными таинствами. И они, когда сообщаются душѣ, исполненной злобы, то больше повреждаютъ и губятъ ее, не по своему свойству, но по болѣзни принявшей души. Итакъ, пусть никто не имѣетъ внутри себя злыхъ помысловъ, но очистить умъ; сдѣлаетъ душу свою святою. Какъ и какимъ образомъ? Если имѣешь что нибудь противъ врага, то оставь гнѣвъ, исцѣли рану, прекрати вражду, чтобы тебѣ получить пользу отъ этой трапезы"...¹⁾ „Я хотѣлъ бы еще болѣе продолжить рѣчь, но и сказаннаго довольно для внимательныхъ, если они будутъ помнить“...

В. Плетницкій.

---

¹⁾ Твор. св. Іоанна Злат. т. II, кн. I стр. 417—418.

СЛОВО

О ПСАЛТИРИ.).

О девятомъ же часъ возопи Иисусъ глаголю велимъ глаголю: Или, Или, лима савахтани, еже есть: Боже мой, Боже мой, вскую Мя еси оставилъ (Матѳ. 27, 46. Псал. 21, 2).

Такъ возопилъ въ Богу, Отцу Своему, Агнецъ Божій, вземшій грѣхи міра, въ свой предсмертный часъ, среди своихъ крестныхъ страданій. По словамъ св. Іоанна Златоуста ²⁾, Онъ возопилъ въ этотъ часъ „ветхозавѣтнымъ пророчественнымъ воплемъ“. Этотъ вопль Его былъ древле предуказанъ пророкомъ Давидомъ, въ одномъ его пророчественномъ псалмѣ, томъ самомъ (21-мъ) псалмѣ, въ которомъ пророчески предъизображалось, какъ нѣкогда беззаконные люди возстанутъ на Агнца Божія, имѣннишагося со беззаконными, хотя грѣха не сотворившаго, какъ ископаютъ ружь Его и ножъ Его, какъ раздѣлятъ ризы его и о одежди Его метать будутъ жребій (ст. 16—19). Но такъ какъ этотъ псаломъ „пророчественнаго вопля“ неразрывно связанъ со всѣми остальными псалмами (да и другіе псалмы имѣютъ столь же ясныя пророчества о страданіяхъ,

---

¹⁾ Пронесено въ Кіево-Братскомъ храмѣ, въ пятокъ второй недѣли великаго поста, на пассіи.

²⁾ См. Іоанна Златоуста Вѣс. на еванг. Матѳ. 88.

Богочеловѣка), то и вся книга Псалмовъ становится въ особливую тѣсную связь съ евангельскою исторіею крестной смерти Спасителя. Каждый разъ, когда предъ нами раскрывается евангельская страница страданій Господнихъ, предъ нашимъ духовнымъ взоромъ предносятся еще другія ветхозавѣтныя страницы пророческихъ книгъ, и въ ихъ числѣ священный свитокъ книги псалмовъ Давидовыхъ, какъ вещественное доказательство долженствовавшаго совершиться и совершившагося событія искупленія человѣческаго рода.

Въ настоящія минуты, посвященные нарочитому воспоминанію страданій Господнихъ, именно книга Псалмовъ занимаетъ наше вниманіе. Если Господь, съ высоты креста Своего, указалъ на эту книгу, если Онъ Самъ, въ Своей предсмертной часъ, молился ея словами, то этимъ самымъ Онъ не только запечатлѣлъ ея истинность, какъ книги пророческой, но и высоко превознесъ ея значеніе, какъ молитвенной и наставительной книги всѣхъ вѣрующихъ въ Него.

Вопросъ о книгѣ Псалмовъ былъ однимъ изъ самыхъ живыхъ вопросовъ всей свято-отеческой письменности. Отцы и учителя церкви не упускали случая выставлять на видъ вѣрующимъ эту священную книгу, писали на нее многочисленныя истолковательныя бесѣды, въ которыхъ самыми высокими похвалами превозносили ея духовно воспитательное и назидательное значеніе и довлѣемость спасающей ея человѣческой душѣ заключающихся въ ней молитвъ и пѣсней. Къ этимъ отеческимъ бесѣдамъ на книгу Псалмовъ и намъ необходимо внимательнѣе прислушиваться, для того, чтобы намъ не ошибаться въ своихъ собственныхъ сужденіяхъ о ней, и не увлекаться тѣми летучими возрѣніями, какія мы можемъ услышать о ней отъ людей вѣка сего. Вотъ одна изъ такихъ отеческихъ похвальныхъ бесѣдъ о Псалмахъ иже во святыхъ отца нашего Василія Великаго, вселенскаго учителя и святителя, хотя и очень краткая, но необычайно выразительная и глубокая, представляющая нѣкоторое вступленіе къ ряду его

истолковательныхъ бесѣдъ. Я прочту вамъ эту свѣтоносную бесѣду съ тѣмъ, чтобы остальные бесѣды на Псалмы этого святаго отца вы прочли сами для своего назиданія.

„Всяго Писаніе Богодуховенно и полезно есть и для того изречено Святымъ Духомъ, чтобы въ немъ находили врачевство каждый отъ недуга своего. Но книга Псалмовъ объемлетъ все, что изречено во всѣхъ другихъ священныхъ книгахъ. Она и пророчествуетъ о будущемъ, и приводитъ на память бывшее, и даетъ законы для жизни и правила для Богоугодной дѣятельности и влагаетъ въ уста вѣрующихъ Богоугодныя изліянія чувства. Это—общая сокровищница добрыхъ ученій. Псаломъ врачуетъ и застарѣлыя раны души, и свѣжимъ ранамъ подаетъ скорое исцѣленіе. Псаломъ водворяетъ въ человѣкѣ нѣкое тихое услажденіе, дѣлающее разсудокъ цѣломудреннымъ. Псаломъ—тишина души, раздаватель мира, ибо онъ утишаетъ мятежные и волнующіеся помыслы, смягчаетъ раздражительность духа и уцѣломудриваетъ неводержанность. Псаломъ—единеніе раздѣленныхъ и примиреніе враждующихъ, ибо кто можетъ почитать своимъ врагомъ того, съ кѣмъ возносилъ единый гласъ Богу, въ одномъ псаломскомъ ликѣ? Псаломъ—орудіе отъ ночныхъ страховъ, убѣжище отъ наводеній демонскихъ. Псаломъ—успокоеніе отъ трудовъ дневныхъ. Псаломъ—охрана младенцевъ; псаломъ—украшеніе людей молодыхъ; псаломъ—утѣшеніе старцевъ; псаломъ—золотой вѣнецъ для женъ. Для новопоступающихъ это—начатки ученія, для преуспѣвающихъ—приращеніе вѣдѣній; для совершенныхъ—утвержденіе. Псаломъ—населитель пустыни и укротитель торжищъ. Псаломъ—гласъ церкви; онъ дѣлаетъ празднества ея свѣтлыми. Псаломъ—возбудитель покаянія и сокрушенія духа; онъ и изъ каменнаго сердца исторгаетъ слезы. Псаломъ—ангельское славословіе и каждое невещественное“.

Намъ нечего прибавить по существу къ этимъ свѣтоноснымъ словамъ великаго учителя церкви Христовой. Но

мы воспользуемся ими, какъ путеводными нитями, для нашего нынѣшняго навиданія.

„*Псаломъ, говорить св. отецъ, есть врачество для ранъ человеческой души, и спожилъ и застарѣлыхъ*“.—Мы боимся тѣлесныхъ ранъ, и когда поражаемся ими, спѣшимъ употребить всѣ извѣданныя средства для ихъ уврачеванія. Но есть недоступныя тѣлесному врачебному испытанію, но еще болѣе тяжкія и опасныя раны души. Эти раны суть грѣхи наши, и свѣжіе и застарѣлые, непрерывно слѣдующіе одни за другими и столь привычныя для насъ, что намъ кажутся они не ранами, а здоровымъ и правильнымъ теченіемъ духовной жизни. Въ своемъ духовномъ ослѣпленіи мы говоримъ себѣ, что иначе и быть не можетъ, что человекъ и рожденъ для грѣха, и что, поѣтому, сокрушаться особенно о своихъ грѣхахъ не слѣдуетъ. Вотъ для такого духовнаго состоянія человека, увѣренно идущаго путемъ грѣха, книга Псалмовъ есть испытанное и незамѣнимое врачество. Никакая другая молитвенная книга не возбуждаетъ въ человѣкѣ такого яснаго сознанія своей грѣховности и виновности предъ Богомъ, такого омерзѣнія ко грѣху и беззаконію, такого пламеннаго желанія отрѣшиться отъ него, какъ книга Псалмовъ. Всякій грѣхъ, учитъ псалмопѣвецъ, есть тяжелая рана на душѣ согрѣшившаго. Прилагать грѣхи ко грѣхамъ значитъ изъязвлять душу многими ранами (Пс. 31, 10), значитъ къ незажившимъ старымъ ранамъ прибавлять новыя и тѣмъ слагать для себя тяжелое и неудобноносимое бремя грѣховныхъ немощей. *Беззаконія моя превзыдоша главу мою и, яко бремя тяжкое, отяготѣша на мнѣ*. Только крайнее легкомысліе можетъ носить такое бремя грѣховъ и не тяготѣться ими, точно такъ же, какъ только крайне легкомысленный человекъ можетъ носить тѣлесныя раны и не обращать на нихъ вниманія. Но какъ для больного тѣлесными ранами спасеніе состоитъ въ ихъ омовеніи, очищеніи и изглаженіи, помощію испытанныхъ средствъ тѣлеснаго врачевства, такъ и для больного грѣхов-

ными ранами спасеніе состоитъ въ ихъ духовномъ омовеніи, очищеніи и изглаженіи. Средствомъ такого врачеванія грѣховныхъ ранъ псалмопѣвецъ указываетъ сокрушеніе духа и покаяніе, въ постѣ и молитвѣ: Тотъ кающійся, который для нашего назиданія выставляется въ псалмахъ, дни и ночи проводитъ въ постѣ и молитвѣ; онъ не даетъ сна очамъ своимъ и вѣждама своимъ дреманія. *Исцѣли душу мою, вызываетъ онъ во Господу, яко сокрушившхъ Ти* (40, 5). Слезами своего покаянія онъ вымылъ все свое ложе.. Его колѣна изнемогли отъ поста и тѣло его лишилось своего тука (108, 24). Отъ этихъ усилій покаяннаго духа постепенно сходятъ грѣховныя раны (146, 3) и душа принимаетъ чистоту переплавленного огнемъ металла: *искусилъ ны еси, Боже, разжегъ ны еси, якоже разжигается сребро* (Пс. 65, 10). И Господь близъ есть къ такимъ сокрушеннымъ духомъ (Пс. 33, 19).

Къ такому врачеванію своихъ грѣховныхъ ранъ псалмопѣвецъ призываетъ всѣхъ, повторяющихъ за нимъ его покаянное псалмопѣніе. И быть не можетъ, чтобы постоянный и внимательный читатель псалмовъ и самъ не былъ охваченъ господствующимъ въ нихъ покаяннымъ сокрушеніемъ спасающагося духа, чтобы повседневно повторяющій, напримеръ, трогательно-покаянныя слова 50-го псалма и самъ не восчувствовалъ пламеннаго желанія псалмопѣвца—омыться отъ беззаконія своего и отъ грѣха своего очиститься. Такое дѣйствіе псалмовъ на душу засвидѣтельствовано всѣми христіанскими праведниками, для которыхъ книга псалмовъ всегда служила настольнымъ молитвенникомъ и которые обращались къ ней, какъ къ возбудителю духовнаго сокрушенія о грѣхахъ и слезъ умиленія. Безъ сомнѣнія, и среди насъ, здѣсь присутствующихъ, есть такіе, которые, по собственному опыту, знаютъ о такомъ дѣйствіи псалмовъ на душу и для которыхъ книга псалмовъ, особенно въ текущіе дни поста и покаянія, также служить настольною книгою. Лучшаго выбора покаянно-молитвенной книги для себя они не могли

сдѣлать. Псалтирь это—само покаяніе. Читать псалмы значитъ каяться, потому что, по выраженію святого отца, псалтирь взъ самаго грубаго и нераскаяннаго сердца, и даже противъ воли человѣка, исторгаетъ неупержимыя покаянныя слезы.

Псаломъ умцѣломудриваетъ человеческій помыслъ, продолжаетъ въ приведенной бесѣдѣ святой Василій Великій.—Врачуя грѣховныя раны, псаломъ врачуетъ и исправляетъ самое внутреннее настроеніе человѣка, приводящее ко грѣху: человѣка недѣломудреннаго, невоздержнаго и нетрезваго дѣлаетъ цѣломудреннымъ, сдержаннымъ и трезвымъ. Развѣ и мы всѣ не нуждаемся въ такомъ предохраняющемъ руководствѣ, въ такомъ цѣлебномъ елеѣ трезвости и цѣломудрія? Если же онъ нуженъ всѣмъ намъ, если всѣ мы не свободны отъ увлеченія соблазномъ, похотью плоти, похотью очесъ и гордостью житейскою, то ко всѣмъ намъ относится и этотъ отеческій завѣтъ—искать въ такомъ случаѣ помощи для себя въ псалмопѣніи Давида. Тотъ духъ чистоты и цѣломудрія, который въ немъ вѣетъ, не можетъ не объять и насъ, если его молитвенное исполненіе мы сдѣлаемъ своимъ обычнымъ занятіемъ. Вѣдь и всякое настойчивое чтеніе порабощаетъ душу своимъ вліаніемъ: какія книги кто привыкъ читать, таковы и самъ онъ. О такомъ сдерживающемъ и умцѣломудривающемъ вліаніи псалмовъ свидѣлствуютъ опять всѣ христіанскіе праведники, всѣхъ временъ Церкви. Правилomъ благочестія ихъ служилъ такой обычай: кто чувствовалъ приближеніе нечистаго помысла, тотъ немедленно и всецѣло долженъ былъ погрузиться въ чтеніе или пѣніе псалмовъ, чтобы тѣмъ погасить нечистый помыслъ въ самомъ его зарожденіи, подобно тому, какъ начинающуюся болѣзненную тѣлесную наклонность погашаютъ заранѣе принятыми предохранительными средствами. Сколько грѣховъ не было-бы совершено, если бы и всѣ мы, во всѣхъ подобныхъ случаяхъ зарождающейся грѣховной нечистоты, обращались въ книгѣ псал-

мовъ, въ ея благоуханнымъ, какъ дымъ кадильный, изліяніемъ духа и чувства.. (Псал. 140, 2).

Псаломъ—тишина души, продолжаетъ св. Василій Великій.—Въ одномъ изъ своихъ псалмовъ псалмопѣвецъ изображаетъ себя среди волнующагося моря, готоваго потопить его въ своихъ пучинахъ. *Спаси мя, Боже*, молился тогда Давидъ; *яко видоша воды до души моя, углубохъ въ тмннѣи глубины и нпсть постоянїя; придохъ во глубины морскїя и буря потопи мя. Спаси мя да не углубну, да не потопитъ мене буря водная, ниже да пожретъ мене глубина.* (Пс. 68, 1—3. 15—16). Если же, такимъ образомъ, самъ псалмопѣвецъ боялся духовнаго кораблекрушенія среди волнующагося житейскаго моря, то не тѣмъ ли болѣе мы должны бояться такого крушенія духа, когда и волненіе на житейскомъ морѣ въ наши дни развилось несравненно большее, чѣмъ оно когда либо было, и утѣмъ чельнъ человѣческаго ума и воли въ нашемъ лицѣ измельчалъ и износился? И нельзя сказать, чтобы нынѣшній человѣкъ не сознавалъ вовсе такого тревожнаго состоянія своего духа и своихъ помысловъ. Онъ ясно чувствуетъ, что почва, на которой онъ стоитъ, то и дѣло колеблется и углубляется, и, какъ пловецъ воднаго моря, видаеть во всѣ стороны безпокойные вворы, ища тихой пристани для своего утомленнаго духа. Но *тишина души* не достигается обычными средствами житейскаго благоразумїя и осмотрительности... Съ тѣхъ поръ, какъ свѣтитъ солнце и человѣкъ пришельствуетъ на землѣ, истинную тишину духа люди обрѣтали всегда только въ вѣрѣ въ Бога и въ возложенномъ на Него упованїи. Это—обычная мысль всѣхъ псалмовъ Давида, и ею и самъ онъ поддерживалъ свой духъ въ часы своего унынїя. Преисполненные вѣрою и упованїемъ его Благодарованные псалмы были для него тѣмъ средствомъ, которымъ онъ превращалъ въ тишину великое море своихъ тревоженїй. Такъ и каждый, слѣдующій за нимъ, пловецъ житейскаго моря, восплѣвающій и поющій его псалмопѣніе, найдетъ въ

немъ и для себя желанную тишину, если будетъ искать ее въ духѣ Давида и самъ преисполнится его ревностію. *Вся сходящія въ море смятошася, яко душа ихъ въ змѣхъ талше, и вся мудрость ихъ погложена бысть. Но воззваша ко Господу. ѿгда скорбѣти имъ, и отъ нужды ихъ изведе ѱ; и повелъ бури и ста въ тишину и умолкоша волны ея.* (Пс. 106, 23—29).

А вотъ и другіе не ложные свидѣтели въ лицѣ цѣлаго сонма христіанскихъ праведниковъ, повѣдавшихъ міру, что своею духовною тишиною, среди своихъ необычайныхъ испытаній, они были обязаны псалмамъ Давида. „Когда я читаю псалмы, въ мою душу вливается тихое услажденіе и миръ“, говоритъ о себѣ св. Василій Великій. Безъ сомнѣній, и среди насъ, здѣсь присутствующихъ, есть такіе, которымъ все это извѣстно по ихъ собственному опыту. За тѣмъ воплемъ покаяннаго духа, какой вызываютъ въ насъ псалмы, слѣдуютъ тишина и миръ, потому что псалмы даровалъ намъ Святый Духъ, въ самыхъ прещеніяхъ Своихъ не оставляющій насъ въ жертву отчаянію и благословляющій люди Своя миромъ (Псал. 28, 11).

Псаломъ—успокоеніе отъ трудовъ дневныхъ, продолжаетъ св. отецъ.—Послѣ трудовъ мы ищемъ отдыха въ такъ называемыхъ свѣтскихъ развлеченіяхъ. Но даютъ ли они дѣйствительный отдыхъ для ума и сердца человѣка? Каждый изъ насъ знаетъ по опыту, что нѣтъ. Не въ такихъ развлеченіяхъ, а въ вечерней молитвѣ и въ сладости Богомыслия искали успокоенія отъ дневныхъ трудовъ люди, ходившіе предъ Богомъ и знавшіе, что и пріятно Богу и душѣ доставляетъ дѣйствительное успокоеніе, а не призрачное. Келіи святыхъ подвижниковъ въ вечерніе часы всего чаще оглашались священными звуками псалмовъ. Да и самъ псалмопѣвецъ наставляетъ вѣрующіхъ: въ ношехъ воздѣжите руки ваши и благословите Господа (133, 2). Нощію пѣсь Его отъ мене, молитва Богу живота моего (Пс. 41, 9). Благо есть возвѣщати завтра милость Твою и истину Твою на всяку ночь (Пс. 91, 2).

И многія другія изреченія псалмовъ призываютъ насъ искать успокоенія отъ дневныхъ трудовъ въ молитвѣхъ и псалмопѣніи.

Псаломъ—орудіе отъ ночныхъ страховъ; псаломъ—убѣжище отъ навожденій демонскихъ.—Кто знаетъ священную исторію хотя въ ея начаткахъ, тотъ знаетъ и то, какъ нѣкогда духъ зла, смущавшій царя Саула, отступалъ отъ него предъ псаломскими звуками Давида (1 Цар. 16, 23). Поэтому и нынѣ благочестивые христіане, чувствующіе на себѣ уязвленіе стрѣлы лукаваго, въ смущеніяхъ среди ночной темноты, призываютъ имя Божіе (Псал. 118, 55) и читаютъ псалмы Давида, особенно псаломъ 67-й: *„Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази Его и да бѣжатъ отъ лица Его ненавидящій Его, яко исчезаетъ дымъ, да исчезнутъ, яко таетъ воскъ отъ лица огня“*. Знаменательно для насъ то, что предъ этимъ дѣйствіемъ псалмовъ останавливаются въ недоумѣніи самыя смѣлыя изъ сыновъ вѣка сего. Мы видѣли вольнодумцевъ, которые поносили молитвы и псалмы среди полудня, а среди ночной тишины усердно читали сами: *да воскреснетъ Богъ!*... Какъ такое охранительное оружіе противъ силы вражіей, псаломскіе звуки сопровождаютъ человѣка и въ могилу, какъ напутствіе вѣчной жизни (псалтирь читаютъ надъ умершими).

Псаломъ—единеніе раздѣленныхъ и далекихъ; псаломъ—примиритель враждующихъ, продолжаетъ св. Василій Великій свою похвалу псалму.—Какъ читающій молитву Господню: *„Отче нашъ,.. остави намъ долги наши, якоже и мы оставляемъ должникомъ нашимъ“* не можетъ не восчувствовать, хотя бы на одинъ этотъ мигъ, братолюбнаго отношенія ко всѣмъ своимъ ближнимъ, такъ и читающій псаломское славословіе не можетъ не проникнуться его мирнымъ всепрощающимъ отношеніемъ: *съ ненавидящими мира бѣгъ миренъ* (119, 6). *„Можно ли считать своимъ врагомъ того, кто вмѣстѣ съ нами одну и ту же вѣснь поетъ одному и тому же единому Богу?“* Людямъ, идущимъ вмѣстѣ, рука объ руку, къ одной и той же

цѣли, однимъ и тѣмъ же путемъ, съ одною и тою надеждою и упованіемъ въ сердце, съ одною и тою же молитвою на устахъ, пристало ли останавливаться на какихъ либо непріязненныхъ разчетахъ, на какихъ либо, когда-то случившихся, столкновеніяхъ? Что значить минутное столкновеніе предъ вѣчною цѣлію жизни?...

Псаломъ—населитель пустыни, псаломъ укротитель городскихъ торжищъ.—Эти слова св. отца переносятъ насъ въ то великое время, когда христіанскіе подвижники, одинокіе, ничего не имущіе, кромѣ одного свѣта псалтири и евангелія, появлялись среди пустынь Сиріи и Египта, оглашая ихъ божественными псалмами и когда на ихъ молитвенный голосъ собирались вокругъ ихъ пещеръ многочисленные ученики, и такимъ образомъ безлюдная пустыня превращалась во многолюдную обитель. Эти слова св. отца переносятъ насъ въ то время исторіи Церкви, когда псаломскія восклицанія раздавались на всѣхъ городскихъ стогнахъ и торжищахъ, разрушая совѣтъ нечестивыхъ, укрощая буйство и волненія тогдашнихъ совопросниковъ и еретиковъ, враговъ истины и правды, всѣхъ враговъ церкви. Мы не дерзаемъ поставить на ряду съ этимъ великимъ временемъ наше время духовнаго унынія и маловѣрія. Тѣмъ болѣе великимъ знаменіемъ милости Божіей къ намъ мы должны считать то, что и въ наше скудное время, какъ и въ дни древніе, возникаютъ среди насъ все новыя и новыя иноческія обители, все громче и громче оглашающія нашу православную землю все тою же псаломскою пѣснію, которая создала великія древнія обители. Торжища и стогна городскихъ нынѣ упали. На нихъ раздаются не псаломскіе звуки мира и тишины, а неистовый шумъ раздора, корысти, бранныя слова, непристойныя пѣсни. Только какъ нѣкій слабый отголосокъ древле раздававшихся на торжищахъ псаломскихъ звуковъ, нынѣ можно услышать тамъ псаломскую пѣсню нищей братіи. Всѣ мы знаемъ этихъ псаломлюбцевъ, воссѣдающихъ на укомныхъ мѣстахъ нашихъ городскихъ торжищъ, съ раскрытою книгою Псалмовъ

на колѣняхъ и медленно, слово за словомъ, въ теченіе многихъ часовъ, перечитывающихъ избранныя Давидовы псалмы¹⁾. Откуда знаютъ они, что псаломская пѣснь нужна и для торжища, что псаломъ есть истинный *укротитель торжущихъ*? Понистивъ ихъ умудряетъ Господь.—Но торжище можетъ быть вездѣ, гдѣ бываетъ неистовый шумъ торжищъ, гдѣ слышатся необузданныя рѣчи, непристойныя пѣсни, гдѣ разыгрываются страсти свойственныя торжищамъ. Да пристыдятся и усмирятся всѣ такія мѣста, сознавѣмъ христіанской обязанности непрестаннаго славословія во имя Бога и закона Его: *Блаженъ мужъ, иже не иде на советъ нечестивыхъ, но въ законъ Господни воля его и въ законъ Господни поучится ден и ночь!*

Псаломъ — озрана младенцевъ, псаломъ — украшеніе молодыхъ людей, псаломъ — утѣшеніе старцевъ и золотой вѣнецъ для женъ.—Псаломъ есть такая пѣсня, которая равно прилична и въ дѣтскихъ лепечущихъ устахъ и въ устахъ преклоннаго старца, въ устахъ мужчинъ и женщинъ. О какой другой пѣсни можно сказать что-либо подобное? У насъ есть избранныя мірскія пѣсни. Если онѣ назначаются для молодыхъ людей, то онѣ были бы странны въ устахъ дѣтей или старцевъ. Одно молитвенное славословіе объединяетъ всѣхъ, всѣ возрасты, помы, состоянія и положенія. „Духъ Божій, ведя родъ человѣческій къ добродѣтели, говоритъ св. Афанасій Великій, къ Своимъ Божественнымъ ученіямъ и молитвеннымъ словамъ присоединилъ сладкозвучіе пѣсни, для того, чтобы мы воспринимали Его Откровеніе не однимъ лишь умомъ, но и всѣмъ существомъ нашимъ, чтобы и дѣти возрастомъ, и мужи и жены, повторяя Божественныя слова,

---

¹⁾ Этотъ обычай чтенія Псалмовъ нищими на улицахъ и базарахъ чрезвычайно распространенъ въ южной и западной Россіи. Каждый грамотный нищій беретъ тамъ свои Псалтирь и считаетъ своею обязанностію прочитывать ее въ базарные дни на торжищѣ. Нередко это чтеніе продолжается съ раннего утра до ночи.

какъ повторяются пѣсни, обучали души свои"... „И малолѣтняго сына твоего научи пѣть преисполненные любомудріемъ псалмы Давида, учить св. Іоаннъ Златоустъ (Толк. на посл. къ Кол. бес. 9), для начала обученія водами псалмы говорящія о воздержаніи или прежде всего псаломъ о несообщеніи съ нечестивыми, съ сею именно цѣлію и поставленный во главѣ всѣхъ псалмовъ или другіе подобныя псалмы". Нынѣшняя наука о воспитаніи неодобрительно смотритъ на это отеческое наставленіе. „Псалмы, говорятъ, не дѣтское чтеніе; съ дѣтей довольно однѣхъ сказокъ и басней". И точно, всю дѣтскую бібліотеку наполняютъ нынѣ однѣми сказками и баснями. Хорошо ли это? Не отъ этого ли излишества сказокъ и происходятъ всѣ крайности юношескаго легкомыслія? Воспитанному на однѣхъ сказкахъ вся жизнь начинается казаться одною легкою сказкою, въ которой нѣтъ ничего серьезнаго, требующаго напряженія духовныхъ и тѣлесныхъ силъ. Между тѣмъ, по слово Божію, жизнь наша на землѣ есть время великихъ трудовъ и подвиговъ, предуготовляющихъ насъ къ наслѣдію вѣчной жизни. Чѣмъ раньше пойметъ человѣкъ это, тѣмъ лучше. Молодымъ людямъ слѣдуетъ помнить, что всѣ ихъ самыя лучшія мірскія пѣсни скоро потеряютъ для нихъ свою прелесть, и тогда имъ не на чемъ будетъ отвести душу, если они не будутъ знать не старѣющей псаломской пѣсни. Дѣти лучше, чѣмъ взрослые, запоминаютъ всякіе уроки и сохраняютъ удерживаютъ ихъ. И тѣ уроки, которые заключены въ псалмахъ, если они будутъ восприняты дѣтскимъ умомъ, то настроеніе, какое они вызываютъ, если оно будетъ воспринято дѣтскимъ сердцемъ, останутся достояніемъ человѣка навсегда; они будутъ отдаваться въ его умъ и сердцѣ и въ зрѣломъ его возрастѣ и даже противъ его воли. Мы сами хорошо помнимъ эти псаломскія чтенія на первыхъ урокахъ грамоты. Они производили всегда вроткое, сдерживающее вліяніе, какого никакая такъ называемая нарочитая дѣтская книга произвести не можетъ. *Свидѣтельство*

Господне вѣрно, умудряющее младенцы (Псал. 18, 8. Псал. 118, 130). А почему псалмы, по выраженію св. отца, служатъ не только охраною дѣтей, начинающихъ свой жизненный путь, но и утѣшеніемъ старцевъ, уже совершившихъ его, это, думаемъ, вразумительно всякому. Мы знали одного преклоннаго старца, потерявшаго зрѣніе отъ старости. Все его занятіе состояло въ чтеніи псалмовъ, которые онъ зналъ наизусть и читалъ не только по цѣлымъ днямъ, но и среди ночи. И нужно было видѣть, какъ преображалось при этихъ чтеніяхъ его лицо, какая радость свѣтилась въ его потухшихъ очагахъ!... Такъ на чтеніи псалма онъ и почилъ вѣчнымъ сномъ.

Но не всегда идутъ дни нарочитаго покаяннаго душеиспытанія и наученія во вретипцѣ и цеплѣ. Бываютъ дни свѣтлыхъ, торжественныхъ воспоминаній, въ сіяніи которыхъ человѣкъ на время забываетъ, что онъ рабъ грѣха и хочетъ замѣнить свои покаянныя молитвы и пѣсни иными пѣснями. И тутъ книга Псалмовъ не оставляетъ насъ. Среди ея скорбныхъ покаянныхъ псалмовъ есть псалмы свѣтлаго торжества и радости, озаряющіе душу яснымъ свѣтомъ Божественныхъ обѣтованій, какъ храмъ Божій освѣщается огнями полувелія при пѣніи такихъ псалмовъ (хвалитныхъ). „Всегда, во всякое время, при всякомъ положеніи, читающій псалмы найдетъ въ нихъ то, что ему наиболѣе нужно; не тогда лишь, когда человѣкъ постигли скорби и искушенія и когда онъ томится угрызениями совѣсти послѣ содѣяннаго грѣха, бываетъ временно обращаться къ книгѣ псалмовъ, но и тогда, когда человѣкъ чувствуетъ себя торжествующимъ, а враговъ своихъ уничтоженными, когда онъ испытываетъ потребность восхвалить и прославить Бога за особія, оказанныя ему, благодѣянія“ (Св. Афан. Вел.).

Псаломъ—гласъ церкви; онъ дѣлаетъ празднество ея свѣтлыми. Такими словами св. Василій Вел. заключаетъ свою похвалу псалму.—Однимъ келейнымъ чтеніемъ и пѣніемъ псалмовъ не ограничивается ихъ употребленіе. Главнымъ на-

значеніемъ псалмовъ всегда было служить богослужебнымъ цѣлямъ, исполняться посреди церкви, въ часы молитвенныхъ собраній вѣрующихъ, такъ какъ и Господь и апостолы воспѣвали псалмы въ своихъ молитвенныхъ общеніяхъ. И церковь широко пользуется примѣромъ своего Божественнаго Учителя! Книга псалмовъ читается въ храмѣ чаще всѣхъ другихъ священныхъ книгъ. Мы слышимъ ее здѣсь и на вечернемъ богослуженіи и на утреннемъ и на литургіи. Нѣтъ дня въ году, въ который не было бы какого либо псаломскаго чтенія. Въ теченіе каждой седмицы всего года книга псалмовъ прочитывается вся отъ начала до конца, а въ теченіе великаго поста даже два раза въ седмицу. Многія мѣста изъ псалмовъ и цѣлыя псалмы исполняются въ храмѣ и пѣсенно. Кто не знаетъ такихъ псаломскихъ пѣсней, какъ: „Господи, воззвахъ къ Тебѣ, услыши мя“ (Псал. 140, 1), „Богъ Господь и явися намъ“ (Псал. 117, 26—27), „Хвалите имя Господне, хвалите раби Господа“ (Псал. 134, 1. 21. Псал. 135, 1. 26), „Да исправится молитва моя, яко кадило предъ Тобою“ (Пс. 140, 2—4) и мн. друг. Даже тѣ краткія молитвенныя восклицанія, которыя мы чаще всего слышимъ въ храмѣ Божиємъ, какъ: Господи помилуй! аллилуія! аминь! суть псаломскія восклицанія.

Такое обширное, и келейное и церковное, христіанское употребленіе псалмовъ, по ученію отцовъ церкви, имѣтъ для себя основаніе въ томъ, что, по своему молитвенно-наставительному духу и характеру, они всего болѣе подходятъ къ положенію спасающагося человѣка и въ этомъ отношеніи всего болѣе, такъ сказать, родственны ему. „То, что написано въ псалмахъ, говоритъ св. Аванасій Великій, для читающаго ихъ служить какъ бы зеркаломъ, въ которомъ онъ видитъ всего себя, во всѣхъ своихъ душевныхъ состояніяхъ. Нѣкій старецъ, держа въ рукахъ книгу Псалмовъ и указывая на нее, говорилъ мнѣ, что въ ней, по вдохновенію отъ Бога, измѣрена и описана вся жизнь человѣка, всѣ его

душевныя расположенія, всѣ движенія его помысловъ, и что, сверхъ изображеннаго въ псалмахъ, ничего болѣе въ чело-вѣкѣ не отыщется“. Это тайное родство спасающейся чело-вѣческой души съ молитвенными изліяніями псалтири глу-боко чувствовали древніе христіане и ея пѣснями замѣняли всѣ мірскія пѣсни. „У насъ“, говоритъ одинъ церковный учитель IV вѣка, „вездѣ услышишь псаломское пѣніе: и па-харь, идущій за плугомъ, поетъ аллилуіа, и покрытый по-томъ жнецъ находить для себя развлеченіе въ произношеніи псалмовъ; и виноградарь, срѣзающій кривымъ ножомъ вино-градныя вѣсти, не знаетъ другой пѣсни, кромѣ псалом-ской“. Вотъ какіе голоса слышатся намъ изъ великаго вре-мени церковной исторіи! Если въ то время такъ любили книгу Псалмовъ, то, конечно, и жили по ея духу и руко-водству. Оттого-то и слава этого времени такъ велика, что оно всегда служило предметомъ удивленія и подражанія для всѣхъ послѣдующихъ христіанскихъ вѣковъ и поколѣній.

Поревнуемъ же и мы сему славному житію, вдохнов-ляемому Божественными псалмами! Да будетъ и у насъ книга Псалмовъ и охраною малолѣтнихъ, и украшеніемъ взро-слыхъ, и утѣшеніемъ старцевъ, желанною пѣснію мужей и женъ. Да обращемъ въ ней и мы ту тишину души, которой такъ неустанно, но и такъ тщетно, ищутъ въ неисчислимыхъ книгахъ всей міровой бібліотеки. Аминь!

Акимъ Олесницкій.

ВИЛЕНСКОЕ СВ.-ДУХОВСКОЕ БРАТСТВО ВЪ XVII и XVIII столѣтіяхъ.

(Продолженіе ¹⁾).

„1609 годъ былъ роковымъ для православныхъ виленцевъ. Многіе изъ нихъ, лишившись своихъ церквей и приходоѡвъ, поколебались и перешли въ унию. Многіе члены Св.-Духовскаго братства стали на сторону его противниковъ. Братство сократилось и уменьшилось въ своихъ членахъ, силы его значительно ослабли. Оно лишено было прежнихъ правъ и преимуществъ, лишено было значительной части своихъ имуществъ и доходовъ, отнятыхъ у него вмѣстѣ съ Троицкимъ монастыремъ ²⁾). Никогда еще Виленское братство не было въ такомъ тяжеломъ положеніи. Но горячая ревность по вѣрѣ, искренняя преданность интересамъ православія спасли братство и съ честью вывели его и на этотъ разъ изъ затруднительныхъ обстоятельствъ. Удаленное отъ Троицкаго монастыря, оно окончательно утвердилось при выстроенной имъ церкви Св. Духа ³⁾), перенесло сюда остатки своего имущества, типографію, мало-по-малу устроилось здѣсь, усилилось и скоро зажило прежнею жизнью“ ⁴⁾). Говоримъ, зажило прежнею жизнью—это значитъ, что братство опять стало съ пастойчивостью и энергіей защищать православіе опять стало руководителемъ православныхъ въ борьбѣ за

¹⁾ См. Труды Академіи 1898 г. и. ноябрь.

²⁾ „Лит. церк. униа“ Колковича, т. 2, стр. 78.

³⁾ При которой въ настоящее время несомнѣнно существовалъ уже и монастырь.

⁴⁾ Виленское Св. Троицкое братство. М. П.—ча. Вильна 1890 г., стр. 57.

свою вѣру, опять стало переносить всевозможныя бѣды и преслѣдованія за свое правое дѣло.

Когда православное братство окончательно утвердилось при церкви Св. Духа всѣ ремесленные цехи-братства, которые прежде обращали свои доходы отъ выварки меду и продажи воска на Троицкій монастырь, стали обращать ихъ теперь на монастырь Св.-Духовскій. Это, конечно, не понравилось уніатамъ, потерявшимъ одинъ изъ источниковъ своихъ доходовъ. Поцѣй и Рутскій обратились къ королю, и 17-го августа Сигизмундъ III прислалъ въ Вильну грамоту о воспрещеніи братствамъ: Радецкому, Купецкому, Кушнерскому и Росскому обращаться къ церкви Св. Духа и вносить въ пользу ея свои доходы; братства эти присоединялись къ Троицкому, какъ члены къ тѣлу. вмѣстѣ съ тѣмъ король повелѣвалъ не допускать сходокъ „новаго братства“ (Св.-Духовскаго) въ церквахъ и домахъ, подъ опасеніемъ денежнаго и тѣлеснаго наказанія ¹⁾. Вообще Сигизмундъ III съ этого времени сталъ особенно враждебно относиться къ братству и старался всячески помѣшать его полезной дѣятельности на пользу православія, если не совсѣмъ прекратить его существованіе.

Въ 1610 году извѣстный ученый монахъ Св.-Духовскаго монастыря Мелетій Смотрицкій издалъ сочиненіе, отпечатанное въ братской типографіи, подъ названіемъ „Ἐρῆμος, т. е. плачь единой апостольской восточной церкви на отступленіе отъ нея нѣкоторыхъ сыновъ ея“. Въ этомъ сочиненіи яркими чертами изображалось бѣдственное положеніе южно-русской православной церкви, до котораго она была доведена латиноуніатами, опровергались клеветы, взводимыя на православныхъ, защищалась правота ихъ вѣроученія. Сами уніаты признавали и говорили, что въ немъ (Плачѣ) каждое слово— жестокая рана, каждая мысль— смертоносный ядъ для уніи ²⁾.

¹⁾ Собр. грам. и акт. Вильн, ч. II, № 23.

²⁾ Пам. рус. стар. виш. V, стр. 74.

Въ отвѣтъ на это сочиненіе униаты вынудили въ свѣтъ брошюру: „*Parηχорεία albo utolenie uszczuplonego lamentu πnie-manœu serkwie Wschodniej*“¹⁾. Но литературной полемикой дѣло не ограничилось. Видя на этой почвѣ себя побужденными, латино-униаты обратились за помощью къ королю. Въ началѣ мая Сигизмундъ III прислалъ два указа виленскимъ властямъ, которымъ приказывалъ арестовать книги и наборщиковъ Св.-Духовской типографіи по причинѣ слуховъ, дошедшихъ до него, что въ этой типографіи печатаются какія-то пасквильныя книги противъ духовной и свѣтской власти; книги и другіе подозрительные предметы сжечь, а наборщика Логгина Карповича, корректора и авторовъ держать въ тюрьмѣ впредь до дальнѣйшаго распоряженія²⁾, а 7-го мая того-же года король запретилъ всемъ обывателямъ великаго княжества литовскаго покупку и продажу изданій Св.-Духовской типографіи подѣ опасеніемъ штрафа въ 5000 червонныхъ злотыхъ³⁾. Приказаніе короля стало приводиться въ исполненіе. 28 іюля братскіе старосты жаловались на виленскихъ бурмистровъ, которые даже у переплетчика отобрали 36 книгъ „*ляменту церкви нашею восточное*“⁴⁾. Дѣятельность Св.-Духовской типографіи на нѣкоторое время должна была прекратиться. Но братство не унывало. Ревностный членъ и покровитель братства князь Богданъ Огинскій перенесъ въ свое имѣніе Евье (въ 35 верстахъ отъ Вильны) спасенную братскую типографію, гдѣ она съ успѣхомъ и продолжала работать до своего водворенія опять въ Вильнѣ⁵⁾.

Между тѣмъ страшный пожаръ 1610 года, опустошившій Вильну и нанесшій громаднѣйшій уронъ вѣкъ православ-

¹⁾ Ист. рус. церк. Магарія, т. X, стр. 408, прим. 316.

²⁾ Акт. Вил. Арх. Ком. т. VIII, № 45.

³⁾ Ibid. т. VIII, № 44.

⁴⁾ Матеріалы для исторіи западно-русской церкви (приложеніе къ I тому Петра Могиля) Голубева. Кіевъ 1883 г. № XXV.

⁵⁾ Ист. рус. цер. Магарія, т. X, стр. 410.

нымъ, такъ и уніатамъ, успѣхъ польскаго оружія подъ Смоленскомъ въ 1611 году и другія случайныя обстоятельства отвлекли въ сторону вниманіе польскаго правительства и латино-уніатскаго духовенства, оставившихъ въ покоѣ на нѣкоторое время православныхъ и, въ частности, Св.-Духовское братство. Братство тѣмъ временемъ собиралось съ силами и устраивало свою внутреннюю жизнь.

18-го іюля 1613 года умеръ Ипатій Поцѣй, назначивъ еще при жизни себѣ преемника въ лицѣ троїцкаго архимандрита и своего намѣстника Іосифа Рутскаго¹⁾. Покамѣсть жилъ Поцѣй, самый главный виновникъ уніа, православнымъ, конечно, и думать не приходило о возстановленіи своей іерархіи. Но теперь, послѣ смерти его, надежды ихъ оживились. Въ настоящее время особенно чувствовалась нужда въ православной іерархіи, такъ какъ на всю Литву и Западную Русь существовалъ только одинъ православный епископъ Іеремія львовскій, котораго отъ Бѣлой Руси отдѣляло разстояніе около 200 миль. Поэтому С.-Духовское братство лишь только узнало о назначеніи Рутскаго митрополитомъ, тотчасъ чрезъ Богдана Огинскаго и своихъ старостъ внесло протестацію свою въ трибунальный судъ и требовало, чтобы православнымъ былъ давъ свой митрополитъ православный²⁾. Требованіе православныхъ тѣмъ болѣе было законно, что уже и послѣ введенія уніа, конституціею 1607 года имъ было дозволено имѣть свою православную іерархію. Но протестъ остался безъ послѣдствій. Король утвердилъ Рутскаго въ званіи митрополита и 16-го августа 1613 года ему были переданы уже всѣ митрополичьи владѣнія³⁾. Оставалось православнымъ опять ждать удобнаго времени и случая для возстановленія своей іерархіи.

¹⁾ Ист. рус. цер. Макарія т. X, стр. 411—413.

²⁾ Ibid. т. X, стр. 413; Synopsisъ подъ 1614 годомъ.

³⁾ Арх. Сборн. т. IV, № 48.

Между тѣмъ усилившаяся въ 1613 году дѣятельность Св.-Духовскаго братства не могла не обратить на себя вниманія униатовъ и особенно Троицкаго униатскаго братства, зорко слѣдившаго за всѣми дѣйствіями своего сосѣда. Нужно было какъ-нибудь воспрепятствовать этой дѣятельности братства. И вотъ члены униатскаго братства, недавно отступившіе отъ православія, Левъ Мамовичъ, Петръ Коптевичъ и Игнатій Дубовичъ подаютъ Сигизмунду жалобу на Св.-Духовское братство о незаконномъ будто-бы присвоеніи онымъ себѣ титула Троицкаго братства, его имуществъ и доходовъ на сорокъ тысячъ копѣ литовскихъ, а также о присвоеніи себѣ типографіи, изъ которой выходятъ еретическія книги, о построеніи на ихъ землѣ новой церкви и пр.¹⁾ 18-го іюля 1614 года король издалъ мандатъ на имя Св.-Духовскаго братства, въ которомъ, перечисливши всѣ упомянутыя вины братства, приказывалъ явиться къ нему на судъ и представить на его разсмотрѣніе братскія привилегіи, списокъ братчиковъ и реестры приходовъ и расходовъ братскихъ²⁾. Братство, конечно, знало, что ожидаетъ его на судѣ королевскомъ. Поэтому оно предварительно подало протестацію на униатовъ въ городской урядъ за несправедливый позывъ его въ королевскому суду³⁾. Но судъ королевскій состоялся и, какъ и слѣдовало ожидать, рѣшилъ дѣло не въ пользу братства⁴⁾. Послѣ этого братство подало слезную жалобу на конвокаціонный сеймъ 1615 года, въ которой яркими чертами описывало свое бѣдственное положеніе, всѣ тѣ притѣсненія, обиды и несправедливости, которыя оно переноситъ отъ униатовъ и противъ которыхъ протестуетъ на каждомъ сеймикѣ, сеймѣ и съѣздѣ. Въ особенности братство жалуется на униатскаго митрополита Рутскаго. Несмотря на то, писало брат-

¹⁾ Акт. Вил. Арх. Ком. т. VIII, стр. 47.

²⁾ Вѣстн. Зап. Рос., 1864, кн. 3, стр. 41—45.

³⁾ Акт. Вил. Арх. Ком. т. VIII, № 48.

⁴⁾ Арх. Собр. т. VII, № 50.

ство, что на прошломъ сеймѣ всѣ мандаты и задворные процессы „снесены“, т. е. кассированы съ православныхъ, Рутскій продолжаетъ притѣвлять и преслѣдовать ихъ. Такъ, онъ настойчиво выскиваетъ съ мѣщанина Семена Красовскаго, члена Св.-Духовскаго братства, штрафа 1000 копъ грошей¹⁾, взводитъ на братство небывалыя преступленія, позываетъ въ уряды и суды и пр. Въ заключеніе братство просило сеймъ, чтобы декреты объ ихъ печатиѣ, церковныхъ грунтахъ и помянутомъ штрафѣ были отмѣнены и чтобы вообще братство оставлено было въ покоѣ²⁾. Сеймъ отнесся безпристрастно къ дѣлу, рассмотрѣлъ жалобу братства и послалъ къ королю пословъ „о знесене мандатовъ и процессовъ задворныхъ“ противъ братства³⁾. Но отъ королевской власти нельзя было ожидать справедливаго отношенія къ братству, и благопріятныя для братства постановленія сейма не принесли ему никакой существенной пользы, напротивъ, только, возбудили еще большую ненависть латино-уніатовъ и усилили преслѣдованія. Троицкіе уніаты-базильяне, во главѣ съ митрополитомъ Рутскимъ, употребляли теперь всѣ средства для нанесенія вреда православнымъ вообще и Св.-Духовскому братству въ особенности.

Отъ этого времени остался одинъ документъ, спеціально говорящій о тѣхъ бѣдахъ, которыя претерпѣвали православные въ Вильнѣ⁴⁾. Православное братство жалуется здѣсь на уніатовъ, что они уничтожаютъ его права и привилегіи на имущества и земли церковныя, привлекаютъ православныхъ

¹⁾ Штрафъ этотъ былъ наложенъ королемъ еще въ 1612 году на зрѣкъ членовъ Св.-Духовскаго братства за нарушеніе общественнаго спокойствія въ 1609 году по дѣлу съ Рутскимъ изъ-за Троицкаго монастыря.—Арх. Сборн. т. VI, № 131.

²⁾ Арх. Сборн. т. VII, № 50.

³⁾ Ibid.

⁴⁾ „Перечень обидъ, насилій и гоненій, претерпѣваемыхъ отъ уніатовъ жителии Вильни вообще, а Св.-Духовскимъ братствомъ въ особенности“. Вѣсти. Зап. Рос. 1864, октябрь, стр. 60—65.

Труды Киевск. дух. Академіи, т. I, 1899 г.

къ за дворному суду подъ страхомъ за неавку 100 тысячъ злотыхъ штрафа и на основаніи этихъ указовъ налагають запрещенія на имущество не только умершихъ, но и живыхъ братчяковъ; что они дѣлають недѣйствительными справедливыя рѣшенія трибунальныхъ судовъ, уничтожая ихъ посредствомъ королевскаго ассессорскаго суда; жалуются на Рутскаго, овладѣвшаго церковными имуществами и сокровищами и разрѣшившаго построить на мѣстѣ сгорѣвшихъ православныхъ церквей городскія кухни, лавки и питейные дома; жалуются и на виленскій городской урядъ, который, будучи въ стачкѣ съ уніатами, не принимаетъ ни протестацій, ни репротестацій православныхъ для записи въ земскія городскія и ратушныя книги ¹⁾. Нужно удивляться, до чего доходили самоуправство, своеволие и насиліе уніатовъ надъ православными, возможныя только въ польскомъ государствѣ. Въ Св.-Духовскій монастырь чуть не ежедневно бросали камнями, пускали стрѣлы, стрѣляли изъ ружей, однажды пробили голову св.-духовскому архимандриту Леонтію Карповичу, другой разъ избили и поранили болѣе двадцати ни въ чемъ не повинныхъ дѣтей—школьниковъ братскаго училища; еще разъ бросали камнями въ ѣхавшихъ въ церковь Св. Духа на богослуженіе подкоморинь трокскую и виленскую ²⁾ и пр. и пр. Положеніе православныхъ мѣщанъ въ Вильнѣ было самое безотрадное. Ихъ безъ всякаго суда, безъ истца, безъ всякихъ доказательствъ ихъ вины, предавали неслыханнымъ пыткамъ, брали въ ратушу, заключали въ темницы; бурмиистра и трехъ радцевъ православной вѣры арестовали за то только, что ходили въ церковь Св. Духа, думая этимъ незаконнымъ поступкомъ лишить русскихъ (*lawice Ruskiey*) права засѣдать въ магистратѣ; исключили изъ разныхъ ремесленныхъ цеховъ

¹⁾ Вѣстн. Зап. Рос. 1864, октябрь, стр. 60—65.

²⁾ Вѣстн. Зап. Рос. 1864, октябрь, стр. 60—65; Акт. Вал. Арх. Ком. т. VIII, № 49.

людей православной вѣры безъ малѣйшей причины, за то только единственно, что они ходятъ на богослуженіе въ церковь Св. Духа ¹⁾.

Конечно, противъ всѣхъ этихъ обидъ и притѣсненій Св.-Духовскимъ братствомъ были подаваемы многочисленныя жалобы и протестаціи въ трибуналь, на сеймы, сеймики и пр., но братство несло только расходы на депутатовъ, а пользы не получало никакой. Для иллюстраціи того, какіе порядки были на сеймахъ и сеймикахъ въ Польшѣ приведемъ слѣдующій фактъ. Въ 1617 году на громничномъ (на Срѣтеніе) сеймикѣ въ Вильнѣ землянинъ Вериковскій хотѣлъ говорить объ обидахъ и притѣсненіяхъ Св.-Духовскаго братства, между прочимъ, и объ упомянутыхъ нами фактахъ нападенія на Духовскій монастырь, избіенія школьничковъ и др. Но нѣкто Нарбутъ („снять съ направи чіеесь“) не допустилъ его говорить на томъ основаніи, будто онъ не дворянинъ (на самомъ дѣлѣ Вериковскій былъ природный дворянинъ), „тогда какъ на этомъ сеймикѣ даже татары говорили о своихъ обидахъ“ ²⁾.

Но отнимая у православныхъ ихъ религіозныя и государственныя права, уніаты захотѣли уронить ихъ и въ общественномъ мнѣніи. Съ этою цѣлью они вызвали Св.-Духовское братство на ученый публичный диспутъ о вѣрѣ. Православное братство сначала было приняло этотъ вызовъ, но за три дня до диспута отказалось отъ него ³⁾. Причины, которыя братство выставило—и совершенно резонно—для своего отказа, были слѣдующія: во-первыхъ, некому было судить диспутирующія стороны; во-вторыхъ, братство не могло предвидѣть счастливаго для себя конца диспута, такъ какъ на сторонѣ прогивниковъ была свѣтская власть и самъ король; въ-третьихъ, не было на то разрѣшенія отъ константинополь-

¹⁾ Вѣсти. Зап. Рос. 1864, октябрь, стр. 60—65.

²⁾ Авт. Вил. Арх. Ком. т. VIII, № 49. . .

³⁾ „Лит. церк.-учн.“ Кошловича, т. 2, стр. 314, прим. 124.

скаго патріарха ¹⁾). Самою главною была, конечно, вторая причина. Мы знаемъ, писало Св.-Духовское братство, обращаясь къ королю, что тѣ, которыхъ ты хочешь съ нами свести, выиграють, потому что ты имъ поможешь, а насъ сильно при-тѣснять будешь; ибо намъ, если захочешь, и молчать при-кажешь“ ²⁾).

Тѣсненное и гонимое со всѣхъ сторонъ Св.-Духовское братство вспомнило теперь о давнишнемъ защитникѣ право славныхъ, очень вліятельномъ лицѣ, литовскомъ гетманѣ князѣ Христофорѣ Радзивиллѣ и рѣшило обратиться къ нему съ просьбой о защитѣ своихъ правъ. „Не только вамъ, князь, но и почти всему свѣту извѣстно, писало братство князю, что мы въ продолженіе 20 уже лѣтъ подаемъ въ каждый сеймъ и съѣздъ слезными просьбы на оскорбленіе главнѣйшаго нашего права—свободы совѣсти и вѣри“. Прежніе пастыри, а теперь отступники, лишаютъ православныхъ всѣхъ правъ и привилегій, когда-либо данныхъ; гоня свою прежнюю паству, оставшуюся твердою въ вѣрѣ, эти наемники совершаютъ свои возмутительныя дѣянія прямо, безъ объясненій и извиненій, какъ настоящіе грабители. Въ этомъ неслыханномъ произволѣ особенно выдается Рутскій: кромѣ другихъ насильій, причиняемыхъ имъ братству, онъ дѣлаетъ уже попытку отнять церковь и монастырь у братства, завладѣть суммами и имѣніями его. Вслѣдствіе этого православные виленцы обращаются съ просьбой о защитѣ къ князю Радзивилу, какъ къ человѣку извѣстному „своею природною добротою и милостію“ ³⁾. Въ 1618 году (29 января) Св.-Духовское братство опять обратилось съ письмомъ къ Радзивилу, прося у него защиты своихъ правъ на предстоящемъ сеймѣ ⁴⁾. Неизвѣстно, помогъ ли и какъ помогъ князь Радзивилъ братству. Сеймъ

¹⁾ Obrona Werificacley.—Арх. Юго-Зап. Рос. ч. 1, т. VII, стр. 427.

²⁾ Ibid.

³⁾ Арх. Сбору. т. VII, № 51.

⁴⁾ Ibid. т. VII, № 52.

1618 года постановилъ оставить православныхъ въ покоѣ и при своемъ богослуженіи, а также не принуждать ихъ къ униі 1). Но положеніе братства стало еще хуже. „Толико смирихомся, писало Виленское братство въ 1619 году къ Львовскому, яко заедва тѣнь лѣпоты и величества широковладнаго рода російскаго и благочестія его оста намъ“ 2).

Тѣмъ не менѣе, угнетенное и смирившееся въ силу вѣшнихъ обстоятельствъ, Св.-Духовское братство было сильно своею внутреннею силою, своею любовью къ православной вѣрѣ, крѣпкою стойкостью и терпѣливостью въ перенесеніи всевозможныхъ бѣдъ и скорбей за правое дѣло. Оно не только само не падало духомъ, но еще поддерживало и ободряло, какъ могло, своихъ единовѣрцевъ: разсылало православнымъ свои ободряющія посланія, поддерживало живое духовное общеніе съ другими братствами 3), печатало богослужебныя и другія полезныя для православія книги, снабжая ими нуждающихся, благоустроило свое училище, подготавливая въ немъ искусныхъ іереевъ для городовъ и весей 4). И православные западно-руссы высоко цѣнили плодотворную дѣятельность братства на пользу православія. Объ ихъ уваженіи къ нему, какъ представителю и защитнику православія, свидѣлствуютъ тѣ многочисленныя фидушевыя записи литовско-русскихъ дворянъ, въ которыхъ они отдають устрояемые ими церкви и монастыри „въ зуполную мощь, владзу, держанье и уживанье братства церковнаго виленскаго“ 5). Эти любовь, уваженіе и довѣріе къ Св.-Духовскому братству православныхъ людей были лучшею наградою братству за его труды и вмѣстѣ съ тѣмъ доставляли ему единственное утѣшеніе и отраду въ бѣдахъ.

1) Супорыя годъ 1618 годехъ.

2) Акт. Зап. Рос. т. IV, № 217.

3) Ibid.; Арх. Сборн. т. II, № 27.

4) Акт. Зап. Рос. т. IV, № 217.

5) См., напр., Собр. грам. Вильн., ч. II, № 40; Собр. грам. Мниска, № 69; Акт. Вил. Арх. Ком., т. XI, № 31.

Но недостаточно было только возбудить и затѣмъ поддерживать религиозное чувство у православныхъ,—надо было еще дать средства для удовлетворенія этого чувства, нужно было дать іерархію, въ которой теперь чувствовался сильный недостатокъ. Православные родители должны были очень часто оставлять дѣтей своихъ безъ крещенія, браки заключались безъ церковнаго благословенія, многіе умирали безъ религиознаго напутствія. Св.-Духовское братство все это, конечно, видѣло и знало и старалось помочь горю православныхъ, но пока безуспѣшно. Одно случайное обстоятельство помогло дѣлу.

Въ 1620 году, около половины великаго поста прибылъ въ Кіевъ и остановился здѣсь возвращавшійся изъ Россіи іерусалимскій патріархъ Теофанъ. Это обстоятельство должно было, конечно, оживить православныхъ и возбудить угасшія было ихъ надежды на восстановление православной іерархіи. Конечно, обрадовалось этому обстоятельству и Св.-Духовское братство. Но, въ удивленію, оно въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ не завязываетъ никакихъ сношеній съ патріархомъ, какъ будто бы даже не знаетъ о его пріѣздѣ ¹⁾. Объясненія этого, на первый взглядъ кажущагося страннымъ, обстоятельства, мы должны искать въ политическихъ обстоятельствахъ того времени. Государственное положеніе Польши въ это время было незавидное. Съ одной стороны, ей грозила нелегкая война съ Турціей, Швеціей и Россіей, съ другой стороны, внутри ея поднялась грозная нравственная и матерьяльная сила въ лицѣ казаковъ. Патріархъ Теофанъ, какъ подданный турецкаго султана и какъ лице весьма уважаемое православнымъ казачествомъ, которое окружило его въ Кіевѣ снвнонею заботливостью, могъ казаться лицомъ весьма подозрительнымъ для польскаго правительства, и вступать съ такимъ лицомъ въ общеніе людямъ, которыхъ и безъ того польское правительство не разъ обвиняло въ подстрекательствѣ къ мятежу, „къ взрушенію покою посполн-

¹⁾ Werificatia niewinnosci. Арх. Ю.-Зап. Рос. ч. 1, т. VII, стр. 295—6.

таго¹⁾, было весьма не безопасно. Поэтому братство ожидало, какъ отнесется правительство къ патриарху.

Оказалось, что польское правительство отнеслось къ патриарху Теофану совершенно иначе, чѣмъ того можно было ожидать. Оно посмотрѣло на него съ другой точки зрѣнія, захотѣло изъ его присутствія въ Польшѣ извлечь себѣ выгоды. Какъ влиятельный турецкій подданный, патриархъ Теофанъ могъ, конечно, такъ или иначе повліять на отношенія турецкаго правительства къ Польшѣ, а какъ высшій представитель православія, патриархъ еще болѣе могъ повліять на православныхъ казаковъ въ благопріятномъ для польскаго правительства смыслѣ. Поэтому-то мы видимъ, что даже самъ король сталъ окружать патриарха своимъ вниманіемъ. Онъ издавалъ грамоты кіевскимъ гражданамъ и всѣмъ украинскимъ и волынскимъ обывателямъ, въ которыхъ предписывалъ принимать патриарха съ почтеніемъ, проводить его до границы честию, безопасно, оказывая ему пособіе во всемъ¹⁾.

Лишь только братство узнало о такомъ благопріятномъ отношеніи короля къ патриарху, оно сейчасъ-же завязало съ нимъ дѣятельныя сношенія, съ цѣлью не потерять удобнаго времени для возстановленія западно-русской православной іерархіи. Открылись дѣятельныя сношенія братства съ казаками и различными областями, чтобы на предстоящемъ сеймѣ былъ поставленъ вопросъ о православіи, чтобы отъ Польши требовать свободы православной вѣры и возстановленія православной іерархіи²⁾. Отъ С.-Духовскаго братства на сеймъ прибылъ извѣстный своею преданностью православію братскій староста, чашникъ земли волынской Лаврентій Древинскій. Его знаменитая, вылившаяся изъ наболѣвшаго сердца рѣчь, сказанная на сеймѣ, преисполненная горькой правды по адресу самого короля, обрисовавшая яркими красками

¹⁾ „Лит. церк. уніа“ Коллонтай, т. 2, стр. 111—12.

²⁾ „Лит. церк. уніа“ Коллонтай, т. 2, стр. 112, прим. 146.

поженія за вѣру и происходящее отсюда зло, рѣчь, закончившаяся даже угрозою польскому правительству со стороны православныхъ ¹⁾),—произвела сильное впечатлѣніе на всѣхъ присутствовавшихъ и заставила польское правительство удовлетворить нужды православныхъ, особенно когда къ этому присоединились еще угрозы казаковъ, объявившихъ, что они не пойдутъ на войну, если просьбы православныхъ не будутъ исполнены. Профессоръ Колловичъ дѣлаетъ весьма основательное предположеніе, что тогда-же на сеймѣ было дано словесное разрѣшеніе патриарху Теофану посвятить іерарховъ, иначе едва ли бы казаки не подняли шума²⁾, по въ самую сеймовую конституцію этого не было внесено, а только въ общихъ выраженіяхъ постановлено было православнымъ и униатамъ жить въ мирѣ, не нарушая свободы вѣроисповѣданія и затѣмъ подтверждена благоприятная для православныхъ конституція 1607 года³⁾.

Пользуясь благоприятными обстоятельствами, православные еще до сейма стали дѣлательно готовиться къ поставленію своихъ іерарховъ. Къ этому времени появились и посланія патриарха Теофана къ православнымъ западно-руссамъ съ увѣщаніемъ избрать на опустѣвшія епископскія кathedры достойныхъ кандидатовъ и прислать ихъ для посвященія къ нему въ Кіевъ⁴⁾. Виленское Св.-Духовское братство избрало такимъ кандидатомъ своего любимаго и уважаемаго архимандрита Леонтія Карновича, который былъ учредителемъ и первымъ настоятелемъ Св.-Духовскаго общежительнаго монастыря. Послѣдній уже намѣревался было отправиться въ

¹⁾ „Истор. объ униѣ“ Бантышъ-Каменскаго, стр. 69—73.

²⁾ „Лит. церк. униѣ“ Колловича, т. 2. стр. 113.

³⁾ Профессоръ Колловичъ говоритъ, что была подтверждена конституція 1609 года, предоставлявшая православнымъ кathedры лицамъ греческой вѣри, но у Бантышъ-Каменскаго (стр. 68) и въ Супорскаго въ годъ 1620 годомъ говорится о конституціи 1607 года.

⁴⁾ Голубевъ. Матер. для ист. Зап.-рус. церк., № 37.

Кіевъ, но усилившаяся болѣзнь заставила его отложить пѣздку. Тогда братство: отправило въ Кіевъ съ порученіемъ къ патріарху своего ученаго монаха Мелетія Смотрицкаго съ просьбою утвердить братскаго архимандрита въ епископскомъ званіи. 15 августа 1620 года патріархъ Теофанъ посвятилъ въ митрополита кіевскаго Іова Борецкаго, а затѣмъ въ ближайшіе дни были посвящены и другіе епископы. Мелетій Смотрицкій изъ простаго монаха, по просьбѣ пріѣхавшихъ съ нимъ изъ Вильны православныхъ павовъ, былъ посвященъ въ епископа полоцкаго, а Карповичъ утвержденъ въ званіи „помината епископа Володимирскаго и Берестейскаго“. Но, пріѣзжая въ Вильну, Смотрицкій не засталъ уже въ живыхъ своего „старшаго“ Леонтія Карповича и на мѣсто его самъ былъ выбранъ въ архимандрита Свято-Духова монастыря ¹⁾.

Возстановленіе западно-русской іерархіи, совершившееся при дѣятельномъ участіи Св.-Духовскаго братства, въ исторіи западно-русской церкви было событіемъ весьма важнымъ по своему значенію и по своимъ слѣдствіямъ. Оно разрушило надежды уніатовъ на прекращеніе историческаго существованія православной церкви (при отсутствіи іерарховъ) и дало православной церкви новыя силы, въ лицѣ новопоставленныхъ іерарховъ, для дальнѣйшей успѣшной борьбы съ врагами православія. Поэтому можно себѣ представить, какова была радость Св.-Духовскаго братства по этому случаю. Патріархъ Теофанъ, виновникъ общей радости, сдѣлался предметомъ особаго уваженія. Портретъ его, какъ святиня, былъ вывѣшенъ въ видѣ хоругви на стѣнѣ братскаго дома. А одинъ изъ братчиковъ Евстратій Жилевскій нарочно отправился въ нѣмецкую землю, отпечаталъ здѣсь множество изображеній патріарха и раздавалъ въ Вильнѣ даромъ православнымъ ²⁾. Мелетію Смотрицкому, по его возвращеніи изъ Кіева, вилен-

¹⁾ Ист. рус. церк. Мазарія, т. XI, стр. 251—2.

²⁾ „Лит. церк. уніа“ Коляковича, т. 2, стр. 356, прим. 209.

ское дупечество поднесло великолѣпное архіерейское облачение. Смотрящій, съ своей стороны, старался удовлетворить общему возбужденію и радости православныхъ: онъ совершалъ торжественно въ Св.-Духовомъ монастырѣ архіерейскія богослуженія, ставилъ священниковъ для православныхъ виленцевъ, рассылалъ посланія въ своей половецкой пастырѣ¹⁾ и пр.

Но не долго пришлось ликовать православнымъ. Скоро радость ихъ перешла въ скорбь. Латинно-іезуитская партія, сначала ошеломленная совершившимся фактомъ, скоро пришла въ себя и напрягла всѣ свои силы, чтобы уничтожить значеніе его. Какъ только уѣхалъ изъ Литвы патріархъ Теофанъ (въ январѣ 1621 года), Рутскій съ своими клеветами тотчасъ сталъ распускать относительно личности патріарха самыя черныя лавѣстія. Говорили, что Теофанъ вовсе не патріархъ, а простой мірянинъ, самозванно принявшій титулъ патріарха; говорили даже, что онъ шпионъ турецкаго султана, склонявшій казаковъ то на сторону Москвы, то на сторону Турціи; посвященные имъ епископы, слѣдовательно, тоже самозванцы, измѣнники отечеству и возмутители общественнаго спокойствія. Конечно, вымыслы эти были очевидны для всѣхъ и въ нихъ не вѣрили сами авторы ихъ; тѣмъ не менѣе они дошли до короля и онъ издалъ приказъ ловить и казнить новопоставленныхъ іерарховъ православныхъ, какъ самозванцевъ, измѣнниковъ и бунтовщиковъ²⁾. Іерархи должны были скрываться въ безопасныя мѣста, по преимуществу, въ областяхъ казацкихъ³⁾. Изъ-подъ оружія казаковъ добыть іерарховъ оказалось невозможнымъ, а потому всѣ бѣдствія обрушились на бѣдное Виленское Св.-Духовское братство и виленскихъ православныхъ, какъ главныхъ дѣятелей въ дѣлѣ воцаренія іерархіи.

¹⁾ Obrona Werficaciey—Арх. Ю.-Злп. Рос. ч. I, т. VII, стр. 434—35.

²⁾ Werficatia niewinnowci—Арх. Ю.-Злп. Рос. ч. I, т. VII, стр. 282—81;

³⁾ „Исторія объ униѣ“ Баянши-Каменскаго, стр. 74.

⁴⁾ „Лет. церк. униѣ“ Козловича, т. 2, стр. 116.

Уніаты стали всюду разглашать, что новооставленный митрополитъ Іовъ Борецкій прибылъ съ казаками подъ Вильну и православные виленцы хотятъ силою ввести его на митрополию, что въ братской церкви съ каедръ всенародно провозглашаютъ объ этомъ¹⁾ и т. п. Этого было достаточно, чтобы поднять страшное гоненіе на православныхъ. Ни въ чемъ повинныхъ мирныхъ виленскихъ гражданъ хватали среди дня на улицѣ, сажали безъ всякаго разслѣдованія въ подземныя темницы, подвергали страшнымъ пыткамъ, лишали должностей и заключали на сидѣніе въ ратушу православныхъ членовъ виленскаго магистрата, отбирали ключи отъ цеховыхъ сокровищницъ и запрещали торговать православнымъ членамъ ремесленныхъ цеховъ. На Св.-Духовъ монастырь безпрестанно бросали камнями, зажженными головами, пускали стрѣлы съ горючими веществами. И все это происходило на страстной и свѣтлой седмицахъ съ нарочитою цѣлью поглумиться надъ религиозными чувствами православныхъ въ самые великіе и дорогіе для каждаго христіанина дни. Несчастнымъ заключеннымъ не позволили даже сходить въ церковь исповѣдаться и причаститься. Были такіе, которые предлагали въ залогъ своихъ матерей, женъ и дѣтей, чтобы только на вѣсколько часовъ позволено было имъ сходить въ церковь, но и этого утѣшенія ихъ лишили²⁾.

Среди этихъ гоненій за стѣнами Св.-Духова монастыря успѣлъ уберечься и стоялъ на стражѣ православія тогдашній настоятель монастыря, новопосвященный полоцкій епископъ — Мелетій Смотрицкій. Сознавая необходимость оправдаться предъ польскимъ правительствомъ, ставшимъ преслѣдовать православныхъ, во вводимыхъ на нихъ латино-уніатами обвиненіяхъ, Смотрицкій въ это время готовилъ къ печати свое другое прекрасное сочиненіе подъ названіемъ „Weri-

¹⁾ Obrona Werificatii — Арх. Ю.-Зап. Рос. ч. I, т. VII, стр. 382.

²⁾ Werificatia niewinności — Арх. Ю.-Зап. Рос. ч. I, т. VII, стр. 282, 323, 332.

fiectia niewinności*. Въ 1621 году два раза (въ апрѣлѣ и июнѣ) сочиненіе это надано было отъ лица Св.-Духовскаго братства и вызвало громадную литературную полемику между двумя братствами: Св.-Духовскимъ-православнымъ и Троицкимъ-уніатскимъ. О сочиненіяхъ полемическихъ, изданныхъ въ это время братствомъ, мы скажемъ въ другомъ мѣстѣ, а теперь укажемъ только, въ чемъ заключалась суть полемики. Православное братство въ издаваемыхъ имъ сочиненіяхъ старалось доказать противникамъ, что возстановленіе западно-русской іерархіи исполнѣе законно, что Теофанъ есть истинный патріархъ а не простой монахъ, что онъ тѣмъ болѣе не шпіонъ турецкаго султана, а, наоборотъ, доброжелатель Польши, о чемъ свидѣтельствуетъ его грамота къ казакамъ, что братство не прежде вошло въ сношенія съ патріархомъ, какъ узнало о благосклонномъ отношеніи къ нему самого короля и нѣкоторыхъ сановниковъ, о чемъ свидѣлствуютъ ихъ собственноручныя письма къ Теофану¹⁾, что поставленные патріархомъ епископы рукоположены безъ всякаго нарушенія гражданскихъ и церковныхъ законовъ, что право патронатства, принадлежащее королю, этимъ поставленіемъ нисколько не нарушается, такъ какъ право это касается только раздачи королемъ бенефицій, но никакъ не относится къ раздачѣ имъ степеней священства; доказывало затѣмъ Св.-Духовское братство, что новопоставленные іерархи вовсе не возмущаютъ народъ противъ власти, какъ о томъ говорить уніаты, а что, напротивъ они, какъ и всѣ вообще православные, — самые вѣрнопоклонные сыны Польши. Уніаты, конечно, старались доказать противное и вводили всевозможныя обвиненія на Св.-Духовское вилевское братство съ цѣлью навлечь на него гнѣвъ короля и тѣмъ или совершенно прекратить его существованіе или, по крайней мѣрѣ, ослабить его значеніе и вліяніе на православныхъ.

¹⁾ Всѣ эти письма были цѣликомъ приложены къ Verificatio niewinności—
Арх. Ю.-Зап. Рос. ч. I, т. VII, стр. 289—98.

Уніатское братство достигло своей цѣли. Въ началѣ 1622 года Сигизмундъ издалъ указъ, которымъ Виленское Св. Духовское братство, равно какъ и священники братской церкви, предавались комиссарскому суду за построение безъ позволенія (будто-бы) новой церкви Св. Духа, привлечение къ себѣ „шляхетнаго стана“, въ котораго братство избираетъ себѣ старостъ, за неповиновеніе уніатскому митрополиту Рутскому, принятіе турецкаго шпиона, именующаго себя іерусалимскимъ патріархомъ, и поставленіе отъ него епископовъ Борецкаго и Смотрицкаго, за печатаніе въ типографіи братской оскорбительныхъ для достоинства короля книгъ¹⁾. Изъ этого указа ясно видно было, что волею Св.-Духовскаго братства съ уніатскимъ не достигла своей цѣли, такъ какъ король усвоилъ только обвинительные пункты уніатовъ, которые онъ почти цѣликомъ и изложилъ въ своемъ указѣ, а оправдательныя возраженія православныхъ или остались неизвѣстными королю, или же—что вѣрнѣе—были заглушены въ немъ желаніемъ всеми мѣрами способствовать успѣху уніи. Православные принуждены были опять изыскивать средства, какъ-бы поднять свое упавшее положеніе, какъ-бы возстановить права, которыми они пользовались раньше и которыя теперь нарушены латинно-уніатскими просками.

Приближался сеймъ 1623 года. Православные стали дѣятельно готовиться къ нему съ цѣлью добиться возстановленія и подтвержденія своихъ законныхъ правъ. Душею всего дѣла опять было Виленское Св.-Духовское братство и въ частности—его староста чашникъ земли волынской Лаврентій Древинскій. Еще въ концѣ 1622 года Мелетіемъ Смотрицкимъ была составлена записка, подъ названіемъ: „*Iustificatio niewinności*“, чрезъ митрополита Іова представленная королю, въ которой Смотрицкій подробно оправдывалъ себя

¹⁾ Вѣсти. Зап. Рос. 1863, февраль, стр. 29, № 26.

и другихъ епископовъ отъ вводимыхъ на нихъ обвиненій¹⁾. А въ самому сейму тѣмъ-же Мелетіемъ Смотрицкимъ была составлена обширная „Supplicatio“ отъ лица всѣхъ православныхъ противъ насилій уніи и латинства. „Вотъ уже 28 лѣтъ, обращаются въ ней православные къ членамъ сейма, какъ мы заявляемъ и перечисляемъ на каждомъ сеймѣ тѣ великія несправедливости и нестерпимое угнетеніе, какимъ подвергаютъ насъ отступники отъ нашей вѣры—митрополитъ и епископы и со слезами, съ рыданіями умоляемъ васъ употребить ваше мощное ходатайство предъ его величествомъ королемъ, чтобы онъ избавилъ русскій народъ отъ тяготящаго надъ нимъ гнета.... Отъ уніи, говорилось дальше въ суппликаціи, происходятъ оскорбленія, преслѣдованія, конфискація, пріостановленіе судебныхъ приговоровъ, лишеніе членовъ, заключенія въ темницы, казни, изгнанія изъ отечества—и все это дѣлается надъ народомъ русскимъ безпрестанно. Что день, то дальше распространяется этотъ губительный пожаръ, начавшійся отъ малой искры. Наши отступники поставили, чтобы въ русской церкви не было русской вѣры, которая, однако, не прежде будетъ уничтожена, какъ развѣ съ истребленіемъ всего русскаго народа.... Дворянство—нашу братію—жителей воеводствъ витебскаго, мстиславскаго, полоцкаго, повѣту оршанскаго и братство виленьское, которое имѣетъ вписанными фамиліи князей, паповъ, шляхты народа русскаго, признаетъ участниками какой-то извѣны отступниковъ владика полоцкій (Іосифъ Кунцевичъ). Онъ-же запираетъ церкви, преслѣдуетъ священниковъ, вырываетъ гробы православныхъ и выбрасываетъ ихъ тѣла на съѣденіе собакамъ. О нечестіе! О невыносимая неволя!“ Въ заключеніе русскіе дворяне просили, чтобы совоёмъ была выброшена эта „кость раздора“, которая зовется унією (соединеніемъ),

¹⁾ Арх. Юго-Зап. Рос. ч. 1, т. VII, стр. 511—533; Макарій Ист. рус. цер. т. XI, стр. 296.

а вѣдетъ только къ раздѣленію и смутамъ, чтобы король исполнилъ, наконецъ, свои обѣщанія, такъ часто даваемыя на словахъ, успокоилъ ихъ вѣру и утвердилъ православныхъ епископовъ на ихъ кафедрахъ¹⁾. Въ дополненіе къ этой общей жалобѣ православныхъ Св.-Духовское братство подало еще отъ себя пространную жалобу сейму, въ которой перечисляло всѣ обиды и преслѣдованія, какія оно перенесло за все время существованія униі²⁾.

Жалобы и слезныя просьбы православныхъ не могли не повліять соотвѣтствующимъ образомъ на членовъ сейма, между которыми были такіе умные и справедливые люди, какъ литовскій канцлеръ Левъ Сапѣга. Эти люди не могли видѣть, что главнѣйшею причиною всего зла, дѣйствительно, служить униі, принесшая въ западную Русь религіозное раздѣленіе, а вмѣстѣ съ нимъ и религіозную нетерпимость. Не могли не видѣть эти люди, что православный русскій народъ въ Литвѣ и Польшѣ, дѣйствительно, несправедливо и жестоко страдаетъ, преслѣдуемый польскимъ правительствомъ, которому онъ вѣрнопоподанно служитъ, страдаетъ единственно за лучшія убѣжденія своей совѣсти. Но немного могъ сдѣлать сеймъ для православныхъ. Король не выдалъ своей влюбленной униі. Окончательное примиреніе православныхъ и униатовъ было, по обыкновенію, отложено до слѣдующаго сейма „за множествомъ дѣлъ Рѣчи Посполитой“, а теперь постановлено только, чтобы обѣ враждующія стороны жили въ мирѣ между собою, чтобы всѣ судебныя рѣшенія и приговоры, всѣ процессы, банниціи, секвестры и всякія по дѣламъ вѣры тяжбы и распри были кассированы³⁾.

Но лучшіе люди литовско-польскаго государства, присутствовавшіе на сеймѣ, не ограничились этимъ. Они хорошо

¹⁾ Документи, объясняющіе исторію западно-русскаго края. СПб. 1865. № 19, стр. 230.

²⁾ Вѣсти. Зап. Рос. 1865, ноябрь, стр. 38; 1864 г., апрѣль, стр. 60—65.

³⁾ Ист. изв. объ униі Вацпшч-Каженскаго, стр. 86, прилѣж.

пожимали, что чисто вѣщныя мѣры не приведутъ въ цѣли, что для полнаго религіознаго примиренія враждующихъ сторонъ нужны другія средства, болѣе вѣрныя. Такимъ средствомъ, по мнѣнію ихъ, было избраніе особаго патріарха, общаго для православныхъ и униатовъ ¹⁾. Какъ ни страненъ былъ этотъ планъ: самъ по себѣ, какъ ни неудобноисполнимъ онъ былъ на практикѣ, но обѣ стороны повѣрили въ возможность исполненія его. Однако, прежде чѣмъ приступить къ сощещаніямъ объ исполненіи этого плана, случилось одно обстоятельство, которое заставило забыть объ осуществленіи его и дало совершенно другое направленіе дѣламъ. Въ Витебскѣ православный народъ, доведенный до изступленія, убилъ униатскаго архіепископа Іосафата Кунцевича, извѣстнаго изувѣра и фанатика, глумившагося надъ православными и надѣвавшагося надъ ихъ религіозными чувствами до тѣхъ поръ, пока не переполнилась чаша ихъ терпѣнія ²⁾.

Убіенство Кунцевича вызвало новый взрывъ фанатизма со стороны латино-униатовъ. Кромѣ того, что были жестоко наказаны причастные и не причастные къ дѣлу убійства православные жители г. Витебска, тяжесть наказанія легла и на православныхъ другихъ городовъ. Униаты не преминули, затѣмъ, поставить это дѣло въ связь съ возстановленіемъ православной іерархіи, которая поэтому въ ихъ глазахъ заслуживала еще большаго преслѣдованія, чѣмъ прежде. Прежде всего приходилось расплатиться за смерть Кунцевича Мелетію Смотрицкому, который своими посланіями къ полоцкой паствѣ возбуждалъ въ православныхъ ревность по своей вѣрѣ, а слѣдовательно—въ глазахъ униатовъ могъ считаться виновникомъ убійства. Предчувствуя бѣду, Смотрицкій бросилъ свою паству,

¹⁾ „Лит. церк. униа Коллозича, т. 2, стр. 120.

²⁾ До чего доходила жестокость обращенія съ православными Іосафата Кунцевича, видно изъ того, что даже сами латиняне не одобрили его образа дѣяній по отношенію къ православнымъ. См. письмо къ папу Лео Сапѣги у Б.-Камецкаго, стр. 75—84.

скрылся среди казаковъ и, наконецъ, ушелъ въ Турцію. Тогда въ порядкѣ виновныхъ слѣдовало Виленское православное братство. Въ 1624 году отъ Троицкаго униатскаго братства послѣдовалъ громадный судебный повѣвъ Св.-Духовскому братству, въ которомъ озлобленные униаты сгруппировали всѣ свои прежнія клеветы и обвиненія на православное братство и присоединили еще новыя. Православное братство обвинялось въ томъ, что оно отдѣлилось якобы отъ привилегированнаго Троицкаго братства, забрало его имущества и принадлежности, что оно заложило себѣ церковь, или, „лучше сказать, синагогу „на грунтахъ братскихъ, безъ позволенія короля выбираетъ себѣ ежегодно старшихъ и старость, что оно выпускаетъ изъ своей типографіи не дозволенные книги съ цѣлью бунтовать народъ русскій, распространяетъ изображенія патріарха Теофана, выставляя ихъ даже въ публичныхъ мѣстахъ, на монастырской стѣнѣ, что братство задумало, противъ стародавнихъ привилегій, строить новую каменную церковь и уже заготовило много строительнаго матеріала и пр. Но самымъ главнымъ обвиненіемъ противъ Св.-Духовскаго братства было выставлено то, что оно послало Максима Герасимовича (Смотрницкаго—униаты называли его свѣтскимъ именемъ, не признавая его духовнаго сана) въ Кіевъ для посвященія къ патріарху Теофану, который вовсе не патріархъ, а турецкій шпіонъ, а затѣмъ, по посвященіи Смотрницкаго, приняло его въ свое братство, рассылало его посланія къ полоцкой паствѣ и тѣмъ способствовало убійству полоцкаго владыки Іосафата Кунцевича ¹⁾).

Какъ разбиралось на судѣ это дѣло, каково было судебное рѣшеніе, остается неизвѣстнымъ, но несомнѣнно, что въ это время православные должны были переносить страшныя муки. „Мы стѣснены со всѣхъ сторонъ, на насъ смотрятъ хуже, чѣмъ на измѣнниковъ и явныхъ злодѣевъ, хуже,

1) „Лит. перк. униѣ“ Колясовича, т. 1, стр. 353, прим. 209.

чѣмъ на турокъ, чѣмъ на язычниковъ, писалъ митрополитъ Іовъ Борецкій къ князю Радзивилу въ августѣ 1624 года,— и мы народъ вѣрный, народъ невинный, къ панамъ доброжелательный, народъ древне-христіанскій, терпимъ на собственной землѣ своей преслѣдованія отъ этой вавилонской блудницы, кровію ошившейся“¹⁾). На Св.-Духовскій монастырь и церковь, на братскій домъ и школу попрежнему дѣлались разбойническія и кощунственныя нападенія и дѣлались совершенно безнаказанно. Такъ въ 1629 году, вечеромъ въ самый день Богоявленія Господня, троицкіе монахи, подъ предводительствомъ своего старшаго Игнатія Дадриховича, напали на монастырь Св. Духа, „имѣя противъ него давнюю и обычную ненависть и неприязнь“, попортили стѣну, фортку, окна, намѣреваясь проникнуть внутрь монастыря и поубивать монаховъ; но, не будучи въ состояніи этого сдѣлать, удалились съ руганью и обѣщаніемъ на всякомъ мѣстѣ преслѣдовать „людей старожитной религіи греческой“. Старшій монастыря братскаго и братскіе старосты на слѣдующій-же день подали жалобу въ судъ, но, конечно, удовлетворенія не получили²⁾). Въ 1630 году виленскіе уніаты отняли у православныхъ тѣло умершей дѣвицы православнаго исповѣданія и избили и окровавили ту госпожу, у которой это тѣло оставалось. Но на этотъ разъ судебныя власти даже не приняли и протестаціи братской, поданной по этому поводу для записи въ городскія книги³⁾). Братство жаловалось въ это время, что протестаціи его уніатскія власти не принимаютъ, судебныя рѣшенія, уже реферованныя, выдираютъ изъ книгъ, не позволяютъ вынимать копій различныхъ привилегій, дарованныхъ братству, а сами уніаты отягчаютъ братство задворными мандатами⁴⁾). Администрація городская, которая въ

¹⁾ Арх. Сборн. т. VII, № 55.

²⁾ Акт. Вилен. Арх. Ком. т. VIII, № 52.

³⁾ Акт. Зап. Рос. т. IV, № 229.

⁴⁾ Ibid.

это время въ преобладающемъ количествѣ состояла изъ униатовъ и католиковъ, старалась всѣми мѣрами повредить братству. Въ томъ-же 1630 году виленскій городской судъ позвалъ Иосифа Бобриковича, старшаго братскаго, и членовъ братства—мѣщанъ виленскихъ для сдачи отчета въ приходѣ и расходѣ имуществъ братскихъ. Братство опять должно было протестовать и доказывать униатамъ, что всѣ дѣла объ имуществѣхъ братскихъ могутъ разбираться только на „вальномъ“ (генеральномъ) сеймѣ и притомъ въ присутствіи братскихъ старостъ¹⁾.

Вообще, братство переживало теперь очень трудное время. Кромѣ указанныхъ гоненій и преслѣдованій со стороны враговъ, кромѣ сильной недостачи въ матеріальныхъ средствахъ, необходимыхъ для представительства въ разныхъ правительственныхъ учрежденіяхъ въ дѣлѣ защиты православнои вѣры, а также на разнообразныя судебныя издержки по дѣламъ братства²⁾,—кромѣ всего этого внутренняя мощь братства сильно пошатнулась. Причиной этому было, главнымъ образомъ, отступничество бывшаго старшаго братства и виднаго защитника его интересовъ Мелетія Смотрицкаго.

Отступничество Смотрицкаго изслѣдователи объясняютъ многими причинами. Для насъ здѣсь важно одно обстоятельство—это отношеніе Смотрицкаго къ Виленскому братству. Профессоръ С. Т. Голубевъ находитъ въ этомъ обстоятельствѣ главную причину поѣздки Мелетія на востокъ и стоящаго въ тѣсной связи съ этимъ путешествіемъ отступничества его³⁾. Дѣло въ томъ, что православныя братства въ Западной Руси, въ настоящее время состоявшія преимущественно изъ свѣтскихъ лицъ, въ силу оказавшейся несостоятельности православнаго духовенства въ дѣлѣ защиты вѣры и церкви, стре-

¹⁾ Акт. Вил. Арх. Ком. т. VIII, № 55.

²⁾ Арх. Сборы. т. VII, № 58, 62.

³⁾ „П. Могла“... т. I, стр. 109 и далѣе.

милась подчинить своему влиянію въ дѣлахъ церковныхъ даже высшія духовныя власти, стараясь поставить ихъ въ зависимости отъ себя и контролируя ихъ дѣйствія. Виленское Св.-Духовское братство тоже всегда имѣло неослабный надзоръ за своимъ духовенствомъ, всегда сосредоточивая въ себѣ управленіе церковными дѣлами. Ни одно болѣе или менѣе важное дѣло не могло пройти безъ предварительнаго обсужденія его на братской сходкѣ. Смотрицкому, какъ человѣку самолюбивому, такая постановка дѣла не могла нравиться. Онъ задался цѣлью измѣнить сложившіяся порядки вещей. Безспорно, что это была одна изъ главныхъ цѣлей его путешествія на Востокъ. Цѣли своей Мелетій добился. Константинопольскій патріархъ прислалъ черезъ него въ Западную Русь соборное опредѣленіе, которое гласило, что всѣ права ставропигіальныхъ братствъ и монастырей въ Западной Руси уничтожаются и братства подчиняются духовной власти¹⁾. Извѣстіе объ этомъ быстро разнеслось по всей Западной Руси и произвело громадное волненіе среди православныхъ. Въ Вильнѣ особенно „поднялся противный шумъ и сердца благочестивыхъ возмутились“²⁾. Возвратившійся Смотрицкій встрѣтилъ на родинѣ самый негостеприимный пріемъ. Въ Вильну онъ даже боялся показаться. Между тѣмъ встревоженное Виленское братство, совмѣстно съ Львовскимъ, снарядило къ патріарху депутацію съ цѣлью выяснить значеніе грамоты, уничтожавшей порядки, установленные самими-же константинопольскими патріархами. Въ началѣ 1627 года получилась отвѣтная на просьбу братчиковъ грамота патріарха Кирилла Лукариса, въ которой выяснялось, что подъ братствами, которыхъ ставропигіальныя права уничтожались въ предыдущей грамотѣ, нельзя разумѣть братства Виленское и Львовское, какъ братства хорошо устроенныя и издавна

¹⁾ Голубевъ. „П. Могилъ“, т. I, прилож. № XLVI.

²⁾ Голубевъ. „П. Могилъ“, т. I, стр. 132.

пользующіяся этими правами, а нужно разумѣть братства, утвержденныя въ этихъ правахъ повдѣе, преимущественно патріархомъ Теофаномъ¹⁾. Сильный и неожиданный ударъ былъ нанесенъ этимъ Смотрицкому. Положеніе его сдѣлалось весьма незавиднымъ. Съ одной стороны, онъ навлекъ на себя всеобщее недовольство и недоброжелательство православныхъ западноруссовъ, которые считали его измѣнникомъ, нарушителемъ церковнаго покоя и честолюбомъ, съ другой стороны, онъ не достигъ той дѣли, въ которой стремился: главныя братства Виленское и Львовское остались при своихъ правахъ и попрежнему принимали дѣятельное участіе въ дѣлахъ церковныхъ. Ненависть къ Смотрицкому дошла до того, что его—епископа не пускали въ православныя монастыри и не давали ему квартиры²⁾. Такимъ стѣсненнымъ положеніемъ Смотрицкаго во-время воспользовались униаты и предложили ему перейти въ ихъ ряды съ обѣщаніемъ дать доходное мѣсто настоятеля въ богатомъ Дерманскомъ монастырѣ и занять видное положеніе среди униатской іерархіи. Нетвердость религиозныхъ убѣжденій Смотрицкаго и его честолюбіе рѣшили дѣло. 6-го іюня 1627 года митрополитъ Рутскій формально присоединилъ его къ униѣ³⁾.

Переходъ въ унию виднаго представителя и защитника православія и притомъ виднаго члена Св.-Духовскаго братства, которое заявило себя именно стойкостью въ православіи, могъ самъ по себѣ весьма скомпрометировать Св.-Духовское братство и сильно повліять на стѣсненныхъ и угнетенныхъ и вслѣдствіе этого колеблющихся въ вѣрѣ православныхъ. Но другія обстоятельства, связанная съ этимъ переходомъ, еще болѣе скомпрометировали братство, еще болѣе губительно повліяли на православныхъ. Мелетій Смотриц-

¹⁾ Ibid., прилож., № XLVI.

²⁾ Истор. рус. церк. Макарія, т. XI, стр. 384.

³⁾ „П. Могилѣ“ Голубева, т. I, стр. 148.

кій, самъ принявшій унію, задумалъ вовлечь въ нее и другихъ православныхъ. Съ этою цѣлью и по его иниціативѣ были составлены два собора: въ Кіевѣ въ 1628 году и въ Львовѣ въ 1629 году. Старанія Смотрицкаго направлены были, главнымъ образомъ, на Св.-Духовское братство, совращеніе котораго въ унію рѣшительнымъ образомъ повліяло бы и на другихъ православныхъ. Но на всѣ его заискиванія и ухаживанія за православными братчиками извѣстный уже намъ Лаврентій Древинскій отвѣтилъ: „мы хотимъ держаться того, что постановлено для насъ на седьми вселенскихъ соборахъ св. отцами, а не теперешнихъ нововведеній“, и въ другой разъ: „что постановитъ патріархъ, на то всѣ мы будемъ согласны“¹⁾. Планъ примиренія уніатовъ съ православными, такимъ образомъ, кончился ничѣмъ, но тогда же составлено одно постановленіе, которое могло въ корнѣ подорвать репутацію Св.-Духовскаго братства.

На упомянутыхъ соборахъ было разсматриваемо православное исповѣданіе вѣры, а также просмотрѣны многія книги, въ которыхъ излагалось православное ученіе вѣры. Результаты оказались плачевны. Въ книгахъ, изданныхъ Виленскимъ братствомъ, оказалось особенно много неточностей, погрѣшностей и неправославныхъ мнѣній. Уніаты указывали то на ту, то на другую книгу, изданную братствомъ, отыскивали въ ней еретическія мысли и упрекали въ этомъ православныхъ. Православные поневолѣ смущались и высказывали свое неудовольствіе на братство. На соборѣ вслѣдствіе этого было постановлено, чтобы никто не печаталъ сочиненій о вѣрѣ безъ духовной цензуры²⁾. Авторитетъ братства еще болѣе поколебался среди православныхъ, когда Смотрицкій, переходъ котораго въ унію еще не всѣмъ былъ извѣстенъ, издалъ свой „Pagaenesis“—сочиненіе, направленное исключи-

¹⁾ Ист. руск. цер., Макарія. т. XI. стр. 369.

²⁾ „Лит. церк. уніа“ Коляковича, т. 2, стр. 163.

тельно противъ Св.-Духовскаго братства и его недостатковъ. Вообще, братство переживало теперь очень трудное время. Братская лѣтопись отмѣчаетъ значительное количество со-
вращеній православныхъ въ унию въ это время; не мало и
видныхъ членовъ братства не устояло въ вѣрѣ¹⁾. Тѣмъ не
менѣе братство не переставало существовать и въ скоромъ
времени опять доказало свою жизнеспособность.

30 апрѣля 1632 года умеръ Сигизмундъ III, 45 лѣтъ
занимавшій литовско-польскій престолъ и все это время не-
прерывно угнетавшій православіе въ пользу излюбленной и
взлелѣянной имъ униі. Вѣсть о смерти его тотчасъ облетѣла
всѣ уголки Литвы и Польши и оживила въ православныхъ
надежду на лучшее будущее. Православные стали дѣятельно
готовиться къ предстоящему конвокаціонному сейму для из-
бранія новаго короля съ цѣлью, во что-бы то ни стало, до-
биться возстановленія своихъ утраченныхъ правъ. „Воистину
приспѣло время, писалъ архимандритъ печерскій Петръ Мо-
гила, и намъ обиженнымъ отозваться, добиться того, что намъ
принадлежитъ. Гдѣ истина, тамъ и Богъ, а она съ нами!
Нужно только единодушіе и согласіе. Теперь не время и не-
чего спать!“²⁾. Роль главнаго двигателя дѣла православныхъ
снова взяло на себя Виленское Св.-Духовское братство. Къ
предстоящему сейму оно издало цѣлое сочиненіе „Synopsis“,
какъ выраженіе мыслей всего православнаго народа и какъ
руководство для православныхъ пословъ на избирательномъ
сеймѣ. Въ этомъ сочиненіи братство проводило, главнымъ об-
разомъ, двѣ мысли: во-первыхъ, униі въ западно-русской цер-
кви въ прежнія времена не было, а во-вторыхъ, православ-
ные съ древнихъ временъ пользовались въ литовско-поль-
скомъ государствѣ различными правами. Обѣ эти мысли брат-
ство доказывало документальными данными. Но особенно

¹⁾ Synopsis подъ 1631 годомъ.

²⁾ Арх. Сборн. т. VІІ, № 64.

замѣчательно было предисловіе въ Синопису, въ которомъ братство яркими красками описало печальное состояніе западно-русской церкви. „Богу, людямъ и едва-ли не цѣлому свѣту извѣстно, въ какомъ положеніи и въ какихъ обстоятельствахъ въ продолженіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ находился славный народъ русскій“, говорили въ этомъ предисловіи православные братчики. Причиной всему этому было отступничество нѣкоторыхъ духовныхъ отъ своего законнаго пастыря-патріарха и введеніе уніи. Отсюда-то начались гоненія на православныхъ, отнятіе и запечатаніе ихъ церквей, нарушеніе ихъ правъ и привилегій, насиліе надъ ихъ совѣстью. „Дошло до того, что дѣти остаются теперь безъ крещенія, взрослые живутъ безъ церковнаго благословенія; многіе безъ исповѣди и причастія умираютъ; тѣла покойниковъ безъ всякихъ обрядовъ христіанскихъ погребаются, гдѣ пошло—въ поляхъ, огородахъ, садахъ и лѣсахъ“. Въ заключеніе братство, представляя членамъ сейма свой „Synopsis“, или краткое описаніе правъ и привилегій, данныхъ народу русскому, выражаетъ надежду, что сеймъ внимательно разсмотритъ эту книгу, найдетъ, что всё права, данныя народу русскому, принадлежатъ православнымъ, а не уніатамъ и вслѣдствіе этого сохранить на будущее время народъ русскій православный въ его преимуществахъ, въ его золотой свободѣ¹⁾. Но этимъ не ограничилась дѣятельность братства. Къ избирательному сейму 1633 года оно приготовило и издало еще новое сочиненіе „Supplementum Synopsis“, или „подробнѣйшее объясненіе краткаго описанія правъ и привилегій, данныхъ русскому народу, находящемуся подъ властію константинопольскаго патріарха...“²⁾. Братство посвятило эту книгу всѣмъ сенаторамъ и посламъ, имѣвшимъ собраться на избирательный сеймъ, и просило ихъ прочитать

¹⁾ Голубевъ. П. Могла, т. I, прилож. № LXXVI.

²⁾ Synopsis и Supplementum Synopsis напечатаны въ Арх. Юго-Зап. Рос. ч. I, т. VII.

книгу со вниманіемъ и возвратить законныя права обиженнымъ, т. е. православнымъ. И можно съ увѣренностію сказать, что тѣмъ успѣхамъ, какихъ православные добились на этихъ сеймахъ, они въ значительной мѣрѣ обязаны Виленскому Св.-Духовскому братству. А успѣхи эти были большіе.

Коммиссія, подъ предсѣдательствомъ королевича Владислава, выработала слѣдующіе пункты для успокоенія православныхъ. Православнымъ предоставляется имѣть свободное отправленіе богослуженія и совершеніе таинствъ, дозволяется чинить церкви и строить новыя, заводить богадѣльни, семинаріи, школы, типографіи, открывається свободный доступъ къ городскимъ должностямъ, утверждаются всѣ братства существующія въ настоящее время и разрѣшается открытіе новыхъ; поволяется православнымъ имѣть своего митрополита и епископовъ и учреждаются четыре епископіи: львовская, луцкая, перемышльская и мстиславская; объявляется свободный переходъ изъ уни въ православіе и наоборотъ¹⁾. Всѣ эти статьи новизбранный король Владиславъ IV поклялся исполнить въ точности. Виленское братство, въ частности, также не было забыто Владиславомъ. 18 марта 1633 года онъ издалъ грамоту, которою подтверждалъ прежнюю грамоту Сигизмунда III (1592 года, октября 21), предоставляющую братству свободное отправленіе богослуженія, содержание училища и госпиталя. Кромѣ того, этой грамотой Владиславъ утвердилъ за братствомъ деревянную церковь Св. Духа и позволилъ строить новую каменную (съ условіемъ, чтобы она не походила на крѣпость), предоставилъ братству титулъ и печать Св. Троицы, утвердилъ монастырское общежитіе, основанное Леонтіемъ Карповичемъ, утвердилъ за братствомъ всѣ фундуши, грунты, на которыхъ стоятъ церковь и монастыри братскіе—мужской и женскій; утверждены за братствомъ и другіе монастыри, приписные

¹⁾ Истор. изв. объ уни В.-Каменскаго, стр. 96—101.

къ Св.-Духовскому: Минскій Петропавловскій, Евейскій, Цеперскій, Сновскій, Новодворскій, Купятицкій и др. Въ граматѣ говорилось дальше, что никто не долженъ дѣлать никакой обиды братству, что всѣ судебныя дѣла братства судить одинъ только главный трибунальный судъ¹⁾.

Такимъ образомъ, многолѣтнія энергичныя старанія братства увѣнчались успѣхомъ. Оно добилось-таки не только для себя, но и для всей православной Западной Руси восстановленія и подтвержденія тѣхъ правъ, какими православные пользовались издревле до введенія уни. Значеніе этого событія для Св.-Духовскаго братства было громадно. Оно было вѣнцомъ всей предшествовавшей многострадальной исторіи братства. Братство могло теперь съ увѣренностью сказать, что оно не напрасно трудилось въ продолженіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, не напрасно претерпѣвало всевозможныя бѣды и преслѣдованія, что оно все-таки достигло того, чего желало и къ чему стремилось. Авторитетъ братства, нѣсколько было поколебавшійся въ прежнее время, восстановленъ былъ теперь въ полной силѣ.

Мы прослѣдили исторію внѣшняго положенія братства за самый важный періодъ его существованія—періодъ, какъ мы назвали, его цвѣтущей дѣятельности. Въ чемъ заключалась эта дѣятельность, мы знаемъ. Неуклонное и энергичное отстаиваніе интересовъ и правъ православной вѣры и церкви противъ нарушенія ихъ со стороны польскаго правительства, римско-католическаго и униатскаго духовенства—вотъ высокая, не благодарная задача, которую братство преслѣдовало во все это время. И много нужно было твердости, терпѣнія, энергіи и воодушевленія, чтобы довести до конца осуществленіе своей цѣли, а не пасть подъ бременемъ многочисленныхъ препятствій, встрѣтившихся при осуществленіи ея. Величайшая заслуга братства для православной западно-

¹⁾ Собр. грам. и акт. Вильн, ч. II, № 42..

русской церкви для насъ будетъ вполне ясна, если мы вспомнимъ, что братство это при отсутствіи іерархіи было главнымъ представителемъ и охранителемъ православной церкви въ это время и на него легла вся тяжесть гоненій и преслѣдованій православія. Единственнымъ утѣшеніемъ и наградою братству были сознаніе высоты и правоты того дѣла, за которое оно боролось, и сочувствіе православнаго общества, выразившееся въ многочисленномъ поступленіи лучшихъ людей въ ряды членовъ братства и въ вспомоствованіи ему матеріальными средствами. Уваженіе и довѣріе къ братству общества весьма рельефно выразалось въ томъ, что многіе богатые люди, строя въ своихъ имѣніяхъ монастыри и церкви, отдавали ихъ подъ власть Св.-Духовскаго братства, приписывая ихъ къ Св.-Духовскому монастырю, „какъ члены къ тѣлу“.

Переходя затѣмъ къ изложенію внутренняго состоянія Св.-Духовскаго братства въ описываемый періодъ, мы должны сказать, что оно такъ же было цвѣтуще, какъ и внѣшняя дѣятельность братства въ это время на пользу православія, и вполне соотвѣтствовало тѣмъ задачамъ, какія братство преслѣдовало въ своей жизни.

Д. Сичпуро.

(Продолженіе будетъ)

АЛЕКСѢЙ СТЕПАНОВИЧЪ ХОМЯКОВЪ.

(Продолженіе¹).

Хомяковъ, какъ сказано было, „принялся за лингвистику какъ за предметъ вспомогательный для исторіи“. Исторія же интересовала его сама по себѣ какъ предметъ спеціальнаго занятія. О началѣ его историческихъ работъ мы имѣемъ слѣдующее свидѣтельство близкаго къ нему чело-вѣка, А. Н. Попова.

„Сочиненіе свое о всемірной исторіи, говоритъ Поповъ, Хомяковъ началъ въ 1838 году или около того. Такимъ образомъ оно по началу предшествуетъ другимъ прозаическимъ сочиненіемъ Хомякова, который сталъ писать статьи для печати только въ сороковыхъ годахъ. До того времени онъ написалъ только, вынужденный случайными обстоятельствомъ, какъ помѣщикъ, статью о чрезполосномъ владѣніи (1835 г.). Но еще будучи далекъ отъ мысли стать ученымъ писателемъ, онъ постоянно читалъ и очень много. Чтобы имѣть возможность изучать вопросы древней исторіи и исторіи религій въ самыхъ источникахъ, онъ выучился языку греческому, а потомъ ознакомился съ санскритскимъ. Ни одно сколько нибудь важное въ ученомъ отношеніи сочиненіе, въ какой бы изъ европейскихъ литературъ оно не

¹) См. Труды Киевской дух. Академіи за м. мартъ 1899 г.

появлялось, не ускользало отъ его вниманія. Изумительная память сохраняла до малѣйшей подробности все прочитанное, а сильный умъ, работая неусомненно, всю эту массу свѣдѣній превращалъ въ стройное, систематическое цѣлое. Но все это не ложилось на бумагу, а передавалось друзьямъ и знакомымъ въ ежедневныхъ разговорахъ, часто продолжавшихся далеко за полночь. Иногда бесѣда, длившаяся цѣлый вечеръ въ его кабинетѣ, выходила съ разбѣжавшимися собесѣдниками въ прихожую и оканчивалась на подлѣздѣ дома. Кто былъ участникомъ этихъ бесѣдъ, тотъ никогда ихъ не забудетъ и пойметъ, почему всѣ его собесѣдники или лучше сказать слушатели, особенно же юные въ то время, неотступно надоѣдали ему просьбами, чтобы онъ писалъ, и упрекали его въ лѣни, въ тратѣ времени на разговоры со всѣми и каждымъ. Составился даже заговоръ между его молодыми друзьями, въ которомъ принимала очень дѣятельное участіе его жена, а главнымъ зачинщикомъ былъ Д. А. Валуевъ, его племянникъ по женѣ, въ то время молодой студентъ Московскаго университета, предавшійся ученымъ занятіямъ со всѣмъ жаромъ юнаго увлеченія, которое и свело его въ преждевременную могилу. Долго Хомяковъ отдѣлялся отъ настояннй молодыхъ друзей шутками, которыя бывали такъ остроумны и веселы, такъ потѣшали образованное общество Москвы. Но его *юнителн* и *мучители*, какъ онъ ихъ называлъ, были слишкомъ юны, чтобы оцѣнить все достоинство этихъ шутокъ и ими удовлетвориться. Напротивъ, они съ негодованіемъ относились къ нимъ и только усиливали свои настояннй“.

Въ числѣ *юнителей* Хомякова былъ и самъ Поповъ. Въ отвѣтъ на его усиленные просьбы Хомяковъ возражалъ: „Чтобы написать и даже начать писать такое сочиненіе, какое бы я желалъ, у меня еще не подготовлено матеріаловъ; нѣкоторыя части и отдѣльные вопросы готовы, но еще много другихъ остается впереди“. Для Попова отвѣтъ этотъ ка-

зался убѣдительнымъ; но когда онъ передалъ эти слова Валугу, послѣдній съ негодованіемъ отвѣчалъ: „Кто же думаетъ заставлять его писать полное, систематическое сочиненіе объ исторіи? Пусть записываетъ то, что рассказываетъ, пусть пишетъ вмѣсто того, чтобы болтать“.

„Съ этого времени Валугевъ считалъ уже своею обязанностью приступить къ рѣшительнымъ мѣрамъ. Набравъ въ книжной лавкѣ кучу сочиненій, которыя, по его мнѣнію, нужны были Хомякову, онъ вынудилъ его дать честное слово, что одинъ часъ въ день будетъ записывать то, что вчера говорилъ въ обществѣ о вопросахъ историческихъ или что будетъ говорить въ этотъ вечеръ. Для приступа къ дѣлу онъ приготовилъ ему тетрадь, сшилъ ее, припасъ перья и въ шутку заперъ его на ключъ въ его кабинетъ на условленное время, а ключъ унесъ съ собою. Не разъ потомъ случалось Валугеву, который жилъ въ это время въ верхнемъ этажѣ въ домѣ Хомякова, повторять надъ нимъ это *douce violence*, и постоянно подготавливалъ онъ матеріалы для его работы. Условленный часъ мало по малу превратился въ два и болѣе... Честное слово, данное юношѣ другу, память о преждевременной его кончинѣ и увлеченіе трудомъ, развившимся все болѣе и болѣе, заставили его постоянно (хоть по временамъ и съ перерывами) продолжать эту работу, которая шла у него параллельно со всѣми другими его сочиненіями“¹⁾.

Въ подлинной рукописи это историческое сочиненіе Хомякова не носитъ никакого заглавія. На верху первой страницы авторомъ выставлены только четыре условныя буквы: И. и. и. и. Но у друзей Хомякова оно извѣстно было подъ опредѣленнымъ названіемъ, поводомъ для котораго послужило слѣдующее случайное обстоятельство. Однажды Гоголь, рассказывая Гильфердингъ, заставъ Хомякова за письменнымъ столомъ и заглянувъ въ тетрадку почтовой бумаги, которую

¹⁾ Сочин. Хом., т. 3, V—VIII.

другъ его покрывалъ своимъ мельчайшимъ бисернымъ почеркомъ (не оставляя на цѣломъ листѣ ни малѣйшаго мѣстечка неисписаннымъ), прочелъ тутъ имя Семирамиды. „Алексѣй Степановичъ Семирамиду пишетъ!“ сказалъ онъ кому-то, и съ того времени это названіе осталось за сочиненіемъ, занимавшимъ Хомякова. „Какъ подвигается Семирамида?“ спрашивали его пріатели.—„Я нынче все лѣто проработалъ въ деревнѣ надъ своей Семирамидой“, такъ онъ однажды встрѣтилъ Гильфердинга, по возвращеніи въ Москву изъ деревни, и видно было, замѣчаетъ послѣдній, что онъ очень былъ доволенъ такимъ употребленіемъ лѣтняго времени. „Когда вы надѣетесь кончить Семирамиду?“ спрашивалъ его Гильфердингъ. „Я ее никогда не кончу“, отвѣчалъ Хомяковъ.—„Приступите ли вы скоро къ печатанію вашей работы?“—„При жизни моей, отвѣчалъ Хомяковъ, я и не думаю ее печатать; можетъ быть, послѣ смерти ктонибудь издастъ“¹⁾. Повдѣе, когда трудъ его сталъ принимать грандіозные размѣры, Хомяковъ сталъ помышлять о его изданіи. „Прошедшей зимою (1859 г.), свидѣтельствуеъ Погодинъ, онъ показывалъ мнѣ въ деревнѣ кипы почтовой бумаги, исписанной, вплоть до краевъ, его мелкимъ почеркомъ, и *объщался приступить скоро къ изданію*“²⁾.

Если за начало этого его труда принять 1838 годъ, и если принять во вниманіе свидѣтельство Гильфердинга, что „послѣднія пять-шесть лѣтъ своей жизни Хомяковъ вовсе не занимался Семирамидой“, то придется признать, что надъ Записками по всеобщей исторіи онъ работалъ не „слишкомъ тридцать лѣтъ“, какъ утверждаетъ Погодинъ, а около двадцати лѣтъ. Само собою разумѣется, что работа эта не была постоянною; она совершалась урывками, нерѣдко съ большими перерывами, какъ это отчасти можно видѣть изъ его

¹⁾ Ibid. III—IV.

²⁾ Русск. Вес., *ibid.*, 8.

писемъ къ друзьямъ, въ которыхъ упоминаніе о *Семирамидѣ* не рѣдко. Такъ, зимою 1843 года онъ писалъ А. В. Веневитинову: „Ѣзжу на вечернія бесѣды, а дома дѣлаю розысканія о предметахъ, современныхъ *Семирамидѣ*, ливійскихъ надписяхъ и Кирѣ. Есть, однако, надежда, что на будущей годъ дойду до Рождества Христова“¹⁾. Въ апрѣлѣ (6-го) 1846 г., упомянувъ въ письмѣ къ Самарину о двухъ своихъ статьяхъ, Хомяковъ добавляетъ: „вотъ все, что я сдѣлалъ, кромѣ весьма небольшихъ прибавокъ къ своему *постоянному* труду. Впрочемъ, кое-что въ розысканіяхъ историческихъ подвинулось, и поэтому я только отчасти недоволенъ (собою), но каюсь въ лѣни“²⁾. Иной разъ онъ надолго забрасывалъ свой трудъ и принимался за него только подъ вліяніемъ какогонибудь случайнаго внѣшняго толчка. Въ ноябрѣ (6) 1850 года онъ писалъ Попову изъ Богучарова: „Вообразите себѣ, что привычка въ продолженіе нѣсколькихъ вечеровъ писать статейку такъ меня втянула въ писаніе, что рука и перо перешли какъ-то естественно къ болѣе серьезному предмету, *Семирамидѣ*, и я за нее принялся опять не на шутку“³⁾. Но разъ взявшись за работу, онъ часто отдавался ей дѣйствительно не на шутку. Мѣсяцемъ позже (1-го декабря) онъ писалъ тому же Попову: „Объ себѣ скажу вамъ покуда только то доброе, что я давнымъ давно не работалъ такъ много и такъ аккуратно“⁴⁾. Послѣ смерти горячо любимой жены Хомяковъ въ трудъ надъ *Семирамидой* искалъ лѣкарства отъ давившей его тоски. Жена умерла въ январѣ 1852 года, а въ августѣ (6-го) этого года онъ писалъ Самарину. „Невѣроятная тоска напала на меня. Я старался не поддаваться, работалъ усердно, упрямо... Да, я могу сказать, что я точно поработалъ въ это время: и *Семирамиду*

¹⁾ Барсуковъ. Ibid., кн. VII, 114.

²⁾ Русск. Арх., 1879 г., кн. 3, 323.

³⁾ Ibid. 1884 г., кн. 2, 311.

⁴⁾ Ibid. 312.

двинулъ впередъ значительно“... Отвлеченный отъ нея на время другою литературною работою, онъ принимается „опять за *Семирамиду*“ 1).

Гильфердингъ полагаетъ, „что въ то время, когда Хомяковъ приступилъ къ своему труду, въ его умѣ уже выработана была *цѣлая историческая система*. Иначе было бы совершенно невообразимо, чтобы эта огромная масса разнообразныхъ фактовъ, какую заключаетъ въ себѣ „*Семирамида*“, могла быть съ перваго разу сгруппирована съ такою послѣдовательностью въ сочиненіи, которое, какъ сказано, есть лишь черновой набросокъ, и которое притомъ не представляетъ ни приписокъ, ни поправокъ, ни перестановокъ, ни дѣленія на главы или какія бы то ни было рубрики“ 2). Полагаемъ, что для объясненія этихъ внѣшнихъ сторонъ *Семирамиды* нѣтъ необходимости предполагать, что у Хомякова уже въ тридцатыхъ годахъ „была цѣлая историческая система“; для этого достаточно допустить существованіе общей схемы или просто плана. На эту мысль наводятъ письма Хомякова, изъ которыхъ видно, что смыслъ многихъ историческихъ явленій выяснялся для него вполне только въ минуту изложенія. Такъ въ 1846 году онъ писалъ Ю. Ѳ. Самарину: „Послѣднее, чѣмъ я занялся, исторія Мервинговъ, представило мнѣ *бездну новаго*. Этотъ, повидимому, глупый періодъ представляетъ бездну новыхъ выводовъ и содержитъ въ себѣ, какъ въ зародышѣ, исторію почти всѣхъ послѣдующихъ вѣковъ. Какъ много еще надобно сдѣлать“ 3). Если исторія „почти всѣхъ послѣдующихъ вѣковъ“ содержится, какъ въ зародышѣ, въ исторіи Мервинговъ, и если въ этой послѣдней исторіи Хомяковъ въ половинѣ сороковыхъ годовъ открывалъ „бездну новаго“, то ясно, что и это новое и вы-

1) Ibid. 1879 г., кн. 3, 336—337.

2) Сочин. Хом. т. 3, IX.

3) Русск., Арх. 1879 г., кн. 3, стр. 326.

Труды Киев. дух. Академіи т. I, 1899 г.

текающіе изъ него выводы, въ концѣ тридцатыхъ годовъ, когда Хомяковъ началъ писать свой историческій трудъ, еще не могли входить въ систему его историческаго міровоззрѣнія. Въ вышеупомянутомъ письмѣ къ Попову, отъ 1 декабря 1850 г., между прочимъ, читаемъ: „*Все въ исторіи принимаетъ какой-то новый видъ и живой смыслъ.* Такъ напр., теперь пишу время Оттоновъ и первыхъ Салійцевъ. Какъ ясно выступаетъ взаимная зависимость двухъ властей, свѣтской и духовной, и ихъ истеченіе изъ одной Римской державы въ ея новой формѣ Всехристіанства, *Tota Christianitas.* Какъ ясна впереди роль Франціи, чисто отрицательная. Когда общая идея, которую воплощали въ себѣ Германія и Италія, была уже уличена во лжи, когда все великое и поѣтическое, что заключалось въ этой идеѣ, было признано мечтою, тогда на сцену выдвигается Франція съ жизнію чисто мѣстной и условною, съ адвокатской сухостью мысли, съ взглядами и требованіями крайне ограниченными, но за то крайне практическими. Когда французъ Ногаре, посланникъ французскаго короля, далъ (?) папѣ оплеуху, какъ чудно выразилось отношеніе жизни реальной къ самымъ высокимъ мечтамъ!.. Что за чудная вещь простая истина Исторіи! Какъ удивительно, и съ какою стройною логикой развивается вся эта цѣпь заблужденій неизбежныхъ, принимаемыхъ временно за истину и потомъ обличаемыхъ истинною дѣйствительною! Вы видите, что я въ духѣ труда дѣльнаго“¹⁾). Ясно, что эти строки написаны подъ вліяніемъ мысли, недавно осѣнившей голову, мысли, которая для самаго Хомякова была новостью и притомъ, повидному, неожиданною. Аналогичное свидѣтельство можно указать и относительно его лингвистическихъ изысканій, которыми, какъ замѣчено было, испещрена его историческая работа. „При своемъ *теперешнемъ* трудѣ, пишетъ онъ Гильфердингу въ 1853 г., я былъ еще болѣе прежняго по-

¹⁾ Русск. Арх. 1884 г., кн. 2, 312.

раженъ звуковымъ сходствомъ языка латинскаго съ санскритскимъ и сродствомъ его съ восточнымъ отдѣленіемъ индо-европейскихъ нарѣчій (санскр., слов. и литовск.). Мое всегдашнее и, какъ вы знаете, давно уже записанное убѣжденіе подтвердилось“¹⁾...

Внѣшняя форма историческаго труда Хомякова находится въ зависимости отъ характера самаго процесса его занятій. Усвоивая себѣ матеріалъ изъ сотенъ прочитанныхъ книгъ, Хомяковъ, по свидѣтельству Гильфердинга, „никогда никакихъ выписокъ и замѣтокъ не дѣлалъ, и писалъ полагаясь исключительно на свою память, которая въ самомъ дѣлѣ ему почти никогда не измѣняла, даже въ мельчайшихъ подробностяхъ. При такомъ способѣ писанія, историческія записки Хомякова могутъ быть поистинѣ названы чудомъ человѣческой памяти“. Но въ этомъ способѣ занятій лежитъ причина и крупнаго недостатка его труда. Не имѣя подъ руками выписокъ и замѣтокъ, Хомяковъ не былъ въ состояніи обставить свое сочиненіе цитатами, а также провѣрять справками, во время писанія, точность того, что у него хранилось въ памяти, о чемъ самъ онъ не разъ выражалъ сожалѣніе. Исправить этотъ недостатокъ при посмертномъ печатномъ изданіи его труда оказалось невозможнымъ въ виду громаднаго количества сочиненій, историческихъ, философскихъ, богословскихъ и др., послужившихъ Хомякову источниками. Въ виду этого издателю (Гильфердингу) пришлось ограничиться „только небольшимъ числомъ примѣчаній въ нѣкоторыхъ случаяхъ, гдѣ они казались необходимыми“²⁾.

Впрочемъ, подводить *Семирамиду* Хомякова подъ мѣрку, которою мы привыкли измѣрять ученыхъ диссертациі, это значитъ допускать крупное недомысліе. При оцѣнкѣ этого труда никогда не нужно забывать тѣхъ условій, при которыхъ онъ появился. Изученіе историческихъ памятниковъ и ученыхъ

¹⁾ Ibid. 1878 г., кн. 2, 363.

²⁾ Сочин. Хомяковъ, ibid., X.

исслѣдованій о нихъ у Хомякова обыкновенно сопровожда-лось работою собственной мысли. Наполнявшія сознание мыс-ли не давали ему покоя и требовали внѣшняго обнаруженія; средствомъ для этого была устная бесѣда. И по мнѣнію слу-шателей Хомякова и по его собственному сознавію, выска-зываемые имъ взгляды были настолько замѣчательны, что пе-редача ихъ бумагѣ казалась дѣломъ безусловно необходимымъ, и Хомяковъ сталъ ихъ записывать. Понятно, что въ этихъ за-писяхъ для автора собственно дороги были самыя основныя положенія, а не ихъ научное обоснованіе, которое дѣлалось на скорую руку, по памяти, безъ необходимыхъ въ подоб-ныхъ случаяхъ точныхъ научныхъ справокъ. Много читалось, много думалось, неважное отбрасывалось, существенное кри-сталлизировалось и осѣдало въ видѣ положеній, которые сла-гались въ одно цѣльное міровоззрѣніе. Добытыя при такихъ условіяхъ истины были не столько сухими логическими вы-водами изъ точно установленныхъ положеній, сколько карти-нами живой дѣйствительности, постигнутой чутъемъ худож-ника и воспроизведенной его воображеніемъ. Чтобы лучше уразумѣть смыслъ сказаннаго и, вообще, чтобы составить яс-ное представленіе о Хомяковѣ, какъ историкѣ, необходимо познакомиться и съ его взглядомъ на исторію и съ его мето-домъ, тѣмъ болѣе, что его методологическія воззрѣнія нахо-дятся въ прямой причинной связи съ его воззрѣніями гносео-логическими.

Свой взглядъ на историческій методъ Хомяковъ разви-ваетъ въ связи съ критикою современнаго состоянія истори-ческой науки на Западѣ. Здѣсь, говоритъ Хомяковъ, „запасъ фактовъ увеличивается безпрестанно; безпристрастіе и прав-дивость сдѣлались качествами довольно обыкновенными въ ученomъ мѣрѣ. Эта слава особенно принадлежитъ трудолюби-вой и прямодушной Германіи, которая безспорно даетъ дви-женіе и направленіе всѣмъ другимъ народамъ. До сихъ поръ ей послѣдуютъ и противодѣйствуютъ, но, во всякомъ случаѣ,

отъ нея почерпають духъ философическій, связующій науки, и духъ жизни, оплодотворяющій всякій отдѣльный трудъ^{*)}. Но „Франція и Англія, къ несчастію, слишкомъ мало знакомы съ ученымъ движеніемъ Германіи: онѣ отстали отъ великой путеводительницы Европы. Сверхъ того, Англія закована въ цѣпяхъ прошедшаго и въ сухо-ученой односторонности, которая убиваетъ въ ней способность сочувствовать остальному міру и понимать чужую мысль. Великая царица морей въ своемъ вещественномъ величіи и въ своей нелюдимои гордости отвергаетъ всякое иноземное ученіе и презираетъ всякую отвлеченность, убивая въ себѣ даже сочувствіе къ цѣлой области мысли человѣческой... Франція, веселая, остроумная, щеголеватая, вѣчно самодовольная въ своей ученой посредственности и художественномъ ничтожествѣ, готовая принять и отвергнуть всякую новость безъ разбора, Франція, которая знаетъ изъ Кузена про безсмертные труды германскихъ философовъ и изъ газетъ про всѣ открытія ученаго міра, требуетъ еще долгихъ и великихъ уроковъ смиренія, прежде чѣмъ въ ней возродится чувство человѣческое, способное понимать человѣческую истину и сочувствовать ей“. О другихъ земляхъ романскихъ: о полудикой Италиі, о полуфранцузской Бельгіи, и говорить нечего. „Остается міръ Германскій, истинное средоточіе современнаго мышленія. Ему, приготовившему всѣ матеріалы, слѣдовало бы и соорудить зданіе. Но при всей свободѣ, которою гордится просвѣщеніе нѣмецкое въ наше время, при всей его многосторонности, на немъ лежатъ оковы стараго схоластическаго направленія, апріористическихъ системъ и произвольной односторонности мыслителей. Глубокое уваженіе Германіи къ наукѣ обратилось въ поклоненіе ея труженикамъ, и новое поколѣніе не можетъ освободиться вполне отъ предразсудковъ прежняго. Книги получили излишній авторитетъ, и душная тѣснота кабинетной

*) Ibid. 51.

жизни поглотила и засушила силы, которыхъ развитіе могло бы быть плодотворнымъ для міра¹⁾. Въмѣсто проявленія живой силы, германецъ сталъ поклоняться „бумажнымъ башнямъ, исписаннымъ волшебными цитатами изъ старыхъ книгъ“.

Вообще, въ Германіи ясно обнаруживается два направленія: систематиковъ-апріористовъ и чистыхъ фактистовъ. Первые пытаются „воссоздать весь міръ изъ логическаго развитія какой-нибудь произвольной догадки и питаютъ благородное презрѣніе къ фактамъ, потому что всякій бывшій фактъ (по мнѣнію систематиковъ) можетъ быть построенъ изъ логическаго вывода, ибо онъ необходимъ... Въ противность апріористамъ работаютъ чистые фактисты, которые до того боятся даже тѣни апріоризма, что едва рѣшаются сказать дважды два четыре, не повѣривъ счета своего по пальцамъ. Къ нимъ то принадлежитъ почти вся школа историческая. Кромѣ того, всякій нѣмецкій писатель считаетъ себя въ обязанности избрать какой-нибудь отдѣлъ науки (Fach) или подраздѣленіе отдѣла, и мыслить въ немъ, жить въ немъ всѣми силами своего ума, съ полнымъ самодовольнымъ незнаніемъ всего остальнаго міра. Добросовѣстный юноша, вступая на поприще ученаго творчества, выбираетъ или уголокъ головы человѣческой, или краешекъ земли, или кусочекъ нарѣчія, и съ тѣхъ поръ уже читаетъ, слышитъ, видитъ только то, что прямо или непосредственно касается до его предмета. Это его домашній божокъ, и бѣдный поклонникъ умираетъ, не только не понявъ человѣка, земли или языка вообще, но не понявъ и той маленькой частицы, для которой онъ пожертвовалъ всею жизнью. Наконецъ, нѣмецъ нашего времени изъ человѣка перерождается въ ученаго. Онъ рѣдокопъ науки, но уже не зодчій... Въ безконечномъ множествѣ подробностей пропало всякое единство. Глазъ, привыкшій всматриваться во всѣ мелочи, утратилъ чувство общей гармоніи. Картину разложили на линіи и краски, симфонію на такты и ноты. Инстинкты глу-

¹⁾ Ibid. 532—533.

боко-человѣческіе, поэтическая способность угадывать истину исчезли подъ тяжестью учености односторонней и сухой. Изъ подъ вольнаго неба, отъ жизни на Божьемъ мірѣ, среди волненія братьевъ людей, книжники гордо ушли въ душное одиночество своихъ библіотекъ, окружая себя видѣніями собственнаго самолюбія и заграждая доступъ великимъ урокамъ существенности и правды. Отъ этого вообще, чѣмъ историкъ и лѣтописецъ древнѣе и менѣе ученъ, тѣмъ его показанія вѣрнѣе и многозначительнѣе; отъ этого многоученость Александрина и Византии затемнила исторію древнюю, и книжничество германское наводнило міръ ложными системами. Когда мы сравниваемъ современный критическій духъ съ наивностью историковъ древнихъ и лѣтописцевъ среднихъ вѣковъ, намъ они кажутся жалкими невѣждами, или по крайней мѣрѣ легко-вѣрными дѣтьми. За всѣмъ тѣмъ, чѣмъ далѣе мы подвигаемся въ наукѣ, тѣмъ чаще намъ приходится соглашаться съ ихъ мнѣніями, находить смыслъ въ ихъ сказкахъ и удивляться вѣрности ихъ заключеній. Безхитростные, простодушные, чуждые нашей учености книжной и словесной, они не надѣялись слишкомъ много на свою догадку, на тонкость своихъ изслѣдованій, но были доступны впечатлѣніямъ большихъ массъ и гармонія большихъ горизонтовъ, готовы были вѣрить чужой мудрости, но не презирали чужого невѣжества и охотно вѣрили тому, что другіе народы сами про себя говорили и о себѣ помнили. Въ наше время факты собираются со тщаніемъ и добросовѣстностью, системы падаютъ отъ прикосновенія анализа“¹⁾).

Вообще, „грубый партикуляризмъ, или изложеніе происшествій въ ихъ случайномъ сдѣвленіи, безъ всякой внутренней связи: такова общая система исторіи въ томъ видѣ въ которомъ она до сихъ поръ является на Западѣ. Больше или меньшее остроуміе писателя, болѣе или менѣе художе-

¹⁾ Ibid. 634, 42--43, 37.

ственный рассказъ, большая или меньшая вѣрность съ подлинными документами, большая или меньшая тонкость или удача въ частныхъ догадкахъ—составляютъ единственное различіе между современными историческими произведеніями: система же остается все та же, у Ранке, какъ у Галлама, у Гфререра такъ же, какъ у Неандера, у Тьери и Шлюссера такъ же, какъ у Тьера въ его занимательной, но мелкой и бливорукой исторіи великихъ происшествій недавно минувшаго времени. Были на Западѣ попытки выйти изъ этого тѣснаго круга и возвысить исторію до степени истинной науки; нныя попытки были въ смыслѣ религіозномъ, нныя въ смыслѣ философскомъ; но всѣ эти попытки, не смотря на большее или меньшее достоинство писателей (напр., Боссюэта и Лео) остались безуспѣшными. Яснѣе другихъ понималъ жалкое состояніе историческихъ наукъ послѣдній изъ великихъ философовъ Германіи, человѣкъ, который сокрушилъ все зданіе западной философіи, положивъ на нее послѣдній камень,—Гегель. Онъ старался создать исторію, соответствующую требованіямъ человеческого разума и создалъ систематическій призывъ, въ которомъ строгая логическая послѣдовательность или мнимая необходимость служить только маскою, за которою прячется неограниченный произволъ ученаго систематика. Онъ просто понималъ исторію наизворотъ, принявъ современность или результатъ вообще за существенное и необходимое, къ которому необходимо стремилось прошедшее; между тѣмъ какъ современное или результатъ могутъ быть поняты разумно только тогда, когда они являются какъ выводъ изъ данныхъ, предшествовавшихъ имъ въ порядкѣ времени. Его система историческая, основанная на какомъ-то мистическомъ понятіи о собирательномъ духѣ собирательнаго человѣчества, не могла быть принята: она была осыпана похвалами и отчасти заслужила ихъ не только по остроумію частныхъ выводовъ, но и по глубокимъ требованіямъ, высказаннымъ Гегелемъ въ этой части науки,

какъ и во всѣхъ другихъ; но она осталась безъ плодовъ, по той простой причинѣ, что она дѣйствительно безплодна и смѣшна...“¹⁾).

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что такой исторіи, которая бы удовлетворяла требованіямъ серьезной научной мысли, еще пока нѣтъ. „Лучшее же приобрѣтеніе наше до сихъ поръ—это добросовѣстность въ изложеніи фактовъ, качество рѣдкое тому лѣту 50, теперь довольно обыкновенное“.

Но факты, взятые сами по себѣ, съ какою бы добросовѣстностью они ни излагались, какой бы интересъ они ни возбуждали въ душѣ, еще не составляютъ исторіи. Правда, „есть какая то поэтическая потребность въ нашей душѣ открывать прахъ протекшихъ вѣковъ и отыскивать слѣды прежней жизни въ ея личныхъ и общественныхъ проявленіяхъ; но удовольствіе, какъ бы оно ни было благородно, не можетъ служить цѣлью науки и не стоитъ огромныхъ трудовъ, сопряженныхъ съ розысканіемъ глубокой древности... Только то имѣетъ право на память человѣческую, что оставило по себѣ слѣды, что подвинуло впередъ родъ человѣчскій по путямъ науки или преданія, что не только жило, но и живетъ и будетъ жить. Исторія Монголовъ погибла съ ними и отзывается только въ ея вліяніи на Россію, Персію или Индустанъ; но она входитъ въ исторію человѣчества только какъ рассказъ о бурѣ, разрушившей половину города, входитъ въ исторію города“. Словомъ, „не дѣла лицъ, не судьбы народовъ, но общее дѣло, судьба, *жизнь всего человечества составляютъ истинный предметъ исторіи*“. Но такъ какъ жизнь человѣчества проявляется въ жизни отдѣльныхъ народовъ, то „имя и судьба каждаго народа дѣлаются предметомъ достойнымъ изслѣдованія до самаго его семейнаго источника; имена людей остаются случайностями занимательными только потому, что они служатъ точками опоры для дальнѣйшихъ розысканій“.

¹⁾ Ibid. т. 1, 36—37.

При такомъ взглядѣ на исторію она перестаетъ быть простою лѣтописью, а въ то же время лѣтопись перестаетъ быть единственнымъ для нея источникомъ. „Всякое произведеніе письменное, всякое твореніе ученое, всякій поэтический отголосокъ, всякій памятникъ мертвый, какъ, напр., зданіе, или живой, какъ языкъ или фисіономія, дѣлаются пособіями, точками отправленія или данными для разрѣшенія нашей задачи. Исторія государствъ, народовъ, племенъ можетъ возникнуть изъ мрака древности, свѣжая и исполненная заимательности, хотя намъ не суждено никогда узнать имена ихъ вождей и подробности объ ихъ дѣяніяхъ“.—„Дѣло историка всегда было весьма труднымъ; но оно стало гораздо труднѣе съ тѣхъ поръ, какъ лѣтописи не считаются уже единственнымъ источникомъ истины. Званіе историка требуетъ рѣдкаго соединенія качествъ разнородныхъ: ученость, безпристрастія, многообъемлющаго взгляда. Лейбницевой способности сближать самые далекіе предметы и происшествія, Гриммова терпѣнія въ разборѣ самыхъ мелкихъ подробностей и проч. и проч. Объ этомъ всею уже писано много и многими; мы прибавимъ только свое мнѣніе. *Выше и полезнѣе всего этихъ достоинствъ—чувство поэта и художника.* Ученость можетъ обмануть, остроуміе склоняетъ къ парадоксамъ: *чувство художника есть внутреннее чутье истины человеческой,* которое ни обмануть, ни обмануться не можетъ“. И это понятно. „Художникъ-поэтъ творитъ новыя явленія не въ подражаніе былыхъ, но въ духъ и силу былого. Историкъ не отыскиваетъ былого, но воссоздаетъ его по нѣкоторымъ даннымъ, развивающимся передъ его духовнымъ взоромъ въ истинныхъ законахъ ихъ прошедшей жизни. Чувство истины въ отношеніи къ племенамъ, т. е. къ ихъ наружнымъ признакамъ и ихъ бытовымъ отличіямъ, чувство истины въ отношеніи къ религіямъ и ихъ внутреннему значенію, чувство истины въ отношеніи къ языкамъ и ихъ звуковымъ и мысленнымъ законамъ, все одно: это истина чело-

вѣческая, отзывающаяся въ душѣ человѣка“¹⁾. Изучая различныя области проявленія человѣческой жизни, мы дѣлаемъ изъ нихъ отдѣльные выводы. Выводы эти, стоящіе сначала одиноко, сливаются потомъ „въ одну общую гармонію, въ одинъ общій выводъ освобожденной жизни“, тайну которой и долженъ постигнуть историкъ. А тайникъ жизни и ея внутренніе источники не доступны для науки, создаваемой силою сухой разсудочной мысли: они постигаются лишь полнотою силъ духа, между которыми первенствующее мѣсто принадлежитъ любви²⁾. Чтобы понять исторію человѣчества, необходимо постигнуть самый духъ жизни цѣлой семьи человѣческой; а его „можно чувствовать, угадывать, глубоко сознать; но нельзя заключить въ опредѣленія, нельзя доказывать тому, кто не сочувствуетъ... Когда передъ живымъ лицомъ или портретомъ неизвѣстнаго мы говоримъ: „эта фізіономія выражаетъ умъ или глупость, доброту или злость“, возьмемся ли мы доказывать истину своего чувства тому, кто съ нами не согласенъ? Конечно нѣтъ. Не чувствуемъ ли мы разницу между типомъ нѣмецкимъ и англійскимъ, между русскимъ и шведскимъ, французскимъ и испанскимъ? И въ то же время всѣ мы убѣждены, что различія этихъ типовъ описать невозможно... Въ лицахъ людей сходство проявляется не чертами, разсмотрѣнными порознь, но общимъ характеромъ, такъ сказать, духомъ фізіономіи: не похожи ни глаза, ни носъ, ни ротъ, а сходство разительно. Такъ и въ народахъ, и въ нарѣчіяхъ. Не нужно считать слова, разбирать грамматику и вообще вдаваться въ мелочной анализъ, чтобы сказать, что нѣмецкій и славянскій языки далѣе отъ греческаго, чѣмъ латинскій. Есть осанка, движенія, обличающія братство народовъ, какъ братство людей; но часто

¹⁾ Ibid. 29—31 и 305; т. IV, 660.

²⁾ Русск. Арх. 1879 г., кн. 3, 306, 310. Ученіе Хомякова о постиженіи полнотою силъ духа обстоятельно будетъ разсмотрѣно въ философско-богословскомъ (тѣлѣ).

это родство, ясное для художника и вообще для человѣка, живущаго въ простотѣ истины человѣческой, ускользаетъ отъ кропотливаго ученаго, натрудившаго глаза и чувство надъ мелочнымъ трудомъ сравнительной критики. Многія истины и, можетъ быть, самыя важныя истины, какія только дано познать человѣку, передаются отъ одного другому безъ логическихъ доводовъ, однимъ намекомъ, пробуждающимъ въ душѣ скрытыя ея силы. Мертва была бы паука, которая стала бы отвергать правду потому только, что она не явилась въ формѣ силлогизма⁴.

Не слѣдуетъ ли изъ сказаннаго, что стремленіе науки облекать знаніе въ строго логическія формулы должно быть отвергнуто во имя постиженія истины непосредственнымъ чутьемъ художника? Конечно нѣтъ; ибо нѣтъ сомнѣнія, что доказательство, основанное на строгой формулѣ, менѣе другихъ встрѣчаетъ противорѣчій и скорѣе даетъ истинѣ право гражданства въ области знаній; но держаться единственно формулѣ, не вѣрить ничему кромѣ формулѣ есть односторонность, въ которую впадать непростительно. Сильное и глубокое убѣжденіе можетъ быть слѣдствіемъ простаго воззрѣнія на предметъ; и вѣрная картина быта народнаго, его жизни страдательной или дѣятельной такъ же ясно представляетъ черты типа славянскаго или германскаго, какъ портретъ, при видѣ котораго мы говоримъ невольно: „это англичанинъ или грекъ“. Надобно только, чтобы рука живописца была вѣрна и чтобы внутреннее чувство зрителя было просвѣщено, и въ то же время не испорчено просвѣщеніемъ. Къ несчастію, пристрастіе нашего вѣка къ сухимъ логическимъ формуламъ лишаетъ его способности сочувствовать простымъ человѣческимъ истинамъ; но всякая односторонность должна исчезнуть при дальнѣйшемъ развитіи разума, и новыя убѣжденія въ исторической наукѣ, убѣжденія, основанныя на гармоніи и объемѣ мысли, вытѣснятъ духъ тѣсныхъ системъ и мелочной критики⁴ 1).

¹) Сочин., 3, 49—51, 33.

Итакъ, историкъ не только путемъ разсудочнаго мышленія, но *всею душою* познаетъ прошлое, въ которомъ онъ *чутьемъ* постигаетъ самый его духъ. Въ этомъ смыслѣ художникъ-романистъ добродушно можетъ угадать то, что недоступно историку профессиональному. Романистъ прошедшее угадываетъ по современному. Законность такого пути понять не трудно. „Все настоящее имѣетъ свои корни въ старинѣ; даже самое неожиданное и странное явленіе, будучи хорошо изслѣдовано, приводитъ насъ или къ своему зародышу, который есть не что иное, какъ плодъ прошедшаго времени, или къ своей прививкѣ, или къ явленію древнѣйшему, которое въ немъ поглотилось. Такъ отъ новаго постановленія общественнаго, отъ новой границы, отъ новаго племени, отъ новой вѣры къ прежнимъ постановленіямъ, границамъ, племенамъ и вѣрамъ можно идти шагомъ твердымъ и вѣрнымъ, потому что отправляешься отъ извѣстнаго къ неизвѣстному, а не сдѣлаешь рядъ гипотетическихъ догадокъ“.

Положеніе историка въ этомъ отношеніи аналогично съ положеніемъ геолога. „Геологи отыскиваютъ въ нѣдрахъ земли лѣтопись ея измѣненій, и труды ихъ вознаграждены блистательными открытіями. Не имѣя памятниковъ писанныхъ (ибо письма новы, а земля стара), не имѣя почти никакихъ вспомогательныхъ средствъ, кромѣ темныхъ преданій, они раскрываютъ тайны прошедшаго времени добросовѣстнымъ изученіемъ современнаго состоянія земныхъ пластовъ. Никто еще, кажется, не попалъ на весьма простую мысль приложить къ исторіи человѣчества ходъ геологическій. Вглядитесь въ наслоеніе племенъ, въ ихъ разрывы, въ ихъ вкрапленіе другъ въ другъ, скопленіе или органическое сращеніе, и, вѣроятно, вы разрѣшите неожиданно большую часть историческихъ загадокъ“.

Вообще, если „хотите узнать то, что было,—сперва узнайте то, что есть“. Правда, „возвратный ходъ, т. е. отъ современнаго къ старому, отъ стараго къ древнему, не мо-

жегь создать исторіи; но онъ, и онъ одинъ, можетъ служить ея повѣркою... Всякій историкъ начинаетъ ab ovo; но исправленіе исторіи начинается всегда съ времени ближайшаго къ самимъ писателямъ". Вотъ почему, „Я желалъ бы, говоритъ Хомяковъ, чтобы всякій, принимаясь писать о ежѣ быша, дѣлалъ съ сознаниемъ то, что дѣлалось истѣмъ безъ сознаниа, т. е. чтобы онъ мысленно сводилъ свой разсказъ до своего или, по крайней мѣрѣ, до совершенно извѣстнаго времени и кончалъ возвратною повѣркою; я увѣренъ, что тогда наука подвинулась бы впередъ исполинскими шагами и что мракъ древности отодвинулся бы назадъ на нѣсколько вѣковъ“¹⁾.

Возвратная повѣрка важна для историка въ томъ отношеніи, что она даетъ возможность установить историческую перспективу и однимъ, такъ сказать, взоромъ окинуть сложную эпоху или даже всю исторію; а при этомъ условіи изслѣдователь, избавляясь отъ опасности запутаться въ мелочахъ, получаетъ возможность постигнуть основной характеръ исторической жизни, самый ея духъ. А разъ основной характеръ исторіи постигнуть, то уразумѣніе второстепенныхъ вопросовъ становится дѣломъ болѣе доступнымъ, ибо „всѣ частныя явленія во всякую эпоху человѣчества тогда только дѣлаются понятными, когда мы поняли уже характеръ самой эпохи. Точно такъ же всякій фактъ въ исторіи народа только тогда ясенъ, когда мы внутренне сочувствуемъ духу народа“²⁾.

Для полнаго и всесторонняго ознакомленія съ методологическими воззрѣніями Хомякова необходимо еще установить его отношеніе къ такъ называемому *историческому методу*. Сущность этого метода, какъ извѣстно, заключается въ примѣненіи въ исторіи начала *органическаго развитія*. Представители этого метода, предъявляя исторической критикѣ строго научныя требованія, смотрять на исторію, какъ на процессъ

¹⁾ Ibid. 21—22.

²⁾ Ibid. 79.

постепеннаго генетическаго развитія, совершающагося по закону необходимости. Зародившись еще въ концѣ XVIII ст., методъ этотъ нашелъ горячихъ поборниковъ среди западныхъ ученыхъ первой половины XIX ст., работавшихъ въ области филологическихъ и историко-юридическихъ изысканій. Русскіе ученые, знакомясь съ западной наукой, познакомились и съ историческимъ методомъ, примѣняя его въ своихъ изслѣдованіяхъ. Однимъ изъ первыхъ и, безъ сомнѣнія, самыхъ крупныхъ представителей этого метода у насъ былъ С. М. Соловьевъ, примѣнившій его сначала въ своихъ диссертацияхъ, а потомъ и въ „Исторіи Россіи“.

Какъ же относился Хомяковъ къ направленію „Исторической школы“? Осуждая „грубый партикуляризмъ, или изложеніе происшествій въ ихъ случайномъ спѣшеніи, безъ всякой внутренней связи“ и выдвигая мысль, что „все настоящее имѣетъ свои корни въ старинѣ“, Хомяковъ проводилъ взглядъ о подчиненіи историческаго процесса началу *причинности* и *закономѣрности*. Мало того. Утверждая, что „единственный и постоянный дѣйствитель исторіи“ есть народъ, онъ доказывалъ, что „каждый народъ представляетъ такое же живое лицо, какъ и каждый человѣкъ, и что внутренняя его жизнь есть не что иное, какъ *развитіе какого нибудь нравственнаго или умственнаго начала*, осуществляемаго обществомъ, такого начала, которое опредѣляетъ судьбу государствъ, возвышая и укрѣпляя присущую въ немъ истиную, или убивая присущую въ немъ ложь“¹⁾. Ясно, что Хомяковъ былъ самымъ рѣшительнымъ проповѣдникомъ принципа, лежащаго въ основаніи „исторической школы“. Если при этомъ вспомнимъ, что методологическія воззрѣнія Хомякова излагаются по преимуществу на первыхъ страницахъ его „Семирамиды“, писанныхъ еще въ тридцатыхъ годахъ, то должны будемъ признать, что Хомяковъ и былъ первымъ у

¹⁾ Ibid. т. 1, 28.

насть представителемъ „исторической школы“. Не пужно забывать, что первая у насъ серьезная историческая работа въ духѣ „исторической школы“ принадлежитъ перу Д. А. Валуева. Его знаменитое изслѣдованіе о *мистицизмѣ* предупредило даже первую диссертацію Соловьева ¹⁾. А Валуевъ былъ ученикомъ и горячимъ поклонникомъ Хомякова и его настоянію, какъ мы видѣли, „Семирамида“ обязана своимъ бытіемъ.

Тѣмъ не менѣе Хомяковъ, какъ мы видѣли, не со всѣмъ доволенъ былъ трудами представителей этой школы. Его не удовлетворяла даже „Римская исторія“ знаменитаго Нибура. Онъ находилъ, что „при всѣхъ глубокихъ и остроумныхъ изслѣдованіяхъ и догадкахъ Нибура, первая исторія Рима не получила еще никакого живого содержанія“ ²⁾. Но свое недовольство трудами тогдашнихъ представителей „исторической школы“ Хомяковъ развилъ въ статьѣ, направленной противъ С. М. Соловьева. Поводомъ для этой статьи послужило слѣдующее обстоятельство. К. С. Аксаковъ написалъ (въ 1856 г.) рецензію на шестой томъ „Исторіи Россіи“. Соловьевъ, отвѣчая своему рецензенту, назвалъ школу, къ которой онъ принадлежалъ, *анти-историческою*, при чемъ затронулъ дорогое для Хомякова имя—тогда уже покойнаго—И. В. Кирѣевского. Хомяковъ, всегда чуткій къ интересамъ основанной имъ школы, счелъ себя нравственно обязаннымъ выступить на защиту покойнаго друга. „У меня, писалъ онъ, нѣтъ ни охоты къ полемикѣ, ни досуга для нея: не загрохъ г. Соловьевъ дорогого имени и замѣчательнаго мыслителя, котораго безвременная потеря слишкомъ чувстви-

¹⁾ Первая диссертація Соловьева „Объ отношеніяхъ Новгорода къ великимъ князьямъ“ напечатана была въ 1845 г. Хотя книжка „Сибирскаго сборника“, въ которой напечатана статья Валуева о *мистицизмѣ*, вышла въ свѣтъ въ томъ же 1845 году; но цензурная пометка на ней отпѣчена 27 мая 1844 года.

²⁾ Сочин. т. 1, 39.

тельна для словесности и науки, не сталъ бы я излагать причины ошибокъ историка въ сужденіяхъ о направленіи, въ которое онъ, повидимому, не вникъ¹⁾. Упрекая Соловьева въ мертвенности его исторіи, въ отстраненіи имъ *всѣхъ живыхъ вопросовъ*, Хомяковъ пишетъ между прочимъ слѣдующее. „Онъ (Соловьевъ) рассказываетъ не исторію Россіи, даже не исторію Государства Русскаго, а только исторію государственности въ Россіи, во сколько этотъ рассказъ подготовленъ другими изслѣдователями и отчасти имъ самимъ. Этотъ трудъ, конечно, не бесполезенъ. Это сборъ официальныхъ столбцовъ исторической лѣтописи, подведенный подъ нѣкоторую систему. Должно прибавить, что есть и не официальная часть, слишкомъ мало обдѣланная; но она не связана никакою живою связью съ официальнымъ отдѣломъ, такъ же, какъ водится въ современныхъ газетахъ. Послѣдовательность кое-гдѣ видна, жизни нигдѣ. Это зависѣло, разумѣется, отъ самаго свойства первой задачи (сознательной или безсознательной), но вслѣдствіе продолжительнаго занятія обратилось въ привычку; а самъ г. Соловьевъ уже сказалъ (разумѣется, только о крестьянахъ), какъ вредно однообразіе занятій. Естественнымъ послѣдствіемъ привычки къ односторонности было то, что, когда явилось направленіе, требующее отъ исторіи не только документальности, но еще *органическаго смысла*, г. Соловьеву такое направленіе показалось анти-историческимъ.

„Дѣйствительно, что хотѣлъ онъ сказать? Что люди этого направленія отрицаютъ прошедшее? Такое предположеніе было бы просто бессмысленно. Или желали бы прошлое переделывать на свой ладъ? Еще бессмысленнѣе. Или не хотятъ историческихъ знаній? Но онъ знаетъ, что они не менѣе

¹⁾ Ibid. 631—632. Статья Хомякова сначала напечатана была въ Русск. Бес. 1857 г., кн. III, подъ заглавіемъ: „Замѣчанія на статью г. Соловьева: Шлецеръ и анти-историческое направленіе“.

его занимают исторіей и стараются обращать вниманіе своих соотечественниковъ на это изученіе. Или не критически изслѣдуютъ старину? Не знакомы съ критическими приѣмами? Или не хотятъ ихъ знать, перестраивая образъ старины по своему хотѣнію? Этому г. Соловьевъ не могъ сказать: онъ знаетъ, что то направленіе, о которомъ онъ говоритъ, требуетъ изслѣдованій и признаетъ даже невозможнымъ подвигомъ писать исторію Россіи при отсутствіи предварительныхъ трудовъ критическихъ (о чемъ оно ему даже напоминало очень вѣжливо, но ясно). Итакъ въ эпитетъ „анти-историческое“ можетъ быть только одинъ разумный смыслъ, а именно слѣдующій. Это направленіе *не возмущается всякимъ историческимъ періодомъ*. Оно знаетъ, что исторія народа, какъ развитіе человѣка, имѣетъ свои временныя отклоненія (иногда весьма продолжительныя); что ея дѣятели вступаютъ иногда на ложные пути, увлекая за собою всѣ правящія обществомъ силы; что иногда направленіе, не вполне ложное, бываетъ и неправымъ и ложнымъ вслѣдствіе своей односторонности и неразумнаго отношенія къ другимъ, временно пренебрегаемымъ требованіямъ и силамъ народа; что не всегда воздвигшееся бываетъ лучшимъ, а совершенное не всегда вѣрнымъ закону внутреннему, лежащему въ основѣ развитія правильнаго, и что, наконецъ, часто слѣдуетъ въ прошедшемъ отыскивать тѣ разумныя начала, которыя, будучи временно затаяны или отстранены отъ дѣятельности, должны еще (по счастливому выраженію г. Самарина) изъ прошедшаго прорости въ будущее. Въ этомъ только значеніи выраженіе г. Соловьева можетъ представлять смыслъ; но жаль историка, которому такое направленіе кажется анти-историческимъ¹⁾. Примѣняя, затѣмъ, къ оцѣнѣ исторической школы свою излюбленную точку зрѣнія,—познаніе живой истины чутьемъ художника,—Хомяковъ говоритъ: „Школа относится къ яв-

¹⁾ Ib. 630—631.

леніямъ русской жизни; какъ къ явленіямъ совершенно внѣшнимъ, о которыхъ она узнаетъ только путемъ внѣшнимъ и средствами случайными. Что писано и уже разобрано, что на пергаментѣ или на бумагѣ, что засвидѣтельствовано вещественнымъ знакомъ, она то знаетъ, тому вѣрить, и болѣе не знаетъ ничего. Въ дальнѣйшемъ развитіи своего мертвого и мнимаго прагматизма, она, по необходимости, теряетъ также то чувство истинны художественной или человѣческой, которое не дозволяетъ принять картину Остада за картину Рафаэля, даже если бы на Остадѣ была поддѣлана подпись Рафаэля, подтвержденная свидѣтельствами, повидимому, несомнѣнными. Школа получила характеръ мертвенности; она уже не чувствуетъ жизни и живого не понимаетъ нигдѣ, ни дома, ни въ чужихъ людяхъ.

„Другое отношеніе къ наукѣ находится тамъ, гдѣ прежде всего и болѣе всего требуется жизнь. Люди этого направленія легко могутъ чувствовать истину даже въ чужеземныхъ явленіяхъ, въ силу своей собственной человѣческой жизни. Это чувство художественной истины. Въ домашнихъ же явленіяхъ они чувствуютъ истину вслѣдствіе неотразимаго внутренняго убѣжденія. Они (въ Россіи) сознаютъ свое русское, какъ человѣкъ чувствуетъ и знаетъ явленія своей собственной жизни, или какъ членъ сознаетъ жизнь организма, котораго онъ составляетъ часть“¹⁾.

Изъ приведенныхъ выдержекъ видно, что главное различіе между воззрѣніемъ Хомякова и воззрѣніемъ того направленія, съ которымъ онъ ведетъ борьбу, заключается въ слѣдующемъ. Признавая вмѣстѣ съ исторической школой, что историческая жизнь народа есть не что иное, какъ процессъ постепеннаго развитія, онъ однакоже не допускалъ, чтобы это развитіе подчинялось закону, дѣйствующему съ роковою необходимостью; сообразно съ этимъ онъ не могъ признать,

¹⁾ Ibid. 612- 613.

что все, что совершилось и совершается, есть единственно возможное и какъ таковое должно быть признано естественнымъ и нормальнымъ, не допускающимъ критическаго отношенія къ себѣ. Хомяковъ думалъ иначе. Главный дѣятель исторіи, по его мнѣнію, есть народъ; а народъ есть живая коллективная личность, слагающаяся изъ соединенія такихъ же живыхъ частныхъ личностей, изъ которыхъ каждая надѣлена свободною волею. Правда, свобода народной воли часто ослабляется разными внѣшними обстоятельствами; но отъ ослабленія еще далеко до полнаго уничтоженія. Народъ, въ лицѣ своихъ руководителей, свободно можетъ ставить себѣ задачи и прискивать средства для ихъ осуществленія. И въ постановкѣ задачъ и въ прискиваніи средствъ народъ можетъ поступать разумно, т. е. согласно съ своими истинными интересами матеріальными и духовными; но онъ можетъ и заблуждаться въ дѣлѣ пониманія этихъ интересовъ, и допускать ошибки, тормозящія или даже прямо извращающія путь его естественнаго развитія. Вотъ почему историкъ не долженъ быть панигиристомъ совершившагося факта потому только, что онъ совершился. Его задача состоитъ не въ томъ только, чтобы понять фактъ въ смыслѣ уясненія его связи съ ближайшими его причинами, но и оцѣнить его съ точки зрѣнія общаго теченія исторической жизни народа, или вѣрнѣе—съ точки зрѣнія тѣхъ высшихъ началъ, которыя воплощаются въ жизни. А чтобы понять начала народной жизни, нужно уразумѣть основной законъ, управляющій послѣднею; а жизненный законъ не можетъ быть понятъ путемъ изученія только „официальныхъ столбцовъ исторической лѣтописи“; онъ проявляется во всѣхъ, не исключая самыхъ мельчайшихъ, сторонахъ народной жизни; а поэтому всѣ стороны народной жизни и должны быть поставлены предметомъ внимательнаго изученія историка, который долженъ разсматривать ихъ не по одиночкѣ, а въ ихъ общей совокупности, постигая въ нихъ живую истину путемъ художественнаго чутія. Такова мысль

Хомякова, которой нельзя отказать ни въ глубинѣ, ни въ основательности.

Выражаясь такимъ образомъ, мы не забываемъ стараго по происхожденію, но входящаго теперь въ особую моду направленія, которое, проповѣдуя принципъ безразличной эволюціи, подъ закономѣрностью въ исторіи повимааетъ случайное сдѣленіе причинъ и дѣйствій, цѣль которыхъ оно надѣется продлить до механическаго сочетанія первичныхъ элементовъ по законамъ химіи, физики и механики, и потомъ объяснить изъ нихъ весь сложный процессъ историческаго развитія. Полагаемъ, что это такая же мода, какъ въ свое время была мода смотрѣть на исторію, какъ на фактъ воплощенія абсолютнаго духа. Хомяковъ не былъ ни матеріалистомъ, ни пантеистомъ. Допуская принципъ законѣрности, онъ требовалъ, чтобы законы исторіи не навязывались извнѣ подъ воздѣйствіемъ какой-нибудь готовой системы, а отыскивались путемъ строго научнаго изученія реальной дѣйствительности, являясь строго логическимъ выводомъ изъ фактовъ, а не принимались какъ готовые положенія, тенденціозно объясняющія факты; но онъ въ то же время думалъ, что добытые такимъ строго научнымъ путемъ законы будутъ не результатами игры бессмысленной случайности, а окажутся нормами жизни, ведущими человѣчество по пути разумаго прогресса. Путь этотъ длиненъ и извилистъ; на немъ возможны искривленія, застои и даже движенія назадъ. Вотъ почему онъ полагалъ, что конечную цѣль исторіи должно составлять не изученіе фактовъ самихъ по себѣ, а постиженіе тѣхъ живыхъ началъ, которыя скрываются за фактами.

В. Завитневичъ.

(Продолженіе будетъ).

СЛОВО

въ пятокъ третьей недѣли великаго поста ¹⁾.

ДѢЛО ЖИЗНИ.

*Дѣло совершихъ, еже далъ еси
мнѣ, да сотворю (Іоан. XVII, 4).*

Проникая божественнымъ взоромъ Своимъ то малое время, какое осталось Ему пребыть еще на землѣ, Господь Иисусъ Христосъ ясно видитъ конецъ его. „Дѣти! не долго уже быть мнѣ съ вами“ (Іоан. XIII, 33; сравн. XVI, 30), говоритъ Онъ Своимъ ученикамъ. „Еще не много: и міръ уже не увидитъ Меня“ (XIV, 19; сравн. XVI, 16)... „Иду отъ васъ“ (XIV, 28; XVI, 5)... „Я изшелъ отъ Отца, и пришелъ въ міръ; и опять оставляю міръ, и иду къ Отцу“ (XVI, 28)... „Я уже не въ міръ“ (XVII, 11)... Еще немного (какойнибудь часъ), и Сынъ человѣческій преданъ будетъ въ руки грѣшниковъ — на беззаконный судъ и позорную смерть... Итакъ, то великое дѣло, для котораго Онъ пришелъ въ міръ, видится Ему уже оконченнымъ, исполненнымъ. „Я... совершилъ дѣло, которое Ты поручилъ Мнѣ исполнить“, торжественно Самъ Онъ говоритъ Отцу Своему.

Отъ необъятно великой, въ своемъ существѣ для нашего слабаго разума совершенно непостижимой земной жизни воплотившагося Сына Божія перенесемъ мысль свою къ

¹⁾ Произнесено въ Кіевъ-Вратскѣмъ храмѣ 19 марта 1899 года на пасси.

малой, бѣдной, повидимому столь хорошо извѣстной всѣмъ намъ жизни человѣческой. Сколько отдѣльныхъ существованій, отдѣльныхъ самостоятельныхъ жизней появляется и исчезаетъ на землѣ въ каждый едва уловимый моментъ времени! Для чего получаетъ бытіе каждая изъ нихъ? Какое назначеніе, какое дѣло должна выполнить она? Есть ли здѣсь у каждой изъ нихъ свое особое призваніе, или одна общая задача дается премудрымъ и всемогущимъ Творцомъ всѣмъ имъ? Отсюда—когда, въ какомъ состояніи имѣетъ право человѣкъ сказать Небесному Отцу своему: „я совершилъ дѣло, которое Ты поручилъ мнѣ исполнить?“

Вопросы слишкомъ большой важности, чтобы кто нибудь имѣлъ право обойти ихъ. Они настойчиво, неотвязно просятъ въ душу каждаго человѣка, достигшаго извѣстной степени развитія. Изъ нихъ, какъ изъ своего зерна, вырастаетъ весь кругъ нашихъ жизненныхъ воззрѣній и убѣжденій. Вотъ почему искони, отъ временъ глубокой древности и до нашихъ дней человѣкъ напрягаетъ всѣ усилія своего разума къ тому, чтобы раскрыть эту тайну бытія своего. Но что же: на сколько успешна оказывается эта работа его? Много отвѣтовъ дано на эти вопросы, много рѣшеній самыхъ разнообразныхъ; но если бы мы захотѣли пересмотрѣть всѣ ихъ и, углубившись мыслію, выбрать изъ нихъ одно, которое вполне удовлетворило бы насъ, такого рѣшенія мы не нашли бы здѣсь. Поэтому вмѣсто безплоднаго витанія въ области туманныхъ и сбивчивыхъ гаданій любомудрствующаго разума, обратимся къ самой жизни человѣческой, насколько доступна она нашему наблюденію, и посмотримъ, какъ рѣшаются тѣ же вопросы здѣсь, на практикѣ. Уклониться отъ такого рѣшенія ихъ не можетъ ни одинъ человѣкъ: получивъ жизнь, онъ по необходимости продолжаетъ ее и, слѣдовательно, тѣмъ самымъ уже такъ или иначе, но неизбѣжно даетъ свой отвѣтъ на вопросы жизни. Итакъ, что же мы видимъ здѣсь?

Человѣкъ вступаетъ въ жизнь при условіяхъ самаго

разнообразнаго характера. Одинъ рождается въ бѣдность, иногда въ той крайней нищетѣ, при видѣ которой сжимается сердце отъ ужаса и боли, другой—среди такихъ богатствъ, которыхъ хватило бы для жизни многихъ тысячъ; одному указывается высокое мѣсто среди избранниковъ міра, другому—тяжелая доля въ рядахъ отверженцевъ общества. Между этими крайними предѣлами неисчислимое множество среднихъ, переходныхъ положеній, какъ бы связующихъ звеньевъ въ одной неизмѣримой цѣпи человѣческихъ существованій. Семья и школа, кому достаются онѣ въ удѣлъ, во всякомъ случаѣ вся окружающая жизненная среда и всѣ тѣ обстоятельства, среди которыхъ растетъ и развивается человѣкъ, далеко не одинаковы, слишкомъ различны. Но если мы взглянемъ въ міръ души человѣческой, то разнообразіе, какое найдемъ здѣсь, можетъ быть, покажется намъ еще болѣе поразительнымъ. Силы и способности, съ какими является человѣкъ на свѣтъ, не одинаковы уже по своему объему: отъ слабоумія до дивныхъ дарованій генія—длиннѣйшая лѣстница среднихъ состояній, множество ступеней, каждая изъ которыхъ, возвышаясь надъ всѣми предшествующими, оказывается еще не послѣднею, не самою высокою. Но кромѣ различнаго объема, количества силы и энергіи, въ этихъ природныхъ способностяхъ и дарованіяхъ человѣка мы находимъ еще цѣлую бездну особенностей, какъ бы оттѣнковъ, выражающихся то въ неодинаковомъ сочетаніи отдѣльныхъ духовныхъ силъ, съ преобладаніемъ одной или нѣсколькихъ надъ другими, то въ различіи направленій ихъ, въ ясно замѣтныхъ особыхъ расположеніяхъ, склонностяхъ и т. д. Разнообразіе въ этомъ чудномъ мірѣ души человѣка такъ велико, что мы не можемъ представить себѣ и лухъ человѣческихъ существъ, которые были бы совершенно тождественны по духовному складу своему.

Не должно ли все это отражаться и на рѣшеніи человѣкомъ своей жизненной задачи? Что составляетъ предметъ

самыхъ завѣтныхъ желаній бѣднаго сельскаго пахаря, то можетъ ли удовлетворить многосторонне развитого жителя большого города, привыкшаго предъавлять къ жизни свои особыя запросы? Человѣкъ съ грубо практическимъ направлениемъ, смотрящій на всѣхъ и все только корыстными глазами, пойметъ ли труженика мыслителя, всю жизнь занятого вопросами отвлеченнаго характера, рѣшеніе которыхъ не принесетъ ему ничего осязательнаго въ награду за потраченныя силы и время? Бѣдный ремесленникъ, шесть дней изъ семи аккуратно отдающій своему дѣлу, посмѣетъ ли мечтать о празднои жизни тѣхъ пресытившихся богатыхъ людей, которые не знаютъ какъ „убить“ время, разсѣять скуку, неотвязно какъ тѣнь вездѣ слѣдующую за ними?.. Итакъ, естественно, разнообразіе жизненныхъ условій, силъ, способностей, расположеній, развитія по необходимости должно сказываться и въ выборѣ человѣкомъ опредѣленнаго дѣла для себя, тѣхъ или другихъ задачъ въ жизни, и въ самыхъ способахъ служенія этому дѣлу, рѣшенія этихъ задачъ. Жизненныхъ путей, по которымъ идетъ человѣкъ, такимъ образомъ оказывается весьма много. Однако, какъ ни многочисленны они и какъ ни многообразны вообще желанія и стремленія человѣка, во всѣхъ ихъ мы видимъ одно общее начало, одну руководящую мысль, заправляющую жизнью человѣка на всѣхъ ступеняхъ развитія его и при всѣхъ условіяхъ, въ какихъ только можемъ мы представить его: это—одно общее всѣмъ людямъ желаніе блага, одно глубоко и неискоренимо заложенное въ каждой душѣ стремленіе къ счастью. Не въ развитыхъ только умахъ, но и тамъ, гдѣ человѣкъ неспособенъ подняться мыслью до сознательнаго вопроса о счастьи, бессознательное, инстинктивное стремленіе къ нему слишкомъ живо и дѣйствительно.

Но гдѣ же это благо, въ чемъ это счастье? Не задумываясь надъ вопросомъ во всей его глубинѣ, человѣкъ выходитъ на широкое поле жизни и здѣсь, въ своей обстановкѣ,

среди тѣхъ самыхъ условій, въ которыхъ живеть, ищетъ это счастье въ различныхъ доступныхъ ему благахъ земныхъ. Сколько ихъ! Богатство, роскошь, знатность, почетъ, власть, извѣстность, словомъ все, что даетъ удовлетвореніе тѣмъ или другимъ желаніямъ человѣка, что доставляетъ удовольствіе, сулитъ наслажденіе, грубо-чувственное или высоко-идеальное, все это кажется благомъ ему, манитъ къ себѣ, овладѣваетъ душою его. И вотъ, всѣ силы и дарованія свои, всю энергію воли направляетъ онъ къ одной цѣли—къ возможно большому обладанію этими благами, отдавая предпочтеніе тѣмъ или другимъ изъ нихъ. Но на этомъ пути ему никогда не удастся избѣжать столкновенія съ очень многими другими людьми: таково уже особое свойство и самыхъ благъ этихъ и человѣческаго стремленія къ нимъ. Здѣсь же радомъ съ однимъ къ той же цѣли стремятся и другой и третій и множество такихъ же какъ онъ разумныхъ и свободныхъ существъ. Предметъ столь многихъ желаній, естественно, достается только болѣе сильнымъ, владѣющимъ лучшими средствами для того, чтобы одержать побѣду, отодвинуть другихъ, стать въ первомъ ряду и захватить добычу.

Такъ жизнь человѣческая превращается въ обширное поле брани со всѣми трудностями и тягостями послѣдней. И чѣмъ больше людей сходятся въ одномъ мѣстѣ яко бы для лучшей, болѣе удобной и счастливой жизни, повидимому для дружнаго рѣшенія общими силами жизненныхъ задачъ и тѣмъ самымъ, по человѣческому расчету, для болѣе вѣрнаго достиженія земного благополучія, тѣмъ труднѣе становится жизнь и тѣмъ дальше, неуловимѣе чудный призракъ счастья. Сколько лучшихъ силъ ума, сколько богатыхъ дарованій, высокихъ талантовъ, какая бездна энергій, труда, самой напряженной и неуспяной дѣятельности всѣхъ видовъ в направлевіи затрачивается здѣсь съ одною цѣлью—сдѣлать жизнь лучшею, извлечь изъ нея возможно больше благъ для человѣка. И что же? Цѣль какъ будто и достигается: въ

области внѣшней жизни дѣлаются все новыя открытія, изобрѣтенія, усовершенствованія, создаются все новыя и новыя удобства, такія яко бы блага, о которыхъ раньше и не мечталъ человѣкъ, а жизнь отъ этого становится только тяжелѣе. Весь этотъ колоссальный совмѣстный трудъ человѣческой, какъ будто увеличивая количество земныхъ благъ, на самомъ дѣлѣ лишь раздражаетъ въ человѣкѣ стремленіе къ нимъ, все болѣе расширяетъ предѣлы человѣческихъ желаній, увеличиваетъ безъ конца и мѣры то, что начинаетъ казаться человѣку необходимыми потребностями жизни. Для удовлетворенія послѣднихъ, естественно, требуется все болѣе силъ и способностей; отвоевать блага жизни становится все труднѣе. Но слѣзнуть человѣкъ безъ оглядки все впередъ, къ тому, что манитъ и увлекаетъ его, не присматриваясь къ путямъ, по которымъ идетъ, не разбирая средствъ, которыми пользуется. Пусть падаютъ слабые, опрокинутые болѣе сильными, пусть жалуются всѣ неуспѣвающіе, пусть страдаютъ избитые, стонутъ израненные, пусть гибнутъ всѣ, у кого нѣтъ достаточно силъ, чтобы твердо держаться въ этомъ грозномъ потокѣ жизни: человѣкъ все же бросается въ него, увлекаемый одною неутолимою жаждою благъ земныхъ.

Вотъ картина человѣческой жизни, какою представляется она нашему наблюденію. И сколько жалобъ, сѣтованій и нареканій на трудности жизни слышится изъ устъ человѣка! А между тѣмъ, кто же, какъ не онъ самъ, причиною ихъ? Такую жизнь создаетъ себѣ собственными руками каждый, кто смотритъ на нее только плотскими очами, кто видитъ въ ней одной начало и конецъ всѣхъ желаній и стремленій своихъ. Полагая всю задачу бытія своего въ возможномъ пользованіи земными благами, въ нихъ однихъ видя и цѣль жизни и все счастье свое, человѣкъ уже ятимъ самымъ лишаетъ себя на всю жизнь мира, покоя души и счастья. Одно желаніе смѣняется другимъ; одна достигнутая цѣль, подаривъ радостью лишь мимолетною, уступаетъ мѣсто новымъ и новымъ стрем-

леніямъ. И вѣтъ имъ конца и предѣла... А время не ждетъ; дни бѣгутъ; ни одно прожитое мгновеніе не повторяется для человѣка. Съ годами силы слабѣють, энергія гаснетъ, бренный тѣлесный покровъ нашъ ветшаетъ и наконецъ приходитъ часъ, когда каждый долженъ дать отвѣтъ на вопросъ: что сдѣлалъ я въ жизни? Рѣшилъ ли задачу свою? Не простоялъ ли на торжищѣ жизни весь день свой *праздно* (Мат. XX, 6)?

Какъ праздно! скажете вы. А если жизнь проведена въ трудѣ, въ исполненіи своего гражданскаго долга, въ дѣятельности, которая приносила свою долю пользы обществу и государству? Это ли праздно? Да, братіе, не только все то время, какое тратится въ жизни безъ всякой видимой пользы для себя и другихъ, безъ дѣла, въ лѣности или въ суетныхъ, пустыхъ забавахъ, нужно считать потеряннымъ безплодно; но и самый трудъ нашъ, трудъ, быть можетъ, выдающійся по своимъ благимъ результатамъ, можетъ оказаться бесполезнымъ для насъ предъ лицомъ праведнаго Судіи. Что руководило этимъ трудомъ? Какія побужденія увлекали человѣка отдавать ему свои силы и время? Стяжаніе богатствъ многихъ, расширеніе власти, слава, извѣстность, тѣ или другіе личные корыстные расчеты? Если такъ, то и трудъ и силы потеряны напрасно для человѣка: такая жизнь праздна предъ Богомъ. *Кая бо польза чловѣку, аще мръ весь приобрящеть, душу же свою отщепитъ; или что дастъ чловѣкъ измѣну за душу свою* (Мат. XVI, 26)?

А высокое служеніе долгу, безкорыстное стремленіе дѣлать свое дѣло ради пользы, какую приноситъ оно обществу, ради того значенія, какое должно имѣть оно въ общей суммѣ совокупнаго труда всего человѣчества? Неужели и такая жизнь правдна? Если чловѣкъ несетъ бремя жизни только потому, что оно возложено на плечи его, и во всей дѣятельности своей не видитъ ничего другого, кромѣ роковой необходимости поддерживать и своимъ посильнымъ трудомъ непрестанную

работу огромнаго сложнаго механизма общечеловѣческаго существованія, то вотще для него весь трудъ его, хотя бы и самый добросовѣстный и вполне отвѣчавшій своимъ цѣлямъ. И этотъ человѣкъ не исполнилъ дѣла, ради котораго посланъ былъ въ мѣръ, потому что не позналъ Пославшаго его, не нашелъ въ мѣрѣ Того, *о немъ бо живемъ и движемся и есмь*, не увидѣлъ Его, хотя и *не далеке отъ единая коеюждо насъ суша* (Дѣян. XVII, 28. 27). И поистинѣ, глубоко несчастливъ такой человѣкъ. Не найдетъ онъ улады въ трудѣ своемъ; тяжелымъ бременемъ всегда будетъ казаться жизнь ему, и ни одинъ лучъ истиннаго свѣта не озаритъ и не согрѣетъ мрачный, холодный путь его.

Но есть еще побужденія для дѣятельности, которыми можетъ руководиться человѣкъ, повидимому—самаго высокаго достоинства: стремленіе къ истинѣ, къ добру, къ правдѣ, ко всему прекрасному. Жизнь, направленная къ достиженію столь высокихъ идеаловъ, ужъ конечно не можетъ оказаться потраченною напрасно? Увы! И этотъ, повидимому, столь надежный путь можетъ не привести человѣка въ истинной цѣли. Кто ищетъ этихъ идеаловъ лишь при слабости и потому нерѣдко обманчивомъ свѣтѣ собственнаго разума, тотъ способенъ ли будетъ постичь ихъ во всей ихъ высотѣ? Не приметъ ли онъ ложь за истину, несправедливость за правду, зло за добро? Но допустимъ даже, что человѣкъ стоитъ на вѣрномъ пути въ пониманію этихъ идеаловъ: насколько способенъ онъ будетъ собственными силами осуществить ихъ въ своей жизни? Гдѣ найдетъ онъ помощь и поддержку въ этомъ трудномъ дѣлѣ, ободреніе въ минуты неизбежныхъ паденій, утѣшеніе въ часы тяжелыхъ разочарованій? Самые горячіе порывы могутъ окончиться полнымъ охлажденіемъ отъ неизбежнаго сознанія своего безсилія и отсутствія идеальныхъ началъ въ окружающей дѣйствительности. Не такъ ли и бываетъ съ каждымъ, кто вступаетъ на этотъ прекрасный путь, не владея тѣми средствами, которыя одни только даютъ

возможность бодро и съ успѣхомъ идти по немъ, не открывая сердца своего Тому, Кто есть сама истина (Іоан. XIV, 6), сама любовь (1 Іоан. IV, 8, 16), въ Комъ вся полнота правды (Пс. X, 7. CXLIV, 17).

Такъ, братіе, какими бы путями ни шель человѣкъ, къ какимъ бы цѣлямъ ни стремился на землѣ, жизнь его можетъ оказаться праздною предъ Богомъ, если она удаляется отъ Создавшаго ее. Если весь міръ, не только доступный нашему взору, но и невидимый, лишь умопредставляемый нами, получилъ бытіе свое отъ одного премудраго и всеблагого Творца, то не къ Нему ли должна направляться и вся жизнь этого міра, не Ему ли одному служить? Если *Господня земля и исполненіе ея, вселенная и вси живущи въ ней* (Пс. XXIII, 1), если Онъ *сотвори небо и землю и море и вся, яже въ нихъ* (Дѣян. IV, 15), то не по Его ли велѣніямъ и законамъ должна совершаться и жизнь въ этой вселенной, не къ Нему ли должны быть обращены и взоры всѣхъ тварей Его? Вся природа живетъ и дышетъ только Его милосердіемъ, только однимъ всемогущимъ дыханіемъ Его неизмѣримой любви къ ней. *Вся къ тебѣ чаютъ, дати имъ пишу во благо время*, въ благоговѣнномъ восхищеніи говорилъ древле святой царственный пророкъ Давидъ: *давшу тебѣ имъ, соберутъ: отверзшу тебѣ руку, всяческая исполнятся блаости. Отверащшу же тебѣ лице, возматутся: отгнмешу духъ ихъ, и исчезнутъ, и въ персть свою возвратятся: послещи духа твоего, и созиждутся, и обновиши лице земли* (Пс. CIII, 27—30). Какую же чудную пѣснь хвалы и благодаренія непрестанно, немолчно должно возносить все живущее на землѣ всеблагому Создателю своему, отъ Котораго исходятъ для него *всяко даліе благо и всякъ даръ совершени* (Іак. I, 17), *яко изъ того и тьмъ и въ немъ всяческая* (Римл. XI, 36)!

Но среди всѣхъ тварей земныхъ человѣкъ отличенъ особыми дарами милости Божіей. Онъ созданъ по образу

Божію (Быт. I, 26—27): вдохнувъ *въ лице его дыханіе жизни* (Быт. II, 7), Господь вложилъ въ душу его такія высокія силы—и разума, и чувства, и свободной воли, какихъ не далъ на землѣ ни одному изъ прочихъ созданій Своихъ. Онъ *умалилъ его малымъ чимъ отъ ангелъ, славою и честію отличилъ его: поставилъ его надъ дѣлы руку свою, вся покорилъ подъ нозь его* (Пс. VIII, 6—7). Но и это не все, что сдѣлалъ Господь для человѣка. Чтобы спасти этого человѣка, павшаго, омрачившаго душу свою грѣхомъ и тѣмъ осудившаго себя на вѣчную смерть, Онъ Сына своего не пощадъ, но за насъ *всѣхъ предалъ есть его* (Римл. VIII, 32), и вы, братіе, слышали нывѣ, что претерпѣлъ за грѣшнаго человѣка безгрѣшный Сынъ Божій, какую великую жертву искупленія принесъ Онъ за насъ.

Такъ дорогъ жизнь человѣка для Господа. Неужели же она появляется на свѣтъ лишь для того, чтобы, промелькнувъ на землѣ на мигъ одинъ, безслѣдно исчезнуть затѣмъ въ необъятной безднѣ непрерывно смѣняющихся человѣческихъ существованій? Неужели все назначеніе ея здѣсь въ достиженіи лишь тѣхъ ничтожныхъ желаній и стремленій, какія порождаются въ бессмертной душѣ человѣка только вслѣдствіе временнаго обитанія ея среди міра чувственнаго? Нѣтъ, высокія дарованія даны человѣку не для этого. И онъ самъ смутно чувствуетъ это: тѣ состоянія неудовлетворенности, разочарованія, смятенія души, какія испытываетъ каждый человѣкъ даже при самыхъ лучшихъ жизненныхъ условіяхъ, эти постоянныя стремленія къ чему то лучшему, къ какому-то благу высшему, къ счастью полному, не говорятъ ли ему, что не здѣсь, на землѣ, послѣдняя цѣль бытія его, что не можетъ быть поэтому достигнуто здѣсь и то счастье, какого жаждетъ душа его. Но то, о чемъ можетъ лишь гадать человѣкъ, ясно открываетъ ему Самъ Господь. Онъ призываетъ лучшее изъ земныхъ созданій Своихъ въ тотъ *чудный сѣтъ* (I Петр. II, 9), въ какомъ обитаетъ Самъ,

Онъ открываетъ предъ человѣкомъ путь возможнаго приближенія къ Себѣ, святому и совершенному, Онъ указываетъ силамъ человѣка то направленіе, которое одно только и можетъ привести его къ истинному счастью. Путь этотъ есть путь *подражанія* Самому Господу (Ефес. V, 1), сыновняго слѣдованія всѣмъ уставамъ и велѣніямъ Его, путь постоянного неуклоннаго стремленія къ совершенству Самого Отца Небеснаго (Матѣ. V, 48), по образу явившагося во плоти Единороднаго Сына Его. Счастье это есть неизреченное счастье *единенія* съ Нимъ (Іоан. XVII, 21) въ жизни будущей, блаженство, всю высоту котораго земной человѣкъ и постичь не можетъ, *блага, ихъ же око не видѣтъ, ухо не слышитъ и на сердце человѣку не взыдоша.*

Вотъ истинный смыслъ жизни человѣческой. Не здѣсь, на землѣ послѣдняя цѣль бытія нашего, а тамъ, въ вѣчности, *на небесахъ* (Филип. III, 20): *не имамы бо здѣ пребывающую граду, но грядущаго взыскуемъ* (Евр. XIII, 14). Поэтому одна задача, одно дѣло назначается здѣсь каждому человѣку отъ Посылающаго его въ міръ: не прилѣпляясь всею душою своею къ стяжанію обманчивыхъ благъ земныхъ, къ наилучшему устроенію путей этого краткаго странствованія своего на землѣ, вездѣ, во всякомъ положеніи и состояніи своемъ *искать прежде царствія Божіа и правды Его* (Матѣ. VI, 33), во всякомъ земномъ служеніи своемъ, на чредѣ котораго поставилъ его премудрый Промыслъ Божій, служить Ему, своему всеблагому Создателю и Господу. И что можетъ быть естественнѣе, вмѣстѣ съ тѣмъ выше и отраднѣе для человѣка! Вѣнецъ созданія, царь природы не долженъ ли идти во главѣ ея и въ служеніи Творцу своему? Но для созданнаго по образу Божію можетъ ли быть служеніе выше и совершеннѣе стремленія къ своему Первообразу, приближенія и уподобленія Ему? Для души, носящей въ себѣ искру божества и потому неудовлетворяющейся ничѣмъ на землѣ, а невольнo стремящейся къ одному источнику истиннаго

свѣта, можетъ ли быть благо дороже и выше соединенія съ нимъ? И—что особенно дивно въ мірѣ Божіемъ—это высокое служеніе и это неизреченное счастье доступны всѣмъ намъ, каждому человѣку, какое бы положеніе ни занималъ онъ на землѣ. Богатые и бѣдные, превознесенные и униженные, высокоразвитые и простецы малосвѣдущіе—всѣ идите на служеніе Господу, *кѣждо въ званіи, въ немъ же призванъ бысть* (I Кор. VII, 20), каждый по своимъ силамъ и дарованіямъ, среди данныхъ вамъ условій земного бытія вашего, и Господь приметъ трудъ вашъ, и счастье неложное будетъ уготовано вамъ!...

Но что же видимъ мы? *Позна волю стяжавшаго и, и оселъ ясли господина своего* (Ис. I, 3), а человѣкъ такъ легко забываетъ Творца своего! Слишкомъ труденъ этотъ путь для слабыхъ силъ нашихъ, говоримъ мы, и, забывая о неизмѣримомъ милосердіи Божіемъ, о всѣхъ этихъ непримѣрныхъ страданіяхъ нашего Господа, о всевосполняющей благодати Его,—стоимъ весь день свой на торжищѣ жизни праздны...

Господи и Владыко живота нашего, духъ праздности не даждь намъ!

Н. Маккавейскій.

АРСЕНІЙ, АРХІЕПИСКОПЪ ЕЛАССОНСКІЙ

(суздальскій томъ),

и его вновь открытыя историческіе мемуары.

ДОПОЛНЕНІЯ И ПОПРАВКИ.

Важное историческое значеніе открытыхъ нами мемуаровъ Арсенія, архіепископа елассонскаго, понято было нами сразу, при первомъ же съ ними ознакомленіи, но не съ такою ясностію и отчетливостію, какъ въ настоящее время, послѣ возможно-всесторонняго изученія эпохи, которую они обнимаютъ. Послѣднее обстоятельство, до извѣстной степени, отравилось и на нашемъ трудѣ. Первоначально мы думали ограничиться извлеченіемъ изъ этихъ мемуаровъ лишь нѣкоторыхъ, наиболѣе, по нашему мнѣнію, интересныхъ мѣстъ. Но послѣ, при печатаніи своего труда, мы сознали, что подобныя извлеченія должны быть не только расширены, но и представлять, по возможности, дословный переводъ особенно тѣхъ страницъ изъ вновь открытыхъ мемуаровъ, которыя писаны были авторомъ, какъ очевидцемъ. Оказавшіеся у насъ, такимъ образомъ, пробѣлы въ началѣ второй главы мы рѣшились восполнить въ настоящихъ дополненіяхъ¹⁾.

---

¹⁾ Остается нѣтъ не переведенною лишь та небольшая (всего девять (3—11) листовъ рукописи) и не имѣющая особеннаго историческаго значенія часть мемуаровъ архіепа. Арсенія, которая обнимаетъ начальный періодъ русской исторіи до воцаренія Феодора Ивановича, при которомъ авторъ прибылъ въ Россію и нѣтъ возможности изучать историческія событія нашего отечества, какъ непосредственный дѣятель и очевидецъ ихъ.

Кромѣ того, эти дополненія вызываються и другими обстоятельствами.

Во время печатанія настоящей работы, намъ удалось разыскать нѣсколько новыхъ данныхъ, восполняющихъ скудныя свѣдѣнія о жизни и дѣятельности архіепископа Арсенія,—при чемъ данныя эти заключаются въ такихъ, связанныхъ съ именемъ архіепископа Арсенія, рукописяхъ, которыя, представляя весьма значительный церковно-археологическій интересъ и сами по себѣ, невольно требуютъ къ себѣ особеннаго вниманія съ нашей стороны и заслуживаютъ обстоятельнаго описанія ихъ.

Наконецъ, уже и въ настоящее время мы успѣли замѣтить въ своемъ трудѣ нѣсколько погрѣшностей, требующихъ исправленія. Вѣроятно, таковыхъ погрѣшностей потомъ найдется и болѣе: за указаніе и исправленіе ихъ мы приносимъ нашимъ читателямъ заранѣе свою глубокую благодарность. А въ настоящее время вмѣняемъ себѣ въ нравственный долгъ и пріятную обязанность выразить свою искреннюю признательность всѣмъ лицамъ, содѣйствовавшимъ намъ, при составленіи настоящаго труда, своими указаніями и доставленіемъ нужныхъ справокъ,—въ особенности же задрскому (въ Далмаціи) епископу *Никодиму Милашу*, протоіерею суздальскаго собора *М. И. Хераскову*, о. бібліотекарю русскаго Пантелеимоновскаго монастыря на Аѳонѣ монаху *Матвею*, *Θ. И. Успенскому*, *П. М. Милокову*, *С. А. Блюкурову* и завѣдующему церковно-археологическимъ музеемъ при Александроневскомъ братствѣ во Владимірѣ на Клязьмѣ *В. Т. Георгиевскому*.

Къ стр. 7—9 (кн. I, 1898 г.). Архіепископъ Арсеній въ мірѣ носилъ имя *Апостолія*. (Ὁ ὄτος οὖν Ἀποστόλης ὄνομα, Ἀρσένιος μοναχὸς ἐκλήθη). Объ этомъ говорится опредѣленно въ его житіи. См. Прилож. стр. 201.

— Третій братъ Арсенія, архіепископа елассонскаго, *архимандритъ Аванасій* принадлежалъ въ братству родной обители Дусива, иначе называемой монастыремъ „Великихъ

Вратъ“ (см. выше стр. 9). Архіепископъ Арсеній, проведеній и самъ нѣкоторое время въ стѣнахъ этой обители, послѣ посѣданія въ Россіи на постоянное жительство, не забывалъ о благодареніяхъ, полученныхъ имъ отъ близкой его сердцу обители, и старался всячески покровительствовать ей и материально помогать. Несомнѣнно, благодаря его участливому отношенію, обитель Дусика вошла въ сношенія съ Россією, и монахи ея бывали нерѣдко гостями въ Москвѣ для испрошенія милостины у царя на нужды обители. Въ числѣ первыхъ гостей изъ этой обители и явился къ намъ въ Россію, „братъ родной архіепископу елассонскому“, архимандритъ Аванасій. Онъ пріѣхалъ въ Москву въ свитѣ тырновскаго митрополита Діонисія, въ 1590 году привезшаго изъ Константинополя утвердительную соборную грамоту относительно учрежденія у насъ въ Россіи патріаршества. Въ дѣлѣ о пріѣздѣ этого митрополита въ Россію говорится, что съ нимъ вмѣстѣ прибыли „три архимандрита: *архимандритъ Аванасей отъ Преображеня Христова Душкова монастыря, да съ нимъ священникъ Герасимъ, а другой архимандритъ Дамаскинъ отъ Всѣхъ Святыхъ изъ Метеора Варлаама, да старецъ Кипріанъ, а третій Меодій отъ Ображенія Христова отъ Заборда (sic) да съ нимъ старецъ Евфида, да два челоуѣка Ланда (?), да Лупа, а взиты мультянскія земли“ (Греческ. дѣла архив. мин. иностр. дѣлъ въ Москвѣ 7099 г. № 3). Объ этихъ архимандритахъ митрополитъ Діонисій „государю билъ челомъ, что они люди имянитые, и монастыри почтенные, а пріѣхали для милостины“ (тамъ же). Желанная милостыня была получена для монастырей, а архимандриту Аванасію, предпочтительно передъ другими архимандритами спутниками, какъ „брату родному архіепископа елассонскаго“, была оказана особая честь, и даны болѣе цѣнные подарки, чѣмъ прочимъ пріѣзжимъ архимандритамъ (тамъ же). Изъ того же монастыря Дусика или „Великихъ Вратъ“ снова являлись за милостынею въ Россію въ 1604 году три іеромонаха Давидъ, Евфимій и Каллиникъ, но такъ какъ „смоленская*

дорога была заперта“, по случаю морового повѣтрія, то имъ выдана была въ Смоленскѣ милостыня, и они принуждены были воротиться назадъ, не побывавъ въ Москвѣ. (Греческ. дѣла арх. мин. иностран. дѣлъ 7111 г. № 4).

Къ стр. 49—52. Относительно года кончины архіепископа Арсенія необходимо сдѣлать важную поправку. Мы, какъ извѣстно нашимъ читателямъ, отнесли съ недоувѣріемъ къ надгробной плитѣ, находящейся въ суздальскомъ соборѣ надъ гробницею святителя и заключающей въ себѣ на этотъ счетъ опредѣленную дату, т. е. *1625 году, 29 апрѣля*. Основаніемъ для этого недоувѣрія послужилъ главнымъ образомъ разговоръ ключаря Анавіи Феодорова о томъ, что архіепископъ Арсеній въ этомъ *1625 году и притомъ 23 ноября* принималъ участіе въ торжествахъ по случаю перенесенія въ Суздаль чудотворной иконы Казанской Божіей Матери, въ разслѣдованіи, по порученію патріарха Филарета, относительно чудесъ, бывшихъ въ Суздаль отъ этой иконы, и въ установленіи праздника въ честь ея на вѣчныя времена. Но мы впали здѣсь въ ошибку, упустивъ изъ вниманія то обстоятельство, что рассказчикъ держится хронологіи церковной, отъ сотворенія міра, по которой годъ начинается съ сентября мѣсяца, и человекъ, скончавшійся въ 7133 году (по современному счисленію 1625), *29 или 13 апрѣля*, могъ, слѣдовательно, съ полною возможностью принимать непосредственное участіе въ событіяхъ, происходившихъ въ *ноябрь мѣсяць* того же года. Въ достовѣрности 1625 года, какъ года кончины святителя, насъ можетъ убѣждать теперь и свидѣтельство, одного изъ ближайшихъ его преемниковъ по кафедрѣ и почитателя, Стефана, архіепископа суздальскаго, который въ 1668 году, т. е. всего только *черезъ сорокъ четыре года*, по кончинѣ архіепископа Арсенія, писалъ патріарху Іоасафу, что, „будучи онъ, архіепископъ Арсеній, въ Суздаль на своемъ престолѣ, волею Божіею, *преставися, и погребенъ бысть въ соборной церкви Рождества Пресвятыя Богородицы въ прошломъ 7133=1625*

юду, на лѣвой странѣ подлѣ столпа“. (Временникъ Импер. Москов. Общ. Исторіи и древностей россійскихъ 1855 кн. XXII, стр. 32).

Къ стр. 62. Въ 1592 году архіепископъ Арсеній архимандриту Хиландарскаго монастыря Гавріилу, пріѣзжавшему къ намъ въ Россію за милостынею и получившему особую грамоту отъ патріарха Іова въ 1591 году (Сношен. Россін съ Востокомъ по дѣламъ церковнымъ т. I, стр. 229—231) на право сбора ея, а затѣмъ и рекомендованному нашимъ правительствомъ русскому Аеоно-Пантелеимоновскому монастырю въ качествѣ его устроителя (тамъ же стр. 261), подарилъ славяно-русское евангеліе. Рукопись эта небольшого формата, въ 32 долю листа, писана четкимъ изящнымъ почеркомъ 1592 года, на 387 листахъ. Въ концѣ рукописи рукою писца сдѣлана слѣдующая приписка: Сїѣ евангеліе писано въ бѣохраннѣмъ ѿ кенародномъ црѣвѣищѣ граде Москвѣ. въ дни бл҃гоучтѣваго ѿ бѣохранѣмаго црѣ ѿ кенкаго кнѣза Феѡѡра Нѣаншкнча ксѣл Гоуѣн. самодрѣжца. а далѣ его ѿ бл҃гословнѣ бл҃гоучѣнннхъ ѿ ксѣѡспнннхъ архнпѣ кнрѣ Арсеніѣ елассѡскнн. архнмандрѣтѣ хнландарскаго Грнгоріа. лѣтѣ 39. мѣца февралѣа. 13. (Эта дарственная запись безъ соблюденія орфографіи и съ нѣкоторыми неточностями была напечатана въ „Магазинѣ сербскомъ—далматинскомъ“ у Задру 1864 г. кн. XXIII, стр. 174 и приписана здѣсь безъ достаточныхъ основаній („истомъ рукою написано“) самому Арсенію, архіепископу елассонскому). Подарокъ архіепископа Арсенія въ Хиландарскую обитель не попалъ, а перешелъ въ частныя руки, какъ гласитъ о томъ слѣдующая подпись внизу, на поляхъ евангелія: Сѣщннкѣ Іѡаннѣ Бусовнчѣ 1785 г. Сѣщномонахѣ Внктнн Кнжнвнчѣ кѡпнлѣ снѣ сѣтѣс евангелнѣ ѡдѣ Петра сннѣ сѣщннка Іѡанѣ Бусовнча пострнжннкѣ сѣтѣ Архадгнльскнѣ ѡнѣтѣнн Крѣкнѣнѣ 1803 года (л. 11—13). Во второй половинѣ истекающаго столѣтія рукопись эта принадлежала далматинскому епископу Сте-

фану и, по его духовному завѣщанію, была передана въ бібліотеку Задрской богословской школы, гдѣ она и хранится нынѣ подъ знакомъ: 13. I. b. a IV. 24. Благодаря любезному содѣйствію, бывшаго питомца нашей Академіи, извѣстнаго далматинскаго епископа Никодима Милаша, это евангеліе было выслано въ Совѣтъ Кіевской духовной Академіи для нашего непосредственнаго ознакомленія съ нимъ.

Евангеліе это имѣетъ изящныя виньетки и заглавныя буквы въ началѣ каждаго евангелиста, сдѣланныя голубою краскою съ зологомъ, и только лишь въ началѣ четвертаго евангелія и предъ мѣсяцесловомъ виньетки писаны чернилами. Предъ виньетками и заглавными буквами вставлены шелковые предохранительныя листы. Переплетъ на евангеліи красный кожаный, съ серебряными наугольниками, съ серебряной пластинкой съ начертательнымъ изображеніемъ Спасителя посреди и съ серебряными застежками XVI в. Текстъ евангельскій предваряется молитвою, которую мы приводимъ цѣликомъ, какъ образчикъ правописанія этой рукописи: Гѣ Ісѣ Хѣ. Сѣ і дѣнъ рѣшнѣмъ вѣзнѣнаго ѡца. рѣкѣмъ прѣчѣстѣмъ тѣи оустѣ. ѡко вѣзмиѣ не мѡжѣте творѣти ничѣсѣже. Гѣ мѡн Гѣ вѣрѡю шѣлѣ къ дѣши мѡнѣ и сѣци тѡкоѡ рѣчѣннаѣ. прѣпадаѡ тѡеѡнѣ вѣлѡстѣи. помѡзі ми грѣшнѣмоѡ. сѣе желѣаннѡе мнѡко начѣнъ о тѣебѣ самѡ и покѣршѣтѣи. Сѣцѣкѣ ради надѣѣжа прѡчѣтати дѡлжнѣи сѣтѣсѣ вѣвалѣе на конѣѡ дѣнѣ. Гѣ Хѣ, ѡгнѣ прѣндѡ вѣвѣрѣши на землѡю. сѣнѣдѣатѣлѣи же сѣи вѣщи лѡукакаго вѣтѣка. и и вѣжѣши вѣкорѣѣ хоѣщѣ. сѣнѣчѣ. вѣвѣлѣкоѣ прѡпокрѣданѣи, иже ѡбразѡ ѡгнѣа оѣщѣаѣѣ, и погѡубѣлѣѣ сѣгрѣшнѣнѣа вѣѣрѣжѣущѣихъ (л. 1).

Къ стр. 63—64. Относительно греческаго напрестольнаго евангелія, писаннаго Арсеніемъ, архієпископомъ елассонскимъ, въ Москвѣ въ 1596 году и пожертвованнаго имъ въ обитель пр. Саввы Освященнаго, мы ограничились лишь приведеніемъ приписокъ къ нему, имѣющихъ значеніе для біографіи

списателя рукописи. Подробнаго описанія рукописи мы не сдѣлали на томъ основаніи, что такое описаніе, какъ намъ казалось тогда, интересующіеся могли видѣть въ книгѣ Пападопуло-Керамевса „Ἱεροσολυμιτικὴ βιβλιοθήκη. Ἐν Πετρούπ. 1897 ετ. τ. γ', σελ. 200—203“, но, познакомившись съ этимъ евангеліемъ непосредственно, во время послѣдняго (1898 г.) путешествія въ Іерусалимъ, мы убѣдились, во-первыхъ, что описаніе г. Пападопуло-Керамевса не отличается обстоятельностью и не чуждо нѣкоторыхъ важныхъ погрѣшностей, а во-вторыхъ, что настоящее евангеліе, по нашему мнѣнію, заслуживаетъ гораздо большаго къ себѣ вниманія и болѣе подробнаго описанія со стороны русскихъ изслѣдователей, и въ виду его особаго историческаго значенія, и какъ памятника русскаго художества конца XVI в., заключающаго въ себѣ довольно много миниатюръ, вставокъ и раскрашенныхъ заглавныхъ буквъ.

Евангеліе арх. Арсенія въ большой листъ (40×20 сантиметровъ), 512 листовъ, писано разгонистымъ и довольно крупнымъ почеркомъ (величина текста на страницахъ 24×13 сантиметровъ) по 18 строкъ на страницѣ. Рукопись эта—*Диракосъ*, и поэтому, кромѣ четырехъ евангелистовъ въ порядкѣ чтеній изъ нихъ въ теченіе цѣлаго года, заключаетъ въ себѣ 1) Εὐαγγέλιον ἑωθινὰ καὶ ἀναστάσιμον α', 2) Μηνολόγιον и 3) Εὐαγγέλιον εἰς διαφόρους μνημῆας ἁγίων.

На оборотѣ перваго листа, въ цѣльную страницу, имѣется изображеніе св. евангелиста Іоанна Богослова, стоящаго предъ скалистою пещерою. Голова его повернута по направленію къ небу, откуда на него падаютъ три луча, лѣвая рука прижата къ груди, а правая сложена какъ бы для благословенія. Ученикъ его *Прохоръ* сидитъ передъ пещерою и пишетъ со словъ евангелиста диктуемый текстъ *пославянски*. Бордюра нѣтъ, но его замѣняетъ цвѣтокъ, сдѣланный чернилами. На слѣдующемъ листѣ, передъ началомъ текста изъ евангелія отъ Іоанна, имѣется простая виньетка, состоящая изъ цвѣточнаго орнамента, сдѣланнаго перомъ; наверху за-

ставки и по бокамъ написаны красками въ небольшихъ медальонахъ Деисисъ, четыре евангелиста, святитель Николай чудотворецъ съ надписью: „ὁ ἅ Νικόλα“ и преподобный Савва Освященный съ надписью: *прпѣб. Савв.* (Мѣсто, куда предназначалось евангеліе). Славянскія надписи имѣются и надъ остальными изображеніями данной страницы.

Каждая начальная буква чтеній изъ евангелія отъ Іоанна, за исключеніемъ трехъ послѣднихъ чтеній, заключаетъ въ себѣ миньятюру, иллюстрирующую текстъ даннаго чтенія. Величина этихъ миньятюръ—буквъ въ общемъ хотя и не велика, но чрезвычайно разнообразна: миньятюра-первая имѣетъ 7×6 сантиметровъ, девятая— 7×5 с., шестнадцатая— 5×4 с., двадцать первая и двадцать вторая— 5×3 с., двадцать третья, тридцать первая и тридцать пятая— 6×5 с., тридцать шестая— 6×3 с., сорокъ первая— $6 \times 4\frac{1}{2}$ с., сорокъ четвертая— 6×4 с., сорокъ пятая— $5\frac{1}{2} \times 4$ с., пятнадцатая, девятнадцатая и двадцатая— $3\frac{1}{2} \times 2$ и 3×2 с., а всѣ остальные— $4\frac{1}{2} \times 3$ с. Первая миньятюра—буква заключаетъ въ себѣ двѣ картины: а) Воскресеніе Господа и на облакахъ Господь Вседержитель въ видѣ старца съ короною на головѣ и б) проповѣдь Предтечи въ пустынѣ, вторая—явленіе Христа апостоламъ, по воскресеніи, въ храмнѣ, дверемъ заключеннымъ, третья—двѣ картины: а) Богъ Отецъ на тронѣ и на лонѣ Его Господь Іисусъ Христосъ и б) посольство къ Предтечи съ вопросомъ: Онъ ли Христосъ? четвертая—двѣ картины: а) апостоль Петръ въ гробѣ Спасителя созерцаетъ пелены и б) явленіе Господа двумъ ученикамъ, шедшимъ въ Еммаусъ, пятая—свидѣтельство Іоанна Предтечи: „Се Агнецъ Божій“, шестая—бесѣду Спасителя, сидящаго на тронѣ, съ Никодимомъ, седьмая—изгнаніе продавецъ изъ храма, восьмая—двѣ картины: а) крещеніе Іоанномъ Предтечею приходящихъ къ нему въ Енонѣ и б) и крещеніе имъ же Господа „*πέραν τοῦ Ἰορδάνου*“, девятая—освященіе Спасителя апостоломъ Ѳомою, десятая—бракъ въ Канѣ Галилейской (Христосъ, Богоматерь и ученики сидятъ вмѣстѣ съ

женихомъ и невѣстою, имѣющими на головахъ вѣнцы, за сервированнымъ столомъ. Архитриклинь наливаетъ вино изъ кожаныхъ мѣховъ, а вблизи его одинъ изъ слугъ закалаетъ животное), 11—14, 18—22, 24—25, 27—30, 34—37, 39—40, 42—43 и 45—49 миниатюры изображаютъ Господа бесѣдующимъ или съ учениками, или съ приходщими къ нему группами іудеевъ, 15-я—двѣ картины: а) удаленіе Спасителя на гору для молитвы и отъѣздъ учениковъ въ Капернаумъ и б) и хожденіе по водамъ, 16-я—три картины: а) распятіе, б) просьба тѣла Іисусова у Пилата, сидящаго на тронѣ, Іосифомъ Аримафейскимъ и с) положеніе во гробъ Спасителя, 17-я—двѣ картины: а) просьба капернаумскаго сотника объ исцѣленіи Господомъ его болящаго сына и б) воскрешеніе этого сына, 23-я—исцѣленіе ослабленнаго у овчей купели, 24-я—Христосъ-Отрокъ въ храмѣ іерусалимскомъ среди книжниковъ и фарисеевъ, 31-я—двѣ картины: а) исцѣленіе Спасителемъ слѣпорожденнаго и б) умовленіе послѣдняго въ Силоамской купели, 32-я—синадріонъ іудейскій, замышляющей убить Господа, 33-я—двѣ картины: а) синадріонъ и б) проповѣдь Христа среди іудеевъ, 38-я—насыщеніе пяти тысячъ народа пятью хлѣбами и двумя рыбами, 41-я—Вознесеніе Господа и 44-я—первосвященническая молитва Господа. Три послѣднія чтенія изъ евангелія Іоанна имѣютъ заглавныя буквы изъ цвѣточнаго орнамента. Миниатюры съ первой по сорокъ шестую писаны художественно красками, а три послѣднія писаны на скорую руку штрихами и перомъ.

Евангелистъ Матеей (л. 65 об.) изображенъ сидящимъ за столомъ, съ письменными принадлежностями, въ виду двухъ зданій, изъ коихъ одно на подобіе кресла съ высокою спинкою, а другое—домъ съ навѣсомъ, поддерживаемымъ двумя толстыми, съ перехватами сверху и внизу, колонками. Оба зданія соединяются посредствомъ флаговъ или перекинутыхъ полотенъ изъ одного зданія въ другое. Изображеніе имѣетъ слѣдующую надпись, сдѣланную вязью: *лсѣѡ Маданшѡсѡ*. Краски блѣдныя. На слѣдующей страницѣ, передъ текстомъ

чтеній изъ евангелія отъ Матѳея, имѣется, въ качествѣ виньетки, изображеніе ангела съ книгою въ рукахъ, а наверху и по бокамъ его находятся медальерныя изображенія Деисиса, четырехъ евангелистовъ и святителей Василя Великаго и Іоанна Златоустаго безъ всякихъ надписей. (Изображенія святителя Григорія Богослова, о которомъ упоминаетъ г. Пападопуло - Керамевсъ, мы не нашли среди этихъ медальоновъ, да оно было бы излишне и портило-бы симметрію).

Заглавная буква перваго чтенія ($7\frac{1}{2} \times 5$ сант.) представляетъ двѣ картины: а) вверху Богъ Отецъ, сѣдящій на тронѣ, въ бѣломъ одѣяніи съ державою въ рукѣ и предстоящіе по бокамъ ангелы и б) внизу Спаситель, прощающій грѣшниковъ. Въ чтеніяхъ изъ этого евангелиста имѣется еще одна миниатюра—буква на л. 71 об. ($6 \times 4\frac{1}{2}$ сант.), изображающая бесѣду Господа съ учениками, а всѣ остальные заглавныя буквы чтеній сдѣланы изъ растительнаго орнамента, раскрашеннаго красками.

Евангелистъ Лука (л. 173 об.) изображенъ сидящимъ на скамеечкѣ передъ столомъ, на которомъ красуются чернильница, ножницы, подсвѣчникъ и другія вещи, необходимыя при писаніи рукописей, а въ столѣ виднѣются рукописныя свитки. Текстъ списываемаго евангелія и оригинала для него, лежащихъ на этомъ столѣ, греческій, но съ ошибками. За евангелистомъ изображены два зданія, одно многоугольное съ многоугольнымъ куполомъ и двускатною кровлею, а другое обыкновенной формы съ надстройкою наверху и съ полукупольною покрывкою. На слѣдующей страницѣ, въ началѣ чтеній изъ евангелія отъ Луки, изображенъ левъ съ закрытою книгою въ лапахъ, а наверху и по бокамъ его—изображенія въ медальонахъ Деисиса, четырехъ евангелистовъ и московскихъ святителей въ бѣлыхъ клобукахъ (Указаніе на мѣсто, гдѣ было изготовлено настоящее евангеліе) съ славянскими надписями: *Пѣтъ* и *Алексі*. (Объ этихъ русскихъ святы-

начальная буква чтеній изъ евангелія составлена изъ цвѣточного орнамента и художественно раскрашена красками.

Евангеліе 1596 г. имѣло на себѣ несомнѣнно драгоценный окладъ, доказательствомъ чего могутъ служить серебряные гвозди, сохранившіеся доселѣ на выходныхъ доскахъ и прикрѣплявшіе нѣкогда этотъ окладъ, и красный атласъ на внутренней сторонѣ этихъ досокъ, которыя, при снятіи оклада, были переломаны пополамъ. Объ этомъ драгоценномъ окладѣ сообщилъ намъ свѣдѣнія нынѣшній скевофилаксъ святого Гроба, архимандритъ Евѳимій, что онъ въ 1862 году былъ употребленъ на нужды святого Гроба. Если принять во вниманіе, что данное евангеліе имѣло какое нибудь отношеніе къ личности Бориса Годунова, а въ этомъ, какъ увидимъ сейчасъ, едва ли можно сомнѣваться, то окладъ на этомъ евангеліи долженъ быть не малоцѣненъ...

Въ нашемъ описаніи настоящаго евангелія нельзя не обратить вниманія на л. 320, т. е. на начало евангелія Марка, или, точнѣе, на его начальную виньетку и имѣющіяся здѣсь медальонныя изображенія святыхъ, присутствіе которыхъ въ данномъ евангеліи едва ли можно объяснить простою случайностію. Въ группѣ изображенныхъ святыхъ мы видимъ здѣсь св. мученика князя Бориса, св. Марію Магдалины, великомученика Θεодора Тирона и преподобную Ксенію, т. е. святыхъ покровителей всей семьи конюшеннаго боярина и царскаго шурина Бориса Годунова, у котораго супруга называлась *Марією* Григорьевною, сынъ и наследникъ *Θеодоромъ* Борисовичемъ и красавица дочь *Ксенією* Борисовною. Изображеніе св. мученика Глѣба попало сюда несомнѣнно для симметріи и потому еще, что эти два родные брата—святые мученики—въ нашей иконографіи всегда пишутся вмѣстѣ. Но почему здѣсь пишется изображеніе преподобнаго Θεодота—это для насъ непонятно, и мы затрудняемся дать объясненіе этому явленію. Припоминая теперь время написанія даннаго евангелія, т. е. 6 марта 1596 года, „когда, по выраженію

приписки къ евангелію, свитръ (русскаго) царства держалъ (въ своихъ рукахъ) царь Феодоръ (Ивановичъ)^а, и когда его вліятельный бояринъ Борисъ Годуновъ еще былъ далекъ отъ русскаго престола, странность появленія святыхъ патроновъ этой семьи въ рукописи, предназначавшейся къ отправкѣ въ Іерусалимъ, въ обитель пр. Саввы Освященнаго, и притомъ отъ имени самого переписчика, Арсенія, архіепископа елассонскаго, на поминъ его собственной родной семьи,—вполнѣ очевидная для всякаго читателя. Въ виду этого у насъ является невольное убѣжденіе, что настоящая рукопись была писана, по порученію Бориса Годунова, и предназначалась къ пожертвованію въ чтимую имъ лавру пр. Саввы Освященнаго черезъ, гостившаго въ то время въ Россіи, келаря Дамаскина, пользовавшагося особеннымъ благоволеніемъ его. (Греческ. дѣла въ главн. архивѣ мин. иностран. дѣлъ 7099 г., № 3; 7111 г., № 2; 7111 г. № 3). Отправлена эта была рукопись въ назначенное мѣсто не ранѣе 1604 года, когда Борисъ Годуновъ сидѣлъ уже на русскомъ престолѣ, потому что Дамаскинъ келарь, прибывъ въ Россію въ 1590 году, не выѣзжалъ изъ Россіи болѣе десяти лѣтъ (тамъ же 7111 г. № 2), и монахи лавры „четыренадцать лѣтъ царской милостыни не имѣли“. Можно думать, что эта посылка была одновременно съ посылкою другого евангелія¹⁾ для святаго Гроба,

1) Второе греческое евангеліе, писанное въ Москвѣ и извѣстное подъ именемъ евангелія царя Бориса, хранящееся нынѣ въ Святотробской скевофилакѣ, описывалось уже неоднократно, но эти описанія не были обстоятельны и не лишены нѣкоторыхъ фактическихъ погрѣшностей. Ученые греки Г. Палама (Ἱεροσόλυμιάς, ἤτοι ἐπίτομος ἱστορία τῆς ἁγίας πόλεως Ἱεροσολήμ. ἐν Ἱεροσολ. 1862 ἐτ. σελ. 489—490, σημ. .1), архимандритъ Кириллъ Аванасіадисъ (Σωτήρ 1889, т. XII, τεύχος β' σελ. 55, σημ.) и Ав. Пападопуло-Керамевъ (Ἱεροσόλυμιτικὴ βιβλιοθήκη. ἐν Πετροῦκ. 1897 ἐτ. т. γ' σελ. 219—223), воспроизвода дѣлкомъ и совершенно *крайне* (хотя въ самомъ надпи-

врученною патриаршему посланнику этого времени, архимандриту Теофану (Тамъ же), съ которымъ покинулъ Россію и

сани на окладѣ имѣются географическія описки, допущенныя русскимъ мастеромъ) греческія приписки на евангелии и на его окладѣ, считаютъ, однако, это евангеліе даромъ царя *Теодора Ивановича*, или этого послѣдняго вмѣстѣ съ русскимъ диктаторомъ (ῥῆσος διχτάτωρ) Борисомъ Годуновымъ (А. П.-Керамевъ). Основаніемъ для нихъ служатъ заключительныя слова приписки на окладѣ евангелия, въ которой упоминается имя *Теодора, сына Бориса Годунова* ((καὶ οὐ)ἰδς αὐτοῦ Θεδο(ω)ρος), принятое ими, очевидно, по недоразумѣнію, за имя царя Теодора Ивановича, который на самомъ дѣлѣ не имѣетъ никакого отношенія къ этому второму греческому евангелію, если не имѣть въ виду, что оно писалось и получило свой драгоценный окладъ въ царствованіе этого послѣдняго. Надлежащимъ образомъ поняли значеніе этихъ приписокъ наши любители древнихъ намятниковъ искусства и письменности, которымъ приходилось разсматривать и интересоваться даннымъ евангеліемъ, напр. *А. Г. Яковлевъ* (Извѣст. археологическаго института въ Константинополѣ в. I, отд. III, стр. 24—25), *Θ. И. Успенскій* (тамъ же в. II, отд. I, стр. 34—35) и *А. А. Суворкинъ* (Палестина в. XXII), но, къ сожалѣнію, и наши описыватели даннаго евангелия не только не воспроизвели точно греческихъ приписокъ къ евангелію, но не нанесли даже и славянской вкладной записки, находящейся на краяхъ золотокованнаго оклада. Читается эта любопытная записка такъ: *Лѣтъ 331* еию сѣбѣ книгѣ ѿ пречистыхъ и ежеистинныхъ оустѣ салѣмъ Гѣлимъ глѣмогъ евангеліѣ положилъ ко сѣбѣ цѣкоѣ прискѣтлаго и тридѣнаго коскрѣнна еликого Гѣа Бѣа и Епѣа наше Гѣа Хѣа на сѣтъи и прѣвыкони прѣтѣлазъ на ежеистиннѣ ѿго гѣвокоме иже етъ ко сѣтѣмъ градѣ Іерѣлѣ многогрѣшныи Борѣ и Θεόδωρѣ. (ζβδ' Τὸ παρὸν βιβλίον, ἔπερ ἐκ τοῦ καθαρῶτάτου καὶ θεϊκῶτάτου Αὐτοῦ στόματος τοῦ Κυρίου ὀνομάσθη εὐαγγέλιον, ἀφίερῶσεν εἰς τὴν ἁγίαν ἐκκλησίαν τὴν φωτηγοτάτην (sic) τῆς τριημέρου Ἀναστάσεως τοῦ μεγάλου Θεοῦ καὶ Σωτήρος ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ, εἰς τὴν ἁγίαν καὶ ὑψηλωτάτην (sic) τράπεζαν, ἀνωθεν εἰς τὸν θεωτηχὸν (sic) Αὐτοῦ τάφον, τὸν ἐν τῇ ἁγίᾳ πόλει Ἱερουσόλημ (sic) Μπαρούσιος (καὶ οὐ)ἰδς αὐτοῦ Θεόδωρος (sic).* Обстоятельное

названный келарь Дамаскинъ (Тамъ же, 7111 г. № 3). Этимъ обстоятельствомъ мы объясняемъ и тотъ фактъ, что евангеліе, писанное Арсеніемъ, архіепископомъ елассонскимъ, не попало, по своему назначенію, въ обитель св. Саввы, а задержано было въ скевофилавіи св. Гроба, гдѣ оно хранится и до настоящаго времени. Какъ извѣстно, монахи лавры, въ силу разнаго рода неблагопріятныхъ обстоятельствъ, покинули тогда обитель „на малое время, доколѣ отъидеть гнѣвъ Господень, я, поймавъ всѣ свои сосуды монастырскіе, и *приняли отъ святой грады Иерусалимъ, въ другой монастырь свой великихъ чиновачальникъ Михаила и Гавриила*“ (Греч. дѣла арх. мин. иностран. дѣлъ 7111 г. № 2). Скевофилакія святого Гроба была признана удобною хранительницею этого царскаго подарка навремя, но послѣ, по переселеніи иноковъ обители пр. Саввы Освященнаго снова въ лавру, давнее евангеліе оставлено было въ своемъ временномъ пріютѣ и уже навсегда потому сдѣлалось неотъемлемымъ его достояніемъ.

Считаемъ благовременнымъ исправить здѣсь нѣкоторыя свои неточности въ переводѣ второй приписки къ настоящей рукописи, говорящей о времени написанія ея Арсеніемъ, архіепископомъ елассонскимъ. Вотъ болѣе правильный переводъ ея: „Книга эта окончена 6 марта рукою грѣшнаго (*τῆχα*) Арсенія и архіерея богоспасаемаго града, т. е. Елассоны, который находится и лежитъ вблизи Эллады, въ 7104 = (1596 году) отъ начала существованія всего міра, въ городѣ Москвѣ великой Россіи, когда скиптръ этого царства держалъ царь Θεодоръ, великій самодержецъ владимірскій, московскій и всего сѣвера. Послана она на поминованіе меня и родителей, и родныхъ моихъ братьевъ архіереевъ и іеромонаховъ (*ἀρχιερομονάχων*):

описаніе настоящаго евангелія и его драгоцѣннаго оклада, съ существенными поправками и дополненіями къ извѣстнымъ намъ описаніямъ, мы сдѣлаемъ въ особой статьѣ, общанной нами для «Извѣстій археологическаго института въ Константинополѣ».

Феодоръ священникъ былъ отцемъ моимъ и Христодудіа—матерью моею, а также братьями моими Іоасафъ, (епископъ) стагонскій, Маркъ, (епископъ) Димитріады, Аванасій, Пахомій, слава іеромонаховъ,—въ честную обитель Саввы Освященнаго, находящуюся въ Палестинѣ, вблизи Іордана, во славу Отца и Сына и Святаго Духа трисіятельныя и святыя (καὶ σεπτῆς въ подлинникѣ, а не τῆς σεπτῆς, какъ прочиталъ г. Керамевсъ-Пападопуло) нераздѣльныя Троицы“. Признаемъ не лишнимъ упомянуть здѣсь и о томъ, что на рукописи имѣется, кромѣ двухъ приписокъ писца рукописи, отмѣченныхъ г. Пападопуло-Керамевсомъ, и еще одна, писанная повдвѣйшею рукою: „Τὸ παρὸν ἅγιον εὐαγγέλιον ἐγράφη ἔτος ἀπὸ Χριστοῦ 1596 ,αφ' ἧς' ὡς ἄνωθεν διαλαμβάνει ὁ στίχος ἀπὸ 'Αδὰμ 7104=,ζρδ'.“

Къ стр. 69. Славяно-русское евангеліе XVI в., подаренное Арсеніемъ, архіепископомъ суздальскимъ, въ 1619 году въ Никольскій Шартомскій монастырь, въ настоящее время передано въ церковно-археологическій музей Александро-Невскаго братства въ городѣ Владимірѣ на Клязьмѣ. Ознакомившись непосредственно съ этимъ евангеліемъ, мы убѣдились, что описаніе его, сдѣланное іеромонахомъ Іоасафомъ (Церковно-историческое описаніе суздальскихъ достопамятностей. Чугуевъ 1857, стр. 30—31), не отличается точностію, по крайней мѣрѣ, для нашего времени, такъ какъ съ 50-хъ годовъ истекающаго столѣтія оно пережило, очевидно, немало превратностей. До настоящаго времени евангеліе это, въ осьмую долю листа, сохранило лишь 287 листовъ. Рукопись имѣла когда-то миньютюрныя изображенія четырехъ евангелистовъ, но изъ нихъ уцѣлѣли лишь двѣ миньютюры—ὁ ἅγιος Μάρκος и ἅγιος Λουκᾶς. Изображенія, сдѣланныя перомъ и раскрашенныя потомъ красками, не высокаго достоинства въ художественномъ отношеніи, хотя, судя по правильности надписаній надъ изображеніями, художникомъ былъ грекъ, но виньетки предъ началомъ cadaго евангелиста изъ

скіе и женскіе монастыри, и всѣмъ бѣднымъ и нуждающимся. Особенно богатую милостыню онъ отправилъ во святую Гору и во всѣ монастыри Востока и Запада (*καὶ εἰς ἅπαντα τὰ μοναστήρια Ἀνατολῆς τε καὶ Δύσεως*). Этотъ святой царь и великій князь Θεодоръ былъ весьма добрый и милостивый, и весьма кроткій царь, какъ никто другой изъ прежде его бывшихъ великихъ князей; и за его доброту всѣ цари и власти-тели, находившіеся близъ него, промышленіемъ и мавовеніемъ великаго царя нашего Бога, почитали его. Сей святѣйшій царь и великій князь Θεодоръ, подарствовавши въ своемъ земномъ царствѣ пятнадцать лѣтъ, (водворился) въ небесномъ царствѣ со святыми вѣчно, получивъ въ обмѣнъ на земное царство небесное, 7 числа января мѣсяца. И погребли его въ честномъ соборномъ архангельскомъ храмѣ съ отцами его, внутри предѣла святого Іоанна Лѣствичника, съ плачемъ и рыданіемъ въ теченіе многихъ дней. Весь народъ Москвы и всей великой Россіи пролилъ великій и весьма горькій вопль, такъ какъ лишились такого кротчайшаго и благочестивѣйшаго святого царя“.

Царствованіе благочестивѣйшаго царя и великаго князя Бориса Θεодоровича Годунова всея Россіи.

„Весь синелить двора и соборъ архіереевъ, и весь народъ великой Москвы и всей Россіи, согласно съ мнѣніемъ и волею царицы и великой княгини Ирины, провозгласили царемъ и великимъ княземъ всей великой Россіи великаго боярина Бориса Годунова въ женскомъ монастырѣ за Московою, гдѣ находилась царица Ирина, сдѣлавшаяся монахинею, переименовавшись въ божественной и ангельской схимѣ въ монахиню Александру. Въ лѣто отъ созданія міра 7107, отъ рождества же Христова 1598, въ Сентябрѣ мѣсяцѣ, въ день воскресный, великій патріархъ Москвы и всей Россіи избраннаго Бориса Годунова, брата Ирины, царицы всея

Россіи, короновалъ въ царя московскаго и всея Россіи въ патріархіи, въ соборномъ храмѣ пречистой Богородицы, въ присутствіи всѣхъ архіереевъ и архимандритовъ, и бояръ, и всего сивилита, и всего народа Москвы. Находились ¹⁾ (при этомъ) многіе архіереи и архимандриты изъ Константинополя: епископъ *Ериссо* и святой Горы киръ *Игнатій*, который, спустя нѣкоторое время, сдѣлался архіепископомъ *Рязанскимъ* и патріархомъ *Москвы* и всея *Россіи*, и архіепископъ *ахридскій* киръ *Нектарій*, и митрополитъ *видинскій* *Феофанъ*, и великій архимандритъ *іерусалимскій* киръ *Дамаскинъ* изъ *Эллады*, и великій старецъ великой лавры святого *Саввы Освященнаго* въ *Іерусалимѣ* *Дамаскинъ*, и многіе другіе іеромонахи святой *Аѳонской* горы и изъ другихъ различныхъ монастырей. И какъ только былъ вѣнчанъ царь и возсѣлъ на царскій престолъ, то особенно почитилъ бояръ и всѣхъ придворныхъ, давъ имъ многіе подарки и учинивъ провводства ихъ изъ одного достоинства въ другое.

Итакъ, онъ явился подражателемъ блаженнѣйшаго и освященнаго отца своего царя *Феодора* (Ὁὗτος οὖν ἐμιμήθη τὸν μακαριώτατον καὶ ἡγιασμένον πατέρα (sic) αὐτοῦ βασιλέα Θεόδωρον) и раздавалъ каждый день великую милостыню. Имѣлъ онъ во многихъ мѣстахъ назначенныхъ людей, кото-

1) „Ἰπῆρχον καὶ πολλοὶ ἀρχιερεῖς καὶ ἀρχιμανδρίται ἀπὸ Κωνσταντινουπόλεως· ὁ ἐπίσκοπος Ἐρισσοῦ καὶ Ἁγίου Ὁρους κὺρ Ἰγνάτιος, ὅστις μετὰ καιρὸν οὐ πολὺν ἀρχιεπίσκοπος Ῥαζανίου καὶ πατριάρχης Μοσχολίας καὶ πάσης Ῥωσσίας ἐχρημάτισε, καὶ ὁ ἀρχιεπίσκοπος Ἀχριδῶν κὺρ Νεκτάριος, καὶ ὁ μητροπολίτης Βοδενῶν Θεοφάνης, καὶ ὁ μέγας ἀρχιμανδρίτης τῶν Ἱεροσολύμων κὺρ Δαμασκηνός, ὁ ἐξ Ἑλλάδος (πρὸς ἰσχυρῶς, καλεῖται, ἐκ μετορσкаго монастыря „Варлаамъ“), καὶ ὁ μέγας γέρον κὺρ Δαμασκηνός τῆς μεγάλης λαύρας τοῦ ἁγίου Σάββα τοῦ Ἠγιασμένου, τοῦ ἐν Ἱεροσολόμοις, καὶ ἄλλοι πολλοὶ ἱερομόναχοι ἀπὸ τοῦ Ἁγίου Ὁρους τοῦ Ἀθῶνος καὶ ἀπὸ ἄλλα διάφορα μοναστήρια“.

рые раздавали повседневно милостыню не только по Москвѣ, но и по всей Россіи. Оцъ роздалъ милостыню по монастырямъ, священникамъ и всѣмъ нуждающимся.

„Во второй годъ его царствованія былъ великій голодъ во всей Россіи, и продавался мѣшокъ пшеницы болѣе, чѣмъ за тысячу двѣсти аспръ, т. е. за десять золотыхъ флориновъ. И сей царь, какъ великій милостынедавецъ, каковымъ былъ, роздалъ много хлѣба и много предметовъ нуждающимся и бѣднякамъ и освободилъ безчисленный народъ отъ великаго и ужаснаго того голода.

„Этотъ царь и великій князь Борисъ имѣлъ прекраснаго сына по имени Θεοδора и красивѣйшую дочь по имени Ксенію“... Далѣе разскавъ идетъ о сватовствѣ датскаго принца за дочь царя Бориса Ксенію и о посольствѣ въ Грузію съ цѣлью сосватать за сына, царевича Θεοδора, грузинскую царевну у царя Александра. См. стр. 367—368.

„Въ томъ же году (т. е. четвертомъ) скончалась сестра царя, царица Александра монахиня, и похоронили ее въ Вознесенскомъ монастырѣ внутри Москвы съ прочими великими княгинями и царицами. Она, послѣ смерти мужа ее, прожила четыре года. Въ (память) этой царицы Александры монахини царь Борисъ роздалъ большую милостыню архіереямъ, священникамъ и во всѣ монастыри не только въ Москвѣ и въ Россіи, но въ Константинополь, и въ Александрію, и въ Антиохію, и въ Іерусалимъ святѣйшимъ патріархамъ, архіереямъ, отправилъ великую милостыню на святую Гору и во всѣ монастыри Востока и Запада. Онъ возобновилъ и украсилъ многія церкви и монастыри и т. д. См. выше стр. 369—370.

„Ἄλλ' ὁ πάντα ¹⁾ βασχαίνων δαίμων, μὴ δυνάμενος ὑποφέρειν θεοφρεῖν τὸ ἀγαθὸν καὶ τὰς καλὰς καὶ πολλὰς πράξεις, καὶ ἀνδρογαθίας τοῦ καλοῦ καὶ εὐσεβοῦς βασιλέως, ἢ ἐξ ἡμῶν ἀμαρτιῶν, ἢ

1) Русскій переводъ этого весьма интереснаго мѣста мецгаравъ архієпископа Арсенія, который въ своихъ воззрѣніяхъ на личность Іжедимитрія несомнѣнно двоился, см. выше стр. 370.

οἷς κρίμασιν οἶδε ὁ Θεός, ἀνήγειρε νέον ἀνθρωπάριον καὶ μοναχὸν βακενδύτην, καὶ ἱεροδιάκονον, τοῦνομα Γρηγόριος μοναχὸς ἐκ τῆς μεγάλης μονῆς τοῦ ἀρχιστρατήγου Μιχαὴλ ἔνδον Μοσχοβίας, καὶ μοναστήριον τοῦ ἐν ἁγίοις πατρὸς ἡμῶν μητροπολίτου Μοσχοβίας Ἀλεξίου τοῦ θαυματουργοῦ. Καὶ ἐστρώθη δι' αὐτὴν τὴν βασιλείαν, ὅστις ἀπελθὼν εἰς τὴν Δελίαν, ἔχων μεθ' ἑαυτοῦ καὶ δύο μοναχοὺς, συνεργοὺς τοῦ θελήματος αὐτοῦ, ὠνομάσθη διὰ υἱὸς τοῦ βασιλέως καὶ μαγάλου κνέζου Ἰωάννου Βασιλειεβίτζη μεγάλης Ῥωσσίας, Δημήτριος ὄνομα. Ὅστις Δημήτριος πρὸ τοῦ Θεοδώρου βασιλέως ἐφρονεῦθη, ἐν ᾧ κάστρῳ ἐφυλάττετο Οὐγλητζα, συνεργεῖα τοῦ βασιλέως Μπαρούση, ὄντος αὐτοῦ ἔτι ἀρχων, καθὼς πολλοὶ εἶπαν.

„И нѣкто князь по имени Адамъ Вишневецкій, услыхавъ, такъ какъ монахи утверждали, что онъ истинно сынъ царя и великаго князя Ивана Васильевича, взявъ его въ домъ свой, снялъ съ него монашескія одѣянія, одѣлъ въ свѣтскіи костюмъ и представилъ великому королю Польши. Великій же король, принявши его милостиво, поручилъ его Сендомирскому воеводѣ господину Георгію на время, чтобы разузнать относительно него. Воевода Сендомирскій, принявшій его въ домъ свой, имѣя и дочь дѣвицу по имени Марію, условились другъ съ другомъ, что онъ возьметъ ее въ жены, чтò и случилось въ непродолжительномъ времени. Этотъ воевода Сендомирскій, безъ совѣта и желанія великаго короля Польши Сигизмунда, собравши въ качествѣ войска многихъ юношей къ нему, который именовался Димитріемъ, сыномъ царя великой Россіи Ивана Васильевича, началъ выдавать его, именуемаго Димитріемъ, что онъ сынъ царя великой Россіи Ивана Васильевича. И когда они явились со многими воѣскомъ на границы великой Россіи въ городъ Черниговъ, то воеводы черниговскіе, услышавши молву о немъ, что онъ сынъ царя Ивана всея Россіи, приняли его съ радостію безъ всякаго замѣшательства или войны, какъ сына царя Ивана. Равнымъ образомъ и Путивль,—и это укрѣпленіе большое и сильное,—принялъ его съ удовольствіемъ. Услышавши, и прочіе города и

народъ поклонились ему, какъ царю и сыну царя Ивана. Царь Борисъ, получивъ это извѣстіе, смутился и, пославши многочисленныя войска, съ великимъ стараніемъ преслѣдовалъ его. Войско его (т. е. Лжедимитрія) было раздѣлено на двѣ части: самъ онъ одинъ съ немногочисленнымъ войскомъ убѣжалъ въ большую крѣпость Путивль и скрылся, а другая часть войска его вошла въ крѣпость Кромъ, крѣпость большая и сильная. Итакъ, неразумные осаждали Кромъ, а не Путивль, которая была корнемъ и главою, въ теченіе трехъ съ половиною мѣсяцевъ.

„И 13 Апрѣля мѣсяца, въ субботу, царь Борисъ, будучи здоровъ, послѣ обѣда, когда бояры удалились по своимъ домамъ, и самъ царь Борисъ, удалившись изъ столовой во внутренній покой дворца, неожиданно скончался. Прибывшій вскорѣ патріархъ киръ Іовъ едва успѣлъ и приобщилъ его Божественныхъ Таинъ и постригъ его въ монахи, назвавъ его Боголюбцомъ монахомъ, т. е. Боголюбезнымъ. Итакъ, патріархъ, архіереи, священники, всѣ бояре и народъ похоронили его съ великою честію и псалмопѣніемъ въ всечестномъ архангельскомъ храмѣ съ прочими царями и великими князьями, вблизи благочестивѣйшаго царя Θεодора. Всѣ бояре и народъ, лишившіеся такого царя и попечителя о царствѣ и милостиваго во многомъ, сильно скорбѣли и оплакали великимъ и весьма горькимъ плачемъ. О несчастіе! Какое несчастіе началось съ того часа“... См. далѣе стр. 371.

Къ стр. 90 (кн. V, 1898 г.), Считаемо нужнымъ исправить ошибку въ переводѣ слѣдующихъ строкъ мемуаровъ: „Итакъ, если бы онъ пожелалъ взять царицу Марію въ жены, будучи вдовымъ и не имѣя въ то время супруги, при желаніи и самой царицы и отца ея Георгія Сендомирскаго и всѣхъ его приверженцевъ, *то онъ не мишился бы царства* (ὅχι ἤθελε τρεπήσῃ τῆς βασιλείας), но онъ предпочелъ взять себѣ молодую и красивую дѣвицу и т. д.

Къ стр. 102 Неудачнымъ намъ кажется переводъ и послѣднихъ строкъ этой страницы, а поэтому мы исправляемъ его такимъ образомъ: „Все это произошло по той причинѣ, что король не хотѣлъ дать сына своего въ цари имъ, какъ общался раньше. *Говорилось* (въ Польшѣ), что онъ или дастъ сына своего въ цари имъ, или оставитъ Москву сожженною и т. д., (Тоῦτο ὄλον ἐγένετο διὰ τὰ μὴ θελήσει ὁ κράτης τὰ δώσει τὸν υἱὸν αὐτοῦ διὰ βασιλέα αὐτῶν, καθὼς, προὔπεσχέτο. Δέγοντες, ὅτι ἢ τὰ δώσει τὸν υἱὸν αὐτοῦ διὰ βασιλέα αὐτῶν, ἢ τὰ ἀφήσῃ τὴν κατακεκαυμένην Μοσχοβίαν κ. τ. λ.).

А. Дмитриевскій.

СЛОВО

въ пятюнь четвертой недѣли Великаго Поста при воспоминаніи страстей Христовыхъ ¹⁾).

*И егда приидоша на мѣсто, нарицаемое лобное, ту распяша Его...
Иисусъ же глаголаше: Отче, отпусти имъ (Лук. XXIII, 33—34).*

Евангельское повѣствованіе о страданіяхъ Христовыхъ представляетъ нашему взору, братіе, печальное и ужасающее зрѣлище человѣческой злобы и порока... За то такую отрадой исполняется душа наша, когда слышимъ мы евангельскія слова: *Иисусъ же глаголаше: Отче, отпусти имъ!* Какой дивный и умилительный образъ всепрощающей любви,—образъ долготерпѣнія и кротости среди оскорбленій и неправдъ возпіваетъ предъ нами при этихъ словахъ!..

Никто не претерпѣлъ столько отъ злобы человѣческой, какъ Господь нашъ Иисусъ Христосъ. Отъ Виелеема до Голгофы, въ теченіе всей своей земной жизни Онъ страдалъ отъ человѣческой неправды. Ослѣпленный своими вождями слѣпыми, жестоковѣрный народъ іудейскій не только отвергъ то ученіе, для возвѣщенія котораго Сынъ Человѣческій со-

---

¹⁾ Произнесено въ церкви Кіево-Братскаго монастыря 1899 г. 26 марта.

шелъ съ неба на землю, но оклеветалъ, *вмѣнилъ со беззаконными* величайшаго Праведника; какъ преступника, предаль Его на позорную смерть... И вотъ, оставленный всѣми, пріавшій заплеванія и заушенія, увѣнчанный вѣнцомъ отъ тернія, пригвожденный ко кресту, Сынъ Человѣческой подвергается новымъ насмѣшкамъ, новымъ не заслуженнымъ оскорбленіямъ, не сдерживаемымъ даже видомъ льющейся крови. Какую невообразимую тяжестью должны были ложиться эти оскорбленія на безгрѣшную душу Богочеловѣка! Какія *больши смертныя и муки адовы* должна была переживать эта душа!.. И однакоже, не вопли проклятія, не обличенія и жалобы мы слышимъ со Креста, а слова любви и всепрощенія, возносящую отъ чистаго сердца молитву за оскорбителей: *Отче, отпусти имъ!*

Братіе! По слову апостола, Христось *пострада по насъ, намъ оставль образъ* (1 Пет. II, 21). Въ своей молитвѣ о распинателяхъ Онъ оставилъ образъ для нашихъ отношеній къ тѣмъ, отъ кого испытываемъ мы оскорбленія и обиды.

Но этотъ образъ всепрощающей любви, долготерпѣнія и кротости Господь явилъ намъ не одной крестной молитвой за враговъ своихъ, а и всей своей земною жизнью, всѣмъ совершеннымъ Имъ подвигомъ искупленія. Сынъ Человѣческой для того и въ міръ пришелъ, чтобы основать на землѣ царство всепрощенія, любви и благодати. Онъ для того принесъ Себя и въ жертву, для того пролилъ и кровь неповинную, чтобы примирить людей съ ихъ небеснымъ Отцомъ и пріобрѣсти для нихъ прощеніе и забвеніе ихъ неправдъ. Отсюда законъ всепрощающей любви сталъ основнымъ закономъ, который долженъ дѣйствовать въ Церкви Божіей, среди послѣдователей Христовыхъ. Древній до-христіанскій міръ не вѣдалъ этого закона. Даже избранному народу, руководившемуся свѣтомъ откровенія, предоставлено было требовать *душу за душу, око за око, зубъ за зубъ... язву за язву, бредъ за бредъ* (Исх. XXI, 23). Благовѣстіе евангельское не упразд-

няетъ закона правды и возмездія. Оно заповѣдуетъ намъ воздавать всѣмъ должное. Оно предоставляетъ каждому ограждать себя, свое имущество и свою честь отъ зла, какое можетъ быть причинено ближнимъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда обида, наносимая одному, падаетъ на многихъ, служить соблазномъ для другихъ, а также источникомъ зла и для самого оскорбителя,—огражденіе отъ обиды законными средствами для насъ даже обязательно.. Но тѣмъ не менѣе, благовѣстіе евангельское надъ закономъ правды возвышаетъ законъ милости и прежде возмездія за оскорбленіе внушаетъ помнить о прощеніи. Ученику Христову дается повелѣніе—добромъ побѣждать зло, и, воздавая должное, не допускать въ свое сердце мстительныхъ и зложелательныхъ чувствъ, всѣми силами охранять взаимный миръ. Любовь всепрощающая, *не мщущая своихъ си*, есть высшая обязанность христіанина и высшая добродѣтель, уподобляющая Богу. *Любите враги ваша, добро творите ненавидящимъ васъ, молитесь за творящихъ вамъ напасть и злоящихъ вы, да будете подобни Отцу вашему, Иже есть на небесахъ* (Лук. VI, 27—28),—вотъ заповѣдь, которую намъ далъ Господь. И въ благовѣстіи евангельскомъ закону всепрощающей любви придается столь большое значеніе, что исполненіе его поставляется необходимымъ условіемъ нашего спасенія. Кто не находитъ въ себѣ силъ, чтобы простить грѣха ближнему, тотъ и самъ не можетъ получить прощенія грѣховъ отъ Бога. *Аще отпущаете челоуѣкомъ согрѣшенія ихъ, отпуститъ и вамъ Отецъ вашъ небесный; аще не отпущаете, ни Отецъ вашъ отпуститъ вамъ согрѣшеній вашихъ* (Мѣ. VI, 14). Даже самая молитва въ Богу о прощеніи грѣховъ можетъ быть возносима только тѣмъ, кто прощаетъ грѣхи ближняго. Только тотъ можетъ просить: *и остави намъ долги наша, кто съ чистымъ сердцемъ можетъ сказать: якоже и мы оставляемъ должникомъ нашимъ*. Поэтому св. апостолъ не только заповѣдуетъ намъ не побѣждаться зломъ, (Рим. XII, 21) не провикаться глубокимъ чув-

ствомъ злости противъ брата огорчившаго, но и повелѣваетъ: *солнце да не зайдетъ во инъю вашемъ* (Еф. IV, 26). *Бывайте другъ ко другу блази, милосерди, прощающе другъ ко другу, якоже и Богъ во Христѣ прости насъ* (Еф. IV, 21—22). Имѣя въ виду указанное значеніе заповѣди о прощеніи обидъ, и св. отецъ церкви Іоаннъ Златоустъ со дерзновеніемъ говоритъ: „вотъ напередъ объявляю и громкимъ голосомъ взываю: никто изъ имѣющихъ врага да не приступаетъ къ священной трапезѣ и не принимаетъ Тѣла Господня; никто приступающій да не имѣетъ врага! Имѣешь врага? не приступай. Хочешь приступить? помирись и тогда прикоснись къ святѣнѣ“ (18 бес. посл. низвер. стат.).

И эта готовность прощать ближнему и мириться со врагомъ должна исходить отъ чистаго сердца, и источники ея никогда не должны въ насъ всякнуть. По заповѣди евангельской, не *семь* только *кратъ* должны мы прощать согрѣшившему брату, но *седьдесятъ кратъ седмерицею* (Мѣ. XVIII, 21).

Вотъ, братіе, тотъ образъ отношеній къ оскорбленіямъ и обидамъ, который оставилъ намъ Господь Іисусъ Христосъ и въ своей крестной молитвѣ за враговъ, и во всемъ своемъ ученіи.

Огорченія отъ ближнихъ въ жизни, конечно, приходится испытывать намъ всѣмъ. Эти огорченія многочисленны и разнообразны. Длинный рядъ ихъ начинается суровымъ взглядомъ, жесткимъ или насмѣшливымъ словомъ, мимолетной вспышкой гнѣва и простирается до глубокой сознательной ненависти, подстерегающей каждый шагъ, не щадящей ни имущества, ни добраго имени, ни даже самой жизни ближняго. Какое же преобладающее у насъ настроеніе въ отношеніи къ этимъ многообразнымъ огорченіямъ?

Безъ сомнѣнія, въ наше время не много можно найти такихъ людей, которые склонны оскорбленія и обиды переносить съ долготерпѣніемъ и прощать съ христіанскою любовью. Почти ежедневно намъ приходится быть свидѣтелями

и отовсюду слышать о томъ, какъ по самому ничтожному поводу, изъ-за одного только слова—здѣсь возникаетъ продолжительная вражда, въ другомъ мѣстѣ—проливается даже человѣческая кровь. И изъ насъ, стоящихъ здѣсь, у кого не осквернено сердце злобой противъ брата огорчившаго? Кто можетъ сказать вмѣстѣ съ псалмопѣвцемъ: *ищуции злая мнѣ глаголаху суетная и льстивнымъ весь день поучахуся. Азъ же, яко глухъ, не слышахъ, и, яко немъ, не отверзаяи устъ своихъ; и быхъ, яко человекъ не слышай и не имый во устехъ своихъ обличенія...* Яко азъ на раны готовъ, и болянь моя предо мною есть выну (Псал. XXXVII, 13—18).. И не только забыть въ наши дни образъ, оставленный намъ Христомъ, но и распространяются возврѣнія, прямо этому образу противоположныя. Нынѣ христіанское всепрощеніе многіе считаютъ не добродѣтелью, а только признакомъ малодушія, недостаткомъ сознанія своего достоинства. Нынѣ тому, кто желаетъ быть человѣкомъ своего времени, вмѣняютъ въ долгъ на оскорбленіе отвѣчать оскорбленіемъ и всегда быть готовымъ отмстить обиду, хотя бы для этого понадобилось пролить человѣческую кровь, отнять человѣческую жизнь... И отсюда въ жизни нашей *всяка горестъ, и гнѣвъ, и яростъ, и кличъ, и хула* (Еф. IV, 31) и *непщеванія лукава*,—и далеко отъ насъ тотъ миръ, который оставленъ намъ Спасителемъ нашимъ.

Въ виду такого настроенія нашего, и полезно намъ, братіе, запечатлѣть въ душѣ своей образъ Господа Распятаго, смиреннаго и кроткаго, возносящаго молитву за враговъ своихъ; благовременно припомнить, что долготерпѣніе и кротость, прощеніе обидъ высшая христіанская добродѣтель и необходимое условіе спасенія.

Когда мы желаемъ, братіе, оправдать недостатки въ насъ названныхъ добродѣтелей христіанскихъ, то съ особенной охотой мы выставляемъ на видъ тяжесть оскорбленій и трудность заповѣди о прощеніи. Однакоже нужно сказать, что въ большинствѣ случаевъ это оправданіе бываетъ неспра-

ведливо. Дѣйствительная причина нашихъ злобныхъ чувствъ противъ брата огорчившаго чаще всего лежитъ не въ тяжести оскорбленія, не въ трудности прощенія обидъ, а въ томъ ложномъ и преувеличенномъ сознаніи своего достоинства, которымъ съ равныхъ лѣтъ провиняются вышній чловѣкъ, въ его мелочномъ и пустомъ самолюбіи. Чѣмъ только не оскорбляется вышній чловѣкъ!.. И для самолюбія его всякая обида, даже самая ничтожная и иногда невольная, представляется тяжелой и достойной памятованія въ теченіе цѣлой жизни... Значить, не на трудность прощенія обидъ прежде всего должны мы сѣтовать, а на свою гордость, на свое тщеславіе, на свою излишнюю чувствительность къ обидамъ.

Но, тѣмъ не менѣе, бываютъ, безъ сомнѣнія, обиды, при которыхъ, дѣйствительно, приходится душѣ выдерживать трудную борьбу, и сердцу слишкомъ тяжело хранить незлобіе. Легко стерпѣть мимолетную вспышку гнѣва, который такъ же быстро потухаетъ, какъ и возгорается. Но какъ, скажетъ кто-нибудь, остаться незлобнымъ, когда источникъ оскорбленія лежитъ въ глубоко затаенной враждѣ, въ сознательной и спокойной ненависти, часто, при томъ, прикрывающейся видомъ справедливости и лицемѣрной ревностью объ общемъ благѣ? Поистинѣ, тяжело. Но потому-то и высока добродѣтель всепрощенія; потому и сіяющіе ею уподобляются Самому Богу. *Аще любите любящихъ васъ, кую мзду имате; не и мытари ли тожде творятъ; и аще цѣлуете други ваша токмо, что лишше творите; не и язычници ли такожде творятъ* (Мѡ. V, 46—47). Съ другой стороны, ссылаясь на трудность прощенія обидъ, должно помнить, что Спаситель нашъ не зачѣдалъ намъ ничего такого, что превышало бы наши силы,—и для того, кто всею душою преданъ Господу, *яко Его всегда благо и бремя леико. „Что легче“,—спрашиваетъ св. Іоаннъ Златоустъ, собственнымъ опытомъ извѣдавшій всю горечь обиды,—„что легче, скажи мнѣ, какъ перестать гнѣваться на*

оскорбившаго? Развѣ нужно пускаться въ дальній путь, тратить деньги, упрашивать другихъ? Довольно только захотѣть, и дѣло окончено“ (18-я бес. посл. низв. стат.). И вмѣстѣ съ этимъ, тому, кто устращается трудностью заповѣди о прощеніи, св. отецъ даетъ такой совѣтъ: „когда, подвергаясь какому-нибудь тяжкому и невыносимому оскорбленію, ты станешь приходить въ ярость и гнѣвъ, то вспомни кротость Христову, и тотчасъ сдѣлаешься тихимъ и кроткимъ, и не только самъ получишь величайшую пользу отъ кротости, но доставишь пользу и врагу, и его научишь быть добрымъ“ (Бес. о крот.). Вспомнимъ, въ самомъ дѣлѣ, что своею кротостью и своимъ долготерпѣніемъ Господь нашъ сокрушилъ силу ада, побѣдилъ жестокосердіе миллионовъ людей и привлекъ ихъ къ подножію креста. Заповѣдуя кротость и всепрощеніе ученикамъ Своимъ, Господь этимъ самымъ избираетъ ихъ продолжателями своего дѣла и чрезъ нихъ хочетъ распространить побѣду добра надъ зломъ во всѣхъ людяхъ... Припомнимъ, далѣе, что, попуская терпѣть разнаго рода искушенія, Богъ Самъ охраняетъ насъ, чтобы мѣра скорбей не превышала мѣры силъ нашихъ и чтобы *не искуситися* намъ *паче, еже возможи намъ понести* (1 Кор. X, 13). Припомнимъ, — и въ сознаніи великаго значенія кротости, въ надеждѣ на всемогущую десницу Божію, найдемъ мы и побужденіе, и подкрѣпленіе въ исполненіи заповѣди Христовой о прощеніи обидѣ.

Кромѣ того, братіе, оскорбленія и обиды, какъ и всѣ скорби, есть средство, которымъ Господь хочетъ очистить душу нашу и приготовить насъ къ дню страшнаго суда. По слову апостола, *Господь наказуетъ, еюже бо любитъ, биетъ же всякаго сына, еюже приѣмлетъ* (Евр. XII, 5—8). Отъ кого-бы ни приходили къ намъ скорби, какъ-бы ни были тяжки обиды, мы должны принимать ихъ съ полною преданностью Волѣ Божіей, съ увѣренностью, что въ нихъ залогъ любви и милости Божіей къ намъ, чрезъ нихъ разрѣшаются наши грѣ-

хи. Кто терпитъ обиды и оскорбленія, тотъ приобщается страданіямъ Самого Господа, а чрезъ это получаетъ надежду и на участіе въ Его прославленіи. Поэтому и св. апостолъ увѣщаетъ насъ такъ: возлюбленные! огненнаго искушенія, для испытанія вамъ посылаемаго, не чуждайтесь, какъ приключенія для васъ страннаго. Но какъ вы участвуете въ Христовыхъ страданіяхъ, радуйтесь, да и въ явленіе славы Его возрадуетесь и восторжествуете (1 Пет. IV, 12)!

Сыны вѣка сего, конечно, скажутъ намъ, что прощеніе обидъ есть только слабость духа, не сознающаго свое достоинство; что имъ нарушается то чувство справедливости, которое вложено въ насъ Самимъ Богомъ и которое требуетъ воздавать всѣмъ должное. Но если бы высшая добродѣтель христіанская была только слабостью духа, то какъ часто примѣры ея встрѣчались бы въ нашъ вѣкъ, когда отовсюду слышатся жалобы на оскудѣніе великихъ душъ, на измелъчаніе людей. И однакоже, какъ рѣдки эти примѣры! Очевидно, не слабость, а великая сила духа заключена въ любви всепрощающей. И какъ заблуждаемся мы, если думаемъ, что требованіями этой любви нарушается чувство правды, повелѣвающее воздавать всѣмъ должное! Мы забываемъ, что и кромѣ насъ есть Судія нелицепріятный, испытующій сердца и утробы. *Обидѣи восприметъ, еже обидѣ* (1 Сол. III, 20). *Богъ не имать-ли сотворити отмщеніе избранныхъ своимъ* (Лук. XVII, 7)? *Мнѣ отмщеніе, глаголетъ Господь, Азъ воздамъ* (Рим. XIX, 19). Ему и должны мы предоставить воздаяніе за всѣ оказываемыя намъ несправедливости и, уповая на Божественное правосудіе, хранить незлобіе.

И чего достигаемъ мы, гнѣваясь на брата огорчившаго и отвѣчая оскорбленіемъ на оскорбленіе? Злобнымъ чувствомъ жесткимъ словомъ и грубымъ дѣяніемъ мы не уничтожаемъ нанесенной раны, а только причиняемъ душѣ своей новую язву. Ни въ очахъ Божіихъ, ни въ мнѣніи людей благоразумныхъ наше истинное достоинство не уменьшается отъ не-

справедливо нанесеннаго оскорбленія и не возвышается отъ того, что за обиду заплачено обидой. Ничѣмъ такъ не изглаживается несправедливая обида, ничѣмъ такъ не охраняется истинная честь человѣческая, какъ великодушнымъ прощениемъ оскорбителя, какъ добромъ, противопоставляемымъ злу.

Будемъ же, братіе, памятовать завѣты Господа нашего Іисуса Христа и запечатлѣемъ въ себѣ образъ, оставленный Имъ намъ. Приидите и научимся отъ Него кротости и любви всепрощающей. Только тогда мы обрящемъ покой душамъ нашимъ, и миръ, принесенный Господомъ съ неба на землю, водворится и въ жизни нашей, и въ нашихъ сердцахъ!

Вл. Рыбинскій.

ИСТОРИЯ ДѢТСКОЙ ДУШИ.

Повѣсть не для дѣтей. Переводъ Е. А. Изданіе К. П. Пობдоносиева второе. Москва. 1898.

Предъ нами книга весьма интересная, заслуживающая вниманія. Вотъ въ двухъ словахъ содержаніе ея.

Богатая аристократическая англійская семья — отецъ, мать и сынъ. Глава семьи — человѣкъ холоднаго практическаго разсудка, не согрѣваемаго ни одною искрою вѣры и любви. Въ душѣ его давно вытравлены самые корни святого чувства христіанской вѣры, а вмѣстѣ съ ними и все доброе, мягкое, человѣчное. Съ утратою этой основы жизни, тамъ водворились крайній чрезмѣрный эгоизмъ да жесткія требованія своеобразно понимаемаго долга, среди которыхъ видное мѣсто принадлежитъ аристократическимъ традиціямъ, хорошему тону, приличіямъ „высшаго свѣта“. Это деспотъ семьи, сковавшій своими холодными эгоистическими предписаніями всѣ самые законные жизненные запросы своей жены, отнявшій у нея ребенка и доведшій ее, наконецъ, до рѣшимости бѣжать изъ дому. И вотъ, въ полномъ распоряженіи такого человѣка чудное существо — мальчикъ Ліонель, богато одаренный отъ природы, съ умомъ быстрымъ и глубокимъ, съ сердцемъ мягкимъ, отзывчивымъ, съ волею гибкою, удобопреклонною: „способный, вдумчивый, послушный“ (206), какъ характеризуетъ его воспитатель, черствый ученый, никогда всю свою жизнь никого не любившій, а здѣсь невольно, къ

собственному удивленію даже, горячо привязавшись къ этому чудному мальчику.

„Въ угоду личному своему честолюбію“, отецъ задумалъ выработать изъ своего сына „нѣчто необыкновенное по развитію ума и обширности познаній“ (227). И дѣйствительно, мы видимъ нѣчто поразительное: въ 11 лѣтъ Ліонель напишквалъ уже такую массу всевозможныхъ свѣдѣній—изъ области филологіи, исторіи, естествознанія, литературы, даже философіи, что невольно ставитъ втупикъ самыхъ великихъ мастеровъ по части такого обученія. Тотъ же ученый воспитатель его, старикъ профессоръ Горъ, приступившій къ своему дѣлу съ крайнимъ предубѣжденіемъ относительно способностей и прилежанія мальчика, „былъ пораженъ умомъ, развитіемъ, тонкимъ пониманіемъ своего ученика. Оказывалось, что этотъ ребенокъ теперь зналъ больше, нежели онъ въ свое время зналъ, когда ему было 20 лѣтъ“ (102). И что же? Мальчикъ этотъ все же кажется ему „страннымъ, очень страннымъ“ (206). Онъ ищетъ разрѣшенія такихъ вопросовъ, рѣшить которые ни одинъ человѣческій умъ собственными силами не можетъ: откуда все произошло, гдѣ первая причина бытія, и какая цѣль человѣческой жизни, въ чемъ назначеніе человѣка на землѣ? Эти вопросы не даютъ покоя его не по дѣтски развитой душѣ, между тѣмъ удовлетворительнаго рѣшенія ихъ онъ не можетъ найти въ тѣхъ теоріяхъ, съ какими познакомили его ученые воспитатели. Знакомство же это шло въ такомъ направленіи.

Отецъ Ліонеля зорко слѣдитъ за тѣмъ, чтобы при воспитаніи его сына какъ нибудь не заронили въ его душу сѣмя вѣры въ Бога. Одного изъ воспитателей, даровитаго, истиннаго педагога, онъ удаляетъ изъ дома именно за то, что тотъ „суевѣрно вѣритъ въ мнѡ (1) христіанства, вѣритъ въ какого то легендарнаго Бога, Создателя вселенной и, наконецъ, вѣритъ и въ безсмертіе души“. „Конечно, это слишкомъ нелѣпно, чтобы даже вызвать негодованіе,—съ презрѣніемъ го-

ворить онъ,—но въ дѣлѣ воспитанія ребенка нельзя не быть слишкомъ осторожнымъ“ (21). И вотъ, эта осторожность заставляетъ его строго слѣдить за убѣжденіями тѣхъ, кому онъ поручаетъ развитіе своего сына, и выбирать для этого людей подобныхъ м-ру Скиту. Объ этомъ „замѣчательно образованномъ“ педагогѣ самъ мальчикъ такъ говоритъ профессору Гору: „онъ былъ, какъ онъ говорилъ, *позитивистъ*, и вотъ онъ то много мнѣ рассказывалъ *про атомъ*; онъ мнѣ даже показалъ увеличенный снимокъ съ атома, виднаго чрезъ микроскопъ: смѣшная какая то длинная штучка, похожая на человѣческое ребро, какъ представлено оно въ моемъ учебникѣ анатоміи, и онъ мнѣ объяснял, что *случайное соединеніе такихъ атомовъ создаетъ міры*... Ужасно все это меня изумляло, и я не могъ себѣ представить, какъ такая штучка, какъ первый атомъ, могла до чего нибудь сама додуматься, создать міры и населить ихъ людьми, настолько больше ея самой“ (108)...

Что удивительнаго, если послѣ такихъ воспитателей Ліонель сталъ мальчикомъ „страннымъ“, томившимся неотвязными мучительными вопросами объ этомъ „атомѣ“. „Гдѣ атомъ?“ спрашиваетъ онъ и профессора Гора, и когда тотъ называетъ вопросъ этотъ глупостью, съ рѣшительностію оставляетъ глубокую жизненную важность его. „Нѣтъ, это не глупость, твердо заявляетъ онъ; это не можетъ быть глупостью, потому что въ этомъ *причина всею, что есть*. Вы и я, мы вѣдь живые и мы живемъ на землѣ; цѣлые милліоны такихъ же живыхъ существъ, какъ мы, также живутъ на ней. Но книги утверждаютъ, что наша земля крошечная планета, самая ничтожная изъ всѣхъ планетъ, что есть милліоны другихъ планетъ больше ея. Посмотрите на наше солнце! Безъ него мы бы жить не могли, но мы знаемъ, что оно не одно, что есть милліоны солнечныхъ системъ, отдѣльных міровъ. Если все это не что иное, какъ атомы, и произошло изъ атома,—гдѣ же онъ?—этотъ удивительный

крохотный первый атомъ, который, не подозревая, что дѣлаетъ, безъ всякаго посторонняго указанія, не имѣя ни собственнаго разума, ни собственнаго сужденія, произвелъ такое чудное твореніе? Если вы сумѣете объяснить, гдѣ онъ,—не объясните ли мнѣ также, откуда онъ“ (107)?

Такіе вопросы смущаютъ ученаго профессора, и онъ заявляетъ, что *есть* первая причина, но „гдѣ она и откуда она—это непроницаемая тайна“ (109). Но удивительный ребенокъ не можетъ удовлетвориться такимъ отвѣтомъ. Онъ указываетъ на *безотрадностъ и безцѣльностъ* жизни человѣка, обреченнаго на такое невѣдѣніе. „Знаете, не очень то жить хочется, когда чувствуешь себя самою ничтожною частицею твореній атома, который не зналъ самъ, что дѣлаетъ, когда творилъ... На сколько было бы отраднѣе чувствовать, что это личность, которая знаетъ, что дѣлаетъ и чего хочетъ“... Чѣмъ больше думаю, тѣмъ больше чувствую, что только личность совершенная могла создать цвѣты, чудное небо, музыку и все..., которая знаетъ, что дѣлаетъ, и насъ знаетъ, которая насъ жалѣетъ и намъ помогать хочетъ, потому что любитъ все, что создано ею“ (110—111)...

Такъ своею чистою дѣтскою душею этотъ прекрасный мальчикъ невольно, инстинктивно стремится къ Тому всемогущему, всевѣдущему Богу, Которому въ своемъ дѣтствѣ молился и этотъ старый ученый, но противъ Котораго онъ давно уже повсталъ, увлеченный своею „положительною“ наукою. Теперь эти наивныя и вѣсты съ тѣмъ глубоко вѣрныя разсужденія дитяти способны возбудить въ немъ лишь злобу. „Наукой дознано, кричитъ онъ, что всѣ религіи сказка и обманъ, только люди невѣжественные могутъ придумать себѣ Бога;—мы знаемъ лучше. Намъ извѣстно, что все твореніе построено случайнымъ соединеніемъ атомовъ; но откуда они,—умъ человѣческой познать не можетъ. Мы не знаемъ, почему и для чего мы живемъ“.

Не трудно понять, какое потрясающее впечатлѣніе

должно было произвестъ на Лионели это категорическое заявленіе профессора, являвшагося для мальчика челоѣкомъ учевѣйшимъ, какъ бы воплощеніемъ всей науки, отъ котораго повтому онъ ждалъ послѣдняго слова. „Если такъ, то *жить не стоитъ*“, говорить онъ слабымъ голосомъ. *Зачѣмъ же люди рождаются, если жить не для чего, — если нѣтъ смысла ни въ чемъ и нѣтъ цѣли въ будущемъ; зачѣмъ мучиться и трудиться? Какъ это жестоко!*...

Такія тяжелыя безотрадныя мысли и чувства зарождаются въ этой искалѣченной душѣ. Она такъ жаждала живой вѣры въ Бога, она такъ искала ея, молила о ней! Но жестокая рука мудрецовъ вѣка сего безжалостно вырвала у нея это сокровище, въ замѣну его не давъ ничего. На мѣсто вѣры она думала поставить разумъ. Но трудно ли пошатнуть его мнимое могущество! Страсть легко побѣждаетъ его, увлекая въ бездну грѣха, отчаянія и смерти. А горе? Тяжелымъ гнетомъ ложится оно на душу, доводитъ до изступленія, до потери всякаго сознанія, и отъ силы разума не остается тогда и слѣда... И бѣдному мальчику, съ его необыкновенно чуткою душою, пришлось стать лицомъ къ лицу съ такими тяжелыми жизненными уроками, которые потрясли все существо его и перенести которые онъ оказался не въ силахъ.

Уже такія случайныя обстоятельства, какъ встрѣча съ безобразнымъ страшнымъ калѣкой-нищимъ и самоубійство одного неизвѣстнаго туриста, тяжело дѣйствуютъ на него, съ беспощадною неумолимостію подчеркивая его мысли о безцѣльности челоѣческой жизни, о жестокости самаго созданія на свѣтъ челоѣка, обреченнаго лишь на трудъ, болѣзнь, страданіе и смерть (134). Разлука съ матерью, покинувшюю его и мужа, и особенно смерть маленькой дѣвочки Жесмины, къ которой онъ привязался всѣмъ любящимъ сердцемъ своимъ, dokonчили процессъ разрушенія въ атой душѣ. Желаніе знать истину: атомъ или Богъ? Христосъ мнѣ ли

или „То, что такъ чудно возвѣщаетъ Евангеліе“ (202)?— овладѣваетъ всѣмъ существомъ его. И вотъ, это дитя, „измученное страшною тайною жизни, безстрашно вступаетъ на путь, который, согласно его чаянію, долженъ былъ привести его къ Тому Богу, Котораго жаждала душа его, но Котораго людская гордыня и людская злоба сжалились у него отнять“, на страшный путь самоубійства....

Такова исторія этой дѣтской души. Мы взяли изъ нея лишь нѣсколько моментовъ, но и они ярко очерчиваютъ прекрасную высокую идею этой повѣсти. Она написана, дѣйствительно, не для дѣтей, а для родителей и всѣхъ воспитателей вообще, съ цѣлью показать, какое страшное преступленіе совершаютъ они, поднимая руку противъ того, что одно только и можетъ дать жизненную опору ихъ питомцамъ, противъ вѣры въ Бога, замѣнить которую въ дѣлѣ воспитанія никакіе „капхизисы свободнаго мышленія“ не могутъ.

Полезно разобрать и подробно изложить какую нибудь важную мысль въ формѣ ученаго трактата, обставивъ свои положенія всѣми доводами убѣдительной аргументаціи. Но въ такой формѣ мысль эта становится доступною сравнительно небольшому кругу читателей, только людямъ, стоящимъ на соотвѣтствующей высотѣ научнаго развитія. Та же мысль, изложенная въ формѣ публичной популярной рѣчи, годной для чтенія въ любой аудиторіи, независимо отъ состава послѣдней, можетъ рассчитывать уже на большее распространеніе. Въ частности, громадное значеніе должна бы имѣть иная цѣлесообразно составленная проповѣдь съ церковной каеедры. Но всѣ ли относятся къ церковной проповѣди съ тѣмъ глубокимъ серьезнымъ вниманіемъ, какое она должна бы вызывать? Къ сожалѣнію, нельзя не сознаться, что проповѣдь наша не можетъ на это рассчитывать—по многимъ причинамъ, заключающимся и въ ней самой и вѣдъ ея... И вотъ, есть еще способъ изложенія и распространенія идей, который и избрала талантливая англійская писательница Ма-

рія Корелли. Свою высшую идею она облачаетъ въ живую художественную форму повѣсти, разсказа. Здѣсь нѣтъ теоретическихъ доказательствъ, доводовъ въ защиту проповѣдуемыхъ ею положеній; предъ вами живо, ярко, съ захватывающимъ интересомъ постепенно разворачивается картина душевной жизни ребенка, поставленнаго въ извѣстную обстановку. Не смотря на нѣкоторые недочеты въ психологическомъ отношеніи (слишкомъ ужъ глубоко развитіе для мальчика 11 лѣтъ), вы переживаете вмѣстѣ съ этимъ ребенкомъ всѣ его душевныя движенія, живете его радостями и печалью и, въ концѣ концовъ, вамъ неизмѣримо-глубоко жаль этого столь прекраснаго созданія Божія, такъ безвременно и страшно окончившаго жизнь *по вину своихъ воспитателей*. А въ этомъ и заключается задача автора: цѣль его достигнута блестящимъ образомъ. Итакъ, такой способъ доказательства и популяризаціи извѣстныхъ положеній нельзя не признать весьма цѣлесообразнымъ.

Отъ души пожелаемъ, чтобы онъ привился и у насъ въ Россіи, а пока пусть эта прекрасная книжка, изданная изящно и недорого, найдетъ у насъ то вниманіе и широкое распространеніе, какихъ она вполне заслуживаетъ.

М.

ПОДЛОГЪ.

(Библиографическая замѣтка).

Въ Римѣ, на *Via delle botteghe oscure*, проживаетъ нѣкто Іуліанъ Константиновъ сынъ Астромовъ. Сей семидесяти четырехлѣтій мужъ уроженецъ города Кіева. Родители его *православные*. Статья о его рожденіи и крещеніи записана въ метрической книгѣ того прихода города Кіева, въ которомъ я настоятельствовалъ съ 1864 г. (Метрическую справку о рожденіи и крещеніи І. Астромова я уже приводилъ въ моихъ путевыхъ замѣткахъ о Римѣ, „Церк. Вѣдом.“, 1897 г. № 46-й). Въ 1845 г. Астромовъ окончилъ С.-Петербургскій университетъ. На 20-мъ году своей неспокойной жизни поименованный Астромовъ эмигрировалъ за-границу, отступилъ въ чужихъ краяхъ отъ православной вѣры, принялъ католичество и въ довершеніе всѣхъ своихъ измѣнъ вступилъ въ орденъ іезуитовъ. Принявъ по католическому обряду монашество и священническій чинъ, онъ отдалъ себя на дѣло воспитанія юношества... Изъ сихъ краткихъ словъ видно, что за личность сей Іуліанъ Астромовъ... Говорятъ, что въ эти послѣдніе годы онъ уже вышелъ изъ конгрегаціи іезуитскаго ордена. Такъ-ли это?! Но одно несомнѣнно, что въ душѣ онъ остался загадочнымъ человѣкомъ. Это видно изъ тѣхъ *подлоговъ*, которые творить сей Астромовъ въ своихъ книжныхъ трудахъ.

Еще въ Римѣ я узналъ о томъ, что новый Іуліанъ отступникъ усердно занимается богословскими сочиненіями и пишетъ ихъ на русскомъ и французскомъ языкахъ. Но самыхъ сочиненій мнѣ не дали. А вотъ на сихъ дняхъ, совершенно случайно, попадаетъ мнѣ большой томъ сочиненій Астромова. Книга носитъ буквально такое заглавіе: „Христіанскій катихизисъ *православной* католической церкви“. Римъ. 1890 г. Типографія П. Станкевича *въ Берлинѣ*. Авторъ Іуліанъ Астромовъ, „католическій русскій священникъ“. Стоило лишь взять эту книгу въ руки, чтобы сразу замѣтить въ ней рядъ двусмысленныхъ подлоговъ и поддѣлокъ. Въ Римѣ я видѣлъ Астромова въ одеждѣ католическаго ксендза, совершавшаго католическую мессу. А подъ своей книгой онъ подписался: „католическій *русскій священникъ*“. Для какой это надобности?!... На книгѣ напечатано: *Римъ*. А напечатана она въ Берлинѣ, въ какой-то польской типографіи Станкевича. И это только заглавный листъ, я уже столько подлоговъ! Конечно, подлоговъ не безцѣльныхъ...

На первой страницѣ книги дано мѣсто „предувѣдомленію“. Вотъ это хитроумное предувѣдомленіе. „Христіанскій катихизисъ *православной* католической церкви, предлагаемый мною здѣсь моимъ милымъ соотечественникамъ, не будетъ для нихъ вполнѣ новостію: онъ заключаетъ въ себѣ ученіе имъ отчасти знакомое. Переносъ это ученіе на бумагу, я имѣлъ постоянно предъ глазами шестьдесятъ третье изданіе извѣстнаго въ Россіи „Пространнаго христіанскаго катихизиса“, (это онъ святоотчественно указываетъ на катихизисъ митрополита Филарета). Предувѣдомленіе заключается такимъ заявленіемъ: „обстоятельства заставили меня отложить по сію пору печатаніе моего труда, ожидающаго уже нѣсколько лѣтъ благоприятнаго времени, дабы появиться предъ людьми. Да послужить-же трудъ этотъ на славу Господа нашего Іисуса Христа, (конечно въ смыслѣ извѣстнаго іезуитскаго термина *ad gloriam Dei*), и на пользу какъ всѣхъ достойныхъ душъ

вообще, такъ и въ особенности *нашей* любезной и дорогой *Россіи*". Какое право имѣеть авторъ называть Россію— „нашей любезной и дорогой Россіей“, когда онъ бѣжалъ изъ отечества, какъ измѣнникъ вѣрѣ, царю и отечеству?!—И здѣсь подлогъ.

Такимъ образомъ изъ „предувѣдомленія“ какъ-бы усматривается, что книга Астромова „Христіанскій катихизисъ православной католической церкви“ есть только передѣлка въ Римѣ „Пространнаго христіанскаго катихизиса Православной Католической Восточной церкви“ святителя Филарета, изданнаго въ Россіи. Начало обѣихъ книгъ, порядокъ катихизическихъ вопросовъ въ обѣихъ книгахъ, раздѣленіе ихъ на: введеніе, предварительныя понятія, объ откровеніи Божественномъ, о Св. преданіи и Св. писаніи, о вѣрѣ, надеждѣ и о любви, т. е. раздѣленіе обѣихъ книгъ на *три* части, дѣйствительно, тождественно какъ у святителя Филарета, такъ и въ книгѣ Іуліана Астромова. Но здѣсь именно и поставлена ловушка для *младенцевъ въ вѣрѣ*... Первые вопросы книги Астромова такіе: „что есть православный католическій катихизисъ? Что значить слово: *катихизисъ*? Что нужно для благоугожденія Богу и для спасенія души? Почему, во-первыхъ, нужна вѣра? Почему съ вѣрою должна быть неразлучна жизнь по вѣрѣ, или добрая дѣла?“ и т. д. и т. д. Извѣстно каждому, что въ сихъ словахъ и въ такомъ-же порядкѣ выражены и первые вопросы „Пространнаго Христіанскаго Катихизиса“ и святителя Филарета. И отвѣты въ обѣихъ книгахъ на предложенные вопросы одинаковы и тождественны. „Православный католическій катихизисъ есть, отвѣчаетъ Астромовъ, первоначальное наставленіе въ православной католической вѣрѣ христіанской, преподаваемое во имя христіанской православной католической церкви, для благоугожденія Богу и спасенія души“. „Катихизисъ, продолжаетъ Астромовъ, по переводу съ греческаго языка, значить оглашеніе, или изустное наставленіе, а по употребленію отъ временъ апостольскихъ и т. д.—Вы

готовы уже сказать: да это простая перепечатка за-границей Катихизиса митрополита Филарета! Но, нѣтъ.

Беру я въ руки Катихизисъ досточтимаго почившаго святи- теля Филарета—нашъ общій учебникъ, изъ котораго мы всѣ черпали образъ *здравыхъ словесъ*, и вижу, что въ немъ знач- ится 102 страницы. Книжица малая, но глубоко содера- тельная! Беру и книгу Астромова. Это большой томъ. Въ немъ 452 страницы. Сопоставляя поименованныя двѣ книги, начинаю слѣдить,—съ какого именно пункта послѣдній ав- торъ началъ уклоняться отъ своего образца, т. е. отъ Кати- хизиса митрополита Филарета? Уклоненія необходимо было ожидать. Вѣдь, взялся передѣлывать его человекъ отступив- шій отъ православной церкви. Въ рѣзкихъ чертахъ передѣлка началась съ 8-го члена Символа вѣры, гдѣ изложено учение о Святомъ Духѣ. Въ семъ мѣстѣ (стр. 164) уже прямо постав- ленъ вопросъ: римско-католическаго вѣроученія: „Согласно- ли ученіе объ исхожденіи Святаго Духа отъ Отца и Сына, съ ученіемъ Святыхъ Отцевъ?—И ствѣтъ поставленъ утверди- тельный. „Оно не можетъ быть съ ними несогласно, ибо оно слишкомъ явно заключено въ ученіи Церкви, равно какъ и въ Св. писаніи. Ученіе противоположное этому ученію Церкви было введено послѣдователями Несторія; и не смотря на всѣ усилія этихъ еретиковъ, чтобы найти защитниковъ ихъ или между сынами церкви, имъ пришлось притворно удоволь- ствоваться лишь нѣсколькими словами одного св. Іоанна Дамаскина, ничего не утверждавшимъ въ пользу еретиковъ, и т. д.“. Это ученіе неправославное. Здѣсь подлогъ къ кати- хизису святителя Филарета обнаружился явный и оскорби- тельный. А между тѣмъ мнимый православный „русскій свя- щенникъ“ въ концѣ своего отвѣта объ исхожденіи Святаго Духа, и отъ Сына притворно вывааетъ: „да дастъ же Богъ, чтобы несторіанское заблужденіе перестало, наконецъ, *смыкаться* въ тѣ кружки людей, кои хотя и говорятъ объ ихъ преданости св. Церкви, но несмотря на то продолжаютъ осуждать ее за

прибавленіе слова *и отъ Сына*, къ словамъ символа: отъ Отца. Таковыя осужденія тѣмъ болѣе прискорбны и т. д. (стр. 167). Это уже по адресу православныхъ чадъ церкви. Это мы всѣ названы здѣсь еретиками и несторіанами.

За симъ, переходя къ разсмотрѣнію ученія, изложеннаго Астромовымъ въ 9-мъ членѣ Символа вѣры, естественно было ожидать, что въ семь пунктѣ обнаружится вполне его отступничество отъ православной церкви. Такъ и вышло. „Ученію о главенствѣ папы Іуліанъ Астромовъ отвелъ значительную часть своей книги. Искажая ученіе 9-го члена Символа, онъ уже прямо ставитъ рядъ вопросовъ: „Какъ Петръ можетъ быть видимой главой, или видимой основой церкви, когда Петръ давно уже умеръ?“—Живы преемники Петра, отвѣчаетъ авторъ, епископы Рима. „Всѣ члены церкви суть служители церкви, какъ же Петръ можетъ быть ея глава?“—И отвѣчаетъ: „Петръ или его преемникъ есть глава видимая видимой церкви“. „Если Петръ или преемникъ его есть видимая глава церкви, то не долженъ-ли онъ быть также безошибоченъ и непогрѣшимъ какъ церковь, которая тѣмъ самымъ, что она одушевлена лишь благодатію Спасителя, ни ошибаться, ни грѣшить не можетъ?“—Въ пространномъ рѣрѣшеніи сего вопроса мнимый „каеолическій священникъ“ обнаруживаетъ себя большимъ папистомъ, чѣмъ сами римскіе-католики. Кто изъ католиковъ искренно вѣритъ теперь въ непогрѣшимость папы?! Само собою разумѣется, что у насъ нѣтъ ни малѣйшаго желанія выписывать здѣсь схоластическія мудрствованія, приводимыя Астромовымъ въ доказательство безгрѣшности папы. Ясно, что онъ, закрывъ глаза на Ватиканъ, который онъ видитъ каждый день, и на исторію папства, дерзновенно рѣшается ставить вопросы: „Какъ можетъ быть, чтобы смертный человѣкъ былъ безошибоченъ?“ (стр. 190), „Если преемникъ Петра безошибоченъ, то зачѣмъ ему созывать вселенскій соборъ“ (стр. 193), „Кто выше—вселенскій соборъ или преемникъ Петра?“ (стр. 195). Далѣе, из-

лагая свое чисто католическое учение о томъ, что папа имѣетъ власть даже надъ церковью *торжествующею*, т. е. небесною, онъ переходитъ къ учению о *чистилищѣ*. Остановимся и дальше не будемъ брать на себя трудъ выписывать такіе вопросы, что яко-бы степеней іерархіи, приготовляющихъ къ священству—6-ть, и т. д., хотя остается еще впереди добрая половина схоластики Астромова. И, сказанное вполне обнаружило и изобличило автора Римскаго катихизиса...

Итакъ, катихизисъ Астромова есть безусловно катихизисъ римско-католическій. Составитель его чуждъ православія. Онъ отступилъ отъ православной церкви. Какое-же послѣ всего этого имѣлъ право сей отступникъ назвать свою книгу: „Христіанскій катихизисъ *православной* католической церкви?“ Какое онъ имѣлъ право на первой страницѣ поименованной своей книги торжественно заявить, что онъ составляетъ ее по образцу „Пространнаго Христіанскаго Катихизиса“ митрополита Филарета—книги высокочтимой на пространствѣ всей обширной Руси? Наконецъ, какое онъ имѣлъ право подписываться подъ своей книгой „католическій русскій священникъ“?—Все это *подлогъ, подлогъ и подлогъ*.

Какая была цѣль этого подлога?—Онъ не безцѣльный. Онъ вышелъ изъ подъ рукъ знающаго іезуитскую науку... Подлогъ этотъ—тенета и западни и ловушки для тѣхъ русскихъ путешественниковъ за-границу, которые ищутъ тамъ не однихъ чужеземныхъ диковинокъ, но и отвѣтовъ на запросы вѣры. А развѣ есть и такіе путешественники?—Встрѣчаются, и по преимуществу между женскимъ поломъ... Встрѣчаются и мужчины. Я долго думалъ, какъ могъ русскій священникъ Толстой отступить отъ православія въ Римѣ?! Какъ онъ могъ служить литургію въ катакомбахъ Каллиста и поминать папу?—Оказалось, что Толстой... другъ Астромова, съ которымъ сей послѣдній ведетъ оживленную переписку. (См. статью проф. А. А. Дмитріевскаго: „Православное русское паломничество на западѣ. „Труды Киев. Д. Акад.“ за

1897 г.). Конечно, ни одного священника Толстого сбиль съ праваго пути Астромовъ и его пресловутая книга *катихизисъ православной церкви* съ обширнымъ изложеніемъ ученія о главенствѣ и непогрѣшности римскаго папы. Мы считали своимъ пастырскимъ долгомъ предостеречь русскихъ паломниковъ на Западъ отъ одного изъ тѣхъ подводныхъ камней, которыхъ за-границей не мало. *Блудите како опасно ходите...*

Нельзя не обратить вниманіе на конецъ книги Астромова. Говоря о 10-й заповѣди, онъ оканчиваетъ свою книгу сими словами: „Сокровище христіанъ—Христосъ. Если кто не любитъ Господа нашего Иисуса Христа, пусть будетъ *анаема*. 1 Коринѳ. XVI, 22“. На чью это голову изъ улицы Рима *Via delle botteche oscure* раздается сіе отлученіе?!... Известно, что іезуитамъ развязана совѣсть на всякое дѣло. („Іезуиты и ихъ отношенія къ Россіи“. Ю. Ѳ. Самарина).

Протоіерей *Кл. Ооменко*.

ОБЪЯВЛЕНИЕ.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1899 г. (VI г. изд.)
на ежемѣсячный научно - философскій и литературно-критическій журналъ

НАУЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

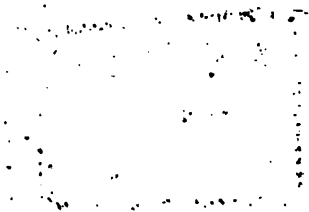
Издавiе П. П. Сойкина подъ редакціею д-ра философіи М. М. Филиппова.

Вышелъ 11 Марта № 3 (Мартъ). Содержаніе: I. Положительная философія и неизознаваемое. Проф. *Де-Греесба*. II. Психологическій анализъ понятій о сознании и матеріи. Проф. *И. Оршанскаго*. III. Нѣсколько замѣчаній о законѣ Ньютона. *Гильома*. IV. Физиологическія бесѣды. Рефлексъ. Проф. *А. Герцена*. V. Привычка и инстинктъ. Доц. *В. Вагнера*. VI. Проблема социологіи. *Георга Зиммеля*. VII. Соціальныя условія римской имперіи наканунѣ нашествія варваровъ. *Эрнста*. VIII. Вымершія чудовища. *В. Диттельштедта*. IX. Аграрный вопросъ въ Англіи. Д-ра соц. наукъ. *В. Тотоміанца*. X. Письмо *Карла Маркса М. Салтикову* по поводу статьи Н. Михайловскаго. XI. Психологія Авенариуса по неизданнымъ матеріаламъ. Д-ра философіи *М. Филиппова*. XII. Идеализація натуральнаго хозяйства. *П. Маслова*. XIII. Экономическія иллюзіи. *А. Санина*. XIV. Запѣтки о текущей литературѣ: негодныя средства. *П. М.* XV. Обзоръ журналовъ. XVI. Изъ русскихъ изданій. XVII. Научныя новости. XVIII. Библиографія. XIX. Хроника. XX. Оригинальное примиреніе двухъ теорій. *М. Филиппова*. XXI. Письмо въ редакцію. *Вл. Тюриня*. XXII. Приложенія: 1) *Викторъ Фаусекъ*. Этюды по вопросамъ биологической эволюціи. 2) *Б. Львовъ*. Соціальныя законы. 3) *Берне*. Полное собраніе сочиненій. Томъ I. Парижскія письма.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ 7 руб. (за границу 10 руб.) съ доставкою и перес. На $\frac{1}{2}$ года 4 руб., на $\frac{1}{4}$ года 2 рубля. Комплекты за 1898 годъ, цѣна 7 р. съ пер. *С.-Петербургъ, Стрѣмянная ул., собств. д. № 12. Главная Контора журнала „Научное Обозрѣніе“.*

Продолжается подписка на „Научно-энциклопедическій Словарь“. Ц. съ пер. 5 р. За журналъ „Научное Обозрѣніе“ со „Словаремъ“ 10 руб. съ пер.

Acme
Bookbinding Co., Inc.
360 South Street
Boston, Mass. 02119

3 2044 013 024 922

THE BORROWER WILL BE CHARGED AN OVERDUE FEE IF THIS BOOK IS NOT RETURNED TO THE LIBRARY ON OR BEFORE THE LAST DATE STAMPED BELOW. NON-RECEIPT OF OVERDUE NOTICES DOES NOT EXEMPT THE BORROWER FROM OVERDUE FEES.

WIDENER
BOOK DUE
NOV 27 1985
1747340

~~WIDENER
BOOK DUE
SEP 10 1993~~

~~WIDENER
SEP 1 1993
BOOK DUE~~

